

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XI

Книга 1

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕСЕДА 1 на Еф. 1:1-2. Что требуется для - святости . - Благодать - источник благодати.

БЕСЕДА 2 на Еф. 1:11-14. Почему проповедь называется благовествованием спасения. - Грех не есть дело необходимости. - Добродетель согласна с природой, а порок противоположен природе. - Клятвы не нужны. - Лихоимство бесполезно.

БЕСЕДА 3 на Еф. 1:15-20. На какую высоту Господь возвел человека. - Лишение царства небесного хуже геенны. - Как и в какое время нужно приступать к причащению тела Христовая.

БЕСЕДА 4 на Еф. 2:1-3. Опровержение манихеев. - Без милосердия нельзя войти в царство небесное.

БЕСЕДА 5 на Еф. 2:11-12. Что значит мудрование плотское.

БЕСЕДА 6 на Еф. 2:17-22. О доблестях ап. Павла.

БЕСЕДА 7 на Еф. 3:8-11. Обилие смиренномудрия ап. Павла. - Как должно любить врагов.

БЕСЕДА 8 на Еф. 4:1. Быть узником за Христа славнее сидения одесную Его. - Страдание за Христа выше всех блат. - О страже темницы, в которую заключен был Павел. - Почему попустил Бог погибнуть тем, которые стерегли Петра в темнице. - Оковы и страдания послужили к прославлению Павла. - Против одержимых жадностью и любостыжанием. - О трех отроках.

БЕСЕДА 9 на Еф. 4:1-4. Высокое достоинство Павла, выходящего из темницы. - Что значит достойно ходить звания. - О любви. - Таинственность - следствие охлаждения любви.

БЕСЕДА 10 на Еф. 4:4. Губительность тщеславия.

БЕСЕДА 11 на Еф. 4:4-7. Почему в церкви один получает больше, а другой - меньше. - Смирение необходимо для единства тела церкви. - Епископ поставлен для научения словом. - Производить разделения в церкви - не меньшее зло, чем впасть в ереси.

БЕСЕДА 12 на Еф. 4:17. Деньги - суетны, когда их расточают на удовольствия. - Против огнепоклонников. - Против веры в судьбу и в переселение душ.

БЕСЕДА 13 на Ефес. 4:17-19э Что следует понимать под нечистотой. - Кто может считаться праведным. - О монахах и Девственницах, посвящающих себя Христу. - Добродетели и пороки женщин.

БЕСЕДА 14 на Еф. 4:25-27. Дурные последствия вражды и способ ее обуздания. - Как нужно подыматься языком. - Вред от злоречия.

БЕСЕДА 15 на Еф. 4:31. Следует воздерживаться от крика, брани в побоев.

БЕСЕДА 16 на Еф. 4:31-32. Нужно насаждать добродетель и искоренять пороки. - Лучшая месть - воздаяние добром за зло.

БЕСЕДА 17 на Еф. 4:32; 5:1-2. Сладострастие - меньшее зло, чем гнев.

БЕСЕДА 18 на Еф. 5:5-6. Любостяжание есть идолослужение. - Нужно исправлять своего ближнего.

БЕСЕДА 19 на Еф. 5:15-17. Что такое лукавство дня. - Нужно благодарить Бога и в несчастии. - Причины многих естественных вещей неизвестны. - Относительно предметов божественных пылливость неуместна. - В чем истинное побуждение к повиновению.

БЕСЕДА 20 на Еф. 5:22-24. Счастливы муж и жена, друг друга любящие. - Сила любви. - Чего нужно искать в жене. - Добрые качества жены. - Супружеский союз - символ нашего единения с Христом. - Нужна снисходительность к недостаткам жены. - Как должен поступать муж в отношении к жене. - Советы бедным супругам. - Как нужно устраивать дом и семью. - Истинные достоинства молодой девушки. - Каких нужно выбирать жен и как относиться к ним.

БЕСЕДА 21 на Еф. 6:1-3. Пороки при царском дворе. - Восхваление монаха Юлиана. - При каких условиях богатство наносит вред.

БЕСЕДА 22 на Еф. 6:5-8. Об обязанностях слуг. - Разделен из господ и работ, произошло вследствие греха. - Греховные деяния в Писании называются иногда миром. - Богатство и почести составляют оружие дьявола.

БЕСЕДА 23 на Еф. 6:14. Еретические учения о материи. - Собирающий сокровища па земли приготавливает пищу вечному червю.

БЕСЕДА 24 на Еф. 6:14-17. В чем состоят оружие христианина и с кем он должен бороться. - Об Анне, матери Самуила.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕСЕДА 1 на Фил. 1:1-2. Названия епископа, пресвитера и диакона вначале были общие. - При совершении добродетели действует Бог и мы вместе с Богом. - Побуждение к милостыне.

БЕСЕДА 2 на Фил. 1:8-11 Любовь и дружба должны быть разумными. - Откуда происходит зависть. - Тягота от богатства.

БЕСЕДА 3 на Фил. 1:18-20. Любовь и твердость ап. Павла. - Роды жизни. - Любомудрие ап. Павла. - Кого из умерших нужно оплакивать. - Поминование умерших при совершении таинств.

БЕСЕДА 4 на Фил. 1:22-26. Похвала ап. Павлу. - Нет ничего приятнее Богу, как милостыня.

БЕСЕДА 5 на Фил. 2:1-4. О перенесении обид. - Нет ничего несвойственнее душе христианской, как гордость.

БЕСЕДА 6 на Фил. 2:5-8. Опровержение заблуждений Савелия, Мариона, Маркелла, Фотина, Софрония и Ария.

БЕСЕДА 7 на Фил. 2:5-11. Против Маркионитов и Павла Самосатского, - Мы не почитаем Христа достойно, если не подражаем Ему в жизни. - Христианину подобает смирение.

БЕСЕДА 8 на Фил. 2:12-16. О страхе Божьем. - Не нужно роптать.

БЕСЕДА 9 на Фил. 2:19-21. Служившие ап. Павлу. - Должно служить святым. - Увещание к подаянию.

БЕСЕДА 10 на Фил. 3:1-3. Обрезание плотское и духовное. - Любовь к деньгам убыточна. - Против роскоши. - Бедность - залог царствия.

БЕСЕДА 11 на Фил. 3:7-10. В чем истинное приобретение для христианина. - Грех удаляет от Бога, добродетель приближает.

БЕСЕДА 12 на Фил. 3:13-14. Нужно стремиться к усовершенствованию. - Обязанности учителя и ученика. - Нет ничего превосходнее добродетели.

БЕСЕДА 13 на Фил. 3:18-21. Знамение креста в крещении и рукоположении.

БЕСЕДА 14 на Фил. 4:4-7. О непамятозлобии.

БЕСЕДА 15 на Фил. 4:10-14. Милостыня введена не для принимающих, а для подающих. - Смирение ап. Павла. - Польза от скорби. - Бедствия царей.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

БЕСЕДА 1 на Кол. 1:1-2. Время написания и содержание послания. - Различные роды дружбы. - Противопоставление трапезы для богатых с трапезой для бедных. - Описание роскошного пира. - Зло пресыщения.

БЕСЕДА 2 на Кол. 1:9-10. Призвание в царство Сына Божья - величайшее благо. - Настоящая жизнь похожа на птичье гнездо. - Землетрясения и разрушение городов. - Опровержение учения о судьбе.

БЕСЕДА 3 на Кол. 1:15-18. О достоинств Сына Божья и о том, что Он не создан. - Павел Самосатский и его последователи.

БЕСЕДА 4 на Кол. 1:21-22. Похвала Моисею. - Почему Христос позже его пришел в мир.

БЕСЕДА 5 на Кол. 1:26-28. Тайна воплощения и ее следствия. - Против отвергающих воскресение.

БЕСЕДА 6 на Кол. 2:6-7. Суеверные наблюдения дней. - Об уничтоженном рукописании.

БЕСЕДА 7 на Кол. 2:16-19. Об обрядовых постановлениях. - В крещении бывает и рождение и истление. - Суетность богатства и причиняемое им иногда бесчестие. - Гнев императора Феодосия против антиохийцев. - Порицание роскоши.

БЕСЕДА 8 на Кол. 3:5-7. Все добрые дела без любви ничтожны. - Благодарить Бога нужно всегда. - Волшебный повязки. - Почему прекратились чудеса. - Против суеверий.

БЕСЕДА 9 на Кол. 3:16-17. Каким способом можно проявлять благодарность к Богу. - Следует читать Свящ. Писание.

БЕСЕДА 10 на Кол. 3:18-25; 4:1. О взаимоотношениях мужей, жен, родителей, детей, господ, и слуг. Пример молитвы одного снятого мужа. - Узы не помеха проповеди. Восхваление уз Павловых. - Против излишества в женских украшениях.

БЕСЕДА 11 Кол. 4:5-6. Скромность ап. Павла. - Как нужно поступать с врагами. - Завистник восстает против Бога и церкви.

БЕСЕДА 12 на Кол. 4:12-13. Павел - образец всех добродетелей. - Развратные женщины на брачных торжествах. - Каковы должны быть браки.

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эфес — главный город (Малой) Азии. Он был посвящен Артемиде, где она и пользовалась особым уважением, как высшая богиня. И благоговение пред ней её почитателей было так велико, что они не хотели обнаружить имени того, кто сжег храм её; а он был сожжен. Здесь долгое время жил блаженный Иоанн Евангелист, который сюда был сослан (в заточение), здесь и скончался. Апостол Павел здесь оставил, после себя, Тимофея, о чем он говорит в послании к нему: "**Я просил тебя пребыть в Эфесе**" (1 Тим. 1:3). Здесь были и многие философы, особенно из славившихся в Азии. Говорят, что здесь был и Пифагор, потому что Самос, откуда он происходил, был остров Ионийский. Тоже можно сказать о Пармениде, Зеноне и Демокрите; да и теперь ещё можно найти там многих философов. Об этом мы замечаем не без цели, но чтобы показать, что много нужно было (апостолу) Павлу тщания, когда он писал к ним (ефесянам) своё послание. Говорят, что он, когда ещё (изустно) оглашал их, уже доверил им глубочайшие истины

(веры). По крайней мере, само послание исполнено возвышенных созерцаний и догматов. Писано оно из Рима, где (Павел) находился в узах, как он и сам говорит: **"Молитесь обо мне, дабы мне дано было слово - устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах"** (Еф. 6:19). Оно исполнено весьма возвышенных и необъятных созерцаний; в нем он объясняет то, о чем почти нигде не говорил, напр., когда говорит: **"дабы ныне сделалась известной через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божья"** (Еф. 3: 10); и в другом месте: **"и воскреси с Ним, и посади на небесах нас"** (Еф. 2:6); и еще: **"которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе"** (Еф. 3:5,6).

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божьей (δία δελήματος θεού) Апостол Иисуса Христа, находящимся в Эфесе святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа"(Еф. 1:1,2).

1. Вот, (апостол) и к (Богу) Отцу прилагает: δία (через). Что же? Назовем ли мы Его меньшим? Нисколько. **"Святым"**, – пишет он, – **"находящимся в Эфесе и верным во Христе Иисусе"**. Вот, святыми называет мужей, которые имеют и детей, и жен, и слуг. А что он их понимает здесь, видно из конца послания, где он говорит: **"Жены, повинуйтесь своим мужьям"** (Еф. 5:22), и в другом месте: **"Дети, повинуйтесь своим родителям"** (Еф. 6:1), и еще: **"Рабы, повинуйтесь господам своим"** (Еф. 6:5). Подумаем же, какая теперь царить беспечность, как сильно ослабела ревность к добродетели, и как было много добродетельных тогда, если и миряне назывались святыми и верными! **"Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа"**. Сказал о благодати и призвал Бога Отца, потому что это (призывание) есть знак (преподания) благодати. Каким образом? Послушай, что он говорит в другом месте: **"А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!"** (Гал. 4:6). **"И Господа Иисуса Христа"**, – потому что для нас Христос родился и явился во плоти. **"Благословен"**, – пишет он, – **"Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа"**. Вот, Он – Бог воплотившегося, или иначе: Отец Бога Слова. **"Благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах"** (ст. 3). (Апостол) намекает здесь на благословение Иудеев, потому что и это–благословение, но не духовное. Что в самом деле было сказано им? **"Благословит тебя Бог. Благословит плод чрева твоего"** (Вт. 7:13), и благословит вход твой и исход твой. Здесь же не так. Как же? **"Всяким духовным благословением"**. Чего же еще тебе недостает? Ты стал бессмертным, свободным, сыном, праведным, братом, сонаследником; будешь вместе царствовать, вместе прославишься; все тебе даровано: **"как с Ним"**, – говорит, – **"не дарует нам и всего?"** (Рим. 8:32). Величие твое прославляется ангелами, херувимами и серафимами. Чего еще недостает? **"Всяким духовным благословением"**: о телесном здесь (не говорится) ничего. Напротив, для того, чтобы отклонить от всего телесного, и направить нас к духовному, (еще Спаситель) говорил: **"В мире будете иметь скорбь"** (Иоан. 16:33). Как владеющие телесным не могут слышать о духовном, так точно ищущие духовного не могут его достигнуть, пока наперед не оставят телесного. Что значить: **"духовным благословением в небесах"**? Значить то, что не земные (обещаются им блага), как иудеям (которым обещано было), что благая земли снесут, что наследят землю, кипящую медом и молоком, и что благословит Бог землю их (Ис. 1:19; Исх. 33:3; Пс. 84:13; Вт. 15:4). Здесь (не обещается) ничего такого. Что же? **"кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое"**, и Я и Отец **"придем к нему и обитель у него сотворим"** (Иоан. 14:23). **"Итак всякого, кто"**

слушает слова Мои сии и исполняет их", уподоблю "мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне" (Мф. 7:24,25). Что другое означает этот камень, как не небесные предметы, не подлежащие никакому изменению? **"Итак всякого"**, – говорит (Спаситель), – **"кто исповедает Меня"**, – говорит Спаситель, – **"пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным"**; и **"кто отречется от Меня, отречусь от того и Я"** (Мф. 10:32,33); и в другом месте: **"Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят"**; и еще: **"Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное"**; и опять: **"Блаженны изгнанные за правду, ибо велика ваша награда на небесах"** (Мф. 5:8, 3,10,12). Видишь ли, везде небеса, и нигде ни земли, ни того, что на земле? И опять: **"Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа"** (Фил. 3:20); и еще: **"о горнем помышляйте, а не о земном"** (Кол. 3:2). **"Об Иисусе Христе"**, т. е. чрез Христа Иисуса, а не чрез Моисея – это благословение; а потому не только качеством, но и посредником (благословения) мы превосходим иудеев, о чем он говорит и в послании к Евреям: **"И Моисей верен во всем доме Его, как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; а Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы"** (Евр. 3:5,6). **"Так как"**, – говорит, – **"Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним"** (ст. 4). Слова эти значат: чрез кого Он благословил нас, чрез того и избрал. Итак, сам Он здесь дарует нам все это; сам будет судьей и скажет: **"Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира"** (Мф. 25:34); и в другом месте: **"хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною"** (Иоан. 17:24).

2. И во всех почти посланиях (апостол) старается показать, что не новость какая-нибудь сделанное для нас; но что издревле так было предъизображено, и не по причине изменения намерения (Божьего это случилось), но так именно было предусмотрено и предопределено. И это – дело великого попечения (Божьего). Что значит: **"избрал в Нем"**? Значит – Христос чрез веру в Него совершил это прежде, чем мы родились, или лучше – прежде, чем мир сложен. И прекрасно назвал (апостол сотворение мира) сложением (καταβολή – низвержение с высоты), показывая этим, что мир как бы низвержен с какой-то великой высоты. Подлинно, велика и неизреченна высота Божья, – не в отношении к месту, но в отношении к безграничности природы (Божественной), – и велико расстояние между тварью и Творцом. Да посрамятся еретики, слыша это! Для чего избрал? Для того, чтобы быть нам святыми и непорочными пред Ним. А чтобы ты, услышав, что Он избрал, не подумал, что достаточно одной веры, (апостол) указывает и на жизнь: для того, говорить он, избрал нас, и на то, чтобы мы были святы и непорочны. Избрал Он некогда и иудеев. Каким образом? Народ этот, сказано, избрал Я из народов (Вт. 7:6;14:2). Если же люди, при выборе, избирают лучшее, то тем более Бог.

И избрание служить свидетельством с одной стороны человеколюбия Божьего, с другой – добродетели избранных. Без сомнения, Он избрал тех, которые заслуживают этого; Он сделал нас святыми, но нужно, чтобы и мы были достойны быть святыми. Свят всякий, приобщающийся вере; непорочен же тот, кто проводить жизнь непорочно. И не простой святости, не простой непорочности Он требует, а такой, которая бы и пред Ним показалась именно такой. Есть ведь святые и непорочные, почитаемые за таковых людьми, на самом же деле уподобляющиеся гробам поваленным, или (волкам) ходящим в одежде овечьей. Но не таковых Он избирает, а тех, о которых говорить пророк: **"и по чистоте рук моих"** (Пс. 17:25). Какой (святости Он ищет)? Святости **"пред очами Его"**, т. е. такой, которую видит око Божье. Сказав о добродетелях их (избираемых), потом опять переходит к благодати и говорит: **"в любви предопределив усыновить нас"** (ст. 5), – потому что не за добрые только дела бывает это (избрание), но по любви (к нам), и не по

одной – любви, Но и за нашу добродетель. Если бы достаточно было одной любви, Тогда все должны были бы быть спасены; если же с другой стороны достаточно нашей добродетели, то излишне было бы явление Его (Сына Божьего) в мире и (излишне было бы) все домостроительство Его. Итак, это делается и не по одной любви и не за нашу только добродетель, но под условием той и другой вместе. **"Избрал нас"**, – говорить (апостол); избирающий же знает, что Он избирает. **"В любви"**, – говорит, – **"предопределив усыновить нас"**. Не будь любви (Божьей), добродетель никого бы не спасла. Скажи мне: много ли бы пользы получил Павел, много ли бы он совершил, если бы не был призван свыше, и если бы Возлюбивший его не привлек его к Себе? Или другими словами: дарование столь великих благ есть плод любви (Божьей к нам), а не нашей (только) добродетели. Быть добродетельным, веровать и приближаться (к Богу) – это хоть дело и Призвавшего, но, однако, и наше. А приблизившихся удостоить стольких почестей, чтобы из состояния вражды перевести их в состояние усыновления, – это подлинно дело преизобилующей любви. **"В любви"**, – говорит, – **"предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа"** (ст. 5). Замечаешь ли, как ничего – без Христа и ничего – без Отца? Этот пред нарек, Тот приводит. И это он утверждает, возвышая бывшее, как и в другом месте говорит: **"И не довольны сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа"** (Рим. 3:11). Великие, конечно, дарованы блага, но они становятся гораздо многоценнее вследствие того, что дарованы чрез Христа, потому что к нам – рабам Бог послал не кого-нибудь из рабов, но своего Единородного. **"По благоволению"**, – говорит, – **"воли Своей"** (κατά την εὐδοκίαν τοῦ θελήματος αὐτοῦ), т. е. потому, что имел сильное желание, или – если угодно – потому, что это составляло Его главное стремление. Εὐδοκία (благоволение) везде означает главное желание (основу других желаний). Есть и другие желания, – первое, напр., чтобы не погибли грешники; второе, чтобы сделавшиеся грешниками погибли, потому что мучиться будут они не по необходимости, а по воле (Божьей). Это можно видеть и у Павла, напр., когда он говорит: **"Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я"** (1 Кор. 7:7); и в другом месте: **"я желаю, чтобы молодые вступали в брак, рождали детей"** (1 Тим. 5:14). Таким образом, под εὐδοκία он понимает первое желание, сильное желание, желание с вожелением, повадку. Я не откажусь употребить, даже вульгарное выражение, лишь бы уяснить это для простецов; так мы, означая непреодолимое желание, говорим – κατά τό πείσμα ἡμῶν (по нашей повадке). Таким образом, сказанное (т. е. по благоволению хотения своего) значить, что Он сильно желает, сильно хочет нашего спасения.

Для чего Он так любит нас, и где источник такой любви? (Источник) – единственно Его благодать, потому что благодать от благодати. Потому-то Он и предопределил нас во усыновление, желая и сильно желая, чтобы тем явить славу благодати Своей. **"По благоволению"**, – пишет он, – **"воли Своей в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном"** (ст. 6), т. е., чтобы показать славу благодати Своей, которою Он сделал нас любезными Себе в Возлюбленном.

3. Итак, если Он **" облагодатствовал в похвалу славы благодати Своей"**, чтобы, т. е. проявить благодать Свою, то и мы постараемся пребыть в ней. **"В похвалу славы"**. Что это значить? То ли, чтобы кто восхвалял Его? Чтобы кто прославлял? Мы, ангелы, архангелы и вся тварь? Что же это? Нет! Божество ни в чем не нуждается. Итак, для чего же Он желает, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того чтобы чрез это сделать теплее нашу любовь к Нему. Не требует Он от нас ни служения, ни прославления, ничего другого; Он желает одного – спасения нашего, и все делает для этого. В самом деле, славословящий и благоговеющий пред благодатью, явленной в Нем, будет внимательнее и рачительнее (к своему спасению). **"Которою Он облагодатствовал нас"**, – не сказал: (благодать) которую даром дал (ἐχαρίσατο), но – которою облагодатил нас (ἐχαρίτωσεν ἡμᾶς), т. е. не только от грехов избавил, но и сделал любезными Себе. Представим себе:

если бы кто, взявши чесоточного, покрытого язвами, удрученного болезнью, старостью, бедностью и голодом, вдруг преобразил его в благообразного юношу, красота которого привлекала бы к себе всех людей, щеки сияли бы, взоры, при каждом мановении, бросали бы солнечные и лучи; потом, если бы оставил его навсегда в этом цветущем возрасте, а сверх того облек его в багряницу, в диадему и во все царские украшения: вот так именно и преобразил (Бог) нашу душу, сделав ее и красивой, и привлекательной, и любезной, так что на такую душу желают взирать ангелы, архангелы и все другие (небесные) силы. Так Он сделал нас любезными и вожделенными Себе: **"И возжелает"**, – сказано, – **"Царь красоты твоей"** (Пс. 44:12). Заметь, какие горькие (речи) мы прежде высказывали, и какие благодатные теперь говорим! Мы дивимся не (земным) сокровищам, не тому, что здесь, а небесным, тому, что на небесах. О дитяти, которое, при красоте лица, умеет еще приятно говорить, не говорим ли мы: какой это милый ребенок! Таковы именно верные. Послушай, какие речи они говорят, когда приобщаются таинств. Что может быть вожделеннее тех уст, которые, произнося дивные речи, с великим блеском и дерзновением, с чистым сердцем и нескверными (губами) приобщаются таинственной трапезы? Что вожделеннее тех слов, которыми мы отрицаемся дьявола и сочетаемся Христу, того исповедания – пред купелью и после купели? Подумаем же, как многие растлили (благодать) крещения, и в покаянии вздохнем, чтобы нам опять воспринять ее. **"В Возлюбленном"**, – говорит, – **"в Котором мы имеем искупление Кровью Его"** (ст. 7). Не то только здесь удивительно, что предал Сына Своего, но и то, что Возлюбленный был заклан. Великое преизобилие (любви)! Предал Возлюбленного за ненавистных. Смотри, как Он ценит нас! Если же, когда мы Его ненавидели и были врагами, Он предал Возлюбленного, то чего же Он не сделает, когда мы удостоимся, чрез благодать, примирения с Ним? **"Прощение грехов"**, – говорит (апостол). От высшего нисходит к низшему. Сказавши наперед об усыновлении, святости и непорочности, потом уже говорить о страдании, не уменьшая и не низводя речи от предметов важных к малым, а от малых восходя к великим. В самом деле, нет ничего столько великого, как пролитие за нас крови Божьей; что Бог Сына Своего не пощадил, это важнее и усыновления и других даров. Великое, бесспорно, дело – отпущение грехов, но оно становится еще больше, когда совершается кровью Владычной. А что это далеко выше всего, смотри, как сильно выражается здесь (Павел), говоря: **"по богатству благодати Его, каковую Он в преизбытке даровал нам"**. И то богатство, но это гораздо большее. **"Каковую Он в преизбытке даровал"**, – говорит, – **"нам"**. Богатство было, и Он его еще преумножил, т. е. излил неизреченно (обильно). Невозможно словом представить, что сделано для нас. Нам (даровано) богатство, богатство необъятное, богатство не человеческое, но божественное, так что слово совершенно бессильно выразить его. Желая же показать, как даровал (благодать) в преизобилии, прибавляет: **"во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли"**, то есть, Он сделал нас мудрыми и разумными истинной мудростью и истинным разумом.

4. О, какая любовь! Сказал нам тайны Свои – **"Своей воли"**, или, говоря другими словами, открыл нам то, что у Него в сердце. Такая тайна, в самом деле, исполнена всякой мудрости и разума. Что назовешь ты равным такой мудрости? Нас, ничего нестоящих, Он взыскал, чтобы возвести в богатство. Что сравнится с такой изобретательностью? Тот, кто был врагом, (существом) мерзким, вдруг возводится горе. И не в этом только премудрость, но и в том, что совершается в такое время, и в том, что чрез крест. Долго нужно объяснять, сколько явлено в этом премудрости и как Он чрез это снова сделал нас мудрыми. **"По Своему благоволению"**, – продолжает (апостол), – **"которое Он прежде положил в Нем"** (ст. 9), т. е. это было сильное и сердечное желание Его – как-нибудь сказать нам тайну (воли Своей). Какую же? Ту, что Он желает человека посадить горе. Это (желание) исполнено. **"В устроении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом"** (ст. 10). Небесное и земное были отторгнуты одно от

другого и не имели одной главы. В отношении творения был один Бог, а в отношении объединения этого не было, потому что, когда разлилась языческая прелесть, люди отторглись от повиновения. **"В устройении"**, – пишет, – **"полноты времен"**. Исполнением времен он назвал самое (домостроительство). Заметь, как отчетливо он выражается. Показывая, что начало (спасения нашего), предложение, желание и первое стремление – в Отце, а исполнение его на деле – чрез Сына, он нигде, однако же, не называет Его (Сына) слугой. Избрал, говорит, **"нас в Нем прежде создания мира, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа в похвалу славы благодати Своей, в Котором мы имеем искупление Кровью Его, которое Он прежде положил в Нем, в устройении полноты времен, дабы все соединить под главою Христом"**, – и нигде не назвал Его слугой. Если скажешь, что частицы *εν* (в), *δια* (чрез) указывают на (звание) слуги, то заметь, как он здесь употребляются. В самом начале послания (апостол) сказал: **"Волею Отца"** (*δια τοῦ θελήματος τοῦ Πατρὸς*). Отец, говорит, восхотел, Сын (хотение) исполнил. Здесь нет того, чтобы Сын лишен был действия, потому что Отец восхотел, или чтобы Отец лишен был хотения, потому что Сын действовал; у Отца и Сына все общее. **"И все Мое Твое, и Твое Мое"**, – говорить (Сын) (Иоан. 17:10). Исполнением времен было Его пришествие. Итак, когда Он все сделал чрез ангелов, пророков и закон, и нисколько не успел, напротив находился еще в опасности (раскаяться), что напрасно сотворил человека, что напрасно привел (к бытию) того, кто слишком (имел) преуспевать во зле; когда все без разбору погибали и погибали в большем количестве, чем при потопе, – тогда Он нашел домостроительство посредством благодати, так что (оказалось) Он не безрассудно и не напрасно сотворил его. Это исполнение времен он называет и премудростью. Почему? Потому, что люди тогда были спасены, когда всего больше они могли погибать. Возглавить, пишет. Что это значить: возглавить (*ἀνακεφαλαίωσασθαι*)? Значит: соединить. Впрочем постараемся быть, как можно, ближе к самой истине. У нас оглавлением (*ἀνακεφαλαίωσις*) обыкновенно называется представление в кратких выражениях того, о чем надобно говорить долгое время, или сокращенное изложение всего, о чем было говорено пространно. Итак слово это может значить и следующее: устраиваемое столь долгое время домостроительство (нашего спасения) возглавил в Себе, т.е. сократил, или, говоря кратко, – с соблюдением впрочем истины, – и то обнял и новое присоединил. Вот, что значит оглавление! Но есть нечто и другое, что также означает (этим словом). Что же это? В Христе по плоти Бог положил одну главу для всех, для ангелов и людей, т. е. одно дал (верховное) начало и ангелам и людям, одним – (Христа) по плоти, другим – Бога Слова. Как если бы кто сказал о доме, что одно в нем гнило, другое крепко, и возобновил бы дом, т. е. сделал бы крепче, подложив более крепкое основание, так и здесь всех привел под одну главу. Тогда только и возможно единение, тогда только и будет этот совершенный союз, когда все, имея некоторую необходимую связь горе, будет приведено под одну главу. Итак, сподобившись такого дара, такой чести, такого человеколюбия, не посраим Благодетеля, не сделаем тщетной такую благодать, покажем ангельское житие, ангельскую добродетель и образец жизни. Я прошу и молю о том, чтобы все это не было нам в суде и осуждение, но в получение благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и (честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"В Нем мы и сделались наследниками, быв предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей, дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нем и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его" (Еф. 1:11–14)

1. Павел везде, сколько мог, старался показать неизреченное человеколюбие к нам Божье. Что он не в состоянии был показать во всей полноте, об этом послушай, как сам он говорит: **"О, бедна богатства и премудрости и ведения Божья! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!"** (Рим. 11:38)! Впрочем, сколько мог, показывает. Что же говорить он? **"В Нем мы и сделались наследниками, быв предназначены к тому"**. Выше сказал: **"Избрал нас"**; здесь же говорит: **"сделались наследниками"** (ἐχληρώθημεν от χληρώω получаю наследство по жребию). Но так как жребий есть дело случая, а не свободной воли или заслуг, не может быть предусмотрен и зависит от стечения обстоятельств, так что нередко не достаиваются его и люди добродетельные, напротив люди, не заслуживающие никакого внимания, выводятся на сцену, – то заметь, как (апостол) дополняет это: **"быв предназначены к тому"**, – говорит, – **"по определению Совершающего"**, т. е. не просто мы **"сделались наследниками"**, как не просто и избрал Он нас. Так как избравший есть Бог, то не случаю, значить, обязаны мы избранием; так как сотворивший нас наследниками – Бог, то, значить, (не случайно) мы получили наследство, а по прозрению. И в послании к Римлянам, рассуждая об этом, он говорит: **"Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил"** (Рим. 8:29,30). Сказавши прежде о том, что есть званые по предуведению, и между тем желая относительно других показать нечто большее, он говорит также и о наследстве по жребию, чтобы не отнять (от Бога) самовластия. Таким образом, он утверждает то, что в особенности доставляет блаженство: ведь наследство по жребию не есть (награда) за добродетель, а, так сказать, дело случая, – как если бы кто-нибудь сказал: Он избрал нас, бросивши жребий. В самом же деле здесь все сделано преднамеренно, т. е. избрав пред нареченных (по прозрению), Он отделил их Себе самому, потому что Он усмотрел нас прежде, чем сделал наследниками. Изумительно божественное предвидение, усматривающее все прежде исполнения! Кроме того, обрати внимание и на то, как (апостол) везде старается объяснить, что все эти дела (устроились) не по причине раскаяния, но что так именно они были предопределены издревле, и что все совершено Им согласно с этим (предопределением), так что мы, в этом случае, ничем не меньше иудеев. Но как же, скажешь, сам Христос говорит: **"Я послан только к погибшим овцам дома Израилева"** (Мф. 15:24); и еще апостолам Он говорил: **"на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите"** (Мф. 10:5); и сам Павел опять говорил: **"вам первым надлежало быть проповедану слову Божьему, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам"** (Деян. 13:46)? Все это сказано для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что это сделано в виде ненужной прибавки. **"По определению"**, – говорит, – **"Совершающего все по изволению воли Своей"**, т. е. Он все предопределил искони, и кроме этого не сделал ничего. Таким образом Он действовал до конца по совету воли Своей. И значит, Он призвал язычников вовсе не потому, что иудеи не послушались Его; Он не был к этому приведен или вынужден последними. **"Дабы послужить"**, – говорит, – **"к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нем"**, т. е. через Него, **"и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения"**. Заметь: везде он представляет Христа истинным виновником всего, и нигде не называет Его подчиненным или слугой. Подобно этому, он и в другом месте говорит, именно в послании к Евреям: **"Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне"**, т. е. чрез Сына. **"Слово истины"**, – говорит, – но не (слово) образа или подобия.

"Благовествование вашего спасения". И хорошо называет это благовествование (благовествованием) спасения нашего, указывая этим с одной стороны на закон, с другой на будущее наказание. Что в самом деле другое означает проповедь, как не благовествование спасения, т. е., что достойных гибели Он уже не погубляет? "и

уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего". Опять великое промышление показывает это запечатление, – не отделение, не наследие только, но именно – запечатаете. Как если бы кто доставшихся ему по жребию отметил (известным знаком), чтобы после узнавать их, так точно и Бог отделил для принятия веры в Него, и запечатлел в наследие будущих (благ).

2. Видишь ли, как (Бог) с течением времени делает их дивными? Доколь они были только в предвидении, до тех пор никому не были известны; а когда получили запечатление, сделались известными, но не как мы, потому что они будут известны, выключая немногих. Получали запечатление и израильтяне, но чрез обрезание, подобно скотам и бессловесным; запечатлены и мы, но как сыны, Духом. Что значит: **"обетованным Святым Духом"**? Значит, что мы приняли Его по обетованию. Обетований было два, одно чрез пророков, другое от Сына. (Я сказал): чрез пророков; послушай, что говорит Иоиль: **"Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения"** (Иоил. 2: 28). Послушай затем, что и Христос говорит: **"примете силу, когда сойдет на вас Дух Святыи; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли"** (Деян. 1: 8). Хотя следовало верить Ему, как Богу, но Он на этом очень не настаивает, а производить исследование, как бы (он говорил) о человек. Как в послании к Евреям он говорит: **"Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы"**, так и здесь то, что уже было даровано, представляет в доказательство исполнения обетования о будущих (благах). Потому то он и называет (Духа Св.) **"залогом"** (залогом нашего спасения). Залог бывает обеспечением для всего. Он купил нам наше спасение, и пока дал только залог. Почему же не даровал всего тотчас же? Потому что мы, с своей стороны, еще не исполнили всего. Мы уверовали, это лишь начало, и Он даровал залог. А когда веру покажем в делах, тогда представить нам и все. Он отличил нас и другим образом, даровав нам собственную кровь, и обещал еще другую честь. Как во время войны народы дают друг другу заложников, так точно Бог даровал нам Своего Сына – залог мира и примирения, и из Него (τό ἐξ αὐτοῦ) Святого Духа. Приобщившиеся (благодати) Духа, без сомнения, знают, что это залог наследия нашего. Таков был Павел, который здесь еще предвкушал то, что там (т. е. на небе), который стремился и желал оставить здешний мир, и вздыхал, потому что он, весь ум свой переселив туда, смотрел уже другими глазами. Ты не оправдываешь (веры) делами, – этим сам себя исключаяешь из слов (обетований). Если бы мы все приобщились Духа, как следует приобщиться, то и небо узрели бы и свое будущее там состояние. **"Залог"** чего? **"искупления, удела"**. Совершенное избавление совершится в будущей жизни, потому что теперь мы живем среди мира и много человеческого привходит в нас, и с нечестивыми обращаемся. Когда же не будет ни грехов, ни человеческих страстей, когда мы не будем в перемешку со всеми (нечестивые вместе со святыми), – тогда уже наступит совершенное избавление; а теперь (дань только) залог. Впрочем, нам и теперь должно удалиться земного, потому что наше отечество не на земле; и теперь мы должны быть свободны от того, что здесь, потому что мы еще странники. **"К похвале славы Его"**, – это он постоянно повторяет; для чего же? Для того чтобы вполне убедить слушателей. Боли бы Он искупил нас для нас же, как бы так говорит (апостол), то искушение наше не было бы еще несомненно. Если же Он сделал это для Себя, то есть, чтобы показать Свою благость, то это служить уже основанием, или как бы ручательством, что обещанное так и случится, как обещано. Мы видим, что и у израильтян часто встречаются подобные выражения: **"Со мною же твори ради имени Твоего"** (Пс. 108:21). В другом месте сам Бог говорит: **"Ради Себя Самого делаю это"** (Ис. 48:11). И Моисей (взывает): **"Сотвори ради Твоего имени"**, если не ради чего другого. Итак он самым действительным образом убеждает и обнадеживает слушателей, научая их, что (Бог) ради Своей собственной благодати исполнит все, что

обещает. Но не будем из-за этого предаваться беспечности. Конечно, Он все делает ради самого Себя; но, однако же, и от нас требует (соответствующих действий). Если Он говорить, что **"Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены"** (1 Цар. 2: 30), то мы должны понять, что и с нашей стороны ничто требуется. Похвала славы Его – в том, чтобы спасти врагов, но эти враги после того, как они сделались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся в прежнее состояние вражды, то все для них будет бесполезно и тщетно.

3. Другой бани паки бытия нет; нет и вторичного приведения; но есть **"но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников"** (Евр. 10:27). Это именно ожидает и нас, если мы, всегда враждовавшие с Ним, будучи удостоены прощения, и после этого не перестанем еще враждовать, будем продолжать предаваться похотям и делаться хуже прежнего; если останемся слепыми и по пришествию Солнца правды. Хочешь воспринять луч, просвещающий твои очи? Сделай их чистыми, здоровыми и зоркими. Он показал тебе свет истинный; но если ты, убегая света, устремись к тьме, – какое тогда обретишь ты оправдание, какое прощение? Подлинно, никакого, потому что это обнаружить в тебе невыразимую ненависть. Когда бы ты, еще не познав Бога, враждовал с Ним, тогда ты имел бы еще некоторое извинение. А теперь, когда ты вкусил благоволения и сладости (божественной), и, оставляя их, возвращаешься на свою блевотину, то этим обнаруживаешь не что иное, как только знаки великой ненависти и презрения. Не правда, – скажешь, – природа принуждает меня (к греху); я люблю Христа, но природа поставляет меня в необходимость (грешить). Если бы в самом деле ты грешил по принуждению и против воли, – для тебя было бы еще снисхождение; если же ты падаешь от нерадения, тогда не может быть никакого. Впрочем, рассмотрим это самое, т.е., что бывает причиной грехов нужда ли и неволя, или леность и совершенная беспечность? Сказано, напр.: **"не убей"**. Какая необходимость, какое насилие делать это? Напротив, чтобы убить, нужно употребить (над собой) насилие. Кто в самом деле из нас (без насилия над собой) решится вонзить меч в гортань ближнего и обагрить кровью свою руку? Никто. Не видишь ли, что напротив, чтобы совершить этот грех, нужно много принуждения и насилия над собою. Бог вложил в нашу природу силу, побуждающую любить других. **"Всякое животное"**, – сказано, – **"любит подобное себе, и всякий человек – ближнего своего"** (Сир. 13:19). Смотри, для добродетели сама природа дала семена; пороки же противны природе, так что, если они более господствуют над нами, то это самое служить признаком большой с нашей стороны лености. А что блуд? К нему какая влечет необходимость? Конечно, скажут, тиранство похоти. Как так, скажи мне? Разве нельзя иметь собственную жену, и этим уничтожить это тиранство? Но какая-то (страстная) любовь, скажет кто-нибудь, обуяла меня к жене ближнего. Это еще не есть необходимость, потому что любовь не есть дело необходимости; никто не любить по необходимости, а по своему произволению и доброй воле. Иметь совокупление – это, может быть, и необходимость; но любить ту или другую – это уже не есть дело необходимости. И (прелюбодеяние) не есть следствие стремления к совокуплению, следствие тщеславия, чувственного раздражения и чрезмерного сладострастия. Что, скажи мне, сообразнее с разумом: иметь ли свою жену – общницу рождения детей, или искать какой-нибудь неизвестной? Разве не знаете вы, что привычка порождает дружбу? Итак, блуд не есть дело природы. Я не обвиняю вожделения, но вожделение дано нам для брака и для деторождения, а не для распутства и растления. И законы гражданств, как известно, снисходительно относятся к невольным преступлениям. Но греха собственно нет ни одного, который бы проистекал из необходимости, – все они зависят от испорченной воли. Бог не так создал природу, чтобы необходимо должно было грешить; если бы это было так, тогда не было бы и наказания о том, что действительно делается по необходимости и принуждению, мы не заводим и речи, и Бог не взыщет за это, потому что Он человеколюбив и благ. Что же? Уж и воровство не есть ли дело необходимости? Да,

скажут, к нему понуждает бедность. Нет, бедность скорее заставляет трудиться, а не красть. Таким образом, бедность производить противное; воровство происходит от лени; а бедность порождает обыкновенно не лень, а трудолюбие. Итак, оно (воровство) есть следствие нерадения. Заметь это! Притом, скажи мне, что труднее, что неприятнее, – проводить ли ночи без сна, проламывать отцы, бродить во тьме, постоянно тревожиться и готовиться к убийству, дрожать и умирать со страху, или ежедневно посвящать себя труду, и вместе с довольством наслаждаться безопасностью? Конечно, последнее легче. А так как оно легче, то большая часть людей и решается лучше на него, чем на первое.

4. Видишь ли, что добродетель сообразна с природой, а порок противен ей, как (противны между собою) болезнь и здоровье. Еще: какая, например, необходимость заставляет лгать и божиться? Никакой нет необходимости, никакой неволи; но мы это делаем по доброй воле. Нам не верят, – скажете вы. Не верят, потому что мы того желаем; ведь нам следовало бы приобретать доверие более своим поведением, чем клятвами. Отчего, скажи мне, одним мы не верим и тогда, когда они клянутся, а других считаем людьми, заслуживающими доверия и без клятвы? Значит, в клятвах нет никакой необходимости. Словам такого-то, говоришь, я верю и без клятв, тебе же не верю, несмотря на твои клятвы. Значит, клятвы излишни, и более свидетельствуют о недоверии, чем о доверии. Кто склонен к клятвам, тот, нельзя сказать, чтобы делал честь своему благородству. И кто решительно при всяком случае употребляет клятву, тот никогда не имеет в ней настоящей нужды; между тем, кто никогда не прибегает к клятве, тот может извлечь из нее пользу. Может быть, клятва нужна для уверения (других)? Нисколько! Мы видим, что не клянущиеся пользуются большим доверием. Еще: есть ли какая-нибудь необходимость досаждать другим? Конечно, скажешь. Внутренний жар возбуждается, воспаляется и не дает душе покоя. Нет, человек, не от внутреннего жара происходит досада, а от малодушия. Если бы (досада происходила) от сердечной горячности, то все бы люди досаждали (друг другу), и непрестанно бы досаждали. Мы имеем горячность (ревность) в сердце не для того, чтобы досаждать ближним, но чтобы обращать согрешающих, чтобы восставать самим (по падении), чтобы не быть ленивыми. Внутренний жар вложен в нас, как некоторое жало, чтобы мы скрежетали зубами против дьявола, чтобы устремлялись на него, а не чтобы восставали друг против друга. Мы имеем орудие, но для того, чтобы воевать с самими собой, а чтобы употреблять его в войне с неприятелем. Ты гневлив? Будь таков по отношению к своим грехам, бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственным грехов. Вот польза гнева; для этого Бог и вложил его в нас. Еще: лихоимства бывает ли следствием необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждает грабить? Бедность заставляет, – скажешь ты, – и страх (не иметь) самого необходимого. Но поэтому-то тебе и не должно быть лихоимцем; такого рода богатство не прочно. Ты делаешь тоже самое, как если бы кто-нибудь, будучи спрошен, для чего он на песке полагает основание дома, отвечал: (чтобы укрываться) от холода и от дождя, но для этого-то, именно, и не следовало бы ставить (дома) на песке, потому что дождь, бури и ветер скоро разрушать его. Поэтому, если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимствуй; если хочешь оставить детям богатство, приобретай (богатство) честное, – если только таковое бывает. Такое богатство твердо и прочно; иное же скоро погибает и уничтожается. Скажи мне: ты желаешь разбогатеть, и для этого берешь принадлежащее другим? Но ведь это не богатство; богат тот, кто пользуется собственным, у кого же в руках чужое, тот не богат. Иначе, продающие шелковые одежды, берущие на время одежды других почитались бы богаче и изобильнее всех. Однако, несмотря на то, что вещи в их руках, мы не называем их богатыми. Почему? Потому что у них чужое. Если даже одежды принадлежат им, все-таки деньги, которых стоят одежды, не их, а если и деньги их, то и это не составляет еще их богатства. Итак, если полученное в займы не делает богатыми, так как скоро может

быть потребовано назад, то каким образом от лихоимства можно быть богатым? Если ты желаешь разбогатеть во что бы то ни стало (потому что это не есть дело необходимости), то чем особенно ты хотел бы пользоваться? Не более ли продолжительной жизнью? Но таковые (грабители) большей частью бывают недолговечны; они часто получают, в наказание за хищение и лихоимство, преждевременную смерть, и таким образом мало того, что не наслаждаются богатством, но отходят (от мира), чтобы воспринять геенну; нередко также они погибают, получая болезни или от сладострастия, или от трудов, или от излишних забот. Хотел бы я знать при этом, для чего люди так много заботятся о богатстве? Ведь Бог назначил природе меру и границы, чтобы мы не имели никакой необходимости искать богатства. Он повелел, напр., одевать тело одной или двумя одеждами, а затем лишняя не нужна для защиты (тела). Для чего же тысячи одежд, эта молееди́на? Положена также мера и в принятии пищи, и употребленное более этой меры необходимо вредит всякому живому существу: для чего же эти стада, пастбища и скопление мяса? Нам нужен только один кров: для чего же эти хоромы, эти многоценные жилища? Чтобы в них обитали коршуны и галки в то время, как бедные люди лишены всякого крова? Какой геенны не заслуживает это? многие нередко в местах, которых никогда не видали, воздвигают из гранитных столбов и дорогого мрамора великолепные здания (чего только не выдумают?); но ни сами, ни кто другой не пользуются ими. Пустынность места не позволяет жить в этих зданиях, которые таким образом остаются без употребления. Видишь ли, что не по необходимости они воздвигаются? Но причиной всего этого – безумие, глупость и тщеславие, которых, умоляю, будем избегать, чтобы мы смогли избегнуть и других зол, и удостоиться благ, обещанных любящим Его во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 3

"Посему и я, услышав о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым, непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых" (Еф. 1:15–20)

1. Нет ничего, с чем бы можно было сравнить апостольское благорасположение, – что было бы подобно тому сочувствию и той нежной любви, которыми был исполнен блаженный Павел, во всех своих молитвах поминавший целые города и народы. **"Благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих"**, – так он обыкновенно писал всем. Представьте же, сколь многих он имел в мыслях своих! Даже и помнить было трудно, – так много было людей, о которых он молился, благодаря Бога за всех, как будто те величайшие благодеяния (какие они получили), получил он сам. "Ради этого", говорит, т. е. ради будущих благ, которые ожидают право верующих и живущих. Впрочем, должно благодарить Бога за все, что Он сделал для рода человеческого и до этого и после того, – должно благодарить Его и за веру верующих. **"Услышав"**, – говорит, – **"о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым"**. Везде он соединяет и сближает веру и любовь, как некую дивную двоицу; о любви же их говорит не к туземцам только, но ко всем (христианам). **"Непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих"**. О чем же он просить, о чем молить? О том, **"чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения"**. Двум истинам Он хочет научить их, как следует к чему они призваны, и каким образом избавлены от исконных (зол). Между тем сам говорить, что этих (истин) три. Каким же образом их три? Начнем с будущего. Из уготованных благ мы узнаем неизреченное и

переизбыточествующее богатство Его. А из знания о том, каковы мы и как уверовали, узнаем силу и могущество Его – обратиться к Богу бывших столь долгое время в отчуждении. **"Неможное Божье сильнее людей"** (1 Кор. 1:25). Той же самой силою, которою воскресил Христа, Он и нас привлёк к Себе. И сила Его выказалась не только в воскресении, но и в гораздо большем: **"И посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем"** (ст. 20–23). Подлинно великих и неизреченных таинств сделал Он нас участниками, – таинств, которые понимать могут только приобщившиеся Святого Духа и удостоившиеся великой благодати. Потому-то и Павел начинает свою молитву словами: **"Отец славы"**, т. е. (Отец), даровавший нам великие блага. Он всегда называет Его сообразно предмету (о котором говорится), как, напр., когда говорит: **"Отец милосердия и Бог всякого утешения"** (2 Кор. 1:3), и как еще пророк (сказал): **"Господь – твердыня моя и прибежище мое"** (Пс. 17:3). **"Отец славы"**. (Апостол) не находит такого слова (которым бы мог вполне изобразить уготованные Богом блага), и везде называет их славой, как словом, обозначающим для нас всякого рода величие. Смотри: (Бога Отца апостол называет) Отцом славы и Богом Христа. Что же? Разве Сын имеет меньше славы? Нет, никто, даже безумный, этого не скажет. **"Дал вам"** (духа премудрости), т. е. возвысит и воскресит ваш ум, потому что иначе нельзя познать этого. **"Душевный человек не принимает того, что от Духа Божья, потому что он почитает это безумием"** (1 Кор. 2:14). Значит, чтобы понимать духовное, видеть сокровенное, – нужна и мудрость духовная. Дух открывает все и разъясняет самим тайны Божьи. Знание тайн Божьих принадлежит одному Духу, который **"проникает и глубины Божьи"** (1 Кор. 2:10), и ни ангел, ни архангел, ни иная какая сотворенная сила не подаст, т. е., не доставит вам этого дарования. Если же это есть плод откровения, в таком случае излишни все умствования, потому что углубившийся в (созерцание) Бога и познавший Его ни в чем не усомнится, не будет говорить: вот это возможно, а это невозможно; не будет рассуждать, каким образом то или другое могло случиться. Если бы и мы познали Бога, как должно, если бы познали от того, от кого следует познавать, от самого Духа, то мы уже ни в чем более не сомневались бы. Потому-то (апостол) и говорит: **"к познанию Его, и просветил очи сердца вашего"**. Наученный, что есть Бог ни в обетованиях не усомнится, ни обнаружить неверия в то, что уже было. Вот почему он и молится о даровании им духа премудрости и откровения. Впрочем, сам (апостол), что можно, доказывает и посредством умозаключений, (заимствуя основания для них) от того что уже совершено. Так как он намерен говорить с одной стороны уже о совершившемся, а с другой еще о не совершившемся, то тем, что совершено, он утверждает веру в то, что еще не совершено, как это видно из следующего: **"Дабы вы познали"**, – говорит, – **"в чем состоит надежда призвания Его"**, – (надежда) пока еще неизвестная, говорит, но не для верных, – **"и какое богатство славного наследия Его для святых"**, – тоже пока еще неизвестное. Что же известно? То, что мы веруем, что Он "Своей силой" воскресил Христа. Возбудить веру в душах гораздо удивительнее, чем воскресить мертвого. Как так? Постараюсь сделать это ясным. Послушай, в самом деле: Христос сказал мертвому: **"Лазарь! иди вон"** (Иоан. 11:43), и (мертвец) тотчас повиновался. Сказал Петр Тавифе: **"Тавифа! встань"** (Деян. 9:40), и та не противоречила. Скажет Господь в последний день – и все восстанут, притом с такой быстротой, что остающиеся еще в живых не предупредят умерших, и все это совершится и окончится в самое краткое время, – в одно мгновение ока.

2. Но не так бывает в деле обращения к вере. А как же? Послушай опять, что говорить (Господь): **"Многие поищут войти, и не возмогут"** (Лк. 13:24). Теперь понимаешь, что труднее? Потому-то (апостол верой) и доказывает все. В самом деле, гораздо труднее, – даже по человеческим соображениям, – убедить свободу человека, чем создать природу.

Причина же заключается в том, что Бог желает, чтобы мы сами добровольно делали добрыми. Таким образом (апостол) совершенно справедливо видит **"и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих"**. Когда пророки ничего не помогли, когда (не помогли) ангелы и архангелы, вся видимая и невидимая тварь, – видимая, будучи выведена на сцену, не смогла руководить, а невидимая во многом успела, – тогда благоволил явиться сам (Бог), показывая этим, что в деле (обращения к вере) нужна сила Божественная. **"Богатство славного"**, т. е. славу неизреченную. В самом деле, чье слово в состоянии представить ту славу, которой сподобятся некогда святые? Конечно, ничье. Чтобы уразуметь это, поистине нужна благодать, – нужно воспринять хоть малый луч (духовного света). Было известно нечто (из Божественных истин) и прежде; но ныне Он восхотел научить большему и совершеннейшему ведению. Видишь ли, что Он совершил? Воскресил Христа; и это уже немаловажное дело; но смотри, что и еще (Он сделал): посадил Его одесную Себя. Какое слово может изобразить это? Сущего от земли, того, кто был безгласнее рыб, кто был игрушкой (подвергался искушениям) демонов, – вдруг возвел на высоту. Поистине, призывательно велите силы Его!

И смотри, куда Он возвел Его. Посадил Его **"на небесах"** превыше всякого сотворенного естества, превыше всякого начальства и власти. **"Превыше"**, – говорит, – **"всякого Начальства"**. Потому, поистине, нужен Дух (благодати), нужен ум просвещенный, чтобы познать Его, – словом, для этого нужно откровение. Представь, как велико расстояние между человеческой и божественной природой; между тем Он от этого (человеческого) ничтожества возвел Его в ту (Божественную) честь. Не одну, не две, не три степени нужно перейти для этого. Потому-то и (апостол) не просто сказал: выше, но – превыше. Превыше вышних сил – один Бог. И туда-то Он возвел сущего от нас, – от крайнего унижения Он возвел на крайнюю степень власти, за которою уже нет другого (высшего) достоинства. **"Всякого Начальства"**, – говорит, т. е. (превыше) не того или другого, но всякого **"Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого"**; что бы ни было на небе, Он сделался превыше всего. Все это (говорил апостол) о Воскресшем из мертвых, и все это достойно удивления, а никак не о Боге-Слове. Ведь, что комары в сравнении с человеком, то вся тварь в сравнении с Богом. И что я говорю: комары? Если все люди пред Богом не более, как капля и как пылинка на весовой чашке (Ис. 40:15), то с комарами (в этом случае) можешь сравнивать невидимые силы. Итак, не о Боге-Слове говорил так (апостол), а о Том, Кто от нас. Это подлинно велико и чудно, – что Он из преисподних земли возвел Его. Если все народы (пред Богом) как капля, то один человек лишь малейшая частичка капли. И между тем Бог сделал Его выше всех **"не только в сем веке, но и в будущем"**, – значит, имена некоторых сил (небесных) нам не объявлены еще и неизвестны, – **"и все покорил под ноги Его"**. Не просто сказал: сделал **"Его выше"** (всего), чтобы предпочесть им, – не в смысле сравнения употребил это слово; но поставил его как бы господином над рабами. О, подлинно дивные дела! Через то, что Боге Слово вселился (в наше естество), человеку вся сотворенная сила сделалась рабыней. Но, может быть, есть кто-нибудь выше (Его), у кого, хотя нет подчиненных, но кто обладает большим достоинством? Здесь и это неприложимо: **"и все покорил под ноги Его"**, не просто покорил, но покорил до совершенного подчинения, так что большего подчинения быть не может. Потому-то (апостол) и сказал: **"под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви"**. О, и Церковь, куда Он возвел! Как бы некоторой машиной поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую, и посадил ее на том же престоле, потому что где глава, там и тело, нет никакого перерыва между главой и телом, и если бы (связь между ними) прерывалась, то не было бы ни тела, ни главы. **"Выше всего"**, – говорит. Что значит – **"выше всего"**? Или – что Христос выше всего видимого и созерцаемого умом, или – что высшее из всех благоденствий, оказанных Им, то, что Сына Своего сделал главою, не оставив при этом никого выше – ни ангела, ни архангела, ни другого кого-нибудь. Не одним только тем (преимуществом Бог) почтил нас, что сущего от нас возвел горе, но еще

и тем, что предуготовил то, чтобы весь вообще человеческий род последовал за Ним, имел тоже, что Он и наследовал Его (славу). **"Которая есть Тело Его"**. Чтобы ты, услышав слово „главу“, не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не счел Его только начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (апостол) прибавляет: **"полнота Наполняющего все во всем"**. Он считает как бы недостаточным (название главы для того), чтобы показать родство и близость (Церкви ко Христу), и что говорить? Церковь есть исполнение Христа, точно так же, как голову дополняет тело и тело дополняется головой. Видишь, каким оружием пользуется апостол, как он не останавливается ни пред каким оборотом речи, чтобы представить Божью славу. **"Полнота"**, – говорит, т. е., как глава пополняется телом, потому что тело составляется из всех (своих) членов, и каждый член необходим для другого. Видишь, как (апостол) представляет, что (для Христа, как главы) нужны все вообще члены, потому что если бы многие из нас не были – один рукой, другой ногой, третий иным каким-либо членом, то тело Его было бы не полно. Итак, тело Его составляется из всех (членов). И значить: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное тело, когда мы все вместе будем соединены и скреплены самым прочным образом.

3. Видишь ли **"богатство славного наследия"**? Видишь ли **"безмерно величие могущества Его в нас, верующих"**? Видишь ли **"надежда призвания"**? Почтим же нашу Главу; подумаем о том, какой Главы мы тело, – которой все покорено. Сообразно с этим образцом мы должны быть лучше самих ангелов и выше архангелов, как удостоенные большей чести, нежели все они. **"Не Ангелов"** Бог принял естество, как говорить (апостол) в послании к Евреям, но **"семя Авраамово"** (Евр. 2:16). Не власти, не начала, не господства, не другой какой силы, а наше принял Он естество и посадил горе. И что я говорю: посадил? Сделал Своею одеждой, и не это только, но и все покорил под ноги Сто. Сколько бы раз сам ты ни умирал, сколько бы, – хотя бы тысячи и более, – раз ты ни полагал душу свою, но ты не скажешь, чтобы сделал, хотя что-нибудь равное (тому, что Христос сделал). Он совершил два великих дела: сам снизошел до последней степени уничижения, и человека возвел на великую высоту. (Апостол) прежде сказал о Его уничижении; здесь же говорит о деле еще высшем, истинно великом и главном. Если бы мы и не были превознесены (чрез Его уничижение), было бы довольно (того, что Он сделал для нас); или если бы и были удостоены (столь высокой чести), но без Его жертвы (то этого тоже было бы довольно). Но когда Он совершил и то и другое, то, для изображения всего этого, самое богатое слово остается недостаточным и бессильным. Самое воскресение представляется уже не столь великим, когда подумаю об этом. Не о Боге-Слове, а о Нем (Христе уничиженном) говорит: **"Бог Господа нашего Иисуса Христа"**. Почтим же близость родства; убоимся, чтобы не отсекался кто от этого тела, чтобы не ниспал, кто и не явился недостойным. Если бы кто-нибудь на нашу голову надел диадему, золотой венец, – скажите, чего бы мы не сделали, чтобы показать себя достойными этих бездушных камней? Здесь же не диадема покрывает нашу голову, а сам Христос сделался нашей Главой, что гораздо выше, – а между тем мы не придаем этому никакой цены. Ангелы, архангелы и все (небесные) силы благоговеют пред нашей Главой, а мы – тело Её ужели не почтим, но ни за Её уничижение, ни за наше возвышение? Какая же после этого останется у нас надежда на спасение?

Напечатлей в уме своем этот царский трон, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать нас. Если бы и не было геенны, то для нас, – удостоенных столь великой чести, и потом оказавшихся недостойными её и злыми, – (лишение этой чести) какое было бы наказание, какое мучение? Представь, близ кого восседит твоя Глава, – одного этого совершенно довольно для всего, – одесную кого она находится? Она восседит превыше всякого начальства, и власти и силы: а тело Её и бесы попирают? Но да не будет! Если бы было так, то не было бы уже и тела. От Главы твоей в

благоговении отступают самые почетнейшее из рабов: неужели же тело ты отдашь на поругание? Какого наказания не будешь ты достоин в таком случае? Если бы кто ноги, царя заковал в цепи, и надел на них кандалы, разве такой не был бы повинен самому жестокому наказанию? А ты все тело Его отдаешь лютым зверям и не содрогаясь? Но так как у нас зашла речь о теле Господнем, то вот вспомним и то тело, которое было распято, пригвождено, и приносится в жертву. Если ты – тело Христово, то неси крест, потому что Он нес; перенеси оплевания, заушения, прободение гвоздями; таково было Его тело, хотя оно было безгрешно: **"не сделал греха"**, – сказано, – **"и не было лжи в устах Его"** (Ис. 53:9). Руки Его действовали только для благодетельствования нуждающихся. Уста Его не произнесли ничего неприличного; **"не бес ли в Тебе?"**, говорили Ему, а Он и здесь не сказал ничего вопреки (Иоан. 7:20). И так как мы говорим о теле Его, то приобщающиеся тела и пьющие кровь Его – помните, что мы приобщаемся тела несколько не различного от того тела, которое восседит горе, которому поклоняются ангелы, которое находится близ нетленной Силы, – это именно (тело) мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он сделал нас Своим телом, дал нам Свое тело, – и все это не отвлекает нас от зла. О, омрачение! О, великое унижение! О, бесстыдство! **"Ищите горнего"**, – сказано, – **"где Христос сидит одесную Бога"** (Кол. 3:2); а между тем одни заботятся о богатстве, другие пленяются страстями.

4. Разве вы не видите, что если у нас на теле появляются лишние и ненужные наросты, то мы их срезаем и отнимаем прочь? В особенности бесполезны для тела наросты безобразные, омертвление, или сгнившие, от которых, между тем, может заразиться и все тело. Но мы не решимся утверждать, чтобы существо наше состояло из одного тела. Если же тело, несмотря на то, что оно вещественно, подвергается, однако, отсечению, то какие ужасы должно будет испытать нам, если духовная наша сторона не пребудет здоровой? Когда тело наше не принимает пищи, когда проходы закрыты, – оно умирает; когда засорены каналы, – оно повреждается. Так точно бывает и с душой: когда мы закрываем уши (к слушанию слова Божьего), – она повреждается. Когда мы не воспринимаем духовной пищи, когда некоторые худые наклонности, подобно испорченным жидкостям, наполняют нас и начинают вредить нам, – тогда все это производит болезнь, болезнь жестокую, оканчивающуюся совершенным изнурением. В этом случай для спасения нужно прибегнуть или к прижиганию, или же к отсечению, потому что Христос никому с таким (испорченным) телом не дозволит войти в чертог Свой. Если Он вывел и изгнал вон одевшихся в нечистые одежды, то чего Он не сделает, каких мер не употребить против того, кто допустить нечистоту в теле?

Замечаю, что многие просто, как случится, больше по обычаю и заведенному порядку, чем с рассуждением и сознательно, приобщаются тела Христовая. Настало, говорят они, время св. четырехдесятницы, или день Богоявления, всем, – каков бы кто ни был (по внутреннему расположению), – должно приобщиться тайн. Но время не дает права приступать (к таинству), потому что не праздник Богоявления и не четырехдесятница делают приступающих достойными, но светлость и чистота души. С этими качествами приступай всегда; без них – никогда. **"Ибо всякий раз"**, – говорит (апостол), – **"когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете"** (1 Кор. 11:26), т. е. совершаете воспоминание о своем спасении и о Моем благодеянии. Припомни, с каким страхом приступали к участию в древних жертвоприношениях. Чего не делали, чего не совершали предварительно? Они всегда наперед очищались; ты же, приступая к жертв, которой ангелы трепещут, определяешь совершение этого дела известным временем? Как предстанешь ты после того пред судилище Христово, ты, который нечистыми устами и руками осмаливаешься принимать тело Его? Ты и царя не осмелишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запах: как же ты со зловонной душой дерзаешь лобызать Царя небесного? Такой поступок – оскорбление для Него. Скажи мне, дерзнул ли бы ты с

немытыми руками приступить к жертве? Не думаю. Напротив ты скорее решишься вовсе не приступать. Чем (приступить) с нечистыми руками. А между тем, в малом покачивая такую осмотрительность, ты приступаешь и дерзаешь касаться (великой жертвы), имея нечистую душу? Ведь в руках она бывает только временно, а душу совершенно проникает. Притом, разве ты не видишь, как чисто вымыты и как ярко блистают (священные) сосуды? Души же наши должны быть еще чище, святее и светлее. Почему так? Потому, что сосуды так (вымываются и очищаются) для нас; они не впитывают в себя, не чувствуют того, что в них; мы же – напротив. Как же после этого ты, который наверно не захотел бы (при богослужении) употребить неочищенный сосуд, приступаешь (к таинству) с неочищенной душой? Великую вижу здесь несообразность. В другие времена, бывая (в душе) чище, вы однако не приобщаетесь; в Пасху же, хотя бы на вас лежало преступление, вы приобщаетесь. О, обычай! О, предрассудок! Напрасно приносится ежедневная жертва, напрасно предстоим мы пред алтарем Господним, – никто не приобщается! Впрочем это я говорю не с тем, чтобы вы только приобщились; но с тем, чтобы вы приготавливали себя самих к достойному приобщению. Если ты не достоин приобщения, то недостоен и участия (в литургии верных), и значит – в молитвах. Ты слышишь, как диакон (χέρυξ) возглашает: елицы в покаянии (ὅσοι ἐν μετάνοιᾳ), изыдите все. Которые не приобщаются, те в покаянии; если и ты в покаянии, то ты не должен приобщаться, потому что не приобщающийся бывает из числа кающихся. Для чего после этого (диакон) говорить: изыдите немогущие молиться, а ты продолжаешь бесстыдно стоять? Но ты ведь из числа не их (кающихся), а могущих приобщаться? И однако не обращаешь на это никакого внимания и как бы считаешь это Дело ничтожным?

5. Посмотри, умоляю тебя: вот стоять царская трапеза; ангелы служат трапезе; сам Царь здесь присутствует. А ты стоишь небрежно, нет у тебя никакой мысли, и к тому же – в нечистых одеждах. Но одежды твои чисты? В таком случае приступи и приобщись. Сам (Царь) каждый раз приходит видеть присутствующих здесь; со всеми беседует; вот и теперь в вашей совести говорит вам: други, как вы здесь стоите, не имея брачного одеяния? Не сказал (Господь не имевшему брачной одежды) (Мф. 22:12): для чего ты возлег? – но сказал, что он недостоен быть приглашения и (значить) входа; не сказал же: для чего тебя пригласили, но – для чего ты вошел? То же самое говорит Он теперь, обращаясь и ко всем нам, бесстыдно и дерзко стоящим. Всякий, кто не приобщается св. тайн, стоит бесстыдно и дерзко; потому-то, прежде всего, изгоняются те, которые – во грехах (кающиеся). Как во время трапезы в присутствии господина низшим слугам не позволяется участвовать в ней, и они высылаются вон, так должно быть и здесь. Когда износится жертва и в жертву предлагается Христос – это Владычное овца; когда слышишь: помолимся все вместе; когда видишь, что поднимается завеса, – то представляй себе, что разверзаются небеса, и свыше нисходят ангелы. Как никому из непросвещенных нельзя бывает присутствовать, так равно нельзя присутствовать и нечистым, хотя бы и просвещенным. Если бы кто, будучи позван на пир, изъявил на это согласие, явился, и уже приступил бы к трапезе, но потом не стал бы участвовать в ней, то – скажи мне – не оскорбил ли бы он этим звавшего его? И не лучше ли было бы таковому вовсе не приходиться? Точно так и ты пришел, пел песнь, как бы признавая себя вместе со всеми достойными (св. тайн), потому что не вышел с недостойными. Почему же ты остался, а между тем не участвуешь в трапезе? Я недостоен, говоришь ты. Значить: ты недостоен общения и в молитвах, потому что Дух нисходит не только тогда, когда предложены (дары), но и когда поются (священные) песни. Разве ты не видел, как паши слуги сначала обмывают губкой стол, очищают дом, и потом уже ставят блюда? (В храмах) это самое совершается молитвами, возносимыми диаконом (χέρυξ), которыми, как губкой, мы омываем церковь, чтобы совершить предложение в чистой церкви, чтобы не было здесь ни одного пятна, ни одной пылинки. А действительно бывают в церкви такие, которых глаза недостойны видеть (то, что здесь представляется взорам), которых уши недостойны

слышать (то, что здесь возглашается). Если скот прикоснется к горе, сказал (некогда Господь), будет побить камнями (Исх. 19:13). И (израильтяне) не удостоены были и восхода (на гору), хотя после они восходили и видели, где стоял Господь; им можно было после приходить и видеть. Удались и ты, когда (Бог) здесь присутствует тебе еще более непозволительно быть здесь, чем оглашаемому. Ведь не все равно – никогда не приобщаться тайн, и – после того, как удостоился их, пренебрегать ими, оскорблять их и делать себя недостойным их. Можно было бы сказать и еще большее и страшнейшее; но, чтобы не отяготить вашего ума, довольно и этого. Если это не образумит вас, то и большее (не будет иметь успеха). Итак, чтобы не постигло вас большее осуждение, умоляю вас не о том, чтобы вы не приходили сюда, – нет, – но о том, чтобы вы воли себя так, чтобы быть достойными входить сюда и присутствовать здесь. Если бы какой-нибудь царь приказал следующее: кто сделает то или другое, тот не будет удостоен моей трапезы, то, – скажи мне, – ради этого не сделали ли бы вы тогда всего? (Бог же) призвал нас на небеса, к трапезе Царя великого и дивного, – а мы отказываемся, медлим, не спешим воспользоваться этим призывом? Какая после этого у нас надежда на спасение? Нельзя в этом обвинять немощь, – нельзя обвинять природу. Беспечность – вот что делает нас недостойными, как это и было сказано нами. Умиляющий сердца и подающий дух умиления пусть умилит и ваши сердца и насадить в них глубоко семена (благочестия), чтобы вам принять их в душу свою со страхом, возродить в себе дух спасения и иметь дерзновение приступать (к таинству причащения). **"Сыновья твои"**, – сказано, – **"как масличные ветви, вокруг трапезы твоей"** (Пс. 127:4). Пусть не будет в нас ничего ветхого, ничего дикого и грубого, ничего незрелого! Такие только новонасаждения способны дать плод, плод дивный, разумею – масличный, и могут присутствовать окрест трапезы, и притом не просто и не как попало собираться сюда, но со страхом и трепетом. Тогда и там мы будем взирать на самого Христа с дерзновением, и удостоимся небесного царствия, которое и да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие" (Еф. 2:1–3)

1. Есть смерть телесная, есть и духовная. Подвергнуться первой – не грешно и не страшно, потому что это – дело природы, а не доброй воли; явившись вследствие первого грехопадения, смерть телесная потом сделалась необходимой для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть – духовная, – так как происходит от доброй воли, подвергает ответственности и не имеет никакого извинения. Но посмотри, как Павел, – показав прежде самым ясным и убедительным образом, что исцелить умерщвленную (грехами) душу гораздо труднее, чем воскресить мертвого, – теперь опять говорит об этом великом (деле человеколюбия Божьего), и излагаешь его следующим образом. **"И вас"**, – говорит он, – **"мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления"**. Замечаешь ли ты кротость Павла, с какой он увещевает слушателя, нисколько не устрояя его? Сказавши, что вы дошли до крайней степени зла (а быть мертвым это именно и значить), он затем, чтобы не слишком опечалить их (так как люди обыкновенно смущаются, если им выставляют на вид их прежние преступления, будь это преступления губительные, или не заключающие в

себе ничего особенно опасного), указывает им на помощника (который содействовал им дойти до такой степени зла), и на помощника сильного; и это делает с той целью, чтобы они не подумали, будто они одни во всем виноваты. Кто же этот помощник? Дьявол. Подобным же образом (апостол) поступает и в послании к Коринфянам. Сказав: **"Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители"**, и затем перечислив и других грешников и прибавив: **"Царства Божьего не наследуют"**, потом говорить: **"И такими были некоторые из вас"**. Не сказал просто: **"были"**, но: **"были некоторые"**, т. е. такими когда-то и вы были.

Тут сильно восстают па нас еретики, которые утверждают, что все это должно быть приписано Богу, и, не удерживая необузданного своего языка, усваивают Богу то, что составляет дело одного дьявола. Чем же мы заградим их уста? Их же словами. Вы признаете же (скажем мы), что Бог правосуден; если же Он это сделал, то это не только не свидетельствует о Его правосудии, а напротив показывает крайнюю несправедливость и беззаконие. А беззаконным, без сомнения, Бог никогда не мог быть. Почему (апостол) называет дьявола князем этого века? Потому, что природа человеческая почти всецело предалась ему и все служат ему добровольно и намеренно. Христу, хотя Он обещает бесчисленные блага, никто не внимает; а ему, – хотя он ничего подобного не обещает, а напротив препровождает в геенну, – повинуются все. Он властвует в этом веке, у него слуг больше, нежели у Бога, и ему, за исключением немногих, охотнее повинуются, чем Богу; и все это происходит от нашей беспечности. **"По воле князя"**, – говорит, – **"господствующего в воздухе, духа"**. Это говорить (апостол) с тем, чтобы показать, что (дьявол) обитает в поднебесной, что духи воздушные суть бестелесные силы, которые и помогают ему в его действиях. А что власть его (дьявола) есть власть временная (ή αρχή αἰώνιος), т. е. что она прекратится вместе с настоящим веком, – послушай, что говорить об этом (апостол) в конце послания. **"Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего"** (Еф. 6:12). Для того же, чтобы, услышав, как (апостол) именует (дьяволов) миродержителями, ты не почел их несотворенными, он прибавляет: **"тьмы века"**. Также и в другом месте, где вовсе нет и речи о творениях, он называет развращенное время **"лукавого века"** (Гал. 1:4). Мне кажется, что, будучи начальником в поднебесной (прежде, до падения), дьявол не лишился этого начальства и по падении. **"Действующего"**, – говорит, – **"ныне в сынах противления"**. Видишь ли, что не насильно, не тирански как-нибудь, но чрез убеждение он привлекает к себе? Указывая на **"противление"** (αλεῖθεια), (апостол) как бы хочет сказать, что (дьявол) увлекает всех лестью и убеждением. И не этим только (апостол) ободряет, что указывает на сообщника их, но и тем, что самого себя поставляет вместе с ними. **"Между которыми"**, – говорит, – **"и мы все жили некогда"**; **"все"**, потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь составлял исключение. **"По нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие"**, т. е., не помышляя ни о чем духовном. Но чтобы кто-нибудь не стал подозревать, что это говорится с намерением клеветать на плоть и чтобы не подумал, что вина её в этом слишком уже велика, смотри, как (апостол) предупреждает: **"исполняя"**, – говорит, – **"желания плоти и помыслов"**, т. е. увлекаясь похотями и удовольствиями. Раздражили, говорить затем (апостол), мы Бога, прогневали Его, – стали только предметом гнева (Божьего), и ничем другим. Как дитя человеческое, уже по своей природе, бывает человеком, точно так же и мы были чадами, гнева. **"Как и прочие"**. Значит, никто не был свободен (от гнева), но все мы, по делам своим, были достойны гнева. **"Бог, богатый милостью"** (ст. 4); не просто говорить: милостив, но: **"богатый"**; подобным образом и в другом месте говорится: **"по множеству милости Твоей"** (Пс. 68:17), и еще: **"Помилуй меня по великой милости Твоей"** (Пс. 50:1). **"По Своей великой любви, которою возлюбил нас"** (ст. 4). Здесь указывает (апостол) на источник любви (Божьей) к нам. Все наши дела были достойны не любви, а гнева и жесточайшего

наказания; значит: (если Он возлюбил нас, то единственно) по великой своей милости. **"И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил с Христом"** (ст. 5); опять посредник – Христос, и следовательно дело это вполне верно. Если начаток жив, – и мы (будем живы); если Бог Его оживотворил, – (оживотворить) и нас.

2. Видишь ли, что все это (апостол) говорил о Христе во плоти? Видишь ли переизбыточествующее **"величие могущества Его в нас, верующих"**? Он оживил тех, которые были мертвы, которые были чадами гнева. Видишь ли **"надежда призвания"**? **"Воскресил с Ним, и посадил на небесах"** (ст. 6). Видишь ли славу достояния Его? Да, скажешь ты; что Он воскресил нас, это ясно; а чем доказывает (апостол) то, что Он посадил **"посадил нас на небесах во Христе Иисусе"** (ст. 6)? Тем же, чем (доказывает то, что Он) воскресил. Никто бы и никогда бы не восстал, если бы не воскресла Глава; а когда Глава наша воскресла, воскрешены и мы, – подобно тому, как, когда кланялся Иосифу Иаков, кланялась и жена. Точно таким же образом Он нас и посадил. Когда Глава сидит, сидит вместе и тело. Потому-то (апостол) и прибавил: **"во Христе Иисусе"**. Или, – если посмотреть на это с другой стороны, – Он воскресил нас чрез купель крещения; как же после этого Он посадил? **"Если терпим"**, – говорит (апостол), – **"то с Ним и царствовать будем"** (2 Тим. 2:12). Если вместе умерли, вместе и оживем. Подлинно, нужен дар Духа и откровения, чтобы уразуметь глубину этих тайн! Потом, чтобы ты не остался неверующим, смотри, что он присоединяет: **"Дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благодсти к нам во Христе Иисусе"** (ст. 7). Так как прежде он говорил все о Христе, и во всем сказанном прямо относящегося к нам не было ничего, – что, скажешь ты, в самом деле, нам оттого, что Христос воскрес? – то, показав предварительно, что это должно относиться и к нам, – потому что Спаситель соединен с нами, – теперь Он говорить о том, что собственно к нам относится: **"и нас, мертвых по преступлениям воскресил с Ним, и посадил"**. Итак, как я говорил, веруй (что Он посадил нас с Собою), убеждаясь в этой истине тем, что сказано было прежде, тем, что сказано о Главе, и тем еще, что Он хочет проявить к нам свою благодсть. Как, в самом деле, Он проявить ее, если этого нет (т. е., если Он не посадил нас с Собою)? И **"дабы явить в грядущих веках"**. Что же явить? Что блага уготованные Им и велики и совершенно достойны веры. Теперь эти блага кажутся для неверных несбыточными; а тогда все их узнают. Если желаешь узнать и то, как Он посадил нас, послушай, что сам Христос говорить ученикам: **"сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых"** (Мф. 19:28); и в другом месте: **"но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим"** (Мф. 20:23). Итак, это уже уготовано. И хорошо сказал (апостол): **"В благодсти к нам во Христе Иисусе"**. Воссесть одесную – это честь высшая всякой чести, за которой нет уже другой. Говоря это (т. е. **"в благодсти к нам"**), (апостол) показывает, что и мы воссядем. Сидеть с Христом это поистине невыразимое богатство, это подлинно преизобилующее величие силы Его! Если бы ты имел тысячи душе, неужели ты не положил бы их за это? Если бы потребовалось идти в огонь, не следовало ли бы быть совершенно готовым и на это испытание? Сам (Христос) говорит: **"Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною"** (Иоан. 17:24; сн. 12:26). За такую честь если бы каждый день приходилось быть рассекаемую, то не должно ли было бы и это переносить с радостью? Подумай, где восседает Он? **"Превыше всякого Начальства, и Власти"**. А с кем вместе ты воссядешь? С Ним. Но кто же ты? Мертвый, – по естеству чадо гнева. Что ты сделал правого? Ничего. Теперь, поистине, благовременно воскликнуть: **"О, бездна богатства и премудрости и ведения Божьего!"** (Рим. 11:33)! **"Ибо благодатью"**, – говорит (апостол), – **"вы спасены"** (ст. 8). Чтобы величие благодений не надмило тебя, смотри, как он тебя смиряет, говоря: **"благодатью вы спасены"**. Но чтобы не уничтожить и твоего участия, он прибавляет и то, что требуется от нас (**"через веру"**). Потом снова как бы уничтожает это наше свободное участие, когда говорит: **"И сие не от вас"**. И вера, говорит он, не от

нас; если бы (Христос) не пришел, если бы Он не призвал нас, как бы мы могли уверовать? **"Как веровать в Того"**, – сказано, – **"о Ком не слышали?"** (Рим. 10:14)? Таким образом, и вера – не наше достояние: **"Божий"**, – говорит, **"дар не от дел"** (ст. 9). Вера, говорить (апостол), недостаточна для спасения; но чтобы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует её от нас. Сказал, что вера спасает, но (не сама собою, а) через Бога; Бог хочет, и вера спасает. Скажи мне: как спасет тебя вера без дел? Она сама – дар Божий, **"Чтобы никто не хвалился"** (ст. 9), а всякий напротив делается благодарным к благодати. Итак, спросишь ты, (апостол) сам запретил снискивать оправдание делами? Вовсе нет! Он говорит только, что дела никого не оправдают, и говорить это для того, чтобы показать благодать и человеколюбие Божье. Имеющих за собою дела (Бог) не отвергает от Себя, но тех, которые погибли бы и с делами, Он спасает благодатью, так что после этого решительно никто не имеет права хвалиться.

3. Затем, чтобы, услышав, что **"не от дел"**, но верой совершается (наше спасете), ты не остался беспечен, посмотри, что далее говорить (апостол): **"Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять"** (ст. 10). Заметь, что сам он проповедует: он намекает здесь на воссоздание. Действительно, (наше спасение есть) второе творение: (через искупление) мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в каком мы были прежде, т. е. в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, это дело есть действительно творение, и притом творение, гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же сделаны способными к жизни доброй. **"На добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять"**, – то есть, от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, то такое путешествие не принесло бы нам никакой пользы. Точно также **"надежда призвания"** не может доставить нам, участвующим в этом уповании, какой-либо пользы, если мы не станем ходить достойно Призвавшего. Мы, призванные на дела благая, должны и пребывать в них, доколь не совершим всех их. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но чтобы (совершить) все. Подобно тому, как у нас есть пять чувств и всеми ими мы должны пользоваться надлежащим образом, так точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть и не берет чужого, но не раздает и своего, – для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не даст нам права с дерзновением предстать престолу Христову; для этого нужны многие, разнообразным и разнородные добродетели, или вернее, все добродетели. Послушай, что Христос сказал ученикам своим: **"Итак идите, научите все народы, уча их соблюдать все, что Я повелел вам"** (Мф. 28:19); и в другом месте: **"Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших, тот малейшим наречется в Царстве Небесном"** (Мф. 5:19), т. е. в воскресении. Значит, такой не войдет в царство, – потому что Он обыкновенно время воскресения называет царством. **"Итак, кто нарушит"**, – говорит, – **"одну из заповедей, тот малейшим наречется"**. Следовательно, нам нужно соблюдать все (заповеди).

Смотри; без милосердия нельзя войти (в царствие небесное), и мы отойдем в огонь, если у нас не будет доставать хоть одной этой добродетели. **"Идите от Меня"**, – скажет (Спаситель), – **"проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его"** (Мф. 25:41). Почему же и за что это? **"Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня"** (ст. 42). Видишь ли, Он ни в чем другом не обвиняет их, и за одно только это (отсутствие милосердия) они погибают? И (юродивые) девы за одно только это были изгнаны из чертога; хотя они имели целомудрие, но так как у них не доставало милосердия, то они и не были допущены в чертог. **"Старайтесь иметь мир"**, –

заповедуется, – **"со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа"** (Евр. 12:14). Итак, помни же, что без целомудрия нельзя узреть Господа, хотя не всегда это можно и при целомудрии, потому что другое что-нибудь может воспрепятствовать. Но (вы скажете): мы все исполнили, только не оказывали помощи ближнему; неужели же за одно это мы не войдем в царствие? Откуда это видно? (Из притчи) о рабах, которым вверены были таланты. Они выполняли все добродетели, не опускали ни одной; но так как (один) был ленив, и не заботился о преумножении, то за это справедливо был изгнан. Есть указание и на то, что за одно только злословие будут ввергнуты в геенну. **"Кто скажет"**, – сказано, – **"своему брату: `безумный', подлежит геенне огненной"** (Мф. 5:22). Пусть иной сохранил все заповеди, но был только досадителем, и такой не войдет (в царствие Божье). И пусть никто не обвиняет Бога в строгости за то, что Он так согрешающих лишает небесного царствия. Ведь и у людей, если кто совершит что-нибудь противозаконное, то уже царю на глаза не допускается, хотя бы он преступил одно какое-нибудь постановление, – например, если произнесет несправедливый приговор на кого-либо в суде, он теряет власть свою; если сблудит и будет взят на месте преступления, он уже обесчещен и, хотя бы совершил тысячу деле законных, погибает; если совершить убийство и будет уличен в этом, и этого одного вполне достаточно, чтобы подвергнуть его строгому наказанию. Если же человеческие законы охраняются так строго, то не гораздо ли больше (должны охраняться) законы Божьи? Но Бог благ, скажешь ты. О, до каких пор мы будем произносить эти безрассудные слова? Безрассудным я называю здесь не то, что мы веруем в благодать Божью; но то, что мы позволяем себе злоупотреблять этой верой, – несмотря на то, что мы уже тысячи раз говорили против этого. Послушай, что говорится в Писании: **"Не говори: "милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих"** (Сир. 5:6). (Писание) не запрещает нам говорит, что **"милосердие Его велико"**, – вовсе нет, – не к этому оно побуждает, напротив оно советует нам постоянно говорить об этом, – к этому и Павел направляет все свои речи; но как видно из последующего, (Писание) порицает, когда удивляются человеколюбию Божьему для того, чтобы грешить и говорить при этом: **"милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих"**.

4. И мы так часто и много беседуем о благодати не для того, чтобы, надеясь на нее, делать (что угодно), – потому что в таком случае благодать будет причиной утраты нашего спасения, – а для того, чтобы мы не отчаивались в грехах и приносили покаяние. **"Благодать Божья ведет тебя к покаянию?"** (Рим. 2:4), а не на большее закоснение во зло. Если ты пребудешь злым ради благодати, то через это ты оклеветашь ее пред людьми, – а многих я вижу подобным образом клеветующих на Божье долготерпение! – и дашь ответ за то, что воспользовался (благодатью) не надлежащим образом. Бог человеколюбив, но Он и правосуден; прощает грехи, но воздаст каждому по делам его; превосходить неправды, отъемлет беззакония, но творить и суд. Не противоречит ли это одно другому? Нисколько, если только мы будем обращать внимание на времена. Он отъемлет беззакония здесь и через купель крещения и через покаяние, – и накажет за все беззакония там огнем и муками. Итак, может быть, ты скажешь после этого: если и за малое зло, если даже за один грех я буду извержен и лишен царствия, то почему же мне не делать в таком случае зол всякого рода? Речи эти – речи неблагоразумного раба! Но впрочем, рассмотрим их. Не твори зла, если хочешь спасти себя. Все мы (если сотворим зло) одинаково лишимся царствия; но наказание в геенне потерпим не все одно и тоже; а одни – большее, другие – меньшее. Если ты или кто-нибудь другой презирали заповеди Божьи, и один презрел больше заповедей, другой меньше, – оба вы равно не войдете в царствие. Но если не одинаково презирали, а один больше, другой меньше, то и в геенне ощутите различие. Что это значить, – спросишь ты, – за что такие прещения на не оказавших милосердия, – за что они отсылаются в огонь, и притом не просто в огонь, но **"в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его"**? За что это и почему? Потому что ничто столько не оскорбляет Бога, как обида, делаемая друзьям. Мы должны любить и

врагов; поэтому отвращающийся любящих его и являющийся таким образом хуже самих язычников какого не будет достоин наказания? Итак, по важности греха, такой справедливо должен отойти (в геенну) с дьяволом. Горе, сказано, не творящему милостыни. Если в ветхом завете так было, то тем более (так должно быть) в новом; если там, где позволено было приобретать, наслаждаться, заботиться (о земном), так много обращали внимания на помощь бедным, то не тем ли более (должно поступать так) здесь, где заповедуется оставлять все? В самом деле, чего не делали израильтяне? Отдавали десятины; потом предоставляли еще другие десятины на вспомоществование сиротам, вдовам и прозелитам. Мне некто с удивлением говорил: такой-то дает десятины. Как нам не стыдно! Мы – христиане удивляемся тому, что не было удивительным у иудеев? Тогда опасно было не раздавать десятины: представь же, каково это (т. е. не гораздо ли опаснее) теперь! Пьянство также не наследит царствия. Но при этом, что, обыкновенно, говорить большая часть людей? (Они говорят): что же, если и я и он вместе будем терпеть одно и то же, то в этом уже не малое утешение. Что нам сказать на это? Прежде всего должно сказать, что ты и он понесете наказание не одно и то же; а кроме того (должно прибавить, что) здесь ровно никакого нет утешения, потому что одинаковость страданий в том только случае может быть утешением, когда беды еще не превосходят меры, но когда они превосходят ее, когда повергают нас в ужас, тогда уже (никакое сравнение своих бед с бедами других) не доставит утешения. В самом деле, скажи осужденному на сожжете, – в то время, когда он стоит уже в огне, – что вот и такой-то терпит тоже: ты этим не доставишь ему ровно никакого утешения. Не все ли вместе погибали израильтяне? Однако какое утешение принесло им это? Напротив не более ли это печалило их? Потому-то они и восклицали: погибли, убиты, умерщвлены мы. Итак, есть ли в этом какое-нибудь утешение? Напрасно же мы утешаем себя подобными надеждами. Одно только и есть утешение, это – чтобы не впасть в этот неугасимый огонь; а впадшему уже нельзя получить никакого утешения там, где скрежет зубов, где плач, где неусыпающий червь, где неугасающий огонь. Притом, находясь в такой скорби и тесноте, способен ли ты будешь понять какое-нибудь утешение? Останется ли в тебе хоть сколько-нибудь присутствия духа? Прошу и умоляю, не будем обольщать себя понапрасну, не будем утешать себя подобного рода рассуждениями, но будем делать то, что сможет спасти нас. Тебе предлежит воссесть с Христом, а ты между тем предаешься подобному любопрению. Если бы не было никакого другого греха, то за одни эти речи какому наказанию следует подвергнуть нас? Мы так нерадивы, так ленивы, так беспечны, что говорим подобные речи тогда, когда нам предлагается столь великая честь. О, как горько воз стенаешь ты, когда услышишь, что жившие благочестиво будут с честью призываться в царствие Божье; когда увидишь, что в царстве славы будут возлежать и рабы и люди низкого происхождения, – люди, которые здесь о малом заботились, а там между тем будут участвовать в царском престоле! Подобное (зрелище) не хуже ли будет всякого наказания? Если и теперь, когда видишь, что кто-нибудь блаженствует, – хотя сам и не терпишь ничего худого, – считаешь это хуже всякого наказания и от этого одного приходишь в расстройство, страдаешь, плачешь, и думаешь, что это стоит тысячи смертей, – то, скажи, что ты тогда должен будешь вытерпеть? Пусть не будет геенны: одна мысль о царстве (которого ты лишился и которым другие наслаждаются) разве не может поразить тебя и расстроить окончательно? А что действительно будет так, в этом могут достаточно убедить тебя жизнь и опыт. Итак, перестанем яге попусту утешать себя подобными рассуждениями; будем лучше внимательны и усердны к нашему спасению; поревнуем о добродетели и возбудим себя к деланию добрых дел, чтобы удостоиться столь высокой чести во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 5

"Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире" Еф. 2:11,12)

1. Много есть доказательств человеколюбия Божьего к нам: во-первых, Он сам Собою Спас нас, и Спас столь дивным образом; во-вторых, Он Спас нас, когда мы были в таком состоянии (уже мертвы и чада гнева по естеству); в-третьих, Он возвел нас (на необыкновенную высоту). Все это включает в себе величайшее доказательство человеколюбия Божьего, и все это Павел изображает в настоящем послании. Выше он сказал, что нас, **"мертвых по преступлениям и чад гнева"**, (Бог) спас; теперь показывает, кому равными Он сделал нас. **"Итак"**, – говорит, – **"помните"**, Когда от великой бедности мы переходим в противоположное состояние, или сподобляемся какой-нибудь еще большей чести, то, наслаждаясь славой своего нового положения, о прежнем обыкновенно все мы и не вспоминаем. Имея это в виду, (апостол) и говорит: **"Итак, помните"**. Что же должно помнить? Что мы созданы на дела благая. Этого достаточно для того, чтобы побудить нас заботиться о добродетели. **"Помните"**, – потому что такое памятование может сделать нас благодарными к Благодетелю. **"Что вы, некогда язычники"**. Заметь, как (апостол) низлагает те преимущества, которыми гордились иудеи, и удивляется недостаткам язычников, – которые однако не были недостатками (делающими для них невозможным спасение во Христе), – и для тех и других извлекает увещания из образа их поведения и жизни. **"Которых называли необрезанными"**. Честь была только на словах и преимущество (от обрезания) относилось только к плоти, потому что ни необрезание, ни обрезание ничего не значат. **"Так называемые"**, – продолжает (апостол), – **"обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире"**. Вас так – необрезанием – называют только иудеи. Но почему же, намереваясь показать, что в приобщении язычников к иудеям первым оказано благодеяние, (апостол) не унижает достоинства последних, а напротив возвышает его? Те качества (иудеев), которые остались необходимы (для них и для христиан из язычников), возвышает, а те, которых (язычники, обратившиеся в христианство) могли не иметь, унижает. Потому-то он далее говорит: **"сограждане святым и свои Богу"** (2:19). Смотри, как не унижает. Это, говорить, безразлично. Не думайте, говорить, что есть какая-нибудь разница в том, что вы не получили обрезания и находитесь в необрезании; страшно (не это, а) вот что: быть без Христа, быть отчужденными от жития Израилева, – а первое к житию не относится, – быть вне завета обетования, не иметь надежды на будущее и быть в этом мире безбожными, каковы именно и были язычники. (Прежде апостол) говорил о вещах небесных; (теперь) говорит о земных, так как иудеи очень высоко ценили их. Так и Христос, утешая учеников, после того как сказал: **"Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное"** (Мф. 5:10), присоединяет меньшее (утешение) и говорит: **"Так гнали и пророков, бывших прежде вас"** (ст. 12). Последнее ободрение в сущности менее велико; но в отношении приведения (к спасению), в отношении веры оно и достаточно, и велико, и включает в себе большую силу, так как взято из жизни и опыта. Не сказал (апостол): отлученные ($\chi\epsilon\chi\omicron\rho\iota\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota$), но: отчужденные ($\acute{\alpha}\pi\lambda\lambda\omicron\tau\iota\omega\nu\omicron\iota$) жития; не сказал также: не держащиеся обетований ($\omicron\upsilon\ \pi\rho\acute{\omicron}\epsilon\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$), но: не имеющие ($\omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}\ \mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$) и чуждые ($\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota$). Великое различие в значении этих слов, указывающее и на великое расстояние (язычников от иудеев). И израильяне не вели жизни истинно доброй, но не потому, что были отчуждены (т. е. неспособны), а потому, что были беспечны; и от обетований они ниспали, но не как чуждые им. Каше же были заветы обетования? **"Тебе"**, – сказано, – **"и потомству твоему отдам Я землю сию"** (Бт. 12:7), а также и нечто другое было им обещано. **"Не имели надежды"**, – говорит (апостол), – **"и были безбожники"**.

Хотя язычники и поклонялись богам, но были, однако же, безбожии, потому что идола ничего не значат. **"А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровью Христовой. Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно и разрушивший стоящую посреди преграду, упразднив вражду Плотью Своей"** (ст. 13, 14). Важно уже и то, говорить (апостол), что мы пришли к иудейскому житию. Как это? Он возглавил все на небе и на земле, а ты еще говоришь о израильтянах? Но, говорить, подлинно так! То нужно принимать верой; а это оправдывать делами. **"А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко"**, – говорит, – **"стали близки"** по жизни, – потому что быть далеко или близко зависит единственно от свободы. **"Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно"**.

2. Что значить: **"из обоих одно"**? (Апостол) этим показывает не то, что Бог даровал нам с иудеями одинаковое благородство; но то, что и нас и их Он возвел в лучшее (состояние). Впрочем благоденствия (Божьи) к нам даже выше; тем (иудеям) дарованы были обетования и они были к Богу ближе нас, нам же не дано было никаких обетований и мы отстояли дальше. Потому-то и сказано: **"А для язычников – из милости, чтобы славил Бога"** (Рим. 15:9). Израильтяне получили обетования, но оказались недостойными их; нам же ничего не было обещано, мы были чужды обетований; ничего общего у нас с ними не было, и Он соединил нас воедино, не так, впрочем, чтобы нас присоединил к ним, но нас и их совокупил воедино. Представим пример: вообразим две статуи, одна серебряная, другая оловянная; эти две статуи расплавлены и из них образовались две золотых: вот эти две стали одинаковы. Или возьмем иной пример: пусть один будет раб, другой – усыновленный; оба они должны были служить Ему (т. е. Богу); но один объявлен был лишенным наследства, другой бежал прочь и не знал Отца, а потом оба сделаны наследниками и законными детьми. Они удостоились одинаковой чести, два сделались едино, с тем только различием, что один пришел издалека, другой изблизи, и что ближайший прежде прибыл к Отцу. **"Разрушивший"**, – говорит, – **"стоявшую посреди преграду"**. Что должно разуметь под **"стоявшей посреди преградой"**, он сам объясняет это, когда говорит: **"упразднив вражду Плотью Своей, а закон заповедей учением"**. Некоторые говорят, что средостением был закон, который не позволял иудеям смешиваться с язычниками. А я думаю, что он разумел под средостением (не закон, но) вражду плоти, которая была как бы промежуточной стеной, отделявшей нас от Бога, как и пророк говорит: **"Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим"** (Ис. 59:2)? И справедливо. Такая преграда, как вражда плоти, была преградой к Богу, как для язычников, так равно и для иудеев, потому что закон не только не уничтожал, а напротив увеличивал (вражду): **"ибо закон"**, – говорит (апостол), – **"производит гнев"** (Рим. 4:15). И как в словах: **"ибо закон производит гнев"** апостол не закон собственно поставляет причиной (гнева), но наше неповиновение ему и преступление его, так и здесь называет закон средостением, потому что преступающий его вступает во вражду (с Богом). Закон был и оградой, – оградой для утверждения (в добре), – оградой же он назван потому, что мог ограждать (от зла). Послушай, что говорит пророк: **"Он обнес его оградой"** (Ис. 5:2); и еще: **"разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути"** (Пс. 79:13), – здесь говорить об утверждении; и еще: **"отниму у него ограду, и будет он опустошаем"** (Ис. 5:5); и еще: **"Обращайтесь к закону"** (Ис. 8:20); и в другом месте: **"Господь творит правду и суд. Он сынам Израилевым – показал дела Свои"** (Пс. 102:6,7). А средостение существовало не для того, чтобы охранять, а для того, чтобы отделять их от Бога. Таково различие средостения от ограды. Показывая же, каково оно, и прибавляет: **"упразднив вражду Плотью Своей, а закон заповедей учением"** (ст. 15). Каким образом? (Упразднил), прекратив и разрушив вражду (с Богом). И не этим только образом Он упразднил (закон), но и тем, что Сам сохранил его. Что же, спросишь ты, лишь только мы избавились от первого преступления, как снова принуждены охранять закон? Это

конечно и было бы опять, (но дело в том, что Он) и самый закон уничтожил. **"Упразднил закон заповедей"**, – говорит, – **"учением"**. О, человеколюбие! Он дал нам закон, чтобы мы сохранили его; потом, когда мы не сохранили его и за это должны были быть наказаны, Он и закон упразднил. (Это походить на то), как если бы кто, вверив своего ребенка воспитателю и потом заметив, что он не слушается, освободил и увел его от воспитателя. О, какое великое человеколюбие! Что значит: **"упразднил учением"**? (Апостол) полагает большое различие между заповедью (ἐντολή) учеными (δόγματα). Учением он называет здесь или веру, потому что мы спасаемся только Верой, или определения (Божьего), подобные тому, о которых Христос изрек: **"Ибо истинно говорю вам"**: не гневайтесь совершенно (Мф. 5:12). Значит: если веруешь, что Бог воздвиг его из мертвых, – спасешься. И еще: **"Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём"** (Рим. 10:8).

3. **"Не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо? Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести"** (Рим. 10:6,7). Вместо жизни Он ввел веру, чтобы не пропало даром дело спасения; сам принял наказание, а от них требует веры в догматы. **"Дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека"** (ст. 15). Видишь, язычник не сделался иудеем, но тот и другой пришли в новое состояние. Не для того Он упразднил закон, чтобы одного преобразовать в другого, а для того, чтобы воссоздать обоих. И хорошо (апостол) употребляет слово – **"дабы создать"**; он не сказал: переменить, – чтобы показать особенную силу этого действия, и то, что хотя это созидание совершалось видимым образом, но все же оно не меньше первого творения и наконец то, что нам не должно уклоняться от предметов естественных. **"Дабы из двух"**, – говорит, – **"создать в Себе Самом"**, т. е. через Себя. Не поручил кому-нибудь иному; но сам Собою, предварительно как бы расплавив того и другого (т. е. эллина и иудея), создал одного дивного (т. е. христианина), сам сделавшись и первым творением этого рода, которое гораздо выше прежнего творения. **"В Себе Самом"** может значить также и то, что Он первый представил нам образец и пример (новой твари). При этом занимая сам средину, Он одной рукой привлекает иудея, другой – эллина, и, смешав их, и уничтожив все, что отчуждало их между собою, преобразил свыше огнем и водой, не водой и землей, но водой и огнем. Преобразил и иудея, который был обрезан и находился под проклятием, и эллина, который находился вне закона, **"в одного нового человека"**, высшего обоих – и иудея и эллина. **"Устраивая мир"** (ст. 15) и в отношении к Богу и в отношении друг к другу. Оставаясь иудеи иудеями, эллины эллинами, они никогда не соединились бы между собою; не оставляя своего собственного положения, как каждый из них мог бы придти в лучшее состояние? иудей тогда лишь сближается с эллином, когда делается и верным. (Это походить ни то), как воли двое занимают внизу два отдельных помещения и вверху имеют одно общее, прекрасное и обширное: они до тех пор не могут видаться между собою, пока не поднимутся вверх. **"Устраивая мир"** – преимущественно с Богом, как это видно из последующего. Что именно он говорить далее? **"И в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста"** (ст. 16). Не сказал: умирить (χαταλλάξῃ), но – **"примирить"** (ἀποχαταλλάξῃ), т. е. снова примирить, показывая через это, что и прежде человеческое естество было способно к примирению (с Богом), как у святых еще до закона. **"В одном теле"**, – говорит, – **Своем "с Богом"**. Каким образом Он совершил это? Сам, говорить, понесши на крест должное наказание. **"Убив вражду на нем"** (ст. 16); внушительнее и точнее этих выражений быть не может. Смерть Его, говорит (апостол), убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому Он поручил это дело, и не только сам действовал, но и страдал. Не сказал: разрешив, не сказал также: отняв, но употребил самое сильное выражение – **"убив"**, так что (вражда) никогда уже не восстанет. Да и как бы она могла восстать? Разве благодаря великой нашей злобе. А доколь мы пребудем в теле Христовом, доколь будем находиться в соединении с Ним, – она не восстанет, но будет лежать мертва. Собственно же говоря, она никогда не восстанет, и мы можем лишь

произвести другую (вражду), но отнюдь уже не прежнюю, которая убита и умерщвлена. И значит – ты уже породил эту другую (вражду). "**Плотские помышления**", – сказано, – "**суть вражда против Бога**". Если мы не будем мудрствовать ничего плотского, то этой новой (вражды) никогда не родится, а всегда будет "**мир**" (сн. ст. 15).

4. Подумай только, как ужасно снова вступить нам во вражду с Богом после того, как Он так много сделал для нашего примирения, и действительно примирил нас! Эту (вражду) ожидает уже не купель крещения, но геенна, не прощение, но наказание. "**Плотские помышления**", это – невоздержание, объедение; "**плотские помышления**", это – лихоимство и всякий вообще грех. Почему называется плотским мудрованием? Ведь тело ничего не может сделать без души? (Апостол) не клеветает на плоть, как он не клеветает и на душу, когда говорит: "**душевный человек**"; но (он показывает этим), что ни тело, ни душа сами по себе, – если не получать помощи свыше, – не в состоянии совершить ничего великого и доблестного. Потому он называет душевным то, что душа сама собою делает; и плотским называет то, что тело само собою делает, – не потому впрочем, что все это – по природе (φυσικά), но потому, что, не получив охраны свыше, погибшим. Так и хорошие глаза, но без света, причиняют много бед; зависит же это не от природы их, а от слабости. Если бы все естественное было злом, тогда мы не должны бы были употреблять его даже на должное. Напротив нет зла естественного. Что же именно называется мудрованиями плоти? Грехи. Когда она (плоть), возомнив о себе, захватывает власть над возницей, тогда производить бесчисленное множество зол. Добродетель плоти – повиноваться душе, напротив порок – властвовать над душой. Как хороший и крепконогий конь не обнаруживает достоинства, когда не повинуется вознице, так и плоть тогда лишь хороша, когда мы обуздываем ее порывы. Впрочем, и возница должен обладать знанием своего дела; а без знания и он наделает много бед. Знание везде необходимо. Дух, научающий этому, делая возницу сильнее, тем и душу, и тело украшает. Как душа, доколе она в теле, придает ему красоту, а когда душа перестает животворить тело и отлетает, тогда (происходить зрелище) подобное тому, какое бывает, когда какой-либо живописец перемешивает свои краски, – именно является великое безобразие, каждый член стремится к тлению и разрушению, – точно такое же, иди еще худшее и большее бывает безобразие, когда дух оставляет впусе душу и тело. Итак, если тело ниже души, – ты не порочь его за это. Ведь и я берегусь, чтобы не порочить душу за то только, что она без духа ничего не может. Но если что нужно сказать, так это то, что душа достойна еще большего обвинения. Тело без души ничего не в состоянии было бы сделать дурного, а душа и без тела многое может сделать. Она многое делает и тогда, когда тело бывает истощено и кровь в нем уже не кипит. Это видим мы на чародеях, волхвах, на составителях зелий и на завистниках, у которых тело большей частью бывает истощено. Даже и объедение бывает не по нужде тела, а вследствие невнимательности души; для тела нужна пища, а не объедение. Если хочу крепче править лошадью, то взнуздываю ее; тело же не может принудить душу вдаться в пороки. Почему же (апостол) называет (грех) мудрованием плоти? Потому что он всецело принадлежит плоти. Когда она берет себе власть, когда пренебрегает внушениями ума и властью души, тогда грешит. И значить добродетель тела заключается именно в повиновании его душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Но может ли тело сделать что-нибудь само собою? По связи (доводов), тело если хорошо, то хорошо только в отношении к подчинению (душе); а само по себе оно ни хорошо, ни худо, способно и к тому и к другому, может склониться и на ту, и на другую сторону. Тело желает, но не блуда, или прелюбодеяния, а совокупления; тело желает, но не сластолюбия и обжорства, а пищи, не пьянства, а питья. Что пьянство не составляет пожелания тела, смотри: оно лишнего не удерживает (т. е. извергает назад), когда ты преступаешь меру и переходишь за границу тела. Подлинно, все остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит душе; особенно когда она делается плотской, и так сказать, одевается. Правда, и хорошее тело все же значительно ниже

души; но, с другой стороны, как олово, хотя оно и ниже золота, все же нужно для спайки (последнего), так точно и для души нужно тело. Или как дитя самое благородное нуждается однако же в воспитателе, так и душа нуждается в теле. Не удивляйся, что мы приводим такие примеры, говорим детские вещи, не применяясь к возрасту (слушателей): так именно о теле и должно говорить. Но можно, если захотим, и не быть в теле, – как можно не быть и на земле, – а пребывать на небе и в дух. "Быть где" – это выражение может быть употребляемо для означения не одного местопребывания, а также и состояния (душевного). О многих людях, бывших в известном месте, мы говорим, что они не были, выражаясь: такой-то не сюда приходил. И что я говорю это? Часто мы выражаемся: ты вне себя, или: я вне себя. Что для каждого может быть ближе и нераздельнее его самого? Между тем мы говорим, что он вне себя. Будем же в себе самих, в небе, в дух; пребудем в мир и в благодати Божьей, – чтобы, оставив все плотское, мы смогли достигнуть обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе. Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божье Духом" (Еф. 2:17–22).

Не через другого кого-либо, говорит (апостол), Бог возвестил нам ото, но собственно сам. Не послал для этого ни ангела, ни архангела, потому что исправить столько зол и возвестить о сделанном мог только Он сам, явившись на земле, и никто другой. Владыка принял на Себя должность слуги и почти раба, пришел и возвестил, говорить (апостол), **"мир вам, дальним и близким"**, т. е. иудеям, которые сравнительно с нами были ближе (к Богу), и язычникам, которых, как чуждых заветов обетования, он называет дальними. **"Потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе. Примирить обоих с Богом"**, – говорит, потому что (Христос) примирил нас (с Богом). Об этом сам Он говорил: **"Мир оставляю вам, мир Мой даю вам"** (Иоан. 14:27); и в другом месте: **"Мужайтесь: Я победил мир"** (Иоан. 16:33); и еще: **"Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю"** (Иоан. 14:14); также: **"ибо Сам Отец любит вас"** (Иоан. 16:27). Все это признаки мира и для тех и для этих. Откуда же видно, что и для этих? **"Потому что через Него"** (δι' αὐτοῦ) **"и те и другие имеем доступ к Отцу"**, – сказано, – **"в одном Духе"** (ἐν ἑνί Πνεύματι), не так, чтобы вы меньше, а они больше, но одной и той же благодати (удостоены). Вражду разрушил Он смертью, а любезными нас сделал Отцу через Духа. Вот, смотри, опять частицы: ἐν (в), διὰ (через). Через Себя самого и через Духа Он привел нас к Богу. **"Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым"**. Видишь ли, что мы приписаны к городу не просто иудеев, но мужей великих своей святостью, каковы Авраам, Моисей и Илья, и в этом городе некогда явимся? **"ибо те, которые так говорят"** (т. е. называвшие себя странниками и пришельцами), – сказано, – **"показывают, что они ищут отечества"** (Евр. 11:14); а вы уже сограждане святых, а не странники и не пришельцы. Пришельцы – те, которые не имеют получить небесных благ. **"Сын"**, – сказано, – **"пребывает вечно"** (Иоан. 8:35). **"И свои Богу"**, – говорит (апостол). Что древние приобретали за столько трудов, то вам дарует благодать Божья. **"Быв утверждены на основании Апостолов и пророков"**: вот на чем утверждается упование (нашего) звания! Смотри, как (апостол) смешивает всех вместе: язычников, иудеев, апостолов, пророков, Христа; и, чтобы показать тесную связь между всеми ими, представляет их всех то телом, то зданием. **"Быв утверждены"**, – говорит, – **"на**

основании Апостолов и пророков", т. е. апостолы и пророки служат основанием здания. Апостолов же ставить прежде, – хотя они были после пророков, – чтобы показать этим, что и те и другие одинаково служат основанием, что все составляет одно здание и имеет один корень. Но помни, что и язычники своим основанием имели патриархов. Представляя это под образом здания, апостол гораздо определеннее выражает (мысль о соединении язычников и иудеев), чем если бы подставил это под образом привития. Затем (апостол) присовокупляет: **"имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем"**, показывая, что Христос все содержит, так как краеугольным камнем называется то, что поддерживает и стены и основания. **"На Котором все здание"**. Заметь, как апостол соединяет это: иногда представляет Его свыше содержащим и властвующим над всем телом, иногда же снизу носящим на Себе все здание, – главным основанием. (Апостол) для того и сказал выше: **"Дабы создать одного нового человека"** (Еф. 2:15), чтобы показать, что Он Собою собственно соединил об стены здания, и, с другой стороны, что в Нем все воссозданы. **"Рожденный"**, – сказано (о Нем), – **"прежде всякой твари"** (Кол. 1:15), т. е. Он все носит. **"На котором все здание, слагаясь"**: таким образом, на что бы ты ни указал, на кровлю ли, на стены ли, или на что другое, Он все носит. В другом месте он называет (Христа) основанием: **"Ибо никто не может положить другого основания"**, – говорит, – **"кроме положенного, которое есть Иисус Христос"** (1 Кор. 3:11). **"На Котором"** (εν ψ), – говорит, – **"все здание, слагаясь"**. Здесь еще яснее оттеняет и показывает, что не иначе можно сделаться (храмом Божьим), как проводя жизнь со всем вниманием. **"Возрастает"**, – говорит, – **"в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь"**. Очень часто (апостол) говорит о созидании: **"в святой храм, в жилище Божье Духом"**. Для чего же происходило это созидание? Для того чтобы в этом храм обитал сам Бог. Каждый из вас, и все вы вместе, есть храм, и обитает как в теле Христовом, обитает как в храме духовном. Поэтому (апостол) не сказал: вход, но: **"имеем доступ"** (ст. 18), т. е. не сами собою мы пришли, но приведены Им. **"Никто"**, – сказал (Спаситель), – **"не приходит к Отцу, как только через Меня"**; и в другом месте: **"Я есмь путь и истина и жизнь"** (Иоан. 14:6). **"Слагаясь стройно, возрастает в святой храм"**.

(Апостол) опять возвращается к прежде приведенному им примеру и соединяет их с (ветхозаветными) святыми, и (самих святых в свою очередь) не допускает разъединяться с Христом. Значить, домостроительство спасения нашего началось еще до пришествия (Христа); значить, имея это в виду, Павел и сказал: **"как мудрый строитель, положил основание"** (1 Кор. 3:10), и в другом месте: **"Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос"**. Видишь ли, что примеры нужно понимать не просто, но должно отыскивать в них подразумеваемое? (Апостол) говорит здесь при помощи примеров, как и Христос, когда представлял Отца земледельцем, а Себя корнем. **"Для сего-то я, Павел, сделался узником Иисуса Христа за вас язычников"** (3:1). Прежде (апостол) говорил о великом промыслении Христовом, теперь же говорить о своем усердии, малом и ничтожном в сравнении с Его (промыслением), которое само по себе достаточно для приведения (к спасению). **"Для сего-то я"**, – говорит, **нахожусь в узах, потому что если Владыка мой претерпел за вас распятие, то тем более я должен потерпеть узы. Не только сам Он был связан, но благоволил, чтобы и рабы Его потерпели за вас – язычников – узы. Великий смысл (заключается в этих словах): не только мы не отвращаемся вас, говорить он, а еще терпим за вас узы, и я, между прочим, удостоился такой милости. "Как вы слышали о домостроительстве благодати Божьей, данной мне для вас"** (ст. 2). Здесь (апостол) намекает на предсказание, возвещенное о нем Анании в Дамаске, когда (Господь) сказал: **"Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями"** (Деян. 9:15). Смотрением благодати Он называет именно это откровение. Смысл следующий: не от человека я узнал; Он удостоил меня, когда я был один, откровения относительно вас, потому что сам Он сказал мне: **"Иди; Я пошлю тебя далеко к**

язычникам" (Деян. 22:21). И справедлив (апостол) назвать это смотрением; подлинно, великое было смотрение, когда тот, кого нельзя было убедить никаким образом, призывается свыше, словами: **"Савл, Савл! что ты гонишь Меня?"** (Деян. 9:4), и при этом теряет зрение от неизреченного света. **"Потому что"**, – говорит, – **"мне через откровение возвещена тайна (о чем я и выше писал кратко)"** (ст. 3). Может быть, он объявил им об этом через кого-нибудь, а может быть немного прежде и сам писал им. Здесь показывает он, что все от Бога, что мы от себя ничего не привносим. В самом деле, скажи мне, сам Павел, – великий и дивный Павел, сведущий в законе, воспитанный со тщанием при ногах Гамалиила, – разве не благодатью спасен? Справедливо (апостол) называет это и тайной; подлинно тайна, каким образом язычники вдруг приведены в большее благородство, чем каково было благородство иудеев. **"О чем я и выше"**, – говорит, – **"писал кратко"**, т. е. кратко, **"то вы, читая, можете усмотреть"** (ст. 4); итак – увы – он не обо всем писал и не обо всем том даже, о чем нужно было писать. Впрочем здесь это зависело от свойства обстоятельств, тогда как в других случаях, как напр., в отношении к евреям, к коринфянам, это зависело от их пороков. **"То вы, читая"**, – говорит, – **"можете усмотреть мое разумение тайны Христовой"** (ст. 4), т. е. (можете узнать) как я понял и как уразумел, или вообще откровение Божье, или собственно ту истину, что Он (Сын) сидит одесную (Отца). Потом (апостол) указывает на особое преимущество, говоря, что не со всяким народом Бог так поступал. Какой же это народ, для которого Бог сделал так много? (Апостол) показывает это, говоря: **"Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым"** (ст. 5). Итак, скажи мне, неужели чего-нибудь не знали пророки? Каким же образом после этого Христос сказал, что Моисей и пророки писали это обо Мне? И в другом месте: **"Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне"** (Иоан. 5:46). И еще: **"Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют обо Мне"** (Иоан. 5:39). (Апостол) говоря это, указывает или на то, что не всем людям было открыто, потому что прибавляет: **"Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта"**, или на то, что это не так обнаружилось в их делах и поступках: **"Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта"**. Подумай и в самом деле: Петр не пошел бы к язычникам, если бы не услышал указания от Духа. Вот послушай, что он говорит: **"Итак, если Бог дал им"** Духа Святого, **"как и нам"** (Деян. 11:17). Слова (апостола Павла): **"Духом Святым"** (εν Πνεύματι) значат то, что Бог через Св. Духа удостоил их участия в благодати. Говорили об этом и пророки, но (люди) никогда бы с такой ясностью не узнали этого, как узнали, услышав апостолов, которые превзошли всякий человеческий ум и общие ожидания. **"Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками"** (ст. 6).

Что значит – быть сонаследниками, сопричастниками обетования и телесниками? Значение этих слов высоко: они означают то, что (язычники и иудеи) соединены в одно тело, в тесный союз. Что (язычники) будут призваны, это известно было и прежде; но что к этому именно они будут призваны, никто не знал. Потому-то (апостол) и называет это **"тайной обетования"**. Израильтяне и прежде были причастниками обетования Божьей; теперь сопричастниками сделаны и язычники. **"Во Христе Иисусе посредством благовествования"** (ст. 6), т. е. (язычники сделались сопричастниками обетования) через то, что к ним посланы были (благовестники), и они им поверили. Итак, не просто (сделались сопричастниками обетования), но через благовествование. Впрочем, это еще не велико и не важно; (апостол) открывает нам большое и важнейшее, именно, что не только люди, но ни ангелы, ни архангелы, ни иная какая сотворенная сила не знали этого. Это было вполне тайной, никому неизвестной. **"Усмотреть"**, – говорит, – **"мое разумение"** (ст. 4). Быть может, этими словами (апостол) намекает на то, о чем сказал им в Деяниях, на некоторое его убеждение в том, что и язычники должны быть призваны;

такое понимание тайны он выразил выше, сказав, что (Христос) **"дабы из двух создать одного нового человека"** (2:15). И он, и Петр через откровение были научены, что не должно отвращаться язычников; (об откровении же) он говорит с целью защитить себя. **"Которого служителем сделался я по дару благодати Божьей, данной мне действием силы Его"** (ст. 7). Сказав, что он (за язычников) терпит узы, (апостол) снова относит все к Богу, говоря: **"по дару благодати Божьей"**, – так как по силе этого дара он удостоен этой чести. Но дар был бы недостаточен, если бы вместе с ним не влагалась и сила (Божья).

Поистине (для благовествования) недостаточно одного человеческого усердия, а нужна высшая сила. (Апостол) внес в дело своего благовестия следующие три качества: пылкую и неустрашимую ревность, душу, готовую претерпеть решительно все, разум и мудрость. Но недостаточно было бы отваги, недостаточно было бы безукоризненной жизни, если бы он не получил силы Духа. Для этого посмотри на него самого, или лучше послушай, что он пишет: **"чтобы не было порицаемо"** наше **"служение"** (2 Кор. 6:3); еще: **"Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства; ни видов корысти"** (1 Фес. 2:3,5). Видишь ли, как беспорочно (служение апостольское)? И еще: **"Пекитесь о добром перед всеми людьми"**, а не пред лицом только Господа (Рим. 12:17). Затем обрати внимание на следующие слова: **"Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалю вашей, братия, которую я имею во Христе Иисусе"** (1 Кор. 15:31); и еще: **"Кто отлучит нас от любви"** Христовой? **"скорбь, или теснота, или гонение"** (Рим. 8:35)? еще: **"В великом терпении, в бедствиях"**, в гонениях, **"в нуждах, в тесных обстоятельствах"** (2 Кор. 6:4). Потом касательно своего благоразумия он говорить: **"Для Иудеев я был как Иудей, для подзаконных был как подзаконный, для чуждых закона – как чуждый закона"** (1 Кор. 9: 20, 21). Подвергает себя опасностям и творит бесчисленные (подвиги). Но что самое главное, в нем всегда действовала сила святого Духа. **"Ибо не осмелюсь"**, – говорит он, – **"сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня"** (Рим. 15:18); еще: **"Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами"** (2 Кор. 12:13)? еще: **"Ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто"** (2 Кор. 12:11). Без этих качеств он не мог бы (иметь успеха). Итак, не через знамение он обращал к вере, не чудеса его были причиной того, и не ими он хвалился, и другим и (своими качествами). (Благовестник) должен быть безукоризненным по жизни, и мудрым, и готовым на все опасности, и учительным; эти качества преимущественно и отличали его действия. Если бы и у нас были они, то не нужно было бы и чудес. Вот мы видим, что он прежде, Чем совершил какое-либо знамение, уже сделал бесчисленные подвиги этого рода. А мы теперь, не имея ни одного из этих качеств, хотим между тем, чтобы все нам повиновалось. Впрочем, если бы даже и были в нас эти качества, но не все, то нам они не принесли бы пользы. Что, в самом деле, пользы в твоей готовности терпеть опасности, если жизнь твоя подает повод к парениям? **"Итак, если свет, который в тебе, тьма"**, – сказал (Спаситель), – **"то какова же тьма"** (Мф. 6:23)? Какую пользу принесет жизнь самая безукоризненная, если ты беспечен и сонлив? **"И кто не берет креста своего и следует за Мною"**, – говорит (Спаситель), – **"тот не достоин Меня"** (Мф. 10:38). (Тот не добрый пастырь) кто не положить душу свою за овцы (Иоан. 10:11). Какая будет польза от обоих этих качеств, если не будет при них мудрости, чтобы знать, как ответить каждому? Если знамений и нет в наше время, то эти качества должны быть. Впрочем (апостол), показавши эти свои качества, все приписывает благодати: это признак благодарного раба. И мы никогда бы не узнали о его подвигах, если бы обстоятельства не поставили его в необходимость (говорить о них). После этого достойны ли мы хоть вспоминать Павла? Он, имя благодать, споспешествовавшую ему, не думал однако же, что этого уже и достаточно, но сам себя подвергал тысячам опасностей; мы же, не имеющие такого дерзновения, из какого, скажи мне, источника почерпнем надежды, что сохраним души, вверенные нашему попечению, и

что привлечем не вошедших еще (в Церковь)? (Каким образом можем надеяться на это мы) люди, которые заботимся только об удовольствиях, ищем всегда одного только – покоя, не можем, или лучше, не хотим подвергаться опасностям даже во сне, которые по мудрости так же далеко отстоим (от Павла), как небо от земли? Потому-то и пасомые нами так много ниже тогдашних. Тогдашние ученики были лучше теперешних учителей: среди народа и тиранов им грозили, у них везде были враги, и, однако, ничто не могло преклонить и поколебать их хотя бы на короткое время.

Послушай, что говорить (апостол) в послании к Филиппийцам: **"Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него"** (1:29). И еще в послании к Фессалоникийцам: **"Ибо вы сделали подражателями церквам Божьим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее"** (2:15,16). И в послании к Евреям он пишет: **"И расхищение имени вашего приняли с радостью"** (10:34). О колоссянах в послании к ним свидетельствует следующее: **"Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге"** (3:3); и о других многих опасностях, которым они подвергались, он оставил свидетельство. К галатам писал он: **"Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!"** (3:3). Видишь ли, тогда все о том только и думали, чтобы совершать доброе. Потому-то тогда и благодать действовала с такой силою; потому-то тогда и жизнь проводили в подвигах. Но послушай, что он пишет к коринфянам, которых он обвинял в бесчисленных преступлениях. Не с похвалою ли он отзывается и о них, говоря об их **"усердии и желании"** (2 Кор. 7:11)? Между тем и того, что он хвалит в коринфянах, никто не заметит даже в учителях настоящего времени. Итак, все погибло и пропало. Причина же этого в том, что охладела любовь, и что согрешающие не несут должного наказания. Послушай, что он писал к Тимофею: **"Согрешающих обличай перед всеми"** (1 Тим. 5:20), – а ныне (грехами) страдают начальники. А когда голова нездорова, может ли быть здоровым остальное тело? Притом посмотри, какой теперь неестественный порядок деле. Правильно живущие и как-нибудь сохранившие еще дерзновение (к Богу) занимают вершины гор, – они удалились из среды нас, как общества чуждого им и враждебного, а не родственного. Беззаконники же, обремененные тысячей преступлений, вторглись в Церковь; откупщики сделали настоятелями. Отсюда происходят тысячи зол, и нет никого, кто бы исправил, кто бы вразумил. Напротив это бесчиние получило некоторый законный вид и свободно распространяется. Согрешил ли кто и обвиняется? Таковой не о том старается, чтобы доказать свою невинность, а о том, как бы найти сообщников для своих преступлений. О, с каким ужасом представляю себе, что угрожает нам геенна! Поверьте мне, если бы Бог не готовил нам наказания там, мы видели бы каждый день страшные зрелища, ужаснее бед, перенесенных иудейским народом. Что в самом деле творится у нас? Впрочем, никто не сердись: я никого не назову по имени. Если бы кто-нибудь, придя в церковь и став посреди вас, находящихся теперь с нами, произвел испытание, или даже не теперь это сделал, а в день св. пасхи, – захотел бы тщательно испытать всех, пришедших сюда и приготовившихся приступить к тайнам, – захотел, говорю, испытать для того, чтобы узнать подробно все, содеянное ими, – то сколько бы он нашел зол, гораздо более тяжких, чем беззакония иудеев? Он нашел бы гадающих по полету и крику птиц, прибегающих к чарам, к наговорам и припевам, нашел бы блудников, прелюбодеев, пьяниц и хулителей. Я не хочу уже упоминать о любостыжателях, чтобы не коснуться кого-либо из здесь стоящих. Что же после этого, если бы кто-нибудь исследовал всех, приходящих в храмы целой вселенной, – какого преступления он не встретил бы? Он увидел бы начальников жадных до денег, увидел бы, что должности приобретены ими через куплю, увидел бы между ними много завистливых, склонных к клевете, тщеславных, преданных ненасытному корыстолюбию, раболепствующих деньгам. При столь великом нечестии можно ожидать всякого зла. И чтобы вам узнать, какого наказания заслуживают преданные этим грехам, припомните древние события. Один воин

украли часть священных сокровищ, – и стали погибать все. Вы знаете, без сомнения, эту историю? Я говорю об Хармии, укравшем часть военной добычи, посвященную Богу (Иис. Нав. 7,22). Некогда пророк говорил, что страна их исполнена волхований, как будто страна чужеземная (Ис. 2:6). Теперь же все и везде исполнено зла, и никто не страшится! Между тем следовало бы страшиться: Бог наказывает и праведных вместе с нечестивыми, как это было с Даниилом, с тремя отроками, как это было со многими другими, как, наконец, случается и ныне на войнах. Праведные через эти бедствия, ниспосылаемые на них свыше, свергают с себя ту тяжесть грехов, какую они имеют; нечестивые же нет. Вследствие всего этого будем внимательны к самим себе. Не видите разве браней? Не слышите разве о бедствиях? Или вас ничто это уже не вразумляет? Народы и целые города погибли и разрушены; тысячи попались в рабство к варварам. Если геенна не вразумляет вас, вразумитесь хоть этими бедствиями. Может быть, вы думаете, что это не прещения (Божьи), что это просто обыкновенные события? Погибшие понесли великое наказание; но мы понесем еще большее, если не образумимся при виде стольких бедствий. Знаю, жестоки мои слова; но если вы вникнете в них, они принесут пользу. Хотя сказанное, конечно, не преподает вам благодати, – этого никогда и ждать нельзя, – но оно всегда в состоянии смирить и вразумить душу. А это послужит залогом будущих благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божья, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем" (Еф. 3:8–11)

Кто посещает лечебницу, посещает ее не просто, но с тем намерением, чтобы научиться врачеванию и употреблению лекарств. Так и мы, собравшись здесь, не просто собрались, не чтобы познать обилие смиренномудрия Павла. Что именно? Намереваясь сказать о величии благодати Божьей, послушай, что он говорит: **"Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия"**. Выказал он смиренномудрие и тем, что оплакивал прежние грехи, уже исправленные, помнил об них, и был скромнен до того, что называл себя хульником, гонителем и обидчиком; но с тем (что он говорить теперь) ничего и сравнить нельзя. Прежде, говорить, я был таким-то, и называет себя извергом; но когда теперь, совершенно исправившись, все еще уничижает себя и называет себя меньше всех, – это подлинно великая и необыкновенная скромность. **"Мне, наименьшему из всех святых"**. Не сказал: (меньшему) апостолов, – так что употребил выражение уничиженнее этого последнего. В ином месте он сказал: **"и я недостоен называться Апостолом"** (1 Кор. 15:9); здесь же называет себя даже меньшим всех святых: **"Мне"**, – говорит, – **"наименьшему из всех святых, дана благодать сия"**. Какая? **"Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божья"**. Пусть это не было открыто людям, – но неужели ты просвещаешь и ангелов, и архангелов, и начала, и власти? Просвещаю, говорить, потому что в Боге было это сокрыто, в Боге, **"создавшем все Иисусом"**. И ты дерзаешь это сказать? Да, дерзаю, – говорить. Но как же это сделалось известным ангелам? Через Церковь. И притом не просто сказал: да (скажется) различная

премудрость Божья, во – **"многообразная"**. Итак что же? В самом деле, ангелы не знали ее? Вовсе не знали: если начала не знали,

то тем более ангелы не знали. Что же, не знали и архангелы? Не знали и они: откуда они могли узнать? Кто мог им открыть? Когда узнали мы, тогда узнали и они через нас. Послушай, что ангел говорит Иосифу: **"наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их"** (Мф. 1:21). Он (Павел) был послан к язычникам, а те (другие апостолы) к обрезанным. Потому-то особенно удивительны и поразительны его слова: **"Мне, наименьшему, дана"**. Но и это было делом благодати, что меньшему были поручены истины величайшие, что он был их благовестником, – ведь сделавшийся благовестником величайшего через это становится велик и сам. **"Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово"**. Если богатство (Христа) остается неисследованным даже и после Его явления, то тем более неисследованно существо Его. Если и теперь еще есть здесь тайна, то тем более была она прежде, нежели узнали ее. Тайной же называете это (богатство любви Христовой) потому, что оно не было известно ни ангелам, ни кому другому. **"И открыть всем"**, – говорит, – **"в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом"**. Ангелы знали только то, что **"ибо часть Господа народ Его"** (Вт. 32:9). Притом же в другом месте сказано: **"князь царства Персидского стоял против меня"** (Дан. 10:13). Потому неудивительно, если они не знали этого. Если не знали того, что касалось возвращения (израильтян), то тем более они не могли знать этого (богатства любви Христовой), так как оно открылось через евангелие. **"Он"**, – говорит, – **"спасет Своих людей Израиля"**. Здесь ничего не говорится о язычниках; но о них открывает Дух. О призвании их было известно, но что при этом они воссядут и на престоле Божьем, этого кто мог ожидать, кто мог этому поверить? **"Скрывавшейся"**, – говорит, – **"в Боге"**. Впрочем это **"домостроительство"** (о спасении язычников) яснее раскрывает в послании к Римлянам. **"В Боге"**, – говорит, – **"создавшем все Иисусом Христом"**. Хорошо он сделал, что, вспоминая о творении, сказал: **"Иисусом Христом"**. Ведь сотворивший все через Него и это открывает через Него: **"И без Него"**, – сказано, – **"ничто не начало быть"** (Иоан. 1:3). Сказавши о началах и о властях, сказал и о горнем и о дольном. **"От вечности"**. Ныне, говорить, совершилось, но не ныне определено, а предначертано издревле. **"От вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом"**, – то есть, по предведению веков, наперед зная будущее, грядущие века, потому что он знал, что будет, и согласно с тем определил. **"От вечности"**, – конечно тех, которые сотворил Иисусом Христом, потому что через Христа **"Все начало быть"** (Иоан. 1:3). **"В Котором мы имеем"**, – говорит, – **"дерзновение и надежный доступ через веру в Него"** (ст. 12). Не как пленники, говорить, мы приведены, не как удостоенные прощения, не как согрешившие: **"мы имеем"**, – говорит, – **"дерзновение и надежный доступ через веру"**, т. е. со смелостью (надеемся). Почему же так? По вере в Него. **"Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава"** (ст. 13). Почему же о них? И почему (скорби его) составляют их славу? Потому что Бог так возлюбил их, что отдал за них Сына, и предал на страдания Своих рабов (апостолов). В самом деле, и Павел был в узах для того, чтобы они получили такие блага. Так велика к ним любовь Божья! Тоже говорит Бог и о пророках: **"бил их словами уст Моих"** (Ос. 6:5). Как же они **"унывали"**, когда другой скорбел? Это значит, что они приходили в страх, смущались. Об этом он пишет и Фессалоникийцам, говоря: **"чтобы никто не поколебался в скорбях сих"** (Фес. 3:3). Должно не только не скорбеть, но и радоваться. Впрочем, если вас может утешить предсказание, то предсказываем вам, что мы здесь испытаем скорби. Почему же? Потому что так повелел Владыка. **"Для сего преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле"** (ст. 14 – 15). Здесь (апостол) показывает отличительную черту своей молитвы за них. Не сказал просто: **"молю"**, но сказал: **"преклоняю колени мои"**, и тем

выразил свое усиленное моление о них. **"От Которого именуется всякое отечество"**. Уже не говорить (об отечестве, которое было разделено) **"по числу сынов Израилевых"** (Вт. 32:8), но о Том, Кто сотворил и горние, и дольные колена, – не такие, каковы иудейские. **"Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верой вселиться Христу в сердца ваши"** (ст. 16 – 17). Смотри, с какой ненасытностью просить им благ для того, чтобы они не колебались. А каким образом это совершается? **"Духом Его во внутреннем человеке"** вашем **"верой вселиться Христу в сердца ваши"**. Как именно? **"Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову"**.

О чем молился (апостол) вначале, о том и теперь. О чем же он говорил вначале? **"чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его"** (Еф. 1:17 – 19). И теперь говорить тоже самое: **"чтобы вы могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота"**, т. е. (да сможете) с точностью познать тайну домостроительства нашего спасения. Широтой и долготой и глубиной и высотой он называет познание богатства любви Божьей, – того, как она повсюду распространилась. Описывает же ее телесными чертами, приспособляясь к понятиям человеческим; (для того и говорить) что она обняла и верхнее и нижнее и находящееся по сторонам. Мы сказали, говорить, что этому может научить не наше слово, а Святой Дух. Ним **"крепко"**, – говорит, – **"утвердиться"** против искушений и обольщений, – потому что не иначе можно утвердиться в добре, как через испытания и при помощи благодати Божьей. А о том, каким образом Христос обитает в сердцах, послушай, что говорить Он сам: **"Я и Отец Мой возлюбил его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим"** (Иоан. 14:23). Обитает же не просто, но в сердцах верующих, которые утверждены и не колеблются в любви к Нему. **"Чтобы вы могли"**, – говорит, – т. е. нужно много силы. А для чего нужна эта сила, объясняя это, прибавляет: **"чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всей полнотой Божьей"** (ст. 18 – 19). Это значит: хотя любовь Христова и выше всякого человеческого познания, однако вы познаете ее, если в вас будет обитать Христос, – и не только познаете, но **"дабы вам исполниться всей полнотой Божьей"**. Под исполнением же Божьим он или разуметь познание того, как во Отце и Сыне и Св. Духе воздается поклонение Богу, или побуждает к тем подвигам, через которые можно было бы исполниться таких добродетелей, какими исполнен Бог. **"А Тому, Кто действующему в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем"** (ст. 20). Хорошо сказал: **"силою"**, потому что силе свойственно получать то, чего мы никогда и не ожидали. А что (Бог) делает для нас более, чем мы **"просим или помышляем"**, это видно из написанного самим (апостолом). Я, говорить он, колюсь; а Он и без моей молитвы сделает больше наших прошений, – и не просто только больше или обильнее, но **"несравненно больше всего"**, – выражение, которое показывает особенную великость дара. Откуда же это видно? Из силы, говорить, действующей в нас, – потому что мы никогда этого не просили и не ожидали. **"Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь"** (ст. 21). Хорошо сделал (апостол), что заключил свое слово молитвой и славословием: должно прославлять и благословлять. Даровавшего нам такие блага. Достойно удивления также и то, что за дары, полученные нами от Бога, славит (Его) о Христе Иисус. Хорошо сказано и это: **"Тому слава в Церкви"**, – потому что известно, что Церковь будет существовать всегда. А так как она всегда пребывает, то (апостол) хочет,

чтобы и мы прославляли Бога до окончания мира, – что и объяснил он, сказавши: **"Во все роды"**. Необходимо сказать еще, что такое – отечествия (*πατριάι*)? Здесь (на земле) под словом отечествия (поколения) понимаются роды; но каким образом будут роды на небе, где никто не родится один от другого? Вероятно (апостол) называет здесь отечествиями небесные сонмы, так как и в Писании поколение Мерарино называется сонмом (Числ. 4:33). Не всего (апостол) просит от Бога, но требует и от них веры и любви, и не просто любви, но любви, вкоренившейся в нас и твердой, такой любви, которой бы и ветры не поколебали, и иное что не разрушило. (Апостол) сказал, что скорби составляют славу; если же таковы мои скорби, тем более таковы ваши собственные.

Итак, скорби еще не служат признаком того, будто мы оставлены (Богом): явивший к нам такую благодать, конечно, не оставит нас. Если же (апостолу) Павлу нужна была молитва и помощь Духа для того, чтобы он мог узнать любовь Божью, то кто после этого познает существо Христово, руководясь одними умствованиями? А разве, в самом деле, так трудно познать, что Бог любить нас? Очень трудно, возлюбленный! Одни не знают даже и этого – отчего, как говорят, и случаются в мире тысячи зол, – а другие не знают меры (этой любви). Павел не отыскивает этой меры и не хочет измерять ее (любовь); да и как бы он мог это сделать? Но говорить, что превосходное и великое дело познать (богатство любви), и что он это самое может доказать познанием, которого мы удостоились. Что выше того, чтобы **"крепко"** и **"утвердиться"** иметь в себе Христа? Многого, говорить, мы и просим (у Бога); но Он может сделать для нас гораздо больше, нежели сколько мы просим, – чтобы мы не только любили Его, но и сильно любили. Постараемся же, возлюбленные, познать любовь Божью. Это важно для нас: ничто другое не приносит нам столько пользы, ничто столько не возвышает нас. Познание этой любви может действовать на души более, чем страх геенны. Откуда же мы ее узнаем? И из сказанного, и из того, что каждодневно совершается. Для чего в самом деле сотворено все это? Для какой нужды? Ни для какой. Причина бытия и горних и дольних существ – одна любовь (Божья). Но особенно эта любовь видна из того, что Он благоденствует людям, сам наперед ничего не получив от них. Потому, в подражание Ему, будем и мы благоденствовать врагам, – не отвергнем тех, кто ненавидит нас и отвращается от нас. Это уподобляет нас Богу. Если, сказано, ты любишь любящего, какая польза? Это и язычники делают (Мф. 5:46, 47). Но что служит признаком истинной любви? Любовь к ненавидящему. Я хочу привести пример, и, – простите мне, – не находя его в области предметов духовных, заимствую его из плотской жизни. Не видите ли вы любовников? Сколько они терпят от любовниц обид, сколько коварства, сколько вреда, как бывают мучимы и иссушаемы ими, – и тем не менее они любят их более своей души, проводя ночи у дверей их. Научимся этим примером, конечно, не тому, чтобы любить этих распутных женщин, но чтобы так любить врагов. В самом деле, скажи мне, не хуже ли всех врагов поступают (любовницы с пристрастившимися к ним)? Не расточают ли они их имущества, не наносят ли им личных оскорблений и не повелевают ли ими с большей властью, чем своими рабами? Однако (любовники) не отстают от них. И никто не имеет такого врага, какого имеет любовник в своей любовнице, потому что любовница и гордится им, и бесчестит его, и часто злоупотребляет им, и поступает с ним тем презрительнее, чем более бывает любима им. Что звероподобнее души с таким настроением? Однако любят (любовники своих любовниц). Впрочем, сейчас найдем такую любовь и у духовных (людей), – не нынешних, потому что ныне она охладела, – а у древних, великих и дивных мужей.

Блаженный Моисей превзошел и тех, которые имеют страстную любовь. Как и каким образом? Во-первых, покинув царский двор с его роскошью, почести и славу, он предпочел лучше быть с израильтянами. А этого другой не только не сделал бы, напротив покраснел бы, если бы кто уличил его в родстве не только с рабами, но и с людьми, которых считают за преступников. Он же не только не устыдился родства, но и показал

себя самым ревностным защитником (израильтян) и за них сам подвергся опасности. Как? Видя, сказано, что один обижает другого, он защитил обижаемого и убил обидчика. Но это еще он сделал не для врагов. Правда, велик и этот поступок, но не так, как то, что после случилось. На другой день он увидел тоже самое, и видя, что обижает тот, за которого он отомстил (вчера), убеждал его не делать обиды. А этот человек, по своей крайней непризнательности, и говорить (ему): **"кто поставил тебя начальником и судьей над нами?"** (Исх. 2:3)? Кого не раздражили бы такие слова? Если бы прежнее дело было совершено под влиянием гнева и безрассудной раздражительности, то и этого человека (Моисей) убил бы. Тот, для которого это было бы сделано, не донес бы на него. Но он, – говорит (Писание), – сказал так потому, что они были в родстве между собою; напротив, будучи сам обижаем, не говорить ничего такого: **"кто поставил тебя начальником и судьей над нами?"** Почему же ты не говорил так вчера? Обида, нанесенная тобою, и твоя жестокость и поставили меня князем и судьей. Но, заметь, ныне некоторые говорить это и Богу. Они желают, чтобы (Бог) был жесток к тем, которые их обижают, и обвиняют Его в долготерпении к ним, – хотя сами, обижая других, этого не делают. Что оскорбительнее таких слов? Однако, и после этого, когда был посылаем к непризнательным и неблагодарным, (Моисей) пошел и не отказался. Мало того; когда после знамений и чудес, совершенных им, намеревались побить его камнями, и он избегал рук их, – оставаясь однако же, предметом постоянного их ропота, – (пророк) любил их такой любовью, что, после совершения народом известного тяжкого греха, говорил Богу: **"Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал"** (Исх. 32:32). Лучше желаю, говорить, с ними погибнуть, чем без них спастись. Вот поистине – не рассуждающая, какая-то страстная любовь! И что ты говоришь? Ты не дорожишь небом? Не дорожу, говорить, потому что люблю согрешивших. Хочешь быть изглаженным? Как же и быть иначе? Я люблю, говорить. Между тем, что последовало далее? Послушай, что говорить Писание в другом месте: и озлоблен быть Моисей их ради **"и Моисей потерпел за них"** (Пс. 105:82). Сколько раз они оскорбляли его! Сколько раз оставляли и его и его брата! Сколько раз хотели возвратиться в Египет! И после всего этого он горел и пламенел (любовью), и готов был пострадать за них. Так должно любить врагов! Подвергаясь их нападениям, мучениям, терпя от них лишения, должно желать им спасения. Да и Павел, скажи мне, не желал ли быть ввергнутым в геенну, вместо них (израильтян)? Но нельзя при этом не привести в пример и самого Владыку, – как Он поступил, когда сказал: **"Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми"** (Мф. 5:45). Он (Спаситель наш) приводит в пример Отца; а мы приведем Его – Христа. Он пришел к нам, – разумею Его домостроительство, – сделался рабом ради нас, смирил Себя, истощил, принял зрак раба; придя (на землю), хотя сам не пошел на путь языков, во повелел это ученикам, и не только это сделал, но и обходил (различные места), врачую всякую болезнь и всякую немощь.

Что же? Все дивились, и в недоумении говорили: **"Откуда же у Него все это?"** (Мф. 13:56)? А те, которые получили от Него благоденствия, говорили: **"Он одержим бесом"** (Иоан. 10:20), Он хульник, безумец и обманщик (Мф. 9:3, 27:63). Что же, отогнал ли Он их от Себя? Нет; напротив, слыша это, благовторил еще более, шел к тем, которые намерены были распять Его, как будто им-то Он и должен был послужить во спасение. И будучи распят, что Он говорил? **"Отче! прости им, ибо не знают, что делают"** (Лк. 23:34). И прежде, и после того терпя зло, Он до последнего издыхания все делал для них и молился за них. И после распятого чего не совершил для них? Не послал ли апостолов? Не явил ли знамений? Не поколебал ли и земли, для них? Так должно любить врагов из подражания Христу! Так поступал и Павел: побиваемый камнями, претерпевая тысячи страданий, все делал для них (врагов своих). Послушай, что он говорит: **"Желание моего сердца и молитва к Богу во спасение"**; и еще: **"Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге"** (Рим. 10:2); и опять: **"Если ты, дикая маслина, привился на место их и стал**

общником корня и сока маслины" (Рим. 11:17). С какой нежной любовью говорит он эти слова, с каким благорасположением? Этого невозможно и высказать, поистине невозможно! Так должно любить врагов. Любовь к врагам есть любовь к Богу, даровавшему заповеди и законы, есть подражание Ему. Знай же, что, оказывая благодеяния врагам, ты благотворишь не им, а себе, не их любишь, а повинешься Богу. Итак, зная это, утвердимся во взаимной любви, чтобы, в точности выполнив ее, получить обетованные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью" (Еф. 4:1).

Достоинство учителей состоит не в том, чтобы стараться о приобретении чести и славы у своих учеников, но в том, чтобы вести их ко спасению, и все свои Действия направлять к этой цели. Если бы какой учитель заботился только о первом (своей чести и славе), – он был бы не учителем, а тираном. И Бог поставил тебя над ними не для того, чтобы ты наслаждался большим почетом, но для того, чтобы, забывая себя, помышлял только о том, что относится к ним, Таков долг учителя. Таким был блаженный Павел; он был чужд всякой гордости и вел себя наравне с другими, – даже так, как будто он был меньше других: называл себя их рабом, и очень много наставлений преподавал в вид просьбы. Вот, смотри, и теперь пишет не повелительным, не властным тоном, а кротко и смиренно: **"Итак я, узник в Господе, умоляю вас"**, – говорит, – **"поступать достойно звания, в которое вы призваны"**. Скажи мне, для чего ты просишь? Для того ли, чтобы тебе самому получить что-нибудь? нет, говорить, а для того, чтобы спасти других. Но кто просить, тот просить о полезном для него самого? И мне это полезно, говорить, как я и написал об этом в другом месте: **"Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе"** (1 Фес. 3:8). Так всегда сильно желал спасения ученикам своим! **"Итак я, узник в Господе"**. Подлинно, великая и важная честь (быть в узах ради Господа), – она выше и царского, и консульского, и всякого другого достоинства.

Об этом же (узах своих) говорить и в послании к Филимону: **"Как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа"** (Флм. 9). В самом деле, нет ничего так славного, как узы ради Христа, как оковы, возложенные на эти священные руки. Быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником. Кто любить Христа, тот понимает эти слова. Кто неудержимо стремится к Владыке и горит любовью к Нему, тот знает силу уз. Павел предпочел бы узничество ради Христа жизни на небесах. Его (скованные) руки для них (учеников его) казались светлее всякого золота, всякого царского венца. Не столько блестит на голове повязка с драгоценными камнями, сколько железные оковы ради Христа. Тогда темница бывает светлее царских чертогов. Что говорю – царских? Светлее и самого неба, потому что содержит в себе узника Христова. Кто любить Христа, тот знает это достоинство, знает эту добродетель, знает, сколько благ принесло роду человеческому узничество ради Него. Быть может, узы ради Него славнее сидения одесную Его, досточтимее восседания на двенадцати престолах. И что сказать мне (после этого) о человеческих (благах)? Стыжусь сравнивать богатство и золотое украшение с узами. Но, переставши говорить о величии уз, (скажу), что если бы узы ради Христа ничем не награждались, то все же велика была бы награда, достаточно воздаяние уже в том одном, что эти страдания претерпеваются ради любимого. Слова эти понятны любящим, если не Бога, то людей, – тем, которые более радуются, терпя страдания ради своих возлюбленных, чем получая от них почести. Понятны они были и священному сонму апостольскому. В самом деле, послушай, что говорить блаженный Лука: **"Они же**

пошли из синедриона, радуясь, что за имя" Христа "удостоились принять бесчестие" (Деян. 5:41). Иным кажется смешно – бесчестие считать достоинством и обращать в предмет радости. Но знающие Христову любовь считают это (бесчестие) выше всякого блаженства. Если бы кто давал мне или все небо, или эти оковы, я предпочел бы их. Если бы кто хотел поместить меня или в горних с ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я избрал бы темницу. Если бы кто делал меня одной из тех сил, которые окружают небо и престол (Божий), или таким узником, я предпочел бы сделаться этим узником. И справедливо, нет ничего блаженнее этих оков. Я желал бы теперь быть в тех местах, где, говорят, еще хранятся эти узы, посмотреть их и подивиться людям, имевшим столь сильную любовь к Христу. Я желал бы видеть оковы, которых ужасаются и трепещут демоны, которые почитаются ангелами. Нет ничего лучше злострадания ради Христа. Я не столько ублажаю Павла за то, что он был восхищен в рай, сколько за то, что был ввергнут в темницу. Не столько ублажаю его за то, что слышал неизреченные глаголы, сколько за то, что был в узах. Не столько ублажаю его за то, что восхищен был на третье небо, сколько – за узы. А что узы больше всего этого, он знал это и сам. Вот послушай: он не сказал: молю вас аз, слышавший неизреченные глаголы. А что? **"Итак я, узник в Господе, умоляю вас"**.

Неудивительно, если он не употребляет этих слов во всех посланиях, – ведь он был в узах не всегда, а по временам. Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести. Это – великая честь, это – слава, выше которой нет ничего. Если Он, сделавшись для меня рабом и ни во что вменивши славу, ничего не считал для Себя столько славным, как распинаться за меня, то чего не должен я претерпеть? Послушай, что говорить Он сам: **"Отче! прославь Сына Твоего"** (Иоан. 17:1). Что говоришь? Тебя вместе с разбойниками и грабителями ведут на крест, чтобы подвергнуть позорной смерти; Ты терпишь заушения и заплевания, – и Ты это называешь славой? Называю, говорить. Так как Я страдаю за любимых Мною, то и считаю (эти страдания) славой. Если же Он, возлюбивши достойных сожаления и несчастных, называет страдания славой; если для Него слава состояла не в том, чтобы быть на престол Отчем, не в славе, а в бесчестии, и последнее Он предпочитал первому, – то тем более я должен считать это славой. О, блаженные узы! О, блаженные руки, украшенные этими узами! Не столько были почтенны Павловы руки, когда они поставили на ноги и даровали способность ходить хромоту в Листре (Деян. 14), сколько тогда, когда находились в узах. Если бы я жил в те времена, то по преимуществу лобзал бы их, и прилагал бы их к своим зеницам. Я непрестанно лобзал бы руки, удостоившиеся быть в узах ради моего Владыки. Ты дивишься Павлу, что ехидна, коснувшись его руки, ничего ему не сделала? Не дивись: она устрашилась оков; их страшилось и целое море, – потому что тогда он был в оковах. Если бы кто давал мне силу воскрешать мертвых, я избрал бы не ее, а оковы. Если бы я не имел забот по церкви и мои телесные силы были крепки, то не отказался бы совершить столь дальнейшее путешествие для того, чтобы только видеть Павловы оковы и темницу, в которой он был заключен. Хотя везде встречаются памятники его чудес, но они не производят такого впечатления, как памятники его язв. И в Писаниях он не столько радуется меня, когда совершает чудеса, сколько тогда, когда злостраждет, когда его бьют, влачат. Справедливо пользуются почитанием платки и полотенца, от которых совершались чудесные действия, – они тоже достойны удивления, но не такого, как те (апостольские страдания). Сказано: бивше его, и **"дав им много ударов, ввергли в темницу"** (Деян. 16:28); еще: **"узники воспевали Бога"** (Деян. 16:25); еще: **"побили"** его **"камнями и вытащили за город, почитая его умершим"** (Деян. 14:19).

Если хотите узнать, как много значат оковы, ради Христа налагаемые на тело (Его) раба, – послушайте, что сам Христос говорит: **"Блаженны вы"**. Когда? Когда будете воскрешать мертвых? нет. Когда же? Когда будете врачевать слепых? И не в этом случай. А когда?

"Когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня" (Мф. 5:11). Если же одно поношение доставляет столько блаженства, то чего не делает злострадание? Послушай, что говорить сам блаженный (Павел) в другом месте: **"А теперь готовится мне венец правды"** (2 Тим. 4:8). Но узы славнее этого венца. Только бы их мне удостоиться, о другом же я и не рассуждаю. Без всякого воздаяния мне довольно одного страдания ради Христа. Пусть только мне дана будет возможность сказать, что я исполняю **"недостаток в плоти моей скорбей Христовых"** (Кол. 1:24), и мне ничего более не нужно. И Петр удостоился таких оков. Он, сказано, **"спал между двумя воинами, скованный двумя цепями"** (Деян. 12:4 – 6). Он так был спокоен в узах и так мало скорбел об этом, что мог уснуть: не овладел бы им глубокий сон, если бы он находился в большом беспокойстве. Он спал между воинами, – **"И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его"** (ст. 7). Если бы кто мне сказал: чем хочешь ты быть – ангелом ли, толкнувшим Петра, или спасенным Петром? Я предпочел бы быть Петром, для которого приходил и ангел. Мне были бы сладостны эти узы. А зачем же, скажет кто-нибудь, он молится (по освобождении из темницы), как будто он освободился от величайшей беды? Не дивись этому. Он молится потому, что боялся умереть. Умереть же боялся потому, что хотел еще жить для страданий. Послушай, что говорит об этом и сам блаженный Павел: **"Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас"** (Фил. 1:23, 24). Это же далее он назвал и даром: **"Потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него"** (ст. 29). Таким образом последнее больше первого, – потому что **"вам дано"**. Поистине это величайший дар, и больший всех (других даров), – и дара остановить солнце и луну, и дара подвинуть мир. Это больше власти над демонами, или силы изгонять демонов. Они не столько страдают, когда мы изгоняем их верой, сколько тогда, когда видят, что мы ради Христа терпим бедствия и бываем в узах. Это дает нам большее дерзновение (к Христу). Хорошо быть в узах ради Христа не потому, что они доставляют нам царство, а потому, что это бывает ради Христа. Не потому я ублажаю узы, что они (как бы) наперед открывают путь к небу, а потому, что они претерпеваются ради Владыки неба.

Знать (апостолу), что он претерпевал узы ради Христа, – сколько в этом утешения для него! Сколько радости! Сколько чести! Сколько славы! Я сам желал бы всегда говорить об этом, желал бы хотя прикоснуться к этим оковам; но как я лишен этого счастья на деле, то по крайней мере мысленно, через искреннее желание заключаю в них свою душу. Вследствие землетрясения, сказано, поколебалась темница со связанным Павлом, **"и у всех узы ослабели"** (Деян. 16:26). Видишь ли свойство уз разрешать узы? Как смерть Господа умертвила смерть, так и Павловы узы разрешили узников, поколебали темницу, отворили двери. Впрочем естественная сила уз не такая, а (совершенно) противоположная – крепко содержать узника и не расторгать пред ним стен (темницы). А то свойство, (о котором мы говорим), принадлежит не простым узам, но узам ради Христа. **"Страж в трепете припал к Павлу и Силе"** (ст. 29). Этого не делают обыкновенные узы, связавших не приводят к ногам связанных, а напротив подчиняют последних первым. А теперь свободный был у ног узника; связавший просил связанного, чтобы этот освободил его от страха. Скажи мне, не ты ли связал его? Не ты ли заключил его во внутреннюю темницу? Не ты ли наложил на ноги его колодку? Что же трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачем обнажил меч? Никогда, говорить, не случалось мне вязать таких (людей); я не знал, что такова сила узников Христовых. Что говоришь ты? Они получили власть отверзать небеса: ужели они не отворяют темницы? Они разрешали связанных демонами: ужели железо будет сильнее их? Ты не знал этих мужей, потому и достоин извинения. Связанный – Павел, которого чтут все ангелы, – Павел, платки и уборы которого прогоняли демонов и исцеляли болезни. А демонские узы много крепче и неразрывнее железных, потому что первыми оковывается душа, а последними – тело.

Итак, освобождающий связанные души неужели не мог освободить своего тела? Расторгавший узы демонов ужели не расторг бы железных уз? Разрешавший тех узников и освобождавший от власти демонов посредством своих одежд разве не освободился бы сам собою? Он был прежде связан; потом разрешил связанных, чтобы показать тебе, что рабы Христовы связанные имеют гораздо более силы, чем свободные от уз. Не было бы так удивительно, если бы он это сделал, будучи свободным от уз. Значит, узы были причиной не слабости, а большей силы. Так сила святого блистательнее открывается тогда, когда, и связанный, он повелевает свободными от уз, когда – сам узник – он освобождает не только себя, но и других узников. Какая польза от стен? Какая (польза) от того, что он был ввергнут во внутреннюю темницу, когда отворил и наружную? Но почему это совершилось ночью и с землетрясением? Впрочем я уклонился от апостольских слов, слишком много занялся апостольскими делами; но будьте не сколько снисходительны ко мне, и позвольте мне усладиться Павловыми узами, – позвольте еще долее остановиться на них. Я взялся за узы, и – никто меня не отогнет от них. Я теперь связан любовью, чем он тогда оковами. Этих уз никто не разорвет, потому что он – от любви Христовой. Их не могут разрешить ни ангелы, ни царство небесное. Послушаем, что говорить об этом сам Павел: **"Ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви"** Христовой (Рим. 8:38, 39).

Для чего же это совершилось среди ночи, для чего с землетрясением? Внимайте Божью домостроительству и дивитесь. Узы ослабли у всех и отворились двери. Но это было сделано только для темничного стража, не для того, чтобы показать (ему силу уз), а для его спасения. Узники не знали, что они разрешены, как это видно из Павлова восклицания. Что именно говорится? **"Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь"** (Деян. 16:28). Не были бы все (в темнице), если бы знали, что двери отворены, и сами они освобождены от уз. Те, которые разламывают стены, проникают через кровли и заборы, и решаются на все, будучи в оковах, не остались бы, когда и узы были разрешены, и двери отворены, и сам темничный страж спал. Но вместо уз железных на них были узы сна. Так устроено было для того, чтобы и дело совершилось, и от чуда не произошло никакого вреда для темничного стража, который должен был спастись. Притом узники особенно крепко связываются ночью, а не днем. Поэтому можно было их видеть опять связанными с большим старанием и погруженными в сон. Если же бы это совершилось днем, то произошло бы большое смятение. Для чего же было потрясено здание? Для того, чтобы темничный страж пробудился и увидел совершившееся, так как он один был достоин спасения.

Здесь, прошу тебя, посмотри на обилие благодати Христовой. Говоря о Павловых узак, благовременно вспомнить о благодати Христовой, тем более, что самые узы составляют дело благодати Божьей. Некоторые осуждают за то, что спасен был темничный страж, тогда как в этом случае и должно бы подивиться человеколюбию Божьему. И не удивительно. Таково свойство (людей) немощных, что они порицают даже питательность пищи, которую следовало бы хвалить, и медь называют горьким. (Людей) больных глазами ослепляет свет, который должен бы был светит им, хотя это зависит не от естественного свойства света, но от немощи тех, которые неспособны пользоваться им, как должно. Что же они говорят? Тогда как следовало бы удивляться, что он (апостол) спас человека, впавшего в крайнее бедствие, и сделал его лучшим, – они говорят: каким образом (страж) не счел этого делом волшебства и чародейства, и еще более не стерег их и закричал на них? Но он при этом многое сообразил: во-первых, то, что слышал, как они воспевали Бога, – чародеи не стали бы петь таких песнопений, а он, сказано, слышал их воспевающих Бога (Деян. 16:25); во-вторых, то, что о не только не убежали, но и не допустили его убить себя. Если бы они для самих себя сделали это, то не оставались бы

темниц, но первые освободились бы сами. Велико и человеколюбие их: они воспрепятствовали умертвить себя тому, кто сказал их, как бы так говоря ему: ты весьма крепко стерег нас, заключивши во внутреннюю темницу и связавши тяжкими оковами, – для того, чтобы самому тебе освободиться от тягчайших уз. Каждый (человек) связан узами своих грехов. Эти последние узы достойны проклятий, а т (узы) – блаженные и заслуживающие того, чтобы их испрашивать великими молитвами. Апостол чувственным образом показал, как последние (вещественные) узы освобождают от первых (уз духовных). Ты видел, как они освободились от железных уз, которыми были связаны? Увидишь, что и ты сам разрешен от других тяжких уз. Эти узы, – разумею не Павловы, а узников, – происходят от греховных уз. В темнице были двоякого рода узники, и сам страж был узником. Те были связаны жезлом и грехами, а он – только грехами. Павел освободил их в удостоверение его, – так как узы были видимы. И Христос поступил также, или лучше – наоборот. Там было двоякое расслабление. Какое именно? Греховное и телесное. Что же он делает? **"Держай"**, – говорит, – **"чадо! прощаются тебе грехи твои"** (Мф. 9:2). Сначала исцелил от расслабления душу, потом переходить и к телу. А именно, когда **"некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному": встав, "возьми постель твою, и иди в дом твой"** (Мф. 9:4 – 6). Он подтвердил умственным чувственным, телесным доказал то, что относилось к душе. Для чего Он поступил так? Чтобы исполнилось сказанное: **"Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!"** (Лк. 19: 22). Что же (говорят) они? **"Никто кроме Бога не имеет власти прощать грехи"**, т. е. ни ангел, ни архангел, ни другая сотворенная сила. Вы сами признали это. Что же Ему должно было сказать? Если будет показано, что Я отпускаю грехи, то ясно, что Я – Бог? Но Он не сказал этого, а что? **"Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой"**. Итак, когда Я, говорить, сделаю более трудное, тогда, очевидно, уже не должно оставаться никакого неверия и спора о том, что гораздо легче. Потому-то и совершил Он прежде духовное исцеление, что много было противоречивших. А здесь (апостол) к чувственному пришел от умственного. Итак, вера (темничного стража) была не легкомысленна. Он видел узников и ничего не видел и не слышал худого от них. Он видел, что дело было совершенно не посредством волшебства, – так как они воспевали Бога; видел в происходившем дело их великого человеколюбия, – так как они не мстили ему, хотя и могли. Они могли бы уйти (из темницы), освободив как самих себя, так и других узников, и если не узников, то, по крайней мере, самих себя; но не сделали этого. Итак он почувствовал уважение (к апостолу) не за чудо только, но и за самое его поведете. Как он (Павел) воскликнул? **"Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь"**. Видишь ли, как он, в самом деле, чужд тщеславия и гордости и какой исполнен любовью? Не сказал, что это случилось для нас, но точно один из узников говорит: **"ибо все мы здесь"**. Между тем, если бы они (Павел и Сила) не прежде этого и не посредством чуда освободились, им надлежало бы молчать и освободить всех узников. А если бы они молчали и не остановили его рук громким воззванием, то (страж) пересек бы себе горло мечем. (Апостол) и потому сделал это воззвание, что был заключен в самое дальнее отделение темницы. Ты, говорить, поступил во вред себе, ввергнув во внутреннюю темницу тех, которые освободят тебя от опасности. Но они не подражали тому, что он делал. И если бы он умертвил себя, то все узники разбежались бы.

Ты видишь, что (апостолы) лучше захотели оставаться в узах, чем видеть погибель темничного стража. Потому он и размышлял сам с собою: если бы они были чародеи, то выпустили бы всех (других узников), и сами бы освободились от уз. Вероятно, многие и

из таких (людей) бывали ввергаемы в темницу. А удивился он потому, что хотя и часто принимал (к себе) чародеев, но не видел ничего подобного. Чародей не потряс бы оснований (темницы): этим можно разбудить стража и более затруднить для себя бегство. Но обратим, наконец, внимание на веру темничного стража. **"Он потребовал"**, – сказано, – **"огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?"** (Деян. 16:29, 30)? Он имел в руках огонь и меч и говорил: **"Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой"** (ст. 31). Чародеям несвойственно, говорить он, преподавать такое учение; в их словах нет и помину о демон. Видишь ли, как был он достоин спасения? Увидевши чудо и освободившись от страха он не забыл самого важного и при такой опасности заботился о спасении души и приступил к учителям так, как должно было приступить, – припал к их ногам. **"И проповедали слово Господнее ему и всем, бывшим в доме его. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его"** (ст. 32, 33). Видишь ли пламенное рвение этого человека? Не отложил дела до времени, не сказал: „вот придет день, тогда увидим, подумаем“, но с истинным усердием крестился сам и весь дом его. Он поступил не так, как поступают многие ныне, не обращая внимания на то, что и рабы, и жены, и дети их еще не освящены (крещением). Подражайте, молю вас, темничному стражу. Говорю это, не приказывая, а выражая свое желание. Что пользы в приказании, когда и желание не имеет силы? Да, – человек грубый, жестокий, живший вместе с тысячами злодеев, всегда имевший их пред глазами, вдруг сделался так сострадателен, так попечителен! **"Он омыл раны"** их, – сказано. Обрати опять внимание и на пламенную ревность Павла: после уз и бичевания он благовещует. О, блаженные оковы! Какие порождения породили они в эту ночь! Каких чад родили! И о них можно сказать: их **"которых родил я в узах моих"** (Флм. 10). Видишь ли, как он (апостол) радуется, и как хочет этими (узами) придать больше достоинства рожденным чадам? Видишь ли, как велика слава уз, когда она озаряет своим Сиянием не только узника, но и рожденных им в это время? Рожденные Павлом в узах имеют нечто большее, не в отношении, говорю, к благодати, – благодать одна и та же, – и не в отношении к отпущению грехов, – и отпущение для всех одно то же, – но в том отношении, что с самого начала научаются радоваться и увеселяться такими подвигами. **"И, взяв их"**, – сказано, – **"в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам"**. Обрати внимание, наконец, и на плод. Он тотчас воздал им (за духовные блага) видимыми. **"И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога"** (ст. 34). И чего бы не сделал он, когда отворенные двери темницы отверзали ему небо? Он обмыл учителя, предложил ему трапезу и радовался сам. Оковы Павловы вошли в темницу и все находящееся здесь превратили в церковь, всех сделали телом Христовым, предложили духовную трапезу, и родили чад, которым радуются ангелы. Итак не правду ли я говорил, называя темницу светлее неба? Она ведь была причиной радости и для неба. Если о едином кающемся грешнике бывает радость на небесах, если где собраны двое во имя Христа, там и Он посреди их, – то тем более все это было здесь, где были и Павел, и Сила, и темничный страж, и весь его дом, и такая вера. Посмотри, в самом деле, какая твердость веры! Но эта темница напомнила мне другую темницу. Какую же? Ту, в которой был Петр. Но здесь не было ничего такого, – он был **"приказал четырем четверицам воинов стеречь его"** (Деян. 12:3), и не пел, не бодрствовал, но спал, и хотя не терпел ударов, однако опасность была более. Там уже все было сделано, – они уже потерпели наказание, – а здесь еще нет. Потому здесь хотя удары не причиняли боли, зато устрашало ожидание будущего. Но посмотри на чудо и здесь. **"И вот"**, – сказано, – **"Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его"** (Деян. 12:7). Чтобы Петр не подумал, что совершившееся есть только действие света, (ангел) толкнул его. Никто не видел света, а только он, и считал это привидением. Так спящие не чувствуют благодеяний Божьих! **"И сказал ему"**, – сказано,

– "Ангел: опояшься и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним" (Деян. 12:8, 9, 10).

Почему же здесь не было того, что было с Павлом и Силою? Потому что их намеревались разрешить от уз, – поэтому Бог и не восхотел освободить их так же, как Петра. Что же касается блаженного Петра, то ему назначена была смертная казнь. Что же, говорят, не большее ли было бы чудо, если бы он, взятый из темницы и преданный в руки царя, здесь без всякого вреда был избавлен от великих опасностей? В таком случае не погибли бы и воины. Здесь много непонятного. Каким образом, говорят, Бог спас Своего раба с наказанием и погибелью других? Что же нам отвечать на это? Во-первых, что (Бог) не желал погибели других; во-вторых, что это (гибель их) произошло не от того, что так было предопределено, а от жестокости судьи. Как? Бог расположил обстоятельства так, чтобы не только не погибли стражи, но и Петр спасся, – что видим мы и здесь в отношении к темничному стражу; но судья не воспользовался обстоятельствами, как следует. **"По наступлении дня"**, – сказано, – **"между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром"** (Деян. 12:18). Что же потом? Ирод делает исследование о случившемся и, допросивши стражей, **"велел казнить их"** (ст. 19). Если бы он не допросил их, то имел бы некоторое извинение. Теперь же он потребовал их к суду, допросил, узнал, что (Петр) был в узах, что темница была крепка, что стражи стояли у дверей, стена не проломлена, дверь не отворена, и нет никакого другого признака злодеяния. После этого ему ничего более не оставалось, как удивляться силе Божьей, которая похитила (Петра) из среды этих опасностей, и поклоняться Тому, Кто мог совершить такое дело. Он же **"велел казнить их"**. Как же после этого винить Бога? Если бы Он расторг стены и таким образом освободил (апостола), то можно было бы почесть это делом их небрежности. Если же, по устройению (Божьему), в случившемся было видно не человеческое злодеяние, а божественное чудотворение, то для чего он (судья) поступил так? Если бы (Петр) хотел убежать, то убежал бы, как был, – в оковах. Если бы хотел бежать от страха, то не показал бы такой предусмотрительности, не взял бы сандалий, а оставил их. В настоящем же случае и ангел говорит ему: **"Обуйся"**, чтобы было известно, что, не как задумавший убежать, а очень спокойно он поступил здесь. Находясь в узах и между двумя воинами, он не имел бы столько досуга, чтобы разрешить узы, и будучи при том во внутреннем отделении темницы. Таким образом стражи наказаны по несправедливости судьи. Почему этого не сделали иудеи? Здесь я припоминаю другую темницу, – первую в Рим, вторую в Кесарии, настоящая же была в Иерусалим. Почему архиереи и фарисеи, когда услышали от посланных ими в темницу, чтобы вывести из нее Петра, что **"не нашли их в темнице"**, но что двери заперты, и стражи стоят перед дверьми – не умертвили стражей, а **"недоумевали, что бы это значило"** (Деян. 5)? Если они, при всем желании умертвить их, не додумались ни до чего такого, то тем более должен был бы так поступить ты, – ты, который все делаешь в угоду им (фарисеям и книжникам). За это скоро и постигло его (судью) наказание. Если ты после того порицаешь (Бога), то порицай Его и за убийства на дорогах, за тысячи других несправедливых лишений жизни, и даже за детей, избитых ради Христа. Ведь и в их избииении, по твоим словам, должен быть виновен Христос. Но, на самом деле, (виною их смерти был) не Христос, а скорее безумие и жестокость Иродова отца. Если ты скажешь: почему же (Бог) не исхитил его из рук Ирода? – то и это Он мог сделать, но не было бы от того никакой пользы. Сколько раз и Христос уходил от их рук? Но принесло ли это какую-нибудь пользу неблагодарным? А здесь от совершившегося происходит большая польза верным. Когда при существовании памятников о каком-нибудь событии, оно подтверждается и врагами, тогда свидетельство не подлежит никакому сомнению. И вот

как там, так и здесь уста врагов заграждены ничем иным, как рассказом пришельцев о случившемся. Почему же темничный страж не сделал ничего такого, между тем как виденное им ничем не меньше того, что видел Ирод? Если обращать внимание на поразительность случившегося, то узнать, что узник вышел, когда двери были заперты, нисколько не меньше, чем видеть отворенные двери. Последнее скорее может показаться видением, а первое – нет, если о нем точно будет рассказано. Поэтому и он (страж), если бы был злой, убил бы Павла, как Ирод – воинов. Но он не был таков. Если бы мы захотели опровергнуть и тех, которые говорят: зачем Бог дозволил избить детей? – то наше к вам слово вышло бы из пределов, назначенных ему сначала. Теперь, воздавши великую благодарность узам Павловым за то, что они были для нас причиной стольких благ, в заключение нашего слова, просим вас не только не скорбеть, если кому придется потерпеть за Христа, но и радоваться, подобно апостолам, и хвалиться, подобно Павлу: **"И потому я гораздо охотнее"**, – говорил он, – **"буду хвалиться своими немощами"** (2 Кор. 12:9). За это и сказано было ему: **"довольно для тебя благодати Моей"**. Павел хвалится узами, – а ты превозносишься своим богатством? Апостолы радовались тому, что сподобились принять раны, – а ты ищешь неги и роскоши? Как же ты хочешь получить одинаковые с ними (блага), когда идешь совсем иным с ними путем? **"И вот, ныне"**, – говорит (апостол), – **"я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня"** (Деян. 20:22, 23) Для чего же идешь, если тебя ожидают узы и скорби? Именно для того, говорит, чтобы быть связанным за Христа, чтобы умереть за Него. Я готовь принять не только узы, но и смерть за имя Господа нашего Иисуса Христа.

Нет ничего блаженнее этой души! Чем он хвалится? Узами, скорбями, цепями, ранами. **"Я"**, – говорит, – **"ношу язвы Господа Иисуса"** (Гал. 6:17), – как какой великий трофей, – **"на теле моем"**; и еще: **"ибо за надежду Израилеву"**, – говорит, – **"обложен я этими узами"** (Деян. 28:20); еще: **"Для которого я исполняю посольство в узах"** (Еф. 6:20). Что же это значить? Как тебе не стыдно? Как ты не боялся, – после того, как претерпел узы, – обходить вселенную? Как не боялся того, что кто-нибудь назовет бессильным твоего Бога? Что поэтому иные не захотят иметь с тобою общения? Не таковы, отвечает он, мои узы. Они могут блистать даже в царских чертогах. **"Так что узы мои"**, – говорит, – **"о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть избратьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божье"** (Фил. 1:13,14). Видишь ли, что узы имеют более силы, чем воскресение мертвых? Они видели (апостола) в узах и получили еще более дерзновения. Ведь где узы, там должно совершиться нечто великое. Где скорбь, там непременно и спасение, там непременно успокоение, там наверное и великие дела. Так дьявол, когда хочет нанести удар, сам бывает поражен; когда связывает рабов Божьих, тогда еще более распространяется слово (Божье). И смотри, – это везде так бывает. Он был в узах, и вот что сделал в темнице: **"в" самых "узах"**, – говорит, – **"моих"** (Фил. 1:7). Был скован в Рим, и там весьма многих обратил к вере. Это оттого, что не только сам он имел дерзновение, но и многие другие получали дерзновение через него. Он был в узах в Иерусалиме, и проповедь узника изумила царя и привела в страх начальника. Устрашившись же, сказано, отпустил его, и связавший не устыдился принять от связанного учение о грядущем. В узах он совершал плавание, не погиб во время кораблекрушения и укротил бурю. Когда он был в узах, его коснулось ядовитое животное и, не причинив ему никакого вреда, отстало от него. Он был узником в Рим и, проповедуя в узах, привлек к себе тысячи, вместо всего предлагая (своим слушателям) это самое, т. е. узы.

Ныне нет случаев быть заключенным в оковы, но есть другого рода оковы, если того желаем. Какие же? Это – сдерживать руки, чтобы не быть склонным к любостыжанию. Свяжем этими оковами. Вместо железа пусть послужит нам страх Божий. Разрешим связанных бедностью и скорбью. Не одно и то же – отворить двери темницы и дать свободу душ человека, стесненного нуждой. Не одно и то же – разрешить оковы узников и **"отпустить измученных на свободу"** (Лк. 4:18). Последнее больше первого, потому что за то нет награды, а за это – бесчисленные. Длинные были Павловы оковы и долго задержали нас. И на самом деле они длинные, и прекраснее всякой золотой цепи. Эти оковы, наподобие какой-то машины, влекут узников своих на небо, и как бы какая золотая цепь, простирающаяся (до неба), увлекают на небо. И удивительно то, что, связывая узников долу, они влекут их горе. Не таково, впрочем, их естественное свойство. Потому, если Бог устраивает так, (как мы видели теперь), то здесь не на естественное свойство и порядок вещей обращай внимание, а на то, что выше и того и другого. Научимся же отсюда в скорбях не упасть духом и не печалиться. Посмотри, в самом деле, на этого блаженного. Он потерпел удары, и удары сильные: **"дав им"**, – сказано, – **"много ударов"** (Деян. 16:23). Он был заключен в узы, и в узы крепкие: (страж) **"ввергнул"** его **"во внутреннюю темницу"** (ст. 24), и в темницу весьма прочную. Однако и в таких обстоятельствах, в полночь, – когда, под влиянием сна, этих сильнейших уз, спят даже те, которых усиленно будят, – они (Павел и Сила) пели и хвалили Господа. Что может быть тверже этих душ? Они знали, что и отроки пели в огне и в печи. Быть может, они (Павел и Сила) думали: мы еще не потерпели ничего такого. Но слово, правильно развиваясь, привело нас еще и к другим узам, в другую темницу.

Что же делать? И хотелось бы умолкнуть, но не могу. Я нашел другую темницу, которая более удивляет и изумляет, чем эта. А вы воспряньте, как бы теперь только начиналось слово, и прикиньте к нему с оживленным вниманием. Хочу прервать слово, но не удастся. Как пьющий человек не отрывается от чаши, что бы ему ни говорили, так и я, взявшись за чудную темничную чашу узников Христовых, не могу перестать, не могу умолкнуть. Если в самом деле он и в темнице, и ночью, и в ранах не молчал, – умолкну ли я, сидя днем, пользуясь для собеседования полным спокойствием, – умолкну ли, когда не позволили себе молчать находившиеся в узах, битые палками, в полночь?

Отроки не молчали в печи и в огне: не стыдно ли будет нам молчать? Итак посмотрим и ату темницу. И здесь били заключены в узы, но тотчас в самом начале оказалось, что они должны не сгореть, а как бы войти в темницу. Для чего (иначе) ты и связываешь тех, которые должны быть сожжены? Они были связаны, как Павел, и по рукам и по ногам, связаны с такой же жестокостью; и он (Навуходоносор) вверг их во внутреннюю темницу и потом повелел сильно разжечь печь. Но посмотрим на последовавшее за тем. Когда пели те (Павел и Сила), поколебалась темница и отворились двери. Когда пели и эти (отроки), оковы спали с их рук и ног, отворилась темница, и открылись отверстия печи, – потому что шумно врывалась роса духа (Дан. 3:8). Но мне представляется такое множество предметов, что я не знаю, о чем говорить прежде, о чем – после: потому прошу не требовать от меня порядка. И в том и другом событии много сродного между собою. Те, которые были вместе с ними (Павлом и Силою) в узах, освободились от уз и, однако, спали. Здесь же вместо этого было нечто другое: сгорели ввергнувшие их в печь. Но я хотел сказать, что царь увидел их свободными от уз и поклонился им (Дан. 3:95); услышал их пение, увидел четырех ходящих и позвал их. Итак, подобно Павлу, который мог, но не вышел из темницы, пока не позвал и не вывел его тот, кто заключил в нее, и три отрока не вышли, пока царь не повелел им выйти. Чему же мы научаемся отсюда? Не спешить на страдания, не торопиться принимать скорби и не оставаться в них; когда нас освобождают от них. Царь поклонился им; мог бы и войти туда, где были святые, но, подошедши к отверстию, остановился: он не осмелился войти внутрь темницы, в которой приготовил

для них сожжете. И замечай слова. Тот сказал: **"Господи, что мне делать, чтобы спастись?"** Этот, хотя не с таким смиренномудрием, однако сказал не менее приятные слова: **"Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!"** (Дан. 3:93). Великая честь! **"рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!"**. Как они выйдут, царь, когда ты бросил их связанными в огонь, когда они уже столько времени находятся в огне? Даже если бы они были адамантовыми, если бы состояли из металла, и тогда не погибли ли бы в продолжение того времени, как пели весь свой гимн? Но потому они и спаслись, что пели. Огонь убоился их радости, убоился и их удивительной песни, их гимна. Как же ты зовешь их? „Я предварительно сказал: **"рабы Бога Всевышнего!"**, потому что рабам Божиим все возможно. Если бывают и у людей такие слуги, которые в делах своих господ не меньше имеют силы и власти, не меньше распоряжаются, чем сами господа, то тем более это возможно для рабов Божьих". Это – приятнейшие для них слова. Царь знал, что этими словами он доставит им особенное удовольствие. В самом деле, если они пошли в огонь для того, чтобы остаться рабами Божиими, то для них никакие другие слова не были приятнее этих. Если бы он назвал их царями, владыками вселенной, то не обрадовал бы так, как обрадовал, сказавши: **"выйдите и подойдите"**. И что удивительного? Павел, когда писал к великому городу, владевшему вселенной, и гордившемуся своими достоинствами, противопоставил это (достоинство раба Божия), как равное его достоинству, даже как много, несравненно большее и консульства, и царства, и владычества над вселенной: он написал: **"Павел, раб Иисуса Христа"** (Рим. 1:1). **"Рабы Бога Всевышнего!"**. Если они, говорить (царь), столько стараются о том, чтобы быть рабами, то убедим их в этом вполне. Теперь посмотри на благодушные отроков. Они не вознегодовали, не прогневались, не противоречили, а вышли. Если бы они считали обидой то, что были брошены в печь, то негодовали бы на бросившего. Здесь же мы не видим ничего такого: они вышли (из печи) так, как бы сходили с самого неба. Не погрешит тот, кто сказал бы о них то же, что сказал пророк о солнце: **"выходит, как жених из брачного чертога своего"** (Пс. 18:5). Почему? Потому, что они исходили тогда с большей славой, чем исходить солнце. Солнце является для озарение земли чувственным светом, а они освещают ее иначе, т. е. духовно. Ради их царь тотчас послал предписание в таких словах: **"Знамения и чудеса, какие совершил надо мною Всевышний Бог, угодно мне возвестить вам. Как велики и как могущественны!"** (Дан. 3:99). Таким образом, они вышли (из огня), распространяя от себя самые светлые лучи, которыми озарились и самые страны, и которые должны были посредством царских указов распространиться везде и рассеют повсюдный мрак. **"выйдите и подойдите"**. Не повелел он погасить печи, – и такой уверенностью, что они могут не только ходить внутри ее, но и выйти из нее, несмотря на ее жгучий пламень, он сделал им особенную честь.

Но посмотрим, если угодно, и на слова темничного стража. "Господи, что мне сделать, чтобы спастись"? Что приятнее этих слов? Они заставляют ликовать самих ангелов. Для того, чтобы услышать такие слова, сделался рабом Единородный (Сын) Божий. Эти же слова говорили Петру первые верующие: что нам делать, чтобы спастись? Что же он сказал? **"Уверуйте и креститесь"** (Деян. 2:33). Из-за желания спасения и послушания иудеев, Павел охотно низринулся бы и в геенну, чтобы услышать от них такие слова. И смотри: ничего не требует себе, а все предоставляет им. Но посмотрим на последующее. Царь не говорить: да спасусь; но сильнее всяких слов то, что он учить (других). Он тотчас же делается проповедником. Не нуждается в оглашении, как темничный страж. Но что? Прославляет Бога и исповедует Его силу. „Я вполне вижу, что Бог ваш есть Бог богов и Господь господ, – что Он послал ангела своего и извлек вас из печи". И что далее? Не один страж, но многие оглашаются царским посланием, зная совершившееся. Что царь не мог обманывать, это, конечно, очевидно для всякого. Он не захотел бы засвидетельствовать этого о пленниках и тем унижить образ своих действий. Он не захотел

бы принять на себя беславия за такое безумие, – так что если бы истина не была весьма очевидна, он не написал бы такого указа, тем более, что тут так много было свидетелей. Видите ли, какова сила уз? Какова сила песнопения во время скорби? Они от гонения не предались унынию, не упали духом, но тогда-то особенно и были бодры, тогда-то особенно и благодумствовали. И справедливо так поступали они. Остается еще одно: почему в темнице узники были освобождены, а в печи сожжены служители казни, тогда как надлежало бы потерпеть это царю? Ведь не столько согрешили те, которые их заключали в оковы и ввергали в печь, сколько тот, кто приказывал это сделать. Итак, почему же они погибли? Здесь нет надобности говорить много (чтобы объяснить дело). (Погибли) потому, что были нечестивы. Для того это так было устроено, чтобы очевидна была сила огня и большее было чудо. Если в самом деле огонь пожрал с такой силою тех, которые были вне печи, то как он оставил невредимыми тех, которые находились в самой печи? (Это произошло так для того) чтобы очевиднее была сила Божья. И пусть никто не удивляется, что я сопоставил царя с темничным стражем: он поступил одинаково с последним. Царь не был славнее стража: оба одинаково получили пользу. Но праведники, как я говорил, тогда-то особенно и бывают бодры духом, когда находятся в скорби, когда бывают в оковах, потому что страдать за Христа – приятнее всякого удовольствия. Хотите ли я напомню вам еще о другой темнице? Нам необходимо от этих уз перейти к другой темнице. К какой же вы хотите? К той ли, в которую заключен был Иеремия? Или к темнице Иосифа? Или – Иоанна? Благодарение узам Павленным: как много они указали нам темниц! Хотите ли слышать о темнице, в которую был заключен Иоанн? И он был некогда в узах за Христа и за (Тожественный закон. Что же он? Оставался ли в заключении праздным? Не отсюда ли из этого заключения, он послал учеников своих, сказав им: пойдите, скажите Христу: **"Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?"** (Мф. 11:3). И находясь там, он поучал других, не был нерадив. А Иеремия, исполняя свой долг, не предрек ли (в темнице) о вавилонском пленении? А Иосиф? Не был ли в заключении тринадцать лет? Однако ж, и тут (в темнице) не забыл о добродетели. Скажем еще об одних узах и окончим наше слово. Был в узах и Владыка наш, разрешивший вселенную от грехов; были связаны руки, сделавшие бесчисленное множество добра: связавше, сказано, – **"отвели Его к Каиафе"** (Мф. 26:57). Был в узах Тот, Кто совершил столько чудес. Размышляя об этом, не будем никогда скорбеть, но и в узах будем радоваться. Мы, и без оков, все же как бы связаны. Видишь ли, какое благо – узы? Зная все это, вознесем за все благодарение Богу, во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 9

"Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира" (Еф. 4:1 – 4).

1. В этих словах открыта для нас великая и более (всяких) отличий блистательная сила Павловых уз. И (Павел) не напрасно, как кажется, и не без цели показывает эту силу, но чтобы ею более пристыдить их. Что он говорить? **"Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны"**. Как (ходить)? **"Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг к другу любовью"**. Значит, хорошо быть узником, но не просто, а ради Христа; потому он и сказал: **"узник в Господе"**, т. е. ради Христа. С этим ничто не может сравниться! Но узы (Павла), отвлекая нас от настоящего предмета речи, привлекают (к себе), и, будучи не в силах противиться этому влечению, мы говорим о них как бы невольно, а вернее – и с охотой и с молитвой. О, если бы всегда можно было беседовать об этих узах! Но будьте терпеливы: я хочу сказать еще о том, что бывает предметом внимания у многих, и о чем говорят так: если скорби благое дело, то как же он, защищаясь пред Агриппою, сказал: **"молил бы я Бога,**

чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз" (Деян. 26: 29)? Он так говорил не потому, что считал скорби унижительным для себя делом, – нет; если бы это было так, если бы в самом деле они были унижительны, то он не похвалился бы ни узами, ни заключением под стражу, ни другими бедствиями, и не сказал бы: **"я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами"** (2 Кор. 12:9). Что же это значит? То, что он считал великим делом узничество. Но как к Коринфянам писал: **"Я питал вас молоком, а не твердой пищей, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах"** (1 Кор. 3: 2), так и здесь (случилось, что) не могли слушать его учения о красоте, величии и пользе узничества: потому он и сказал: **"кроме этих уз"**. Напротив к Евреям он писал не так, а советовал им разделять узы с узниками. Поэтому и сам радовался за узы, отдавался в оковы и с узниками был отводим под стражу. Велика сила Павловых уз! Вместо всех зрелищ довольно одного этого – видеть Павла связанным и ведомым из темницы. Что может быть выше удовольствия видеть его в узах и сидящим в темнице? Как оценить мне это удовольствие?

Не видите ли вы царей и консулов, едущих на колесницах, убранных в золото, и их телохранителей, также имеющих на себе все золотое, – золотые копья, золотые щиты, золотом убранный одежду, в золотых пополах коней? Но сколько первое зрелище приятнее последнего! Я бы желал лучше однажды взглянуть на Павла, с узниками выходящего из темницы, нежели тысячи раз видеть этих людей в сопровождении их копьеносцев. Сколько ангелов, думаете вы, предшествовало (Павлу), когда таким образом выводили его? Что я не лгу, это может подтвердить вам пример из древней истории. Елисей пророк, которого вы, быть может, знаете, во время войны сирийского царя с израильским, сидя дома, открывал придворные совещания царя сирийского со своими советниками и делал безуспешными его действия, наперед высказывая его тайные намерения, и таким образом не допускал (израильтян) впасть в те сети, которые расставлял им этот царь. Это беспокоило и устрашало последнего, и он был в большом недоумении оттого, что не знал, кто обнаруживает все его мысли, следить за ним и делает безуспешными его замыслы. Но когда царь находился в этом неведении и старался узнать причину (неуспешности своих предприятий), один из телохранителей сказал ему, что в Самарии живет пророк, по имени Елисей, и что он-то и разрушает планы царя тем, что открывает их. Царь думал, что он все узнал, но на самом деле ничто не могло быть печальнее его положения. Смотри в самом деле: вместо того, чтобы почтить этого человека, удивляться ему и устрашиться той силы, по которой он, находясь на таком большом расстоянии, знает, без чьей бы то ни было передачи, все тайные планы царя, – вместо этого он приходит в раздражение и, увлекаясь только гневом, собирает всадников и воинов и посылает их схватить пророка. У Елисея был ученик, который находился еще, так сказать, в преддверии пророчества и не удостоился таких откровений (какие получал его учитель). Явились воины царя, чтобы связать пророка. Опять встречаемся с узами! Что мне делать? Отовсюду они вплетаются в нашу речь. Увидев множество войска, ученик испугался и, дрожа от страха, прибежал к учителю с известием об этом, по его мнению, несчастии и говорил, что им угрожает неизбежная опасность. Пророк усмехнулся тому, что (ученик его) устрашился того, что не было страшно, и советовал ему ободриться; но последний, как еще несовершенный, не убедился его словами и пораженный тем, что видел, все еще трепетал. Что же пророк? **"Господи!"** – говорит он, – **"открой ему глаза, чтоб он увидел"**, что на нашей стороне больше, чем на их. И вдруг видит он: вся гора, на которой жил пророк, наполнена огненными конями и колесницами (4 Цар. 6:17). А это было не что иное, как воинство ангельское.

2. Если Елисея, для такого только случая, окружало воинство ангельское, то что сказать о Павле? Пророк Давид говорит: **"Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его"**

(Пс. 33:8), и еще: **"На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногой твоей"** (Пс. 90:12). Но что я говорю об ангелах? Сам Владыка был с ним, когда он выходил (из темницы). Его не видал и Авраам. Он не был и с Авраамом; но (теперь) Он сам дал обетование: **"Я с вами во все дни до скончания века"** (Мф. 28:20). Явившись Павлу, сказал: **"Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла"** (Деян. 18:9,10). И во сне Он явился ему и сказал: **"Поспеш и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства обо Мне"** (Деян. 22:11). Так дивные святые и всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда делаются узниками (за Него). Как на доблестного воина приятно смотреть и во всякое время, а особенно, когда он стоит и сражается подле самого царя, так представляй себе и Павла, которого можно было видеть учащим и в узах. Здесь расскажу то, что, между прочим, пришло теперь мне на мысль. И блаженный мученик Вавила был в узах за то же, за что и Иоанн, – за обличение царя в беззаконии, и, умирая, приказал положить эти узы вместе со своим телом, похоронить себя в узах, и теперь оковы лежат вместе с прахом: такова была любовь его к узам ради Христа! **"в железо вошла душа его"** (Пс. 104:18), сказал пророк об Иосифе. Да и женщинам случалось испытать узничество. А мы не хотим связать самих себя! Я советую принять не это (узничество Павлово), – так как теперь не такое время, – но ты, не связывая рук, свяжи свой ум. Есть и еще узы, и кто не носить одних, понесет другие. Слушай, что говорить Христос: **"Связав ему руки и ноги"** (Мф. 22:13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложим на себя те узы. Потому (Павел) и сказал: **"Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны"**. И опять: глава у нас Христос. Он совоскресил и спосадил нас на небесных, несмотря на то, что мы так враждебны Ему и сделали столько зла. Велико это звание и к великому (направлено оно)! Велико не потому только, что (Он призвал нас) из такого состояния, но и потому, что призвал на такие дела и таким образом.

Как же достойно ходить (этого звания)? **"Со всяким смиренномудрием"**. Кто таков, тот достойно проходить (это звание): смиренномудрие есть основание всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, кто ты и как спасен, то воспоминание об этом служите для тебя побуждением к добродетели. Ты не станешь гордиться ни узами, ни даже тем, что я сказал; но, зная, что все у тебя есть дар благодати, будешь смиряться. Смиренный человек может быть слугой, помнящим благодеяния и признательным за них. **"Что ты имеешь"**, – говорит, – **"чего бы не получил?"** (1 Кор. 4:7)? Послушай и еще, что он говорит: **"но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мною"** (1 Кор. 15:10). **"Со всяким"**, – говорит, – **"смиренномудрием"**, – т. е. не в словах и не в делах только, но и в наружных приемах и в тоне речи. Не обращай с одним смиренно, а с другим дерзко; сохраняй смирение со всяким, друг ли он твой, или враг, знатный, или ничтожный человек: в этом состоит смирение. Также и в других делах наблюдай смирение, потому что Христос говорит: **"Блаженны нищие духом"**, – и это (блаженство) ставить прежде других, Потому-то (апостол) и скапали: **"со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением"**. В ином есть смирение, но он горяч и раздражителен: тогда смирение не приносит ему пользы; часто, под влиянием гнева, он все теряет. **"Снисходя"**, – говорит, – **"друг ко другу любовью"**. Как можно терпеть тому, кто раздражителен и клеветник? (Апостол) указал способ: **"любовью"**, – говорит он. Если у тебя нет терпения по отношению к твоему ближнему, то как будет терпеть тебя Бог? Если ты нетерпелив пред своим сорабом, то как потерпит тебя Владыка? Где есть любовь, там все можно перенести. **"Стараясь"**, – говорит, – **"сохранять единство духа в союзе мира"**. Свяжи свои руки узами кротости. Так светлое слово – узы – опять нас озарило; мы оставили его, а оно опять пришло к нам. Хороши и те узы, хороши и эти; но первые – плод последних. Соедини себя с братом: все легко для людей, связанных между собою узами любви. Привяжи себя к нему и его к себе: тогда ты будешь господином не над собою

только, но и над другим, сможешь сделать другом своим всякого, кого захочешь. Благодушно **"стараясь"**: дает разуметь, что это дело не простое и не случайное. **"Стараясь"**, – говорит, – **"сохранять единство духа"**.

3. Что такое единение духа? Как в теле душа все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразно, происходящему от различия членов телесных, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять (людей), неодинаковых между собою по происхождению и по образу жизни. Старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена, и всякое существо, одаренное душой, есть что-то единое и – это единство более единства телесного. Первое сродство выше последнего, (духовное) единство совершеннее. Союз духовный тем совершеннее, чем проще и однообразнее. А как он сохраняется? **"В союзе мира"**. Его нет там, где вражда и разделение. **"Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?"** (1 Кор. 3:3)? – Как огонь, попадая на сухие деревья, обращает их в один горящий костер, а над влажными не оказывает никакого действия и не соединяет их между собою, – так бывает и здесь: холодность душевная не способствует к соединению, а большей частью теплота. Отсюда происходит и теплота любви. (Апостол) хочет соединить всех нас узами любви. Подобно тому, – говорит он, – как, желая привязать самого себя к другому человеку, ты не иначе можешь сделать это, как, привязавши его к себе самому, и если желаешь сделать этот союз взаимным, нужна его привязанность к тебе, – так и здесь он хочет того чтобы мы связаны были между собою не одним миром, но одной любовью, но чтобы у всех была одна душа. Это – прекрасные узы: этими узами мы соединяемся и между собою и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют связанных ими рук, напротив дают им большую свободу, открывают им большее пространство для деятельности и делают узников веселее, чем бывают не связанные. Сильный, находясь в союзе со слабым, укрепляет его и не допускает до гибели, а беззаботного он возбуждает к деятельности. **"Брат от брата помогаем"**, – говорит (Премудрый), – **"яко град тверд"**. Этому союзу не может нарушить ни расстояние, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое; он выше и сильнее всего. Проистекая из единства души, он в одно и то же время может обнимать многих. Слушай, что говорить Павел: **"Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно. В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы"** (2 Кор. 6:12,13). Что разрушает этот союз? Сребролюбие, властолюбие, честолюбие и многое другое ослабляет и разделяет членов этого союза. Как же устранить этот разрыв? Если не будет этих (страстей), не будет и препятствий для любви. Вот что говорить Христос: когда умножится беззаконие, **"во многих охладет любовь"** (Мф. 24:12). Ничто столько не противодействует любви, как грех, – я разумею не только любовь к Богу, но и к ближнему. Как же, спросят, разбойники живут между собой мирно? Но, скажи мне, когда? Во всяком случае, когда они не ведут разбойнической жизни. Но если они не соблюдают справедливости в разделе добычи и не отдают каждому законной части, то и их видишь во вражде и войне между собою. Так нельзя найти мира там, где злодеяние; но всегда можно найти его там, где живут справедливо и добродетельно. Что еще? Соперники живут ли между собою мирно? Вовсе нет! На кого же прикажешь указать мне? Скупой со скупым никогда не могут иметь мирных отношений. Если бы они были справедливы и уступчивы и не оказывали несправедливости друг другу, то и не было бы этого рода людей. Как два диких голодных зверя, за недостатком добычи, пожирают друг друга, так бывает в обществе (людей) скупых и злых. Таким образом, без добродетели не может быть мира. Составим, если угодно, целое общество из людей любостыжательных, пусть будут все они пользоваться равенством чести, никто не будет их обижать, а они сами будут несправедливы друг к другу: может ли существовать такое общество? Совсем нет! Живут ли мирно любодейцы? Не найдешь и двух согласных между собою. И причина опять та же – охлаждение а охлаждение любви следствие умножения беззакония. Оно ведет к

себялюбия, оно разрывает и рассекает тело, ослабляет и разрушает его. Напротив, от добродетели происходят совершенно противные действия. Добродетельный человек выше денег. Если бы бесчисленное множество (людей) жило в бедности, они могли бы оставаться в мире между собою. А скупцов, хотя бы сошлось только двое, они никогда не могут сохранять мирных отношений друг к другу.

4. Итак, если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель от любви, а любовь от добродетели. Объясню – каким образом. Добродетельный человек не предпочитает денег дружбе, он не помнит зла, не оказывает несправедливости ближнему, не наносит ему обид и сам все переносит великодушно. Из этого состоит любовь. Опять, кто любит, тот имеет все эти (качества). Таким образом одно создается другим. Отсюда видно, что любовь от добродетели, – на что и указывал (Господь), когда говорил: когда умножится беззаконие, **"во многих охладет любовь"**. А что добродетель от любви, об этом говорить (апостол): **"любящий другого исполнил закон"** (Рим. 13:8). Потому необходимо быть одному из двух: или сильно любить и быть любимым, или быть в высшей степени добродетельным. Кто имеет одно, у того необходимо есть и другое; и наоборот, не имеющий любви делает зло, и делающий зло не знает любви. Будем же стремиться приобрести любовь: она предохранит нас от зла. Свяжем себя (узами любви). Пусть не будет у нас ни обмана, ни лукавства. Ничего этого нет там, где есть дружба. Об этом так сказал некий мудрец: **"Если ты на друга извлек меч, не отчаивайся, ибо возможно возвращение дружбы. Если ты открыл уста против друга, не бойся, ибо возможно примирение. Только поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство могут отогнать всякого друга"** (Сир. 22:23 – 25). Раскрытие тайны, говорит, удаляет его. Впрочем, если все мы будем дружно жить между собою, то не будет нужды и в тайнах. Как никто не имеет тайны от себя и ничего не может скрывать от самого себя, так – и от друзей. А когда не будет тайн, не возможен будет и разрыв из-за них. Тайны у нас – следствие того, что мы не можем положиться на верность каждого; тайны – плод охлаждения любви. В самом деле, какая может быть у тебя тайна? Хочешь несправедливо поступить со своим ближним? Или – воспрепятствовать ему в получении какого-нибудь блага, и потому скрываешься от него? Или этого ничего нет, но ты стыдишься (высказаться)? А это не признак ли того, что ты не доверяешь ему? При любви не будет ни измены тайне, ни порицания ее. В самом деле, скажи мне, кто и когда поносит сам себя? А если это и бывает, то для пользы. Мы делаем выговоры и детям для того, чтоб исправить их. И когда Христос укорял города (Хоразин и Вифсаиду), говоря: **"Горе тебе Хоразин! горе тебе Вифсаидо!"**, – то (делал это для того), чтоб избавить их от беславия. Ничто ведь не имеет такого влияния на душу, ничто столько не способно восстановить ее и исправить ее непостоянство (как обличение). И мы не без намерения обличаем друг друга. В самом деле, за что ты станешь укорять ближнего? За деньги? Не станешь, если свое собственное считаешь общим достоянием. За грехи? Но это не укор, а скорее исправление. **"Коварное злодейство"**, – сказано. Что же, станет ли кто губить и увлечь себя самого? Никто. Итак, будем стремиться к любви. Не просто сказано: возлюбим, но будем гнаться (за любовью), т. е. должно употребить большие усилия. (Любовь) скоро исчезает, быстро уходит от нас: так много препятствий встречает она для себя в этой жизни. Если мы гонимся за ней, то она не будет так поспешно оставлять нас, и мы скоро ее привлечем. Любовь Божья соединила небо с землей; любовь Божья посадила человека на царский престол; любовь Божья явила Бога на земли; любовь Божья сделала Владыку рабом; любовь Божья предала Возлюбленного за врагов, Сына за ненавистников, Владыку за рабов, Бога за людей, Свободного за невольников. Но и этим она не ограничилась, а призвала нас еще, к большему. Не только освободила нас от прежнего зла, но и обетовала нам даровать гораздо большее благо. Возблагодарив за все это Бога, постараемся стяжать всякую добродетель, а более всего будем преуспевать в любви, чтоб удостоиться обетованных благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с

Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания" (Еф. 4:4).

1. Когда блаженный Павел желает расположить (христиан) к чему-нибудь особенно высокому, то, будучи исполнен мудрости и духовности, он побуждает к этому предметами небесными – примером самого Господа. Так в одном месте он говорит: **"И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас"** (Еф. 5:2), и еще: **"Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почтал хищением быть равным Богу"** (Фил. 2:5, 6). Точно также поступает и здесь. Когда бывают указаны великие примеры, у человека рождается сильная ревность и желание (подражать им). Итак, что же он говорить, побуждая нас к единению? **"Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение"** (ст. 4, 5). Что же такое "одно тело"? Верные всех мест вселенной, живущие, жившие и имеющие жить. Угодившие (Богу) до пришествия Христова тоже составляют одно тело. Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? **"Авраам, отец ваш"**, – сказано, – **"рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался"** (Иоан. 8:56); еще: **"Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне"** (5:46). Действительно, не стали бы писать о том, о ком не знали, что сказать. Если же знали, то без сомнения и почитали. Потому-то и они составляют одно тело. Тело не отделяется от духа, иначе оно не было бы телом, – потому что у нас о предметах, соединяемых между собою и имеющих большую связь, обыкновенно говорится: одно тело. Так точно и сами мы в соединении составляем одно тело, при одной главе. При единстве же того и другого, тело хотя состоит и из разных членов, важных и неважных, однако ни лучший из них не вооружается против члена ничтожного, ни первый не подвергается зависти со стороны последнего. И хотя не все (члены) имеют одинаковое отправление, а каждый подчиняется определенному требованию необходимости, однако, поэтому самому, – что все совершается ими по необходимости, или по требованию различных нужд, – все они равно достойны уважения. Впрочем есть между ними одни высшие, а другие низшие, как напр., голова господствует над всем телом, в ней заключаются все чувства и самое господство души, – вследствие чего без головы никому нельзя жить, тогда как, по отсечении ног, многие надолго еще остаются в живых. Таким образом, голова лучше прочих (членов) не только по своему положению, но и по своей деятельности и значению. Но для чего я говорю об этом? И в Церкви много есть таких, которые достигли такой же высоты, как и голова, созерцают небесное, как глаза в голове, весьма удалены от земли и не имеют ничего общего с ней. Иные же занимают место ног, попирая землю, – ног, впрочем, здоровых. Ведь ногам вменяется в преступление не то, что они попирают землю, а то, что они уклоняются на путь нечестия, что **"Ноги их"**, – как сказано, – **"бегут ко злу"** (Ис. 59:7). Итак, ни глаза не должны презирать ног, ни ноги завидовать глазам. В противном случае, каждый член теряет собственное достоинство, и надлежащее употребление его бывает затруднительно. И справедливо: злоумышляющий на ближнего своего тем самым, прежде всего, злоумышляет на себя самого. Так, если ноги не захотят носить головы, когда нужно бывает передвижение с одного места на другое, то своей недейтельностью и неподвижностью они вредят и себе самим. Равным образом, если бы и голова не захотела иметь никакого попечения о ногах, то этим она, прежде всего, повредила бы себе самой. Но он (т. е. голова и ноги), как и следует, не враждебны друг другу, потому что так устроены природой. Каким же образом человеку можно не восставать против человека? Никто (скажешь) не восстает против ангелов, так как и они не восстают против

архангелов; животные также не могут одержать верх надо мной; а где природа одинакового достоинства, где одинаковые дарования и никто не имеет более другого, – почему же нельзя восставать одному против другого? Но это-то самое и не дает тебе права восставать против ближнего. Если все общее, и ни один против другого не имеет ничего большего, то на каком основании можно превозноситься одному пред другим? Мы наделены одинаковой природой, сходны по душ и по телу, дышим одним и тем же воздухом и употребляем одинаковую пищу: почему же будем восставать (друг против друга)? Правда, возможность через добродетельную жизнь стать выше бесплотных сил может вести к высокому мнению о себе; но это еще не было бы высокомерием. Ведь я по праву ставлю себя высоко и очень высоко в сравнении с демоном. Смотри, каким образом и Павел ставил себя выше демона. Когда много удивительного говорил о нем демон, то он заставлял его молчать, не поддаваясь обольстителю. Так, когда отроковица, имевшая дух пытлив, говорила: **"Сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения"** (Деян. 16:17), – он, после строгого воспрещения, связал ему его бесстыдный язык. И еще в другом месте он же пишет следующие слова: **"Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре"** (Рим. 16:19). Не следствие ли это различия природы?

2. Разве ты не видишь, что значение имеет не различие природы, а свободная воля? Следовательно по свободной воле они (демоны) хуже всех. Но против ангела, ты говоришь, я не восстаю, потому что между мною и им большое расстояние.

Но также ты не должен восставать и против человека, как и против ангела. Как ангел отличен от тебя по природе, что, впрочем, не должно служить для него ни похвалою, ни оуждением, так и человеку отличается от другого человека не по природе, но по внутреннему настроению и делается между людьми ангелом. Поэтому, если не вооружаешься против ангелов, то тем более (ты не должен вооружаться) против людей, которые в человеческой природе делаются ангелами. При том человеке так же добродетельный, как ангел, для тебя гораздо лучше ангела. Почему? Потому, что он собственной волей исправил свою природу, и еще потому, что ангел удален от тебя местом и обитает на небе, а тот живет с тобой и возбуждает в тебе соревнование. Впрочем, и он далек от тебя – даже более, чем тот: **"Наше же жительство"**, – говорит, – **"на небесах"** (Фил. 3:20). А (чтобы убедиться тебе) что он, действительно, далек от тебя, – выслушай, где обитает его глава: на троне царственном, говорить он. Но чем дальше от нас этот трон, тем далее и он от нас. Но ты говоришь: я вижу, что он пользуется честью и это производит во мне зависть. Зависть-то и была причиной бесчисленных беспорядков во всем творении и горнем и дольном, и не только на земле, но и в самой Церкви. Как бурный и противный ветер, устремляясь к спокойной пристани, делает ее опаснее всякой скалы и всякого плавания на море, так точно и любовь к славе, овладевая (человеком), все разрушает и приводит в беспорядок. Вы часто бывали при пожаре больших домов. Видали, как дым поднимается к небу, и как огонь, мало-помалу, истребляет все, потому что никто не заботится о том, как бы прекратить несчастье, а каждый думает только о себе. Нередко сходится целый город, собирается множество народа посмотреть на бедствие; но защиты и помощи нет ни от кого. Можно при этом видеть, как собравшиеся ничего не делают; каждый из них только протягивает руку, чтобы указать вновь туда пришедшему или на то, как пламя постоянно исторгается из окон, или как обваливаются потолки, и целые стены падают со своих оснований на землю. Бывает, впрочем, много людей смелых и небоющихся опасности, которые не страшатся ближе подходить к горящим зданиям, но не для того, чтобы содействовать прекращению бедствия, а чтобы более насладиться зрелищем, и вблизи рассмотреть все, чего издали часто не видно. Если же это бедствие постигло дом знаменитый и великолепный, то, кажется, зрелище достойно особенного сожаления и больших слез. В самом деле, печальное зрелище –

видеть, как главы колонны превращаются в пепел, как многие из них разбиваются в дребезги, иные от действия огня, а другие собственными руками своих строителей (делающих это для того), чтобы не дать большей пищи огню; (печальное зрелище) – видеть статуи, служившие, под защитой кровли, украшением здания, после падения кровли, без защиты, стоящими под открытым небом, в крайне безобразном вид. Еще что? Кто исчислит богатство, заключавшееся в этих зданиях, – золотые одежды и серебряные сосуды? И куда входил только один господин с своей супругой, где была кладовая для многочисленных, одежды и ароматов, где было хранилище драгоценных камней, – всюду, как скоро начался пожар, проникают банщики, мусорщики, бродяги и все другие им подобные. И вот все, что ни находилось внутри, превратилось в воду, огонь, грязь, пыль и обожженные бревна. Но зачем я так широко раскинул пред вами эту картину? Не просто пожар дома хочу я описывать, – что мне за нужда в этом? – а хочу представить вашему взору, насколько возможно, бедствия Церкви. В самом деле, точно пожар какой, или молния, несясь с высоты, ринулась на самый кров Церкви, и между тем это никого не трогает! Когда горит отцовский дом, мы спим глубоким и непробудным сном. Кого не коснулся этот пламень? Каких изображений, стоявших в Церкви, не тронул он? И подлинно, Церковь есть не что иное, как дом, выстроенный для наших душ. Впрочем не все, что вошло в состав этого здания, одинаково по своему достоинству: из составных его камней иные блестящие и великолепны, иные же хуже и темнее, хотя все-таки гораздо лучше остальных. Можно видеть здесь много из них и таких, которые занимают место золота, – золота, украшающего кровлю: иные, как видно, служат таким же украшением, как статуи в домах; а многие стоят на подобие колон. Принято ведь и людей называть колоннами не только за их силу, но и потому, что, имея золотой головной убор, они своим красивым видом украшают (свое место). А в многочисленности народа можно видеть как бы большое и пространное протяжение стен: множество народа занимает место камней, из которых сооружаются стены.

3. Но нужно перейти к более блестящей картин. Эта Церковь сооружается не из (простых) камней, но из золота, серебра, драгоценных камней, оправленных в золото. Но, увы, какая жалость! Все это сожжено господством тщеславия, – этим всепожирающим пламенем, – и никто не пересилил его действия. Мы стоим и удивляемся пожару, но не имеем сил потушить зло. Да хотя бы и потушили его на короткое время, – пройдет два, три дня, и тлящаяся в золе искра низвращает все, чего прежде и не касалась. Так и здесь делается то же самое, что случается, обыкновенно, на пожаре. Причина этого заключается в том, что когда у нас не стало опор для самых церковных колонн, то огонь объял (эти колонны), поддерживавшие кров и сообщавшие крепость всему зданию; а через это ему открылся удобный доступ и к стенам. Если пламень истребить в здании деревянной части, то он устремляется на каменные. Но когда им разрушены и низвергнуты колонны, тогда он не имеет нужды истреблять остальное, – потому что, как скоро ниспадают столпы и подпоры верхних частей (здания), остальное само собою, без всякого препятствия, подвергается той же участи. Так точно ныне случилось и с Церковью: огонь объял всех. Ищем почестей у людей, воспламеняемся славолубием и не слушаем слов Иова: **"То я боялся бы большого общества, и презрение одноплеменников страшило бы меня"** (Иов 31:34). Видишь ли, добродетельную душу? Я не устыдился, говорить, пред множеством народа рассказать невольные грехи. Если же он не устыдился, то тем более нам следовало поступать так. **"Припомни Мне"**, – говорит (пророк), – **"говори ты, чтоб оправдаться"** (Ис. 43:26). Велика была сила этого зла: все она низвратила и истребила. Мы сделались рабами почести, оставив Бога. Мы не можем воспрещать этого своим подчиненным, будучи сами одержимы той же горячкой. Мы сами нуждаемся во врачестве, хотя и поставлены Богом для врачевания других. Какая же остается надежда на спасете, когда и сами врачи имеют нужду в помощи других? Это я сказал не без причины и не напрасно выражаю сетование, но для того, чтобы все мы вместе с женами и детьми, посыпавшись

пеплом и облекшись во вретиче, наложили на себя пост и просили Бога явить нам помощь и удалить от нас опасность. Подлинно наша помощь в Его великой и дивной деснице. От нас требуется больше, чем от ниневитян. **"Еще сорок дней"**, – сказано, – **"и Ниневия будет разрушена"** (Ион. 3:4). Страшное и весьма грозное объявление! И как было не (устрашиться ниневитянам) в ожидании того, что, по прошествии трех дней, их город для них же делается гробом, и они все погибнуть от одинакового наказания? Если когда случалось в одно время и в одном доме погибнуть двум детям, то это было бедствием невыносимым. И если Иову казалась самым невыносимым бедствием – погибель всех (его детей) вследствие того, что над ними обрушилась кровля, то каково же было бы видеть не один дом, не двух детей, но целый народ, в количестве ста двадцати тысяч, погребенным под обрушившимися кровлями? Видите, какое бедствие! Подобная же угроза недавно была направлена и против нас не голосом пророка, – мы не достойны слышать такой, голос, – но некоторым горним вещанием, огласившим нас громче всякой трубы. Опять повторяю сказанное: **"Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена"**. Поистине страшная угроза! Но ныне – совсем не то. Уже не три дня прошло и не погибель Ниневии угрожает нам, а много дней протекло с того времени, как на земле Церковь разрушена и повержена долу, как все одинаково рабствуют греху, а особенно те, на которых лежит ответственность управления. Чем сильнее зло, тем больше настает нужда. Поэтому не удивляйтесь, если я убеждаю вас сделать в некотором отношении больше, чем сделали ниневитяне. Я проповедую вам не только пост, но и показываю то врачество, которое предохранило от падения этот город. Почему так? Потому, что когда Господь увидел (дела ниневитян), **"они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел"** (Ион. 3:10). Сделаем это и мы с вами. Будем удаляться от корыстолюбия и славолубия, прося Бога явить нам Свою помощь и восстановить падших наших братьев. Мы не того должны страшиться (что угрожало Ниневии). Тогда имели ниспадать камни и бревна, и погибать тела; нон нет ничего такого, но зато души имеют быть преданы огню гееннскому. Призовем же (Бога), прославим Его; за прошедшее испросим у Него прощение, а на будущее будем молить Его, чтобы, освободившись от этого лютого и сильного врага (греха), нам быть достойными воссылать хвалу человеколюбивому Богу и Отцу, с Которым Сыну со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова" (Еф. 4:4 – 7).

1. Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и – такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро. Словами: **"Одно тело"** он требует, чтобы мы сострадали друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях один другого; все это он выразил вместе. Потом весьма кстати прибавил: **"и один дух"**, – научая, чтобы при одном теле был у нас один дух, так как может быть одно тело, но не один дух, – когда, например, кто-нибудь будет другом еретиков. Или этими словами (**"один дух"**) он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров. Или, может быть, под словом – дух – он разумеет здесь расположение, (*προθυμίαν*). Далее говорить (апостол): **"как вы и призваны к одной надежде вашего звания"**. Та есть: Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого; всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувыдаемую славу, всем братство, всем наследие, для всех сделался общей

главой, всех совоскресил и спосадил. Итак, имея такое равночестие в духовном, для чего высокоумствуете? Потому ли, что такой-то из вас богат, а такой-то силен? Но не смешно ли это? Скажи мне, в самом деле, если бы царь, избрав десять человек, облек их всех в порфиру, посадил на царском престоле и всем им даровал одну и ту же честь, – посмел ли бы кто-нибудь из них поносить другого – потому, что был бы богаче его и знаменитее? Отнюдь нет! Но этим сравнением я еще не все высказал, так как расстояние здесь не так еще велико. Итак, ужели мы, будучи равны на небе, будем превозноситься друг пред другом земными (отличиями)? **"Один Господь, одна вера, одно крещение"**. Вот упование (нашего) звания. **"Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас"** – один и тот же. Или Он для тебя наименовался большим, а для того – меньшим? Ты спасся от веры, а тот – от дел? Тебе отпущены (грехи) в крещении, а тому – нет? Прочь (с такими мыслями)! **"Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. Который над всеми"**, то есть, выше всего; **"и через всех"**, то есть, обо всем промышляет, всем управляет; **"и во всех нас"**, то есть, во всех обитает. Это же приписывается (в Писании) и Сыну: следовательно это не означает меньшинства Сына: иначе того же не было бы сказано и об Отце. **"Каждому же из нас дана благодать"**. Для чего же, говорят, и почему дарования различны? Это именно всегда приводило, как их самих (ефесян), так и коринфян и многих других, то к гордости, то к малодушию и зависти. Потому-то (апостол) и указывает нам везде на пример тела. Потому и теперь он предложил этот (пример), что хотел говорить о различных дарованиях. Впрочем подробнее он исследует это в послании к Коринфянам, так как там особенно господствовал этот недуг. А здесь он теперь сделал на это только намек, – и смотри, что он говорить. Не сказал – по вере каждого, – чтобы не повергнуть в печаль тех, которые не получили великих (даров); но – что? **"По мере дара Христова"**. Что, говорить, всего главнее, то общее всем, как-то: крещение, спасете через веру, (право) иметь Бога Отцом и всем иметь причастие в Том же Духе. Если же иной имеет нечто большее в (своем) даровании, то ты этим не огорчайся, потому что и трудов у него больше; помни и то, что с получившего пять талантов пять и взыскано было, а тот, кто получил два, два и принес, и отнюдь не получил за то воздаяния меньше первого. Потому и здесь от того же доказательства он заимствует утешение для слушателя: **"К совершению"**, – говорит, – **"святых, на дело служения, для созидания Тела Христова"** (Еф. 4:12). Потому и сам он говорил: **"горе мне"**, – как и всякому, кто получил дар апостольства, – **"если не благовествую!"** (1 Кор. 9:16). Но потому и горе ему, что он получил; а ты свободен от подобной опасности. **"В меру"**. Что такое – **"в меру"**? То есть, не за наши заслуги, так как (за заслуги) никто не получил бы того, что получил; но все мы (что получили, то) получили как дар.

2. Для чего же один (получил) больше, а другой – меньше? Это, говорить он, не имеет никакого значения, но дело безразличное: каждый (из получивших) способствует к созиданию. И потому показываете, что не ради собственного достоинства один получил больше, а другой меньше, но – для других, сколько кому сам (Христос) распределил. Так и в другом месте он говорит: **"Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно"** (1 Кор. 12:18). И не говорить о причине (такого распределения), чтобы не смутить мысли слушателей. **"Посему и сказано: восшел на высоту, пленил плен и дал дары человекам"** (ст. 8). Как бы так говорил он: что ты высокоумствуешь? Все было делом Божьим. Пророк говорить в псалме: **"Принял дары для человеков"** (Пс. 67:19); а он говорит: **"дал дары человекам"**. Последнее тождественно с первым. Таково же и следующее затем: **"А `восшел что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все"** (ст. 9, 10). Когда слышишь это, то не разумеи (под этим) переходения. Здесь он делает то же самое, что и в послании к Филиппийцам. Как там, убеждая к смиренномудрию, он указывает на примерь Христа (Фил. 2:5 – 9), так точно и

здесь, говоря: **"Нисходил прежде в преисподние места земли"**. Иначе, излишни были бы слова его: **"Быв послушным даже до смерти"** (ст. 8). От понятия о восхождении приводит к мысли о нисхождении. А дальнейшими странами земли он называет смерть согласно с понятиями человеческими, как и Иаков говорил: **"сведете вы седину мою с горестью во гроб"** (Бт. 44:29); как еще в псалме сказано: **"уподобился нисходящим в могилу"** (Пс. 142:7), то есть, умершим. Для чего упоминается здесь об этой (дольней) стране? И о каком он говорит плен? О плене дьявола. Господь пленил этого тирана, разумею дьявола, и смерть, и клятву, и грех. Видишь ли добычу и корысти? **"А `восшел что означает, как не то, что Он и нисходил прежде"**? Это направлено против последователей Павла самосатского. **"Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все"**. Нисшел, говорит, в самые дольные отделения земли, за которыми уже нет других. И восшел превыше всего, далее чего уже нет ничего другого. Это означает Его силу и власть, потому что и прежде все Им наполнялось. **"И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова"** (ст. 11, 12). Что говорит он в другом месте: **"Посему и Бог превознес Его"** (Фил. 2:9), то же высказывает и здесь словами: **"Нисшедший, Он же есть и восшедший"**. Ни мало не повредило Ему нисшествие в дольнейшие страны земли и отнюдь не воспрепятствовало Ему быть превыше небес. Таким образом, чем более кто смиряется, тем более тот возвышается. Как на воде – чем кто глубже погрузится в нее, тем сильнее она поднимает его наверх, и чем с (близшего) расстояния будет пущена стрела, тем вернее попадает в цель, так бывает и в смирении. Впрочем, когда мы говорим о восхождении Бога, необходимо прежде представлять Его нисшествие; а по отношению к человеку этого не нужно. Далее (апостол) указывает нам на (божественное) промышление и премудрость и говорит: Тот, Кто сделал столь многое, и показал такую силу, и не отказался низойти ради нас даже в дольнейшие страны, не сделал бы без причины такого разделения дарований. В другом месте он говорит, что это сделал Дух, именно: **"В котором Дух Святой"**, – говорит он, – **"поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа"** (Деян. 20:28). И тогда как здесь он говорит, что (сделал это) Сын, в другом месте говорит, что – Бог. И опять: **"И Он поставил одних Апостолами, других пророками"**, а в послании к Коринфянам говорит: **"Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог"** (1 Кор. 3:6). И опять: **"Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду"** (ст. 8). Так и здесь: что в том, что ты меньше приносишь (плодов)? Столько получил ты (и даров). Первое (поставил Бог) апостолов, так как они имели все. Второе – пророков, так как некоторые не были апостолами, но были пророками, например Агав. Третье – благовестников: это – те, которые не обходили всех стран, а только проповедовали, как Прискилла и Акила. Потом – пастырей и учителей, которым был вверен весь народ. Что же? Ужели пастыри и учителя меньше прочих? Конечно так: по сравнении с теми, которые обходили землю и проповедовали, те были меньше, которые сидели (дома) и имели занятие в одном месте, как Тимофей, Тит. Впрочем, из этого места нельзя вывести такого подчинения и предпочтения (одних по отношению к другим), но (это видно) из другого послания (1 Кор. 12:28). **"Он"**, – говорит, – **"поставил"**: не противоречь же. А может быть, благовестниками он называет и написавших евангелие. **"К совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова"**.

3. Видишь ли достоинство (каждого)? Каждый созидает, каждый устраивает, каждый служит. **"Доколе"**, – говорит, – **"все придем в единство веры и познания Сына Божья, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова"** (ст. 13). Возрастом он называет здесь совершенное познание. Как человек в зрелом возрасте бывает тверд и постоянен в мыслях, а дети непостоянны, так точно и между верующими. **"В единство"**, – говорит, – **"веры"**, то есть, пока окажемся все имеющими одну веру. Единение веры то и

означает, когда мы все будем одно, когда все одинаково будем понимать этот союз. До тех пор должно тебе трудиться, если ты получил дар назидать других. Смотри, не совратись сам, завидуя другому. Бог почтил тебя и поставил на то, чтобы ты руководил к совершенству другого. Для этого был поставлен и апостол, для этого и пророк, который пророчествует и увещевает, для этого и благовестник, который проповедует, для этого не пастырь и учитель: всем поручено было одно дело. Не говори же мне о различии дарований: все они имели одно дело. Когда мы все веруем одинаково, это и есть единение (веры). Ясно, что он это называет (возрастом) совершенного мужа. Впрочем, в другом месте он называет нас детьми и в том случае, если бы мы были совершенны; но там он имеет в виду иное. Там он назвал нас детьми по отношению к будущему нашему знанию. Сказав именно, что мы **"теперь знаю я отчасти"**, присовокупил: **"гадательно"** (1 Кор. 13:12), и тому подобное. А здесь он говорить не об этом, а о постоянстве. Вот и в другом месте он говорит: **"Твердая же пища свойственна совершенным"** (Евр. 5:14). Видишь ли, как и там назвал он совершенных? Посмотри и здесь, как он назвал их прикровенно, говоря: **"Дабы мы не были более младенцами"** (ст. 14). Он говорить о той небольшой мере (дарования), которую мы получили, чтобы мы сохраняли ее со всем усердием, твердо сию и постоянством. **"Дабы мы не были более"**. Этим выражением указывает на то, что некогда они были такими, и даже самого себя подчиняет условию исправления, исправляя других. Для того, говорить, и было столько строителей, чтобы здание было непоколебимо и защищено отовсюду, чтобы камни были сложены плотно. Волноваться, увлекаться и колебаться свойственно детям. **"Дабы мы не были более"**, – говорит, – **"младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству оболъщения"** (ст. 14). **"Увлекающимися"**, – говорит, – **"всяким ветром"**. Он употребил это подобие, желая показать, в какой опасности находится всякая душа, преданная сомнению. **"Всяким"**, – говорит, – **"ветром учения, по лукавству (κοβεία) человеков, по хитрому искусству оболъщения"**. Κοβευταί – так называются занимающиеся шахматной игрой. Это бывают люди хитрые, так как они обыкновенно выбирают для себя людей простых. И они-то все передвигают и переставляют. (Апостол) коснулся здесь мирских обычаев. **"Но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого"**, то есть Христа, **"все тело, составленное и совокупаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви"** (ст. 15, 16). Довольно неясно он изложил свои мысли – оттого, что хотел высказать все вдруг. Вот что означают слова его: как дух, выходя из головного мозга, не просто сообщает, посредством нервов, чувствительность всем членам, но – сообразно с каждым из них – тому, который способен принять больше, и сообщает больше, а который меньше, тому меньше (потому что дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души так же зависимы от Него, как члены (от духа), то Его промышление и раздаяние даров, сообразно с мерой того или другого члена, производят возвращение каждого. Но что такое – **"посредством всяких взаимно скрепляющих связей"**? То есть, посредством ощущения (αἰσθησις). Этот дух, распределяющийся по членам от головы, прикасаясь к каждому из них, таким образом производит на них свое действие. Можно и так сказать: тело, воспринимая это воздействие (духа) соразмерно своим членам, возрастает таким образом. Или иначе: члены, получая соразмерное себе воздействие (духа), так возрастают. Или и еще: дух, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возвращает. Но почему он прибавил слово – **"в любви"**? Потому, что этот дух иначе не может сообщиться. В самом деле, если бы случилось рук отделиться от тела, дух, (истекающий) из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью.

4. Все это сказано им для того, чтобы внушить смирение. Что, говорить, в том, что такой-то получил больше? Он получил Того же самого Духа, ниспосылаемого от той же самой главы, одинаково действующего, одинаково прикасающегося, "составляемое и совокупаемое" (со всем телом), т. е. имеющего о нем великое попечение. Не как-нибудь, но очень искусно должно быть расположено тело, так что, если в нем что-нибудь не на своем месте, то оно уже расположено не так. Таким образом, должно не только быть соединенным с телом, но и занимать там свое место, – иначе, если ты нарушишь это, то не будешь соединен с ним и не получишь Духа. Не видишь ли ты, что бывает при перемещении костей, происходящем от какого-нибудь несчастного случая, когда (одна кость) оставить свое место и занять другое, – как это вредит всему телу и часто бывает причиной смерти? А бывает и так, что (кость) оказывается негодной, чтобы еще удерживать ее (в теле): в таких случаях многие вырезают ее и оставляют ее место пустым, потому что излишество во всем есть зло. И элементы (тела), когда они, потерявши свою пропорциональность, делаются избыточными до излишества, вредят целому. Вот что значит: "составляемое и совокупаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей", то есть, чтобы все (в теле) занимало свое место и не вторгалось в другое, ему несвойственное. Размысли об этом, сколько возможно. Ты соединишь члены, а Он свыше всем распоряжается. И как в теле есть известные воспринимающие органы, так и у духа, который всецело есть небесный корень (жизни). Именно сердце (есть корень) духа, печень – крови, селезенка – желчи, и другие органы – других элементов; но все они зависимы от головного мозга. Согласно с этим и Бог поступил, удостаивая человека особенной почести: не желая покинуть его, сам Он сделался для него (конечной) виною всего, учредив в то же время сотрудников для Себя и одним из них поручив то, другим – иное. Так, апостол есть самый удобный сосуд тела (т. е. Церкви Христовой), принимающий от него все. Как бы посредством жил и артерий, он посредством слова способствует к сообщению всем жизни вечной. Пророк предсказывает будущее: и он (апостол) делает то же самое. Тот соединяет кости, а этот сообщает им жизнь – **"к совершению святых, на дело служения"**. Любовь воссоздает, соединяет, сближает и сопрягает нас между собою. Итак, если хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношению к этому телу (Церкви). В том и другом случае мы отделяемся от целого. Если же еще нам поручено созидать и других, и мы не созидаем, но сами первые производим разделения, то чего не придется потерпеть за это? Ничто не может столько производить разделений в Церкви, как любоначалие; ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целостность Церкви. Первое совершено было для пользы всего мира, хотя и не с тем намерением; а последнее не доставляет никому никакой пользы, напротив составляет великий вред. Сказанное мною относится не к начальствующим только, но и к подчиненным. Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким, если бы не им было сказано. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая. В самом деле, скажи мне, для чего ты принимаешь мучения? Не для славы ли Христовой? Итак, будучи готов положить свою душу за Христа, как решаешься ты разорвать Церковь, за которую положил душу Христос? Послушай, что говорить о себе Павел: **"Недостоен называться Апостолом, потому что гнал церковь Божью"** (1 Кор. 15:9). Вред (от разделений) не меньше того, какой причиняют враги, а гораздо больше. Там доставляется (Церкви) еще больший блеск, между тем как тут она сама себя роняет в глазах врагов, когда против нее воюют ее собственные дети. А это потому, что у них (врагов) считается за сильное доказательство обмана, когда те, которые родились в Церкви, в ней воспитаны, хорошо узнали ее тайны, – вдруг, изменившись, встают против нее, как враги.

5. Сказанное мною направлено против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от Церкви. Если эти последние содержат противные (нам) догматы, то потому самому не должно с ними иметь общения; если же они мыслят одинаково с нами, то еще больше (должно избегать их). Почему так? Потому что это недуг любоначалаия. Не знаете разве, что случилось с Кореем, Дафаном и Авироном? Но одни ли они потерпели? Не вместе ли с ними (погибли) и их сообщники? „Что говоришь ты? У них та же самая вера, и они также православны". Если так, отчего же они не с нами? **"Один Господь, одна вера, одно крещение"**. Если у них хорошо, то у нас худо; а если у нас хорошо, то у них худо. **"Младенцами"**, – говорит, – **"колеблющимися и увлекающимися всяким ветром"**. Скажи мне: ужели вы считаете достаточным то, что их называют православными, тогда как у них оскудела и погибла благодать рукоположения? Что же пользы во всем прочем, если у них не соблюдена эта последняя? Надобно одинаково стоять как за веру, так и за нее (благодать священства). А если всякому позволительно, по древней пословице, наполнять свои руки, быть священником, то пусть приступят все, и напрасно устроен этот жертвенник, напрасно (установлен) церковный чин, напрасно лик иереев: ниспровергнем и уничтожим это. Этого, говорят, не должно быть. Но не вы ли делаете это, а потом говорите: так не должно быть? Что еще говоришь ты: не должно быть, когда так на самом деле? Я говорю это и свидетельствую, имея в виду не свою выгоду, но ваше спасение. Если кто смотрит на это дело безразлично, такой пусть бы (внимательнее) взглянул. Если же ему нет об этом заботы, то нам она есть. **"Я насадил"**, – говорит (апостол), – **"Аполлос поливал, но возрастил Бог"**. Как перенесем мы насмешки язычников? Если они укоряют нас за ереси, то чего не скажут по поводу их (расколов)? Если, говорят, одни у них догматы, одни таинства, то ради чего у них один предстоятель (церкви) нападает на другую церковь? Смотрите, говорят, у христиан все исполнено тщеславия. У них и любоначалаие, у них и обман. Отнимите у них народ, пресеките болезнь, то есть, развращение народа, – и они останутся ничем. Хотите ли, я скажу вам, что говорят они о нашем городе, как они укоряют нас в легкомыслии? У них, говорят, всякому, кто только пожелает, можно найти людей без твердых правил, и никогда у них в таких людях не было недостатка. Какое посмеяние! Какой стыд! Но вот и еще – достойное посмеяния и служащее к нашему стыду. Если у нас кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах и на него захотят наложить какую-нибудь епитимью, то все весьма беспокоятся и боятся, как бы, – говорят, – он не отделился от нас и не пристал к другим. Пусть отделяется хоть тысячу раз, и пусть пристаёт к ним; я говорю не о согрешивших только, но хотя бы кто и вовсе был безгрешен, – если хочет отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренне, лишаясь в таком как бы собственного члена, но огорчаюсь не так, чтобы опасение всего этого могло принудить меня сделать что-нибудь недолжное.

Мы не повелеваем, возлюбленные, вашей вере, не деспотически приказываем вам это. Мы поставлены для поучения вас словом, а не для начальствования и самовластия над вами; наше дело советовать вам и увещевать. Советник говорить, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу – принять или не принять совет. Он будет виновен только в том, если не скажет того, что ему поручено. Потому-то и мы говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: никто нам этого не говорил, никто не объяснил, мы этого не знали и вовсе не считали грехом. Итак, я говорю и свидетельствую, что производить разделения в Церкви не меньшее зло, как и впадать в ереси. Скажи мне: если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя к другому царю и не передаваясь во власть другого, взял в свои руки порфиру своего царя и, спустивши ее всю от застежки, разорвал на несколько частей, – меньше ли бы он был наказан, чем и тот, кто передался бы другому (царю)? Но что, если бы после этого он схватил за горло своего царя, заколол его и разрубил на части его тело, – какому бы наказанию следовало подвергнуть его, чтобы отплатить по достоинству?

Если же тот, кто так поступить с царем, таким же рабом (по отношению к Богу), как и он сам, совершить преступление, превосходящее всякое наказание, – то какой геенны заслуживает тот, кто закаляет самого Христа и рассекает на части? Ужели – этой, какой грозят нам? Мне кажется, что какой-нибудь другой, еще более ужасной. Расскажите же вы (женщины), какие находитесь здесь, – ведь этот порок большей частью замечается в женщинах, – расскажите этот пример отсутствующим и возбудите в них страх. Если же кто думает огорчить нас и мстить нам таким образом, то такой пусть знает, что он напрасно делает это. Если тебе хочется мстить нам, то я покажу тебе способ, как ты можешь мстить без вреда для себя, или лучше, не без вреда, а с меньшим, по крайней мере, вредом: ударь меня по лицу, оплюй публично, нанеси мне раны.

б. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: ударь меня, то ты содрогаешься, – и между тем ты терзаешь своего Владыку без содрогания? Разрываешь Владычьи члены и не трепещешь? Церковь – это отчий дом: **"Одно тело и один дух"**. Но если ты хочешь мстить мне, то против меня и восставай. Зачем же, вместо меня, мстишь Христу? Или лучше: зачем ты наносишь удары по гвоздям? И вообще мстить ни в каком случае неодобрительно; но, вместо виновного, нанести обиду другому – гораздо хуже. Ты потерпел от нас обиду? Для чего же, в таком случае, огорчаешь того, кто тебе не сделал никакого зла? Это крайне безрассудно. Вот что я скажу на этот счет, и не шутя, не просто, но как думаю и как чувствую. Именно, я желал бы, чтобы всякий из тех, кто вместе с вами питает к нам неприязнь и ради этого вредит себе самому, удаляясь от нас к другим, нанес нам удар в самое лицо и, обнажив нас, стал бичевать без жалости, справедливо ли бы или несправедливо мы были обвинены, и лучше на нас выместил свой гнев, чем решался на то, на что решается теперь. Если бы это случилось, то не было бы в том никакой важности, потому что пострадал бы в этом случае ничтожный человек, нестоящий никакой цены. С другой стороны, потерпев от вас обиду и бесчестие, я помолился бы за вас Богу и Он простил бы вам ваши грехи, – не потому, что я имею такое дерзновение, по тому что, когда человек, которому сделана обида, молится за обидевшего, то получает великое дерзновение. **"Если" кто "согрешит против человека"**, сказано, – **"помолятся о нем"** (1 Цар. 2:25). Если же бы я сам не мог (этого сделать), то поискал бы других святых мужей и упросил бы их, и они сделали бы это. А теперь кого и просить нам, когда мы оскорбили Бога? Посмотри, какая у них (производящих расколы) несообразность. Из тех, которые так поступают по отношению к Церкви, одни вовсе никогда не приходят сюда, или же однажды в год и то без порядка и как случится; другие приходят чаще, но также беспорядочно для пустых разговоров и ничтожной болтовни. Иные представляются усердными, это – те, которые производят такие бедствия (в Церкви). Итак, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердие, то лучше бы вам быть в числе нерадивых; а еще гораздо лучше, если бы те не были нерадивы, а вы не были такими. Я говорю не о вас, находящихся здесь, но о тех отступниках. Такое дело есть как бы прелюбодеяние. Если же тебе не хочется слышать этого об них, то (не слушай и того, что они говорят) об нас, – так как здесь что-нибудь одно из двух должно быть противозаконно. Если вы нас подозреваете в этом, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите, – только пусть будет Церковь едина. Если же мы поставлены законно, то убедите низложить тех, которые противозаконно заняли кафедру. Говорю это, не приказывая вам, но предохраняя и предостерегая вас. Так как каждый из вас имеет возраст и дает отчет в своих поступках, то я прошу вас о том, чтобы вы, все слагая на нас, не считали невинными самих себя и таким образом в обольщении не повредили напрасно самим себе. Мы дадим ответ за ваши души, но только тогда, когда что-нибудь будет опущено с нашей стороны, когда мы не будем упрашивать вас, не будем увещевать, не будем свидетельствовать против вас. После этого, позвольте и мне сказать: **"Чист я от крови всех"** (Деян. 20:26), и: **"избавит"** Бог душу мою (2 Тим. 4:18). Скажите, чего вы хотите, укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду оправдываться. Но вы не говорите. Поэтому я прошу вас

и самим твердо основаться здесь, и отложившихся привести, чтобы нам восполнить единодушную благодарность Богу, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме" (Еф. 4:17).

1. Учитель должен назидать и исправлять души учеников не только советом и вразумлением, но и страхом и напоминанием о Боге. Ведь когда слова человека, как такого же раба, не в состоянии подействовать на душу, тогда уже необходимо напомнить и о самом Господе. Так делает и Павел. Сказавши о смиренномудрии и единении, равно как и о том, что не должно восставать одному против другого, послушай, что (потом) он говорит: "Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы". Не сказал: "чтобы вы более не поступали" вы ходите, – так как это могло бы уязвить их, – но указал на других, хотя выразил то же самое. Также поступает он и в послании к Фессалоникийцам, когда говорит: "**а не в страсти похотения, как и**" прочие "**язычники**" (1 Фес. 4:5). Вы оставили, говорит он, их (языческие) верования; по это всецело зависло от Бога; а я требую того, что зависит от вас, – именно: жизни и хождения по Богу. Это ваш долг; а я призываю Господа в свидетели своих слов, – что я не умолчал, но сказал, как вам должно вести себя. "**По суетности**", – говорит, – "**ума своего**". Что такое суета ума? Занятие суетными предметами. А что суетно, как не все настоящее, о чем говорит Екклесиаст: "**Суета сует, – все суета!**" (Еккл. 1:2)? Но скажет кто-нибудь: если (то или другое) суетно и ведет к суете, то для чего же оно существует? Если при том это – дело Божье, то как же оно может быть суетно? И много возражений касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дела Божий назвал (Екклесиаст) суетными, – нет; не небо суетно, не земля суетна, – нет; не солнце, не луна, не звезды, не тело наше. Все это – "**очень хорошо**". Что же суетно? Послушаем, что говорить сам Екклесиаст: "**Посадил себе виноградники, сделал себе водоемы, приобрел себе крупного и мелкого скота, собрал себе серебра и золота, завел у себя певцов и певиц. И сказал я в сердце моем, что и это – суета**" (Еккл. 2:6 – 11); опять: "**Суета сует, – все суета!**". Послушай, что говорить и пророк: "**Собирает (человек) и не знает, кому достанется то**" (Пс. 38:7). Поэтому суета сует – великолепные здания, обилие и избыток золота, толпы слуг, шумно бегущих по площади, гордость и тщеславие, высокомерие и надменность. Все это – суета, потому что произошло не от Бога, но произведено людьми. Почему, однако ж, это суетно? Потому, что не имеет никакой доброй цели.

Суетны деньги, когда их расточают на удовольствия; но не суетны он, когда их употребляют на вспомоществования бедным. Когда ты тратишь их на удовольствия, – посмотрим, какое отсюда происходит следствие. Тучность тела, отрыжки, ветры, обилие кала, головная боль, телесное расслабление, жар и изнеможете. Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно, так и человек, предающийся удовольствиям, наливает воду в просверленный сосуд. Еще суетными называют несбыточные честолюбивые замыслы: они действительно суетны, ненадежны, тщетны; вообще суетным называют то, что ни к чему не пригодно. Посмотрим же, не таковы ли (дела) человеческие? "**Станем есть и пить, ибо завтра умрем!**" (1 Кор. 15:32). Какое же отсюда последствие, скажи мне? Тление. Мы одеваемся в дорогие одежды и наряды: а что пользы от этого? Никакой. Так умствовали и некоторые из эллинов, но вотще. Они вели строгую жизнь, но по-пустому, не имея в виду никакой полезной цели, поступая так из тщеславия, для снискания почета от толпы. Но что такое честь, которую нам оказывает толпа? Ничто. Если и сами, воздающие нам честь, погибают, то тем более – эта честь. Кто

воздаст честь другому, должен наперед приобрести ее сам. Если же он не приобрел ее для себя, то как же доставить ее другому? А между тем мы домогаемся чести от бесславных и презренных людей, бесчестных и позорных: что же это за честь?

2. Видишь ли, что все суета сует? Поэтому и сказал (апостол о язычниках): **"По суетности ума своего"**. Но не такова ли у них и вера? В самом деле, не кланяются ли они деревьям и камням? (Бог) создал солнце, чтобы оно служило нам вместо светильника. Кто же поклоняется своему светильнику? Солнце дает от себя свет; когда же оно не может светить, тогда светит светильник. Итак, почему же ты не поклоняешься светильнику? Да, скажет иной, я поклоняюсь огню. Нельзя удержаться от смеха, слыша о таком бесчестии; и ты не стыдишься? Опять же: для чего ты гасишь то, чему поклоняешься? Для чего губишь, для чего умерщвляешь своего бога? Почему ты не даешь ему наполнить собою всего твоего дома? Если огонь – бог, то поднеси к нему свое тело, а не подкладывай бога подобно горшка или котла. Внеси его в твою кладовую, внеси туда, где твои шелковые одежды. Но ты не только не вносишь его, напротив, если он куда-нибудь случайно проникнет, ты гонишь его отовсюду, созываешь всех, плачешь, стенаешь, как будто зашел к тебе какой-нибудь зверь; и когда таким образом твой бог посетить тебя, ты называешь это величайшим несчастьем. Я имею Бога, и делаю все для того, чтобы воспринять Его на свою грудь, и считаю блаженством для себя не только то, когда Он посетит мой дом, но и то, когда я привлеку Его в свое сердце. Вовлеки же и ты огонь в свое сердце. Смешно это и суетно! Огонь хорош для употребления, а не для поклонения, для служения и рабского повиновения мне, а не для господства надо мною. Он создан для меня, а не я для него. Если ты поклоняешься огню, для чего же сам почишаешь на ложе, а своего повара заставляешь предстоять пред твоим богом? Сам займись поварством, сделайся пекарем или, если угодно, кузнецом, – для тебя ничего не должно быть почетнее этих занятий; так как за ними наблюдает сам твой бог. Почему ты считаешь бесчестным то занятие, где так много твоего бога? Для чего поручаешь его рабам и не оставляешь за собою этой чести? Огонь – хорошая вещь, так как сотворен благим Творцом, но он – не бог. Он называется делом Божиим, но не богом. Разве ты не видишь, как он неукротим, как он, охвативши дом, не останавливается нигде? Если ему попадает непрерывный ряд каких-нибудь предметов, он уничтожает все, пока руки плотников или других людей не уймут его неистовства; он не знает ни друзей, ни врагов, но одинаково поступает со всеми. Итак, такой-то твой бог, – и ты не стыдишься? Подлинно, хорошо сказал (апостол): **"По суетности ума своего"**. Но, говорят, наш бог – солнце. А скажи мне, почему это и из-за чего? Что оно много дает от себя свету? Но разве ты не видишь, как его побеждаюсь облака, как оно подчинено закону естественной необходимости, подвержено затмениям, закрывается луной и облаками? Хотя облако бессильнее его, однако ж часто берет перевес; и это также дело премудрости Божьей. Бог должен быть вседозволен, солнце же имеет нужду во многом; а это несвойственно Богу. Так (солнце) нуждается в воздухе для того, чтобы светить, и при том в тонком воздухе, потому что слишком густой воздух не пропускает лучей сквозь себя. Нуждается и в воде или в чем-нибудь другом, что ограничивало бы его действие, чтобы ему не произвести пожара. Если бы не было источников, ни озер, ни рек, ни морей, которые посредством испарений, выходящих из них, производят некоторую влажность, то солнце могло бы все поглотить. Итак видишь ли, что это за бог? Какое безумие! Какой смех! Так как, говорят, оно может вредить, то оно – бог. Напротив, потому-то оно и не бог, что для того, чтобы произвести вред, не нуждается ни в чем содействии, а чтобы быть полезным, имеет нужду во многом другом. Богу несвойственно производить вред, – отнюдь, – Ему свойственно благодворить. Если же о солнц надобно сказать противное, то как же оно будет богом? Не видишь ли, что ядовитые лекарства производясь вред, и (для этого) им не нужно больше ничего; но для того, чтобы доставить пользу, им нужно многое (другое)? Для тебя солнце создано и прекрасным и вместе бессильным: прекрасным, чтобы (по нему) ты познал Владыку, бессильным, чтобы

ты не называл его своим владыкой. Но оно, говорят, питает растения и семена. Что же: ужели поэтому и навоз – бог? Ведь и он также питает растения. Для чего же уж не присоединить к этому серпа и рук земледельца? Укажи мне, где бы солнце одно произрастило (растения), но нуждаясь для этого ни в земле, ни в воде, ни в трудах земледельца; пусть оно само посеет семена и, согрев их лучом своим, произведет нам колосья. Если же, это зависеть не от него одного, а и от дождя, то почему же вода – не бог? Но пока не об этом речь. Почему земля – не бог? Почему навоз и заступ – не боги? Уже ли ж, скажи мне, всему этому должно поклоняться? Какое безумие! А между тем колос скорее вырастет без солнца, чем без земли и воды, равно как и деревья и все другое. Без земли не может быть ни одного (растения). Если же кто-нибудь, сыпав земли в глиняный сосуд, – как это делают дети и женщины, – и прибавив туда нужное количество навоза, ставит этот сосуд под кровлей, то вырастают растения, хотя и слабые. Таким образом, существенное значение имеют земля и навоз, и их надобно почитать больше, чем солнце. Для того чтобы солнце не производило вреда, нужно небо, нужен воздух, нужно столько вод, которые бы обуздывали его дикую силу и не позволяли лучу его, точно какому неукротимому коню, проникать всюду. Но, скажи мне еще, где бывает солнце ночью? Куда скрывается этот твой бог? Богу не свойственно подлежать стеснению и ограниченно; это именно свойственно только телам. Но, говорят, в нем есть какая-то сила и оно движется. Что же, скажи мне, эта сила – бог? Отчего же она является недостаточной и не сдерживает огня? Я опять повторяю прежнее. Что это за сила? Есть ли это сила светящая, или она светит посредством солнца, сама не принимая в этом никакого участия? В таком случае солнце превосходнее ее. Впрочем довольно нам вращаться в этом лабиринте.

3. А вода, говорят, ужели и она не бог? Вот и еще спор, подлинно достойный смеха! Как же не бог, говорят, вода, когда мы имеем в ней нужду в столь многих случаях? То же самое говорят и о земле. Вот уж именно говорящие это – **"по суетности ума своего, помрачены в разуме"**. Впрочем, здесь (апостол) так выразился об их жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодеянию. И понятно: изобретая себе таких богов, они согласно с этим поступают и во всем. Если только они могут скрыть (свои поступки) от взоров людей, то нет уже ничего, что могло бы удерживать их (от худых Дел). Может ли, в самом деле, иметь для них какую-нибудь силу учение о воскресении, когда они считают его басней? А о мучениях в аду? Для них и это – басни; и заметь здесь внушение сатанинское. Когда им рассказывают о распутстве их богов, они не называют этого баснями, но верят. А когда им говорят о наказаниях, то они возражают: все это поэты выдумывают для того, чтобы повсюду расстроить счастливый порядок жизни.

Но философы, говорят они, изобрели нечто, вполне заслуживающее внимания и лучшее этих (басней). Какие же это философы? Ужели те, которые выдумали судьбу и утверждают, что все существует без Провидения, нет зиждительного Промысла, все сложилось из атомов? Но, говорят, другие признали Бога действительным бытием (о́бца). Какие же это, скажи мне? Те, которые производят души человеческие от душ собак и уверяют людей, что в известное время тот или другой из них был собакой, львом, рыбой? Доколь не перестанете пустословить, **"помрачены в разуме"**? И подлинно они как в рассуждении догматов, так и касательно жизни, все говорят и делают так, как бы находились в темноте; человек, окруженный мраком, не видит ничего пред собой, он веревку принимает за ползущего змея, или, зашедши в тесное место, думает, что его схватил человек или демон. И сколько тут страха и беспокойства! Подобных же вещей боятся (и язычники). **"Там убоятся они страха"**, – сказано, – **"где нет страха"** (Пс. 13:5), а чего бы следовало страшиться, того они не страшатся. Подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню, и смело порываются к зажженному светильнику, а между тем боятся человека в одежде из козьей шерсти, так и

эти эллины – настоящие младенцы, как и сказал об них некто: „эллины – всегда дети". Того, что не составляет греха, они боятся, как-то: телесной неопрятности, похорон, катафалков, тяжелых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как-то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния блуда, – они и не думают считать за грех. Ты можешь видеть как (язычник) обмывается после мертвеца, но от мертвых дел он не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег, и в то же время думает, что одно пения петуха может разрешить всякое (недоумение). Так они """. Душа их преисполнена множества примет. Например, такой-то, – говорят, – первый встретился со мной, когда я выходил из дому: непременно случится тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне обувь, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левой ногой: и это предвещает несчастья. Это – домашние неудачи. Когда же я вышел из дому, у меня правый глаз мигнул: быть слезам. Равным образом и женщины, – когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное древко, издадут звук, или сами он оцарапают себя гребнем, – принимают это за худое предзнаменование; опять, когда он заденут основой о гребень И очень сильно, потом верхние прутья, ударившись о древко, от напряженного удара издадут звук, то и это считают за предвестие несчастья, и тысячи других у них достойных смеха (суеверий). Закричит ли осел, или петух, чихнет ли кто, и вообще, что бы ни случилось, все их тревожит, так что они, – как я сказал, – точно скованы тысячами уз, точно находятся во мраке, во всем подозревают (худое) и гораздо больше поработены, чем тысячи невольников. Но не будем мы такими, напротив, осмеявши все такие (суеверия), – как живущие в свете, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землей, – будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если все это пустяки, то и посмеемся над этим, равно как и над первым виновником этого – дьяволом. Возблагодарим Бога и будем стараться, чтобы нам самим никогда не впасть в такое рабство, а если кто из наших друзей будет пленен, разорвем его узы, освободим его от этого несносного и постыдного заключения, сделаем его способным для восхождения к небу, выпрямим его опустившиеся крылья и научим его любомудрию касательно жизни и веры. Возблагодарим Бога за все и будем умолять Его, чтобы нам не оказаться недостойными врученного нам дара; с тем вместе позаботимся и о том, что от нас зависит, именно, чтобы нам поучать других не только словами, но и делами. От этого мы сможем получить бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божьей, по причине их невежества и ожесточения сердца их. Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью" (Еф. 4:17 – 19).

1. Это сказано не ефесянам только, но теперь говорится также вам, и не нами, но Павлом, или лучше, ни нами, ни Павлом, но благодатью Духа. Итак нам должно внимать словам этим, как словам Духа. Что же сказано? Послушай: **"Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божьей, по причине их невежества и ожесточения сердца их"**. Итак, если (такое их состоите было следствием) невежества и окаменеваая, то за что же обвинять их? Несведущего должно научить тому, чего он не знает, но несправедливо подвергать его упреку и взысканию. Но смотри, как (апостол) тотчас же лишает их такого извинения: **"Они"**, – говорит, – **"дойдя до**

бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью. Но вы не так познали Христа" (ст. 20). Здесь он показывает, что причиной их окаменения была их жизнь; жизнь же их была такой по их собственной беспечности и небрежению. **"Они"**, – говорит, – **"дойдя до бесчувствия, предались распутству"**. Итак, когда ты услышишь, что **"предал их Бог превратному уму"** (Рим. 1:28), то припомни и настоящее изречение, что они сами **"предались распутству"**. Как же предал их Бог, когда они сами предали себя? Если же предал их Бог, то как они сами себя предали? тебе кажется, что здесь есть противоречие? Но слово – **"предал"** значить здесь – **"попустил"**. Видишь ли, что где нечистая жизнь, там такого же рода придумываются и догматы. **"Ибо всякий, делающий злое"**, – сказано, – **"ненавидит свет и не идет к свету"** (Иоан. 3:20). В самом деле, каким бы образом человек нечистый, валяющийся среди тел всяких женщин, гораздо больше, чем сколько свиньи валяются в грязи, жадный до денег и нисколько не любящий целомудрия, мог решиться на такую (добродетельную) жизнь? У них, говорить (апостол), такой образ действий обратился как бы в правило. От этого-то (и происходит) их окаменение, от этого – помрачение ума. И при сиянии света для нас может быть темно, если наши глаза больны; больными же они бывают от прилива дурных соков и излишнего накопления мокрот. Так и здесь: когда многочисленное стечение житейских деле помрачает ясность нашего ума, мы находимся в темноте. И подобно тому, как, погрузившись глубоко в воду, мы не можем видеть солнца оттого, что над нами избыточная вода составляет как бы какую стену, – так и в мысленных очах происходит окаменение сердца, когда никакой страх не тревожит души. **"Нет"**, – говорит, **"страха Божья пред глазами его"** (Пс. 35:2). И еще: **"Сказал безумец в сердце своем: `нет Бога"**" (Пс. 13:1). Окаменение происходит не от иного чего, как от бесчувственности; при атом заграждаются поры. Так, когда сгустившиеся мокроты сосредоточатся в одном месте, тот член мертвеет и делается бесчувственным; хотя бы ты стал его жечь или резать, что бы ни делал с ним, он (ничего) не чувствует. Так и они (язычники) после того, как раз навсегда впали в беспечность, что им ни говори, грози им хотя бы огнем или мечем, – на них ничто не подействует, ничто не убедить их. У них раз навсегда омертвил член (сердце). И пока ты не уничтожишь в нем этого бесчувствия, пока твое прикосновение к нему не будет так же ощутительно, как к здоровым членам, до тех пор все твои усилия будут тщетны. **"С ненасытностью"**, – говорит: этим словом (апостол) преимущественно устраняет от них возможность оправдания. Ведь им можно было бы, если бы они захотели, не предаваться корыстолюбию, не быть беспечными, не служить чреву и не вести изнеженной жизни; можно было бы пользоваться умеренно и деньгами, и удовольствиями, и отдохновением. Но так как они не соблюдали в этом умеренности, то и испортили все. **"Делают"**, – говорит, – **"всякую нечистоту"**. Видишь ли, как (апостол) лишает их извинения, сказавши о делании нечистоты? Не по случайному, говорит, увлечению они грешили, но совершали все эти преступные действия, сами заботясь об них. **"Делают всякую нечистоту"**.

Нечистота всякая – это любодееание, блуд, сладострастная любовь к отрокам, зависть, всякая страсть и невоздержание. **"Но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, – так как истина во Иисусе"** (ст. 20 – 21). Выражение: **"потому что вы слышали о Нем"** – не означает, будто он говорит с сомнением, напротив показывает полную его уверенность: подобным образом он и в другом месте выражается: **"Ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью"** (2 Фес. 1:6). То есть, вы не для таких деле познали Христа. **"Потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, – так как истина во Иисусе, – отложить прежний образ жизни ветхого человека"** (ст. 22). Познание Христа в том и состоит, чтобы вести праведную жизнь. Кто ведет дурную жизнь, тот не знает Бога и Бог его не знает. Послушай, как об этом (апостол) говорит в другом месте: **"Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются"** (Тит. 1:16). **"Так как истина во Иисусе, – отложить прежний**

образ жизни ветхого человека", – то есть, вы не на таких условиях заключили договор (чтоб оставаться при прежней жизни). То, что мы имеем, не есть суета, но истина; как наши догматы, так и наша жизнь – истинны. Суета – грех и заблуждения, а праведная жизнь – истина. Она и цель имеет высокую, беспорядочная же жизнь приводит к ничтожному концу. **"Истлевающего"**, – говорит, – **"в обольстительных похотях"** обольщения его. Как пожелания его истлевают, так и сам он.

2. Каким же образом истлевают его пожелания? Смерть все разрушает. Так пророк говорить: **"В тот день исчезают [все] помышления его"** (Пс. 145:5). Впрочем, не одна только смерть, много есть и других причин (этого изменения). Так красота изменяется, увядает и пропадает от болезни и с наступлением старости. От тех же (причин) погибает и сила телесная. Чувственные удовольствия в старости уже не так привлекательны. На это мы имеем указание и в примере Верзеллия, – без сомнения, вы знаете эту историю (2 Цар. 19:32 – 35). А с другой стороны, похоть растлевает и губить самое существо человека. Как шерсть от чего рождается, от того же и погибает, так точно и ветхий человек. Пагубно для него славолубие, многих погубили удовольствия, обманула похоть. Впрочем, все это не составляет удовольствия в собственном смысле, но есть горечь, обман, подлог и тень. Наружная сторона этих предметов приманчива, но сами по себе они – не что иное, как тяжелое бремя, влекущее за собою великую нищету, пустоту и бедность. И если ты снимешь с них эту личину, откроешь их настоящее лицо, то увидишь обман. В том ведь и состоит обман, когда что-нибудь показывается нам не тем, что оно есть, но представляется тем, чего в нем нет. Отсюда проистекают и ложные суждения (о том или другом предмет). (Апостол) изображает нам четырех человек и, если хотите, я вам представлю это изображение. В настоящем послании (он изображает) двух, когда говорит: отложившись **"ветхого человека"**, обновитесь **"духом ума вашего и"** облекитесь **"в нового человека"** (ст. 23, 24); а в послании к Римлянам – других двух, когда говорит: **"Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих"** (Рим. 7:23). Эти последние имеют сродство с теми первыми, именно с внутренним – новый человек, а с внешним – ветхий; но трое из них растлились. Или лучше, и теперь их трое: новый, ветхий и этот существенный (οὐσιώδης) или естественный. **"Обновиться"**, – говорит, – **"духом ума вашего"** (ст. 23). Чтобы кто не подумал, будто он измышляет иного человека, когда говорить о ветхом и новом человеке, смотри, что он говорит: **"обновиться"**. Обновление происходит тогда, когда обветшавшее молодеет, принимает другой вид, так что предмет остается один и тот же, но происходит перемена в его случайных свойствах. Как тело остается тем же, хотя происходит перемена в случайных его свойствах, так и здесь. Как же должно произойти это обновление? **"Духом"**, – говорит, – **"ума вашего"**. Поэтому, кто станет совершать что-либо ветхое, тот не сделает ничего: дух не потерпит ветхих деяний. **"Духом"**, – говорит, **"ума вашего"**, то есть, духом, который в вашем ум. **"И облечься в нового человека"**. Видишь ли, что предмет один, а одежды две: одна, которая совлекается, и другая, в которую облакаются? **"В нового"**, – говорит, – **"человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины"** (ст. 24). Почему он представляет человека под именем добродетели, и почему под именем порока? Потому что нельзя определить (свойство) человека, не указав на его деятельность. Таким образом (действия человека) не меньше, чем естественные его свойства, показывают, добр он, или не добр. Как легко раздеть человека, так же легко по добродетели или пороку видеть (свойства его). Человек новый (т. е. молодой) силен. Будем же и мы сильны в делании добрых дел. Он не имеет морщин: не будем иметь их и мы. Он не подвержен и нелегко поддается болезням: не будем и мы. **"Созданного"**. Смотри, как он называет здесь осуществление (οὐσίωσιν) добродетели созданием, то есть приведением из небытия в бытие. Что же? А тот (порок) не есть создание по Богу? Никак, но по дьяволу, который есть виновник греха. Почему? Потому что (новый) человек создан не из воды, не из земли,

но в правде и преподобии истины. Что значит это? То, говорить, что (Бог) тотчас же – во время крещения, которое существенно необходимо для нашего возрождения, сделал его Своим сыном. Хорошо сказал (апостол): **"В праведности и святости истины"**. Была некогда правда, было и преподобие у иудеев, но – не истины; то была праведность прообразовательная. Так, телесная чистота была образом чистоты, а не истинной чистотой; был образ праведности, а не истинная праведность. **"В праведности"**, – говорит, – **"и святости истины"**. Может быть, это сказано и касательно ложной праведности, потому что многие у неверующих считают себя праведными, но они обманываются.

Праведностью называется добродетель всеобъемлющая. Послушай, что говорить Христос: **"Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное"** (Мф. 5: 20); и в другом месте праведным назван тот, кто греха не творит (1 Иоан. 3:9). Так и в судах мы называем правым того, кто терпит обиды, а сам не обижает. О, если бы и нам на страшном суд показаться правыми и получить некоторое снисхождение! Ведь пред Богом невозможно (оказаться совершенно праведным), какие бы мы ни представили оправдания: пред Ним всякая праведность несостоятельна, как и пророк говорил: **"и победишь, когда будешь судить"** (Пс. 50:6). Но если мы не будем нарушать взаимных прав, то будем правы; если сможем доказать, что нам была сделана несправедливость, и в таком случае мы будем правы. Что это значит, что (апостол) говорит им: **"облекитесь"**, когда они уже облеклись? Здесь он говорит о жизни и делах. Тогда они облеклись в крещении, а теперь (апостол повелевает им облечься) в своей жизни и делах, чтобы уже не жить им больше по влечению обольстительных похотей, но по заповедям Божиим: Но что такое **"преподобие"**? Что чисто и согласно с требованием долга. Потому-то мы и употребляем это выражение (οσιον) о тех, которые освободились от суда, – то есть, (говорим): я уже больше ничего им не должен, я уже ничему не повинен. Так у нас в обычае говорить: я отделался (ἀφοσιώσάμην), и тому подобное, то есть, я больше уже ничего не должен.

3. Итак, наш долг – не совлекать с себя этой одежды оправдания, которую пророк называет одеждой спасения (Ис. 59:10), чтобы нам сделаться подобными Богу, Который облечся в правду. Облечемся же в эту одежду. А облечься значить не что иное, как то, чтобы уже не совлекаться. Послушай, что говорить пророк: **"Да облечется проклятием, как ризю, и да войдет оно"** в него (Пс. 108:18). И еще: **"Оденься в свет, как в ризу"** (Пс. 103:21). И у нас в обычае говорить о людях: такой-то надел на себя (личину) такого-то. Таким образом (апостол) хочет, чтобы мы не один день, не два, не три, но всегда пребыли в добродетели и никогда не снимали с себя этой одежды. Не так непристойно человеку быть нагим по телу, как быть обнаженным от добродетели. При телесной наготе его непристойное положение видят такие же (как он) рабы, а там – это видит Владыка и ангелы. Скажи мне, если бы ты увидел кого-нибудь идущего нагим по площади, не оскорбило ли бы это тебя? Что же сказать о тебе, когда ты ходишь без этой одежды? Не видал ли ты тех нищих, которых мы обыкновенно называем флейтчиками, как они расхаживают и возбуждают в нас жалость к себе? Однако ж и они не заслуживают никакого извинения. Мы не прощаем им того, что они проигрывают в кости свои одежды. Как же простить нас Бог, если мы погубим эту одежду? Когда дьявол видит кого-нибудь обнаженным от добродетели, тотчас марает и чернит его лицо, наносит ему раны, делает и еще большие насилия. Обнажим себя от денег, чтобы не обнажиться от преподности. Облачение, состоящее в деньгах, повреждает эту одежду (оправдания): это – облачение из терний, и эти терния таковы, что чем больше мы покрываемся ими, тем более совлекаемся (истинной одежды). Чувственные склонности также лишают нас этой одежды: он огонь, а такой огонь сжигает эту одежду. Богатство также есть моль: как моль поедает все и не щадит даже шелковых одежд, так и богатство. Итак, оставим все это, чтобы нам быть

праведными, чтобы облечься в нового человека. Не оставим у себя ничего ветхого, ничего преходящего, ничего тленного. Добродетель не тяжела, не неудобноисполнима.

Не видишь ли тех, которые проводят жизнь в горах? Они оставляют и свои дома, и жен, и детей, и все свои служебные занят, и, удалившись из мира, облачаются во вретище, посыпаются пеплом, возлагают на шею вериги, заключают себя в тесной келье и, на этом не останавливаясь, изнуряют себя постом и постоянным голодом. Если бы теперь я вам предложил все это, не отказались ли бы все вы? Не назвали ль бы такого дела трудным? Но я не говорю, что вы непременно обязаны это делать. Я только желаю этого, но не узаконяю. Далее что скажу еще? Пользуйся и банями, имей попечение и о теле, ходи и на площадь, имей у себя дом, имей и слуг, употребляй и яства и напитки, – изгони только отовсюду корыстолюбие, потому что оно составляет грех, когда выходить из надлежащих границ законного приобретения. Итак, корыстолюбие – не что иное, как грех. И смотри: когда наш дух возмутится больше надлежащего, тогда, выйдя из себя, мы начинаем злословить, тогда во всем поступаем несправедливо. (То же бывает) и с любовью к телу, к деньгам, к славе и ко всему другому. И не говори мне, что т (отшельники) имели особенные силы (к такой строгой жизни): многие гораздо тебя слабее и богаче и изнеженнее вступили в эту суровую и скорбную жизнь. И что говорю я о мужах? Девы, еще не достигшие двадцатилетнего возраста, проводившие все время в своих побоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанные благовониями и дорогими мазями, нежные по природе и еще более сделавшиеся изнеженными от этих усердных об них попечений, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только – украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться неге, не делавшие ничего даже сами для себя, но имевшие у себя множество приставленных к ним прислужниц, носившие на себе одежды еще более нежные, чем самое их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, – эти (девы), будучи внезапно объаты огнем Христовым, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнеженности, о своем возрасте, расстались со всеми этими удовольствиями и, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. И быть может, покажется невероятным, что я скажу, – однако же, это истинно. Именно я слышал, будто эти столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы, что ноги их оставались босыми; и они имели своим ложем тростниковые прутья; преимущественно же большую часть ночи они проводили без сна и уже не думали ни о благовонных мазях, ни о чем-либо другом из прежних прихотей, и даже оставляли в небрежении свою голову, обыкновенно составляющую особенный предмет их попечений, так что волосы заплетали просто и как-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у них бывает только вечером, и на этой трапезе нет ни овощей, ни хлеба, а только мука, бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно они заняты прядением шерсти и имеют еще занятия, гораздо труднейшие, чем какие (имеют) дома у них служанки. Именно: они взяли на себя труд лечить тела больных, носить их постель, умывать им ноги. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов! Так благое изволение превышает самую природу! Однако ж ничего такого я не требую от вас, потому что вы сами хотите, чтобы женщины опередили вас (на поприще благочестивой жизни).

4. По крайней мере, делайте то, что нетрудно: удержите свою руку (от недозволенного) и глаза от бесстыдных (взглядов). Что в этом трудного, скажи мне, что тяжелого? Будьте справедливы, никому не делайте обиды – никто, ни бедный, ни богатый, ни продавец, ни наемник. Ведь и между бедными могут происходить взаимные обиды. Разве не видите, какие они производят между собой раздоры и все разрушают? Вступай в брак, имей детей; сам Павел давал наставления таковым (ведущим брачную жизнь) и писал к ним. Велик тот подвиг, высока та скала, так что высота ее близка к небу, и ты не в состоянии подняться

до нее? Имей же, хотя меньшее и достигни нижайшего. Ты не можешь раздать своих денег? Не похищай же, хотя чужих и не обижай. Ты не можешь поститься? Не предавайся же, по крайней мере, излишеству. Ты не можешь лежать на тростниковом ложе? Не устраивай же, но крайней мере, себе постели, отделанной серебром, но употребляй постель простую и ложе, сделанное не на показ, а для отдохновения, равно не устраивай постели и из слоновой кости: ограничивай себя. Для чего наполняешь корабль своим несчетным имуществом? Если будешь вести скромную жизнь, то не будешь бояться ничего, ни зависти, ни воров, ни козней. Ты ведь богат не столько деньгами, сколько заботами; изобилуешь не столько стяжаниями, сколько беспокойствами и опасностями. **"А желающие обогатиться"**, – сказано, – **"впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти"** (1 Тим. 6:9). Вот что терпят те, которые желают обладать многим. Я не говорю (тебе): прислуживай больному; прикажи, по крайней мере, это своему слуге. Видишь ли, как это не тяжело? Иначе как могли бы так далеко превзойти нас в этом слабые девы? Устыдимся, прошу вас, того, что в мирских делах мы нигде им не уступаем, ни в войне, ни в боях; а в духовных подвигах он успевают больше нас, первые похищают награду и воспаряют на большую высоту, подобно орлам; мы же, подобно галкам, постоянно находимся внизу около дыму и чадных паров. Подлинно это свойственно галкам и жадным до лакомств псам – постоянно думать о поварах и приготовлении кушаний. Послушай о древних женах: то были великие жены, великие и достойные удивления, каковы: Сарра, Ревекка, Рахиль, Деввора, Анна и те, которые жили при Христе. Но он никогда не превосходили своих мужей, а занимали второе место за ними. А теперь напротив: жены превосходят и затмевают нас. Какой смех! Какой стыд! Мы занимаем место главы, и ужели над нами должно одержать верх тело? Мы поставлены начальствовать над женами не для того только, чтобы пользоваться правами начальствования, но чтобы первенствовать и в добродетели. Начальствующий должен главным образом показывать свое преимущество в том, чтобы превосходить добродетелью. А если его самого превосходят, то он уже не начальник.

Видите ли, какова сила пришествия Христова? Как оно уничтожило клятву? Теперь между женщинами больше девственниц, больше у них целомудрия, больше вдовствующих между ними. Ныне женщина не скоро произнесет какое-нибудь непристойное слово. Для чего же, скажи мне, срамословишь ты? Женщины любят наряды, и это их слабость. Но вы, мужья, и в этом их превосходите, надмеаясь как их нарядом, так и своим. Мне кажется, что не столько жена тщеславится своими золотыми украшениями, сколько муж нарядом своей жены; не столько гордится он своим золотым поясом, сколько тем, что жена носит золотые уборы. Таким образом вы виновны в этом, так как вы воспаляете эту искру, вы разжигаете этот пламень. С другой стороны, такая страсть не столько грешна в женщине, сколько в мужчине. Ты поставлен распоряжаться ею; ты везде хочешь иметь пред нею первенство. Покажи же и здесь своими действиями, что ты выше страсти к роскоши. Женщине более извинительно заниматься нарядами, чем мужчине. Итак, когда ты сам не избегаешь (этой страсти), то, как же будет избегать ее она? Правда, у женщин есть некоторое тщеславие; но тоже и у мужчин. Те склонны к гневливости; и эти также. А в чем женщины имеют преимущество, то уже не общее у них с мужчинами: я разумею скромность, теплоту (души), стыдливость, любовь к Христу. Почему же, говорят, (апостол) избрал им учительскую кафедру? И это знак того, что существует большое расстояние между ними и мужами и что (жены) были тогда велики. Следовало ли бы, скажи мне, приступать женам к этому делу в то время, как учили Павел и Петр, и те святые (мужи)? А ныне мы дошли до такого зла, что оказывается естественным вопрос, почему жены не занимаются учительством? Таким образом, мы снизошли на степень их слабой природы. Я сказал это не потому, чтобы желал возвысить их, но чтобы возбудить стыд в нас, и нас научить, нас побудить к тому, чтобы мы снова приняли принадлежащее нам начальство, не в смысле преобладания, но в смысле попечения и руководства, в

смысле преуспевания в добродетели. Таким образом, и тело будет иметь приличное благоустройство, когда будет иметь лучшего правителя над собой. Пусть же будет дано всем, как женам, так и мужам, пожить согласно с волей Божьей, чтобы всем нам сподобиться в тот страшный день милосердая Владыки и получить обетованные блага во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА 14

"Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу. Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места дьяволу" (Еф. 4:25 – 27).

1. Представив общее учение о ветхом человеке, (апостол) потом изображает его подробно, потому что учение о каком-либо предмете, изложенное в подробностях, бывает удобопонятнее. Что же говорить он? **"Посему, отвергнув ложь"**. Какую ложь? Не понимает ли он идолов? нет. Хотя и идолы – ложь, но здесь речь не о них, так как (ефесяне) не имели никакого общения с идолами. Он говорит им о лжи по отношению друг к другу, т. е. о лукавстве и обманах: **"Говорите истину каждый ближнему своему"**, – и представляет сильное побуждение к этому: **"Потому что мы члены друг другу"**; поэтому никто пусть не обманывает своего ближнего. Об этом и Псалмопевец повсюду говорит: **"уста лъстивы, говорят от сердца притворного"** (Пс. 11:3). Ничто, решительно ничто столько не производит вражды, как ложь и обман! Заметь же, как везде (апостол) пристыжает их, указывая на (взаимную верность членов) тела. Глаз, говорит он, не обманывает ноги, ни нога – глаза. Если бы, например, случился глубокий ров, а поверх его положены были да земле прутья и закрыты землей, так что глазам обманчиво представлялась бы здесь твердая земля, не воспользуется ли (глаз) ногою, чтобы узнать, пустое ли пространство внизу, или же место твердое, на котором можно удержаться? Солжет ли при этом нога, не откроет ли того, что есть? А если глаз увидит змия, или зверя, обманет ли он ногу? Не даст ли тотчас знать ей об этом, чтобы она, узнавши это от него, шла осторожно? Точно также, когда ни глаз, ни нога не имеют средств узнать вредного яда, но все будет зависть от обоняния, ужели обоняние солжет устам? Никак. А почему? Потому что в таком случай оно погубить и себя. Напротив, как ему (обонянию) представится, так оно и говорит. А язык разве обманывает желудок? Не выбрасывает ли он того, что находить противным, и не глотает ли приятного? Вот каков взаимный обмен услуг (между членами тела). Замечай же, как верно, и при том, так сказать, чистосердечно производится это взаимное предостережение. Так и мы не будем лгать, если мы члены одного тела. Это будет знакомь нашего дружества, а противное этому – вражды. Но как же быть, говорят, когда такой-то строить против меня ковы? Познавай истину: если он строить тебе ковы, то он уже не член (тела). А (апостол) сказал: не обманывайте член члена. **"Гневаясь, не согрешайте"**. Заметь мудрость: он говорит о том, как нам не согрешать, потом не оставляет и не послушавших этого наставления: так он дорожить своим духовным порождением! Как врач, давши наставления больному касательно того, как ему должно вести себя, не оставляет его своим попечением и тогда, когда больной не исполнить его наставлений, но, убедивши его пользоваться данным наставлением, снова врачует его, – так точно поступает и Павел. Врач, заботящийся только о собственной славе, оскорбляется, когда (больные) пренебрегают его наставлениями; но кто всегда заботится о здоровье больного, тот имеет в виду одно только то, как бы поднять его с постели. Таков именно и Павел. Он сказал: не лгите. Если же случится, что ложь подвигнет кого-нибудь на гнев, то он и против этого предлагает врачество. Что же говорить он? **"Гневаясь, не согрешайте"**. Хорошо не гневаться; но если кто впадет в эту страсть, то, по крайней мере, не на долгое время: **"Солнце"**, – говорит, – **"да не зайдет во гневе вашем"**. Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся

час, два, три; но да не зайдет солнце, оставив нас врагами. Оно по благодати (Господа) взойшло, – да не зайдет же, Сиявши на недостойных. Если Владыка послал его по многой своей благодати и сам оставил тебе согрешения, а ты не оставляешь их своему ближнему, то подумай, какое это большое зло. При том от него может происходить и другое зло. Блаженный Павел опасается, чтобы ночь, захвативши в уединении человека, потерпевшего обиду и еще пламенеющего (гневом), не разожгла огня еще более. Днем, пока еще многое раздражает тебя, тебе позволительно дать в себе место гневу; но когда наступает вечер, примиришься и погаси возникшее зло. Если ночь застанет тебя (во гневе), то следующего дня уже не довольно будет для погашения зла, которое может возрасти в тебе в продолжение ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не в состоянии будешь уничтожить всего, и в следующую ночь дашь возможность более усилиться оставшемуся огню. Как солнце, если дневной теплоты его не довольно бывает для осушения и очищения воздуха, наполнившегося облаками и испарениями в продолжение ночи, дает этим повод быть гроз, когда ночь, захвативши остаток этих паров, прибавляет к ним еще новые испарения, – так точно бывает и в гнев. **"Ныне давайте места дьяволу"**. Итак, враждовать друг против друга значить давать место дьяволу. Тогда как должно нам соединиться вместе и восстать против него, мы, оставивши вражду против него, позволяем себе обратиться друг на друга. Подлинно, ничто так не способствует дьяволу находить место среди нас, как вражда.

2. Тысячи зол рождаются отсюда. Как камни до тех пор, пока они сплочены и не имеют пустоты, трудно раскалываются, а как скоро окажется в них скважина, хотя бы такая малая, как острие иглы, или сделается трещина, в которую можно лишь продеть один волос, распадаются и разрушаются, – так и при (нападениях) дьявола. Пока мы будем тесно соединены и сближены между собой, до тех пор он не сможет ввести (в среду нас) ни одного из своих (злых наветов). Но когда хотя немного он разделит нас, тогда вторгается подобно бурному потоку. Везде ему нужно только начало, – это для него самое трудное; когда же начало сделано, тогда он уже сам собой все подвигает вперед. Так, лишь только он открыл (твой) слух для клевет, и лжецы уже приобретают (твое) доверие, потому что (враждующие) руководствуются своей ненавистью, (все) осуждающей, а не истиной, право судящей. Как при дружбе даже справедливым нехорошим слухам не хочется верить, так при вражде напротив и ложные слухи принимаются за истину. Другой тогда бывает у нас ум, другое судилище, выслушивающее не со спокойствием, но с большим пристрастием и предубеждением. Как положенный на весы свинец все перетягивает, так и тягчайшая свинца тяжесть вражды. Потому, прошу вас, будем всячески стараться о том, чтобы нам до захождения солнца погашать свою вражду. Когда ты не обуздаешь своей вражды в первый и в следующей день, то часто продолжишь ее и на целый год, и, наконец, она сама собою усилится до того, что уже не будет нуждаться ни в чьем (возбуждении). Она заставляет и олова, которые говорятся в одном смысл, принимать в другом, заставляет заподозривать движения и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону, и тем ожесточает и раздражает (человека), делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни называть, ни слышать имени того, против кого враждует, но произносить (против него) всякие бранные слова. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если помыслим о своих собственных грехах и о том, насколько мы виновны пред Богом; если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что (враждой) мы доставляем радость дьяволу, этому врагу, истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему собрату. Ты желаешь злопамятствовать, враждовать? Будь врагом, но против дьявола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечем, но чтобы вонзали все его острие в грудь дьявола. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и честь: мой член всего для меня дороже. Так

будем говорить друг другу; не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы. **"Кто крал"**, – говорит, – **"вперед не кради"** (ст. 28). Видишь, какие члены у ветхого человека? Ложь, памятозлобие, воровство. Почему он не сказал: крадый да будет наказан, да подвергнется пытке и истязанию, но – да не крадет? **"А лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся"** (ст. 28). Где те, которые называют себя чистыми, которые, будучи исполнены всякой нечистоты, дерзают называть себя так? Ведь для того, чтобы снять с себя обвинение, нужно не отстать только от греха, но и сделать что-либо доброе. Смотри, как должно заглаживать грехи: они крали, – это значить совершить грех; не крали, – это не значить загладить грех; по как (могли бы это сделать)? Если бы они трудились и помогали другим, то этим они загладили бы грех. Апостол хочет, чтобы мы не просто делали, но чтобы трудились, чтобы отдавали другим. И тот, кто крадет, также делает, но делает зло. **"Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших"** (ст. 29). Какое это слово – **"гнилое"**? То, которое в другом месте он называет словом праздным, злословием, срамословием, суесловием, буесловием. Видишь ли, как он посекает самые корни гнева – ложь, воровство, необдуманнные речи? Слова: **"вперед не кради"** он сказал не столько для того, чтобы оказать снисхождение тем (кравшим), сколько для того, чтобы потерпевшим от этого внушить кротость и убедить их удовольствоваться тем, что они уже больше не подвергнутся этому. Кстати учить он и относительно слов, потому что не только за дела, но и за слова мы дадим ответ. **"А только"**, – говорит, – **"доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим"** (ст. 29). То есть, говори только то, что назидает ближнего, и ничего излишнего.

3. Бог дал тебе уста и язык для того, чтобы ты благодарил Его и назидал ближнего. Если же ты разрушаешь здание, то лучше молчать и ничего не говорить. И руки художника, назначенные для построения стен, но вместо того навывшие разрушать их, справедливо было бы отсечь. Так и Псалмопевец говорить: **"истребит Господь все уста льстивые"** (Пс. 11:4). Язык – причина всех золь, или лучше, не язык, а те, которые худо им пользуются. Отсюда – обиды, злословия, хулы, страсть к удовольствиям, убийства, злодеяние, воровство, все рождается отсюда. Каким же образом, говорят, отсюда – убийства? От оскорбительного слова ты придешь в гнев, разгневанный начнешь драться, от драки недалеко до убийства. Каким образом – злодеяние? Тебе скажут, что такая-то особенно расположена к тебе, она отзывается о тебе с отличной стороны; эти слова поколеблют твою твердость, а затем в тебе возникнут и нечистые пожелания. Потому-то и сказал Павел: **"только доброе"**. Так как слов великое множество, то он справедливо выразился неопределенно, повелевая касательно их употребления, и давая правило, как вести речь. Какое же правило? **"дабы оно доставляло благодать"**, – сказал он. Иначе сказать: (говори так), чтобы слушающий тебя был благодарен тебе. Например, твой брат соблудил: не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим ни мало пользы слушающему, но решительно повредишь ему, если будешь язвить его (своими словами). Если яге ты будешь увещевать его, как он должен поступать, то этим заслужишь от него великую благодарность. Если ты научишь его иметь доброречивые уста, научишь не злословить, то этим ты многому его обучишь и заслужишь его благодарность. Если будешь говорить с ним о раскаянии, о стыдливости, о милостыне, все это будет смягчать его душу. За все это он выскажет тебе свою благодарность. Если же ты возбудишь смуть, произнесешь непристойное слово, а тем более, если похвалишь порок, то ты все расстроишь и погубишь. Так можно понимать слова (апостола). Или же слова эти значат: чтобы их (слушающих) сделать облагодатствованными. Ведь подобно тому, как миро подает благодать помазующимся им, так и доброе слово. Потому и сказал некто: **"имя твое – как разлитое миро"** (Песн. 1:2). Оно (доброе слово) наполняешь (слушающих) своим благовонием. Видишь ли: о чем внушает он везде, о том говорить и теперь, когда повелевает каждому назидать

ближнего по мере своих сил? Итак, увещевая других поступать таким образом, тем более (располагай к этому) себя самого. **"И не оскорбляйте"**, – говорит, – **"Святого Духа"**. Это – слова, приводящие в страх и ужас, которые (апостол) повторяет и в послании к Фессалоникийцам. И там он выразил нечто подобное, сказав: **"Итак, непокорный непокорен не человеку, но Богу"** (1 Фес. 4:4, 8). Так и здесь: если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святого. При этом (апостол) указывает еще и на благодеяние (полученное от Святого Духа), чтобы тем сильнее было обвинение: **"И не оскорбляйте"**, – говорит, – **"Святого Духа Божьего, Которым вы запечатлены в день искупления"** (ст. 30). Он (Святой Дух) сделал нас пажитью царевою, освободил нас от всех прежних (зол), не оставил нас в числе тех, которые подлежат гневу Божьему, и – ты оскорбляешь Его? Смотри, какой там (внушается) страх: **"Итак, непокорный"**, – говорит, – **"непокорен не человеку, но Богу"**, а здесь – он пристыжает словами: **"И не оскорбляйте Святого Духа Божьего, Которым вы запечатлены"**. Пусть эти слова, как печать, лежать на твоих устах; не уничтожай этих знаков. Уста, запечатленные Духом, ничего такого (непристойного) не изрекают. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Потому-то это и великое зло, что ты считаешь его ничтожным. Зло, которое считают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении оно усиливается, усилившись же, становится неизлечимым. У тебя уста запечатлены Духом? Вспомни, какое слово произнес ты сейчас, по своему рождению, вспомни о достоинств твоих уст. Ты называешь Бога своим Отцом и в то же время поносишь своего брата? Помысли о том, почему ты называешь Бога своим Отцом. (Потому ли, что Он Отец) по природе? Но поэтому ты не мог бы (называть Его так). За добродетель? нет, и не за то. Почему же? По одному человеколюбию (Божьему), по Его благосердию, по Его великой милости. Итак, когда ты называешь Бога Отцом, то имей в мысли не только то, что, оскорбляя (своего брата), ты поступаешь недостойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благодати (Божьей). Не срами же своего благородства, – которое сам ты получил по милости, – жестоким обращением со своими братьями. Называешь Бога своим Отцом, и оскорбляешь (своего ближнего)? Это не свойственно сыну Божьему! Дело сына Божьего – прощать врагам, молиться за своих распинателей, проливать кровь за ненавидящих его. Вот что достойно сына Божьего: своих врагов, неблагодарных, воров, бесстыдных, коварных – сделать своими братьями и наследниками, а не то, чтобы своих братьев оскорблять, точно каких невольников.

4. Подумай, кагал слова произносили уста твои, какой они устаиваются трапезы; подумай, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты полагаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же, в таком случае, ты называешь его братом? А если он тебе – не брат, то как же ты говоришь: **"Отче наш"**? Ведь слово – наш указывает на множественность лиц. Подумай, с кем ты стоишь во время тайнодействий: с херувимами, с серафимами. Серафимы не злословят, но их уста имеют одно только занятие – славословить и прославлять Бога. Как же ты будешь вместе с ними говорить: **"Свят, свят, свят"**, – после того как произносил своими устами злословия? Скажи мне: если бы царский сосуд, всегда наполнявшийся царскими кушаньями и назначенный на такое употребление, кто-нибудь из слуг употребил для нечистот, посмел ли бы он после этого опять ставить вместе с другими, употребляющимися при царском столе, сосудами, и этот, наполненный нечистотами? Отнюдь нет. Таково же и злословие, таково и оскорбление (ближнего)! **"Отче наш"**. И то ли одно ты произносишь? Вникни и в следующие слова: **"сущий на небесах"**. Сейчас ты сказал: "Отче наш, сущий на небесах", – и эти слова возбудили тебя, окрылили твою мысль, внушили, что ты имеешь Отца на небесах. Не делай же ничего, не говори ничего земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься долу? Предстоишь пред престолом Царским, и произносишь злословия! Ужели ты не боишься, что Царь почтет

твой поступок за оскорбление себе? Когда раб, пред нашими глазами, наносит удары другому рабу и поносит его, то, хотя бы он делал это и по праву, мы тотчас взыскиваем, принимая такой поступок за обиду себе; а ты, поставленный вместе с херувимами пред престолом Царя, поносишь своего брата? Видишь ли, эти святые сосуды? Они имеют одно назначение: кто же осмелится употребить их на другое? А ты святее их и гораздо святее: зачем же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесах, и предаешься злословии? Живешь с ангелами, и злословишь? Удостоился лобзания Владычного, и произносишь злословия? Бог украсил твои уста столькими ангельскими песнопениями, удостоил их брашна не ангельского, но свыше ангельского – Своего лобзания и Своих объятий, и ты предаешься злословии? Оставь это, прошу тебя. Такое поведете производить великие бедствия и не свойственно душе христианской. Ужели мы не убедили тебя своими словами, не пристыдили? В таком случае необходимо устрашить тебя. Послушай же, что говорить Христос: **"Всякий кто скажет брату своему: `безумный, подлежит геенне огненной"** (Мф. 5:22). Итак, если он угрожает геенной тому, кто скажет самое легкое (из обидных слов), то чего заслуживает тот, кто произносить более дерзкие укоризны? Научим свои уста доброречию. Отсюда происходит великая польза, а от злоречия – великий вред. Здесь не нужно тратить денег, – приставим только (кустам) дверь и запор, будем угрызать самих себя, как только с нашего языка сорвется оскорбительное слово, будем умолять Бога, будем упрашивать оскорбленного нами, чтобы нам не страдать безвинно, – ведь мы огорчили себя, а не его, – обратимся к лекарству, к молитв и к примирение с обиженным. Если мы должны наблюдать такую осторожность в словах, то тем более – в делах будем к себе строги. Будут ли это твои друзья, будет ли другой кто, кого ты злословил и поносил, извинись пред ними и испроси у них себе наказания. Будем знать, по крайней мере, что злословие есть грех. Если будем это знать, то скорее отстанем от него. Бог же мира да сохранить ваш ум и язык и да оградить твердой стеной – Своим страхом, во Христе Иисус и Господь нашем, с Которым слава Отцу и Святому Духу.

БЕСЕДА 15

"Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас" (Еф. 4:31).

1. Как рой пчел никогда не садятся в нечистый сосуд, и потому люди, опытные в этом, готовят для них место, окуривая его курениями, мастиками и всякого рода благовониями, обрызгивают ароматными винами и всякими другими составами корзины, в которые они должны садиться, отроившись из ульев, и делают все это для того, чтобы неприятный запах, противный пчелам, не заставил их лететь прочь, – так все это применимо и к Святому Духу. Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рой духовных дарований; но, если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь. Поэтому-то этот блаженный и мудрый домохозяин тщательно очищает наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другого какого железного орудия. Он призывает нас в этот духовный улей и, устраивая его, очищает его молитвами, трудами и всякими другими средствами. Посмотри, как он очищает паше сердце: отгоните, говорить, ложь, отгоните гнев; и при этом показывает, как можно истребить зло с корнем: да не будем, говорить, гневливы духом. С нашей желчью обыкновенно бывает, что если ее немного, то и движете ее не сильно, когда расторгнется вместилище, но когда ее едкость и острота доведены до слишком сильной степени, то заключавшее ее доселе вместилище, будучи уже не в состоянии доле задерживать ее в себе и лопая как бы от сильного огня, действительно больше не удерживает ее в надлежащих границах; треснув от чрезмерного напряжения, он извергает ее себя и она расходится по всему телу. И дикий и лютый зверь, приведенный в город,

пока находится и огражденном месте, никому не может сделать вреда, сколько бы ни бесновался и ни кричал; но если, разъярившись, он перескакивает ограду, то производит страх и тревогу в целом городе и заставляет всех бежать от себя: таково же и естественное свойство желчи. Пока она находится в своих границах, то не производит в нас никакого важного вреда; но когда лопнет ее оболочка, и ей уже ничто не мешает разлиться по всему телу, тогда-то она, несмотря на свое крайне незначительное количество, по причине своей качественной силы проникает собою все элементы тела и портит их своей дурной примесью. Так, касаясь крови, к которой она близка и по месту и по качеству, разгорячает ее и все, что ни есть вблизи ее, делает излишне влажным и обращает в желчь; затем производит беспорядок и в других частях тела и, таким образом, все перепортив собою, лишает человека употребления языка и доводит его до смерти, изгоняя из тела душу. Но для чего мы говорим обо всем этом с такой подробностью? Для того, чтобы нам, через сравнение с чувственной желчью, лучше понять весь нестерпимый вред желчи духовной, – как она, производя совершенное расстройство в нашей душе, от которой рождается, причиняет ей совершенную погибель, – и чтобы, зная это, мы береглись, как бы не испытать на себе (ее вредного действия). Как та (желчь вещественная) производит воспаление в телесном составе, так эта (духовная) разжигает наши мысли и низводит того, кем овладевает, в гееннскую пропасть. Итак, чтобы нам, после того как мы все это тщательно рассмотрели, избежать этого зла, обуздать этого зверя, а лучше – чтобы с корнем вырвать, для этого послушаем слов Павла: **"Всякое раздражение"**, – не сказал: да очистится, – **"да будет удалено от вас"**. В самом деле, какая мне надобность удерживать ее при себе? Для чего мне держать у себя зверя, которого можно удалить из души и прогнать далеко прочь? Послушаем же слов Павла: **"Всякое раздражение да будет удалено от вас"**. Но, к сожалению, вот какое у нас замешательство. Тогда как следовало бы всячески стараться об этом, некоторые так неразумны, что считают за счастье для себя такое зло, гордятся им, тщеславятся и возбуждают зависть в других. Такой-то, говорят, человек желчный, настоящий скорпион, змей, ехидна: его страшно бояться! Что боишься ты, возлюбленный, желчного человека? Боюсь, говорить, чтобы он не сделал мне вреда, не оскорбил меня. Я неопытен в коварстве, как он, и потому боюсь, чтобы он не завлек меня в свои сети, как человека простого и неспособного проникать в его замыслы, и не опутал нас своими ковами, приготовленными для нашего обмана. Смешно! Почему? Потому что такие слова приличны детям, которые боятся того, что несколько не страшно. В самом деле, никто столько не заслуживает презрения, никто столько не достоин посмеяния, как желчный и злой человек. Ведь ничего нет бессильнее злобы: она делает (человека) бессмысленным и безумным.

2. Разве вы не видите, что злоба слепа? Разве вы не слышали, что копающий яму ближнему роет ее для себя? Но как же, скажут, не бояться человека, предавшегося гневу? Если должно бояться демонов и сумасшедших, то должно бояться и гневливых людей, как безумцев, все делающих без рассуждения. Соглашаюсь и я с этим, но отнюдь не согласен с тем, будто в делах надобно прибегать к помощи таких людей. Для успешного ведения дел всего больше необходимо благоразумие; коварство же, злоба и лукавство более всего препятствуют нам сохранять благоразумие. Не видите ли, каковы бывают тела, в которых разливается желчь, как они бывают невзрачны, совершенно потеряв естественный свой цвет? Как они бывают слабы, немощны и ни к чему не способны? Таковы же и души, одержимые этой болезнью. Коварство – это не что иное, как желчная болезнь души. Итак, коварство ни мало не сильно, отнюдь нет. Хотите ли я опять уясню для вас свои слова примером, представив вам образец (человека) коварного и простого? Авессалом был коварен и всех привлек на свою сторону. Смотри же, каково было это коварство. Он ходил, как сказано, (близ врат) и всякому говорил: **"Некому выслушать тебя"** (2 Цар. 15:3), – желая привлечь этим на свою сторону. А Давид был прост. Что же? Смотри, каков был успех того и другого, смотри, как тот оказался безрассудным. Так как он имел в виду

только то, как бы вредить своему отцу, то и был слеп относительно всего остального. Но Давид не так, потому что **"Кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно"** (Притч. 10:9), – то есть, кто ничего не замышляет на других, не готовит никому зла. Итак, послушаемся блаженного Павла и пожалеем о злонравных людях, будем оплакивать их и всячески стараться употреблять все миры к тому, чтобы освободить их душу от этого зла. И не безрассудно ли это, – что мы стараемся ослаблять силу желчи, – хотя она и необходимый элемент (в теле), так как без нее человек не может жить – я разумею желчь стихийную, – не безрассудно ли говорю, что мы стараемся ослаблять ее силу, несмотря на то, что она весьма полезна для нас, и между тем нисколько не заботимся и не стараемся о том, чтобы подавлять в себе желчь душевную, которая ни к чему не полезна, напротив производить столько зла? **"Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем"**, – сказано, – **"тот будь безумным, чтобы быть мудрым"** (1 Кор. 3:18); или как еще говорить св. Лука: **"принимали"** (верующие) **"пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа"** (Деян. 2:46). Не видим ли мы и теперь, что люди простые и нековарные пользуются от всех общим уважением? Никто таким людям не завидует в счастье, никто не нападает на них в несчастье; но все радуются их благополучию и сожалеют об них, если их постигает несчастье. Напротив, когда благоденствует человек злонравный, то все скорбят об этом, как бы о каком несчастье; а если он впадает в несчастье, то все этому радуются. Пожалеем же о таких людях, потому что они везде, на каждом шагу, имеют у себя врагов. Иаков был простосердечен, но победил злонравного Исава, потому что **"В лукавую душу не войдет премудрость"** (Прем. 1:3). **"Всякое раздражение да будет удалено от вас"**, так чтобы ее уже нисколько не оставалось. Иначе этот остаток, если будет возбужден, то, подобно искре, произведет внутри целый пламень. Итак, тщательнее рассмотрим, что такое эта горесть: ей подвержен человек коварный, хитрый, злокозненный, подозрительный; от нее всегда рождается гнев и ярость, потому что невозможно такой душе оставаться в спокойствии. Горесть – корень гнева и ярости. Такой (человек) угрюм, никогда не отдыхает душой, всегда задумчив, всегда мрачен, потому что, как я сказал, эти люди первые испытывают на себе дурные последствия своего злого нрава. **"И крик"**. Что это? И почему (апостол) запрещает **"крик"**? Потому что таков должен быть (человек) кроткий. Крик – это конь, имеющий своим всадником гнев. Смири коня и победишь всадника. Пусть выслушают это с особенным вниманием женщины, потому что они особенно любят кричать и шуметь во всяком деле. В одном только случае полезно говорить громко, это – в проповедовании и учении, а более нигде, ни даже в молитве. Если ты хочешь проверить наши слова на деле, то воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. Вот способ укрощения гнева! И как невозможно разгневаться тому, кто удерживается от крика, так невозможно не придти в гнев тому, кто кричит. Не говори мне здесь о людях враждующих, злопамятных, злобных и раздражительных: у нас теперь идет речь о немедленном погашении этой страсти.

3. Итак, если мы приучим себя воздерживаться от крика и брани, то это немало может способствовать нам к укрощению души. Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, укротишь волнение сердца. И как невозможно, не поднимая рук, вступить в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу. Свяжи руки у бойца и вели ему биться, – он не в состоянии будет этого делать; точно также не может и гнев. Крик яже возбуждает гнев даже и тогда, когда его нет. Особенно скоро, в подобном случае, (гнев) овладевает женщинами. Когда женщина прогневается на своих служанок, то весь дом наполняет своим криком. И как часто случается, что дом бывает выстроен на тесной улиц, то все мимоходящие слышать ее брань и вопли служанки. Что может быть постыднее, как слышать чьи-либо вопли? Все тогда начинают подслушивать и спрашивать: что такое там случилось? Такая то, говорят, бьет свою служанку. Как это безобразно, какой стыд! Но что же, (скажут), ужели вовсе не нужно прибегать к наказаниям? Я этого не говорю: нужно, но только не беспрестанно, не без меры, не из

желания выместить на других свою досаду, даже и не за неисправность, как я постоянно говорю, но лишь тогда, когда она вредит своей душе. Если ты по этому побуждению взыскиваешь с нее, то все будут хвалить тебя, и никто не осудит. Если же (ты бьешь ее) по своей прихоти, то все признают твою горячность и жестокость. И что всего постыднее, некоторые так бывают жестоки и безжалостны, до того бичуют (своих служанок), что раны не сходят с них целый день. Он обнажают девиц и, при содействии мужа, часто привязывают их к стульям. Увы, скажи мне, ужели в это время тебе не приходится на память геенна? Но ты обнажаешь девушку, и показываешь мужу: ты не стыдишься того, что они тебя осудят? Напротив ты, как можно сильнее, побуждаешь его к жестокости, настаиваешь связать ее, и, прежде всего, осыпаешь бедную и несчастную тысячей бранных слов, называя ее фессалинкою[1], беглянкой, проституткой. Гнев не щадит твоих уст, имя в виду одно, как бы досадить виновной, хотя бы с позором для себя. После всего этого, прогневанная садится на своем месте, подобно тирану, призывает отроков и, давши приказ глупому мужу, употребляет его вместо палача. Должно ли это происходить в христианских домах? Но, говорят, так поступают с людьми лукавыми, бессовестными, бесстыдными и неисправимыми. Знаю это и я. Но их можно бы исправлять иным образом, напр., страхом, угрозами, словами и при том такими, которые бы могли подействовать на них и в то же время не унижали тебя. Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдные слова и этим ты не столько ли же бесчестишь и себя, сколько ее? Потом, если ей понадобится пойти в баню, то раны на ее обнаженной спине не будут ли свидетельствовать о твоей жестокости? Но, говорят, рабы делаются негодными, если их предоставить самим себе. Я и это знаю; но исправляй их, как я уже говорил, иначе, не бичами только, не страхом, но и лаской, и добрым обращением. Она стала твоей сестрой, если она верующая. Помни, что ты ее госпожа, она тебе служить. Если она склонна к пьянству, отними у ней возможность пьянствовать, призови мужа, увещевай. Ужели ты не понимаешь, как тебе неприлично бить женщину? Законодатели, установившие много наказаний для мужчин, и костры и пытки, редко приговаривают к этому женщину, но простирают строгость только до сечения розгами. Они так снисходительны к их полу, что в необходимых случаях даже освобождают их от тяжелых наказаний, особенно когда они бывают беременными. Неприлично мужчине бить женщину; если же (неприлично это) мужчин, то тем более той, которая с ней одного пола. Это делает и жен ненавистными для своих мужей. Но что делать, говорят, если она предается распутству? Выдай ее замуж, пресеки повод к распутству, не позволяй развратничать. Но что, если она ворует? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензии? мне быть сторожем? Какое безумие! Отчего же, скажи, и не быть тебе ее сторожем? Разве у тебя не такая же душа, как и у нее? Разве она не удостоена тех же (даров) от Бога? Не к одной ли она приступает с тобой трапез? Не разделяет ли она и твоего (духовного) благородства? Что же, говоришь ты, если она бранчива, сварлива, склонна к пьянству? А сколько есть таких и между свободными женами? Господь повелел мужам переносить все недостатки жен. Пусть только, говорить, твоя жена не будет прелюбодейкой, и ты сноси все другие ее недостатки. Если она склонна к пьянству, если бранчива и сварлива, если завистлива, если расточительна, если любить пышные наряды, – тебе необходимо исправлять ее. Для того ты ее глава. Исправляй же, делай для этого то, что от тебя зависит. Если она остается неисправимой, если ворует, – храни свое имущество, но не наказывай ее так жестоко. Если она сварлива, загради ее уста. Это (правило) высшего любомудрия. А между тем некоторые доходят до такого бесстыдства, что срывают у служанок покрывала с головы и таскают их за волосы.

4. Что вы все покраснели? У нас речь не обо всех, но только о тех, которые предаются такой зверской жестокости. Жена да не будет непокровенна (1 Кор. 11:6), говорит Павел; а ты совершенно лишаешь ее покрывала? Видишь ли, как ты оскорбляешь саму себя? Если она явится к тебе с непокрытой головой, ты называешь это оскорблением; а между

тем сама, обнажая ее, ты не считаешь своего поступка непристойным? Потом ты говоришь: что мне делать, если она не исправляется? Вразуми ее розгой и ударами. При том (подумай), сколько и у тебя самой недостатков, и ты не исправляешь их? Говорится теперь это не в защиту их (служанок), а для вашей пользы, свободные женщины, чтобы вы не делали ничего неприличного и унижительного, чтобы не вредили себе. Если ты дома приучишь себя к тихому и кроткому обращению со служанкой, то тем более такой будешь по отношению к своему мужу. Если ты даже там, где ты свободна в своих поступках, не будешь делать ничего подобного, то тем более не будешь делать этого там, где есть к тому препятствие. Таким образом благоразумное обращение со служанками весьма много может вам способствовать к приобретению благосклонности у своих мужей. **"Какой мерой мерите"**, – сказано, – **"такой и вам будут мерить"** (Мф. 7:2). Обуздай свои уста. И если ты научишься твердо переносить строптивость служанки, то ты не будешь огорчаться и тогда, когда потерпишь обиду от равной себе; когда же ты не будешь огорчаться этим, то ты достигнешь высокого любомудрия. Но иные в гневе употребляют даже проклятия: ничего не может быть хуже, как выражать свой гнев таким образом. Что же мне, скажешь ты, делать, если она (служанка) любит украшать свою наружность? Удержи ее от этого, и я одобрю, но удержи, начавши с себя самой, не столько страхом, сколько своим примером. Будь ей во всем первым образцом. И **"злоречие"**, – говорить (апостол), – **"да будет удалено от вас"**. Замечай, как происходит зло: горесть рождает гнев, гнев – ярость, ярость – крик, крик – хулу, т. е. бранные слова, затем хула – удары, удары – раны, раны – смерть. Но ничего подобного Павел не хотел сказать, а сказал только: **"Со всякой злобой да будут удалены от вас"**. Что такое – **"со всякой злобой"**? Всякая злоба ведет к этому концу. Есть (люди, которые) подобны тем хитрым собакам, что не лают и не нападают прямо на проходящих, но притворяясь смиренными и кроткими, схватывают неосторожных и вонзают в них свои зубы. Такие гораздо хуже нападающих прямо. Так как и между людьми есть собаки, которые, не прибегая к крику, к гневу, к оскорблениям и угрозам, строят тайные ковы и готовят другим тысячу зол, мстя им делами, то (апостол) указал и на таких. **"Да будут удалены от вас"**, – говорит, – **"со всякой злобой"**. Не мсти и делами, если щадишь слова. Для того я удержал твой язык, остановил крик, чтобы в тебе не возгорелся сильнейший пламень. Если же ты и без крика делаешь то же самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы в твоём молчании? Разве ты не знаешь, что те пожары хуже, которые таятся внутри и не бывают видны снаружи? Не также ли и раны, которые не выходят наружу, а производясь воспаление внутри? Так и тот (скрытый) гнев хуже и вреднее для души. Но и он, говорить (апостол), **"со всякой злобой да будут удалены от вас"**, как малой, так и великой. Будем же послушны ему и изгоним из себя всякую горесть, всякую злобу, чтобы нам не оскорбить Святого Духа. Истребим горесть с корнем, отсечем ее от себя. Ничего доброго не может быть душе, наполненной горечью, ничего полезного, но от нее все несчастья, все слезы, все вопли и стенания. Не видите ли, как мы отвращаемся от тех зверей, которые кричать, именно от львов, от медведей, но не от овцы, так как у ней нет крикливости, а тихий голос? Равным образом из музыкальных инструментов те, которые издают крикливые звуки, неприятны для слуха, как, например, тимпаны, трубы, а те, которые обладают тихими звуками, приятны, каковы: флейта, цитра и свирели. Итак, настроим свою душу удерживаться от крика, и этим мы сможем подавить в себе гнев. А когда мы отгоним от себя (гнев), то сами первые насладимся спокойствием и приплывем в тихую пристань, куда да будет дано всем нам достигнуть во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Фессалинки в древности слыли за чародеек, как это можно видеть у Аристофана и его комментаторов, также у Свида и других. У латинских поэтов и писателей это было общим местом.

БЕСЕДА 16

"Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас (Еф. 4:31, 32).

1. Если нужно получить царство небесное, то недостаточно освободиться от греха, но нужно еще много упражняться и в добродетелях. От порочных действий нужно удерживаться для того, чтобы освободиться от геенны; а чтобы наследовать царство (небесное), необходимо стяжать добродетель. Разве вы не знаете, что так бывает и в светских судилищах, когда происходит исследование какого-либо дела и в собрание стекается весь город? И там был древний обычай – увенчивать золотым венцом не того, кто не сделал зла городу, – потому что за это он только не подвергается наказанию, – но того, кто оказал много благодеяний. Таков путь к этой, почести! Но я не знаю, как случилось, что едва не ускользнуло от меня то, что преимущественно необходимо было сказать вам; я восстановлю первую часть этого отдела, сделав в нем небольшую поправку. Когда я говорил, что для того, чтобы не впасть в геенну, достаточно нам воздерживаться от худого, то, пока я говорил, мне пришла на мысль некоторая страшная угроза, обещающая наказание не тем, кто дерзнул (сделать) какое-либо зло, но тем, которые опустили (сделать) что-либо доброе. Что же это за угроза? Когда наступит, сказано, и придет страшный Господний день, то Судья, воссевши на седалище, и поставивши овец с правой стороны, а козлищ с левой, скажет овцам: **"Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть"** (Мф. 25:34, 35). Это прекрасно, – потому что следовало им за такое великое милосердие получить такое воздаяние. Но когда те, которые не уделяют нуждающимся из того, что имеют сами, наказываются не только лишением благ, но и посылаются в огонь гееннский, – какой в этом смысл? Конечно, и здесь не мене благоприличный смысл, чем в предыдущем. Через это именно мы научаемся, что творящие благое наслаждаются благами на небесах; а те, которых нельзя обличить ни в чем худом, но которые (опустили) сделать что-либо доброе, повержены будут в огонь гееннский вместе с творившими злое. Можно сказать, что не делать добра – есть уже отчасти ало, потому что показывает леность, а леность есть (составная) часть зла, или вернее, не часть, а повод к злу и корень зла. Ведь всякому злу научила праздность. После этого не безрассудно ли задаем мы вопросы, в роде того: какое займет место ничего не сделавший худого, и ничего доброго? Не делать добра значит – делать зло. Скажи мне, в самом деле, если есть у тебя какой-нибудь слуга, не вор, не наглец, не грубиян, к тому же воздерживающийся от пьянства и от всего прочего, но который постоянно сидит праздным и ничего не делает такого, что слуга обязан исполнять для господина, – разве ты его не подвергнешь бичеванию и истязаниям? Конечно, скажешь ты. А между тем он ничего не сделал дурного. Значит, это-то самое и худо (что он ничего не делал доброго). Но, если угодно, поведем речь и о другом образе жизни. Возьмем в пример земледельца: пусть он несколько не причиняет ущерба нашему имуществу, не клеветает, не ворует, а только, сложа руки, сидит дома, – не сеет, не проводит борозд, не запрягает волов, не ухаживает за виноградником, вообще не прилагает никакого попечения о земле. Разве мы не накажем такого"? И, однако, он не сделал никакой неправды, и нам не в чем обвинить его. Но этим самым (бездействием) он и совершил неправду, потому что, по общему понятию, несправедливо поступает тот, кто не принимает со своей стороны участия в общем деле. Что, скажи мне, если бы каждый из художников и ремесленников несколько не

делал вреда ни тому, кто занимается отличным от него ремеслом, ни тому, кто – одинаковым, а только находился бы в бездействии, не была ли бы для вас погублена и утрачена таким образом целая жизнь его? Если угодно, мы распространим свою речь и на тело: так, пусть рука не бьет головы, не вырывает языка, не выкалывает глаза и вообще не делает никакого подобного зла, а только остается праздною и не исполняет своей службы всему телу: разве несправедливо будет отсечь ее, вместо того, чтобы носить ее праздною и вредною для всего тела? Или, если рот не съедает рук, не кусает груди, а только не делает ничего, что ему следовало бы делать, – не гораздо ли лучше зажать его? Итак, если и по отношению к рабочим, и по отношению к художникам; и по отношению ко всему телу большая несправедливость – не только совершение какого-либо зла, но даже и бездействие в добре, – то тем более это бывает (несправедливо) со стороны (членов) тела Христова.

2. Потому-то и блаженный Павел, отвлекая нас от неправды, ведет к добродетели. Да и что пользы, скажи мне, в том, если будут вырваны все терния, но не будут посеяны полезные семена? Труд опять послужит нам к такому же вреду, если останется недозрелым. Потому-то и Павел, усиленно заботясь о нас, дает нам заповеди не только об отсечении и удалении злых дел, но и побуждает в скором времени показать насаждение дел добрых. Сказавши: **"Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас"**, он присовокупил: **"но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга"**, – потому что это – навыки и расположения, и недостаточно удалиться от одного навыка, чтобы вместо него приобрести другой (противоположный), но нужно снова некоторое движение и стремление, не меньшее, чем при удалении от злых дел, для того, чтобы стяжать дела добрые. И в отношении к телу, черный, освободившись от этого качества, еще не вдруг делается белым. Впрочем, не станем говорить о предметах физических, но приведем пример из мира нравственного. Тот, кто не враг, не есть и полный друг: есть нечто среднее между враждой и дружбой, в каких отношениях к нам большая часть людей преимущественно и находится. Тот, кто не плачет, еще не всегда смеется, но есть состояние среднее. Так и здесь, кто не досадителен, тот еще не совершенно добр, и кто не гневлив, тот не совсем участлив. Но нужно еще особое старание, чтобы стяжать такое благо. И смотри, как по требованиям лучшего земледельца блаженный Павел очищает и возделывает землю, вверенную ему Земледельцем: он выбросил гнилые семена, потом увещевает приобрести надлежащие растения. **"Будьте добры"**, – говорит он. Если после того, как терния будут вырваны, земля будет оставаться праздною, то снова возрастут бесполезные травы. Поэтому нужно наперед отдых и праздное состояние ее сменить посевом добрых семян и растений. (Апостол) уничтожил гнев, – положил доброту; уничтожил досаду, – положил сострадательность; вырвал злобу и злоречие, – насадил помилование. Слова: **"прощайте друг друга"** – это именно и означают. Будьте, говорит он, склонны к прощению (обид), потому что такая милость больше (той, какая оказывается) в делах денежных. Тот, кто прощает деньги сделавшему у него заем, делает прекрасное и достойное удивления дело; но такая милость (касается) тела, хотя он и приемлет себе воздаяние сокровищами духовными и относящимися к душе. Но тот, кто простил грехи, принес пользу душе – и своей собственной, и того, кто получил прощение, потому что таким образом действий он сделал более кротким не только себя, но и его. Мы не столько, преследуя обидевших нас, уязвляем их души, сколько, прощая их, приводим их в смущение и стыд. Между тем (поступая мстительно) мы не приносим пользы ни самим себе, ни им, а напротив и им, и себе вредим, **"теряя мзду"** (Ис. 1:21), подобно начальникам иудейским, и возжигая гнев во врагах. Если же за несправедливость мы заплатим кротостью, то, утоливши весь гнев его (врага), мы через это при нем самом как бы воссели на судилище, решающее дело в нашу пользу и сильнее осуждающее его, чем нас. Он сам обвинит себя и осудит, и будет искать всякого случая, чтобы отплатить за

оказанную ему долю великодушия еще большей мерой, зная, что если он отплатить равной, то окажется ниже, потому что не первый начал, но получил пример от нас, и потом принес меньше (нас). Итак, он будет стараться превысить меру, чтобы недостаток, какой потерпел он оттого, что вторым пришел к оплате, уничтожить чрезмерностью отплаты, и чтобы ущерб, который от времени потерпел тот, кто прежде подвергся страданиям (от обиды), сделать общим посредством чрезвычайной кротости. Люди, если они благодарны, не столько сетуют о зле, сколько о добре, которое получают от обиженных ими, потому что и нечестиво, позорно и смешно, получая благодеяния, не воздавать тем же. Когда потерпевший зло не воздает тем же, это привлекает ему похвалы, рукоплескания и одобрение от всех; потому-то в особенности (получающие такие благодеяния) и уязвляются этим. Итак, если хочешь мстить, мсти этим способом; воздавай добром за зло, чтобы сделать его (врага) должником и одержать дивную победу. Потерпел ты зло? Делай добро, и таким образом мсти врагу. Если ты его преследуешь, то все порицают равно и тебя, и его; если же ты перенесешь (обиду), то, наоборот, тебе будут рукоплескать и удивляться, а его обвинять.

3. Что может быть неприятнее для врага, как видеть, что сопернику его все удивляются и рукоплещут? Что горче для врага, как видеть, что его все оуждают в глазах его неприятеля? Если ты ему отомстишь и, может быть, обвинишь его, ты отомстишь один; а если простишь ему, то все отомстят ему за тебя, а это (то есть) – иметь врагу столько мстителей – тягостнее, чем терпеть зло. Если ты откроешь уста, замолчат они; если же замолчишь ты, то поразишь его не одними устами, но тысячами других, и так отомстишь гораздо более. Когда ты станешь порицать (врага), то многие тебя осудят, именно скажут, что это – слова страсти; а когда ничем не обиженный станет осыпать его порицаниями, тогда мщение совершенно чисто от всякого подозрения. И действительно, когда те, которые не потерпели ничего неприятного, по причине чрезмерной твоей кротости, вместе с тобою скорбят, как обиженные, то это мщение свободно от всякого подозрения. Что же, скажут, неужели никто не мстит? Быть не может, чтобы люди были каменные, так что не удивились бы, при виде такого любомудрия. И хотя бы в то время они и не отомстили, но впоследствии, будучи в состоянии (это сделать), сделают: насмеются над ним и охулят его. Да если и никто другой не удивится тебе, он сам вполне удивится, хотя и не скажет этого. Ведь понятие о добре, хотя бы мы впали в самую бездну зла, остается у нас невредимым и несокрушимым. Почему, думаешь ты, Господь наш Христос говорит: **"Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую"** (Мф. 5:39)? Не потому ли, что чем более кто будет великодушен, тем более и себе и ему принесет великой пользы? Для того повелел Он обратить и другую (ланиту), чтобы исполнить пожелание разъяренного. Кто такой зверь, чтобы не пришел наконец в себя? Говорят, что и собаки так поступают: когда они залают и нападут на кого-нибудь, то стоит тому упасть навзничь, и они ничего не сделают, и это потушает всю их ярость. Итак, если и они стыдятся того, кто выказывает готовность потерпеть от них зло, то тем более – род человеческий, который разумнее. Но стоит упомянуть о том, что пришло на память не много прежде и приведено было в доказательство. Что же это? Мы говорили о иудеях и их начальниках, что они обвиняются (Богом), как гонящие **"мзду"** (Ис. 1:23). Хотя им и позволял это закон: **"Око за око, зуб за зуб"** (Лв. 24:20), но не для того, чтобы они выкалывали друг другу глаза, а чтобы по страху потерпеть (тоже взаимно) удерживали дерзость, не делали ничего худого другим и сами не терпели того же от других. (Слова): **"Око за око"** сказаны для того, чтобы связать руки его, а не для того, чтобы направить против него твои, – и не для того, чтобы обезопасить от вреда только твои глаза, но и для того, чтобы сохранить целыми и его глаза. Но, как я уже спрашивал, для чего, если мщение было позволено, те, которые употребляли его на деле, подвергались обвинению? Что это значить? Это направлено против злопамятства. Потерпевшему зло позволялось тотчас действовать (сообразно с ним), для того, как я сказал, чтобы удержать обидчика; но

отнюдь не позволялось помнить зла. Злопамятство есть дело не гнева и не пылкого увлечения, но обдуманной злобы. Бог снисходит тем, кто внезапно подвергся оскорблению и устремился на мщение; потому и говорится: **"Око за око"**. А в другом месте: **"На пути зла – смерть"** (Прич. 12:28). Если же, несмотря на то, что дозволено вырвать око на око, полагается такое наказание злопамятным, то не тем ли большее (потерпят) те, которым повелено быть готовыми к перенесению зла? Итак не будем злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога. **"Какой мерой мерите"**, – говорит Он, – **"такой и вам будут мерить"** (Мф. 7:2). Будем же человеколюбивы, и сострадательны к сорабам, чтобы и в настоящей жизни избежать сетей, и в день будущий получить от Него прощение, благодарю и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 17

"Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас. Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное" (Еф. 4:32; 5:1–2).

1. То, что прошло, имеет большую силу и представляется более дивным и вероятным, чем то, что имеет случиться. Потому-то и Павел делает увещание на основании того, что было, – так как оно имеет большую силу, по причине Христа. Сказать: отпусти, и отпустишься тебе, и: если не отпускаете, не отпустится и е вам, – такие слова много могут значить для людей любомудрых и верующих в будущее. Но Павел усовещивает не только этим (будущим), но и тем, что уже случилось, потому что (убеждаться) тем значить бегать наказания, а этим – быть причастником какого-либо блага. Подражай, говорит, Христу: этого одного достаточно для увещания к добродетели, т. е. для того, чтобы подражать Богу. Это убедительнее тех слов: **"Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных"** (Мф. 5:45). Он не просто сказал, чтобы мы подражали Богу, но выражает желание, чтобы в отношении к тому, чем мы наслаждаемся, мы выказывали друг к другу отеческое расположение. Расположением же этим называется милосердие и соболезнование. И так как людям невозможно не огорчать и не огорчаться, то он нашел другое лекарство – чтобы мы прощали друг другу: **"Прощайте"**, – говорит, – **"друг друга"**. Но в этом нет ничего похожего (на прощение Божье), потому что если ты кому простишь, то и он тебе простить, а Богу ты ничего простить не можешь. При том ты (прощаешь) сорабу, а Бог – рабу и врагу и ненавидящему Его. **"Как и Бог"**, – говорит, – **"во Христе простил вас"**. И эти слова весьма загадочны; впрочем, вот что он говорить. Не просто, говорить, без всякой опасности простил, но – с опасностью для Сына, потому что, для помилования тебя, принес в жертву Сына. А ты, хотя тебе и часто представляется безопасное и ничего нестоящее помилование, не делаешь его. **"Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное"**. Чтобы ты не подумал, что это было делом необходимости, послушай, что не просто он сказал, но: **"предал Себя"**, как бы говоря: Владыка возлюбил тебя, когда ты был врагом; люби же ты друга; а если ты не можешь этого, делай, по крайней мере, что можешь. О, что может быть благоднее этих слов? Назовешь ли ты царство, или другое что-либо, – ничто не будет равняться с ними. Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда вместе с Ним прощаешь. Грехи нужно прощать скорее, чем долги денежные, потому что если ты простишь деньги, ты этим не будешь подражать Богу, а если будешь прощать грехи, ты будешь подражать Богу. Во всяком случае, как ты можешь говорить: я беден и не могу простить, – когда не

прощаешь и того, что можешь? Если же и прощение грехов ты будешь почитать для себя делом убыточным, то что ж произойдет, когда дело коснется твоего богатства, имущества, пожитков? **"Итак, подражайте Богу"**. А вот и еще прекраснейшее увещание: **"Как"**, – говорит, – **"чада возлюбленные"**. У вас есть и другая необходимость подражать Ему, – не только потому, что вы Им облагодетельствованы, но и потому, что сделались чадами. **"Как чада возлюбленные"**. Так как не все сыновья подражают отцам, но только возлюбленные, то и говорит: **"Как чада возлюбленные, и живите в любви"**. Вот и основание всего: если будет любовь, то не будет ни ярости, ни гнева, ни крика, ни брани, – все это будет уничтожено. Потому он и поставляет главнейшее на конце. Почему ты сделался чадом? Потому, что тебе прощено. На том же основании, на каком удостоен ты столь высокой чести, и сам ты прощай ближнему. Скажи мне: если бы кто-нибудь тебя, узника и виновного в бесчисленных злодеяниях, возвел на царство.... А лучше, оставим это. Если бы кто тебе, когда ты был и горячке и боролся со смертью, помог каким-нибудь лекарством, – но превознес ли бы ты выше всего этого человека и даже самое название лекарства? Если к временам и местам, с которыми связано получение пользы, мы тяготеем как к собственной душе, – то тем более – к самым действиям. Будь привержен к любви, потому что через нее ты спасен, через нее сделался сыном (Божьим); и если в состоянии будешь спасти другого, то ужели ты не воспользуешься тем же лекарством и не станешь всех увещевать: отпустите, чтобы отпущено было вам (Лк. 6:37)? Так поступать – дело душ признательных, свободных и благородных. **"Как и Христос"**, – говорит, – **"возлюбил нас"**. Ты милуешь друзей, а Он – врагов; следовательно, то, что сделал Владыка, гораздо важнее. Да и как иначе слово – **"как и"** удержит свой смысл? Не ясно ли, что (в таком только случае), если мы будем благодворить врагам? **"И предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное"**. Видишь ли, что страдание за врагов есть благоухание приятное и жертва угодная? Хотя бы ты и умер, и тогда будет жертва: вот что значит подражать Богу. **"А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым"** (ст. 3). Сказав о грубой страсти – о гневе, (апостол) переходит к меньшему злу. А что сладострастие есть меньшее зло, послушай, как и Моисей в законе говорить сначала: **"не убей"**, – что относится к гневу, – а потом: **"не прелюбодействуй"**, – что относится к сладострастию. Как горечь, и крик, и всякое зло, и злоречие и все подобное происходят от гневливости, так блуд, нечистота, любостяжание – от (сладострастного) пожелания, потому что и любовь к деньгам, и любовь плотская – одна и та же страсть. И как там он уничтожил крик, эту колесницу гнева, так теперь отсекает сквернословие и шутки, колесницу распутства. **"Также сквернословие"**, – говорит, – **"и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение"** (ст. 4). Не произноси слов ни шуточных, ни постыдных, и не приводи их в действие, и ты угасишь пламя. **"Не должны даже именоваться"**, – говорит, – **"у вас"**, то есть, чтобы отнюдь даже не казалось (будто это есть у вас). То же говорил он, и пиша к Коринфянам: **"Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние"** (1 Кор. 5:1), то есть, будьте все чисты, потому что слова ведут к делам. Потом, чтобы не показаться тяжелым и суровым, и пресекая наклонность к шуткам, присовокупил и причину, говоря: **"Не приличны вам"**, т. е. они несколько (неприличны) для нас, **"а, напротив, благодарение"**.

2. Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне, сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, не принадлежащее к ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь (ненадлежащий) инструмент? Никак, – потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоит. Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному (разговору). Теперь время не увеселения, но плача, скорбен и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносить шутки? Близ тебя дьявол ходить вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы

выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воеет, раздувает огонь против твоего спасения, – а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли же ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорит Павел: **"Я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас"** (Деян. 20:31). Если же он употреблял такое попечение о милетянах и ефесянах, – не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, – то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорит и к Коринфянам: **"От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами"** (2 Кор. 2:4); и еще: **"Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?"** (11:29). Послушай, что он говорит еще в другом месте, ежедневно, так сказать, желая переселиться из мира: **"Ибо мы, находясь"** в храмине, **"воздыхаем"** (5:4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны, – а ты занимаешься тем, что свойственно плясунам? Не видишь ли ты лиц людей воюющих, как они суровы, как строги, как брови их страшны и полны ужаса? У них ты видишь лице суровое, сердце бодрое, ум отважный, быстрый, сдержанный, осторожный и беспокойный, большое благочиние, большую стройность и великое молчание в рядах; не говорю уже, что они не произносят постыдного слова; они вовсе ничего не говорят. Если же они, сражаясь с врагами чувственными и не будучи в опасности потерять какой-либо вред от слов, наблюдают столь великое молчание, то ты, который должен вести войну и за слова, и даже большую часть войны, – как ты допускаешь этой твоей части оставаться обнаженной? Разве ты не знаешь, что мы здесь подвергаемся многим наветам? Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех, и несколько не думаешь о деле? Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Но, говорят, эти шутки не таковы. Однако, послушай, – (апостол) изгоняет всякие шутки, Ныне время войны и битвы, бдения и бодрствования, вооружения и приготовления к борьбе. В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, потому что это – время мира. Послушай, что говорит Христос: **"Мир возрадуется; вы печальны будете"** (Иоан. 16:20). Христос распялся на крест из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличном и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, насколько велико это зло. Это дело дьявола – нерадеть о безразличных (поступках). И, во-первых, если бы это было и безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходит много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодеем. А что это не безразлично, видно из следующего. Посмотрим, откуда (этот порок) происходит. Или лучше, посмотрим, каков должен быть святой. Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, какой, будь он хотя и эллин, смешон. Это позволительно только играющим на сцене, где гнусность, там и шутки; где безвременный смех, там и остроты. Послушай, что говорит пророк: **"Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом"** (Пс. 2:11). Шутливость делает душу слабой, ленивой, вялой; она возбуждает часто ссоры и порождает войны.

3. Что же? Разве ты принадлежишь не к числу мужей? Оставь же то, что свойственно детям. Тебе не нравится, если твой раб говорит на площади что-либо бесполезное; а ты, называя себя рабом Бога, произносишь на площади шутки? Прекрасно, если душа трезвенная, – ее нельзя увлечь; а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собою и не нужно ей будет козней и нападений дьявола. А чтобы тебе лучше узнать (дело), обрати внимание на самое название. Шутником (εὐτράτελος) называется человек непостоянный, на все готовый, нетвердый, изменчивый, бывающий всем. Но это – несвойственно тем, которые служат Камню. Такой человек легко изворачивается и переменяется, потому что он должен подражать и изменению лица, и словам, и смеху, и

походке (других) и всему; при том ему нужно выдумывать остроты, потому что для него и это необходимо. Но играть комедии несвойственно христианину. При том охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом, или услышать со стороны. Если это дело хорошее, то зачем оно предоставляется мимическим актерам? Ты делаешься таким актером, и не стыдишься? Для чего вы не позволяете этого свободным вашим (женщинам)? Разве этим вы не свидетельствуете, что это нечестный обычай и неблагопристойное дело? Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога. Разве ты не видишь, так называемых, смехотворов, клоунов? Вот они – шутники. Изгоните, умоляю вас, из душ своих это непривлекательное удовольствие: это дело паразитов, мимических актеров, плясунов и публичных женщин. Пусть будет оно далеко от души свободной и благородной, даже и от рабов. Если кто бесчестен, если кто мерзок, тот и охотник шутить. Многим это дело кажется даже добродетелью, и это достойно слез. Как похоть мало-помалу доводит до любодеяния, так и склонность к шуткам кажется привлекательной, а между тем менее всего привлекательна. Послушай, что говорит Писание: **"Грому предшествует молния, а стыдливого предваряет благорасположение"** (Сир. 32:12). Но ничего нет бесстыднее шутника; потому уста его исполнены не приятности, а горечи. Изгоним этот обычай из-за трапез. Есть некоторые, которые учат этому даже бедняков. О, нелепость! Шутами делают тех, которые окружены горестями! Где нет этой болезни? Она вошла и в Церковь, она уже коснулась и Писаний. Сказать ли нечто, чтобы показать чрезмерность зла? Стыжусь, а все-таки скажу. Я хочу показать, до чего дошло зло, чтобы не подумали, что я занимаюсь мелочами и рассуждаю с вами о чем-нибудь маловажном, чтобы, хотя этим способом мне можно было отвлечь вас от заблуждения. Пусть никто не полагает, что я выдумываю: я скажу то, что слышал. Случилось кому-то быть у одного из тех, которые тщеславятся ученостью, – я знаю, что возбужду смех, а все же скажу; поставивши стол, этот сказал: „хватайте, дети, чтобы не распалился желудок". Равным образом иные говорят: „горе тебе, мамона, и тому, у кого нет тебя". И много таких нелепостей привнесла шутливость, как, наприим., когда говорят: „теперь нет рождения". Я говорю это, показывая нелепость постыдного обычая, потому что подобные выражения (происходят из) души, чуждой благочестия. Не достойны ли такие (слова) молний? Можно бы найти много и других подобных выражений. Потому, умоляю, изгнавши отовсюду этот обычай, будем говорить то, что нам прилично, и пусть снятия уста не произносят слов, свойственных устам бесчестным и позорным. **"Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой?"** (2 Кор. 6:14)? Лучше, если мы, удалившись от всего неприличного, в состоянии будем воспользоваться обещанными благами, чем если, занимаясь этим, погубим через то трезвенность ума. Человек шутливый скоро делается злоречивым; а злоречивый способен к бесчисленному множеству и других пороков. Итак, упорядочивши эти два душевные состояния и подчинивши их разуму, как послушных коней, – я разумею похоть и гнев, – поставим над ними возницы ум, чтобы получить награду вышнего звания, которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога. Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления (Еф. 5:5,6).

1. Были, как кажется, и у наших предков такие, которые позволяли народу своевольтствовать, приводили в исполнение дела, упомянутые у Иезекииля, даже делали то, что свойственно лжепророкам, – которые **"бесславят"** Бога **"пред народом"** Его **"за горсти ячменя"** (Иез. 13:19). То же, я думаю, и теперь иные делают. Так, когда мы говорим, что назвавший брата уродом подлечит геенне, некоторые спрашивают: ужели назвавший брата уродом подлечит геенн? Нет! – отвечают. И когда говорим, что лихоимец есть идолослужитель, – и над этим опять смеются, говоря, что это выражение преувеличено; и все заповеди унижают подобным образом. Их-то имея в виду, и писал тогда к Ефесянам блаженный Павел, говоря: **"Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога"**. Потом присовокупляет: **"Никто да не обольщает вас пустыми словами"**. Суетные слова – те, которые имеют временную прелесть, но никогда не выказываются в делах, потому что дело их – обман. **"Ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления"**. За прелюбодеяние, говорить, за любостяжание, за нечистоту, или и за это и за обман, так как они недобросовестны. Непокорливыми сынами называет весьма упорных, которые не слушают (Бога). **"Итак, не будьте сообщниками их. Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе"** (ст. 7, 8). Смотри, как мудро сделал увещание, – сперва Христом, т. е. любите друг друга, и никого не обижайте; потом опять – наказанием и геенной. **"Вы были некогда тьма"**, – говорит, – **"а теперь – свет в Господе"**. Это же говорит и в послании к Римлянам: **"Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь"** (6:21)? И напоминает им прежние пороки, – то есть: размыслите, говорить, что некогда вы были, и что теперь; не обращайтесь к прежнему нечестию, и не пренебрегайте Божьей благодатью. **"Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе"**. Не за вашу, говорить, добродетель, но по благодати Божьей это с вами произошло, – то есть: и вы некогда были того достойны, но более уже нет. Потому **"поступайте, как чада света"** (ст. 8). А что значит: **"чада света"**, – он объясняет, непосредственно за этим прибавляя: **"потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине. Испытывайте, что благоугодно"** Господу (ст. 9, 10). **"Во всякой"**, – говорит, **"благодати"**: это против гневливых и жестоких. **"И истине"**: это против любостяжательных. **"И истине"**: это против ложного удовольствия. Не о том, говорить, заботьтесь, о чем я сказал, но о противоположном. **"Во всякой"**, – то есть, плод духовный должен обнаруживаться во всем. **"Испытывайте, что благоугодно"** Господу. Следовательно то свойственно детскому и несовершенному разумению. **"И не участвуйте"**, – говорит, – **"в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть"** (ст. 11, 12, 13). Сказал, что вы – свет; свет же открываете все то, что бываете во тьме; так что, если вы, говорить, будете добродетельны и достойны удивления, – нечестивые не будут иметь возможности таиться. Подобно тому, как в то время, когда стоит светильник, освещаются все, и разбойник не можете приблизиться, так, при сиянии света от вас, обличаемые нечестивцы будут поражены. Следовательно, должно изобличать. Но каким же образом говорить (Христос): **"Не судите, да не судимы будете"** (Мф. 7:1)? Обличать, сказал (апостол), т. е. вразумлять, а не осуждать. И, кроме того: **"Не судите, да не судимы будете"** – сказано о самых незначительных грехах. Сообразно с этим и присовокупил (Христос): **"И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?"** (ст. 3). А слова (апостола) означают следующее: как рана телесная до того времени, пока таится, будучи прикрыта снаружи, и пока углубляется далее, не пользуется никаким лечением, так и грех, доколь скрывается как бы во мраке, до тех пор продолжает действовать весьма смело; но как скоро будет обнаружен, – делается светом; не самый грех, – как это возможно? – но тот, кто сделал его. Если он будет выведен на средину (собрания), если будет вразумлен, если покается, если получит отпущение, то не разогнал ли ты тьмы его? Не исцелил ли тогда его раны? Не вызвал ли плод вместо бесплодия? Или

это он говорит, или то, что ваша жизни, будучи открытой, есть свет, – потому что никто не скрывает безукоризненной жизни все же то, что скрывается, скрывается потому, что помрачено. **"Посему сказано: `встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос"** (ст. 14). О спящем и мертвом говорит – таком, который в грехах, потому что и он издает дурной запах, как мертвец, и он неподвижен, как спящий, и он подобно спящему ничего не видит, но бредит и мечтает. Иные читают: **"И прикоснёшься"** (ἐπιψάσῃς) **"к Христу"**; другие: **"осветит тебя"** (ἐπιψάσῃ σοί) **"Христос"**. Но это последнее, лучше. Восстань от греха, и сможешь увидеть Христа. **"Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету"** (Иоан. 3:20). Итак, кто не делает (зла), тот приходит (к свету).

2. Но не о неверных только он это говорит, потому что многие и из верных несколько не менее неверующих привязаны к нечестию; есть даже тате, которые и гораздо более. Потому-то и к ним необходимо сказать: **"Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос"**. Прилично сказать к ним и это: **"Бог не есть Бог мертвых, но живых"** (Мф. 22:32). Итак, если не мертвых, то будем жить. Некоторые говорят, что выражение: лихоимец есть идолослужитель – преувеличено. Но оно не преувеличено, напротив – совершенно верно. Как и каким образом? Таким, что лихоимец отдаляется от Бога, подобно тому, как идолослужитель. А чтобы ты не подумал, что это сказано неосновательно, – вот Христово изречение, которое гласит: **"Не можете служить Богу и мамоне"** (Мф. 6:24). Те, которые работают мамоне, удалили себя от служения Богу; те же, которые отреклись Его владычества и служат бездушному золоту, явно идолослужители. Но я не делал, говорит (любостяжатель), идола, не ставил жертвенника, не приносил в жертву овец, не возливал вина, – я ходил в церковь, и руки воздевал к Единородному Сыну Божьему, и в таинствах участвую, и имею общение в молитве и во всем другом, что прилично христианину. Итак, каким образом я поклоняюсь, говорит, идолам? Это-то самое и удивительно, что ты, испытавши и вкусивши Божьего человеколюбия, и увидевши, что Господь благ, – оставил Благого и принял на себя (владычество) жестокого тирана; говоришь, будто не работаешь ему, а на самом деле подверг самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбия. Ты мне не сказал о каком-либо своем добром деле, но только – о дарах Владыки. Скажи мне, спрашиваю я, на основании чего судим о воине? На основании того ли, что он служить телохранителем царя, от него получает содержание и украшается его именем, – или того, что он не думает о делах его, но показывает только вид, что держит его сторону и заботится о его делах, сам же способствует успеху его неприятелей? Явно – того, что он телохранитель царя. Поэтому и достоин он более жестокого наказания, нежели в том случай, если бы отвергся явно служения царю и передался врагам. Потому и ты дерзко восстаешь против Бога, как идолослужитель, не одними твоими устами, но обидой бесчисленного множества людей. Но (лихоимец) не есть, говорят, идолослужитель. А когда эллины говорят: христианин – лихоимец, тогда уже не один он себя посрамляет делами, но и обиженных заставляет часто это говорить. Если же не говорят, так это должно считать следствием их осторожности. Разве не видим мы, что дело бывает именно таким образом? Что такое идолослужитель? Разве не тот, кто поклоняется страстям, вместо того, чтобы владеть страстью? Например: когда мы говорим, что такой-то поклоняется идолам, он говорит: нет – не им, но Афродите и Аресу. И если мы скажем: кто сама Афродита? – более знающие из них говорят: удовольствие. А кто Арес? Гнев. Так и ты (отвечаешь) о мамоне. Если скажем: что такое мамона? Любостяжание, – и ты ему поклоняешься. Не поклоняюсь, говоришь. Почему? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения Делами и поступками, потому что такое поклонение важнее. И чтобы ты убедился в этом, смотри, по отношению к Богу, кто достойнее Ему поклоняется, – те ли, которые просто стоят на молитве, или те, которые исполняют Его волю? Явно, что последние. Так и по отношению к мамоне, – те, которые творят его волю, более

поклоняются ему. При том же, поклоняющиеся страстям (олицетворенным) часто бывают свободны от (собственных) страстей. Так, посмотри на почитателя Ареса, – он часто владеет гневом. В тебе же не то, – ты сам себя делаешь невольником страсти. Но ты не закалаешь овец? За то – людей и души разумения, иные – голодом, другие – клеветой. Ничего нет неистовее подобной жертвы! Кто видел, чтобы когда-нибудь души закололись? Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, почувствуешь от него запах крови козьею и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, почувствуешь тяжелый запах человеческой крови. А если остановишься здесь, то не заметишь сжигаемых крыльев птиц, ни запаха от того и поднимающегося дыма, но – умерщвленные человеческие тела. Иные бросились с крутизны, другие накинули на себя петлю, иные перерезали ножом горло. Ты видел жертвы грубые и бесчеловечные? Хочешь ли посмотреть еще на более жестокие, сравнительно с этими? Я покажу тебе не только человеческие тела, но и души человеческие, которые там закаляются. Ведь и душу закалать можно заклинанием, соответствующим душ, потому что как для тела есть смерть, так и для души. **"Душа согрешающая"**, – говорит (Писание), – **"та умрет"** (Иез. 18:4). Смерть души не такова, какова смерть тела, но гораздо тяжелее. Та смерть – телесная, разлучивши душу и тело друг от друга, одно избавляет от многих забот и трудов, другую же препровождает в известное место; а потом (тело), разлученное на время и удаленное, опять соединяется с нетлением, и снова получает свою душу.

3. Такова эта смерть; смерть же души страшна и ужасна. Она не переводит души (в известное место), как бывает с телом, по разлучении ее с ним, но связанную опять нетленным телом ввергает в огонь неугасимый. Такова-то смерть души! Итак, подобно тому, как есть смерть души, есть и заклинание души. В чем состоит заклинание тела? В умерщвлении и в отнятии силы душевной. В чем – заклинание души? И это – тоже умерщвление. В чем же умерщвление души? Как тело тогда умирает, когда душа оставляет его лишенным своей силы, так и душа тогда умерщвляется, когда Дух Святой оставляет ее без Своей силы. Эти заклинания особенно и совершаются на жертвенник любостяжания. Не удовлетворяются они, не останавливаются на крови человеческой, но если вы не принесение самой души, жертвенник любостяжания не насыщается, – если не приметь душ обоих, души приносящего жертву и приносимого. Ведь необходимо прежде быть принесенным в жертву тому, кто ее приносит, и таким образом он совершает жертвоприношение и, будучи мертвым, приносит в жертву живого. Если ты клеветашь, поносишь и негодуешь, не есть ли это раны души неисцелимые? Видишь, что выражение не преувеличено?

Хочешь и еще послушать и узнать, каким образом любостяжание есть идолослужение, – и тяжелее идолослужения? Идолослужители кланяются творению Божьему. **"И поклонялись"**, – говорит (апостол), – **"и служили твари вместо Творца"** (Рим. 1:25); ты же поклоняешься своему собственному творенью. Бог не сотворил любостяжания, но изобрела его твоя безмерная ненасытность. И смотри, как это безумно и достойно смеха. Те, которые поклоняются идолам, чтут тех, которым кланяются, и если кто скажет об этих идолах худо, если будет над ними смеяться, они защищают их. Ты же, как бы в каком опьянении, поклоняешься предмету, который не только не свободен от порицания, но и полон нечестия. Итак, ты гораздо хуже их, потому что не можешь сказать в свою защиту, что это не зло. Если и те весьма неизвинительны, то ты еще более, как несчетное число раз порицающий любостяжание и осмеивающий тех, которые служат ему, раболепствуют пред ним, предаются ему. Но не угодно ли, – мы исследуем, откуда явилось идолослужение? Один мудрый муж говорит (Прем. 14:15), что некто богатый человек, снедаемый преждевременной потерей сына, и, не имея никакого утешения в скорби, хотел утолить страдание тем, что, сделав бездушное изображение умершего, и затем смотря на

него, думал изображение принимать за самого умершего. Некоторые же льстивые люди, которым бог чрево, служа в его честь пред изображением, ввели обычай идолослужения. Итак, оно введено слабостью души, неразумным обычаем, невоздержанием. Любостяжание же не так. И оно от слабой души, но только от худшей. Не потерял кто-либо сына, не ищет утешения в скорби, не понуждается льстецами. Но как? Я вам скажу. Каин обманул Бога, потому что-то, что следовало дать Ему, удержал у себя, а то, что следовало оставить себе, принес Ему, и начал зло с Бога. Если сами мы – Божьи, то тем более – первые плоды наших стяжаний. От любостяжания, в свою очередь, родилось стремление к женщинам. Увидели дочерей человеческих, и предались похотению (Бт. 6:3). От них – опять к деньгам, так как желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходит не от иного чего, как от того, что любовь охладела. Желание иметь больше бывает не от чего другого, а только от безумия, человеконенавистничества и высокомерия. Разве не видишь, как велика земля? Как несравненно больше, чем нужно, воздуха, неба? Бог устроил творение в таком объеме для того, чтобы погасить твое любостяжание. Но ты и при всем том грабишь и, слыша, что любостяжание есть идолослужение, не ужасаешься даже пред этим? Хочешь овладеть землей? Но разве нет на небе наследства, которого ты себя через то лишаешь?

4. Скажи мне, если бы кто предоставил тебе право взять все, – разве ты не захотел бы? А можно, если хочешь. Некоторые говорят, что они скорбят, если наследство переводят на других, хотели бы лучше истребить его, нежели видеть других его владельцами. Я тебя не извиняю и в этой слабости, потому что и это свойственно немощной душе. Но пусть будет так. Поставь же в завещании наследником Христа. Ведь (наследнику) должно быть живому; это будет свидетельствовать и о прекрасно направленной воле, к тому же ты, хотя по необходимости, станешь щедрее. Христос повелел давать нищим для того, чтобы нас живых сделать любомудрыми, чтобы убедить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не в этом состоит презрение денег, что, умирая и не будучи господином, ты предоставляешь их то тому, то другому. Не добровольно даешь остаток, но по крайней необходимости. Смерти – благодарность, не тебе! Это не есть дело нежной любви, но – нужды. Впрочем пусть будет и так, но освободись же хоть тогда от страсти. Подумай, сколько ты похитил, сколько приобрел обманом? Все возврати четверицею, и таким образом оправдаешь себя пред Богом. Но некоторые дошли до такого безумия и испорченности, что даже и тогда (пред смертью) не понимают должного, а поступают так, как будто бы старались сделать тяжелее для себя суд Божий. Потому-то блаженный тот (Павел) говорить в послании: **"Поступайте, как чада света"**. Любостяжатель же преимущественно живет во тьме, и на всех распространяет великий мрак. **"Не участвуйте"**, – говорит, **"в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть"**.

Послушайте, увещаваю всех, кто не хочет напрасно негодовать. Он похищает, и ты не обличаешь? Ты опасаясь гнева? Хотя не напрасно негодование, хотя ты обличаешь справедливо, а все же боишься гнева? Обличи брата, выкажи вражду, по любви ко Христу, по любви к нему самому; останови его, если он идет в пропасть. Общение в трапезе, в добрых речах, приветливость и нежность – небольшое дело любви. Мы даем друзьям такие дары, которые избавили бы душу их от гнева Божьего. Восставим их, видя повергнутыми в печь нечестия. Но, говоришь, он не исправляется? А ты сделай свое, и будешь правь пред Богом. Не скрывай таланта. Для того ты имеешь разум, для того – язык и уста, чтобы исправлять ближнего. Одни бессловесные не заботятся о ближнем и не имеют никакого понятия о других. Ты же, называя Бога Отцом, и ближнего – братом, видя его совершающим множество зол, предпочитаешь расположенность к нему его пользе? Да не будет этого, умоляю вас. Нет больше доказательств любви, как не презирать

зablуждающих братьев. Увидел враждующих? Помири. Увидел обманом приобретающих имущества? Помешай. Увидел обижаемых? Защити. Этим ты к себе первому выкажешь любовь, а не к ним. Для того мы и друзья, чтобы друг другу приносили пользу. Друг иначе слушает друга, иначе кого-нибудь постороннего. Постороннему он, быть может, не будет и доверять, равно как и учителю, а другу не так. "Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света". Что он хочет этим сказать? Говорит это потому, что одни из грехов совершаются здесь тайно, а другие явно. Там же будет не так, потому что нет никого, кто бы не сознавал за собою греха. Потому говорит: **"Все же обнаруживаемое делается явным от света"**. Что же, не о идолослужении ли, скажешь, говорится и здесь? нет; речь здесь о жизни и грехах. Все являемое, говорит, свет есть. Потому, умоляю, не отказывайтесь ни других обличать, ни сами досадуите, будучи обличаемы. Доколь что совершается во мраке, совершается с большей смелостью; по как скоро имеет многих свидетелей происходящего, тогда освещается. Потому будем делать все наиболее для того, чтобы удалить мертвость от братьев своих, чтобы рассеять мрак, чтобы приблизить Солнце правды. Если много будет светочей, то и для нас будет удобен путь добродетели, да и те, которые во мраке, лучше будут обличены, так как свет, распространяясь, прогоняет и мрак. А если не будем так поступать, то можно опасаться, что они угаснут от преобладания над светом мрачной и греховной тьмы, которая отгоняет блеск света. Итак, будем стараться и о других, как о самих себе, чтобы всеми (делами своими) воссылать славу человеколюбивому Богу, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 19

"Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божья (Еф. 5:15-17).

1. Снова (апостол) искореняет горечь, снова отсекает повод к гневу. Что в самом деле говорит он? "смотрите, поступайте осторожно". Он знал Учителя своего, что Он, посылая учеников, как овец среди волков, заповедовал им еще быть подобными голубям. **"Будьте просты"**, – говорит, – **"как голуби"** (Мф. 10:16). Так как с одной стороны (христиане) были среди волков, а с другой – были наставлены не мстить за себя, но переносить обиды, то поэтому они и нуждались в подобном наставлении. И прежнего уже достаточно было к тому, чтобы сделать их мужественнее; а когда к двум сделано прибавление, то пойми, что (наставление дано) уже чрезмерное. Смотри же, с каким тщанием он их предостерегает, говоря: **"Смотрите, поступайте осторожно"**. Целые города вели войну против них (апостолов); эта война перешла и в дома. Отец вооружался на сына, сын на отца, мать на дочь, дочь на мать. Что же? Откуда эти разделения? Они слышали, что Христос говорил: **"Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня"** (Мф. 10:37). Итак, чтобы не подумали, что Он напрасно вводит войны и распри, так как могла произойти великая вражда, если бы они и сами вздумали вооружаться, для этого (апостол) и говорит: **"смотрите, поступайте осторожно"**, т. е. исключая проповеди, ничем другим не давайте себе повода к вражде против вас, – одна она пусть будет основанием вражды. Пусть никто не обвиняет вас в чем-нибудь другом, оказывайте почтение и всякое повиновение, если ничто не вредит проповеди, если ничто не препятствует благочестию, – потому что **"Итак, отдавайте"**, – сказано, – **"всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь"** (Рим. 13:7). А когда увидят вас покорными другим, то сами устыдятся. **"Не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем"**. Увещевает так, желая не того, чтобы мы были изворотливыми и ловкими, но слова его означают следующее: время не ваше; ныне вы странники и пришельцы, чужеземцы и

посторонние; не ищите почестей, не ищите славы, не ищите могущества, не будьте и мстительны; все переносите, и этим искупайте время; много платите, все, чего бы от вас ни захотели. Это сказано темно: попытаюсь уяснить примером. Представим, что кто-нибудь имеет великолепный дом, потом, что некоторые приходят, чтоб его разорить, и он много им раздаст и тем избавляет себя: тогда говорим, что он искупил себя. Подобным образом и у тебя великий дом и истинная вера; приходят, чтобы взять все; отдай же все, кто бы что от тебя ни потребовал, только главное спаси, т. е. веру. **"Потому что"**, – говорит, – **"дни лукавы"**.

Что такое лукавство дня? Порочность дня должна быть свойственна дню. Если ты узнаешь, что такое порочность в окружающем нас, узнаешь и то, что такое порочность дня. Что такое порочность тела? Болезнь. А что – порочность души? Злоба. Что – порочность воды? Горечь. И всякого рода порочность есть неустройство в природе того предмета, которому порочность приписывается. Итак, если и день может иметь порочность, то она заключается в самом дне, в часах, в свете. Так и Христос говорит: **"довольно для каждого дня своей заботы"** (Мф. 6:34). Через это мы можем понять и то. Итак, в каком же смысле он называет дни лукавыми? В каком – время лукавым? Не сущность, не создание (так называет он), а то, что в продолжение их делается. Подобно тому и у нас есть обычай говорит: "тяжелый день провел я, дурной". Между тем, каким бы образом он мог быть тяжелым, как не в зависимости от того, что случилось в течение его? А то, что в течение его случается, – доброе от Бога, злое же от порочных людей. Следовательно, люди творцы того, что бывает порочного во времени, и потому говорят: "злые времена". Так и мы называем времена порочными. **"Итак"**, – говорит, – **"не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля"** Господня. **"И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство"** (ст. 17, 18), – так как невоздержание и в этом делает нас вспыльчивыми и дерзкими и стремительными, раздражительными и несносными. Вино дано для веселья, а не для пьянства. А ныне не напиваться – считается делом женоподобным и смешным. Какая же надежда на спасете? "Смешно, говоришь ты, не напиваться", тогда как пьянство более всего должно быть осмеяно. Весьма хорошо и частному человеку быть чуждым пьянства; а гораздо более – воину, который имеет дело с оружием, с кровью, со смертоубийствами; гораздо более – военачальнику, когда, и без того, гнев его воспламеняется от власти, от управления, от того, что он постоянно живет среди засад и битв. Хочешь знать, где вино хорошо? Послушай слов Писания: **"Дайте секиру погибающему и вино огорченному душой"** (Прич. 31:6). И справедливо: оно ведь имеет силу смягчать огорчение и тоску и удалять печаль. **"Вино веселит сердце человека"** (Пс. 103:15). Как же от вина происходит пьянство? Ничто не может производить противоположных действий. Значит пьянство не от вина, но от неумеренности. Вино дано нам не для чего-нибудь другого, как для здоровья тела; но и этому препятствует невоздержание. Послушай же и того блаженного, который пишет и говорит Тимофею: **"Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"** (1 Тим. 5:23).

2. Для того Бог и сотворил тела наши соразмерными, требующими немногого для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни. Такую жизнь Он и хотел даровать нам сначала; но так как мы сами сделали себя недостойными ее, то Он отсрочил ее и во время отсрочки не позволяет нам наслаждаться без меры. Небольшого стакана вина и одного хлеба достаточно для наполнения желудка человеческого. Владыку всех бессловесных (Бог) создал нуждающимся гораздо менее сравнительно с ними, и дал небольшое тело, указывая этим не иное что, как то, чтобы мы стремились к другой жизни. **"Не упивайтесь"**, – говорит, – **"вином, от которого бывает распутство"**. Оно не спасает, а губить не только тело, но и душу. **"Но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными,**

попя и воспевая в сердцах ваших Господу, благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуюсь друг другу в страхе" Христовом (ст. 18 – 21). Хочешь, говорит, веселиться? Хочешь провести день? Я даю тебе питье духовное. Пьянство уничтожает благозвучие речи, заставляя наш язык заикаться; равным образом извращает и глаза, и все. Учись петь псалмы, и увидишь сладость этого дела, – потому что поющие псалмы исполняются Духа Святого, а поющие сатанинские песни – духа нечистого. Что означают слова: **"В сердцах ваших Господу"**? Это значит – со вниманием приступай к этому делу, потому что невнимательные поют без пользы, произнося только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте. **"Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуюсь друг другу в страхе"** Христовом. То есть: пусть восходят к Богу прошения ваши с благодарением; ничто так не радует Бога, как то, когда кто-нибудь благодарит Его. Преимущественно же мы можем выражать свою благодарность удалением нашей души от вышесказанного, очищением ее от того, о чем сказал (апостол). **"Но исполняйтесь"**, – говорит, – **"Духом"**. В нашей ли это власти? Да, в нашей. Когда будем очищать душу свою от лжи, жестокости, блуда, нечистоты и любостяжания, когда сделаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себе, когда не будет в нас кощунства, когда сделаем себя достойными, – тогда что воспретит Св. Духу приблизиться и прилететь к нам? И Он не просто приблизится, но наполнит сердце наше. Когда же внутри нас будет такой свет, то после того добродетель не будет уже нам трудна, но – легка и приятна. **"Благодаря"**, – говорит, – **"всегда за все"**. Как же? Должно благодарить за все, что ни случится? Подлинно так, – хотя бы то была болезнь, хотя бы бедность. Если и в ветхом завете некоторый мудрец советовал, говоря: **"Все, что ни приключится тебе, принимай"** радостно, **"и в превратностях твоего унижения будь долготерпелив"** (Сир. 2:4), то тем более это должно быть в новом. Хотя бы ты и не понимал причины чего-нибудь, благодари: в том-то и заключается благодарность. Ничего нет важного, ни удивительного в том, если ты благодаришь, когда облагодетельствован, здоров, все тебе удастся и ты счастлив. Нужно, чтобы ты благодарил в несчастьях и скорбях. Не говори ничего, кроме слов: благодарю Тебя, Владыка! Но что я говорю о бедствиях, которые случаются здесь (на земле)? За самую геенну, за наказания, за муки, которые будут там (за гробом), должно благодарить Бога. Если мы будем внимательны, – это дело принесет нам великую пользу, когда именно страх геенны будет налагать узду на сердца наши. И не только за явные благодеяния, но и за тайные, посылаемые против желания, мы должны благодарить. (Бог) много благодетельствует нам, когда мы не хотим или не видим этого. Если не врите, я вам разьясню это дело. Подумай, не все ли приписывают солнцу и идолам своим беззаконные и безбожные эллины? Что ж? Разве Он не посылает благодеяний и им? Не Его ли промыслу обязаны они жизнью, здоровьем, детьми и другим подобным? А так называемые маркиониты? А манихеи? Разве не хулят Его? Что же? Разве не благодетельствует Он и им каждый день? Если же тем, без их ведома, благодетельствует, то тем более нам. И что другое свойственно Богу, как не благодетельствовать человеческому роду и в наказаниях и в благодеяниях?

Итак, не в счастья только мы должны благодарить, потому что тут нет ничего важного. Это знал и дьявол; потому и говорил: **"разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?"** (Иов. 1:9-11). Но злодею этому (дьяволу) не было от того никакой пользы, и пусть не случится, чтобы и относительно нас было ему что-нибудь большее. Когда постигают нас бедность, болезни, несчастья, тогда-то и должно сильнее благодарить. Я понимаю благодарность не на словах, но на языке, а в поступках, делах, мысли и сердце. Всей душой будем благодарить Его. Ведь Он любить нас более, нежели наши родители, и любовь Божья настолько различна от любви родительской, насколько благость отстоит от лукавства.

3. Это не мои слова, но любящего нас Христа. Послушай, что говорит Он: "Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него" (Мф. 7:9-11)? И опять послушай, что говорит Он в другом месте: "Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя, – говорит Господь" (Ис. 49:15). Если он не любить нас, то для чего сотворил? Разве это Ему было необходимо? Разве мы делаем что-нибудь Ему полезное и нужное? Разве Он нуждается в ком-либо из нас? Послушай слов пророка: "Ты – Господь мой; блага мои Тебе не нужны" (Пс. 15:2). Но не понимающие и не чувствующие этого говорят: при благодати Божьей должно быть равенство для всех. Но скажи мне, неблагодарный человек, в чем ты видишь отсутствие благодати Божьей, и что называешь равенством? Один, говорят, с детства калека, другой безумствует и одержим демоном, иной всю жизнь до глубокой старости провел в бедности, иной в жестоких болезнях. Таковы ли дела Промысла? Один глух, другой нем, третий беден, иной же зол и незаконен, исполнен бесчисленных пороков, а имеет деньги, содержит блудниц и нахлебников, приобрел великолепный дом, ведет беззаботную жизнь. И много говорят подобного, сплетая длинное слово осуждения на Промысел Божественный. Что же? нет, стало быть, Промысла? Что нам сказать против них? Если бы это были эллины и сказали нам: кем управляется мир? – мы спросили бы их в свою очередь: что же? нет Промысла? Зачем же вы почитаете богов, поклоняетесь демонам и героям? Ведь если есть Промысел, то он бодрствует над всеми. Если между христианами и эллинами найдутся отчаивающиеся и сомневающиеся, – что им сказать? Скажи мне, ужели от случая произошло столько благ: ежедневный свет, благоустройство в существующем, хор звезд, равномерное течение дней и ночей, последовательность природы в растениях, животных и людях? Кто, скажи мне, управляет этим? Если нет никого пекущегося, а все поддерживается случайно, то кто над землей и водами, опрокинувши, распростер такой прекрасный, такой величественный шатер, – я разумею небо? Кто дал плодоносящие времена? Кто вложил такую силу в семена и растения? Все случайное бывает совершенно беспорядочно, между тем как все благоустроенное художественно. Что у нас из случайного, скажи мне, бывает свободно от великой неурядицы, великого замешательства, беспорядка? Я уже не говорю о том, что происходит без причины, но даже о том, кто делает, но берется за дело без умения. Пусть, например, будет дерево, камни и известь; пусть возьмет их человек, не знающий домоустройства, и начнет строить и трудиться. Не все ли он погубить и , испортить? Опять же, пусть будет корабль без кормчего со всем, что нужно иметь кораблю, кроме кормчего, не говорю – не оснащенный, но даже оснащенный: он не в состоянии будет плыть. Эта земля, стоящая на воде, могла ли бы, скажи мне, простоять столько времени без поддерживающей силы? И есть в этом смысл? И мнение такого рода не стоит осмеять тысячи раз? Если при этом (вода) носить и небо – вот другая тяжесть. Но на вод ли держится небо – другой вопрос. Все это – дело Промысла. Все, носящееся на вод, не должно быть вогнутым, но выпуклым. Почему? Потому что тело выпуклое, как например в корабле, остается наружу и стремится вверх, а тело вогнутое все погружается в воду. Итак, для него (неба) нужно тело упругое, твердое, способное выдержать напор и вынести наложенную тяжесть. Не воздух ли поддерживает небо? Но он гораздо жиже, рыхлее воды и вещам даже самым легким не может противопоставлять достаточного сопротивления, а тем более такой громаде. Целого века нам недостаточно было бы, если бы мы стали рассматривать все дела Промысла, как в общем, так и в частности. Спрошу настоящего совопросника: от Промысла все это произошло, или случайно? – и, если бы он сказал: нет Промысла, – опять спрошу: как же это произошло? И не найдется он указать ни на одну причину. "Отсюда уже тем более ты не должен разузнавать и усиливаться разгадывать вопросы,

касающиеся жизни человека. Почему? Потому что человек превосходит все это и все это произошло для человека, а не человек для этого.

4. Итак, если ты не понимаешь премудрости и порядка, заключающихся в промышленности о нем (человек), как можешь постигнуть причины, заключающиеся (в Боге)? Да, скажи мне, почему (человек) сотворен столь малым, до того удаленным от высот небесных, что сомневается в являющемся свыше? Почему северные и южные страны необитаемы? Почему, скажи мне, зимой ночь бывает больше, летом меньше? К чему стужи, жар, почему тело смертно? Я предложу тебе бездну и других вопросов, даже, если хочешь, не перестану спрашивать, и во всем ты будешь безответен предо мной. В том-то главным образом и состоит Промысел, что причины для нас непостижимы. Если бы это не превышало нашего разумения, то, пожалуй, кто-нибудь и в самом деле счел бы человека причиной всего. Такой-то, говорит, беден, а бедность есть зло. Что такое также болезнь, или слепота? Все это – ничто, человек! Одно только несчастье – грешить, и об этом одном нам и должно рассуждать. Оставивши исследования относительно причин действительных бедствий, мы слишком много хлопочем о постороннем. Отчего никто из нас никогда не старается узнать, почему он грешил? В моей ли власти грешить, или не в моей? нет нужды тут много говорить, поищу ответа в самом себе. Не победил ли я когда-нибудь страстных влечений, не восторжествовал ли над гневом из стыда, или из страха пред людьми? Когда найду такие случаи, то заключу отсюда, что грешить в моей власти. Никто об этом не любопытствует, никто не берет на себя труда это узнать; но без размышления, по словам Иова, смертный **"пустой мудрствует"** (Иов. 11:12). Что тебе за нужда до того, что один слеп, другой беден? Не об этом Бог повелевает рассуждать тебе, а о том, что сам ты делаешь. Если ты сомневаешься, промышляет ли какая-нибудь сила о мир, ты самый безрассудный человек; если же ты убежден в этом, то зачем сомневаешься, что должно угождать Богу? **"Благодаря всегда"**, – говорит, – **"за все Бога"** (ст. 20). Войди в лечебницу и, когда там бывает раненый, посмотри, как врач режет и жжет его. Впрочем, я говорю это не по отношению к тебе, – ты войди в мастерскую плотника. И не добьешься ты смысла, ничего почти не поймешь из того, что там делается; многое покажется тебе бестолковым, когда, например, он сверлит, или стругает дерево. Если я приведу тебя к другому, более простому искусству, например к живописи, то и здесь ты растеряешься. Скажи мне, не напрасным ли тебе покажется делать то, что делает (живописец)? К чему для него служат начертания и переплетения линий? Когда же он положит краски, тогда бросится тебе в глаза красота искусства и все-таки, и после этого, ты не в состоянии будешь ничего понять в точности. Но зачем я говорю о плотниках, живописцах, таких же рабах, как и мы? Расскажи мне, как пчела делает соты, и тогда говори о Боге. Изучи искусство муравьев, паука, ласточки, и после этого говори о Боге. Объясни мне это, если ты умен; но ты не в состоянии. Итак, ужели не перестанешь ты, человек, искать излишнего, – а это поистине излишне, – не перестанешь безрассудно любопытствовать? нет ничего мудрее такого незнания, и признающиеся в полном незнании в этом случае оказываются умнее всех, а суемудрствующие неразумнее всех. Таким образом, заявление о своем знании не всегда показывает мудрость, а иногда и глупость. Скажи мне, если бы из двух человек один объявил, что измерит протянутыми веревками воздух, простирающийся от земли до неба, а другой, осмеивая первого, признавался бы, что он этого не знает, – кого мы, скажи, осмеяли бы, называющего себя знающим, или незнающего? Очевидно, – именуемого знатока. Итак, незнающий мудрее того, кто выдает себя за знающего. Еще: если бы кто объявил, что знает, сколько стаканов (воды) содержит в себе морс, а другой – что не знает, – здесь опять незнание не мудрее ли знания? Конечно. А почему? Потому что это незнание шире (чем знание). Признающийся в незнании знает кое-что. Именно что? То, что нечто сокрыто от человека; а это немаловажно. Тот же, кто говорит, что знает, в особенности не понимает того, о чем говорит, будто знает; потому-то он и заслуживает осмеяния. Увы, сколько мы имеем

побуждений обуздывать неуместную пытливость и любопытство, – и все же не удерживаемся, но мешаемся в жизнь других (и спрашиваем): почему тот беден, почему этот слеп? С такими вопросами мы впадем и в другие бредни, – почему, например, это женщина, почему не все мужчины, почему это осел, почему бык, почему собака, почему волк, почему камень, почему дерево, – и вопросы продлятся в бесконечность. Поэтому-то Бог и положил меру нашему знанию и (положил основание ей) в нашей природе. Посмотри со мной на весьма любопытное явление. Когда мы смотрим с земли на небо, на такую высоту, то ничего тяжелого не чувствуем, а когда взойдем на какую-нибудь высокую башню и захотим, несколько наклонясь, посмотреть вниз, то вдруг ощущаем кружение и помрачение головы. Скажи мне причину этого; но ты не найдешь, почему глаз имеет большую силу (чем другие чувства), и перестает действовать на значительнейших расстояниях

5. И в отношении слуха можно видеть подобное. Никто не сможет наполнить криком весь воздух, окидываемый глазом, или слышать на таком расстоянии. Почему не все члены имеют одинаковую честь, не отправляют одинакового назначения и не занимают одного места? И Павел любопытствовал об этом, или лучше, не любопытствовал, – потому что он был мудр, – но, пришедши к этому вопросу, сказал: **"Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно"** (1 Кор. 12:18). Все он приписал воле Божьей. Прекративши изыскания, будем же и мы только благодарить за все. Потому, говорит, **"Благодаря всегда за все"**. Это свойственно рабу мудрому, благоразумному и рачительному, а то (пустое любопытство) – болтливому, ленивому, мешающемуся не в свое дело. Не знаешь ли, что между слугами самые пустые и ни к чему негодные бывают говорливы, болтливы и стараются разузнать тайны, скрываемые господами, а благоразумные, усердные только и смотрят, как бы выполнить свою службу? Кто много говорит, тот ничего не делает; кто много делает, тот ничего не говорит неуместного. Поэтому и Павел говорил, пища о вдовах: **"Приучаются не только праздны, но и болтливы"** (1 Тим. 5:13).

Скажи мне, где больше различия: между возрастом нашим и детским, или между Богом и людьми? Между нами и комарами, или между нами и Богом? Очевидно, между нами и Богом. Итак, зачем же ты такой любопытный? Благодарю за все. Но скажешь: что я буду отвечать, если меня спросить эллин и захочет от меня узнать, есть ли промысел, а сам он говорит, что нет никого промысляющего? Спроси и ты его в свою очередь. Но он говорит, что нет никого промысляющего? Что промысел есть, это ясно из сказанного; относительно же непостижимого (укажи на то), что мы не понимаем его значения. Если в делах человеческих мы многого не понимаем, как что делается, и хотя многое нам кажется неуместным, однако уступаем, – то тем более (должно так поступать) по отношению к Богу. В Боге для верующих и не кажется и нет ничего неуместного. Поэтому будем благодарить за все, за все будем прославлять Его. **"Повинуйся"**, – говорит, – **"друг другу в страхе Божьем"**. Если ты повинешься из-за подчинения, из-за денег, или из-за стыда, то тем более (повинуйся) из-за страха Божьего. Пусть будет взаимное воздаяние за рабство и подчинение; тогда уже не будет рабства. Пусть не занимает исключительно один место свободного, другой – раба, но лучше, если господа и слуги взаимно служат друг другу. Гораздо лучше так быть рабом, нежели иным образом быть свободным. Вот доказательство: пусть кто-нибудь имеет сто слуг и никто из них ему не служит; пусть с другой стороны будет сто друзей, взаимно служащих друг другу. Кто из них будет лучше жить, у кого будет больше радости, больше веселья? Там нет ни гнева, ни досады, ни раздражения к ничего подобного, здесь страх и рабство; здесь все по необходимости, там все по свободному избранию; здесь служат по принужден, там по любви друг к другу. Так восхотел и Бог, – поэтому омыл ноги учеников. Еще более: и господа, если хочешь рассудить тщательно, обязаны вознаграждать друг друга взаимным служением. Что

произошло бы, если бы гордость не допустила оказывать взаимных воздаяний? Когда кто отправляет плотское служение, ты питаешь его тело, заботишься о пище, одежд, обуви, и это есть один из видов служения. Если ты не выполняешь своего служения, то он не будет выполнять и своего; никакой закон не заставит его служить, если ты не кормишь его. Если так бывает по отношению к рабам, то что неуместного, если также случится и со свободными? **"В страхе"** Христовом, – говорит, – **"повинуясь"**. Что же это за милость, когда (за службу) имеем и воздаяние? Но он не хочет тебе подчиняться? Подчиняйся ты ему, и не просто повинуйся, но подчиняйся. Служи всем, как господам, и скоро ты будешь иметь их слугами, поработанными властью, сильнейшею власти суровейшего тирана. Еще более ты приобретешь их, если, не получая от них ничего, будешь отдавать им свое. **"Повинуясь друг другу в страхе"** Христовом – значит, чтобы мы обуздывали все страсти, служили Богу, питали любовь друг к другу, и тогда мы сможем удостоиться человеколюбия Божьего, благодатью и щедротами (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 20

"Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем" (Еф. 5:22–24).

1. Некоторый мудрый муж, перечислив многие блага, поставил в числе их и согласие (между мужем и женой): **"И жена и муж"**, – сказал он, – **"согласно живущие между собою"** (Сир. 25:2). Подобным образом, и в другом месте, в числе же благ он поставляет единомыслие между мужем и женой (25:11). При том известно, что и изначально Бог прилагал особенное попечение об этом союзе, и, говоря об обоих, Он выражается как об одном: **"Бог мужчину и женщину сотворил"** (Мк. 10:6); и еще: **"Нет мужеского пола, ни женского"** (Гал. 3:28). В самом деле, не может быть такой близости у мужа с мужем, какая у жены с мужем, если только кто законно сочетался с нею. Потому-то один блаженный муж, выражая чрезмерную любовь и оплакивая одного из любимых им и сердечно ему преданных, берет для этого в пример любовь не отца или матери, ни дитяти или брата, ни друга, – но чью? Падет **"любовь твоя"** на меня, – говорил он, – как **"любовь женская"** (2 Цар. 1:26). Поистине, любовь эта насильственнее всякой тирании. Сильны и другие (страсти); но эта страсть имеет такую силу, которая никогда не ослабевает. В самой природе нашей есть какое-то страстное влечение, непонятное для нас, которое соединяет эти тела (мужа и жены). Вот и вначале жена произошла от мужа, а после от жены и мужа муж и жена. Замечаешь ли союз и единство? Почему (Бог) не попустил превзойти сюда другой сущности отвне? И смотри, как Он устроил: Он дозволил человеку иметь женой сестру, еще более – не только сестру, но и дочь, и не только дочь, но нечто, ближе дочери, – собственную плоть. Все же это Он устроил изначально, соединяя их в одно, как бы на каменном основании. Не от вне Он жену сотворил, для того, чтобы муж не смотрел на нее, как на чуждую; а с другой стороны не ограничил брачного сожития только ею, чтобы он, стесняя и принуждая себя, не отделился вовсе от других. И как между растениями те особенно красивы, которые имеют один ствол, разветвляющийся на многие ветви, а те, которых ветви разветвляются беспорядочно, каждая вырастая от особенного корня, не представляются красивыми, так и здесь, Бог из одного Адама произрастил весь род (человеческий), поставивши его через то в совершенную невозможность разъединиться или разделиться. Потом, для большего также единения, запретил вступать в брак с сестрами и дочерьми, чтобы через это мы не сосредоточивали всей любви своей на одном (роде), и тем не отделялись от других. Потому и сказал (Христос): **"Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их"** (Мф. 19:4).

Много от этого бывает зла, много и добра и для семейств, и для обществ. Ничто так не укрепляет нашу жизнь, как любовь мужа и жены. Ради ее многие берутся за оружие, а иные не щадят и своей жизни. Итак, не просто и не напрасно Павел выказал великую заботливость об этом деле, когда сказал: **"Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу"**. Почему? Потому что, если они единомысленны, то и дети их воспитываются хорошо, и слуги благоустроены, и соседи, и друзья, и сродники, как бы насаждаются их благовоением. Если же где бывает напротив, то там во всем беспорядок и замешательство. И как, если военачальники и мире друг с другом, то все идет, как следует, а если между ними возникнет распря, то там уже не бывает порядка, – так и здесь. Потому и говорит: **"Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу"**. Увы! А как же в другом месте сказано: если кто не оставит жены или мужа, не может следовать за Мной (Лк. 19:26; см. Мф. 10:36,37)? Если (жена) должна повиноваться (мужу), как Господу, то как же говорится, что ей должно оставить его ради Господа? И подлинно, должно. Впрочем, слово: **"как"** не везде означает совершенное равенство. (Апостол) или понимает следующее: **"как"** знающие, что тужите Господу, как и в другом месте говорит, что (они должны повиноваться) если не ради мужа, то, в особенности, ради **"Господа"** (Кол. 3:18); или: если повинешься мужу, то думай, что ты повинешься, как работающая Господу. Если противящийся даже внешним общественным властям противится **"повелению Божьему"** (Рим. 13:2), то тем более – не повинующаяся мужу. Этого Бог требовал от начала. Итак, поставим мужа в качестве главы, а жену в качестве тела. Потом, доказывая умозаключениями, что муж есть глава жены, (апостол) говорит: **"Как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем"**. Сказав, что муж есть глава жены, **"как и Христос глава Церкви"**, он затем присовокупил: **"И Он же Спаситель тела"**, – потому что от головы зависит благосостояние тела. Таким образом, он предложил мужу и жене, как основание их счастья, взаимную любовь и заботливость, указав каждому подобающую область, – ему начальство и попечение, а ей – повиновение.

2. Итак, как Церковь, составляемая из мужей и жен, повинуется Христу, так и жены должны повиноваться мужьям, как Богу. **"Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь"** (ст. 25). Ты слышал о великом послушании; ты доволен Павлом и рад, что он, как некий дивный и духовный учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя: тот же самый пример он приводит и далее. **"Мужья"**, – говорит он, – **"любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь"**. Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным, или потерпеть и пострадать что бы то ни было, но отказывайся; но и хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому, что сделал Христос. Ты терпишь это, будучи уже в союзе с женой; а Он (страдал за Церковь) отвращавшуюся от Него и ненавидевшую Его. Как Он, когда она отвращалась, ненавидела, презирала Его и была развратна, по великому Своему снисхождению покорил ее под ноги Свои, не прибегая ни к угрозам, ни к порицаниям, ни: к устрашениям и ни к чему подобному, – так и ты поступай в отношении к своей жен: хотя бы ты видел, что она пренебрегает тобою, что развратна, что презирает тебя, умей привести к своим ногам твоим великим о ней попечением, любовью и дружбой, нет уз крепче этих, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхом, – а скорее и его этим не свяжешь, он отскочит и сбежит, – но общницу жизни, мать детей и виновницу всех радостей нужно привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовью и расположением. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может наслаждаться муж, который сожительствоует с женой, как с рабой, а не как со свободной? Если бы и случилось потерпеть что за нее, не ропщи: Христос этого

не делал. **"И предал Себя за нее"**, – говорит, – **"чтобы освятить ее"** (ст. 25, 26). Значить она была нечиста; значить, на ней были грязные пятна; значит, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взял жену, твоя невеста была не такова, какой Христос обрел Церковь; она не так отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ею и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие. Хочешь знать, как она была безобразна? Послушай, что говорит Павел: **"Вы были некогда тьма"** (Еф. 5:8). Видишь черноту ее? Что чернее тьмы? Но посмотри и дерзость ее: **"Жили в злобе"**, – говорит, – **"и зависти"** (Тит. 3:3). Посмотри и нечистоту: **"Несмысленны, непокорны"**. Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако, несмотря на то, что в ней было так много дурного, Он и за безобразную предал Себя как за прекрасную, как за возлюбленную, как за достойную дивной похвалы. Недоумевая пред этим, Павел и говорил: **"Ибо едва ли кто умрет за праведника"** (Рим. 5:7); и еще: **"Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками"** (ст. 8). И принявши ее такой, Он украшает ее и омывает и не отказывается от этого. **"Чтобы освятить ее"**, – говорит (апостол), – **"очистив баней водной посредством слова; чтобы представить ее Себе славной Церковью, не имеющей пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна"** (ст. 26, 27). Баней омывает ее нечистоту. **"Посредством слова"**, – говорит. Каком? Во имя Отца и Сына и Святого Духа. И не только украсил ее, но и сделал славной, не имеющей **"пятна, или порока, или чего-либо подобного"**. Итак, будем и мы искать этой красоты, и мы сможем стать ее творцами. Не требуй от жены того, чего у ней нет. Видишь, что Церковь все получила от Владыки? Через Него она сделалась славной, через Него беспорочной. Не отвращайся же и ты от жены из-за ее непривлекательности. Послушай, что говорит Писание: **"Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей"** (Сир. 11:3). Она Божье создание: не ее ты порицаешь, но Того, Кто создал ее. Чем виновата жена?

Не хвали ее и за красоту. Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая (страстная) любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного; она возбуждает ревность и нередко заставляете подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В (удовольствии же), доставляемом не этой (красотой), ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянной, как любовь к красоте душевной, а не телесной.

3. Скажи мне, что прекраснее неба? Что прекраснее звезд? Скажешь: тело, – но оно не так бело; укажешь на глаза, – но они не так блестящи. Когда созданы были небеса, им удивились ангелы; и мы ныне удивляемся им, хотя и не так, как сначала. Это от привычки, что мы ныне уже не так поражаемся ими. Не тем ли более (можно сказать это) по отношению к жене? А если приключится болезнь, то тотчас все улетает. Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости: таковы признаки (истинной) красоты, – а телесной красоты не будем искать, и не станем укорять ее за то, что не от нее зависит, или лучше, и вовсе не станем укорять, потому что это свойственно дерзости, не будем огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько таких, которые жили и с красивыми женами, но бедственно окончили свою жизнь; напротив сколько таких, которые имели жен не очень благообразных, но в полном благополучии дожили до глубокой старости? Истребим внутреннюю скверну, исторгнем внутренние недостатки, уничтожим пятна душевные. Бог желает такой красоты. Уготоваем ее (жену) прекрасной для Бога, а не для себя самих. Не станем искать денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. Пусть никто не думает разбогатеть через жену, постыдно и позорно такое

богатство; и вообще пусть никто не ищет здесь богатства, потому что **"А желающие обогащаться"**, – сказано, – **"впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу"** (1 Тим. 6:9). Не ищи от жены больших денег, и ты легко найдешь все другое. Кто, скалки мне, оставив важнейшее, станет заботиться о маловажном? Но, увы, мы всегда так поступаем. Если у нас есть сын, то мы не о том стараемся, чтобы он был хорош, но как бы найти ему богатую жену, не о том, чтоб был благоденствен, а о том, чтоб был богат. И если начертываем образ жизни, то также не о том заботимся, как бы е нам жить безгрешно, но о том, как бы нам приобретать больше прибытков. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстью. **"Так должны мужья"**, – говорит (апостол), – **"любить своих жен, как свои тела"** (ст. 28). Что это значить? Значить, что он переходит к убедительнейшему и к сильнейшему примеру; и мало того, к примеру более близкому и ясному, и к новой причине. То не казалось весьма необходимым, и чтобы не сказал кто-нибудь: Он был Христос, был Бог, и сам Себя предал, – (апостол) иным способом доказывает то же, говоря: **"так должны"**; итак это – не милость, а долг. Сказавши: **"как свои тела"**, он присовокупил: **"Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее"** (ст. 29), т. е. заботится о ней с великим тщанием. Но каким образом (жена) – плоть мужа? Послушай: **"вот, это"**, – говорил (Адам), – **"кость от костей моих и плоть от плоти моей"** (Бт. 2:23). И не только это, но сказано еще: **"и будут одна плоть. Как и Христос возлюбил Церковь"**: обращается к прежнему примеру. **"Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его"** (ст. 30). Каким образом? Он произошел от нашего естества, как и Ева есть плоть от плоти Адама. Он кстати упомянул о костях и о плоти, потому что это в нас главнейшее – плоть и кости. Одно как бы основание, а другое как бы здание. То, впрочем, очевидно; а это каким образом? Как там существует великая близость, так, говорит, и здесь. Что значит: "от плоти Его"? Значит – истинно от Него. Но как через это мы бываем членами Христовыми? Так, что мы родились подобно Ему. Каким образом от плоти? Это знаете вы, которые приобщаетесь тайнам: ведь через это мы тотчас прообразуемся. Но как? Пока послушай, что говорит блаженный (Павел): **"А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные"** (Евр. 2:14). Но здесь Он нам приобщился, а не мы – Ему: каким же образом мы – **"от плоти Его и от костей Его"**? Некоторые говорят в этом случае о крови и о воде, но это неверно; Он впрочем благоволил показать это, именно – как Он, без соития, родился от Святого Духа, так и мы рождаемся в купели. Смотри, сколько примеров побуждают верить тому рождению! О, безумие еретиков! Что рождено от воды, это они признают истинным рождением, – то, что рождается, а что мы становимся Его телом, этого не принимают. Но если мы не делаемся им, то как согласить с этим слова: "от плоти Его и от костей Его"? И заметь: Адам создан, Христос родился; из ребра Адамова произошло тление, из ребра Христова проистекла жизнь; в раю прозябла смерть, на кресте она уничтожена.

4. Итак, подобно тому, как Сын Божий – нашего естества, так и мы – Его сущности; и как Он имеет нас в Себе, так и мы имеем Его в себе. **"Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть"** (ст. 31). Вот и третья причина. Он показывает, что, когда кто-либо, оставивши родителей, от которых произошел, совокупляется с женой, то после того отец, мать и дитя их – одна плоть, составленная из взаимного соединения, потому что вследствие смешения семени рождается дитя, так что трое они – одна плоть. Таким же образом и мы делаемся с Христом одна плоть, по причастию, и мы гораздо более, чем дитя (в отношении к родителям). Почему это? Потому, что так было изначала. Не говори же мне, что (жена твоя) такая-то и такая-то. Разве не видишь, что и в плоти много бывает недостатков? Один хром, у другого кривые ноги, у третьего сухие руки, у четвертого страдает иной какой-либо член. И однако (такой человек) не скорбит, не отсекает его, и часто заботится о нем

более, чем о других. И справедливо, – так как он его член. Итак, какую каждый из нас питает любовь к себе, такую же хочет (апостол), чтоб мы питали и к жене. И это не потому, что мы с нею одной природы, но у нас в отношении к жене гораздо более важная причина, именно – что (муж и жена) не два тела, а одно: он – глава, а она – тело. Но как же в другом месте говорит он: **"а Христу глава – Бог"** (1 Кор. 11:3)? Это говорю и я, то есть, что как мы одно тело, так и Христос и Отец – одно. Оказывается таким образом, что и Отец глава наш. (Апостол) выставляет два сравнения, т. е. с телом и с Христом. Потому и присовокупляет: **"Тайна сия велика; я говорю по отношению к Христу и к Церкви"** (ст. 32). Что это значить? Называет (брак) великой тайной, потому что на нее указывал, как на нечто великое и дивное, и блаженный Моисей, или лучше – Бог. При том, **"я говорю"**, – говорит, – **"по отношению ко Христу"**, так как и Он, оставивши Отца, сошел и пришел к невесте и сделался **"один дух"** с ней: **"соединяющийся с Господом есть один дух с Господом"** (1 Кор. 6:17). Хорошо сказал: тайна велика есть, – как бы указывая на то, что иносказательное доказательство не уничтожает необходимости любви. **"Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа"** (ст. 33). Подлинно, это – таинство, и великое таинство, потому что человек, оставив производшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, в болезнях родила, (оставивши) тех, которые столько благодетельствовали ему, к которым он привык, – сочетается с той, которой прежде не видал, которая ничего не имеет с ним общего, и предпочитает ее всему. Подлинно, это – таинство. И родители не печалются, когда так делается, но напротив печалются, когда этого не бывает, и, в знак радости, не жалеют денежных издержек и расходов. Поистине, это – великое таинство, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость. Это показал и древний пророк Моисей; об этом и ныне вопиет Павел, говоря: **"По отношению ко Христу и к Церкви"**. Впрочем, так сказано не по отношению только к мужу, но и к жене, чтобы он согрел ее, как плоть свою, как и Христос Церковь, а жена чтобы боялась мужа. Говорит не только о любви, – но что? **"Да боится своего мужа"**. Жена – вторичная власть; значить не должна требовать равенства (с мужем), так как стоять под главой; и он не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, потому что она – тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама; взамен послушания она должна привносить любовь. Как глава, так и тело: тело отдает в услужение глав руки, ноги и все прочие члены; а глава заботится о теле, посвящая ему все свое разумение. Нет ничего лучше такого супружества. Но какая, скажут, может быть, любовь там, где страх? Там-то собственно она и будет. Которая боится, та и любить: любя, она боится, как главы, и любить, как член, потому что и голова есть член всего тела. Для того он и подчиняет ее, а мужа возносить над нею, чтобы был мир. Где равенство, там не может быть мира, народное ли то будет управление, или все будут повелевать, – необходимо, чтобы было одно начальство. Так всегда бывает с существами телесными; если бы люди были духовные, тогда был бы мир. Было некогда пять тысяч душ, и **"никто ничего из имени своего не называл своим"**, но всем делились друг с другом (Деян. 4:32). Вот – знак мудрости и страха Божьего. Таким образом (апостол) показал образ любви, но образ страха – нет.

5. Замечаешь ли, как он распространяется о любви, приводит в пример Христа, упоминает о собственной плоти, говорит: **"Посему оставит человек отца своего и мать"**, а о страхе не распространяется? Почему это? Потому что хочет, чтобы преобладала любовь. Если будет она, то за нею последует все остальное; а если будет страх, то – не вполне. Кто любить свою жену, тот, хотя бы она была и не очень послушна, все перенесет; но если (супруги) не связаны силою любви, то единомыслие между ними – дело неудобное и трудное. Страх же совсем не производит такого действия. Потому (апостол) и останавливается преимущественно на том, что сильнее. И жена, хотя ей, по-видимому, наносится ущерб тем, что предписывается страх, ничего не теряет, потому что мужу предписывается то, что особенно важно – любовь. Но, скажут, что, если жена не будет

бояться мужа? Ты люби, ты исполняй свой долг; пусть другие не исполняют того, что следует, – мы должны исполнять. Укажу пример: "**Повинуясь**", – сказано, – "**друг другу в страхе**" Христов (Еф. 5:21). Что же? Пусть иные не повинуются, – ты покоряйся закону Божьему. Так и здесь: хотя бы муж и не любил своей жены, она должна бояться его, чтобы не быть ей в долгу у него; равным образом и наоборот, если бы жена и не боялась мужа, он должен любить ее, чтобы ему не быть в долгу у нее. Каждый имеет свои обязанности. Таков брак о Христе, брак духовный и рождение духовное, не от кровей, не от болезней рождения. Таково и рождение Исаака. Послушай, что говорит Писание: "**И обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось**" (Бт. 18:11). И брак не вследствие страсти или телесного влечения, но всецело духовный, в котором душа соединяется с Богом неизреченным союзом, как Он один знает. Потому и сказано: "**Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом**" (1 Кор. 6:17). Видишь, с каким тщанием он говорит и о плотском соединении, и о единении духовном? где (после того) еретики? Если бы брак был делом нечистым, то он не назвал бы (брачующихся) женихом и невестой, не привел бы для увещания слов: "**оставит человек отца своего и мать**", и не присовокупил бы, что это сказано "**по отношению к Христу и к Церкви**". О ней говорит и Псалмопевец: "**Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 44:11,12). Потому и Христос говорил: "**Я исшел от Отца и пришел в мир**" (Иоан. 16:28). Но когда я говорю, что Он оставил Отца, ты не представляй при этом, по-человечески, перемены места: говорится, что Он исшел, не потому, что Он вышел, но потому, что воплотился: так точно (понимай) и слова: оставил Отца. Отчего не сказано и о жене: прилепится к мужу своему? Почему это? Потому, что о любви уже было говорено, и говорено мужу. Жене же (апостол) внушает страх и при этом говорит: "**Муж есть глава жены**", и еще: "**И Христос глава Церкви**". С мужем он рассуждает о любви и вручает ему то, что (имеет отношение) к ней; говорит ему о любви, соединяя и сочетая его (с женой). В самом деле, оставивший отца для жены и потом оставляющий ее и отпускающий от себя может ли быть достоин какого-нибудь снисхождения? Видишь, какой, по воле Божьей, она должна пользоваться честью, когда Бог, отвлекая тебя от отца, соединяет с нею? Но что же, скажут, если мы исполняем все, что следует, а она нет? "**Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится**" (1 Кор. 7:15). В этих делах братья или сестра не подчинены рабству. А когда ты слышишь о страхе, то требуй страха, приличного свободной, а не как от рабы: ведь она – твое тело. А если будешь поступать не так, то опозоришь себя самого, бесчестия свое тело. Что же это за страх? Чтобы она не противоречила, чтобы не выходила у тебя из послушания, чтобы не стремилась к первенству. Довольно возбуждать только такого рода страх. Если же ты любишь, как тебе указано, то достигнешь гораздо большего, и достигнешь этого не столько угрозами, сколько собственно любовью. (Женский) пол весьма слаб; ему нужна большая помощь, особенное снисхождение. Что же скажут те, которые соединяются вторым браком? Не в осуждение говорю, – да не будет, – и апостол позволяет это. Но снисходя к ее немощи, доставляй ей все, все ради нее делай и терпи: это необходимо тебе. В этом случае (апостол) не благоволил давать совета на основании внешних примеров, как это он часто делает. Достаточно было великого и сильного примера Христова, в особенности для доказательства (необходимости) повиновения. "**Оставит**", – говорит, – "**отца своего и мать**". Вот, это указание внешнее. Однако ж не сказал: и будет жить вместе (с женой), но: "прилепится", означая этим теснейшее единение, сильнейшую любовь. Не удовольствовался и этим, но через наведение так изъяснил подчиненность (жены), что двое уже не представляются двумя. Не сказал: в дух; но сказал: в душу, – так как это очевидно и вполне возможно, – но (сказал, что они соединяются) так, что бывают "**одна плоть**".

6. Хотя жен принадлежит также власть в доме, именно вторая, хотя она имеет начальство и равночестна мужу, – но при всем том, муж имеет нечто большее, именно –

преимущественное попечение о доме. Соответственно со Христом, он получил и то, чтобы не только любить (свою жену), как должно, но и благоустроить (жизнь ее). **"Дабы она была"**, – говорит, – **"свята и непорочна"**. Когда говорится – **"плоть"**, разумеется любовь; равным образом, когда говорится – **"прилепится"**, также разумеется любовь. Если ты сделаешь ее святой и непорочной, то за этим последует все. Ищи того, что Божье, а человеческое последует весьма легко. Управляй женой, и дом твой будет благоустроен. Послушай, что говорит Павел: **"Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих"** (1 Кор. 14:35). Если мы так будем управлять своими домами, то будем способны и к управлению церковью, потому что дом есть малая церковь. Таким образом, если хороши будут мужья и жены, то все будет превосходно. Вспомни об Аврааме, о Сарре, об Исааке, о трехстах восемнадцати домочадцах: как благоустроен был весь дом их, как он весь был полон благочестия! (Сарра) исполняла апостольскую заповедь и боялась мужа. Послушай, что она говорила: **"мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар"** (Бт. 18:12). И (Авраам) так любил ее, что слушал ее во всем, что она ни приказывала. И сын их был добродетелен, и самые домочадцы достойны удивления, так что не усомнились пойти и на опасность с господином своим, не колебались и не требовали объяснения. А один из них, начальствовавший над другими, был настолько дивный муж, что ему вверен был брак единокровного сына и отлучка в чужую землю. Как, если военачальник хорошо устроил войско, то ни откуда не ворвется враг, так и здесь: когда муж, жена, дети и слуги заботятся об одном и том же, в таком доме бывает великое единомыслие. Если же, напротив, бывает не так, то часто от одного дурного слуги все низворачивается и разоряется, часто один все губит и портит. Итак, будем прилагать особенное попечение о женах, детях и рабах, зная, что этим мы себе сделаем удобным начальство над ними, и снисходительный и благосклонный потребует от нас отчет (в этом начальстве), – мне скажем: **"Вот я и дети, которых дал мне Господь"** (Ис. 8:18). Если муж хорош и глава добрая, то и во всем теле не будет никакого беспорядка.

А каковы должны быть хорошие отношения между женой и мужем, это (апостол) выразил точным образом, сделав увещание ей – бояться мужа, как главы, а ему – любить ее, как жену. Но каким образом, скажешь, это может быть? Что это должно быть, он показал; а как это может быть, я вам скажу. Именно, если будем презирать деньги, если будем смотреть только на одно – на душевную добродетель, если будем иметь пред очами страх Божий. Что сказал он, рассуждая о рабах: **"Чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое"** от Господа (2 Кор. 5:10), то же и здесь. Не столько ради ее самой должно любить ее, сколько ради Христа. Имея это в виду, (апостол) и сказал: **"Как и Господь"**. Итак, делай все из повиновения Господу, и как бы ты все делал ради Него. Этого достаточно для побуждения и убеждения, и для того, чтобы не допустить никакого соблазна или беспорядка. Ни один верный не должен клеветать жен на мужа; но и муж не должен верить наветам на свою жену, точно так, как и жена не должна по-пустому следить за входами и выходами (своего мужа). Впрочем, и муж отнюдь не должен подавать повод к какому-либо подозрению на себя. Для чего, скажи мне, весь день ты проводишь с друзьями, а с женой только вечер, и через это ни ее не можешь удовлетворить, ни отдалить подозрение? Если жена укоряет тебя, не печалься: это – по дружбе, а не по дерзости. Упреки – плод горячей любви, страстного расположения и опасения. Она боится, чтобы кто не похитил у нее ее ложе, чтобы кто не повредил ей в важнейшем благе, чтобы кто не отнял у нее главы, чтобы кто не разорил (брачного) ложа. Есть и еще повод к несогласию. Никто сверх меры не должен привязываться к слугам, ни муж к служанке, ни жена к служителю, так как этого достаточно, чтобы родились подозрения. Припомним еще о тех праведниках. Сама Сарра повелела патриарху взять Агарь; сама приказала, никто не принуждал; не настаивал и муж. Но хотя и много времени прожил он бездетным, однако лучше согласился вовсе не

быть отцом, чем опечалить жену. И после всего этого, что говорит Сарра? **"Господь пусть будет судьей между мною и между тобою"** (Бт. 16:5). Если бы кто был другой (на месте Авраама), разве не пришел бы в гнев? Разве не поднял бы он рук и не сказал бы, например, так: что ты говоришь? Я не хотел иметь связи с этой женщиной, все произошло от тебя самой, – и ты еще упрекаешь меня? Но Авраам не сказал ничего подобного, – а что? **"Вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно"** (ст. 6). Выдал общницу ложа, чтобы не опечалить Сары. А ничто не может быть столь сильной причиной расположенности. В самом деле, если общение в трапезе производит то, что разбойники бывают расположены к своим врагам (и Псалмопевец говорит: **"который вместе со мною наслаждался пищею"** – Пс. 54:15), то тем более способно привязать единение плоти, – а это и есть общение ложа. Но ничто подобное не могло поколебать праведника: он выдал ее жене, показывая, что все случилось не по его вине, и, что особенно важно, отпустил ее беременной. Кто не сжалился бы над той, которая зачала от него ребенка? Но праведник не поколебался, потому что любовь к жене предпочитал всему.

7. Будем и мы подражать ему. Пусть никто не упрекает ближнего в бедности, пусть никто не будет привязан к деньгам, и – все будет решено. Пусть не говорит жена мужу: о, ты малодушный и робкий, неповоротливый, трус и сонливый! Вот такой-то и незначительный человек, низкого происхождения, но он презирал опасности, предпринимал странствования, и за то приобрел большое имение, теперь жена его ходить в золоте, выезжает в повозке, запряженной белыми мулами, везде принимается, имеет толпы слуг и множество евнухов; а ты прячешься от страха и живешь понапрасну. Пусть жена не говорит этого и ничего подобного, потому что она – тело, долг ее не управлять главой, но слушаться и повиноваться. Но как можно, скажут, перенести бедность? Откуда почерпнуть утешение? Пусть в таком случае она представит себе тех, которые гораздо беднее ее; пусть вспомнит, сколько почтенных и благородных девиц не только ничего не получили от своих мужей, но передали им и израсходовали на них все свое имущество; пусть подумает о беспокойствах, происходящих от таких богатств, и довольствуется жизнью безмятежной. Вообще, если она искренно расположена к мужу, то ничего такого не скажет, и лучше будет желать иметь его при себе, хотя бы он ничего не приобретал, чем, если бы он приобрел тысячи талантов золота, но жить вдали от него с печалью и заботой, которые всегда бывают у женщин вследствие долгой разлуки. Но и муж, который слышит это, как имеющий власть, пусть не прибегает к брани и ударам, но пусть увещевает, уговаривает, убеждает ее, как менее основательную в суждениях, но отнюдь не налагает рук, – это неприлично душе свободной, – не употребляет ни брани, ни упреков, ни поношения, но пусть руководить ею, как менее разумной. Но как это может быть? Когда узнает истинное богатство и ознакомится с высшим любомудрием, то ни в чем таком не провинится. Пусть он научит ее, что бедность вовсе не есть зло; пусть научит не слонами только, но и образом действий; пусть научит ее пренебрегать славой, – и жена ничего подобного не скажет и не пожелает. Как получивший драгоценное сокровище, он с самого того вечера, как введет ее в спальню, должен учить ее целомудрию, кротости, чтобы она жила честно и с самого начала и при первом входе в его дом покинула любовь к деньгам; пусть наставляет ее в любомудрии и увещевает, чтобы не было у нее золотых подвесок в ушах, над щеками и на шее, чтобы не было их в ее комнатах, чтобы не лежали там золотые и драгоценные одежды, – чтобы были на ней украшения изящные, однако ж, не такие, которых изящество предосудительно. Оставивши то, что свойственно играющим на сцене, укрась дом с большим благоприличием, чтобы он был полон лучше целомудрия, чем какого-либо благовония. От этого произойдут два или три блага. Первое – не будет печалиться невеста оттого, что, растворивши брачный чертог, каждому станут показывать одежды, и золотые и серебряные сосуды. Второе – жених не будет беспокоиться о покраже и о сохранении того, что там собрано. А еще третье, главное благо – то, что во

всем этом он покажет свое настроение, именно, что он не восхищается ничем этим, что он уничтожит и все прочее, и что никогда не позволит быть у себя пляскам и бесстыдным песням. Знаю, что, предписывая такие правила, я кажусь, может быть, кому-нибудь смешным. Но если поверите мне, то, по прошествии времени, когда сами увидите от этого пользу, вы поймете выгоду, и смех кончится; вы станете смяться уже над нынешними обычаями, увидите, что нынешние обычаи свойственны только неразумным детям и людям пьяным; а то, к чему убеждаю я, исполнено целомудрия и любомудрия и свойственно высшему образу жизни. Что же, говорю я, нужно? Изгони с брака все постыдные сатанинские песни, неблагопристойные припевы, сходбища бесстыдных юношей, – и это будет весьма назидательно для невесты. Тотчас она скажет сама себе: о, какой это муж! Он человек любомудрый; эту жизнь он считает за ничто; он ввел меня в дом свой для рождения и воспитания детей, для ухода за домом. Но это будет неприятно невесте? Может быть, один или два дня, но никак не далее; она почувствует величайшее удовольствие оттого, что ей не будет никакого повода к подозрению. Ведь тот, кто даже во время брака не допустил ни музыки, ни танцев, ни безобразных песен, тем более в другое время не позволит себе сделать или сказать что-либо постыдное, после же того, когда все это ты удалишь с брака, в отношении к самой невесте веди себя благопристойно, будь скромн в течение долгого времени и не скоро переставай быть таким. Хотя бы девица была и не так застенчива, но она сумеет себя сдерживать до времени, из уважения к мужу и по новости дела. Итак, не вскоре теряй эту скромность, как это делают люди бесстыдные, но храни ее долго. Это тебе принесет большую по пользу; да и невеста твоя не обвинит тебя за это, не станет жаловаться на такое твое поведение.

8. Итак, во все то время, пока стыд, как некая узда, наложенная на душу, не допускает никакого укора или упрека за твое поведете, – во все это время предлагай своей жене правила жизни. Если же (вместо этого стыда) будет дерзость, тогда не будет никакого опасения, и во всем может произойти беспорядок и замешательство. Поистине нет столь удобного времени для образования жены, как-то, когда она еще осторожна с мужем, боится его и стыдится. Тогда-то и должно излагать ей все правила, и она, волей или неволей, всему будет покорна. Но каким образом, спросят, сохранить эту стыдливость? Если ты будешь казаться стыдливым не менее ее, мало будешь говорить с ней, и то с большой важностью и рассудительностью. Тогда ты предлагай ей слова любомудрия, потому что тогда их принимает душа; тогда приводи и ее в наилучшее состояние, то есть, в состояние скромности. Если хотите, то я для примера скажу, о чем нужно с ней разговаривать. Ведь если Павел не усомнился сказать: **"Не уклоняйтесь друг от друга"** (1 Кор. 7:5), и высказал слова, произносимые обыкновенно женщиной, приставленной к невесте, или лучше, не ее слова, но духовной души, – то тем более не усомнимся сказать мы. Итак, что же нужно говорить ей? С великой любовью нужно говорить ей: мы взяли тебя, детушка, в спутницы жизни и сделали тебя своей общницей в том, что всего честнее и необходимее, в деторождении и управлении домом. О чем же нам просить тебя? Впрочем, лучше, если прежде этого ты поговоришь с ней о любви, потому что ничто так не способствует к убеждению слушателя в том, чтобы он принял слова наши, как уверенность его, что они говорятся с великой любовью. Как же тебе выразить свою любовь? Если скажешь: многих можно было мне взять, и богаче тебя, и знатного рода, но я не взял их, а полюбил тебя, твой образ жизни, твою кротость, скромность, целомудрие. Потом от этого тотчас старайся повести речь о любомудрии и нападай на богатство, но с некоторой осторожностью, потому что, если поведешь речь прямо против богатства, то покажешься слишком суровым. Но если воспользуешься поводом, то покончишь все, потому что будет казаться, что ты делаешь это в виде защиты, а не как какой-нибудь человек жестокий, неприятный и придирчивый; а если она подаст тебе повод, и ты им воспользуешься, то она даже порадуется. Итак, говори (необходимо опять повторить сказанное), что, хотя бы я мог взять за себя с состоянием и богатую, но я не захотел этого.

Почему? Не просто и не без рассуждения, но потому, что я хорошо научен, что богатство не есть какое-либо приобретение, но вещь достойная презрения, которая есть и у разбойников, и у блудниц, и у гробокопателей.

Поэтому, оставив его, я пошел к твоей душевной добродетели, которую предпочитаю всему золоту. Благоразумная и благородная молодая девушка, ревнующая при том о благочестии, (в моих глазах) стоит целой вселенной. Потому-то я и привязался к тебе и люблю, и считаю тебя дороже души моей. Настоящая жизнь ничего не значить, и я прошу, и умоляю, и всячески стараюсь сподобиться нам так устроить настоящую свою жизнь, чтобы можно было и там, в будущем веке, совершенно безбоязненно встретиться друг с другом. Настоящее время коротко и ненадежно; если же сподобимся перейти эту жизнь, благоугодив Богу, то будем пребывать вечно и с Христом и друг с другом в великой радости. Я всему предпочитаю твою любовь, и ничто не может быть для меня так тяжело, как когда-нибудь разлучиться с тобою. Хотя бы мне предстояло все потерять, сделаться беднее Ира, подвергнуться величайшим несчастиям, словом – потерпеть что бы то ни было, я ничего не усташусь, все перенесу, пока будет продолжаться твоя расположенность ко мне; и дети для меня лишь тогда будут вожделенны, когда ты будешь искренно расположена к нам. Так тебе будет нужно сделать. Потом вставь и апостольские слова о том, какого тесного единения и благомыслия требует от нас Бог. Скажи ей: послушай, что говорит Писание: "Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей". Пусть же не будет у нас никакого повода к неудовольствию. Пусть и деньги, и множество слуг, и внешние почести имеют свое значение; но для меня это (семейное согласие) всего дороже. Не будут ли такие слова убедительнее для жены, чем изобилие золота или сокровищ? Не бойся, что возлюбленная твоя когда-нибудь изменить тебе; смело признайся, что ты ее любишь. Публичные женщины, которые сегодня выражают страсть к одним, а завтра к другим, справедливо восстают на своих любовников, когда слышат от них такие речи. Но свободная женщина и благородная девушка никогда не разгневается по поводу таких слов, а скорее – будет убеждена ими. Показывай, что ты дорого ценишь ее общество и предпочитаешь быть для нее дома, а не на площади; предпочитай также ее всем друзьям и Детям, родившимся от нее: и их люби из-за нее. Если она сделает что-нибудь хорошо, хвали и удивляйся; если же – что-нибудь неуместное и свойственное молодости, убеждай и увещевай. Всячески нападай на богатство и расточительность; указывай ей украшение в скромности и честности, и постоянно учи тому, что нужно.

9. Молитвы у вас пусть будут общие; каждый пусть ходит в церковь, и муж пусть спрашивает на дому у жены отпеть в том, что там говорилось и читалось, а она – у мужа. Когда постигнет бедность, припомни святых мужей – Павла, Петра, которые прославились более всех царей и богачей, а жили как? – в голоде и жажде. Учи свою жену, что ничто так не страшно в жизни, как оскорбить Бога. Если кто женится, так и для этой цели, то он не многим меньше монахов, и женившийся – не женившихся.. Если же хочешь сделать обед или устроить пиршество, то не зови никого бесчестного, никого неприличного, но если найдешь какого-нибудь святого бедняка, который может благословить дом ваш, может, ступя к вам ногою, принести всякое благословение Божье; призови его. Скажу еще нечто другое. Никто из вас пусть не старается жениться на такой, которая богаче вас, но лучше на такой, которая беднее. Вошедши с деньгами, она принесет не столько удовольствия, сколько скорби своими упреками, своими излишними требованиями, своей бранью, расточительностью, грубостью. Она, может быть, будет говорить: ты еще ничего не истратил на меня; я одеваюсь на свои деньги, которыми наградили меня родители. Но что ты говоришь, женщина, будто ты одеваешься еще в свое? Что несмысленно таких слов? Не имеешь своего тела, а имеешь свои деньги? После брака вы уже не две плоти, но сделались "одна плоть", а имений два, а не одно? О,

сребролюбие! Оба вы сделались одним человеком, одним живым существом, а ты все говоришь: это мое? От дьявола привнесено это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимее этого, Бог сотворил общим для нас, а это – не общее? Нельзя сказать: мой свет, мое солнце моя вода; все важнейшее – у нас общее, а деньги – не общие? Тысячекратно пусть погибнут деньги, или лучше не деньги, а душевные расположения, которые мешают разумно пользоваться деньгами, и побуждают предпочитать их всему. Между прочим, учи свою жену и этому, только с великой любовью. Так как увещание к добродетели само по себе включает много тягостного, особенно для нежной и молодой девицы, то, когда будут разговоры о любомудрии, придумывай больше ласковых выражений, и в особенности исторгни из души ее понятия: "мое, твое". Если она скажет: мое, то скажи ей: что ты называешь своим? Я не знаю, я не имею ничего своего. Как ты говоришь: мое, когда все твое? Приласкай ее этими словами. Не видишь ли, что мы так поступаем в отношении к детям? Когда дитя схватит что-нибудь, что мы держим, и захочет еще взять что-нибудь другое, мы ему уступаем и говорим: да, это и то твое. Также станем поступать с женой, – так как разум ее скорее детский, – и когда скажет: мое, говори: все твое и я твой. Эти слова – слова не лести, но великого благоразумия. Этим ты можешь угасить гнев ее и потушить досаду. Лесть состоит в том, когда кто поступает неблагородно по злему расположению; а это – величайшее любомудрие. Итак, говори: и я твой, детушка. В этом меня убедил Павел, который сказал: **"Муж не властен над своим телом, но жена"** (1 Кор. 7:4). Если же я не имею власти над собственным телом, но – ты, то тем более – над деньгами. Говоря так, ты успокоишь ее, угасишь огонь, посрамишь дьявола, сделаешь ее рабой, покорной более, чем купленная за деньги; этими словами свяжешь ее. Таким образом посредством того, что ты говоришь, научи ее никогда не говорит: мое, твое. И не просто зови ее, но с лаской, с честью, с большой любовью. Уважай ее, и она не будет нуждаться в уважении от других, не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим (уважением и одобрением). Предпочитай ее всем, во всех отношениях, и в отношении красоты, и благоразумия, хвали ее. Таким образом, ты убедишь ее не внимать никому постороннему, но пренебрегать всеми чужими. Учи ее страху Божьего, и все потечет к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многочисленных благ. Если станем искать нетленного, то придет и это тленное: **"Ищите же"**, – сказано, – **"прежде Царства Божьего и правды Его, и это все приложится вам"** (Мф. 6:33). Каковы будут дети от таких родителей? Каковы слуги у таких господ? Каковы все приближенные к ним? Не будут ли и они исполнены бесчисленных благ? Ведь и слуги, по большей части, воспринимают обычаи своих господ и подражают их стремлениям: то же любят, что и они; говорит о том, что узнали от них; тем же и занимаются. Итак, если подобным образом будем направлять самих себя и внимать Писанию, то многому от него научимся, и через это сможем угодить Богу, и всю настоящую жизнь провести в добродетели, и получить блага, обещанные любящим Его, которых да сподобимся все мы благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле" (Еф. 6:1–3).

1. Как художники, изображая тела, начинают с головы, потом переходят к шее, и наконец к ногам, – точно так поступает блаженный Павел в своих речах. Сказав прежде о муж, потом о жен, второй власти, наконец последовательно приступает к третьей, – говорит о детях, – потому что над женой господствует муж, а над детьми муж и жена. Итак, слушай,

что он говорит: **"Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, это первая заповедь с обетованием"**. Здесь не беседует ни о Христе, ни о (других) возвышенных предметах, потому что умы, к которым обращает свою речь, еще нежны; поэтому же и увещание делает краткое, так как дети не могут следить за длинным словом. По этой же причине и о царствии (Божьем) не говорит, – не такому возрасту слушать об этом, – но чего больше всего и особенно желает слышать младенческая душа, о том и говорит, именно, что она будет долголетна. Если же кто станет доискиваться, отчего (апостол) не говорит детям о царствии, а предлагает заповедь из закона (Моисеева), – тем мы скажем, что (он поступил так с ними потому, что) они еще очень молоды, и потому еще, что весьма хорошо понимал, что если муж и жена верны будут тому закону, который он им изложил, то для них не будет стоять большего труда подчинить и детей тому же закону. Когда дело получает доброе начало и имеет верное и прочное основание, тогда оно идет и направляется весьма легко. Но положить основание и поставить опору – в этом-то и заключается немаловажная трудность. **"Дети"**, – говорит он, – **"повинуйтесь своим родителям в Господе"**, т. е. по воле Господа, – Бог, говорит, повелел так. Но как поступать, если бы приказания были непристойные? Правда, едва ли какой-нибудь отец, даже самый бесчестный, станет приказывать своим детям что-либо непристойное. Однако ж и для подобного случая (апостол) дает наставление, сказав: **"В Господе"**, т. е. так, чтобы (исполнением воли родителей) тебе не оскорбить Бога. Например, если отец будет язычник, или еретик, то уже не следует слушаться его, потому что это не **"в Господе"**. Но в каком смысле сказано: **"это первая заповедь"**? Первыми следовало бы назвать: **"Не убей, не прелюбодействуй"**. (Апостол) называет эту заповедь первой не в отношении к порядку, а в отношении к обетованию. Одни заповеди, как направленные против зла и в отвращение зла, не соединены с наградой, а к другим, как руководящим к совершению добра, прилагается и обетование. Заметь, какое удивительное основание для добродетели полагает (апостол), – и справедливо, – в почитании и уважении родителей! Запретив худые поступки и намереваясь приступить (к учению) о добрых делах, он заповедует, прежде всего, почтение к родителям, так как они для нас после Бога главные е виновники жизни; поэтому справедливо они же первые имеют право вкусить от нас добрых (плодов), а потом и все прочие люди. Если же кто непочтителен к родителям, тот будет ли когда-нибудь таковым в отношении к сторонним лицам? Сделав увещание, какое нужно было, детям, (апостол) переходит к отцам, говоря: **"И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем"** (ст. 4). Не сказал: любите их; к этому влечет их, хотя бы они этого не хотели, самая природа, а потому излишне было полагать закон касательно этого предмета. Но что говорит? **"Не раздражайте детей ваших"**, как это делают многие родители, лишая детей своих наследства, оставляя их без призрения, обращаясь с ними жестоко, как с рабами, а не как со свободными. Поэтому говорит: **"Не раздражайте детей ваших"**. Затем, что самое главное, указывает, как сделать их послушными, и говорит, что это всецело зависит от главы и начальника. Как причину послушания жены он указал в ее муж, с которым потому и говорит о многом, умоляя его, между прочим, привлекать к себе жену силою любви, так и в настоящем случае в нем же полагает причину (послушания детей), когда говорит: **"Но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем"**. Видишь ли, что, когда есть духовное (добро), за ним явится и плотской? Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его **"в учении и наставлении Господнем"**. Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: **"Почитай отца твоего и мать"** – слова, направленные к твоей пользе. Не говори: это (слушание Писаний) дело монахов; ужели мне сделать его монахом? нет надобности быть ему монахом! Что это в тебе за страх, – боишься того, что преисполнено многих выгод? Сделай его христианином. И мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся здесь (в Писании), а особенно детям. Дети в этом возрасте многого не знают, к незнанию же присоединяется еще то, что они узнают нечто из сочинений языческих, изучая в них

жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и боялись смерти, каков, например, Ахиллес, безутешный и умирающий за наложницу, или другой, предающийся пьянству, и проч. в этом роде. Итак, он (сын твой) нуждается в этих лекарствах.

2. Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их для этого в училище, ничего не жалеть для этого, а о воспитании их "в учении и наставлении Господнем" не заботиться? Сами же мы первые и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Не будем же поступать таким образом и послушаем увещания блаженного (Павла): станем воспитывать их **"в учении и наставлении Господнем"**, подадим им пример, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Писаний. Увы! Я постоянно говорю это, только, мне думается, понапрасну. Но, при всем том, я не перестану исполнять свой долг. Отчего, скажите мне, вы не подражаете древним? Особенно вы, женщины, должны бы ревновать дивным древним женам. Родилось у тебя дитя, – подражай Анне. Послушай, как поступила она: она тотчас привела его в храм. Кто из вас не пожелал бы, чтобы его сын лучше был однажды Самуилом, чем тысячу раз царем всей вселенной? Скажете: как это можно? А почему же невозможно? Потому только невозможно, что ты не желаешь и не поручаешь его Тому, кто может сделать его таковым. Кто же, спросите, может это сделать? Бог. Потому она (Анна) Ему и поручила (своего сына). Сам Илий не очень был способен к тому, чтобы образовать его; да и как он мог это сделать, когда не в силах был (управиться) со своими собственными детьми? Но вера женщины и ее усердие всего достигли. Родив первенца, одного, и еще не зная, будут ли у нее другие дети, она не говорила: подожду; вот вырастет ребенок; пусть насладится жизнью; позволю ему у себя принести отроческие годы. Нисколько не думая об этом, она помышляет об одном, как бы посвятить от начатков этот образ духовный Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрия женщины: она представила его Богу, и там его оставила. Это прославило и супружеский союз ее, потому что, принеся первый плод (Богу, она этим показала, что) искала, прежде всего, духовного; поэтому-то и чрево ее сделалось благоплодным, и она имела потом других детей; поэтому же она видела, каким почетом в мире пользовался (сын ее). Если и люди за почтение платят почтением, то не гораздо ли более Бог, Который впрочем нередко делает это, и не будучи сам почитаем? Доколь же мы будем оставаться плотскими? Доколь будем пресмыкаться по земле? Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их "в учении и наставлении Господнем". Кто, прежде всего, научится быть любомудрым, тот через это приобретет богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему искусство и внешнее знание, посредством которых он станет приобретать деньги, как – научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат не тот, кто нуждается в большом имуществе и владеет многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; в этом – величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому и бедному; этому научаются не от учителей и не при пособии наук. а из Божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой. Давай ему великое, а не малое. Внимай словам Павла: "воспитывайте их в учении и наставлении Господнем". Не ритором старайся сделать его, но научи его любомудрствовать. Если он не будет ритором, отсюда не произойдет еще никакого вреда; а при отсутствии любомудрия, самое обильное риторство не принесет никакой пользы. Нужно благоповедение, а не остроумие нравственность, а не сила речи, дела, а не слова: вот что доставляет царство, дарует действительный блага. Не язык изощряй, но душу очищай. Говорю это не с тем,

чтобы запретить образование, но – чтобы не привязывались к нему исключительно. Не думай, будто одним монахам нужны наставления от Писаний; весьма многие из этих наставлений потребны и для тех детей, которые должны вступить в эту (мирскую) жизнь. Как при снаряжении корабля нужен бывает кормчий и полное число пловцов не тому, кто всегда стоит на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходством, точно то же (должно сказать) и относительно монаха и мирского человека. Первый, как бы находясь на необуреваемой Пристани, проводить жизнь беззаботную и огражденную от всякого волнения; а последний постоянно обуревается и плывет среди моря, сражаясь со множеством треволнений. Хотя бы он сам (мирской человек) и не имел нужды (в наставлении), но ему оно может быть нужно, чтобы, если случится, он был в состоянии заградить уста других.

3. Поэтому, кто, чем большим пользуется почетом в настоящей жизни, тем более, нужно для него такое образование. Вращается ли кто в царском дворце, – там много эллинов, философов, людей надутых временной славой, – здесь точно место, наполненное страдающими водянкой. Таков именно царский двор. Там все напыщены и надуты, а кто нет, те стараются сделаться такими. Каково же, подумай, если сын твой, вступивши туда, входить, как самый лучший врач, с инструментами, которые в состоянии укротить надменность каждого, подходить к каждому и разговаривает, врачует больное тело, прикладывает лекарство из Писаний, расточает любомудрые речи. Инок с кем будет говорит? Со стеной (своей кельи) или с кровлей? С пустыней или дебрями? С горами или деревьями? Итак, для него не очень необходимо подобное учение; несмотря на то, он старается усовершенствовать себя в нем, не с тем, чтобы других наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущих в этой (мирской) жизни, то им весьма нужно такое учение, потому что мирскому человеку более представляется соблазнов к греху, нежели монаху. И, если тебе угодно, знай, что он (с таким образованием) и в свете будет самым приятным человеком. Все станут уважать его за такие речи, когда увидят, что он не вспылчив и не домогается власти; впрочем, он получить власть и не домогаясь ее, и у царя будет в большом почете. Ведь такому нельзя укрыться: здоровый среди множества здоровых может остаться незамеченным; но если между множеством больных найдется один здоровый, то слух о нем скоро достигнет ушей царских, и ему будет поручено начальство над многими народами. Зная это, **"воспитывайте их в учении и наставлении Господнем"**. А если кто-нибудь беден? Пусть останется бедным. Что он не будет находиться при дворе, этим он несколько не будет ниже того, кто служить при дворе; напротив может сделаться предметом удивления, и скоро получить власть, какую ему угодно, а не ту, какая достается по назначению. Если эллины, люди, стоящие не более трех обол, циники (κύνες – собаки), принявши такую же, стоящую не более трех обол, философию (подлинно такова эллинская философия), или вернее – не самую философию, а только ее имя, облекшись в мантию и отравивши волосы, посрамляют многих, – то не к большему ли способен истинный философ. Если ложная личина, только кажущаяся тень философии так возвышает, то что, когда мы полюбим истинную светлую философию? Не все ли станут уважать ее? Не поручать ли таким (философам), без всякого опасения, и дома, и жен, и детей? Но нет, нет ныне таких философов! А потому нельзя найти и примера. Есть, впрочем, между монахами, между мирянами же нет. Что между монахами находятся такие примеры, в доказательство можно привести многих; но я укажу на одного из многих.

Вероятно, вы знаете, слышали, а некоторые, конечно, и видали человека, о котором я намерен говорить теперь: я разумею дивного Юлиана. Это был человек простого звания, смиренный; родился он в незнатном месте и вовсе несведущ был в светской мудрости, но преисполнен истинного любомудрия. Когда он являлся в городе, – что случалось редко, – то около него столько стекалось народа, что ни около риторов, ни около софистов, ни

около другого кого не бывало подобного стечения. Что же сказать об этом? Не более ли всех царей прославляется имя его и поныне? Итак, если столько (возвышены истинные любомудры) в этом мире, где Владыка не обещал нам никакого блага, – в мире, в котором, по Его словам, мы чужие, – то размыслим, какие блага уготованы для них на небесах? Если здесь, где они пришельцы, такая им честь, то какой славой они будут наслаждаться там, где они – граждане? Если здесь, где обещана скорбь, таков им почет, то каково будет успокоение их там, где общаются действительные почести? Хотите ли, чтобы мы указали и на (любомудрствующих) мирян? Но теперь их нет у нас. Правда, и между мирянами есть люди благоговейные, но они не восходят на высоту любомудрия. А потому представлю вам примеры из древних и святых. Сколь многие из тех, которые имели жен и воспитывали детей, были ничуть не хуже, повторяю, ничуть не хуже упомянутых нами! Но теперь их уже нет, вследствие наступившей нужды, как говорит этот блаженный. О ком же, хотите, чтобы я вам сказал? О Ное, или об Аврааме? О сыне последнего, или о сыне первого? Или об Иосифе? Или вы хотите послушать о пророках – Моисее, или Исаии?

4. Но, если угодно, остановим слово на Аврааме, на которого особенно все указывают нам постоянно. Не имел ли он жены? Не было ли у него детей? Скажу вам и сам то же самое, что вы говорите нам. Он имел жену, но не это сделало его знаменитым, что у него была жена. Имел богатство, но не через богатство сделался угодным Богу. Родил детей, но и не за то был ублажаем, что имел детей. Приобрел триста восемнадцать домочадцев, но и не поэтому сделался предметом удивления. Хочешь ли знать, что (его прославило)? То, что он любил странников, презирал богатство, был скромн. Скажи мне, какое свойство философа? Не презирать ли богатство и славу? Не стоять ли выше зависти и всякой страсти? Теперь поставим на средину Авраама, разоблачим его и посмотрим, каков он был философ? Во-первых, он не дорожил отечеством: **"Пойди"**, – сказал ему (Господь), – **"из земли твоей, от родства твоего"** (Бт. 12:1), – и он тотчас вышел. Его не удержал в этом случае ни родительский дом, ни узы дружбы, и ничто другое, – иначе он бы не вышел. Потом, он нисколько не дорожил ни славой, ни богатством; так, когда на войне он обратил в бегство неприятелей, и ему предлагали взять добычу, он с презрением отверг ее. Равным образом и сын его не через богатство свое сделался достойным удивления, но за страннoлюбие, не потому, что имел детей, но потому, что был послушен, и не потому, что имел жену, а потому, что жена его была неплодная. (Оба они, Авраам и Исаак) считали за ничто настоящую жизнь, не искали богатства и всем пренебрегали. Скажи мне, какие из растений самые лучшие? Не те ли, которые сами в себе содержат силу, и ни от дождя, ни от града, ни от стремления ветров, ни от других каких-нибудь подобных причин не терпят вреда, но стоя открыто, и не имея нужды ни в кровле, ни в ограждении, как бы все презирают? Таков истинный философ, таково его богатство! Он ничего не имеет, и все имеет; все имеет, и ничего у него нет. Стена не внутри, а извне, и ограда не от природы, а отвне воздвигается. Еще, скажи мне также, какое тело бывает особенно крепко? То ли, которое здорово, которое удобно переносить голод, не требует пресыщения, не терпит от стужи, равно как и от жара, – или то, которое неспособно переносить всего этого, и, кроме того, для своего здоровья нуждается в поварях, ткачах, охотниках и врачах? Подлинно, только истинный философ, который не нуждается ни в чем подобном, есть богач. Поэтому-то блаженны и (Павел) и говорил: "воспитывайте их в учении и наставлении Господнем". Итак, не во внешних благах ищите ограждения (для детей своих): в этом богатство, в этом слава. Когда (временная слава и богатство) пройдут, – а он непостоянны, – то (люди, обладавшие ими) бывают подобны беспомощному, поврежденному растению, которое не только не приносило никакой прибыли в прошедшем, но еще производило убыток. Так защита, которая должна была ограждать от стремления ветров, теперь вдруг произвела падение.

Значить, богатство скорее вредит, если делает нас неподготовленными к перенесению превратностей жизни. Итак, образуем детей так, чтобы они могли переносить все, и знали, как должно поступать среди несчастий, воспитаем их **"в учении и наставлении Господнем"**, – и нам воздастся великая награда. В самом деле, если люди, делающие изваяния царей и пишущие их портреты, пользуются большим почетом, то мы, которые украшаем образ Царя небесного (потому что человек есть образ Божий), не будем ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что восстанавливаем Божье подобие? Именно с этим может сравниться добродетель души, когда научим детей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодеяния, человеколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставим их не дорожить земными благами. Итак, образовать и упорядочить себя и их – вот наша обязанность! Иначе, как мы дерзнем предстать престолу Христову? Ежели тот, у кого дети необузданны, недостойн епископства, то тем более (он недостойн) царства небесного. Но что ты говоришь? Ужели, если наши жены и дети будут беспорядочны, ее то мы будем подлежать за них ответу? Да, если (это случится) от непринятая нами строгих мере, потому что для спасения недостаточно нам собственной добродетели. Если не употребивший в дело одного таланта не только не получил никакой е! награды, но еще наказывается известным образом, то ясно, что собственной добродетели недостаточно для спасения, а требуется еще (добродетель) другого. Итак, позаботимся о женах, будем особенно предусмотрительны в отношении к детям, домашним и к себе самим; когда же начнем приводить в порядок и себя и их, то станем молить Бога, чтобы Он помог нам в трудах наших. И Он поможет, когда увидит, что мы об этом стараемся, к этому прилагаем свои заботы; если же мы ничем не заняты, то и Он не подаст нам Своей помощи. Ведь не тогда Бог дарует нам помощь, когда мы спим, но когда и сами мы трудимся. Помощник помогает не праздному, а тому, кто и сам работает. Впрочем благой Бог силен сам Собою совершить дело, чтобы все мы сподобились наследовать обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

"Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божью от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, рабы ли, или свободный" (Еф. 6:5–8).

1. Итак, не муж только, не жена, не дети, но и слуги со своими добродетелями входят в состав дома и обуславливают его благоустройство. Поэтому блаженный Павел и этой части не оставил без внимания, но напоследок приступает к ней, так как и по достоинству она занимает последнее место. И с ними (рабами) много рассуждает он, и уже не как с детьми, но гораздо возвышеннее. Он не дает им здесь обетования, а указывает на последствия: **"Зная"**, – говорит он, – **"что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал"**. Учит даже любомудрствовать, потому что хотя они по достоинству ниже детей, но смысла имеют больше их. **"Рабы"**, – говорит он, – **"повинуйтесь господам своим по плоти"**. Тотчас ободрил опечаленную душу, тотчас утешил ее. Не скорби, как бы так он говорит, что твоя доля ниже положения жены и детей: это рабство только по имени, и господство по плоти, следовательно господство временное и непродолжительное, потому что все плотское скоропреходяще. **"Со страхом"**, – говорит, – **"и трепетом"**. Видишь ли, что неодинакового страха требует от жены и от рабов. Там просто сказал: **"Жена да боится своего мужа"**, а здесь, усиливая речь, говорит: **"со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу"**. Часто он повторяет это.

Но что говоришь ты, блаженный Павел? Он (раб) – брат (своему господину); он получил одинаковые с ним блага, одинаковое тело, а что всего важнее – сделался братом не только своего господина, но самого Сына Божьего, наслаждается равными с ним благами, и ты говоришь: **"Повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом"**? Но поэтому-то я и говорю так, отвечает (апостол). Если свободным повелеваю подчиняться друг другу ради страха Божьего, как выше сказано: **"Повинуйся друг другу в страхе Божьем"**, если жене приказываю бояться своего мужа, хотя она имеет равную с ним честь, то тем более слуге. В этом нет бесчестия, напротив, это высокое благородство – уметь унижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободным с большим страхом и трепетом. **"В простоте сердца"**, – говорит. Хорошо сказано, так как можно служить со страхом и трепетом, однако ж, не с добрым расположением, но кое-как. Есть много таких, которые втайне весьма много делают зла господам своим. Такое-то худое поведение (апостол) и старается устранить, говоря: **"В простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божью от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам"**. Видишь ли, как много требовал (Павел), когда внушал добро словами: **"с благоразумием и от души"**? Мы видим, что многие служат своим господам **"со страхом и трепетом"**, и к этому много побуждает строгость господина. Но покажи, говорит он, что ты служишь как раб Христов, а не как раб человека; сделай так, чтобы (твои служебные занятия) были у тебя добродетелью, а не следствием необходимости. Как того, кто терпит обид от другого, (Христос) убеждает и научает, как увидим ниже, принимать обиду, как благо для себя, и терпеть ее по собственному изволению, точно так же и рабов (учит апостол). Ударивший в ланиту решился на такой поступок не по мыслям того, кого он ударил, а по собственной злобе, – и, однако ж, что сказано? **"Обрати к нему и другую"** (Мф. 5:39), чтобы ты мог показать, что и первая не против воли тобой подставлена. Решившийся потерпеть лишний раз удар обратил и то, что было не его делом, в свое дело, когда дал поразить и другую ланиту, а не ограничился одним перенесением обиды: последнее, пожалуй, можно счесть за следствие страха, но в первом много любомудрия. Итак, ты показал бы (тогда), что перенес это ради любомудрия. Так и теперь ты покажи в свою очередь, что несешь это рабство добровольно, а не как человекоугодник. Человекоугодник – не раб Христов, и раб Христов – не человекоугодник. Кто в самом деле, будучи рабом Божьим, захочет угождать людям? Напротив, кто, угождая людям, может быть рабом Божьим? **"от души"**, – говорит, – **"служба с усердием"**. Хорошо это сказано, так как можно служить в простоте и без злобы, однако ж, не всеми силами, а только выполняя долг. Поэтому говорит: по усердию, а не по необходимости, по доброй воле, а не по принуждению. Если будешь служить, таким образом, именно: по доброй воле, с благоразумием, от души, ради Христа, – то ты не раб. Такое рабство несет и Павел, человек свободный, когда, взывая, говорит: **"Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса"** (2 Кор. 4:5).

2. Видишь ли, как у твоего рабства отнимается бесчестие? Подобно тому, как если бы какой-нибудь человек, после того, как у него отняты деньги, прибавил бы еще от себя своему похитителю, не может почитаться обнищавшим, но достаточным, не может почитаться обнищавшим, но достаточным, не может быть причислен к потерпевшим зло, но к делающим добро, и таким благодеянием он покрыл бы (своего грабителя) еще большим позором, нежели какой он навлек на себя своим грабительством, – так точно и в настоящем случае: если раб в самых изнурительных трудах ведет себя великодушно, показывая, что он не чувствует насилия, то от этого больший стыд для его господина. Итак, будем служить господам ради Христа. **"Зная"**, – говорит (апостол), – **"что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный"**. Так как вероятно между господами было много неверующих, которым этот стыд был

неизвестен, и которые потому не воздавали своим слугам за послушание, то вот (апостол) утешает рабов, чтобы они не отчаивались в воздаянии, но ободряли себя (ожиданием высшей) награды. Как люди благодетельствованные, и не воздающие благодарности своим благодетелям, тем самым обязывают воздавать им за себя самого Бога, так точно и господя, пользующиеся твоими услугами, если не награждают тебя, то тем самым доставляют тебе большую награду, делая должником твоим Бога. **"И вы, господя"**, – говорит, – **"поступайте с ними так же"** (ст. 9). Что такое – **"так же"**? Благоклонно служите. Хотя (апостол) не сказал: **"Служите"**, но словом: **"так же"** он выразил эту мысль, потому что и господин служит. **"Не как человекоугодники"**, – говорит, – **"со страхом и трепетом"**, т. е., со страхом Божьим, опасаясь, как бы когда-нибудь Он не осудил нас за нерадение о рабах. **"Умеряя строгость"**. Не будьте, говорит, жестокими и строптивыми. **"Зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь"**. Увы! Какой намек! Как сильно устрасил! То есть: **"Какой мерой меришь, отмерится и тебе"**. Чтобы тебе не услышать: **"Злой раб! весь долг тот я простил тебе"** (Мф. 18:32). **"У Которого нет лицепрятия"**. Не подумай, говорит, что за обиду, причиняемую рабу, (Бог) простить потому, что она причинена рабу. Внешние законы, как законы человеческие, допускают еще различие по происхождению, но закон общего Владыки не знает никакого различия, так как благодетельствует всем вообще и наделяет всех одним и тем же.

А если кто станет спрашивать: откуда же рабство, и зачем оно явилось в жизни человеческой, – как многие, я знаю, с любопытством спрашивают об этом, и желают знать это, – то я вам скажу: от любостязания произошло рабство, а также от зависти, от ненасытной алчности. Ной не имел рабов, ни Авель, ни Сиф, ни другие после них. Это состояние произвел грех, состоящий в неуважении к родителям. Пусть знают дети, что они достойны быть рабами за непочтение к родителям! (Кто не почитает своих родителей) тот лишается своего благородства, потому что презирающий отца своего более уже не сын его. Если же презирающий (земного) родителя уже перестает быть его сыном, то как останется сыном Отца нашего (небесного) тот, кто Его презирает? Он исключен из благородного сословия, он оскорбил свою природу. Потом (к появлению рабского состояния) способствовали войны, сражения, где стали брать пленных. Но, скажут, и Авраам имел рабов? Да, имел; но известно, что он обращался с ними не так, как с рабами. Так (апостол) все направляет к глав: жену, чтобы муж, как сказано, любил ее, – детей, чтобы воспитывал их **"в учении и наставлении Господнем"**, – рабов, **"зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь"**. Этим как бы так говорит: так как и сами вы тоже рабы, то будьте человеколюбивы и снисходительны. Далее, если вам угодно будет выслушать, мы и о слугах скажем то же самое, что прежде сказали о детях: учите их быть благоговейными, и они сделаются такими. Но ныне иной, отправляясь в театр или идя в баню, тащить с собою туда же и всех детей, а в церковь не берет их, – не заставляет их ходить туда, чтоб слушать христианское учение. Как же раб услышит, когда ты, господин, прислушиваешься совсем к другому? Ты прибрел, купил раба? Приказывай ему прежде всего жить по воле Божьей, чтобы он был кроток в отношении к своим товарищам, чтобы особенно заботился о добродетели. Дом каждого есть как бы город, и каждый хозяин есть начальник над собственным домом. Что действительно так, это хорошо видно при взгляде на дом людей богатых, где есть и поля, и управители, и начальники над начальниками. Впрочем, и дом бедного я уподобляю также городу. И здесь есть власти, именно: муж управляет женой, жена – слугами, слуги – своими женами, а мужья и жены – своими детьми. Итак, не представляется ли тебе, что (глава семейства) есть как бы некий царь, у которого находится в подчинении столько начальников? И не следует ли ему быть всех искуснее и опытнее в управлении домом? Кто отлично сведущ в этом деле, тот сумеет выбрать для себя способных начальников, и точно – выберет блистательных. А жена все-таки останется другим царем в дом, хотя без диадемы, и кто умнеть избирать этого царя,

тот и остальное все хорошо устроить. **"Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом"** (ст. 10). (Апостол) когда намеревается закончить речь, всегда употребляет это выражение.

3. Не хорошо ли я сказал в начал, что дом каждого есть целое войско? Кто поставил всех начальников, тот же в свою очередь вооружает их и ведет на войну. Если никто не похищает власти у другого, а каждый остается на своем месте, тогда все будет в хорошем состоянии. **"Укрепляйтесь"**, – говорит, – **"Господом и могуществом силы Его"**, то есть, в надежде на Него, через Его помощь. Так как он повелел многое и при том должное, то и говорит: не бойтесь, возложите надежду на Господа, и Он все облегчит для вас. **"Облекитесь во всеоружие Божье, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских"** (ст. 11). Не сказал: против сражений, против войн, но: **"Против козней"**. Враг наш не просто и не открыто воюет с нами, но с коварством. Что такое – козни (μεδοδεία)? Строить козни (μεδοδείσαι) значить обольстить и одолеть хитростью: это бывает и в искусствах, и в словах, и в делах, и в борьбе, когда нам случается иметь дела с обманщиками. Скажу для примера: (враг) никогда не предлагает явных грехов, не называет идолослужения, но, по своему коварству, устраивает это иначе, именно: пользуется предложениями, выставляет уважительную причину. Итак, (апостол) уже и этим ободрил воинов и заставил их трезвиться, когда научил и убедил, что у нас борьба с врагом опытным в воинских делах, что эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великой хитростью. Сначала указанием на свойства и многочисленность врага – он побуждает учеников своих к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу (дьяволу), но ободрить их и подвинуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает трезвости. Если бы он указал им только на силу врагов и на этом и остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их. Чем более мы разъясняем своим сообщникам силу наших неприятелей, тем более побуждаем их к осторожности. **"Потому что наша брань"**, – говорит, – **"не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных"** (ст. 12). Представив им побуждение к особенной бдительности от свойства брани, потом внушает им бодрость указанием предстоящих подвигов. Каким образом? Сказав, что враги сильны, он навел на мысль, что и многого мы от них лишаемся. Чего же? Борьба происходит в поднебесной, и не из-за денег, не из-за славы, но из-за пленения в рабство. Стало быть, вражда становится непримиримой. Соперничество и борьба бывают сильнее, когда они происходят из-за предметов важных. В поднебесной (ἐν τοῖς ἐπουρανίοις) – это то же, что за (ὐτέρ) небесное. (Враги наши воюют с нами) не для того, чтобы, после победы, чем-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы нас лишить (неба). Так, если бы кто-нибудь сказал: ἡ συνθήκη ἐν τινὶ χεῖται (договор заключается в чем-нибудь), то здесь: ἐν (в) соответствовало бы: ὐτέρ (за) или διὰ (для). Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага, и какая трезвость происходит оттого, что мы узнаем, что действительная опасность предстоит нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, – потому что враг наш старается свергнуть нас с неба. Кого это называет (Павел) **"Против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего"**? И какой тьмы? Не ночной ли? Нет, – греховной. Мы были, говорит он, некогда тьмой, – называя так грех в настоящей жизни, потому что он уже больше не будет иметь места ни на небе, ни в грядущем веке.

Миродержителями же называет (дьяволов) не потому, чтобы они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Греховные дела Писание обыкновенно называет миром, например, в изречении Христа: **"Потому что вы не от мира, как и Я не от мира"** (Иоан. 17:14). Разве, в самом деле, (апостолы) были не от мира? Не были ли они облечены плотью? Но принадлежали ли к находящимся в мире? И в другом месте: **"Мир Меня**

ненавидит, а вас не может ненавидеть": и здесь также миром называет злые действия. Или, быть может, здесь под миром он понимает самих злых людей, потому что демоны на них преимущественно простирают власть свою. **"Против начальств, против властей"**, – говорит, – **"против духов злобы поднебесных"**. **"Началами"** и **"властями"** называет их, по подобно того, как и между небесными (духами) есть престолы, господства, начала, власти. **"Для сего примите всеоружие Божье, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять"** (ст. 13). Днем лютым и этим лукавым веком называет настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих, и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. **"И, все"**, – говорит, – **"преодолев"**, – то есть, победив и страсти, и непристойные пожелания, и все, что причиняет нам зло. Не просто употребил: ἐργάζομαι (делать), но: ὑπερβαλεῖς (содевать, совершенно сделать, покончить), так чтобы не только одолеть, но и одолевши стоять; а то случилось, что многие, одержавши победу, тотчас падали. **"Все"**, – говорит, – **"преодолев"**, а не так, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нет. При том после победы потребна бодрость; иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Когда же мы стоим, то оно не поднимается от падения. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскресает. **"Примите всеоружие Божье"**.

4. Видишь ли, как (апостол) отогнал страх? Если есть возможность одержать победу и стать, то зачем избегаешь борьбы? Стой бодро, по окончании борьбы, и ты – победитель. Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности. **"Дабы вы могли"**, – говорит, – **"противостать в день злой"**, – напоминанием о времени побуждает (к бодрствованию). Непродолжительно время, как бы так говорит, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабевать и после победы. В самом деле, если у нас идет война; если против нас составляются такие ополчения; если они состоять из бесплотных начал и миродержителей и духов злобы, – то, скажи мне, как можно предаваться неге? Как можно быть рассеянным? Можно ли победить, не будучи вооруженным? Пусть каждый размышляет об этом всякий день, когда им овладевает гнев, одолевает похоть, когда он пожелает этой изнеженной и беспорядочной жизни. Пусть каждый внимает словам блаженного Павла: **"Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей"**. Эта война тяжелее войны с врагами видимыми; это борьба чрезвычайно сильная. Подумай, сколько времени он (дьявол) ведет свою борьбу, из-за чего он бьется, – веди себя осторожнее. Так, говорят; но надобно бы было изгнать дьявола из среды себя, и тогда бы все спасались. Это говорят, конечно, какие-нибудь нерадивые, старающиеся отыскать извинение своему нерадению. Тебе, человек, следует быть благодарным за то, что можешь, если захочешь, одолеть такого врага; а ты, напротив, еще досадуешь и говоришь слова, свойственные какому-нибудь беспечному и сонливому воину. Ты, впрочем, если захочешь, можешь понять и причины, почему ты так поступаешь. Но будь осторожен, ограждай себя со всех сторон: не с одним дьяволом у нас брань, но и с его силами. Как же, говорят еще, мы будем бороться со тьмой, – мы, которые сделались светом? Как нам сражаться со злыми духами, когда мы сделались благими? Злоба противоположна добру, и свет отгоняет тьму; если же мы сами стали тьмой, то мы совершенно будем побеждены. Итак, каким же образом мы победим их? Если мы постараемся быть по произволению тем, что они – по природе, то есть, если мы постараемся стать выше плоти и крови; таким образом, мы одолеем их. Так как они (ефесяне), вероятно, гонимы были многими, то не думайте, как бы так говорил (Павел), чтобы те сами по себе воевали против нас. В них действуют демоны: они-то ведут войну, и с ними у нас брань. Всем сказанным производит двоякое действие: и делает их более смелыми в отношении к воюющим на них, и ободряет их дух против врагов. И почему у нас происходит брань с ними? Потому, что мы имеем непобедимого союзника – благодать Духа; потому что мы научены такому искусству, что можем ратоборствовать не с людьми

только, но и с демонами. Впрочем, если мы захотим, то можем и не бороться: брань поскольку брань, поскольку мы ее хотим. Такова именно сила живущего в нас (Св. Духа), согласно словам: **"Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью"** (Лк. 10:19). Он дал нам всякую власть и бороться и не бороться. Но так как мы ленивы, то и боремся с ними? А что Павел не боролся, об этом послушай его собственных слов: **"Кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?"** (Рим. 8:35)? И в другом месте, слушай, что он говорит: **"Бог сокрушит сатану под ноги ваши скоро"** (Рим. 16:10; Деян. 16:18). Он имел власть (над сатаной), потому и сказал: **"Именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее"** (Деян. 16:18). Но это уже не значит бороться; кто борется, тот еще не одержал победы, и кто победил врага, тот уже не ведет борьбы. Потому что такой подчинил его себе, пленил. Равным образом и Петр не боролся с дьяволом; но его дела были таковы, что превышали борьбу. Из числа верующих, слушающих, оглашенных, многие преизбытком одерживали победу над ним (дьяволом). Потому и блаженный Павел сказал: **"Ибо нам не безызвестны его умыслы"** (2 Кор. 2:11), – вследствие чего в особенности и брал над ними верх. И в другом месте, послушай, что он говорит: **"И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света"** (2 Кор. 11:14). Так он вполне знал борьбу, и ничто не укрывалось от него. И: **"Ибо тайна"**, – говорит, – **"беззакония уже в действии"** (2 Сол. 2:7). Но в отношении к нам дело требует борьбы. Затем, слушай, что говорит он в другом месте: **"Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем"** (Рим. 8:38-39). Не сказал просто: от Христа, но: **"от любви Христовой"**. Многие ведь, хотя присоединены к Христу, но не любят Его. Не только, как бы так говорит (Павел), не убедишь меня отречься Его, но и не уменьшишь во мне любви к Нему. Если и вышние силы не могли бы этого сделать, то кто другой был бы в состоянии сделать это? Говорит же это не потому, будто бы в самом деле вышние силы решились не подобное, но по предположению. Потому и сказал: **"ибо я уверен"** (πέλεισμαι). Итак, он не боролся (с дьяволом): несмотря на то, боится его лукавства. Выслушай собственные слова его: **"Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своей прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе"** (2 Кор. 11:3). Мало того, и о самом себе так выражается: **"Но усмиряю и порабошаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (1 Кор. 9:27). Как же ты можешь быть уверен, что тебя никто не отлучит (от любви Божьей)?

5. Видишь ли, что (апостол) говорил так по смиренномудрию и скромности? Он обитал уже на небе, почему и сам он говорил: **"Ибо хотя я ничего не знаю за собою"** (1 Кор. 4:4); и в другом месте: **"течение совершил"** (2 Тим. 4:7). Итак, дьявол не ему собственно полагал претяжание, а его ученикам. Почему же так? Потому, что они руководствовались не его наставлениями только, но вместе и собственным намерением. В этом отношении (дьявол) одерживал верх: но и здесь он одерживал верх собственное над ним, а над беспечностью невнимательных (людей). Когда они не исполняли приказаний (апостола), по лености или по чему другому, то он (дьявол) одерживал над ними победу. Если же апостол со своей стороны все делал, но те не слушались, то, значит, (дьявол) побеждал не его, но их непослушание. Так болезнь имеет силу не над врачом, а над невоздержностью больного. Когда тот со своей стороны представляет все нужное для излечения, а этот все расстраивает, то последний терпит поражение, а не первый. Итак, над Павлом (дьявол) не одержал ни малейшей победы. Впрочем к нашему благу служит то, что нам предоставляется возможность борьбы. Что касается римлян, то им не этого желает, – а чего? **"Сокрушит сатану под ногами вашими вскоре"** (Рим. 16:20). Но этим (ефесянам) желает вот чего: **"Который может все творить, Его просим и разумеем"** (ст. 3). Кто борется, тот еще встречает препятствия; за то как он счастлив, если не падет! Победа

бывает блистательнее тогда, когда была борьба. Например: если тобой овладело какое-нибудь злое пожелание, то весьма славное дело ты сделаешь, если не поддашься, а погасишь его. Но хотя бы этого совершенно нельзя было сделать, все-таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падем во время этой борьбы, то мы будем победителями. Здесь не так, как у атлетов. Там до тех пор не сделаешься победителем, пока не повергнешь на землю другого; а здесь только сам не будь повергнут и ты победитель, ты уже одолел, если тебя не опрокинули. И это правильно! Там оба бьются о победу, и если один упадет, другой получает венец. Здесь же не так: здесь дьявол старается поразить нас. Итак, если я лишу его того, о чем он заботится, то я победил. Он усиливается не низринуть только, но низринуть вместе с собою; стало быть, он уже побежден, так как он уже свергнут и находится в состоянии погибели; он заботится о победе не с тем, чтобы потом получить венец, но с той целью, чтобы погубить меня. Итак, я победитель в том случае, когда не буду опрокинут (дьяволом), хотя бы сам я не опрокинул его. В чем же состоит блистательная победа? В том, чтобы с крайним презрением попирает его, как поступал Павел, считая за ничто блага настоящей жизни. Будем и мы подражать (апостолу), постараемся возвыситься над земными благами, не будем ни с какой стороны доставлять ему (врагу своему) случаев к торжеству над нами.

Богатство дает ему к этому случай, а также – деньги, почести. Все это нередко восстанавливало его и делало свирепым. Но что за надобность в борьбе? Какая нужда в сражении? Сражающийся не знает, когда конец сражения, и может думать еще – не быть бы самому побежденным и раненым. А кто уже попирает врага своего, тот очевидно одержал победу. Итак, будем попирает силу дьявола, будем попирает грехи, все житейское, как-то: гнев, похоть, высокомерие и все страсти, чтобы, по отшествии нашем туда, не оказалось, что мы отказались от власти, какую получили от Бога. За это удостоимся наследовать и будущие блага. Если же в этом окажемся худыми, то кто доверит нам большее? Если того, кто оскорбил (Бога), кто сам обесчещен, презрен, повержен к ногам, мы не сможем попрает, то как Отец даст нам Свое достояние? Если не победим столько униженного, то как будем иметь дерзновение войти в дом отчий? Скажи мне: если бы ты имел какого-нибудь сына, и он, оставивши честных слуг своих, вошел в сношение с теми, которые за оскорбление тебя изгнаны из дома и делают против тебя разные ухищрения, и если бы он до конца упорствовал в таком поведении, – не был ли бы он лишен за это наследства? Очевидно, что так. Подобно тому и мы, если, оставивши послушных (Богу) ангелов, которые начальствуют над нами, станем жить согласно с желаниями дьявола, то совершенно будем лишены наследства. Но да не постигнет это никого из нас; лучше же, решившись воевать против него и победивши его, при помощи Божьей, да сделаемся наследниками царства небесного. Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто злобу, пусть он соберет и изольет всю эту ярость и гнев на главу дьявола. В этом случае гнев будет делом добрым, негодование – полезно, злопамятство – похвально. Как в сношениях с посторонними злопамятство составляет зло, так здесь оно есть благо. Итак, если у тебя есть недостатки, – исправь их здесь; если же не можешь сам этого сделать, то делай с сочленами твоими. Тебя ударил кто-нибудь, – имей зло против дьявола и никогда не прекращай вражды с ним. Если и не ударил, – и в таком случае злобствуй против дьявола за то, что он восстал против твоего Владыки, оскорбил Его, а также за то, что вредит братьям твоим и воюет на них. Всегда будь врагом, всегда гневным, всегда непримиримым с ним. От этого он делается смиренным, неопасным, таким, что его можно будет одолеть. Если мы сильно разъяримся против него, он не будет нам страшен. А когда станем благосклонны, тогда он делается жестоким, – не так (мы должны обращаться с ним), как с нашими братьями. Он враг и гонитель жизни и спасения нашего и своего собственного. Коли он не любит самого себя, то как может любить нас? Итак, ополчимся и повергнем его, имея союзником великого Господа Иисуса Христа, Который возможет сделать и нас неуловимыми для его сетей и удостоить вечных благ,

которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

"Итак станьте, препоясав чресла ваши истиной" (Еф. 6:14).

1. Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух (а нужно было и то и другое, то есть – не только воины, по и воинственный дух в них) и, ободрив его (а это также было нужно), наконец (Павел) и вооружает это войско. Ведь никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их изнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым свойственно вооружаться не с внешней стороны, но всецело с внутренней. И (апостол) пробудил и воспламенил храбрость, придал смелости, поставил их в добром порядке, – и затем вооружает их. Но смотри, как облакает их в самое оружие. **"Итак станьте"**, говорит он. Первое дело строевых – уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Потому (и апостол) нередко беседует о том, что должно стоять. Так, и в другом месте он говорит: **"Бодрствуйте, стойте"** (1 Кор. 16:13); и опять: **"Стойте так в Господе"** (Фил. 4:1); или еще: **"кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (1 Кор. 10:12); а также: **"чтобы вы могли перенести все"**. И заметь: не о простом каком-нибудь стоянии он говорит, но о стоянии стройном. Опытные в воинских делах понимают, что значить умение стоять. Если кулачникам и борцам учитель прежде всего другого преподает искусство стоять, то гораздо более нужно это в сражениях, вообще в воинских делах. Кто прямо стоит, тот стоять, не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна строгая прямота. Итак, действительно прямые стоять. А кто не стоит, т не сохраняют прямого положения, развлекаются и предаются рассеянности. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом, а в наклонном положении, равным образом и человек сладострастный, и сребролюбец. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким. **"Итак, станьте"**, – говорит, – **"препоясав чресла ваши истиной"**. Не о чувственном препоясании говорит (апостол); в этом месте он выражается иносказательно. И заметь, как он поступает: сначала облакает воина поясом. Что это значить? Человека рассеянного и преданного пожеланиям, у которого помыслы устремлены долу, он обуздывает посредством опоясания, не допуская его таким образом терпеть препятствие от одежд, покрывающих его голени, и давая ногам его полную свободу бежать. **"Итак станьте"**, – говорит, – **"препоясав чресла ваши"**. Говорит здесь о чреслах, потому что как для кораблей киль, так для нас чресла: они – опора всего тела. По словам врачей, они составляют основание, и на этом-то основании строится все (тело). Когда же он опоясывает чресла, то тем самым укрепляет нашу душу, – потому что он понимает не телесные чресла, но чресла в смысл духовном. И как (телесные) чресла служат основанием для нижних и верхних частей тела, так точно и духовные чресла. Часто больные, опуская на них, как на какую подпору, свои руки, тем самым подкрепляют себя. Равно и пояс для того и употребляется па войне, чтобы сберечь и охранить наше основание. Чтобы нам было удобнее бежать, мы опоясываем себя: это обеспечивает пашу силу. Пусть то же, говорит (апостол), наблюдается и в отношении: к душе, и тогда во всех делах своих мы будем иметь более силы. Особенно это прилично воинам. Да, скажут, но телесные чресла мы опоясываем кожаным поясом; а здесь чем опояшемся? Главой наших помыслов, то есть, истиной. **"Препоясав"**, – говорит, – **"чресла ваши истиной"**. Итак, оставим всякую ложь, будем поступать во всем по истине, не будем обманывать друг друга. Славы ли станем искать, – славы истинной, жизни ли желать, – жизни истинной.

Если мы оградим себя этим, если опояшемся истиной, то никто нас не одолеет. Кто ищет истины, тот не пристращается к земле, потому что все неистинное – от земли. Это видно из того, что все внешние (язычники) служат страстям, следуя собственным мудрованиям. А потому, если мы будем трезвиться, то не будем нуждаться в учещи, заключающемся в сочинениях эллинов. Видишь ли, как они были слабы и бессильны, как не могли принять ни одного здравого и превышающего ум человеческий понятия о Боге? Они не были препоясаны истиной. Потому-то и ослабили их чресла этот приемник родотворных семян, это укрепление помыслов. Нет ничего бессильнее их.

2. Не видишь ли, с другой стороны, как манихеи дерзко говорят обо всем по своим собственным мудрованиям? Невозможно было, говорят они, чтобы Бог без материи сотворил мир. Откуда это видно? Так говорят они, пресмыкаясь долу, – от земли заимствуя это и от того, что нам (людям) свойственно. Ведь человек, говорят они, не может иначе делать. Затем послушай, что еще говорит Маркион: Бог, приняв плоть, не мог остаться чистым. Из чего это видно? Из того, что не бывает этого у людей. Валентин, в свою очередь, имея обращенные к земле помыслы, тоже рассуждает по земному; подобным же образом учат и Павел самосатский и Арий. Что, например, говорит (последний)? Рождающийся Бог не мог родиться бесстрастно. Почему ты осмелился сказать это, Арий? Потому, что (о Боге стал рассуждать) по-человечески. Итак, замечаешь, что у всех помыслы обращены долу, что у всех они ослаблены и дышать землей? Таковы (еретики) в отношении к учению веры. Что же касается деятельности, то они любодееи, сребролюбцы, они привязаны к земле – к славе и всему прочему. У них нет крепких чресел, – таких, чтобы, в случай болезни, можно было в них найти опору. Когда же они сделаются больными, они не кладут на них рук своих, и не стоят прямо, а ослабевают. Напротив, препоясанный истиной, во-первых, никогда не почувствует изнеможения; во-вторых, хотя бы он и утомился, все же получить подкрепление в той же истине. В самом деле, скажи мне, заставит ли страдать его бедность? Нисколько. Мысль об истинном богатстве успокоит его, а бедность напомнит ему об истинной нищете (духовной). Не покажется ли ему тяжким рабство? Ни мало, потому что он знает истинное рабство. Быть может, болезнь? И она – нет. **"Да будут чресла ваши"**, – говорит Христос, – **"препоясаны и светильники горящи"** (Лк. 12:36), чтобы иметь вам свет неугасимый. Это заповедано было делать и при исход из Египта, – препоясанные ли тогда пасху. Для чего, спрашивают, так было? Хотите знать основание этому из истории, или из соображений? Я скажу и то и другое, а вы запомните. Я не просто делаю это, чтобы только ответить на вопрос, но имея в виду, чтобы слова наши обратились у вас в дело. Были, повествуется, препоясаны, имея жезлы в руках своих и сапоги на ногах, и так ели пасху (Исх. 12:11). Страшное и ужасное таинство, и к тому же заключающее в себе много глубины. Если же в прообразе таинство так страшно, то тем более в самой истине. Выходят из Египта и едят пасху. Внимай: это образ странников. Иметь сапоги на ногах и жезлы в руках и есть стоя – не что другое значить, как именно это. Что вы хотите прежде выслушать – историю или соображения? Лучше историю. Итак, что говорит история? иудеи были неблагодарны и постоянно забывали благодеяния Божьи. Потому, желая хоть насильно приводить им на память (благодеяния), (Бог) узаконивает такой способ вкушения пасхи. Для чего? Для того, чтобы каждый год, по необходимости, соблюдая это узаконение, также необходимо вспоминали изведшего их Бога. Не одним временем (пасхи) Бог хотел напоминать им Свои благодеяния, но и самым образом вкушения ее. Для того и едят они опоясанные и обутые, чтобы, когда спросят их об этом, отвечали, что мы готовы были к путешествию и намеревались выйти из Египта в землю обетованную. Таково значение образа согласно истории; но вот истина: и мы также вкушаем пасху, т. е. Христа, **"Пасха наша"**, – как сказано, – **"Христос, заклан за нас"** (1 Кор. 5:7). Стало быть, и мы вкушаем пасху, которая гораздо превосходнее пасхи законной. Поэтому и мы должны вкушать ее также обутые и препоясанные. Для чего? Для того, чтобы и нам быть

готовыми к путешествию, к исходу отсюда. Никто из вкушающих эту пасху не должен помышлять о Египте, напротив должен стремиться к небу, к вышнему Иерусалиму. Для того ты и вкушаешь опоясанный и обутый, чтобы ты помнил, что, начиная вкушать пасху, ты обязываешься идти в дорогу, путешествовать. Это обозначает две обязанности: во-первых, обязанность – оставить Египет и (на земле) жить так, как бы это была для нас чуждая страна, потому что сказано: **"Наше же жительство – на небесах"** (Фил. 3:20); во-вторых, обязанность – всегда, во всю жизнь быть готовыми к тому, чтобы, когда станут звать нас, немедленно сказать: **"Готово сердце"** наше (Пс. 107:2). Впрочем, так мог говорить Павел, которого совесть ничем не была запятнана. Что же касается до меня, то я не могу сказать так, потому что мне много нужно времени для покаяния. А что быть препоясанным значит – иметь бодрствующую душу, об этом послушай, как говорит Бог одному праведнику: "Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне" (Иов. 38:3). То же говорит Он ко всем святым, то же и к Моисею. Даже сам является препоясанным у Иезекииля. Ангелы также являются нам опоясанными, как бы они были настоящие воины. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Но с другой стороны, опоясать себя можно но иначе, как стоя. Препояшем же и мы себя. И нам также предстоять выйти, и много потом придется нам испытать трудностей. Когда мы проходим через эту область, тотчас является дьявол, начинает хитрить, употреблять все меры к тому, чтобы людей, которые избавились от Египта, перешли Чермное море, освободились от демонов и неисчислимых бед, – взять и погубить. Но, если будем бодрствовать, то и у нас будет столп огненный, – благодать Духа, Который освещает нас и осеняет, – будет манна, или лучше сказать, не манна, а то, что превосходнее манны, – будет духовное питание, а не вода, истекающая из камня, будет и стань для нас живущих и теперь в пустыне. Да! Земля, в настоящее время – совершенная пустыня, по недостатку добродетели, даже более пустыня, чем та. По какой причине бегали той пустыни? Не по той ли, что она имела и до сих пор имеет скорпионов? Но ней, говорят, не проходил человек. При всем том пустыня та все же не так была бесплодна, как человеческая природа.

3. Ныне в этой пустыне сколько скорпионов, сколько змей, сколько порождений эхиднинных, – о чем мы уже говорили! Впрочем, это не должно устрашать нас. Нашим исходом (из Египта) предводительствует не Моисей, а Иисус. Но опять под каким условием мы этого избегнем? Под тем, чтоб мы не делали того же, – тогда и не подвергнемся той же участи. Те роптали, были неблагодарны. Поэтому нам этого позволять себе не следует. За что те все пали? За то, что вознерадели о земле, которой так сильно желали. Отчего вознерадели? Ведь они пред ней благоговели? Оттого, что вышли изнеженными и не хотели ради нее переносить неудобств (странствования). Поэтому не будем пренебрегать небом: это и есть пренебрежете. С неба нам принесен плод – не такой плод, как виноградная кисть, которую носят в корзинах, но – обручение Духа, правило небесной жизни, которому учили Павел и весь лик апостольский, эти чудные земледельцы. Не Халев, сын Иефони, и не Иисус, сын Навина, принес эти плоды; но Иисус, Сын Отца щедрот, Сын истинного Бога, принес с Собой всякое благополучие и ниспослал нам свыше все плоды, – разумею небесные песни. То самое, что херувимы вещают горе, – и нам заповедано говорит: "свят, свят, свят". Он принес нам житие ангельское. Ангелы ни женятся, ни посягают: то же благо насаждено и здесь. Ангелы не любят денег и ничего подобного: и это посеяно у нас. Ангелы но умирают: и оно нам даровано; смерть ныне перестала быть смертью, по сделалась сном. Послушай, что говорит (Господь): **"Лазарь, друг наш, уснул"** (Иоан. 11:11). Видишь ли плоды горнего Иерусалима? И что особенно удивительно – даровал нам (Господь) все это до обетования, прежде окончания войны. Израильтянам, по вступлении в обетованную землю, предстояли воинские труды, хотя, впрочем, они могли бы и не трудиться; им стоило только повиноваться Богу, – и они без орудия и полков взяли бы все города; наприм.,

Иерихон они завоевали, имея вид более праздничный, нежели воинский. А когда мы вступим в землю обетования, т. е. на небо, то нам не нужно будет вести войны. Она продолжается только до тех пор, пока находимся в пустыне, т. е., в настоящей жизни. **"Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих"** (Евр. 4:10). **"Делая добро, да не унываем"** (Гал. 6:9). И мы пожнем в свое время, если не ослабнем. Видишь ли, что каким путем вел Господь их (израильтян), тем же ведет и нас? О манне в пустыне сказано: **"И у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка"** (Исх. 16:18). А нам заповедано – не собирать сокровищ на земли.

Если же собираем, то уже не чувственный червь будет истреблять их, как это было с манной, а совечный огню. Итак, употребим все меры к тому, чтобы не приготовить Пищи червям. **"И у того, кто собрал много, не было лишнего"**, сказано. Это явление может повторяться и между нами каждый день. Все мы, конечно, обязаны наблюдать одну, определенную меру, при насыщении желудка, а излишнее будет только прибавлением безумных хлопот. Это именно (и Господь) хотел внушить словами: **"Довольно для каждого дня своей заботы"** (Мф. 6:34). Тому же учил Он выше. И, однако ж, Его правило не усвоено (людьми). Но мы не будем ненасытны, неблагодарны, не станем сооружать великолепных домов. У нас нет здесь постоянного жилища, мы находимся в пути. И кто помнить, что настоящая жизнь есть как бы странствование и воинская служба, что это – как некоторые выражаются – яма, тот не станет наживать себе великолепных палат. Да и в самом деле, кто, скажи мне, решится строить блестящие дома в яме, хотя бы он был страшный богач? Никто. Это было бы смешно, значило бы строить для врагов и тем больше привлекать их к себе. Если у нас есть рассудок, то и нам нужно поступать таким образом. Настоящая жизнь ничем не отлична от воинской службы и похожа на яму. Итак, умоляю вас, употребим все меры к тому, чтобы не собирать здесь сокровищ. Тогда, если и вор придет, нам легче будет уйти. **"Итак, бодрствуйте"**, – говорит (Господь), – **"потому что не знаете, в который час"** тать **"придет"** (Мф. 24:42), – татем Он называет смерть. Поэтому лучше до ее прихода отправить нам все (свои пожитки) в наше отечество. Здесь же будем ходить хорошо препоясанные, чтоб одолеть врагов и за это сподобиться в тот день венцов нетленной славы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом (слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 24

"Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиной и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божье" (Еф. 6:14–17).

1. **"Препоясав"**, – говорит (Павел), – **"чресла ваши истиной"**. Какое значение этих слов, об этом сказано в предыдущей беседе. Именно: мы должны сделаться столь легкими, чтобы ничто не мешало нашему странствованию. **"Облекшись в броню праведности"**. Как броня хранит от поранений, так и правда (спасает нас). Правдой же называет здесь всю вообще добродетельную жизнь. Конечно, многие наносят ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не может, даже сам дьявол. Как бы так было сказано: внедривши в свою грудь праведные дела. О таких людях и Христос говорит: **"Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся"** (Мф. 5:6). Кто оградил свое сердце правдой, тот так же крепок, как и броня; такой человек никогда не увлечется гневом. **"И обув ноги в готовность благовествовать мир"**. Выражение, не совсем понятное. Что оно значить? Приготовлением благовествования он обувает нас как бы в прекрасные

сандалии. Разумеет же здесь или готовность к благовестию, так что этому Делу должны служить ноги, равно как предустроение и ограждение евангельского пути, или, если это объяснение неверно, то он хочет сказать, чтобы они (ефесяне) готовились к неходу. Как бы то ни было, но под **"готовность благовествовать"** разумеется не что иное, как самый лучший образ жизни. Об этом еще пророк сказал: **"готовности[1] сердца их вняло ухо Твое"** (Пс. 9:38), то есть, сердца, которое было хорошо настроено. **"благовествовать мир"**, – сказано. И правильно. Выше он упомянул о войне и сражениях, а теперь указывает на то, с кем должно вести сражения, именно – с демонами. Поэтому-то благовествование и делается благовествованием мира. Война с дьяволом прекращает другую войну – против Бога. Враждуем с дьяволом: это значит – находимся в мире с Богом. Потому, возлюбленный, не опасайся (этой войны); благовествование мира уже показывает победу. **"А паче всего возьмите щит веры"**. Говорит здесь о вере, а не о знати. Да если б и не упомянул о вере, все-таки не преминул бы сказать о благодати, силою которой совершаются знамения. И справедливо называет веру щитом. Подобно тому, как щит заслоняет собой все тело, делаясь как бы стеной, – так точно и вера, потому что все ей уступает. **"которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого"**. Ничто не в силах рассечь этого щита. Послушай, что говорит Христос своим ученикам: **"если вы будете иметь веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: `перейди отсюда туда', и она перейдет"** (Мф. 17:20). Но каким образом мы можем приобрести такую веру? Если будем выполнять это (угашать разожженные стрелы лукавого). Стрелами же лукавого он называет как искушения, так и непристойные пожелания. Кстати прибавил он еще: разожженные. Таково именно свойство страстей; но если вера повелевает и демонами, то тем легче ей управиться с душевными страстями. **"И шлем спасения возьмите"**. То есть: вашего спасения. Предохраняет их, как бы ведя на войну. **"И меч духовный, который есть Слово Божье"**. Или он говорит здесь о Духе, или же разумеет меч, понимаемый в духовном смысле, – меч, которым, действительно, все посекается, все раздробляется, – которым можем отсечь даже голову дракона. **"Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно"** (ст. 18 – 20). Имеющий духовное дарование, то есть, глагол Божий, так же силен, как самый этот глагол, о котором сказано: **"Ибо слово Божье живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого"** (Евр. 4:12). Но заметь мудрость блаженного (Павла). Он вооружал их (ефесян) со всякой предосторожностью; в заключение же всего, научает, как нужно обращаться к Царю и просить, чтобы Он простер им руку (помощи), – говоря: **"Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом"**. Можно молиться и не духом, напр., когда кто молится о суетном. **"И старайтесь о сем самом"**. Иначе: трезвась. Именно таким, то есть, неусыпным и трезвенным должно быть тому, кто вооружен и стоит при Царе. **"Со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими"**. Что говоришь ты, блаженный Павел? Ужели ты имеешь нужду в учениках? И хорошо сказано: **"Устами моими открыто"**. Без всякого сомнения, он не учился долго тому, что ему говорит; но как сказал Христос: **"Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать"** (Мф. 10:18), – так он и совершал все, по вере и при содействии благодати. **"С дерзновением возвещать тайну благовествования"**, то есть, чтобы, как следует, защитить мне ее. Ты окован узами: не потому ли и нуждаешься в других? Да, то отвечает он. Но и когда Петр заключен был в оковы, о нем также была и при том непрестанная молитва. **"Для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно"** (ст. 20). Другими словами: чтобы я мог отвечать смело, мужественно и с большим благоразумием. **"А дабы и вы знали о моих обстоятельствах"**

и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель" (ст. 21).

2. (Апостол сам только) упомянул о том, что он – в узак; в подробности же рассказать о своем положении поручает Тихику. Он изъяснил в своем послании все, что относится к догматам и утешению, что же касается собственно известий – это предоставил тому, кто доставить послание. Потому и прибавил: **"дабы и вы знали"**, т. е., чтоб осведомились вы, **"обо мне"**. А через это и показал к ним свою любовь и дал случай обнаружиться их любви к нему. **"Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши"** (ст. 22). И это не просто говорит, не сказавши наперед: **"облекшись"**, и: **"препоясав"**, – что именно служить знакомь всегдашней и непрерывной готовности к выходу (на бой). Послушай, что говорит пророк: **"Да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым всегда опоясывается"** (Пс. 108:19). Пророк говорит, что сам Бог облекался в броню правды, и тем дает понять, что нам уже не на короткое время, а навсегда должно облечь себя в нее, так как и потребность войны у нас всегдашняя. И другой в ином месте говорит: **"Праведник смел, как лев"** (Прич. 28:1). Кто облечен в такую броню, тому нечего бояться вражеских полчищ. Напротив, он смело может идти в самую средину неприятелей. А Исайя говорит: **"Как прекрасны ноги благовестника"** (Ис. 52:7). Кто же после этого не решится, кто не поспешит послужить такому делу, каково благовестие мира, при том мира Божьего с людьми, – мира, который дарован нам без всяких усилий со стороны человека, а по милости содеавшего Бога? Чтобы понять, какое значение имеют слова: **"В готовность благовествовать"**, послушаем еще слов Иоанна: **"Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему"** (Мф. 3:3). Правда, он говорил это (приготовляя людей) к крещению; но ведь и после крещения требуется другое приготовление. На последнее указывает (Павел), когда говорит: **"В готовность благовествовать мир"**, и тем внушает, что нам вовсе не следует делать ничего такого, что не согласно с условиями мира. Так как именем ног нередко обозначается образ жизни, то (Павел), часто говоря о жизни и делая увещание, употребляет выражения, в роде следующего: **"Итак, смотрите, поступайте осторожно"** (Еф. 5:15). Итак, будем вести себя достойно Евангелия, будем поступать так, чтобы жизнь и дела наши были чисты в течение всего нашего земного поприща. В Евангелии возвещен мир: идите же путем, устроенным по этому благовестию. Если же вы опять сделаетесь врагами, в таком случае не будет **"в готовность благовествовать мир"**. Будьте же готовы и не отступайте от мира. И какую готовность вы показали относительно мира и веры, с такой же и пребывайте в них. Вера есть щит, а щит первый принимаешь вражеские удары, и сохраняет в целостности оружие. Значить, если будет вера правая и жизнь добродетельная, то оружие останется неприкосновенным. О вере, равно как и о надежде, много рассуждает (Павел) и в других местах, особенно в послании к Евреям. Веруйте, говорит он там, в грядущие блага, и ни одного из благ настоящей жизни вы не потеряете. И действительно: руководись в несчастьях и трудных обстоятельствах верой и надеждой, и ты удержишь за собой (означенные блага) целыми, неприкосновенными. **"Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздаст"**. Вера есть щит, покрывающий тех, которые веруют не испытывая. Когда же кто станет вдаваться в мудрования, начнешь обо всем умствовать и судить по-своему, для такого вера не составляешь собой щита. Напротив, тогда мы об нее только претыкаемся. Вера все укрываешь и осеменяешь: таково должно быть ее свойство. А потому нельзя ее укоротить; в противном случае ноги или другая какая-нибудь часть тела останутся открытыми. Нет; щит должен быть соразмерной величины. Разожженные. Много помыслов, волнующих душу, много сомнений и неразрешимых вопросов; но истинная вера на все дает успокоительный ответ. Много внушений, которыми дьявол, воспламеняя нашу душу, повергнешь ее в разного рода недоумения. Например, некоторые говорят: есть ли воскресение? Есть ли суд? Есть ли воздаяние? Имей только щит веры, и ты угасишь им

стрелы дьявола. Возникло ли в тебе какое-нибудь неистовое желание, запылали ль внутри тебя огнем лукавые помыслы, покажи ему вру в грядущие блага, и он более не явится, мало того – погибнет. **"Все стрелы"**, а не так, чтобы одни – угасить, а другие – нет. Послушай, что говорит Павел: **"Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас"** (Рим. 8:18).

Видишь ли, сколько стрел угасили некогда праведники? Или ты думаешь, что это не разоженная стрела, когда патриарх, сгорая внутренним огнем, приносит в жертву сына? И другие праведники тоже могли угасить все стрелы (лукавого). Воюют ли в нас помыслы, – двинем вперед веру. Обуревают ли нас неистовые пожелания, – призовем на помощь веру; находимся ли мы в трудных обстоятельствах и несчастьи, – будем искать утешения в вере. Вера есть то, чем оберегается всякое оружие; если ее нет, то и оружие тотчас сокрушится. **"А паче всего"**, – сказано, – **"возьмите щит веры"**. Что значит – "а паче всего"? И над истиной, и над правдой, и **"в готовность благовествовать"**. Иначе сказать, все это нуждается в вере. Поэтому он прибавил: **"и шлем спасения возьмите"**, т. е., вы не иначе можете достигнуть окончательной безопасности и избежать всякой беды, как посредством веры. Как шлем охраняет голову от всякой опасности, потому что укрывает ее тщательно со всех сторон, так и вера, кроме того, что служить вместо щита, заменяет еще собой шлем спасения. А когда стрелы (лукавого) будут угашены, то сейчас же мы получим помыслы, которые станут охранять владычествующее в нас начало (ум) и не допустят, чтоб оно пострадало в чем-либо. В самом деле, когда угасают противные помыслы, то взамен их возникают в нас другие, которые, не так, как те, охраняют нас и внушают надежду. И как шлем голову, так они будут укрывать владычествующее в нас начало.

3. И не это только (щит и шлем) нам нужно взять, но также и меч Духа, чтобы не только обезопасить себя от (стрел) бросаемых в нас дьяволом, но поразить и его самого. Действительно, владея этим мечом, душа, будучи при этом еще ограждена от разоженных стрел, может с полной смелостью стать против врага; она в силах будет этим мечом сокрушить броню неприятеля, убить дракона и отсечь ему голову. И сам Павел тем же (мечем) разрушил и пленил умыслы дьявола. **"Который есть Слово Божье"**. Глаголом Божиим он называет здесь заповедь или учение, которое завещал Иисус Христос апостолам и которое они повсюду проповедовали, совершая во имя Его чудеса. Будем же и мы наблюдать одно – как бы сохранить во всем заповеди Божьи. Исполнение их поведет нас к тому, что таким образом мы низложим и умертвим дракона – этого хитрого змия. И заметь при этом благоразумие Павла. Выше он сказал: **"Возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого"**; теперь же, чтобы не сделать их надменными, указывает на то, что в этом деле они более всего имеют нужду в помощи Божьей. Что именно он говорит? **"Всякой молитвой и прощением"**. Как бы так сказал: вы этого достигнете, и все можете совершить, если станете молиться; а того никогда не будет, чтобы ты, во время молитвы, имея в виду одного себя, таким образом, привлек к себе милость Божью. **"Всякой"**, – говорит, – **"молитвой и прощением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением обо всех святых"**. Не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь, что говорит? Во всякое время приступай к молитве. Беспременно, говорит, молитесь. Не слышал ли ты о вдовице, как она победила (судью), благодаря своей настойчивости? Не слышал ли, как один друг в самую полночь крепко молил и умолил (своего друга)? Не слышал ли и о хананеянке, как она своей неотступной просьбой возбудила к себе участие Владыки? Эти люди достигли цели настойчивостью. **"Молитесь во всякое время духом"**. Это значить, что мы должны просить себе отнюдь не мирских или житейских вещей, а того, что угодно Богу. Нужно молиться непрестанно, мало того – с бодростью духа: **"и старайтесь о сем самом"**, – сказано. Что бы ни разумел здесь (Павел) – всенощные ли

бдения или трезвость души, – я принимаю то и другое. Видишь ли, как бодрствовала хананейка, когда, несмотря на невнимание Господа, Который не только отверг ее (сначала), но еще назвал псом, говорила: **"Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их"** (Мф. 15:28)? И не отступала от Него до тех пор, пока не получила просимого. Как поступила вдовица, не перестававшая умолять судью, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, пока усовестила его? Как хлопотал друг, который, в глухую полночь, пришел (к своему другу) и настаивал, пока не разбудил его и своей неотступной просьбой не пристыдил? Таковы плоды бодрствования! Хочешь ли и ты приучить свою душу к бодрствованию? Ступай к Анне и слушай, что она говорит: **"Господи [Всемогущий Боже] Саваоф!"** (1 Цар. 1:11). Особенно послушай, что происходило, прежде чем произнесены были эти слова. И встали, сказано, все из-за трапезы, и она тотчас пошла но ко сну и не на покой. Поэтому мне думается, что и за трапезой она ничего не вкушала и не обременяла себя какими-либо яствами. Иначе не пролила бы столько слез. Если мы и во время поста едва ли, или, лучше сказать, никогда не молимся так, как молилась Анна, то ей после трапезы вовсе не совершить бы подобной молитвы, если б она за трапезой не подражала обычаю постников. Устыдимся мы, мужчины, этой женщины! Она молилась о даровании ей сына и плакала, а мы просим о царстве (небесном), и делаем это с небрежностью. **"И стала"**, – сказано, – **"пред Господом"**. Что же говорит она? **"Господи [Всемогущий Боже] Саваоф!"** – слова, которые в объяснении значат: **"Господи, Боже сил"**. Но слезы лились, прежде чем она могла что-нибудь выговорить. Ими она и надеялась преклонить к себе милость Божию. Где слезы, там полное сокрушение; а где сокрушение, там много любомудрия и осмотрительности. **"Если Ты призиришь на скорбь рабы Твоей и дашь"** мне сына, **"то я отдам"** его **"в дар"** Господу на все время (ст. 11). Не сказала: на один год или на два, как делаем мы, и не говорила так: "Если дашь мне ребенка, я дам денег", но: "Когда родится у меня первенец, сын молитвы, я всецело отдам его вместо дара". Это поистине была дочь Авраама. У того потребовал (Бог сына), и он отдал; эта же отдает еще прежде, чем исполнилась ее просьба. Затем смотри, какое благоговение и в том, что **"уста ее"**, – как сказано, – **"только двигались, и не было слышно голоса ее"** (ст. 13). С таким расположением приступает к Богу человек, искренно желающий получить просимое, у которого леность, невнимательность, рассеянность, пренебрежете, беспечность не имеют места. А без молитвы (скажет кто-нибудь) разве Бог не мог даровать (Анн сына)? Ужели в самом деле, Он не знал о желании этой женщины еще прежде, чем она стала молиться? Но если б Он даровал (ей сына) без прошения, то не открылось бы усердие жены, не сделалась бы явного добродетель ее, и она нее получила бы такой награды. Таким образом, не зависть или ненависть была причиной долгого неплодия, а (Божественная) благопопечительность.

4. Итак, когда услышишь слова Писания, что (Бог) заключил ее утробу, и что она терпла досаду от своей соперницы, то знай, что этим (Бог) хотел показать любомудрие жены. Смотри в самом деле: (у Анны) был муж, совершенно ей покорный, говоривший ей: **"Не лучше ли я для тебя десяти сыновей?"** (ст. 8)? Между тем ее соперница выводила ее из терпения своими упреками и нападками. И, однако ж, (Анна) не грозила ей, не ругалась с нею, не говорила (мужу): "так как моя соперница обижает меня, то взыщи с нее за это". У той были дети. Но ведь и эта пользовалась любовью мужа. Потому-то он и утешал ее, говоря: "не лучше ли я для тебя десяти сыновей?" Но обратимся опять к любомудрию жены. **"То Илий счел ее"**, – сказано, – **"пьяной"** (ст. 13). Смотри же, что говорит она ему: **"Не считай рабы твоей негодной женщиной, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе"** (ст. 16). Оставить гнев и не досадовать на людей, которые укоряют нас, не огорчаться, даже не оправдывать себя пред ними – так поступать может только человек с истинно сокрушенным сердцем. Ничто столько не располагает души к любомудрию, как сокрушение. Нет ничего сладостнее, как плач по Боге. **"Ибо от великой**

печали моей и от скорби моей я говорила доселе". Будем подражать ей все. Внимайте неплодные! Внимайте нежно любящие детей своих! Внимайте мужья и жены! Ведь и мужья нередко помогали в этом случай. Послушай, что говорит Писание: **"И молился Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому что она была неплодная"** (Бт. 25:21). И в самом деле, вера может производить великие дела. **"Со всяким постоянством и молением обо всех святых"**, – себя ставить напоследок. Чего же ты хочешь, блаженный Павел, в заключение ставя себя самого? Вот чего, отвечает он: **"И обо мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах"**. К кому ты посольствуешь? К людям, отвечает. Какое человеколюбие со стороны Бога! Он послал с небес посланников с вестью о себе и о мир. А люди между тем взяли их и связали, не уважив даже всеобщего закона, по которому посланник во всяком случае освобождается от какой бы то ни было неприятности. Но и в узах посольствую. Узы угрожают мне лишением свободы говорить; за то молитва ваша отверзает мои уста, **"дабы открыто с дерзновением возвещать"**, то есть, чтобы сказать все, что я послан возвестить. **"А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель"**. Верен, значить – ни в чем не солжет, напротив, все расскажет по истине. **"Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши"**. О, сколько тут любви! Чтобы не было, говорит, повода, кому только и чем вздумается, устрашать вас. По всей вероятности, они находились в каком-нибудь несчастье, так как и выражение: **"Чтобы он утешил сердца ваши"** – значить: чтобы он (Тихик) не допустил вас до падения. **"Мир братьям и любовь с верой от Бога Отца и Господа Иисуса Христа"** (ст. 23). (Павел) желает им (ефесянам) мира и любви с верой. И не без цели так выразился. Он хочет, чтоб они не просто содержали слово любви, (но разумно), и не смешивались с иноверцами. Или это он имеет в виду, или то, что бы они содержали веру, чтобы ободряли себя надеждой на будущее. **"Мир"** с Богом и **"любовь"**. Если есть мир, то будет и любовь. И наоборот, где любовь, там явится и мир. **"С верой"**. Никакой нет пользы от любви без веры, или, лучше сказать, без веры любовь вовсе и существовать не может. **"Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь"** (ст. 24). Здесь он допустил разделение, мир поместив особо, и благодать тоже. Сказано: **"неизменно. Аминь"**. Что значить: **"неизменно"**? Или: прилично, как следует, или же: с нетленными, то есть, такими, которые живут не для славы и богатства, а для благ нетленных. Έν (в) стоить вместо: διὰ (посредством). Итак – посредством нетления; все равно, как сказать: посредством добродетели, – потому что тлением называются все вообще грехи. Как о девах употребляем выражение: **"такая-то подверглась растленно"**, так говорится и относительно души. Потому и Павел сказал: **"Так и ваши умы не повредились"** (2 Кор. 11:3). И в другом месте говорит: **"в учительстве неповрежденность"** (Тит. 2:7).

5. В самом деле, скажи мне, в чем состоит тление тела? Не в том ли, когда все оно разлагается и состав его распадается на части? Так бывает и с душой, когда в ней воцарится грех. Целомудрие и, правда, – вот красота души, а мужество и благоразумие – это здоровье для нее. Итак, тому угрожает опасность, кто гнусен и безобразен, кто предан корыстолюбию и лукавству, кто обнаруживает малодушие, боязливость и слабость. Что грехи производят тление, – это видно прямо из того, что они делают людей срамными и слабосильными, и причиняют недуги. Когда говорим, что девство подверглось растленно, то имеем в виду не одно растление тела, но главным образом то, что подобное дело соединено бывает с нарушением закона. Самый поступок при этом состоит в совокуплении. Но если б совокупление называлось растлением, то и брак был бы тем же. Значить, не в совокуплении растление, а в грехе – в нарушении закона; он-то и делает первое постыдным. Возьмем другой примерь. Тление какого-нибудь дома, в чем другом состояло бы, как не в гниении (составляющих его частей)? Да и везде тление есть та или

другая перемена, но перемена к худшему; везде оно разрушает прежнее состояние вещей и повергает их в иное. Слушай, что говорит Писание: **"Всякая плоть извратила путь свой"** (Бт. 6:12); и в другом месте: **"В тлении невыносимом"**; еще: **"Люди, развращенные умом"** (2 Тим. 3:8). Тело у нас тленно, а душа нетленна. Как бы нам и ее не подвергнуть тлению? Первородный грех сделал это (возможным). Он даже после крещения может растлить душу и сделать ее добычей неумирающих червей. Но, с другой стороны, (черви) не могут и прикоснуться к душе, когда найдут ее нетленной. Адаманта, напр., червь не грызет; да если б и стал грызть, ничего бы не сделал. Смотри же, не растлевай души твоей, – ведь что тлеет, то полно зловония. Послушай, что говорит пророк: **"смердят, гноятся раны мои от безумия моего"** (Пс. 37:6). Впрочем самое , тление облечется в нетление, а не нетление (в теле), – потому что , где нетление, там нет тления. Таким образом, возможны тление нетленное, без конца, и смерть бессмертная. Это именно и будет, когда тела сделаются бессмертными. Потому, если отойдем туда с тлением в душе, то оно сделается для нас нетленным, и не будет иметь конца. Постоянно гореть и быть всегдашней пищей червей, это, конечно, есть тление нетленное. Подобное случилось с блаженным Иовом. Он истлевал, однако ж, не разрушался, – и так продолжалось много времени. Только и знал, что постоянно обливал **"Тело мое одето червями и пыльными струпами"** (Иов. 7:5). Нечто, похожее на это, испытывает душа в то время, когда обступят ее черви и станут пожирать, не два года, не три, десять или сто, даже не тысячи лет, а бесконечно, так как сказано: **"где червь их не умирает и огонь не угасает"** (Мк. 9:44). Устрашимся же, умоляю вас, убоимся этих слов, чтобы не испытать нам того на самом деле. Корыстолюбие есть тление – и такое тление, которое ужаснее всех видов тления: оно ведет к идолослужению. Бросим же это тление и изберем то, что нетленно. Нажил ли ты богатство на счет кого-нибудь? Нажитое потратится, а корыстолюбие останется при тебе. Опять тление служить поводом к нетлению. Удовольствие проходить, грех же остается, – потому что он не тлеет. Крайняя беда, если еще в настоящей жизни не совлечемся всего этого, – и кто отойдет туда, обремененный тяжестью грехов, тот подвергнется великому несчастью. **"В аду"**, – сказано, – **"кто исповедает Тебя?"** (Пс. 6:6)? Там место суда, – и каяться тогда уже будет не время. Как рыдал тогда богач? И все напрасно. Как оправдывали себя не питавшие Христа? Но и те пошли в огонь вечный. Как тогда говорили те, которые провели жизнь свою в беззаконии? **"Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли?"** (Мф. 7:22)? Но их даже не признал (Господь Своими). Правда, все это будить по смерти; но ведь тогда и помощь но в помощь, если не поможем себе настоящее время. Убоимся же, чтоб и нам не сказать тогда этих слов: **"Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили?"** (Мф. 25:37)? Станем теперь питать Его – и не один день, не два или три. Ведь сказано: **"Милость и истина да не оставляют тебя"** (Прич. 3:3), а не говорится: "сделай (какое-либо добро) один раз или два". Девы имели елей, но его не достало. Поэтому нужно запастись большим количеством елей, и для этого надобно самим сделаться как бы плодоносными маслинами в дому Божьем. Подумаем, сколько каждый из нас имеет у себя греховной тяжести, и в соответствие с тем, сколько мы сделали грехов, столько же, а еще лучше – гораздо больше постараемся совершить подвигов человеколюбия. Тогда не только изгладятся грехи, но еще явятся праведные дела, которые послужат к нашему оправданию. В противном случай, если, то есть, наши добродетели не в состоянии будут с одной стороны заглаживать преступлений, а с другой сделаться для нас оправданием за опущенное, то никто не исхитит нас от мучений, от которых и да избавимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу и Св. Духу (слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] В переводе Юнгера – "преданности".

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Филиппийцы были жители македонского города "**Филиппы**", так названного по имени основателя города – колонии (римской), по словам Луки (Деян. 16:12). Здесь обратилась "**женщина, торговавшая багрянницей**", женщина весьма богобоязненная и внимательная (ст. 14); Здесь уверовал начальник синагоги; Здесь Павла вместе с Силою били палками (ст. 23); Здесь начальники испугавшись просили их удалиться из города (ст. 38 и 39). Блистательно было Здесь начало проповеди! В похвалу Филиппийцев сам (Павел) говорит много великого, называя их своим Венцом и много пострадавшими: "**Потому что вам**", – говорит он, – "**дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него**" (Фил. 1:29). Писал же он к ним тогда, как был в узах, – потому и говорит: "**Так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим**" (ст. 13), называя судищем (πραιτώριον) дворец Нерона. Впрочем от этих уз он был освобожден, что и объяснил в послании к Тимофею, говоря: "**При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня**" (2 Тим. 4:16, 17). Следовательно он указывает на те узы, в которых находился прежде этого ответа. А что тогда не было с ним Тимофея, ясно из слов: "**При первом моем ответе никого не было со мною**". Это именно он и объясняет в послании. Если бы (Тимофей) знал это обстоятельство, то (апостол) и не написал бы ему. Когда же он писал настоящее послание (к Филиппийцам), тогда Тимофей был при нем, что показывают следующие слова: "**Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея**" (Фил. 2:19); и еще: "**Итак я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною**" (ст. 23). Он освобожден был от уз, и опять заключен был после того, как приходил к ним. А слова: "**Но если я и соделываюсь жертвой за жертву и служение веры вашей**" (ст. 17) – не то значат, будто бы это уже случилось, но то, что хотя бы это и случилось, я радуюсь, говорит он, утешая их через это в скорби об узах его. И что тогда надеялся остаться в живых, это видно из слов его: "**Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам**" (Фил. 2:24); и еще: "**И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами**" (1:25). Филиппийцы между тем посылали к нему Епафродита, чтобы он отнес ему деньги и узнал о его обстоятельствах, потому что они весьма любили его. А что действительно посылали, об этом послушай, что он сам говорит: "**Я получил все, и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами**" (4:18). Итак, они посылали для того, чтобы и утешить его и узнать. А что они посылали с намерением и узнать о его обстоятельствах, это он показывает в самом начале послания, где пишет о себе так: "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования**" (1:12); и еще: "**Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом**" (2:19). Слова – "**дабы и я**" явно означают следующее: как вы для совершенного удостоверения послали узнать о моих обстоятельствах, так и я (пошлю), "**я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом**". А так как они долгое время не посылали к нему, но (послали только) тогда, – это именно он выражает словами: "**Вы уже вновь начали заботиться о мне**" (4:10), – и тогда только услышали, что он в узах, – ведь если они услышали о болезни Епафродита, человека не столь знаменитого, как Павел, то тем более (услышали бы) о Павле, – и так как им естественно было беспокоиться, то он в начале послания много распространяется в утешении относительно уз, показывая, что не только не надобно беспокоиться, но надобно еще радоваться. Потом дает совет касательно единомыслия и смиренномудрия, внушая им, что это составляет величайшую их крепость, и что таким образом они удобно могут побеждать врагов. Для учителей ваших не то

прискорбно, что они в узах, но то, что ученики не единокоренны. Первое служить даже к распространению Евангелия, а последнее к расстройству.

2. Преподав таким образом увещание к единокоренности, и показав, что единокоренные происходят от смиренномудрия, он затем сильно нападает на иудеев, которые под предлогом христианства всюду вредили учению, называет их псами и злыми делателями, и увещевает беречься их; показывает, к кому должно быть внимательными, много рассуждает о нравственных предметах, настраивает и ободряет их словами: "Господь близко"; вспоминает с свойственным ему благоумием и о присланном от них, – и таким образом много утешает их. Видно, что он пишет к ним с особенным почтением, и нигде не употребляет ничего укорительного, а это было знаком их добродетели, – то именно, что они подали учителю повод написать к ним все послание не в тоне порицания, а в тоне увещания. И как я в начале сказал, так и теперь повторю, что город этот проявил великую готовность к вере. Например, темничный страж, – а вы знаете, что эта должность сопряжена со всяким нечестием, – от одного чуда тотчас прибежал (к Павлу), и крестился со всем домом своим. Совершившееся чудо видел он один, а пользу получил не один, но с женой и со всем домом. Да и сами начальники, бывшие Павла, сделали это более вследствие общего смятения, нежели по злобе, как видно из того, что тотчас послали и отпустили его, и после испугались. Впрочем он свидетельствует не только о вере их и опасностях, но и о благотворительности, когда говорит: **"В начале благовествования ... и раз и два присылали мне на нужду"** (4:15,16), тогда как никто другой этого не сделал: **"Ни одна"**, – говорит, – **"церковь не оказала мне участия подаванием и принятием"**. Оупущение же он приписывает более неблагоприятным обстоятельствам, нежели преднамерению: не то, чтобы вы не заботились о мне, говорит он, **"но вам не благоприятствовали обстоятельства"** (ст. 10). Этим он выражает великую свою к ним любовь. А что он весьма любил их, это ясно: **"Ибо я не имею никого"**, – говорит, – **"равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас"** (2:20); и еще: **"Потому что я имею вас в сердце в узах моих"** (1:7).

3. Зная это и имея такие образцы любви, покажем и мы себя достойными таковых примеров готовностью пострадать за Христа. Но ныне нет гонения. Будем в таком случае подражать им, если не в другом чем, то по крайней мере в усерднейшей их благотворительности, и не будем думать, что все сделано нами, как скоро дадим раз или два. Делать это надобно во всю жизнь, – не однажды надобно угождать (Богу), а непрестанно. Состязающийся в беге, если, пробежав десять кругов, отстал на последнем, все потерял: и мы, если начав добрые дела, впоследствии ослабеваем, то все погубим, все испортим. Выслушай следующее весьма полезное увещание: **"Милость"**, – сказано, – **"и истина да не оставляют тебя"** (Прич. 3:3). Не сказано: сделай однажды, дважды, трижды, десять, сто раз, – но постоянно: **"Да не оставляют тебя"**, сказано. И не сказано: ты не оставляй, но – он пусть не оставляет тебя, чем показывается, что мы имеем в них нужду, а не они в нас, и внушается, что мы все должны делать, чтобы удержать их при себе. **"Обвяжи ими"**, – сказано, – **"шею твою"** (Прич. 3:3). Как дети богачей имеют на шее золотое украшение, и никогда не снимают его, в знак благородства, так и нам всегда должно возлагать на себя милостыню, чтобы показать, что мы дети Милосердного, Который **"повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми"** (Мф. 5:45). Но неверные не верят этому? Вот именно, если мы будем поступать так, то через это они уверятся. Если они увидят, что мы ко всем милосерды, и наставником (в этой добродетели) признаем Его, то будут заключать, что мы это делаем из подражания Ему. И не кое-как должно это делать, но со вниманием и неукоризненно, потому что сказано: милостыня и вера **"истинная"** да будет в тебе. Хорошо сказано: истинная, – не от хищения, не от воровства хочет (ее Бог). Это уже не вера, не истинная милостыня. Вору необходимо лгать и божиться, а ты, сказано, не так, но с милостыней имей и веру.

Возложим на себя это украшение. Сделаем душе золотое ожерелье, то есть, милостыню, доколь мы здесь. Ведь когда пройдет этот век, тогда уже не придется нам ею пользоваться. Почему? (Потому что) там нет бедных, там нет денег, там нет нищеты. Пока мы дети, не лишим себя этого украшения, потому что как с детей, достигших возмужалости, снимают прежний наряд, и надевают другой, – так и с нами. Там милостыня будет уже не из денег, а какая-то другая, гораздо большая. Поэтому, чтобы нам не остаться без нее, постараемся украсить ею душу. Милостыня – это великая красота и драгоценность, великий дар, или лучше, великое благо. Если мы научимся презирать деньги, то научимся и прочему. Смотри, сколько добра происходит отсюда: подающий милостыню, как должно давать, научается презирать деньги; научившийся презирать деньги исторг корень зол. Потому-то он делает добро не столько другим, сколько себе; не только потому, что милостыне предлежит воздаяние и награда, но и потому, что душа делается любомудрой, высокой и богатой. Дающий милостыню приучается не дорожить ни деньгами, ни золотом, а приучившийся к этому сделал весьма великий шаг к небу и уничтожил бесчисленные предлоги к вражде, ссоре, зависти и печали. Вы знаете, сами вы знаете, что все зло от денег, и что из-за денег бесчисленные брани. А кто научился презирать их, тот поставил себя в тихом пристанище, и уже не боится лишений: этому научила его милостыня. Он уже не желает принадлежащего ближнему: как в самом деле (может поступать так) тот, кто отказывается от своего и отдает? Он уже не завидует богатому: как в самом деле (может завидовать) тот, кто желает быть бедным? Он очищает око души своей. И это здесь; а скольких благ он сподобится там, и сказать нельзя. Он не останется вне (чертога) с юродивыми девами, но, имея горящие светильники, войдет с мудрыми и с женихом. Через милостыню станет даже выше потрудившихся в девстве тот, кто не испытал трудов этого рода. Такова сила милостыни! Ода с великим дерзновением ведет своих питомцев. Она знакома небесным привратникам, охраняющим двери брачного чертога, и не только знакома, но и в чести у них; тех, кого она признает своими почитателями, введет с большой смелостью, и никто не будет противоречить, но все уступят. Если она и Бога низвела на землю и преклонила сделаться человеком, то тем более человека сможет возвести на небо. Велика ее сила! Итак, если по милосердию и человеколюбию Бог стал Человеком, и благоволил сделаться рабом, то тем более Он введет рабов в дом Свой. Возлюбим эту добродетель, возжелаем ее не на один день и не на два, но навсегда, чтобы она признала нас. Если она признает нас, то и Господь признает; а если она не признает, то и Господь не признает, и скажет: **"Не знаю вас"** (Лк. 13:25). Но да не услышим мы этот голос, а услышим следующий блаженный: **"Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира"** (Мф. 25:34), – какового царствия и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу (и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 1

"Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (Фил. 1:1-2).

1. Здесь (апостол) пишет как бы к равночестным себе, и выставляет не учительское свое достоинство, но другое, и при том великое. Какое же именно? Называет себя рабом, а не апостолом, потому что быть рабом Христовым, быть, а не называться только, действительно великое достоинство и высшее благо. Кто раб Христов, тот без сомнения свободен от греха, а раб истинный не согласится быть рабом ни у кого другого. Иначе он был бы рабом Христовым только на половину. Так и Римлянам он писал: **"Павел, раб Иисуса Христа"** (Рим. 1:1); а в послании к Коринфянам и к Тимофею называет себя

апостолом. Почему же он это делает? Не потому, чтобы они были лучше Тимофея, нет; но потому, что он почитал и уважал их более всех, к кому писал. Этим свидетельствует о великой их добродетели. Сверх того, в других (посланиях) он имел намерение сделать многие постановления, почему и ставил на вид свое апостольское достоинство; а здесь он повелевает им только то, что они и сами по себе знали. **"Всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах"**. Так как прилично было и иудеям называть себя **"святыми"** на основании древнего пророчества, в котором они назывались народом **"святым, избранным"**, то он присовокупил: **"Святым у Иисуса Христа"** (Вт. 7:6; 14:2). Они одни святые, а те уже сделались нечистыми.

"С епископами и диаконами". Что это? Ужели в одном городе было много епископов? Нет; (апостол) так назвал пресвитеров. Тогда названия эти были еще общие; епископ назывался даже диаконом. Потому в послании к Тимофею и пишет: **"Совершай"** (*διαχοníαν*) **"дело благовестника, служение твое"** (2 Тим. 4:5), хотя он был епископ. И так как он был епископ, то говорит ему: **"Рук ни на кого не возлагай поспешно"** (1 Тим. 5:22); и в другом месте: (дарование) **"которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства"** (4:14). А пресвитеры не могли рукополагать епископа. Также и в послании к Титу говорит: **"Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены"** (Тит. 1:5,6). Это говорит о епископе. И сказав это, тотчас присовокупил: **"Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец"** (Тит. 1:7). Итак, в древнее время, как я сказал, и пресвитеры назывались епископами и Диаконами Христовыми, и епископы – пресвитерами. Потому-то и ныне многие епископы пишут: сопресвитеру и содиакону. А впоследствии каждому присвоено особенное имя: епископа или пресвитера. **"С епископами и диаконами"**, – говорит, – **"благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа"**. Здесь может быть иной спросит: почему он ни в каком другом послании ни в Рим, ни в Коринф, ни в Ефес не пишет клиру, но вообще всем святым, или верным, или возлюбленным, а здесь пишет клиру? Потому что (клир) писал, благотворил и посылал к нему Епафродита. **"Благодарю Бога моего при всяком"**, – говорит, – **"воспоминании о вас"**. В другом послании говорил: **"Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая"** (Евр. 13:17). Если же неисправность учеников производить (в учителе) вздыхание, то успех их – радость. Потому слова (апостола) имеют такой смысл: когда только вспоминаю о вас, (всегда) хвалю Бога. А это делает потому, что знал в них многие добродетели. И хвалю, говорит, и молюсь, потому что вы успели в добродетели; я не перестаю молиться, но постоянно молюсь о вас. **"Благодарю"**, – говорит, – **"Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою"** (ст. 4). Всегда, а не только тогда, когда молюсь. Хорошо прибавил: **"с радостью"**, потому что можно делать это и с печалью, как он в другом месте говорит: **"От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам. Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас"** (2 Кор. 2:4,5).

2. Здесь (апостол) говорит в похвалу их (Филиппийцев) много, даже весьма много, сколько иной сказал бы об апостолах и евангелистах. Вы, говорит, не об одном вверенном вам городе имеете попечение, но все делаете, чтобы разделять со мною мои труды, везде присутствуете и содействуете и соучаствуете в моей проповеди. И в течение не одного, или двух, или трех лет, но всегда с того времени, как вы приняли веру, даже донныне сохраняете ревность апостольскую. Посмотри, как римляне оставили его; послушай, что

он говорит: **"Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген"** (2 Тим. 1:15)? И еще: **"Димас оставил меня"** (4:10). И опять: **"При первом моем ответе никого не было со мною"** (4:16). А они (Филиппийцы) и в отдалении от него участвовали в его скорбях, посылали к нему мужей, служили ему по силам, и вообще ни в чем не оставляли его. И делаете вы это, говорит, не только ныне, но и всегда, всяким способом помогая мне. Помогать же (апостолу) значить участвовать в благоговении. Когда он проповедует, а ты служишь проповедующему, то участвуешь и в его венцах. И во внешних состязаниях венец принадлежит не одному борцу, но и его наставнику, и прислуживающему, и всем вообще заботящимся о борце, потому что те, которые укрепляют его и ободряют, по справедливости могут быть участниками и в победе. И в сражениях не один отличившийся, но и все служащие ему по праву могут присваивать себе трофеи и разделять славу, насколько своими услугами участвовали в его подвиг. Оказывать услуги святым – дело не маловажное, а великое: это делает нас общниками уготованных им наград. Например, иной оставил для Бога великие стяжания, всегда полагается на Бога, много подвизается в добродетели, наблюдая великую строгость во всем, даже в словах и мыслях; а ты и без такой строгости можешь участвовать в наградах, уготованных ему за таковые подвиги. Каким образом? Если послужишь ему и словом и делом; если утетишь его доставлением нужного для него, и услугой всякого рода. Ведь этим ты трудный путь сделаешь для него легче. Потому, если вы удивляетесь живущим в пустынях, избравшим жизнь ангельскую и подвизающимся в церквях подобно им; если удивляетесь и жалеете, что вы очень отстаеете от них, – то вам можно сделаться их участниками другим образом – через услуги, через усердие. И это дело человеколюбия Божьего, что Он даже тех, кто мене ревностен и не в состоянии проводить жизнь суровую, трудную и строгую, иным путем возводит на ту же степень. Вот что Павел называет общением! Они, говорит, сообщают нам плотское, а мы сообщаем им духовное (Рим. 15:27). И если Бог за малое и ничтожное дарует царство, то и рабы Его за малое и чувственное воздают духовное; или лучше, через них сам (Бог) дает и то и другое. Ты не можешь поститься, жить уединенно, спать на земле, проводить в бдении целые ночи? Но тебе возможно получить за все это награду иным образом: если будешь усердствовать подвизающемуся в этом, если постоянно будешь успокаивать и ободрять его, если будешь облегчать труд его. Он стоит на сражении, он и раны получает; а ты послужи ему, когда он возвратится с поля битвы, прими его с распростертыми объятиями, осуши пот его, успокой, утешь, обласкай, ободри утружденную душу. Если мы с таким усердием послужим святым, то будем участниками наград их. Об этом и Христос говорит: **"Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители"** (Лк. 16:9). Видишь ли, как они сделались участниками? **"От первого дня"**, – говорит, – **"даже донныне"**. Поэтому я **"с радостью"**, – говорит, – **"за ваше участие"**, и радуюсь не о прошедшем только, но и о будущем, потому что по прошедшему я заключаю и о будущем. **"Будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа"** (ст. 6).

3. Смотри, как он учит их и смирению. Так как он засвидетельствовал о великой их заслуге, то, чтобы они не потерпели чего-нибудь свойственного человеку, тотчас наставляет их относить ко Христу и прошедшее и будущее. Каким образом? Не сказал: будучи уверен в том, что как начали вы, так и закончите; но что? **"Начавший в вас доброе дело будет совершать его"**. Впрочем не отнимает у них подвига, а говорит: **"С радостью за ваше участие"**, конечно потому, что они подвизались; и не им только приписывает их добродетели, но особенно Богу. Надеюсь, говорит, **"в том, что начавший"**, т. е. Бог, **"в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа"**. Так я думаю, говорит, не только об вас, но и о потомках ваших. И это не малая похвала, что Бог действует в ком-либо. Если Он нелицеприятен, каков и действительно, а помогает нам в добрых делах по расположению нашему, значить причина того, что Он

преклоняется к нам, заключается в нас. Следовательно, и таким образом (апостол) не отнимает у них похвалы, – ведь если бы Бог действовал безусловно, если бы Он двигал нас, как дерева и камни, и не требовал нашего участия, то ничто не препятствовало бы Ему действовать и в язычниках и во всех людях. Потому в словах: **"Бог совершит"** опять для них похвала, за то, что они привлекли к себе благодать Божью, которая помогла им возвыситься над природой человеческой. А с другой стороны и то похвала, что вы имеете такие добродетели, которые не есть дело человеческое, но требуют Божественного содействия. Если же Бог **"совершит"**, то с нашей стороны не много потребуется труда, а должно надеяться, что при Его помощи мы все легко выполним. **"Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати"** (ст. 7). Здесь (апостол) выражает великую свою любовь к Филиппийцам, которых он имел в сердце, и о которых помнил даже в самой темнице, находясь в оковах. Не малая для людей похвала быть в памяти у этого святого. Любовь этого святого происходит не от предрассудка, но от здравого суждения и верных понятий. И потому быть любимым от Павла так сильно, есть верный признак человека великого и достойного удивления. **"При защищении"**, – говорит, – **"и утверждении благовествования"**. И что удивительного, если он в темнице имел их (в сердце)? Даже, говорит, и в то время, как я введен был в судилище для ответа, вы не выходили из моей памяти. Любовь духовная так сильна, что не побеждается никакими обстоятельствами, но всегда владеет душой любящего, и никакой скорби, никакой болезни не допускает одолеть. Как в печи вавилонской, при столь сильном пламени, для тех блаженных отроков была роса, так и любовь, объявляющая душу любящего и угождающего Богу, погашает всякий пламень и производит чудесную росу. **"И утверждении благовествования"**, говорит; следовательно, узы послужили к утверждению Евангелия, к защищению. И совершенно правильно. Ведь если бы он уклонился от уз, то показал бы себя обманщиком. Теперь же, перенося все – и узы и скорби, он ясно показывает, что терпит это не за вину какую-либо, свойственную человеку, но ради Бога – мздовоздаятеля. Никто не решился бы умереть и подвергнуть себя стольким опасностям, никто не решился бы оскорбить такого царя, разумею Нерона, если бы взор его не был обращен на другого Царя, несравненно высшего. Итак, узы были утверждением Евангелия. Смотри, с каким избытком он обратил все в противную сторону! Что почитали слабостью и укоризной, то он называет утверждением, так что, если бы этого не случилось, он был бы немощным. Потом (апостол) показывает, что его любовь не есть плод предрассудка, но (здрового) суждения. Как? Я имею, говорит, вас в сердце во узах моих, и при защищении, потому что вы соучастники благодати. Что это значит? Ужели для апостола было благодарю то, что он был заключен в узы, был гоним, и терпел бесчисленные бедствия? Подлинно так, потому что сказано: **"Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи"** (2 Кор. 12:9). **"Посему"**, – говорит, – **"я благодуществую в немощах, в обидах"** (ст. 10). Так как я вижу, что вы делами доказываете эту добродетель, участвуете в этой благодати, и при том с усердием, то я не без основания так сужу о вас. Я испытал и более всех знаю вас и ваши добродетели, – то, что вы и при таком от нас расстоянии стараетесь не расстаться с нами в скорбях, но участвовать в искушениях ради Евангелия, – и я по справедливости должен свидетельствовать, что вы, будучи далеко от меня, подвизаетесь ничем не мене меня, вступившего в эти подвиги. Для чего же он не сказал: общников, но: **"соучастников"**? Я и сам, говорит, состою общником другого, чтобы быть сообщником благовествования, т. е. чтобы иметь участие в благах, уготованных за благовествование. И то достойно удивления, что все они были так расположены, что могли назваться сообщниками Павловыми: **"Соучастников"**, – говорит, **"моих в благодати"**. Эти начатки производят во мне уверенность, что вы пребудете таковыми и до конца. Не может же быть, чтобы такое блистательное начало погасло и уничтожилось; напротив, оно будет иметь славный конец.

4. И вот, так как можно участвовать в благодати, опасностях и скорбях и иным образом, то, прошу вас, постараемся и мы быть участниками. О, как многие из стоящих здесь, или лучше, все вы хотели бы быть соучастниками Павлу в уготованных благах! А это возможно, если захотите содействовать и помогать тем, которые приняли его служение, которые терпят ради Христа какое-либо несчастье. Ты видишь брата в искушении? Протяни руку (помощи). Видишь учителя в борьбе? Помоги. Но, скажешь, нет никого равного Павлу? Это и гордость и вместе осуждение. Согласен и я, что нет никого равного Павлу; но **"кто принимает пророка"**, – сказано, – **"во имя пророка, получит награду пророка"** (Мф. 10:41). И они (Филиппийцы) тем ли заслужили похвалу, что содействовали Павлу? нет, – но тем, что (содействовали) принявшему на себя проповедь. Павел потому достоин был чести, что он столько терпел за Христа. Нет никого равного Павлу. Что я говорю – равного Павлу? Даже и сколько-нибудь близкого к этому блаженному. А проповедь (и ныне) та же, какая и тогда была. И соучастниками ему были (Филиппийцы) не только тогда, как он находился в узах, но и с самого начала (проповеди). Послушай в самом деле, что он сам говорит: **"Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних"** (Фил. 4:15). И кроме искушений, учителю предстоит много труда, бодрствования, подвига в слове, учения, неудовольствий, упреков, порицания, зависти. Легко ли терпеть это от тысячи языков, когда нужно заботиться о своих делах? О, что мне делать! Я поставлен между двумя трудностями: и хочу побуждать вас и умолять о содействии и помощи святым Божиим, и боюсь, чтобы кто не предположил другого, будто я говорю это не для вас, а для них. Знайте же, что я не для них это говорю, но для вас самих; и если хотите внимать, то я для убеждения вас представляю и самые доказательства. Не одинаковая польза (от милостыни) для вас, и для них. Если вы даете, даете то, что немного спустя волей и неволей оставите, и уступите другим; а что принимаете, то гораздо важнее и больше. Или вы не уверены, что через даяние получите? Если не уверены, то и не хочу, чтобы вы давали. Таким образом, я говорю не для них. Если кто наперед не убежден в том, что он получает более, нежели дает, что он получает величайшую пользу, что бывает благодетельствован более, нежели благодетельствует, – тот не давай; если кто думает, что он оказывает милость принимающему, – тот не давай. Не о пропитании святых я так сильно забочусь: не дашь ты, дает другой. Если я чего хочу, так именно того, чтобы вы получили облегчение ваших грехов; а кто дает не с таким расположением, тот не получить облегчения. Творить милостыню, значить не просто давать, но с усердием, с радостью и с чувством благодарности к принимающему: **"Не с огорчением"**, – сказано, – **"и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог"** (2 Кор. 9:7). Итак, если кто дает не с таким расположением, тот лучше не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата. Поэтому если вы знаете, что отсюда происходить польза для вас, а не для них, то знайте, что для вас выгоднее. У них питается тело, а у вас душа делается приятной Богу. Им, когда принимают, не отпускается ни один грех, а вам прощаются многие прегрешения. Итак, будем принимать участие в их подвигах, чтобы участвовать с ними и в великих наградах. Усыновляющие себе царей не думают о том, что дают больше, нежели получают. Усынови и ты себе Христа, и будешь весьма обеспечен. Хочешь ли ты быть соучастником Павловым? Но что я говорю – Павловым, когда сам Христос принимает (твою милостыню)?

5. Знайте же что я все и говорю и делаю для вас, а не об успокоении других забочусь. Если кто из предстоятелей Церкви живет в изобилии, и ни в чем не нуждается, то, хотя бы он и святой был, не давай, но предпочти ему бедного, хотя и не так почтенного. Почему же? Потому, что и Христос этого хочет, когда говорит: **"Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, зови нищих, увечных, хромых, слепых, что они не могут воздать тебе"** (Лк. 14:12–14). Да, не без разбора

должно приглашать, но алчущих, жаждущих, нагих, странных, впавших после богатства в бедность. (Христос) не просто сказал: вы напитали Меня, но – алчущего: видели Меня алчущего, говорит, и напитали (Мф. 25:35). (Здесь) двойная заповедь: если должно напитать всякого алчущего, то тем более алчущего святого. Если же кто и свят, но не нуждается, – не давай ему, потому что это бесполезно, и этого Христос не заповедал; да тот и не свят, кто находится в довольстве, и принимает. Видишь, что это сказано не для нашего постыдного прибытка, но для вашей пользы? Питай алчущего, чтобы тебе не питать (собой) огня гееннского, – алчущий сдает часть твоего имущества, а остальное освящает. Подумай, как вдова витала Илию. Она не столько питала, сколько питалась; не столько отдала, сколько получила. И теперь бывает то же, даже гораздо большее: наградой таковым служить не мука, и не сосуд елея, – но что? сто раз большее – вечная жизнь. Будет милость Божья, и ты будешь пищей духовной, закваской чистой. Она была вдова, свирепствовал голод, и ничто ее не остановило; были у нее дети, но и это не послужило препятствием. Она была подобна положившей две лепты. Она не сказала самой себе: что я получу от него? Он просить у меня (пищи). Если бы он имел какую-либо силу, то не терпел бы голода, прекратил бы засуху, и не подпал бы тем же (бедствиям). Может быть и он оскорбил Бога? Ничего такого она не подумала. Видишь ли, как хорошо благотворить с простотой, и не быть слишком разборчивым относительно принимающего благодеяние? Если б она захотела много любопытствовать, то пришла бы в недоумение и не поверила бы. Так и Авраам, если б захотел много любопытствовать, то не принял бы ангелов, потому что не бывает, никогда не бывает, чтобы слишком разборчивый в таковых случаях принял святого, – чаще всего он попадает на обманщиков. Как это происходить, я объясню. Благодетельный не хочет казаться благодетельным, и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться из-за этого а обманщик, у которого обман составляет ремесло, представляется весьма благодетельным, так что его трудно распознать. От этого бывает, что тот, кто делает добро людям по-видимому неблагодетельным, попадает на благодетельных; а кто ищет почитаемых благодетельными, часто попадает на неблагодетельных. Итак, умоляю вас, будем делать все в простоте. Положим, что пред тобою и обманщик; но тебе не велено испытывать этого. **"Всякому", – сказано, – "просящему у тебя, давай"** (Лк. 6:30); и еще: **"Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?"** (Прич. 24:11). Хотя многие из подвергаемых смерти подвергаются ей потому, что пойманы в преступлениях, но ты не жалея (подать), сказано. Через это мы уподобимся Богу, через это прославимся и получим нетленные блага, которых и да удостоимся все мы (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа; и молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов, исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу Божью" (Фил. 1:8–11).

1. Павел призывает Бога в свидетели не потому, будто не имели к нему доверия, но делает это по великому расположению, а также для большего убеждения и ободрения. Так как он сказал, что они (Филиппийцы) были соучастниками ему (через милостыню), то чтобы не подумали, что он за это любит их, а не просто ради их самих, – прибавил: **"Любовью Иисуса Христа"** (εν σπλάγγχνοις Χρίστου). Что это значит? Что же, что – по Христе: за то, что вы верны, за то, что вы любите Христа, за любовь по Христе. Даже не сказал – по любви, но гораздо сильнее – **"любовью Иисуса Христа"**, как бы так говоря: люблю вас, как отец ваш, по родству во Христе. Оно и дает нам сердце (σπλάγγχνα), сердце горячее,

пламенное; такое сердце дается только истинным рабам Его. Таким-то сердцем, говорит, (я люблю вас); как бы так сказал: люблю вас сердцем не плотским, но пламеннейшим, Христовым. **"Что я люблю всех вас"**, – говорит. Люблю всех, потому что и вы все любите меня; а как сильно люблю, нельзя и выразить, словами не могу изобразить любви моей, предоставляю видеть ее Богу, проникающему сердца. (Апостол) не призвал бы Бога в свидетели, если бы льстил им, потому что это небезопасно. **"И молюсь о том"**, – говорит, – **"чтобы любовь ваша еще более и более возрастала"**. Хорошо сказано, потому что любовь – ненасытное благо. Смотри, как он, будучи любим, хочет еще более быть любимым. Кто так любить любимого, тот не хочет, чтобы любовь последнего имела когда-либо предел. Нет меры этому благу. Потому Павел хочет, чтобы этим благом они всегда были обязаны: **"Не оставайтесь должными никому ничем"**, – говорит он, – **"кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон"** (Рим. 13:8). Мера любви есть бесконечность. **"Чтобы любовь ваша"**, – говорит, – **"еще более и более возрастала"**. Заметь сочетание слов. Сказано: **"Еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве"**. Высоко ценит не просто дружбу, не просто любовь, но любовь происходящую от разума, то есть, не ко всем одинаковую любовь, потому что такая любовь будет не любовь, а равнодушие. Что такое – **"в познании"**? То есть, с рассуждением, с размышлением, с чувством. Есть ведь и такие, которые любят безрассудно, зря, как случится, отчего и дружба их не бывает крепка. **"В познании"**, – говорит, – **"и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее"**, то есть, полезное. Я это говорю не для себя, но для вас, говорит (апостол), потому что опасно, как бы кто, любя еретиков, не заразился от них. На все это намекает он, когда говорит таким образом. И замечь, как он располагает слова: не для себя это говорю я, но **"вы были чисты"**, то есть, чтобы вы под личиной любви не приняли ложного учения. Как же он в другом месте говорит: **"Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми"** (Рим. 12:18)? Выражение: **"Будьте в мире"**, не значить: любите так, чтобы от дружбы терпеть вам вред: **"Если же"**, – сказано, – **"правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя"** (Мф. 5:29), – но: **"Чтобы вы были чисты"**, т. е. пред Богом, **"и непреткновенны"**, т. е. пред людьми. Дружба часто многим вредить; если тебе самому и не вредить нисколько, зато другой соблазняется. **"В день Христов"**, то есть, чтобы вам тогда явиться чистыми, никого не соблазнившими. **"Исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу"** Божью, то есть, при правом учении и живя праведно. Следует быть не просто праведным, но исполненным плодов правды, – потому что есть правда и не по Христе, как например обыкновенная честная жизнь, – **"плодов Иисусом Христом"**, – говорит, – **"в славу и похвалу Божью"**. Видишь ли, что я говорю не о своей славе, но о правде Божьей? Во многих же местах (апостол) правдой называет и милостыню. Пусть не препятствует вам любовь, говорит, познавать полезное, и пусть не надеть по любви к кому-либо. Я желаю, чтобы ваша любовь возрастала, однако ж не так, чтобы вы терпели вред; и желаю, чтобы вы не просто согласились со мною, но чтобы испытали, справедливо ли мы говорим. Он не сказал: примите мои наставления, но – искушайте, и не сказал прямо: не сближайтесь с таким-то, но – я хочу, чтобы любовь служила к вашей пользе, чтобы ваше расположение не было безрассудно. Ведь неразумно, если вы совершаете правду не для Христа, и не через Него. Вот еще выражение: через Него! Ужели он пользовался Богом, как слугой? Вовсе нет: не для того я так сказал, говорит (апостол), чтобы меня хвалили, но чтобы прославлялся Бог. **"Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим"** (ст. 12, 13).

2. Вероятно, (Филиппийцы) услышав, что (апостол) в узах, скорбели и думали, что проповедь прекратилась. Что же он делает? Тотчас уничтожает это предположение, и говорит: **"Чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования"**. И это свойство любящего – объяснить свои обстоятельства, потому

что о них беспокоились. Что ты говоришь? Ты в узах, тебе препятствуют, – как же преуспевает Евангелие? **"Так что узы мои"**, – говорит, – **"о Христе сделались известными всей претории и всем прочим"**. Это не только не заградило уст другим и не сделало их боязливыми, но напротив еще сделало их больше дерзновенными. Итак, если те, которые находились близ опасностей, не потерпели никакого вреда, напротив еще больше получили дерзновения, то тем более вы должны быть дерзновенны. Если бы связанный носил узы с прискорбием, и молчал, то естественно было бы и им находиться в таком же состоянии; а как связанный действовал еще смелее, то придавал им смелости более, нежели если бы не был связан. Как же узы послужили к успеху Евангелия? Бог так устроил, говорит (апостол), что узы мои во Христе и для Христа не оставались неизвестными "всей претории", – каковым именем называли тогда дворец. И не только "всей претории", но и во всем городе. **"И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье"** (ст. 14). Этим показывает, что и прежде они поступали смело, и говорили с дерзновением; а теперь гораздо более. Итак, если другие, говорит, по причин моих уз становятся дерзновенными, то гораздо более я (сам); если я других сделал дерзновенными, то тем более сам должен быть таковым. **"И большая часть из братьев в Господе"**. Так как много значило сказать, что мои узы произвели в них дерзновение, то наперед сказал: **"в Господе"**. Видишь ли, как (апостол), и при необходимости похвалиться, не оставляет скромности? **"Начали с большей смелостью"**, – говорит, – **"безбоязненно проповедовать слово Божье"**. Словом – **"большей"** показывает, что они уже начали. **"Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедают Христа"** (ст. 15). Значение этих слов достойно исследования. Так как Павел был в узах, то многие из неверных, желая, возбудить царя к жестокому гонению, и сами проповедовали Христа, чтобы распространением проповеди увеличить гнев царя, и чтобы всю ярость обратить на главу Павлову. Итак, узы произвели двойное действие: в одних возбудили великое дерзновение, а других, ободренных надеждой моей погибели, расположили проповедовать Христа. **"Некоторые, правда, по зависти"**, т. е.: завидующие моей славе и (хорошему) началу, желающие моей погибели, и состязающиеся со мною, содействуют мне, или же: думающие уменьшить сколько-нибудь мою славу для того, чтобы и самим быть в чести. **"А другие с добрым расположением"**, т. е. без лицемерия, со всем усердием. **"Одни по любопрению проповедают Христа не чисто"** (ст. 16), т. е. не без примеси (лжи), и не для самого дела, – но для чего? **"Думая увеличить тяжесть уз моих"**, – думая таким образом свергнуть меня в большую беду, они скорбь прилагают к скорби. О, жестокость! О, дьявольское действие! Видели, что он в узах и заключен в темнице, – и еще злоумышляли, хотели увеличить его несчастья и подвергнуть большему гневу. Хорошо сказал (апостол): "думая", – потому что случилось не так. Они думали через это опечалить меня; а я радовался успеху проповеди. Так-то возможно и доброе дело делать не с добрым намерением, – за что не только не будет награды, но еще наказание. Если проповедовали Христа с той целью, чтобы проповедника Христова свергнуть в большие беды, то не только не получать награды, но будут подлежать наказанию и мучению. **"А другие – из любви, зная, что я поставлен защищать благовествование"** (ст. 17). Что значит: **"Что я поставлен защищать благовествование"**? Это значит: они облегчают мою ответственность пред Богом, и некоторым образом помогают мне в ответе. Как бы так говорит (апостол): мне заповедано проповедовать, и я должен буду дать отчет и отвечать за дело, которое мне заповедано; потому они мне помогают так, что отвечать мне стало легче; если найдется много наученных и уверовавших, то отвечать будет мне легко. **"Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться"** (ст. 18). Заметь благоразумие мужа: он не сильно их обвинил, а высказал то, что было. Что мне до того, говорит, так или иначе? **"Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться"**. Не сказал

повелительно: пусть проповедуется; но, во-первых, высказал случившееся, а во-вторых, если и повелительно сказал, то и таким образом не ввел ересей.

3. Исследуем дело, если угодно, и мы найдем, что хотя он и приказывал проповедовать так, как) они (проповедовали; однако ж от этого не произошло ереси. Почему? Потому что они проповедовали здраво, только цель и намерение, с которыми так поступали, были извращены, а самая проповедь не изменена. И весьма необходимо было им так проповедовать. Почему? Потому, что если бы они проповедовали иначе, нежели Павел, если б учили иначе, нежели он, то не усилили бы гнева царского. А теперь тем, что распространяли его проповедь и учили подобно ему, и таких же учеников ему приобретали, они могли вооружить царя, так как появилось великое множество учеников. Но какой-нибудь нечестивец и глупец, привязавшись к этому месту, скажет: если б они хотели огорчить Павла, то конечно действовали бы наоборот: разогнали бы и уверовавших уже, а не стали бы умножать верных. Что же мы скажем на это? То, что они имели в виду одно – подвергнуть Павла настоящим опасностям, не допустить избежать их, и этим они думали более, нежели тем, опечалить его, и прекратить проповедь. А иначе они укротили бы гнев царя, и дали бы (апостолу) выйти из заключения, и опять проповедовать; умертвив же его, они думали таким образом все с ним уничтожить. Но это постигали не многие, а некоторые жестокие и самые дурные. Потом (апостол) говорит: **"Я и тому радуюсь и буду радоваться"**. Что значить: **"И буду радоваться"**? Значит: если бы больше и больше (так) делали, – потому что они против воли содействуют мне, и за труды свои потерпят наказание, а я, нисколько не помогая (им), получу награду. Что может быть злее дьявола, который додумался до того, чтобы самую проповедь обратить в причину наказания для тех, кому внушил принять эту проповедь? Видишь ли, в какую беду ввергает он своих (слуг)? За проповедь и труды придумывает им наказание и мучение. И какой бы другой неприятель и враг спасения их все так устроил? Видишь ли, что враг истины нисколько не силен, а больше уязвляет себя самого, подобно идущему против рожна? **"Ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа"** (ст. 19). Нет ничего злее дьявола. Так он повсюду обменяет и развлекает своих бесполезными трудами, и не только не допускает получить награду, но умнеть еще сделать их достойными наказания. Он предписывает им не только проповедь, но и такой пост и девство, которые не только лишают их награды, но и причиняют великое зло соблюдающим их. О них-то и говорит (апостол) в другом месте: **"Сожженных в совести своей"** (1 Тим. 4:2). Потому, прошу вас, будем за все благодарить Бога, – что Он и труды облегчил для нас, и награды умножил. Наград, какие получают у нас живущие целомудренно в браке, не получают те, которые у них соблюдают девство; соблюдающие девство у еретиков подлежат тому же наказанию, какому и блудники. Почему? Потому что они ничего не делают с доброй целью, но с целью клеветы на Божье творение и Его неизреченную премудрость. Итак, не будем беспечны; Бог назначил нам подвиги умеренные, никакого труда не требующие. Впрочем, не будем из-за этого пренебрегать ими. Ведь если еретики напрягают силы свои на труды бесполезные, то чем мы будем извиняться в том, что не хотим понести трудов и меньших, между тем сопровождающихся большей наградой? Какая в самом деле из заповедей Христовых тяжка и трудна? Ты не можешь оставаться в девстве? Можешь жениться. Не можешь **оставить всего своего имения? Можешь из того, что у тебя есть, уделять: "Ныне ваш избыток"**, – говорит, – **"в восполнение их недостатка"** (2 Кор. 8:14). Трудным представляется презирать деньги и побеждать плотскую похоть, а все другое не требует никаких издержек, никакого усилия. Нужно ли, скажи мне, какое усилие, чтобы без причины не злословить и не клеветать? Нужно ли какое усилие, чтобы не завидовать благам других? Нужно ли какое усилие, чтобы не пленятся славой? Подвергаться мучениям и переносить их – это дело терпения; упражняться в любомудрии – дело терпения; переносить бедность – дело терпения; бороться с голодом и жаждой – дело

терпения. Но хотя бы и ничего такого не было, все же можно, наслаждаясь тем, что имеешь, как прилично христианину и не завидовать чужому: какое (тут) усилие? Зависть рождается не отчего другого, как от привязанности к настоящему, или лучше (отсюда) и всякое зло. Если б ты считал за ничто богатство и славу мира, то не завидовал бы тем, которые этим обладают.

4. Но так как ты смотришь на них с изумлением, высоко ценишь и боишься за них, то и тревожить тебя зависть и тщеславие. Все происходит оттого, что высоко ценят (блага) настоящей жизни. Ты завидуешь, что такой-то богат? Между тем он-то и достоин сожаления и слез. Но ты скажешь тотчас с усмешкой: я достоин слез, а не он. И ты достоин слез, не потому, что беден, но потому, что считаешь себя жалким. тех, которые горюют, не имя никакого горя, мы оплакиваем не потому, что их постигло какое-либо несчастье, но потому, что они без несчастья считают себя несчастными. Если бы кто, освободившись от горячки и совершенно выздоровевши, продолжал стонать и ворочаться, лежа на постели, – такой, скажи мне, не достоин ли был бы слез более, нежели т, которые страдают горячкой, не потому, что он в горячке (ведь он уже не в горячке), но потому, что он, будучи вне всякой опасности, думает, что еще в опасности? И ты достоин слез потому, что считаешь себя жалким, а не по бедности; ради бедности ты даже очень благополучен. Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что он подвергает себя большим беспокойствам и тягчайшему рабству? Что он своими стяжаниями связан, как бы какой пес бесчисленными цепями? Пришел вечер, настала ночь; но для него и это время покоя есть время смятения, неудовольствия, печали и заботы. Послышался шум? Он тотчас вскочил. Кого-нибудь ограбили? Он, не лишившись ничего, беспокоится более того, кто лишился; тот однажды потерял, и поскорбевши перестал беспокоиться; а он озабочен непрестанно, (даже когда) настает ночь, предел наших бед, облегчение наших несчастий, врачество ран. И одержимые сильной какою-либо болезнью, будучи утешаемы друзьями, родственниками и домашними, а часто и родителями, не внимали и не склонялись, но даже негодовали на их слова, потому что жестокая болезнь более всякого жара мучить наши души; но когда сон заставлял успокоиться, то не в силах были и поднять век. И как тело разгоряченное и изнуренное от борьбы с знойными лучами находить успокоение в каком-нибудь месте, орошаемом многими источниками, и прохлаждаемом легким ветерком, так ночь успокаивает во сне нашу душу, а лучше сказать – не ночь, и не сон делает это, но Бог, предвидя бедственность рода (человеческого), все это устроил.

Однако ж мы не жалеем сами себя, а, как враги самим себе, выдумали мучение, которое сильнее естественной необходимости и покоя – бессонницу от богатства. **"Забота о богатстве"**, – сказано, – **"отгоняет сон"** (Сир. 31:1). Смотри, как велико попечение Божье! Он не оставил отдыха на волю и пользования сном на наш произвол, но подчинил естественной необходимости, чтобы мы и против воли получали благодеяние: ведь спать – дело естественное. А мы, как бы сильно ненавидя самих себя, как бы против других (а не против себя) враждуя и других угнетая, из-за денег выдумываем мучение, которое сильнее этой естественной необходимости. Настал день? (Богач) боится доносчиков. Настала ночь? Трепещет разбойников. Угрожает смерть? Он более смерти поражается тем, что его (стяжания) достанутся другим. Имеет дитя? Хочет быть богаче, и все-то ему кажется, что он беден. Не иметь (детей)? Еще больше скорбит. Ужели же ты считаешь счастливым того, кого ничто не может порадовать? Тому ли, кого обуревают волны, завидуешь ты, находящийся в тихой пристани – в бедности? Подлинно и это слабость человеческой природы, что не надлежащим образом пользуются благами, но, находясь в счастье, удручаются. И это здесь. А когда перейдем туда, то послушай, что говорит богач, обладатель бесчисленных благ, как ты говоришь, хотя я не назвал бы их благами, а вещь безразличной. Итак послушай, что говорит этот обладатель бесчисленных благ и в чем имеет нужду: **"Отче Аврааме!"**, – говорит, – **"пошли Лазаря, чтобы омочил конец**

перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь" (Лк. 16:24). Если этот богач не терпел ничего такого, о чем я говорил, если всю жизнь провел спокойно и без забот, – впрочем что я говорю всю жизнь? одно мгновение, потому что (жизнь) мгновение: как бы одно мгновение, говорится, весь наш век пред веком бесконечным, – итак, если все шло по его желанию, то не жалок ли он по тем словам своим, а более по своим делам? Не вино ли лилось на твоём столе? А теперь и капля воды не в твоей власти, – и в этом ты весьма нуждаешься. Не презирал ли ты бедного, покрытого ранами? А теперь желал бы увидеть его, но никто не допускает. Он был у твоих ворот, а теперь в недрах Авраамовых; ты же возлежал под пространными кровлями, а теперь в огне гееннском.

5. Пусть выслушают это богатые, или лучше, не богатые, а немилосердные. Он не за то наказан, что был богат, но за то, что был немилостив; богатый же и вместе милостивый может получить всякое благо. Богач не видит никого другого, кроме того нищего (Лазаря) для того, чтобы, вспомнив дела свои, узнал, что праведно терпит это. Не великое ли множество было бедных праведников? Но ему является тот самый, который лежал пред его воротами, научая его и нас, как хорошо не надеяться на богатство. Ему бедность нисколько не воспрепятствовала получить царство, а тому богатство нисколько не помогло избежать геенны. Кто же беднее? Кто нищие? И тот, истинно не тот беден, кто ничего не имеет, но кто желает многого; и не тот богат, кто приобрел много, но кто ни в чем не нуждается. Какая польза приобрести всю вселенную, а жить печальнее ничего не имеющего? Свободная воля делает богатыми и бедными, а не изобилие стяжаний, и не скудость. Ты, бедный, хочешь быть богатым? Можешь, если хочешь, и никто не препятствует; пренебреги богатством мира; почитай его за ничто, как бы его и не было; отринь желание богатства, – и ты богат. Тот богат, кто не хочет быть богатым; и тот беден, кто не хочет быть бедным. Как болен тот, кто и при здоровья стонет, а не тот, для кого болезни легче всякого здоровья, – так и здесь: беден тот, кто не может сносить бедности, и при богатств считает себя беднее бедных, а не тот, кто лучше богатых сносить бедность, – последний гораздо богаче. Скажи меть: отчего ты боишься бедности? Отчего ты дрожишь? От голода ли, или жажды, или стужи, или не от этого? Но нет, нет человека, который бы терпел когда-либо такие недостатки. **"Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?"** (Сир. 2:10)? И еще: **"Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их"** (Мф. 6:26). Никто не может указать нам ни одного такого, кто вдруг погиб бы от голода и стужи. Почему ж ты трепещешь бедности? Нечего тебе (на это) сказать. Если у тебя есть необходимое, то почему боишься (бедности)? Потому ли, что нет у тебя множества рабов? Это избавление от господства, это постоянное счастье, это свобода от забот. Или потому, что не имеешь сосудов, кроватей, утвари, сделанных из серебра? Но что более тебя имеет для наслаждения тот, кто приобрел все это? Ничего. Польза (от вещей) одинакова, из того или из другого вещества он будут. Или потому, что для многих ты нестрашен? Но и не будь (таковым) никогда. Какое удовольствие в том, что некоторые дрожат и боятся тебя? Или потому, что ты боишься других? Но можно не бояться. **"Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее"** (Рим. 13:3). Но, говорят, мы в пренебрежении, и нас легко обидеть? Но не бедность, а порок наиболее производить это. В то время, как многие бедняки проводят всю жизнь без забот, начальникам, богатым и сильным труднее избавиться от всех злодеев, разбойников и гробокопателей. Что тебе причиняет бедность, то богатому богатство. Желаящие делать зло делают его как тебе из презрения, так богатому по ненависти и зависти, – и в последнем случае зла больше, чем в первом, потому что побудительная причина к злу здесь сильнее. Ненавистник делает все со всевозможным напряжением и силою, а презритель часто и щадить презираемого. Для бедного уже то самое, что он беден, что не может иметь силы, служить ко спасению. Когда мы скажем обидчику нищего: великое ли

дело ты сделаешь, если истребишь такого-то, если убьешь одного бедняка, велика ли будет твоя награда? – то этими словами укротим его гнев. А когда против богачей восстает зависть, то не прежде она утихает, как совершивши то, что хочет, и изливши яд свой. Видишь ли, что добро не в бедности и не в богатстве, но в нашем намерении? Итак, направим его к добру и сделаем благоразумным. Если ему будет дано хорошее направление, то ни богатство не сможет нас лишить царства, ни бедность причинить нам вреда; мы будем с кротостью сносить бедность, не имея (в ней) препятствия к получению будущих благ, даже и настоящих, но и настоящими благами насладимся, и небесных достигнем, которых и да сподобимся все мы (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Я и тому радуюсь и буду радоваться, ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью" (Фил. 1:18 – 20).

1. Никакая скорбь из случающихся в настоящей жизни, ни вражда, ни порицания, ни клеветы, ни беды, ни козни не могут возмутить великую и любомудрую душу, – потому что она как бы убежала на вершину некоторой высокой горы, где стала безопасна от всех стрел, пускаемых снизу, с земли. Такова была душа Павлова, нашедшая себе высшее всякой вершины место – место любомудрия духовного, истинной философии. То, чем заняты люди внешние (язычники), это – только слова и детские забавы. Но теперь речь по о них, пока мы говорим о делах Павловых. Этот блаженный, будучи преследуем царем, имел еще и других врагов, которые причиняли ему различные огорчения и жестоко клеветали на него. И однако, что он говорит? Не только не скорблю об этом и не унываю, но даже **"радуюсь и буду радоваться"**, т. е. не теперь только, но всегда буду этому радоваться. **"Ибо знаю, что это послужит мне во спасение"** будущее. И может ли не сбыться, когда и вражда против меня и зависть содействуют моей проповеди? **"По вашей молитве"**, – говорит, – **"и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей"**. Заметь смиренномудрие этого блаженного. Он подвизался на трудном поприще, совершил бесчисленное множество дел, находился уже у самого венца, – ведь это был Павел, а что еще больше можно сказать? – и однако ж он, бесчисленными добродетелями стяжавший спасение, пишет Филиппийцам, что могу спастись **"по вашей молитве и содействием"**, – говорит, – **"Духа Иисуса Христа"**. Что значит – **"содействием"**? Значит: чтобы за ваши молитвы удостоиться благодати. Выражение: **"содействием"** равносильно следующему: чтобы прибавлено было, чтобы более дано было мне Духа. **"Во спасение"**, то есть, для освобождения, для того, чтобы мне и настоящей беды избежать так же, как и первой. О первой он сказал: **"При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня"** (2 Тим. 4:16). То же и теперь уже предсказывает, говоря: **"По вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей"**. На этом, говорит, основывается моя надежда. Чтобы мы, полагаясь во всем на молитвы других, сами не оставались без всякого участия, для этого смотри, как (апостол) указывает и на свою долю – на надежду, причину всех благ, по слову пророка: **"Да будет милость Твоя, Господи, над нами, как мы уповаем на Тебя"** (Пс. 32:22); и в другом месте: **"Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?"** (Сир. 2:10)? И еще блаженный (Павел) сказал: **"Надежда не постыжает"** (Рим. 5:5). **"При уверенности"**, – говорит, – **"и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду"**. Такова надежда Павлова: надеюсь, что никогда не буду посрамлен. Видишь ли,

каково надеяться на Бога? Что бы ни случилось, говорит (апостол), **"посрамлен не буду"**, т. е. (враги) не одолеют меня. **"При всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем"**. (Враги) надеялись своей сетью уловить Павла, проповеданное им учение истребить, как будто коварство их могло это сделать. Потому он говорит, что этого не будет, я умру не теперь: **"И ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем"**. Как? Часто я находился в таких бедах, в которых не только все отчаивались о нас, но и мы сами о себе, – **"Но сами в себе имели приговор к смерти"** (2 Кор. 1:9); но Господь избавил нас от всего. Так **"и ныне возвеличится в теле моем"**. А чтобы кто не подумал и не сказал: если ты умрешь, то неужели возвеличится? – говорит: да, я уверен, потому-то я и не сказал, что жизнью только возвеличится, но и смертью. Сперва впрочем сказал: **"Жизнью"**, – не умертвят меня; но если и умертвят, то и через это возвеличится Христос. Как? Жизнью, потому что. Он спас меня; смертно, потому что и смерть не принудила меня отречься от Него, потому что Он даровал мне столько ревности, и сделал меня сильнее смерти. В первом случае Он избавил меня от бед, а в последнем не допустил меня убоиться насильственной смерти. Вот как (Господь) возвеличится жизнью и смертью.

2. Говорит же это не потому, будто уже предстояла ему смерть, но чтобы они и в случае смерти его не сокрушались по-человечески. А что он сказал это не потому, будто предстояло ему умереть, – чем весьма огорчил бы их, – то смотри, как он утешает, как бы так говоря: я говорю это не как имеющий умереть. Потому и присовокупляет далее: **"И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами"**. А слова: **"Я ни в чем посрамлен не буду"** значат: умереть мне постыдно, напротив весьма полезно. Почему? Потому, что я не бессмертен, – впрочем буду в большей славе, нежели в какой был бы, оставаясь бессмертным на земле, так как не одно и то же презирать смерть будучи бессмертным, и будучи смертным. Поэтому ни мало непостыдно умереть и теперь, хотя я и не умру. **"я ни в чем посрамлен не буду"**, – т. е. буду ли жив, идя умру: то и другое приму благодушно – жить ли мне или умереть. Хорошо сказано: таково именно (свойство) христианской души. **"Но при всяком"**, – говорит, – **"дерзновении"**. Видишь ли, как не посрамляюсь? Если бы страх смерти отнял у меня дерзновение, то умереть было бы постыдно. Когда же и приближающаяся смерть нимало не страшит, то непостыдно. Живу ли я, мне постыдно жить, потому что проповедую благовестие; умру ли, постыдно умереть, потому что не страшусь. (В том и другом случае) я показываю равное дерзновение. Не почтите постыдным делом того, что я сказал об узах. Он были причиной столь великих благ для меня, что и другим придали дерзновения. Стидно не то, чтобы быть в узах за Христа, но (стыдно) в чем-нибудь изменить Христу, убоившись уз, так что, пока этого нет, узы производят во мне дерзновение. Я часто не избегал опасностей, и этим могу похвалиться пред неверными, а если со мною случится что-нибудь противное, тогда считайте меня посрамленным, потому что и последнее не меньше первого и дает вам дерзновение. Смотри, как (апостол) сводит это к своему лицу; это же делает он и во многих других местах, например, в послании к Римлянам говорит: **"Ибо я не стыжусь благовествования"** (Рим. 1:16), и к Коринфянам: **"Это приложил я к себе и Аполлосу"** (1 Кор. 4:6). **"Жизнью ли то, или смертью"**. Говорит он это не потому, чтобы не знал, – он знал, что не тогда, а после умрет, – но заблаговременно подготовляем к этому их душу. **"Ибо для меня"**, – говорит, – **"жизнь – Христос, и смерть – приобретение"** (ст. 21): и умерши, говорит, я не умру, так как имею жизнь в себе самом. Только тогда (враги) умертвили бы меня, когда бы могли страхом исторгнуть вру из моей души; доколь Христос со мною, я жив, хотя бы и смерть случилась. Даже и в настоящем веке не то составляет жизнь мою, что живу, но – Христос. Если и в этом веке не в том состоит жизнь, **"А что ныне живу во плоти, то живу верой"**, то и о будущем веке я говорю, что **"и уже не я живу, но живет во мне Христос"** (Гал. 2:20). Таков должен быть христианин. Не живу, говорит, обыкновенной жизнью. Как же ты живешь, блаженный Павел? Ужели не

смотришь на солнце? Ужели не дышишь общим воздухом? Ужели не питаешься общей всем пищей? Ужели не ходишь по земле, как мы, не имеешь нужды во сне, в одежде, в обуви? Что ты говоришь: не живу? Как не живешь? Что ты хвалишься? (Нет), это не тщеславие. Если б об этом не свидетельствовали дела, то конечно можно бы назвать тщеславием. А так как дела свидетельствуют, то какое тщеславие? Исследуем же, каким образом он не живет. В другом месте он говорит: **"Которым для меня мир распят, и я для мира"** (Гал. 6:14). Итак, послушайте, в каком смысле он говорит: **"И уже не я живу"** (2:20), и еще: **"Но живет во мне Христос"**.

Имя жизни, возлюбленные, многозначительно, т. е. имеет много значений, так же как и имя смерти. Есть жизнь телесная, и есть жизнь греховная, как (апостол) говорит в другом месте: **"Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?"** (Рим. 6:2). Следовательно, можно жить жизнью греховной. Прошу вас, обратите строгое внимание, чтобы наш труд не был напрасен. Есть жизнь вечная и бессмертная, а вместе и небесная: **"Наше же жительство"**, – говорит, – **"на небесах"** (Фил. 3:20). Есть также жизнь телесная, о которой сказано: **"Ибо мы Им живем и движемся и существуем"** (Деян. 17:28). Итак, он говорит не о естественной жизни, что не живет; но о жизни греховной, какой живут все люди. И справедливо (говорит). Кто не привязан к настоящей жизни, тот как живет ею? Как живет ею тот, кто стремится к другой? Как живет ею тот, кто презирает смерть? Как живет ею тот, кто не желает ничего здешнего? Как составленный из адаманта, хотя бы наносили ему тысячу ударов, никогда не поворотится, так (тверд) и Павел: **"И уже не я"**, – говорит он, – **"живу"**, то есть ветхий человек: и в другом месте: **"Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?"** (Рим. 7:24). Таким образом, кто не делает ничего для пищи, ничего для одежды, ничего для настоящего, как тот живет? Он не живет естественной жизнью. Кто не печется ни о чем житейском, тот не живет. Мы живем этой жизнью, так как для нее все делаем; а он не жил, так как не занимался ничем здешним. Как же он жил? Так, как и мы говорим о некоторых: такой-то не существует для меня, когда он не делает ничего до меня относящегося; или что то же опять: такой-то для меня не живет. А что он не пренебрегал и жизнью естественной, видно из другого места: **"А что ныне живу во плоти, то живу верой в Сына Божьего, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня"** (Гал. 2:20), то есть, живу некоторой новой, отличной (от обыкновенной), жизнью.

3. Все же это говорит для утешения Филиппийцев. Не думайте, говорит, о том, что меня лишают этой жизни, потому что я, и живя, не этой жизнью жил, но той, какой хотел Христос. Скажи мне в самом деле: этой ли жизнью живет, кто презирает и деньги, и удовольствия, и голод, и жажду, и беды, и здоровье, и счастье? Этой ли жизнью живет, кто ничего здесь не имеет, кто часто решается оставить ее, когда нужно, и не заботится о ней? Вовсе не этой. Это нужно пояснить вам примером. Так, представь, что какой-либо великий богач имеет рабов и золото, и ничем из этого не пользуется: богат ли он от такого богатства. Нисколько. Представь еще, что он видит, как дети его расточают имение, и живут рассеянно в праздности, и нисколько не печется о них, а если угодно, представь, что и побои переносить он без скорби: назовем ли его богатым? Никак, хотя богатство и принадлежит ему. Так и Павел говорит: **"Но живет во мне Христос"**. Если хочешь исследовать жизнь мою, то Христос жизнь моя. **"И смерть – приобретение"**. Почему? Потому что (по смерти) гораздо яснее познаю Его, так что умереть значит начать истинную жизнь. Никакой беды не причинят мне те, которые умертвят меня, потому что они препроводят меня к моей жизни, и избавить меня от этой мне несвойственной. Что же? Находясь здесь, разве ты не Христос? И очень. **"Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать"** (ст. 22). Чтобы кто-нибудь не сказал: если же в том состоит жизнь, то для чего Христос оставил тебя здесь? – он объясняет, что это – **"плод делу"**. значит и настоящей жизнью можно пользоваться, проводя ее как должно, а не так, как многие (проводят). Это сказано им для того, чтобы ты не подумал, что он взвел

клевету на жизнь, и не сказал: если мы здесь не приобретаем себе никакой пользы, то для чего не умерщвляем себя, не убиваем? нет, говорит, можно получить пользу и здесь, если мы живем не этой жизнью, а иной. Но может быть кто-нибудь скажет: так это-то и приносить тебе плод? Подлинно, говорит. где после этого еретики? Вот теперь – **"Если же жизнь во плоти"** (апостол) называет **"доставляет плод моему делу"**, и именно **"делу"**. Как плод дела? **"А что ныне живу во плоти, то живу верой"**. **Вот почему плод дела. "то не знаю, что избрать"**.

О, какое любомудрие! Как он и отринул любовь к настоящей жизни, и не оклеветал ее! Именно словами: **"И смерть – приобретение"** он отринул любовь к ней, а словами: **"Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу"**, показал, что и настоящая жизнь нужна. Каким образом? Если пользуемся ею, как должно, если приносим плод. Если же она бесплодна, то уже не жизнь. Деревья, не приносящие плода, равно и сухие, мы бросаем и предаем огню. Жить – это нечто среднее и безразличное; а жить хорошо или худо – в нашей воле. Потому не должно нам ненавидеть жизни, так как можно жить и хорошо; если же будем злоупотреблять жизнью, то и в таком случае не должно обвинять ее. Почему? Потому что не жизнь тому причиной, но воля злоупотребляющих ею. Бог дал тебе жизнь, чтобы ты жил для Него; я ты, по склонности ко злу живя греховно, сам себя подвергаешь всякой вине. Что ты говоришь, Павел, скажи мне? Не знаешь, что избрать? Здесь он открывает великую тайну, что в его власти было умереть, так как, когда есть выбор, то значит мы властны. **"Не знаю"**, – говорит, – **"что избрать"**. значит (это) в твоей вол? Да, говорит, если захочу испросить у Бога эту благодать. **"Влечет меня то и другое: имею желание"** (ст. 23). Заметь нежную любовь этого блаженного: он и тем утешает их, что видят, как он сам властен в выбор, как это зависит не от злобы человеческой, но от устройства Божья. Итак, для чего вы, говорит, печалитесь о смерти? Гораздо лучше было бы давно умереть. **"Разрешиться"**, – говорит, – **"и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас"** (ст 24). Этим (апостол) подготовляем (Филиппийцев) к тому, чтобы они приближающуюся кончину его перенесли мужественно, этим научает их любомудрию. Хорошо говорит: "разрешиться и быть со Христом", потому что смерть – вещь безразличная, не смерть – зло, но зло – после смерти мучиться. Равно смерть и не добро, но добро – по смерти быть со Христом; что бывает по смерти, то добро или зло. Итак, мы должны скорбеть не просто об умирающих, и радоваться не просто о живущих. Как же? Мы должны плакать о грешниках не умирающих только, но и живущих, а радоваться о праведниках не только живых, но и скончавшихся. Первые и при жизни умерли, а последние и по смерти живут; первые и в этой жизни жалки для всех, так как оскорбляют Бога, а последние, и туда переселясь, блаженны, так как отошли ко Христу. Грешники, где бы ни были, далеки от Царя, – потому достойны слез; а праведные, здесь ли, там ли, вместе с Царем, и там они еще гораздо ближе к Нему, не созерцанием, не верой, но, как сказано, **"лицом к лицу"**.

4. Итак, будем оплакивать не просто умерших, но умерших во грехах. Они-то достойны плача, рыдания и слез. Какая, скажи мне, надежда отойти во грехах туда, где уже нельзя сложить с себя грехов? Доколь они были здесь, то очень можно было ожидать, что они переменятся, что будут лучше; а когда пошли во ад, то там нельзя получить пользы от покаяния: **"В тесноте"**, – сказано, – **"ада кто будет призывать Тебя"** (Пс. 17:6)? Как же они недостойны слез? Будем плакать о тех, которые так умирают, я не препятствую; будем плакать, но без нарушения благопристойности, как-то: не будем рвать (на себе) волос, обнажать рук, терзать лице, надевать черные одежды, а только в душе будем тихо проливать горькие слезы. И без этого обряда можно горько плакать, а не шутить только: в самом деле, нисколько не отличается от шуток то, что некоторые делают. Эти публичные терзания бывают не от сострадания, но на показ, из честолюбия и тщеславия; многие (женщины) делают это по ремеслу. Плачь горько и стеной долго, где никто не видит; это

будет делом сострадания, это и тебе принесет пользу. Кто плачет так о другом, тот тем более сам будет стараться, чтоб не подвергнуться тому же, – после того и грех тебе будет страшен. Плачь о неверных, плачь о тех, которые нисколько не отличаются от них, которые умирают без крещения и миропомазания; подлинно такие достойны слез и сетования, они вне царского чертога с обвиненными и осужденными: **"Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божье"** (Иоан. 3:5). Плачь о тех, которые умерли в богатств, и из своего богатства не придумали сделать ничего к утешению душ своих, которые имели возможность очистить грехи свои, и не хотели. О них будем плакать все и порознь и вместе, только с благопристойности), не теряя степенности, так, чтобы не выставить себя на позорище. Будем плакать о них не один, не два дня, но во всю нашу жизнь. Эти слезы – следствие не безрассудной страсти, но нежной любви; а те происходят от безумной страсти, и потому скоро осушаются. Лишь то, что происходит из страха Божья, бывает постоянно. Итак, будем оплакивать их, будем помогать им по силам, придумаем для них какое-либо пособие, хотя небольшое, однако ж могущее помочь. Как и каким образом? Сами молясь, и других убеждая молиться за них, всегда подавая за них бедным. Это доставит некоторое облегчение. В самом деле, послушай, что говорит Бог: **"И защищу город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего"** (4 Цар. 20:6). Если память только праведника была столько сильна, то как не сильны будут дела, творимые за усопшего? Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных тайн поминать усопших: они знали, что от этого много им выгоды, много пользы. Когда весь народ и священный лик стоят с воздеянием рук, и когда предлежит страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за них? Но это (говорим) о тех, которые скончались в вере; а оглашенные не удостоиваются этого утешения, но лишены всякой такой помощи, кроме одной. Какой же именно? За них можно подавать бедным; это доставляет им некоторую отраду, потому что Богу угодно, чтобы мы помогали друг другу. Иначе для чего бы Он повелел молиться о мир и благосостоянии мира? Для чего бы – о всех людях? Хотя здесь между всеми есть и разбойники, и гробокопатели, и воры, и исполненные бесчисленных пороков, однако ж мы молимся за всех: быть может это послужит сколько-нибудь к их обращению. Потому как мы молимся за живых, которые нисколько не отличаются от мертвых, так можно молиться и за умерших. Иов приносил жертвы о детях и очищал их от грехов. **"Может быть"**, – говорил он, – **"согрешили в сердце своем"** (Иов. 1:5). Так-то пекутся о детях. Не сказал, как теперь многие люди говорят: я оставлю им имение; не сказал: передам им славу; но сказал: приобрету власть; но сказал: куплю ноля. Но что? **"Может быть согрешили в сердце своем"**. Какая в самом деле польза от всего того, что остается здесь? Никакой. Умилостивлю, говорит, Царя всех для них, и тогда они ни в чем не будут иметь недостатка. **"Господь – Пастырь мой"**, – говорит (пророк), – **"я ни в чем не буду нуждаться"** (Пс. 22:1). Вот великое богатство, вот сокровище! Если мы имеем страх Божий, то ни в чем у нас нет нужды; а если не имеем его, то хотя бы владели самим царством, мы всех беднее. Нет равного боящемуся Господа: **"Страх Господень"**, – сказано, – **"все превосходит"** (Сир. 25:14). Приобретем его, будем делать все ради него; хотя бы надобно было положить душу и предать на смерть тело, не пощадим себя; будем делать все, чтобы приобрести этот страх. Таким образом мы будем богаче всех, и получим будущие блага во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"Не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере,

дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии" (Фил. 1:22–26).

1. Не было ничего блаженнее души Павловой, так как не было ничего мужественнее ее. А ныне о всех прилично сказать напротив: нет ничего злосчастнее, нет ничего слабее. Потому-то все мы боимся смерти: одни, из числа которых и я сам, по причине множества грехов, другие по привязанности к жизни и по трудности умирать, – в числе каковых не дай Бог мне быть никогда, потому что боящиеся смерти суть люди **"душевные"**. Итак, чего все мы боимся, того Павел желал, к тому стремился: **"Разрешиться"**, – говорит он, – **"несравненно лучше. Но не знаю, что избрать"**. Что ты говоришь? Ты представишься отсюда на небо и будешь со Христом, а не знаешь, что избрать? нет, это не свойственно душе Павловой. И кто не избрал бы этого (быть со Христом), если бы кто-нибудь сказал ему о том, и твердо в том его уверил? Конечно – никто. Но не в нашей власти ни то, чтобы разрешиться и быть со Христом, ни то, чтобы оставаться еще здесь, когда придет время. Для Павла же и души его было возможно и то и другое. Что же ты говоришь? Знаешь и уверен, что будешь со Христом, а недоумеваешь, говоришь: **"Не знаю, что избрать"**? Мало того, – ты даже решаешься остаться здесь, т. е. пребыть во плоти. Почему бы это? Не горькую ли проводил ты жизнь? **"Не во бдениях ли"**, в кораблекрушениях, **"в алчбе и жажде, в нагоде"**, в заботах и беспокойствах? С немощными и ты немоществовал, о соблазнявшихся сгорал. **"В великом терпении"**, – говорит, – **"в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями"** (2 Кор. 6: 4–6; 11:24–26). Когда весь народ галатийский обратился к соблюдению закона, не взывал ли ты: **"Вы, оправдывающие себя законом отпали от благодати"** (Гал. 5:4)? Сколько слез тогда ты пролил, – и еще к тому же желаешь этой преходящей жизни? Да если бы и ничего такого с тобою не случилось, но все дела ты совершил бы безопасно и с удовольствием, – и тогда не надлежало ли бы тебе, убоившись неизвестности будущего, спешить к какому-нибудь пристанищу? Какой купец, скажи мне, имея корабль, наполненный бесчисленными сокровищами, захотит еще оставаться на море, когда он у пристани, в которую может взойти и успокоиться? Какой борец захотит продолжать борьбу, когда он уже заслужил венец победный? Какой боец захотит снова вступить в бой и сломить себе голову, когда возлагают на него венец? Какой военачальник станет утруждать себя и сражаться, когда можно освободиться от войны с честью и трофеями, и вкушать покой с царем в его чертогах? Как же ты, проводя столь горькую жизнь, желаешь еще остаться здесь? Не ты ли говорил: **"Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (1 Кор. 9:27)? Если уже не по другой какой причине, то по этой одной следовало бы тебе желать освобождения. Даже если бы настоящая (жизнь) исполнена была бесчисленных благ, и в таком случае надлежало бы желать отрешения от них для возлюбленного Христа. О, душа Павлова! Не было ей равной и не будет. Ты бесчисленными окружен бедами, и боишься будущего, и не желаешь быть у Христа? Нет, говорит он: и это для Христа, чтобы тех, которых я сделал рабами Его, еще более утвердить в добром расположении, чтобы ниву, мною насажденную, сделать плодоносной. Разве ты не слышал, что я ищу не своей пользы, но (пользы) ближних? Разве не слышал, что я желал бы быть отлученным от Христа, только бы многие обратились к Нему? Если я на это решался, то не с большим ли удовольствием решусь

пожертвовать своим замедлением и пребыванием здесь, только бы это сколько-нибудь послужило к их спасению?

"Кто изречет могущество" Твои, Господи (Пс. 105:2), что Ты не сокрыл от нас Павла, что явил вселенной такого мужа? Восхвалили Тебя единодушно все ангелы, когда Ты сотворил звезды и солнце, однако ж, не столько, как в то время, когда нам и всей вселенной явил Ты Павла. От этого земля стала блистательнее неба: он, будучи светлее солнечного света, испускал блистательнейшие молнии и разливал светлые лучи. И какой великий произвел он для нас плод? Он не растете утучнял, не древа питал, но и порождал и приводил в зрелость плод благочестия, а упдающий беспрестанно поднимал. И в самом деле, солнце никак не может исправить однажды загнившее плодоносное дерево; а Павел отвратил от грехов (людей), покрытых бесчисленными струпьями. Солнце уступаете ночи, а Павел победил и дьявола. Ничто его не сокрушило, ничто не одолело. Солнце, держась на высоте, простирает вниз лучи свои; а Павел, снизу восходя, не пространство между небом и землей наполнил светом, но едва отверз уста свои, как и ангелов исполнил великой радости. Каким образом? Если **"бывает радость у Ангелов Божьих и об одном грешнике кающемся"** (Лк. 15:10), то когда он первой проповедаю уловил многих, как не исполнил радости горние силы?

2. И что я говорю? Павлу довольно было заговорить только, и небеса от этого скачут и веселятся. **"Когда вышел Израиль из Египта Горы прыгали, как овны"** (Пс. 113:1,4), то когда люди переводимы были от земли на небо, какая, думаешь ты, была радость? Вот почему **"а оставаться во плоти нужнее для вас"**. После этого чем мы будем оправдываться? Часто человек, владея малым и небогатым именем, не решается перейти в другое место, дорожа своим спокойствием. А Павел мог отойти ко Христу, и не хотел ко Христу, – ко Христу, Которого он столько любил, что для Него готов был даже в геенну, – а остался подвизаться еще для людей. Чем же мы будем оправдываться? Но можно ли говорит просто, в общих чертах, о Павле? Смотри, что он сделал. (Сперва) он сказал, что отойти ему лучше, убеждая их не скорбеть; (потом) говорит, что если он останется, то остается единственно для них, что этого нельзя производить от злонамеренности людей коварных, А чтобы убедить их, он присовокупил и причину. Если это нужно, то я подлинно пребуду и не просто пребуду, но с вами. Таково именно значение слова: **"пребуду"**, т. е. увижусь с вами. Для чего? **"Для вашего успеха и радости в вере"**. Этими словами он побуждает их быть внимательными к себе, как бы так говоря: если я для вас останусь, то смотрите, не посрамите моего пребывания. Имя возможность узреть Христа, я решился остаться для вашего успеха. Так как мое присутствие споспешествует и вере и радости вашей, то я и решился остаться. Что же? Для одних ли только Филиппийцев он остался? нет, не для них только он остался, а говорит это для того, чтобы утешить их. Как же это служило к успеху их в вере? Так, чтобы вы больше укрепились, подобно птенцам, имеющим нужду в матери, доколь они не оперятся. Это – доказательство великой любви. Подобным образом и мы возбуждаем иных, когда говоримы я остался для тебя, чтобы тебя сделать добрым. **"Дабы похвала ваша"**, – говорит, – **"во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии"**. Видишь ли, что значение слова: **"пребуду"** – именно таково? Но заметь смиренномудрие (апостола). Сказавши – **"для вашего успеха"**, он показывает, что вместе и в свою пользу. То же делает он и в послании к Римлянам, когда говорит: **"То есть утешиться с вами верой общей"** (Рим. 1:12), сказав прежде: **"Чтобы преподать вам некое дарование духовное"**. Что же значит: **"Дабы похвала ваша умножилась"**? То, чтобы изобиловало служащее к похвал, именно – утверждение в вере (это и есть похвала во Христе) и праведная жизнь. Итак, во мне ли **"Дабы похвала ваша умножилась при моем вторичном к вам пришествии"**? Да, говорит он: **"Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли?"** (1 Фес. 2:19). **"Что мы будем похвалой"** нам вы есть, **"равно и "**

и мы вам (2 Кор. 1:14), т. е. чтобы мне побольше было чем похвалиться в вас. Каким образом? **"Дабы похвала ваша умножилась"**. Я более могу хвалиться тогда, когда вы преуспеваете. **"При моем вторичном к вам пришествии"**. Что же? Пришел ли он к ним? Сами доищитесь, пришел ли. **"Только живите достойно"**, – говорит, – **"благовествования Христова"**. Видишь ли, что он все говорил для того, чтобы этим побудить их к преуспеянию в добродетели? **"Только живите достойно благовествования Христова"**. Что значит – **"Только"**? значит: это одно составляет предмет стремлений, и ничто другое; если это будет, то с вами не случится ничего прискорбного. **"Чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас"**. говорит так не потому, будто бы он переменял намерение и не хотел уже придти к ним, но на случай, если бы это произошло, прибавляет, что **"или не приду"** могу радоваться. **"Слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единокорно"**.

3. Это в особенности и соединяет верных, и поддерживает любовь. Потому Христос сказал: **"Чтобы они были едино"** (Иоан. 17:11), так как **"царство, разделившееся само в себе, опустеет"** (Мф. 12:25). Потому и Павел повсюду сильно убеждает к согласию. Потому же и Христос говорит: **"По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою"** (Иоан. 13:35). Итак, ожидая моего прихода, не будьте беспечны, как обыкновенно бывает с ожидающими, а если не дождетесь меня, не унывайте, потому что и весть о вас может меня столько же радовать. Что значит: **"В одном духе"**? Значит – в одном и том же даровании единомыслия и ревности. Дух один; это доказывается многими местами, где говорится об этом. Равным образом и **"подвизаясь единокорно"** значит то же, что всем иметь один дух. Словом **"единокорно"** выражается единомыслие: многие души называются одной. Так было в древности: **"У множества же"**, – сказано, – **"уверовавших было одно сердце и одна душа"** (Деян. 4:32). **"Подвизаясь единокорно за веру Евангельскую"**. Разве вера была сама с собою в борьбе, что он говорит: **"подвизаясь"** друг другу? Какая же у него мысль? У них не было междоусобия; следовательно, его слова значат: вспомоществуйте друг другу, подвизаясь за веру евангельскую. **"И не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование погибели, а для вас – спасения"** (ст. 28). Хорошо сказано: **"Не страшитесь"** (не утрущаясь), – потому что действия врагов таковы, что только утрущают. Говорит: **"ни в чем"**: что бы ни случилось, опасности ли, козни ли. Таково свойство людей мужественных. Враги ничего не могут сделать (им), разве только утрусить. Так как, вероятно, (Филиппийцев) приводили в смущение бесчисленные страдания Павла, то он не говорит: не беспокойтесь, но – не утрущайтесь, и даже совершенно пренебрегайте (врагами). И если вы будете в таком расположении духа, то это будет явным признаком их погибели, а вашего спасения. Когда они увидят, что бесчисленные их козни не могут даже утрусить вас, то убедятся в своей собственной погибели. Когда гонители не преодолевают гонимых, строящие козни – тех, кому строят эти козни, властители – подвластных, то не явно ли для них бывает, что они сами гибнут, что они не имеют никакой силы, что (надежды) их тщетны, (усилия) их слабы? **"И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него"** (ст. 29). Здесь, все приписывая Богу, и страдание за Христа называя благодатно, дарованием и даром, он поучает их не думать о себе высоко. Итак, не стыдитесь дарования; оно гораздо чудеснее дара воскрешать мертвых и творить чудеса, потому что в последнем случае должник я, а в первом должником имею Христа. Потому вы, как имеющие дарование, не только не должны стыдиться, а, напротив, должны радоваться. Добродетели (апостол) называет дарованиями; впрочем не в таком смысле, как другие (дары): последние всецело от Бога, а первые и от нас. Но так как и здесь более действует Бог, то (апостол) говорит, что все – Его, не отвергая этим свободной воли, а располагая к смиренномудрию и благодарности. **"Таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне"** (ст. 30), – т. е. вы имеете и пример. Здесь теперь хвалить их.

Именно – показывает, что они везде подвизаются в том же (в чем и он), и в одинаковой борьбе, хотя отдельно и сами по себе, потому что переносят вместе с ним искушения. Не сказал: слышали, но – **"видели"**, потому что он подвизался и в Филиппах. Подлинно это великая добродетель. Потому он и в послании к галатам говорил: **"Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!"** (Гал. 3:4); и в послании к Евреям писал: **"Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии"** (Евр. 10:32); и к македонянам, т. е. к Фессалоникийцам писал: **"Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам"** (1 Фес. 1:9); и еще: **"Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный"** (2:1). И для всех равно одобряет одно и то же – подвиги и страдания. А теперь у нас не найдете этого, – теперь и то хорошо, если кто переносит какой-нибудь убыток в имуществе. (Современникам же своим апостол) и по отношению к имуществу приписывает великую похвалу. Одним говорит: **"Расхищение имени вашего приняли с радостью"** (Евр. 10:34); другим пишет: **"Ибо Македония и Ахايا усердствуют некоторым подаянием для бедных"** (Рим. 15:26); а третьим: **"И ревность ваша поощрила многих"** (2 Кор. 9:2).

4. Видишь ли, как (апостол) хвалить мужей того времени? А мы не терпим ни заушений, ни удара какого-нибудь; даже не переносим ни оскорбления, ни лишения в имуществе. Они сверх того были ревнители, и все подвизались до мученичества; а в нас охладела любовь ко Христу. Опять вынужден я обличать настоящие дела. Что делать? Не хотел бы, но вынужден. Если бы возможно было умолчать и, не сказав ничего о прежде бывшем, молчанием устранить настоящее, то следовало бы смолчать. Но так как напротив бывает, – при нашем молчании но только не устраняется, но делается ото тягостнее, – то необходимо говорит. Обличающий грешников, если и ничего другого не делает, по крайней мере не попускает им идти далее. Ведь нет ни одной души настолько бесстыдной и ожесточенной, чтобы, будучи непрестанно обличаема, она не устыдилась и не отстала бы от великого нечестия: есть, подлинно есть и в бесстыдных людях немножко стыда, потому что стыдливость Бог вложил в природу нашу. Так как не довольно было одного страха для того, чтобы удержать нас в порядке, то (Бог) уготовил и другие средства для отклонения нас от грехов, как-то: обличение со стороны людей, страх постановленных законов, любовь к славе, воздействие дружбы. Все это – средства для отклонения от грехов. Часто бывает, что чего не делают для Бога, то самое делают от стыда; чего не делают для Бога, то делают по страху человеческого. Сперва надобно научиться не грешить; а потом достигнем наконец и того, что не будем грешить для Бога. И действительно, почему Павел к торжеству над врагами побуждает не страхом Божиим, а ожиданием отмщения: **"Ибо, делая сие"**, – говорит, – **"ты соберешь ему на голову горящие уголья"** (Рим. 12:20)? Между прочим и потому, что желает преуспевания в добродетели. Итак, есть в нас, как я сказал, некоторая стыдливость. Впрочем много мы имеем и естественных расположений к добродетели, напр., все мы, люди, природой побуждаемся к милосердию, и нет в природе нашей другого настолько доброго свойства, как это. После этого иной, может быть, спросить: для чего особенно вложено в природу нашу трогаться, разумею, при виде слез, преклоняться и быть готовыми к милости? Никто по природе не ленив, никто по природе не тщеславен, никто по природе чужд зависти. Но милосердие вложено природой во всех, даже в грубых и жестоких. И что удивительного, если мы оказываем (милосердие) людям? Мы и зверей милуем. В таком избытке вложено в нас милосердие! И если при виде львенка мы несколько трогаемся, то гораздо более при виде однородного (с нами). Посмотри, какие калеки! – так часто мы говорим, зная, что и этого довольно для возбуждения в нас милосердия.

Ничто столько не приятно Богу, как милостыня. Вот почему и священники, и цари, и пророки были помазываемы елеем: елей принимали они, как символ человеколюбия Божья. Сверх того (таким помазанием) давалось им разуметь, что в начальнике должно быть более милосердия; это показывало, что и Дух нисходит на человека для милосердия же, так как Бог милует людей и поступает человеколюбиво: **"Ты всех милуешь"**, – сказано, – **"потому что все можешь"** (Прем. 11:24). Вот для чего они помазывались елеем! Ведь и священство учреждено по милосердию, и цари помазывались елеем. И если бы кто вздумал похвалить начальника, то всего лучше похвалить, когда скажет, что он милостив: милость есть существенное свойство власти. Припомни, что и мир сотворен по милости, и подражай Владыке. **"Милость человека – к ближнему его, а милость Господа – на всякую плоть"** (Сир. 18:12). Как – **"на всякую плоть"**? О грешниках ли станешь говорить, о праведниках ли, – все нуждаемся в милости Божьей, все пользуемся ею, даже сам Павел, и Петр, и Иоанн. Послушай, что они сами говорят, и наши слова будут излишни. Что же говорит блаженный (Павел)? **"Помилован потому, что так поступал по неведению"** (1 Тим. 1:13). Итак что же? После того разве не имел он нужды в милости? Выслушай, что он говорит в другом месте: **"Но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мною"** (1 Кор. 15:10); и об Епафродите говорит: **"Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали"** (Фил. 2:27); и еще: **"Потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит"** (2 Кор. 1:8–10); и еще: **"И я избавился из львиных челюстей. И избавит меня Господь"** (2 Тим. 4:17). И везде найдем – хвалится тем, что спасен по милости.

5. И Петр был таковым потому, что был помилован. Послушай, что говорит ему Христос: **"Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя"** (Лк. 32:31). И Иоанн таков был по милости; и вообще все апостолы. Послушай, как Христос намекает на это, говоря: **"Не вы Меня избрали, а Я вас избрал"** (Иоан. 15:16). Так, мы все имеем нужду в милости Божьей: **"Ибо милость Божья"**, – сказано, – **"на всякую плоть"**. Но если эти (мужи) имели нужду в милости Божьей, то что сказать о прочих? Почему, скажи мне, **"Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми"** (Мф. 5:45)? Что, если бы Он в продолжение только года удержал дождь, – не погубил ли бы всех? Что, если бы произвел наводнение? Что, если бы одождил огонь? Что, если бы послал мух? Но что я говорю? Если бы Он произвел, мглу, как некогда, – не погубил ли бы всех? Если бы потряс землю, – не все ли бы погибли? Теперь прилично сказать: **"то что есть человек, что Ты помнишь его"** (Пс. 8:5)? Если Бог только погрозит земле, то все сделаются одним гробом. **"Вот народы – как капля из ведра"**, говорит (Исая), **"и считаются как пылинка на весах"** (Ис. 40:15). Как для нас легко наклонить весы, так для Него погубить все, и вновь сотворить. Потому Тот, Кто имеет такую власть над нами, видит, что мы ежедневно грешим, и не наказывает, – не по милости ли терпит? И скоты существуют и сохраняются по милости же: **"Человеков"**, – сказано, – **"и скотов хранишь Ты, Господи!"** (Пс. 35:7). Он призрел на землю, и наполнил ее животным. Для чего? Для тебя. А тебя для чего сотворил? Не для благотворения ли? Ничего нет превосходнее милости. Она есть виновница света и там (на небе), и здесь (на земле). **"Напитаешь душу страдальца"**, – говорит пророк, – **"тогда свет твой взойдет во тьме"** (Ис. 58:10). И в самом деле. Как елей дает свет плавающим по морю, так милостыня дает нам великий и чудный свет там. Об этом елее много сказано у Павла. Послушай, как он в одном месте говорит: **"Только чтобы мы помнили нищих"** (Гал. 2:10); в другом: **"А если прилично будет и мне отправиться"** (1 Кор. 16:4). И везде, так или иначе, увидишь его заботливость об этом. Так он говорит: **"Пусть и наши учатся"**

упражняться в добрых делах" (Тит. 3:14); еще: **"Это хорошо и полезно человекам"** (ст. 8). Послушай, как и еще некто говорит: **"Милостыня избавляет от смерти"** (Тов. 4:11). Другой говорит: *если милость отнимешь, и если войдешь в суд с рабом Твоим, Господи, Господи, кто устоит* (Пс. 142:2; 129:3). Еще иной говорит: **"Многие хвалят человека за милосердие"** (Прич. 20:6). Милостивый-то и есть человек; или лучше – миловать значит быть Богом. Видишь, какая сила милости Божьей? Она произвела все, она создала мир, она сотворила ангелов, единственно по благодати. И геенной угрожает Бог для того, чтобы нам получить царство (небесное); а царство получаем мы по милости. Для чего, скажи, Бог, будучи един, сотворил так много (существ)? Не по благодати ли? Не по человеколюбию ли? Если ты будешь спрашивать, почему то, почему другое, – везде найдешь (что причина) благодать. Итак, будем милостивы к ближним, чтобы нам и самим быть помилованными. Не столько для них, сколько для самих себя мы собираем этот елей на будущий день. Когда будет сильный пламень огненный, то этот елей[1] угасит огонь и будет для нас виною света. Таким образом через нее (милость) мы избавимся от огня геенского. В противном случае за что умилоосердится и помилует нас (Бог)? Милосердие происходит от любви. И ничто так не раздражает Бога, как немилость. Приведен был к Нему некто должный тысячам и талантов, и Он умилоосердившись отпустил (ему долг). Но когда он начал душить подобного себе раба, который должен был ему сто динариев, то за это Господь **"отдал его истязателям"** (Мф. 18), пока не отдает долга. Слыша это, будем милостивы к тем, которые должны нам деньгами, грехами; никто не будь злопамятен, если не хочешь обидеть себя самого. Не прощая другому, ты не столько его огорчаешь, сколько себя обижаешь. Когда ты мстишь ему, то не мстит ему Бог. Когда же ты прощаешь, то Бог или мстит ему, или твои грехи прощает. А не прощая ближнему, как ты ищешь царствия? Итак, чтобы нам не пострадать, будем прощать всем; через это и сами получим прощение; будем прощать, чтобы и Бог простил нам грехи наши, и, таким образом, чтобы мы достигли будущих благ (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] Слова *ἐλαίου* елей и *ἐλεος* милость св. Златоуст употребляет как тождественные.

БЕСЕДА 5

"Итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других" (Фил. 2:1–4).

1. Нет ничего лучше, ничего любвеобильнее духовного учителя: в благожелании он превосходить всякого естественного отца. Посмотри, наприм., как этот блаженный умоляет Филиппийцев о полезном для них. Что именно говорит он, убеждая их к единомыслию, причин всех благ? Вот, как внушительно, как убедительно, с каким сильным чувством говорит он: **"Итак, если есть какое утешение во Христе"**, т. е. – если вы имеете какое-либо утешение во Христе. Как бы так сказал: если ты сколько-нибудь внимателен ко мне, если ты заботишься обо мне, если ты когда-либо получил от меня какое-нибудь благодеяние, то сделай это. Такой образ речи мы употребляем тогда, когда просим о таком предмете, который предпочитаем всему. Если чего не предпочитаем всему, того не захотим получить взамен всего, и не скажем, что через то все сделано. Мы

(в подобном случае) приводим на память плотские права. Наприм., отец сказал бы сыну: если ты имеешь какое-либо уважение к отцу, если сколько-нибудь помнишь воспитание, если сколько-нибудь любишь меня, если сколько-нибудь дорожишь честью, полученною от меня, если сколько-нибудь расположен ко мне, – то не будь врагом брату, т. е., в воздаяние за все прошу только этого. А Павел говорит иначе: он не упоминает ни о чем плотском, но все о духовном. Смысл его слов такой: если хотите доставить мне какую-либо отраду в искушениях и ободрение во Христе, какое-либо утешение любви, показать какое-либо общение в духе, если имеете какое-либо милосердие и сострадательность в сердце, – то **"дополните мою радость, если есть какое милосердие и сострадательность"**. Щедротами Павел называет единомыслие своих учеников, показывая этим крайнюю опасность в том случае, когда они не будут единомысленны. Если мне, говорит, можно получить от вас утешение, если можно получить какую-нибудь отраду от вашей любви, если можно иметь общение с вами в духе, и общение с вами в Господ, если можно надеяться от вас на милосердие и сострадание, – то воздайте за все это любовью. Все это я получил, если вы любите друг друга. **"дополните мою радость"**. Смотри: чтобы не показалось, что он убеждает их, как не исполняющих своего долга, для этого не говорит: сделайте для меня, но – **"дополните"**, т. е.: вы начали насаждать во мне, уже успокоили меня, но я желаю достигнуть конца. Чего же ты желаешь, скажи мне? Того ли, чтобы мы избавили тебя от опасностей, чтобы снабдили тебя чем-нибудь? Ничего такого, говорит он, но **"имейте одни мысли, имейте ту же любовь"**, с какой вы начали, **"единодушны и единомысленны"**. О, как часто от великого расположения повторяет (Павел) одно и то же! **"имейте одни мысли"**, – говорит, или лучше – да одно и то же мыслите. Это он и объясняет далее словом – **"единомысленны"**, которое сильнее слова – **"имейте одни мысли"**. **"Имейте ту же любовь"**, т. е. не просто в вере только, но и во всем прочем, потому что можно мыслить одно и то же, и не иметь любви. **"имейте ту же любовь"**, т. е. любите столько же, сколько вас любят. Когда пользуешься от других великой любовью, то и сам оказывай другим не меньшую, чтобы и в этом не быть тебе своекорыстным. Пусть некоторые допускают это, а ты не допускай. **"единодушны"**, говорит, т. е., пусть во всех телах будет одна душа, не в отношении существа, – это невозможно, – но в отношении желания и мысли; пусть все происходит как бы от одной души. Что значит – **"единодушны"**? (Апостол) изъясняет это словом – **"единомысленны"**: пусть будет (у всех) одна мысль, как у одной души. **"Ничего не делайте по любопрению"**. Апостол внушает затем и излагает способ, как этого достигнуть. **"Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию"**. Вот что, как я всегда говорю, составляет причину всех зол; вот откуда брани и ссоры, откуда клеветы и препирательства, откуда охлаждение любви, – когда мы пристрастимся к славе человеческой, когда сделаемся рабами чести, воздаваемой толпой. Раб славы не может быть истинным рабом Божиим. Итак, скажут, как же можем мы избегнуть тщеславия? Ты еще нам не показал пути. Слушай следующее: **"но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя"**. О, какое предложил он правило, исполненное всякого любомудрия, и какое руководство для нашего спасения! Если ты предполагаешь, говорит, что другой лучше тебя и уверишься в том; а еще более, если не на словах только, но и совершенно убежден в том, и честь ему воздаешь, – то не будешь чувствовать неудовольствия, видя, что другой почитает того, кому ты воздаешь честь. Итак, почитай другого не просто лучшим себя, но и высшим, – что означает великое превосходство, – и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть (другого) почитаемым; даже, если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя; бранить ли тебя он станет, – снесешь; зло ли какое причинить, – стерпишь молча. Когда ты однажды в душ своей совершенно убедился, что он лучше тебя, то не будешь гневаться, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Тем, которые гораздо выше, никто не завидует, потому что каждый думает, что высшим все принадлежит.

2. Здесь (апостол) поучает держаться такого расположения духа. Если же, говорит он, и другой, получивший от тебя такую честь, будет в подобном же расположении к тебе, то представь, какая это будет двойная стена благодущия. Пока ты считаешь другого достойным почтения, равно и он тебя, до тех пор не произойдет ничего неприятного. Если такое поведение со стороны одного достаточно, чтобы уничтожить всякую раздражительность, то при взаимном кто разрушить такую твердыню? Ни сам далее дьявол, потому что составится тройное укрепление, четверное, и больше. Смиренномудрие есть причина всего доброго. А чтобы понять это, послушай слова пророка: **"ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже"** (Пс. 50:18,19). Бог требует не просто смиренномудрия, но стремления к смиренномудрию. Как в телах разбитое никогда не может противостоять твердому, но при всяком сотрясении само разрушается прежде, нежели столкнется с другим, так и в душе: угнетаемая постоянно несчастьем, она решится лучше умереть, нежели нападать и защищаться. Доколь мы будем надмеваться гордостью, достойной посмеяния? Мы смеемся, когда видим, что дети вытягиваются и поступают величаво; смеемся, когда они то берут камень, то опять бросают. Так и глупая гордость человеческая есть плод детского размышления и несовершенного ума. **"Что гордится земля и пепел?"** (Сир. 10:9)? Человек, ты высокоумствуешь? Для чего? Какая прибыль тебе, скажи мне? Отчего ты высокоумствуешь пред теми, которые одного с тобою рода? Разве ты не того же естества? Разве в тебе не такая же душа? Разве не в равной мере ты почтен от Бога? Но ты мудр? Следовательно, должен благодарить, а не надмеваться. Первая черта неблагодарности – это гордость, потому что благоденствия она не почитает за дар. Надменный потому и надмевается, что почитает себя совершенным. А почитающий себя совершенным, неблагодарен к Даровавшему честь. Имеешь ли ты что доброе? Благодарю Давшего. Послушай, что говорит Иосиф, и что Даниил. Когда царь египетский призвал (Иосифа) из темницы, и пред всем собранием спрашивал его о деле, от которого отступились все египтяне, наиболее в нем искусные, – тогда он мог бы всячески вознестись и выказать себя мудрее звездочетов, прорицателей, чародеев, волхвов и всех философов того времени, хотя был невольником, в плену и рабстве (и в этом случае слава его была бы еще больше, потому что не все равно – прославиться ли будучи уже известным, или неожиданно, – неожиданность сделала бы его более достойным удивления). однако ж что он сказал, представши пред фараоном? Да, я это знаю? нет, не то, – а что же? Не будучи никем обличаем, по великой кротости, что говорит он? **"Не от Бога ли истолкования?"** (Бт. 40:8)? Смотри: сначала он прославил Владыку; за то и сам был прославлен. А это не маловажно в отношении к славе: гораздо важнее, когда Бог ее обнаружить, нежели когда сам себе ее усвоишь. С другой стороны, через это и слова его приобрели достоверность, и получено весьма сильное доказательство его близости к Богу. А нет ничего лучше, как быть близким к Богу. "Если оправдался делами", – сказано, – "имеет похвалу, но не пред Богом" (Рим. 4:2). Кто удостоился благодати, тот имеет похвалу у Бога, потому что (Бог) любит его, и прощает ему (грехи); а кто заслужил делами, тот тоже имеет похвалу, но не у Бога, как первый. Это – доказательство великой немощи вашей. И тот, кто получил мудрость от Бога, насколько большего достоин удивления! Он прославил Бога, и сам прославлен от Него: **"Ибо Я прослаблю прославляющих Меня"** (1 Цар. 2:30), говорит (Бог). Также поступил потомок (Иосифа), мудрее которого никого не было, – так как сказано: **"Вот, ты премудрее Даниила"** (Иез. 28:3)? Этот-то Даниил, когда все мудрецы вавилонские, самые даже звездочеты, прорицатели, волхвы, чародеи, все философы были не только посрамлены, но и истреблены (а истребление их указывало на то, что и прежде они обманывали), – представши (пред царем) для разрешения вопроса, не хвалится, но наперед все приписывает Богу, и говорит: **"Царь! А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих"** (Дан. 2:30). **"Тогда царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу, и велел принести ему дары и благовонные"**

курения" (ст. 46). Видишь ли смирение? Видишь ли признательность? Видишь ли нрав, чуждый гордости? Послушай еще апостолов. В одно время они говорят: **"Что смотрите на нас, как будто бы мы своей силою или благочестием сделали то, что он ходит?"** (Деян. 3:12)? В другое время: **"И мы – подобные вам человеки"** (14:15). Если же они так отвергали воздаваемые им почести, они – люди, которые смиренномудрием во Христе и Его силою сотворили большие дела, нежели Христос, как Он сам говорит: **"Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит"** (Иоан. 14:12), – то как не бедны, как не несчастны те, которые не могут прогнать и комаров, не только демонов, – те, которые не в силах принести пользы и одному человеку, не только целой вселенной, – и при этом столько мечтают, сколько не мечтает и сам дьявол?

3. Ничего нет более несвойственного христианской душе, как гордость, – говорю – гордость, а не дерзновение, не мужество, которые хотя близки между собою, однако ж не одно и то же, так что иное – смиренномудрие, а иное – низость, лезть и пресмыкательство. И если хотите, то я представлю вам на все примеры. Известно, что противоположные вещи существуют каким-то образом вместе, как-то: плевелы с пшеницей, терны с розами. Но легко обмануться могут дети; а мужи совершенные, опытные в духовном делании, умеют отличать истинно доброе от худого. Пожалуй, мы представим вам примеры того из Писаний. Что такое лезть, низость и пресмыкательство? Сива безвременно льстил Давиду, и оклеветал господина своего; еще более Ахитофел льстил Авессалому (2 Цар. 16). Но Давид был не таков, а смиренномудр. Лестцы бывают лукавы. Так, напр., волхвы некогда говорили: **"Царь! вовеки живи!"** (Дан. 2:4). О Павле же в Деяниях Апостольских найдем много такого, когда он, беседуя с иудеями, не льстил, но смиренномудрствовал, потому что умел говорить и с дерзновением. Так, он говорил: **"Мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан"** (Деян. 28:17). А что слова эти происходили от смиренномудрия, то слушай, как он упрекает их далее, говоря: **"Хорошо Дух Святой сказал: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите"** (ст. 26). Видишь ли мужество? Посмотри и на мужество Иоанна Крестителя, какое он показал пред Иродом, говоря: **"Не должно тебе иметь жену брата твоего"** (Мк. 6:18). Вот дерзновение, вот мужество! А слова Семеня: **"Уходи, убийца"** (2 Цар. 16:7) – не то выражают, хотя и он говорит дерзновенно. Это не мужество, а дерзость, наглость и необузданность языка. Иезавель обругала Ииуя, назвав его **"убийца государя своего"** (4 Цар. 9:31); но это дерзость, а не дерзновение. Укоризненно говорил и Илия, но то было дерзновение и мужество: **"не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего"** (3 Цар. 18:18). Еще и пред целым народом Илия говорил дерзновенно: **"Долго ли вам хромать на оба колена?"** (ст. 21). Порицать таким образом, как делали пророки, есть дерзновение и мужество; а то была дерзость. Хочешь ли слышать и слова смиренномудрия и благородства? Послушай Павла, который говорит: **"Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь"** (1 Кор. 4:3,4). Вот суждение, приличествующее христианину! И опять (апостол говорит): **"Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?"** (6:1). Хочешь ли видеть лезть безрассудных иудеев? Слушай, как говорит они: **"Нет у нас царя, кроме кесаря"** (Иоан. 19:15). Хочешь ли видеть смиренномудрие? Послушай еще Павла, который говорит: **"Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса"** (2 Кор. 4:5). Желает ли видеть лезть и дерзость: дерзость Навала, а лезть Зифеев? Как тот поносил Давида, а эти умышленно предали его? Желает ли видеть любомудрие Давида, а не лезливость? Как он захватил Саула, и пощадил его? Желает ли видеть лезть убийц Мемфивосфея, которых Давид предал смерти? Просто, вообще и кратко сказать, дерзость – это когда кто-нибудь гневается и ругает другого без всякой причины, или мстят за себя, или чрезмерно раздражаясь; дерзновение же и мужество – когда кто отваживается на опасности и смерть, презирает и дружбу и вражду

для угождения Богу. Лесть и низость – это когда кто служит другим не ради необходимого чего-либо, но чтобы уловить что-нибудь житейское; а смиренномудрие – когда кто делает это для угождения Богу и унижается, чтобы совершить что-либо великое и достойное похвалы. Блаженны мы, если знаем это и если делаем, потому что не достаточно знать: **"Не слушатели закона"**, – сказано, – **"но исполнители закона оправданы будут"** (Рим. 2:13); даже более того, знание без деятельности и добродетелей подвергает осуждению. Итак, будем деятельны, чтобы избежать осуждения, и получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки Аминь).

БЕСЕДА 6

"Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (Фил. 2:5–8).

1. Господь наш Иисус Христос, побуждая учеников Своих к великим подвигам, представляет в пример то Себя самого, то Отца Своего, то пророков. Так, Он говорит: **"Так гнали и пророков, бывших прежде вас"** (Мф. 5:12); и опять: **"Если Меня гнали, будут гнать и вас"** (Иоан. 15:20); и еще: **"Научитесь от Меня, ибо Я кроток"** (Мф. 11:29); и еще: **"Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд"** (Лк. 6:36). То же делает и блаженный Павел. Побуждая (Филиппийцев) к смиренномудрию, он представляет в пример Христа, и не здесь только, но и когда беседует о нищелюбии. Так Он говорит: **"Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас"** (2 Кор. 8:9). Великую и любомудрую душу ничто столько не поощряет к добрым делам, как сознание, что она через это уподобляется Богу. И что может быть равносильно этому для побуждения? Ничто. Зная это, Павел, при убеждении (Филиппийцев) к смиренномудрию, сперва просил их и умолял, потом сказал внушительно: **"Вы стоите в одном духе"**, сказал также: **"это для них есть предзнаменование гибели, а для вас – спасения"**, наконец присовокупил: **"Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба"**. Внемлите, прошу вас, и воспрянете. Как меч, отточенный с обеих сторон, куда бы ни был направлен, хотя бы на многочисленные ряды войска, легко посекает и истребляет их, потому что отовсюду остр, и ничто не может устоять против острия его, – точно таковы и изречения Духа. Этими изречениями Он низложил последователей Ария александрийского, и Павла самосатского, и Маркелла галатийского, и Савелия ливийского, и Маркиона понтийского, и Валентина, и Манеса, и Аполлинария лаодикийского, и Фотина, и Софрония, и вообще все ереси. Итак, ожидая видеть такое зрелище, и столько рядов, падающих от одного удара, воспрянете, чтобы вам не лишиться удовольствия от этого зрелища. Если во время состязания колесниц на конских ристалищах всего приятнее видеть, когда кто, ударивши, опрокинет совсем колесницы с возницами, и опрокинув многие четвероконные колесницы с стоящими на них возницами, один промчится от исходного столба до конечного, – многочисленные отовсюду рукоплескания и клики поднимаются к небу, а он, как бы окрыленный этой радостью и рукоплесканиями, стремится на конях через все поприще, – то не гораздо ли больше будет удовольствия здесь, когда мы, при благодати Божьей, опровергнем вдруг и одним разом все еретические системы и дьявольские ухищрения вместе с их возницами? И если угодно, сначала представим самые ереси по порядку.

В каком порядке хотите – по нечестию, или по времени? Но порядок по времени мы знаем, а порядок по нечестию понять трудно. Итак, пусть первый предстанет Савеллий ливийский. Что же он говорит? Что Отец, Сын и Святой Дух только имена, принадлежащие одному лицу. А Маркион понтийский говорит, что Бог, устроивший все, не благ; что не Он Отец благого Христа, но другой некто праведный, и что Сын не принял плоти ради нас. Маркелл же, Фотин и Софроний говорят, что Слово не есть существо ипостасное, а сила, и что эта сила обитала в одном из потомков Давидовых. Арий признает Сыном (Иисуса Христа), но только по имени, – говорит, что Он есть творение, и гораздо ниже Отца. Иные говорят, что Он (Иисус Христос) не имеет души. Видишь ли наставленные колесницы? Смотри же и падете их, – как поражающий ниспровергает все вместе, одним ударом, вдруг. Как же ниспровергает? **"Ибо в вас должны быть"**, – говорит, – **"те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу"**. От этого пали и Павел самосатский, и Маркелл, и Савелий. **"Он, будучи образом Божиим"**, – говорит (апостол). Если во образе, то как ты, нечестивец, говоришь, что Он получил начало от Марш, а до того времени не существовал? Опять, как ты говоришь, что Он был сила? Сказано: **"Он, будучи образом Божиим, принял образ раба"**. Скажи мне: образ раба – сила ли раба, или естество раба? Конечно, скажешь, естество раба. Следовательно и образ Бога есть естество Божье, а не сила. Вот и Маркелл галатийский, и Софроний, и Фотин пали!

2. Вот и Савелий (опровергнуть). Сказано: **"Не почитал хищением быть равным Богу"**. А об одном и том же лице не говорится, что оно равно самому себе: равное бывает равно чему-нибудь. Видишь ли ипостась двух лиц, а не имена только без предметов? Ты слышал о предвечном существовании Единородного? И это против них. Что же теперь скажем против Ария, который говорит, что Сын имеет другую сущность? Скажи мне, что значат слова: **"Приняв образ раба"**? Они значат, отвечаешь, что Он сделался человеком. Следовательно слова – **"будучи образом Божиим"** значат: был Бог. И там и здесь стоять одно и то же слово: **"образ"**. Если истинно первое, то и последнее. Быть в образ раба значит быть человеком по естеству, и быть в образ Божьем значит быть Богом по естеству. И не только это доказывается (сказанным), но и равенство (с Богом), подобно тому, как и у Иоанна. и то, что Сын ничем не менее Отца: **"Не почитал хищением"**, – говорит, – **"быть равным Богу"**. Но каково мудрование еретиков? Они говорят, что (слова эти) выражают противное. Как бы так сказал (апостол): Он (Иисус Христос), будучи в образ Божьем, не восхитил того, чтобы быть равным Богу. Но если Он действительно был Бог, то как мог восхитить? И как можно было бы это понять? Кто скажет, что такой-то, будучи человеком, не восхитил того, чтобы быть человеком? Как похитить кому-нибудь то, чем он есть? Не то, говорят они. Но будучи меньшим Богом, Он не восхитил того, чтобы равняться Богу великому, большему. значит, есть малый и великий Бог? Так вы приносите к церковным догматам языческие? У язычников действительно есть великий и малый бог, у вас есть ли, не знаю. Но в Писаниях нигде не найдешь; великого найдешь везде, а малого нигде. И в самом деле, если он малый, то что он за Бог? Если нет человека малого, и человека великого, но одно естество, а что не одного и того же естества, то и не человек, – то как можно почесть Богом малым и великим того, кто не имеет Божеского естества? Кто мал, тот не Бог, потому что в Писании Бог везде называется великим: **"Велик Господь"**, – говорит (Давид), – **"и всехвален"** (Пс. 47:1). То же и о Сын, – везде называет Его Господом. Еще: **"Велик Господь наш и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим"** (Пс. 146:5). И еще: **"Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо"** (144:3). Но говорят: это сказано об Отце, а Сын малый (Бог). Это ты так говоришь, а Писание напротив: оно говорит и о Сын так же, как об Отце. Слушай, что говорит Павел: **"Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога"** (Тит. 2:13). Неужели об Отце сказал он: **"(ожидая) явления"**? А чтоб еще более обличить вас, он прибавил: **"Явления великого"**

Бога". Об Отце ли сказано это? Никак. Этого не допускают прибавленные (апостолом) слова: **"И явления великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа"**. Вот и Сын велик. Итак, почему ты говоришь о малом и великом? Знай, что и пророк называет Его **"Ангелом великого совета"**. Ангел великого совета ужели не велик? **"Бог великий"** – ужели не велик, а мал? Как же после этого говорят бесстыдные и дерзкие, что Он малый Бог? Я часто повторяю слова их, чтобы вы более удалялись от нет. Будучи малым Богом, говорят, Он не восхитил того, чтоб быть (на равной степени) с великим. Что это, скажи мне? (Не думайте впрочем, что это наши слова). Если Сын, по их мнению, мал, и по сил гораздо ниже Отца, то как Он мог восхитить то, чтоб быть равным Богу? Будучи меньшим по естеству, Он не мог бы похитить великого естества. Например, человек не может похитить того, чтоб быть по природе равным ангелу; конь, хотя бы и захотел, не может похитить того, чтобы быть по природе равным человеку. Кроме этого и то еще скажу: чему Павел хочет научить этим примером? Без сомнения, скажешь, он хочет побудить филиппийцев к смиренномудрию. Итак, к чему бы он привел этот пример, скажи мне? Никто ведь, желая побудить к смиренно, не говорит так: будь смирен, и почитай себя меньшим против своих равночестных, потому что такой-то раб не противился господину своему. Итак, подражай ему. Да это же, сказал бы иной, не смирение, а гордость! Вы, имеющие дьявольскую гордость, научитесь, что такое смиренномудрие. Что же такое смиренномудрие? Смиренно думать о себе; а смиренно думает не тот, кто по необходимости уничижен, но кто сам себя уничижает. Я укажу пример, а вы послушайте. Когда кто-нибудь, имея возможность думать о себе высоко, думает смиренно, то он смиренномудр. Если же кто, не имея такой возможности, думает смиренно, тот, еще не смиренномудр. Например, если царь подчиняется епарху, он смиренномудр, потому что нисходит с высоты; но когда епарх это делает, он еще не смиренномудр. Почему? Потому что не сам себя низвел с высоты. Смиренномудрствовать может только имеющий власть. Если необходимость заставляет смириться против воли, то это – дело не ума и воли, а необходимости; смиренномудрие же потому так и называется, что оно есть усмирение мысли.

3. Скажи мне: если кто, не имея возможности разбогатеть (на счет других), остается при том, что приобрел, – похвалим ли его за справедливость? Никак. Почему же? Потому что необходимость отняла похвалу у его доброй воли. Скажи еще: если кто, не имея возможности владычествовать и царствовать, остается частным человеком, – похвалим ли его, как неискательного? Никак. Так точно и в этом случае. О, вы несмысленнейшие из всех! Хвалят не за воздержание только от этого, но за совершение добрых дел. Первое, хотя не заслуживает порицания, но не стоит и похвалы; а последнее достойно похвалы. Смотри, как и Христос в этом смысле хвалить, когда говорит: **"Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня"** (Мф. 25:34). Не сказал: за то, что вы не присвоили чужого, за то, что не похищали (это неважно); но – за то, что увидели Меня алчущим, и напитали. И кто стал бы хвалить таким образом друзей, или врагов? Никто – даже Павла. Но что я говорю – Павла? Даже и никакого другого человека не стал бы хвалить так, как ты хвалишь Христа, т. е., что Он не присвоил Себе ненадлежащей власти. Удивляться этому значит обнаруживать в себе большую порочность. Почему? Потому что такая похвала прилична порочным, например – вору, за то, что он уже не крадет. А в отношении к добрым не так: того еще не хвалят, кто не похитил непринадлежащей ему власти и чести. И как безумно это! Да и кто, – будьте, прошу вас, внимательны, хотя и длинно слово, – кто мог бы таким образом побудить к смирению? Примеры должны быть гораздо выше того предмета, к которому убеждаем, и едва ли кто убедится (примерами) отдаленными. Так, Христос, убеждая благодетельствовать врагам, представил великий пример в Отце Своем: **"Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных"** (Мф. 5:45). А убеждая к долготерпению,

представил в пример самого Себя: **"Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем"** (Мф. 11:29); и еще: **"Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны"**. Видишь ли, как примеры не бывают ниже? И они нисколько не должны быть ниже; так и мы делаем. А иначе пример здесь не был бы близок. Почему? Потому что если раб, то он и меньше, и подчинен большему. А это – не смиренномудрие. Нужно было напротив представить кого-либо большего повинующимся меньшему. Но так как (апостол) в Боге не нашел этого, т. е. большего и меньшего, то и представил равного. Если же Сын меньше (Отца), то побуждение к смиренномудрию недостаточно. Почему? Потому что это не смиренномудрие, когда меньший не восстает против большего, не восхищает власти, послушлив даже до смерти. Впрочем смотри, что говорит (апостол) и кроме примера: **"Но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя"** (ст. 3). говорит: **"почитайте"** (считая). Так как вы одно по существу, и по чести, от Бога полученной, то это дело предоставляется вашему рассуждению. А касательно отношения низших к высшим, он не говорит – "почитайте"; но: почитайте высших себя, как и в другом месте: **"Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны"** (Евр. 13:17). Там покорность – в природе вещей, а здесь она должна зависть от нашего рассуждения. **"По смиренномудрию"**, – говорит, – **"почитайте один другого высшим себя"**, как поступил и Христос. Таким образом, (мудрования еретиков) ниспровергнуты. Высказавши сначала кратко их мнения, остается затем сказать нам и свое, – именно: почему (Павел), убеждая к смиренномудрию, не представил меньшего покоряющимся большему. Если бы он убеждал рабов повиноваться господам, то это было бы кстати; а так как он убеждал свободных покоряться свободным, то к чему было представлять покорность раба господину, меньшего большему? Он не сказал: меньшие покоряйтесь большему; но: будучи равночестны между собою, покоряйтесь, "почитайте один другого высшим себя". Почему же он не привел в пример отношения жены (к мужу, не сказал): как жена покоряется мужу, так и вы покоряйтесь? Если же равного и свободного не привел он в пример, потому что здесь есть некоторая, хотя малая, подчиненность, то не тем ли более он не мог представить в пример отношений раба? Прежде я сказал, что никто таким образом не хвалит никого за воздержание от пороков, даже не упоминает о таком. Например, желающий похвалить целомудренного не скажет, что он не любодействовал, а скажет, что он воздерживался от собственной жены. И никогда мы не ставим (в похвалу) одного воздержания от пороков: это было бы смешно. Я сказал также, что образ раба есть истинный, и ничем не меньше: так и образ Бога есть совершенный, и ничем не меньше. Потому (апостол) не сказал: **"образом Божьим"** бывший, но – **"сущий"**. Это выражение равносильно словам: **"Я есмь Сущий"** (Исх. 3:14). Образ, как образ, показывает совершенное сходство. Не может быть, чтобы кто-нибудь имел сущность одного, а образ другого. Например, ни один человек не имеет образа ангела, никакое бессловесное не имеет образа человека. Как же Сын?

4. Далее: так как мы сложны, то образ в нас относится к телу; в простом же и совершенно несложном он относится к сущности. Если же ты скажешь, что слово (θεός) без члена не означает Бога Отца, то можно указать много мест, где это слово употребляется без члена. И что я говорю – много месте? В этом же самом месте, где сказано: "не почитал хищением быть равным Богу", (апостол) сказал без члена, а между тем говорит о Боге Отце. Хотел бы я прибавить и свое; но боюсь обременить ваши умы. Помните хотя доселе вам сказанное в опровержение еретиков. Сперва исторгнем терпение; а по искоренении терпения, когда земля несколько отдохнет, посеем и доброе семя, чтобы она, очистившись таким образом от всего худого, была более способна к принятию Божественных семян. Возблагодарим Бога за сказанное; будем просить Его, чтобы Он помог нам соблюсти и сохранить это, чтобы и вы и мы возрадовались, а еретики постыдились. Будем молить Его, чтобы Он отверз нам уста и на последующее, чтобы нам с таким же тщанием предложить и свое. Будем умолять Его, чтобы Он даровал нам жизнь достойную веры, чтобы мы жили

во славу Его, и чтобы не хулилось через нас имя Его. **"Горе вам"**, – сказано, – **"имя Мое бесславится"** (Ис. 52:5)! Если мы, имя сына, – а что для нас ближе сына? – итак, если, имея сына, мы отрицаемся от него, отвергаемся и не принимаем, когда подвергаемся поношению за него, то не более ли Бог отвратится и возненавидит безрассудных рабов, хулящих и оскорбляющих Его? А кого Бог возненавидит и отринет, кто того приметь? Никто, разве дьявол и демоны. А кого возьмут демоны, какую тот будет иметь надежду на спасение? Какое утешение в жизни? Доколь находимся в руке Божьей, никто не может похитить нас, потому что она крепка. Когда же ниспадем из руки Его и лишимся Его помощи, тогда мы погибли, доступны всем на расхищение, всем на попрание, **"как наклонившаяся стена, как ограда пошатнувшаяся"** (Пс. 61:4). Когда стена слаба, тогда легко всякому разрушить ее. Не думайте, что об Иерусалиме только говорится то, что я намерен сказать; но и о всяком человеке. Что же сказано об Иерусалиме? **"Воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его. У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы, и Он обнес его оградой, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет хорошие грозды, а он принес дикие ягоды. И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим. Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесет хорошие грозды, он принес дикие ягоды? Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим: отниму у него ограду, и будет он опустошаем; разрушу стены его, и будет попираем, и оставлю его в запустении: не будут ни обрезать, ни вскапывать его, – и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя. Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; ждал правды, и вот – вопль"** (Ис. 5:1–7). Это относится и к каждой душе. Когда человеколюбивый Бог сделает все нужное, а она вместо винограда произведет терние, то Он отнимает ограду и разрушает стену, и мы предаемся на расхищение. Послушай, как еще другой пророк с плачем говорил: **"Для чего разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути? Лесной вепрь подрывает ее, и полевой зверь объедает ее"** (Пс. 79:13,14). Там говорится о мидянах и вавилонянах, а здесь сказанного нельзя отнести к ним: вепрь и уединенный – это дьявол и вся его сила. (Пророк) назвал его уединенным, чтобы изобразить его лютость и нечистоту. А выражая его хищность, Писание говорит: **"Как рыкающий лев, ища, кого поглотить"** (1 Петр. 5:8). Когда же показывает его ядовитость, смертоносность и губительность, то называет его змием и скорпионом: **"Наступайте"**, – говорит, – **"на змей и скорпионов и на всю силу вражью"**. Наконец, когда выражает силу и вместе ядовитость, то называет его драконом, говоря: **"этот змей которого Ты создал, чтобы унижить его"** (Пс. 103:26). И драконом, змием извивающимся, и аспидом называет его (Писание) везде, – потому что зверь этот хитер, разноцветен, и имеет большую силу; он все приводит в движение, все возмущает, все извращает. Впрочем не бойтесь и не ужасайтесь; бодрствуйте только, – и он будет как воробей: **"Наступайте"**, – сказано, – **"на змей и скорпионов"**. Бог сделает его попранием ног наших, только бы мы захотели.

5. Итак, смотри, как смешно, как тягостно видеть, что тот, кто дан нам на попрание, становится выше головы нашей? Как же бывает это? От нас самих (зависит): если мы хотим, то он бывает велик, и если хотим, бывает мал. Если мы внимательны к себе, и находимся вместе с Царем нашим, то он умалится, и в борьбе с нами бывает не сильнее малого дитяти; а когда мы отдаляемся (от Царя своего), тогда (дьявол) весьма надмевается, рыкает и скрежещет зубами, заметив, что мы лишились великой помощи, так как он не приближается, доколь не допустит Бог. Если дьявол не осмелился без позволения Божья войти в стадо свиное, то тем более в души человеческие. Попускает же

Бог или для вразумления, или для наказания, или для большего испытания, как было с Иовом. Помнишь ли ты, что дьявол не приступал к нему, даже не смел приблизиться, но боялся и трепетал его? Но что я говорю об Иов? И к иуд приступая, дьявол не смел совершенно овладеть им и войти в него, доколь Христос не отлучил его от священного лика. До того времени он подходил к нему от вне, а внутрь войти не смел. Когда же увидел, что он отлучен от священного стада, то напал на него лютее всякого волка, и до тех пор не отстал, пока не умертвил его сугубой смертью. Это написано для нашего назидания. Какая однако ж прибыль знать, что один из двенадцати был предатель? Какая польза? Какая выгода? Великая. Узнав, отчего он пошел на такой пагубный совет, мы будем беречься этого, чтобы и с нами не случилось того же. Отчего же он пошел на это? От сребролюбия. Он был тать, и так упоен был этой отрастаю, что за тридцать серебрянников продал Владыку вселенной. Что хуже такого безумия? Кому нет ничего равноценного, ничего равного, пред Кем **"Все народы пред Ним как ничто"** (Ис. 40:17), – Того продал он за тридцать серебрянников. Тяжко господство сребролюбия; оно может довести душу до исступления. Не столько делается иной безумным от пьянства, сколько от сребролюбия; не столько от бешенства и сумасшествия, сколько от сребролюбия. За что ты продал, скажи мне? Незнатного и неизвестного – тебя Он призвал, и сделал одним из двенадцати, преподал тебе учение, обещал бесчисленные блага, дал силу творить чудеса, сделал общником Своей трапезы, путешествий, бесед, сожителства и всего, наравне с прочими (апостолами). Или это не могло удержать тебя? По какой же причин ты продал? Нечестивец, на что мог ты пожаловаться? Чем ты не был благодетельствован? Он знал твою душу, однако ж не переставал сообщать тебе Свое. Многократно говорил: **"Один из вас предаст Меня"** (Мф. 26:21); многократно намекал, щадил тебя и, зная тебя таковым, не отлучал от лика; еще сносил, и как близкого и как одного из двенадцати, столько почитал, столько любил. Наконец, взяв полотенце Своими пречистыми руками умыл скверные ноги твои; но, – о, нечестие! – и это тебя не удержало. Ты утаивал доли нищих, – и это Он сносил, чтобы ты не впал в большее зло; но тебя ничто не убедило. Если бы ты был зверь, если бы камень, и тогда от таких благодеяний, от чудес, от учения не должно ли было тебе перемениться? Но тебя, сделавшегося таким зверем и ставшего бесчувственнее камня, Он все же призывал и утверждал чудесами. А ты и при всем том не сделался лучше. Конечно, вы удивляетесь такому безумию предателя. Страшитесь же в таком случае и его язвы: от сребролюбия, от пристрастия к деньгам он сделался таковым. Отсеки эту страсть; она рождает следующие болезни: делает нечестивыми, ведет к забвению Бога, несмотря на Его бесчисленные благодеяния. Отсеки, прошу; (эта страсть) не маловажна; она способна произвести тысячи гибельных смертей. Мы видели страсть (иуды); убоимся, чтобы и нам самим не впасть в подобную же. Для того и написано об этом, чтобы мы не подверглись тому же. Для того все евангелисты повествуют об этом, чтобы сделать нас осторожными. Беги подальше; сребролюбие не в том только, чтобы любить множество денег, но и вообще в любви к деньгам. Желать более, чем нужно – великое сребролюбие. Разве таланты золота склонили предателя? Всего тридцать серебрянников, за тридцать серебрянников он продал Владыку. Помните ли сказанное мною пред этим, что корыстолюбие проявляется не только в принятии многого, но гораздо более в принятии малого? Вот какое беззаконие учинил иуда за малое количество золота, даже не за золото, а за серебрянники! Нельзя, подлинно нельзя человеку сребролюбивому видеть когда-либо лице Христово; это одна из невозможностей. Сребролюбие есть корень зол. И если имеющий один порок лишается славы, то куда станет носящий в себе этот корень? Раб денег не может быть истинным рабом Христовым. Сам Христос открыл, что это – дело невозможное: **"Не можете"**, – сказал Он, – **"служить Богу и мамоне"**; и еще: **"Никто не может служить двум господам"** (Мф. 6:24). Они повелевают противное: Христос говорит: щади бедных, а мамона внушает: отнимай и то, что они имеют; Христос говорит: истощай свое имение, а мамона внушает: бери и то, что у них есть.

6. Видишь ли ты противоположность? Видишь ли борьбу? Хотите ли, покажем, как нельзя повиноваться обоим, но одного должно презреть? Или не нужно говорит? Как? Не видим ли на деле, что Христа презирают, а мамону почитают? Замечаете ли вы, как даже слова эти противны? Не тем ли более дела? Но в действительности это не кажется нисколько противным, потому что нами обладает страсть. Душа, хотя немного освободившаяся от страсти, пока находится в таком состоянии, может судить правильно. Но, поддавшись опять страсти, будучи одержима горячкой, и услаждаясь предметом страсти, не может судить здраво, не может судить беспристрастно. Христос говорит: если кто **"не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником"** (Лк. 14:33); а мамона говорит: возьми хлеб у алчущего. Христос говорит: **"одень нагого"** (Ис. 58:7); а мамона говорит: раздашь нагого. Христос говорит: **"от единокровного твоего не укрывайся"** (Ис. 58:7); а мамона говорит: не жалея кровных своих, пренебреги даже матерью и отцом. И что я говорю – отцом и матерью? Самую душу твою и ту погуби. И однако ж (люди) повинуются. Увы, того, чьи повеления столь жестоки, грубы и зверски, слушают более, нежели Того, Чьи заповеди человеколюбивы и спасительны для нас. За то и геенна, за то огонь, за то река огненная, за то червь неумирающий. Знаю, что многие с неудовольствием слушают наши слова. Я и сам неохотно говорю это. Да и какая надобность говорит об этом? Я желал бы всегда беседовать с вами о царствии, о покое, о воде упокоения, о месте злочном: **"Он покоит меня"**, – говорит (Давид), – **"на злачных пажитях и водит меня к водам тихим"** (Пс. 22:2). Я желал бы беседовать о том месте, где нет болезни, ни печали, ни воздыхания; желал бы поведать сладость общения со Христом. Хотя это превыше всякого слова и всякого ума, а все же, по силе возможности, я желал бы говорить об этом. Но что делать? Неприлично говорит о царстве с тем, кто страдает горячкой, и находится в худом состоянии. С ним прежде надобно поговорить о здоровье. Не кстати беседовать о чести с осужденным на казнь. Прежде нужно найти средство освободиться от суда, наказания и мучения. Если последнего не будет, как приступить к первому? Потому я и говорю непрестанно о последнем, чтобы скорее достигнуть первого. И Бог для того угрожает геенной, чтобы никто не попал в геенну, чтобы все взошли в царство. И мы для того непрестанно напоминаем о геенне, чтобы подвигнуть вас к царству, чтобы, умягчивши страхом сердце ваше, расположить к делам достойным царства. Итак, не досадуите на тяжесть слов; тяжесть слов облегчает души наши от грехов. И железо тяжело, и молот тяжел, но он выделяет полезные сосуды золотые и серебряные, а испорченные поправляет. Как (молот), если бы не был тяжел, не мог бы исправить испорченной вещи, так и наше тяжкое слово имеет силу устраивают душу. Итак, не будем бегать от тяжести слов, и от наносимых ими ударов. Не для того наносится удар, чтобы поразить и сокрушить душу, но чтобы исправить. По благодати Божьей мы знаем, как поражать, как наносить удар, чтобы не раздробить сосуда, но выгладить выправить, и сделать благопотребным для Владыки, – чтобы сообщить ему с блеском. крепость и прекрасный вид в тот день, когда явится река огненная, – чтобы представить его не имеющим нужды в том огне. А если мы не будем жечь вас здесь, то конечно необходимо будут жечь вас там, иначе и быть не может: **"Ибо день покажет, потому что в огне открывается"** (1 Кор. 3:13). Для вас лучше в продолжение краткого времени потерпеть жжете от наших слов, нежели вечно (страдать) от того пламени. А что так непременно будет, это ясно, и я многократно приводил вам на это неоспоримые доказательства. Надлежало бы только из Писания представить убеждения; но так как некоторые любят спорить, то мы многое опровергали умозаключениями. И теперь ничто не препятствует сказать в этом роде. Как же? Вот как: Бог правосуден; все это исповедуем – и эллины, и иудеи, и еретики, и христиане. Между тем многие грешники отходят отсюда, не будучи наказаны; и напротив, – многие добродетельные отходят, претерпевши бесчисленные бедствия. Итак, если Бог правосуден, то где Он воздаст последним награды, а первым наказания, если нет геенны и воскресения? Это доказательство всегда повторяйте и другим и себе самим, и оно не допустить вас усомниться в воскресении. А

кто верит воскресению, тот постарается жить с великим вниманием, чтобы получить вечные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" (Фил. 2:5–11).

1. Нами изложены мнения еретиков; теперь время уже изложить и наше учение. Они говорят, что выражение: "**Не почитал хищением**" значит – восхитил. А мы показали, что это совершенно нелепо и неуместно, что таким образом никто не доказывает смиренномудрия, и не хвалить не только Бога, но и человека. Итак, что ж оно значит, возлюбленные? Внимайте настоящим словам. Так как многие люди полагают, что они, сделавшись смиренными, лишились бы собственного достоинства, умалились бы и унизились, то (апостол), устраняя этот страх, и показывая, что не должно так думать, говорит о Бог, что Бог, едиnorodный Сын Отца, "**будучи образом Божиим**", имеющий несколько не мене, чем Отец, равный Ему, "**не почитал хищением быть равным Богу**". А что это значит, послушай: если кто-либо восхитить что, и присвоить себе не по праву, то не решается оставить этого, боясь, чтобы не утратилось и не погубило, но удерживает это постоянно. Напротив, кто имеет естественное какое-либо достоинство, тот не боится стать и ниже этого достоинства, зная, что он ничего подобного не потерпит. Укажу пример: Авессалом восхитил власть, и потом не решился сложить ее с себя. Приведем и другой пример. А если примеры несильны объяснить всего, – вы не досадуйте на меня: таково уже свойство примеров, что большая часть оставляется уму для размышления. Восстал на царя и восхитил царство; он уже не решается оставить и скрыть этого дела, и если бы он хоть однажды скрыл его, – тотчас бы погубил. Обратимся еще к другому какому-либо примеру. Предположим, кто-нибудь похитил что-либо; он уже удерживает это постоянно, и как только выпустил из рук, тотчас и потерял. И вообще, завладевшие чем-либо через хищение, бояться оставить это и скрыть, бояться и на минуту расстаться с тем, чем завладели. Но не то бывает с теми, которые не через хищение чем-либо владеют. Например, человек имеет достоинство, состоящее в том, что он разумен. (Впрочем и) примера не нахожу, потому что у нас нет природной власти, ни одно из благ не зависит от природы нашей, а все они принадлежать естеству Божью. Итак, что же скажем? То, что Сын Божий не убоился стать ниже Своего достоинства. Он не почитал Божество хищением, и не боялся, чтобы кто-нибудь отнял у Него естество или достоинство Его. Потому и отложил Его, будучи твердо уверен, что опять примет Его; сокрыл его, не думая несколько умалиться через это. Потому-то (апостол) не сказал: не восхитил, но: "**Не почитал хищением**", – т. е. имел власть не похищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую. Потому не отказывается принять вид даже телохранителя. Тирань боится на войн сложить порфиру, а царь делает это без всякого опасения. Почему? Потому что имеет власть не похищенную. Итак, Он не сложил ее, потому что не похитил; но сокрыл, потому что имел ее как естественную и навсегда неотъемлемую. (Достоинство) быть равным Богу у Него было не похищенное, но естественное; а потому и "**но уничижил Себя Самого**". Где говорящие, что Он покорился, что Он подчинился необходимости? (Апостол) говорит: "**но уничижил Себя**

Самого ,смирил Себя, быв послушным даже до смерти". Как умалил? **"Приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек"**. Здесь слова: **"Но уничижил Себя Самого"** сказаны (апостолом) в соответствие словам: **"Почитайте один другого высшим себя"** (Фил. 2:3), – потому что если бы Он был подчинен, если бы не по собственному побуждению, и не сам по Себе решил умалить Себя, то это не было бы и делом смирения. Если Он не знал, что это должно было совершиться, то Он несовершен; если, не зная, ожидал времени повеления, то Он не знал времени; если же Он знал и то, что это должно было совершиться, и то, когда должно совершиться, то для чего стал в подчинены? Для того, скажут, чтобы показать превосходство Отца. Но это значит показать не превосходство Отца, а собственную ничтожность. И одно имя Отца не довольно ли показывает первенство Отца? А кроме этого все (что у Отца) то же есть и у Сына. Иначе говоря, одна эта честь не может перейти от Отца к Сыну; а кроме нее все у Отца с Сыном общее.

2. Здесь маркиониты, привязываясь к словам, говорят: Он по был человек, но **"сделавшись подобным человекам"**. Как же можно быть в подобии человеческом? Облекшись тенью? Но это призрак, а не подобие человека. Подобием человека может быть другой человек. А что скажешь на слова Иоанна: **"И Слово стало плотью"** (Иоан. 1:14)? Да и этот самый блаженный в другом месте говорит: **"В подобии плоти греховной"** (Рим. 8:3). **"И по виду став как человек"**. Вот, говорят: и **"по виду"**, и: **"как человек"**; а быть как человек, и в образе человека, еще не значит быть в самом деле человеком, потому что быть человеком по образу не значит быть человеком по естеству. Видите ли, с какой добросовестностью я передаю слова врагов? Ведь блистательная и совершенная победа бывает та, когда мы не скрываем их мнений кажущихся сильными; скрывать – значит более обманывать, нежели побеждать. Итак, что они говорят? Повторим опять то же: по образу не значит по естеству, и быть **"как человек"**, и **"подобным человекам"** не значит быть человеком. Следовательно, и зрак раба принять – не значит естество раба принять. Здесь возражение против тебя, – и почему бы не тебе первому разрешить его? Как то считаешь ты противоречием у нас, так и мы называем это противоречием у тебя. (Апостол) не сказал: как зрак раба, ни – в подобии зрака раба, ни – в образе зрака раба, но – **"приняв образ раба"**. Что же это значит? И это противоречие, скажут. Противоречия нет никакого, а какое-то пустое и смешное с их стороны умствование. Говорят: Он принял образ раба, потому что, препоясавшись полотенцем, умыл ноги учеников. Это ли образ раба? Это не образ раба, а дело раба. Иное заниматься делом раба, а иное принять образ раба. Иначе – почему не сказано, что Он совершил дело раба, что было бы яснее? Да и нигде в Писании не употребляется (слово) **"образ"** вместо дела, потому что между ними большое различие: одно – принадлежность естества, а другое деятельности. И в обыкновенном разговоре мы никогда не употребляем образ вместо дела. Иначе говоря, Он, по их мнению, и дела не сделал, и не препоясывался. Если дело было мечта, то не было истиной; если Он не имел рук, то как умыл? Если не имел бедр, то как препоясался полотенцем? Да и какую **"одежду"** взял? А ведь сказано: **"Надел одежду Свою"** (Иоан. 13:12). Допустив, что здесь представляется не то, что на самом деле было, а призрак только, надобно допустить, что Он не умыл и ног ученикам. Если бесплотное естество не сделалось видимым, значит оно не было и в теле. Итак, кто ж умыл учеников? Что еще скажем против Павла самосатского? А что, спросите, он говорит? Он говорит то же: имеющему естество человеческое и настоящему человеку умыть подобных себе рабов – не есть умаление. То же самое, что мы сказали против ариан, нужно сказать и против них. Все различие между ними состоит только в небольшом промежутке времени: и те и другие называют Сына Божья творением. Итак, что же скажем против них? Если человек умыл людей, то Он не умалил и не унизил Себя; если, будучи человеком Он не восхитил равенства с Богом, то в этом еще нет похвалы. Богу сделаться человеком – это великое, неизреченное и неизъяснимое смирение; а

человеку совершать дела человеческие – что за смирение? И где образ Божий называется делом Божьим? Если Он был простой человек и называется образом Божьим за Свои дела, то почему не говорим того же и о Петре, который сделал больше Его? Почему и о Павле не говоришь, что Он имел образ Божий? Почему Павел не представил в пример себя самого, хотя исполнял множество рабских дел, и ни от чего не отказывался, как сам говорит: **"Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса"** (2 Кор. 4:5)? Смешно это и нелепо. **"уничжил Себя Самого"**. Скажи, как Он **"уничжил"**, и что это за умаление, и что за смирение? Тем ли (умалил), что творил чудеса? Но это делали и Павел и Петр, так что это не есть особенность Сына. Что же значат слова: **"сделавшись подобным человекам"**? То, что Он имел много нашего, а многого и не имел, – например: Он родился не от соития, Он греха не сотворил. А вот что имел Он, чего из людей никто не имеет. Он был не тем только, чем являлся, но и Богом. Он являлся человеком, но во многом не был подобен (нам), хотя по плоти и был подобен. Следовательно, Он не был простым человеком. Потому-то и сказано: **"сделавшись подобным человекам"**. Мы – душа и тело; Он же – Бог, душа и тело. Поэтому сказано: **"сделавшись подобным"**. И чтобы ты, услышавши, что Он **"уничжил Себя Самого"**, не представил изменения, превращения и какого-либо уничтожения, для этого (Писание) говорит, что Он, пребывая тем, чем был, принял то, чем не был, и сделавшись плотью, пребыл Богом Словом.

3. Так как в этом отношении Он подобен человеку, то (апостол) и говорит: **"и по виду"**, – чем выражает не то, будто природа изменилась, или произошло какое-либо смешение, но что Он по **"виду"** стал (человеком). Сказавши: **"приняв образ раба"**, он смело потом сказал и эти слова: **"и по виду став"**, потому что они заграждают уста всем. Равно и словами: **"В подобии плоти греховной"** (Рим. 8:3) не то выражает, будто Он не имел плоти, но что плоть эта не грешила, между тем была подобна плоти греховной. Почему подобии? По естеству, а не по греховности, – потому и подобна душе грешника. Как там сказано – **"сделавшись подобным"**, потому что не во всем равенство, так и здесь сказано – **"сделавшись подобным"**, потому что не во всем равенство, как-то: Он родился не от соития, был без греха, не простой человек. И хорошо сказал (апостол): **"человекам"**, потому что Он был не один из многих, но как бы один из многих, – потому что Бог Слово не превратился в человека, и существо Его не изменилось, но Он явился как человек, но призрак нам представляя, но поучая смирению. Вот что выражает апостол словами – **"человекам"**, хотя в другом месте и называет Его (прямо) человеком, говоря: **"Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус"** (1 Тим. 2:5). Вот мы сказали и против этих (еретиков); теперь нужно сказать также против тех, которые не признают, что (Христос) принял душу. Если образ Бога есть совершенный Бог, то и образ раба есть совершенный раб. Опять речь против ариан. **"Он, будучи образом Божьим"**, – говорит (апостол), – **"не почитал хищением быть равным Богу"**. Здесь, говоря о Божестве, не употребляет слов: стал (εἰγένετο), и: принял. **"уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам"**. Здесь же говоря о человечестве, употребляет слова: принял, и: стал. В последнем случае – **"сделавшись, приняв"**, в первом – **"будучи"**. Итак, не будем ни смешивать, ни разделять (этих понятий). Един Бог, един Христос Сын Божий. А когда я говорю – един, то выражаю соединение, а не смешение, так как одно естество не превратилось в другое, но только соединилось с ним. **"Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной"**. Вот, говорят, был послушен, – значит не равен Тому, Кому послушен. О, бессмысленные и неразумные! Это нисколько не делает Его меньше. И мы часто слушаемся своих друзей, но это нисколько не делает нас меньшими. Он, как Сын, покоряясь Отцу добровольно, не ниспал в состояние раба, но этим самым – великим почтением к Отцу – особенно сохранил дивное сродство с Ним. Он почтил Отца не для того, чтобы ты Его бесчестил, но чтобы более изумлялся, и из этого, из того именно, что более всех почтил Отца, познал,

что Он есть истинный Сын. Никто таким образом не чтит Бога. Насколько Он был высок, настолько же смирил Себя. Так как Он больше всех, и нет никого Ему равного, то и почтением к Отцу превзошел всех, не по принуждению и не по неволе. И это есть дело Его доблести, или уж и не знаю, как сказать. О, и рабом стать – дело великое и весьма неизреченное, а подвергнуться смерти – еще гораздо большее! Но есть и другое нечто большее и удивительнейшее. Что же такое? То, что не всякая смерть была подобна (Его смерти), так как Его смерть считалась поноснейшей из всех, постыднейшей и проклятой: **"Проклят"**, – сказано, – **"пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]"** (Вт. 21:23). Для того-то иудеи и постарались умертвить Его такой смертью, и через то сделать презренным, чтобы самый род смерти отвратил всякого от Него, если бы (просто) смерть не отвратила никого. Для того-то и два разбойника были распяты с Ним, чтобы Он разделял с ними их бесчестие, и чтобы исполнилось сказанное: **"И к злодеям причтен был"** (Ис. 53:12). Но истина тем более просиявает, тем блистательнее становится. Когда столько было от врагов злоумышлений против Его славы, она тем не менее сияет, и блеск ее даже гораздо больше проявляется. Не простым умерщвлением, но умерщвлением именно такого рода, они думали сделать Его отвратительным, представить Его отвратительнее всех; но ни мало не успели. Даже оба разбойника были настолько нечестивы (один из них обратился уже после), что и находясь на кресте, поносили Его. Ни сознание собственных преступлений, ни казнь, ни то, что они сами терпят то же, не удержали их неистовства. Это один из них даже высказал другому, заградив уста его словами: **"Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?"** (Лк. 23:40). Таково было их нечестие! Впрочем, это нисколько не повредило Его славе, – почему и говорит (апостол): **"Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени"**.

4. Блаженный Павел когда коснулся плоти, то все уничижительное говорит уже безбоязненно. А доколь не сказал, что Он принял зрак раба, но говорил только о Божестве, смотри, как возвышенно (говорил)! Возвышенно, разумею – по силе: достоинства Его не выражает, потому что не может: **"Он, будучи образом Божьим"**, – говорит, – **"не почитал хищением быть равным Богу"**. Когда же сказал, что Он очеловечился, то безбоязненно уже говорит об уничижении, зная верно, что уничижительные выражения ни мало не унижают Божества, так как относятся к Его плоти. **"Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца"**. Скажем против еретиков. Если это говорится не о воплотившемся, если о Боге Слове, то как **"превознес Его"**? Ужели давши что-либо большее? В таком случае Он был бы несовершен, и через нас сделался бы совершенным, а если бы Он не благодетельствовал нам, то по получил бы чести. **"И дал"**, – говорит, – **"Ему имя"**. Вот, по вашему, Он не имел даже и имени. Если же принял должное, то как признавать Его принявшим по благодати и дару даже **"имя выше всякого имени"**? Какое же имя, посмотрим. **"Дабы пред именем"** Иисуса Христа, – говорит, – **"преклонилось всякое колено"**. Под именем сами они разумеют славу. Следовательно, эта слава выше всякой славы; слава же состоит в поклонении Ему. Далек от величия Божья вы, думающие знать Бога, как Он знает сам Себя. И из этого уже видно, сколько далеки вы от (правого) понятия о Боге, видно также и из следующего. Если (в поклонении) состоит слава Его, то скажи мне: прежде тем произошли люди, ангелы, архангелы, Он не был в славе? Если эта слава выше всякой славы, – а таково значение слов: **"выше всякого имени"**, – если Он (до сотворения мира) хотя и был в славе, но в меньшей, нежели теперь, то значит все существующее Он сотворил для того, чтобы быть в славе, (сотворил) не по благодати, но имея нужду в славе от нас. Видите ли неразумие? Видите ли нечестие? А когда (апостол) сказал это о воплотившемся, он имел для этого основание. Слово Божье позволяет говорить так о плоти, потому что все это не касается естества (Божья), но имеет отношение к домостроительству (воплощению). После того не остается никакого

прощения тем, которые злоумствуют, будто слова эти относятся к божеству. Потому, когда говорим: Бог сотворил человека бессмертным, я, хотя и о целом говорю, знаю, что говорю. Что же значит: "**Небесных, земных и преисподних**"? Т. е. весь мир, и ангелы, и люди, и демоны, и праведники, и грешники. "**И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца**", т. е., чтобы все говорили это; а в этом состоит слава Отца. Видишь ли, что везде славится Отец, когда славится Сын? Так равно, когда Сын без честится, бесчестится и Отец. Если так бывает у нас, где между отцами и сыновьями много различия, то тем более у Бога, где нет никакого различия, честь и бесчестие переходят (от Сына на Отца). Если вселенная покорена Сыну, как сказано, то это слава Отца, – следовательно и в том слава Отца, когда мы говорим, что (Сын) совершен, ни в чем не имеет недостатка, что Он не меньше Отца. Это служить важным свидетельством и силы (Отца), и Его благодати и премудрости, что Он родил такого Сына, Который нисколько не меньше ни по благодати, ни по премудрости. Когда я говорю, что (Сын) премудр, как Отец, и ничем не меньше Его, то в этом свидетельство о великой премудрости Отца. Когда говорю, что Он всемогущ, как Отец, то в этом свидетельство о могуществе Отца. Когда говорю, что Он благ, как Отец, то в этом величайшее доказательство благодати Отца, что Он родил такого Сына, Который ничем не меньше Его, и ни в чем не имеет недостатка. Когда говорю, что (родил Сына) не меньшего сущности, но равного, и не другой сущности, то и этим также восхваляю Бога и Его силу, и благодать, и премудрость, что Он явил нам из Себя другого такого же, кроме того только, что Он не Отец. Таким образом все, что говорю великого о Сыне, переходит на Отца. И если это малое и ничтожное (а подлинно мало для славы Божьей, что Ему поклоняется вселенная) служить во славу Божью, то не гораздо ли более – все прочее?

5. Итак, будем веровать во славу Его и жить во славу Его. Одно без другого бесполезно, так что, если прославляем хорошо, а живем нехорошо, то весьма оскорбляем Его, потому что, признавая Его Владыкой и Учителем, презираем Его и не боимся страшного суда Его. Нечистая жизнь эллинов (язычников) ни мало не удивительна, и не заслуживает большего осуждения; но подобная нечистая жизнь христиан, участвующих в таковых таинствах, наслаждающихся такой славой, всего хуже и несноснее. Скажи мне: (Христос) был послушлив до крайней степени повиновения, и за это получил высокую честь; Он сделался рабом, и за это Он Владыка всего, и ангелов и всех прочих. Потому и мы не должны думать, что становимся ниже своего достоинства, когда сами смиряемся. Тогда-то по всей справедливости мы и выше; тогда-то особенно и достойны почтения. А что высокий низок, смиренный же высок, – (в доказательство этого) достаточно и слов Христовых, выражающих это. Впрочем, исследуем самое дело. Что значит быть смиренным? Не то ли, что терпеть унижение, порицание и клеветы? А что значит быть высоким? Не то ли, что быть в почтении, в похвале, в славе? Хорошо. Посмотрим же, как это бывает. Сатана был ангел, и превознесся. Что же, не более ли всех унижен? Не землю ли имеет он своим жилищем? Не все ли порицают и хулят его? Павел, будучи человеком, унижил себя. Что же, не почитают ли его? Не хвалят ли его? Не прославляют ли его? Не друг ли он Христов? Не совершил ли он дел больше тех, которые Христос сотворил? Не повелевал ли он часто дьяволу, как невольнику? Не оглашал ли его, как палача? Не смялся ли над ним? Не попирали ли головы его своими ногами? Не молился ли об этом с великим дерзновением и для других? Что об этом говорит? Вознесся Авессалом, смирился Давид: кто же из них стал высок, кто славен? Что, в самом деле, могло быть смиреннее слов, которые блаженный этот пророк произнес касательно Семая: "**оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему**" (2 Цар. 16:11)? Если угодно, исследуем также и самые дела. Смирился мытарь; хотя поступок этот и не был смиренномудрием, но как-то кротки сказанные им слова. Вознесся фарисей. Но, пожалуй, оставим лица, исследуем дела. Пусть предстанут двое какие-нибудь, оба и богатые, и имеющие великую честь, и гордящиеся мудростью, властью и другими мирскими преимуществами. И пусть один из

них ищет от всех почестей, и, не получая их, гневается, требует сверх должного и возносится. А другой пусть пренебрегает этим, ни на кого не досадует за то, даже и воздаваемую честь отвергает Кто же из них больше – не получающий и ищущий, или же пренебрегающий и тем, что дают? Ясно, что последний. И справедливо. Ведь не иначе можно получить славу, как избегая славы: доколь мы гоняемся за нею, она убегает от нас; а когда бегаем от нее, она преследует нас. Если хочешь быть славен, не желай славы; если хочешь быть высок, не будь высок. Но есть и другая причина, почему чуждающегося чести все почитают, а ищущего ее презирают, – именно та, что род человеческий по природе как-то любит спорить и противодействовать. Итак, будем пренебрегать славой: таким образом сможем сделаться смиренными, или лучше, высокими. Чтобы быть вознесенным от другого, не возноси сам себя. Кто сам себя возносить, того не возносят другие; а кто унижает сам себя, того другие не унижают. Гордость – великое зло. Лучше быть глупым, нежели гордым; у первого обнаруживается лишь глупость, как недостаток ума, а у последнего хуже – глупость вместе с неистовством. Глупый – зло для самого себя; а гордый и для других язва. Гордость рождается от глупости; нельзя быть высокоумным, не будучи глупым; кто слишком глуп, тот и горд. Послушай, что говорит один мудрец: **"Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него"** (Притч. 26:12). Видишь ли, не напрасно я сказал, что это зло хуже глупости? **"На глупого"**, – сказано, – **"больше надежды, нежели на него"**. Потому и Павел говорит: **"Не мечтайте о себе"** (Рим. 12:16). В телах, скажи мне, какие (части) мы называем здоровыми? Те ли, которые слишком вздулись и очень наполнены воздухом и водой, или ровные и имеющие умеренную величину? Очевидно, что последние. Так и душа надменная имеет болезнь хуже водянки, а смиренная свободна от всякого недуга. А сколько доброго рождает в нас смиренномудрие? Что хочешь? Терпения ли в напастьях? Незлобия ли? Человеколюбия ли? Трезвости ли? Внимательности ли? Все эти добродетели (происходят) от смиренномудрия; а от гордости противное. Гордый необходимо бывает и обидчик, и драчун, и гневлив, и жесток, и угрюм, и более зверь, нежели человек. Ты силен и высокоумствуешь? Но поэтому тебе следует более смиряться. Для чего ты много думаешь о ничтожной вещи? Ведь и лев смелее тебя, и вепрь сильнее; а ты в сравнении с ними ничтожнее даже комара. И разбойники, и гробокопатели, и единоборцы, и собственные твои рабы, в том числе, быть может, самые глупые, сильнее тебя. Итак, стоит ли хвалиться этим, и не унижаешь ли ты сам себя, гордясь этим? Ты благообразен и красив? Это хвастовство свойственно воронам. Ты не красивее павлина, ни по цвету, ни по перьям; в этом птица имеет преимущество; она много превосходит тебя перьями, цветом. И лебедь весьма красив, и многие другие птицы, с которыми если ты сравнишь себя, то сам себе покажешься ничтожным. При том часто и дети низкого состояния, и девицы незамужние, и блудные жены, и мужи женоподобные хвалятся этим. Итак, стоит ли этим гордиться?

6. Но ты богат? Чем? Что ты приобрел? Золото, серебро, драгоценные камни? Этим могут хвалиться и разбойники, и человекоубийцы, и работающие в рудниках. значит труд осужденных для тебя похвала. Но ты украшаешься и наряжаешься? И коней можно видеть в нарядной упряжи; у персов можно видеть и верблюдов красиво убранных; а между людьми – и всех появляющихся на сцен. Итак, не стыдно ли тебе много думать о том, что у тебя общее с бессловесными животными, и рабами, и человекоубийцами, и женоподобными, и разбойниками, и гробокопателями? Но ты строишь великолепные палаты? Что ж такое? многие галки живут еще в более великолепных, привитают даже в священных (местах). Разве не видишь, что дома сумасбродных богачей, построенные на полях и пустых местах, служат пристанищем для галок? Ты гордишься голосом? однако ж ты никогда не можешь нет приятнее лебедя и соловья. Гордишься разносторонностью в искусстве? Но кто в этом отношении мудрее пчелы? Какой искусник, какой живописец, какой геометр сможет подражать работам ее? Гордишься тонкостью одежды? Но в этом

превосходят тебя пауки. Гордишься быстротой ног? И в этом преимущество принадлежит бессловесным, зайцу и серне, да и многие из домашнего скота не уступят тебе в скорости ног. Ты путешествуешь? Но не больше птиц; они гораздо удобнее совершают путешествие, не имеют нужды ни в путевом запасе, ни во вьючном скоте, довольствуются для всего крыльями; крылья у них и корабль, и вьючный скот, и повозка, и ветер, и вообще все, что угодно. Ты имеешь острое зрение? Но не как серна, и не как орел. Ты имеешь тонкий слух? Но у осла еще тоньше. Ты имеешь обоняние? Но собака не даст тебе превзойти себя в этом. Ты способен готовить запасы? Но уступаешь в этом муравью. Ты носишь золотую одежду? Но не такую, как индийские муравьи. Ты здоров? Но бессловесные много превосходят нас и здоровьем и средствами; они не боятся нищеты. **"Взгляните"**, – сказано, – **"на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы"** (Мф. 6:26). Итак, скажут, Бог сотворил бессловесных лучшими, нежели нас. Видишь ли, какое безрассудство? Видишь ли, какая необдуманность? Видишь ли, сколько предметов открывает нам исследование? Почитающий себя выше всех людей оказался ниже и бессловесных. Но пощадим его, подражать же ему не будем, и низведши его на степень бессловесных за то, что он возмечтал о себе выше нашего естества, не оставим его, но возведем отсюда, не ради него, – он заслужил такое состояние, – но ради того, чтобы проявилось человеколюбие Божье и та честь, которой мы удостоены. Есть, подлинно есть у нас нечто такое, к чему бессловесные вовсе непричастны. Что ж это такое? Благочестие и добродетельная жизнь. Здесь не может быть речи ни о блудниках, ни о женоподобных, ни о человекоубийцах: мы далеки от них. Что ж это такое? Мы знаем Бога, признаем Его промысел, любимудрствуем о бессмертии: в этом отношении бессловесные уступают. Мы судим об этом здраво, не сомневаясь: в этом отношении бессловесные не имеют ничего общего с нами. Мы, будучи слабее всех животных, обладаем ими. В том и состоит превосходство власти, что мы, при всех недостатках в сравнении с животными, царствуем над ними; а это для того, чтобы ты понял, что не ты виновник этого, но Бог, сотворивший тебя и даровавший тебе разум. Мы ставим для них сети и тенета, загоняем их, и овладеваем ими. У нас целомудрие, скромность, кротость, презрение к деньгам. Но так как ты, принадлежащий к числу гордых, не имеешь ни одной из этих добродетелей, то конечно ты ставишь себя либо выше людей, либо ниже и бессловесных. Такова-то гордость и дерзость: она или слишком возносится, или слишком унижается, ни в чем не соблюдая меры. Мы (своими добродетелями) равняемся ангелам; нам обещано царство и торжество со Христом. Человек терпит удары и не падает, он презирает смерть, не трепещет, не боится ее и не желает большего. Потому все, которые не таковы, хуже бессловесных. Действительно, если ты имеешь много телесных преимуществ а душевных не имеешь, то как же ты не хуже бессловесных? Представь себе кого-либо самого порочного, живущего в неге и изобилии: конь способнее его к войне, вепрь крепче, заяц быстрее, павлин красивее, лебедь благозвучнее, слон больше, орел зорче, все птицы богаче. Почему же ты достоин чести обладать бессловесными? По разуму? Но нет. Если ты употребляешь его не надлежащим образом, то опять ты хуже их, потому что когда ты, имея разум, бываешь глупее бессловесных, то лучше было бы, если бы ты сначала не был разумным. Не одно и то же – принявши власть, потерять ее, и не принимать в самом начале. Для царя, который хуже оруженосцев, было бы лучше, если бы он не облакался в порфиру. Так точно и здесь. Итак, зная, что без добродетели мы хуже бессловесных, будем подвизаться в ней, чтобы быть людьми, или лучше – ангелами, и наслаждаться обещанными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению. Все делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов" (Фил. 2:12–16).

1. Увещания должно соединять с похвалой. Тогда они и удобоприемлемы бывают, когда увещаемым указываем на их собственную ревность, как и Павел здесь делает. И смотри, как благоразумно: **"Итак, возлюбленные мои"**, – говорит. Не сказал просто: послушайте, но сперва похвалил, и сказал: **"Как вы всегда были послушны"**, т. е. прошу вас подражать не другим, а Себе самим. **"Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего"**. Почему **"гораздо более ныне во время отсутствия моего"**? Тогда могло бы показаться, что вы все делаете из почтения ко мне и из стыда; а теперь нет. Потому, если окажется, что вы теперь ревностны, то явно, что и тогда вы были таковы не для меня, а для Бога. Чего ты хочешь (Павел), скажи? Того (говорит), чтобы вы не слушали только меня, но и со страхом и трепетом делали свое спасение, так как, живя без страха, нельзя совершить ничего благородного и удивительного. И не просто сказал: **"Со страхом"**, но присовокупил: **"и трепетом"**, – что составляет высшую степень страха, – желая сделать (филиппийцев) более внимательными. Такой страх имел Павел. Потому он и говорил: боюсь, **"дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (1 Кор. 9:27). Действительно, если житейских дел нельзя совершать без страха, то не тем ли более духовных? Скажи мне: кто выучился грамоте без страха? Кто сделался опытным в искусстве без страха? Если же там, где не подстерегает дьявол, а только леность тяготит, нужен нам такой страх, чтобы отвратить естественное только нерадение, то при такой борьбе, при таких препятствиях, как можно спастись когда-либо без страха? Как же может родиться этот страх? Если мы будем помышлять, что Бог везде присутствует, все слышит, всевидит, не только дела и слова, но и все происходящее в сердце, и в глубине души: **"И судит помышления и намерения сердечные"** (Евр. 4:12). Если так настроим себя, то и не сделаем, и не скажем, и не помыслим ничего худого. Вот, скажи мне, если бы ты всегда стоял близ твоего начальника, то не со страхом ли бы стоял? Как же, предстоя пред Богом, смеешься, прислоняешься (к стене), не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпением, с которым Он ведет тебя к покаянию; что бы ты ни делал, – делай с мыслью о всеприсутствии Божьем. Он действительно везде присутствует, а потому, принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать, гневаешься ли, похищаешь ли что, предаешься ли удовольствиям, или что другое делаешь, – вспомни о присутствии Божьем, и никогда не предашься смеху, никогда не воспламенишься гневом. Если такую мысль будешь иметь постоянно, то постоянно будешь в страх и трепет, как бы стоял близ самого царя. Зодчий, хотя и опытен, хотя и очень искусен, все же стоит со страхом и трепетом, боясь упасть с здания. И ты уверовал, совершил много доброго, взшел на высоту: держи же себя крепко, стой со страхом, и смотри бодро, чтобы не упасть оттуда. Много ведь духов злобы, желающих низвергнуть тебя. **"Служите"**, – сказано, – **"Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом"** (Пс. 2:11). Как же может быть радость с трепетом? Она-то одна и есть радость. Мы тогда только и радуемся, когда сделаем что-либо доброе, и такое, что свойственно делаемым с трепетом. **"Со страхом и трепетом совершайте свое спасение"**. (Апостол) не сказал: делайте, но: **"совершайте"**, т. е. с великим старанием, с великим усердием. А так как словами: **"Со страхом и трепетом"** сделал их боязливыми, то смотри, как он смягчает боязливость. Что именно говорит? **"Потому что Бог производит в вас"**. Не бойся, что я сказал: **"Со страхом и трепетом"**. Я сказал не для того, чтобы ты отказался, чтобы почитал добродетель чем-то недоступным; но чтобы ты

был внимателен, чтобы не рассеивался. Если это будет, то Бог все сделает, а ты дерзай: **"Потому что Бог производит в вас"**. Потому, если Он сам действует, то мы должны (с своей стороны) показывать намерение постоянно твердое, сосредоточенное, не рассеянное. **"Потому что Бог производит в вас и хотение и действие"**. Если Он действует в нас **"и хотение"**, то как же ты побуждаешь нас? Если Бог действует в нас **"и хотение"**, то напрасно говоришь нам: **"послушны"**, – мы не (сами по себе) слушаемся. Напрасно говоришь: **"Со страхом и трепетом"**, потому что все есть дело Божье. Не для того я сказал: **"Потому что Бог производит в вас и хотение и действие"**; но для того, чтобы ослабить вашу боязливость. Когда ты захотишь, тогда и Он будет действовать **"и хотение"**. Не бойся и не изнемогай; Он дает нам и усердие и самую деятельность. Когда мы захотим, то Он еще усилит наше хотение. Например, я хочу сделать что-либо доброе: Он совершает это доброе, Он же производит и хотение. Или (так нужно понимать слова апостола, или он) говорит это по особенной предусмотрительности, подобно тому, как и добродетели наши называет дарами (Божьими).

2. Потому, как, называя добродетели дарами (Божьими), не отнимает у нас самодеятельности, но оставляет ее в нас, так и словами: **"Бог производит"** в нас **"и хотение"** не лишает нас самодеятельности, но показывает, что через доброе действие мы приобретаем большую расположенность (к хотению). Как от делания рождается охота делать, так от неделания происходит нежелание делать. Подал ты милостыню? Более расположил себя к даянию. А не подал? Меньше стал расположен к даянию. Провел воздержно один день? Им ешь побуждение и на другой. Поленился ли? Усилил леность **"С приходом нечестивого"**, – сказано, – **"приходит и презрение"** (Прич. 18:3). Следовательно, как пришедший но глубину зол нерадит, так пришедший во глубину благ тщится. Как тот, отчаявшись, делается более нерадивым, так этот, помышляя о множестве добрых дел, делается рачительнее, боясь, чтобы не потерять всего. **"По Своему благоволению"**, – говорит, т. е. по любви (к Богу), для угождения Ему, чтобы совершалось приятное Ему и по Его вол. Здесь (апостол) показывает и уверяет, что точно (Бог) действует, так как Он желает, чтобы мы жили по Его воле. А если Он желает этого, и при том сам действует, то конечно и это сделает, потому что Он хочет, чтобы мы жили праведно. Видишь ли, как не отнимается самодеятельность? **"Все делайте"**, – говорит, – **"без ропота и сомнения"**. Дьявол, когда не в силах отвлечь нас от делания добра, тогда иным образом старается лишить нас награды: он внушает или тщеславие, или гордость, а если не это, то ропот; если же ничего такого, то сомнения. Итак, смотри, как Павел очищает это. Он сказал о смиренномудрии, что вы уже слышали, чтобы истребить гордость; сказал о тщеславии, чтобы низложить надменность. Выше говорил: **"Не только в присутствии моем"**; а здесь говорит о ропот и сомнениях. Почему же он, истребляя эту страсть в коринфянах, упомянул и об израильтянах; а здесь не сказал ничего такого, но просто повелел? Потому что там (страсть) эта уже была, вследствие того нужно было нанести и удар сильнее, и сделать больший выговор; а здесь он увещевает, чтобы не было ее. Не согрешивших еще было бы излишне предостерегать укоризнами. Потому и побуждая к смиренномудрии, не предложил примера евангельского, где гордые унижены; но для убеждения представил в пример Бога, и беседует с ними, как с свободными, как с родными детьми, а не как с рабами. Ведь благоразумный и благородный побуждается к добрым делам примером добродетельных, а безрассудный – не их примером, но наказываемых; тот – честью, а этот – наказанием. Потому и в послании к Евреям вывел на сцену Исава, который за одну снедь продал первородство; и еще: **"Вот, душа надменная не успокоится"** (Авв. 2:4; Евр. 10:38). И между коринфянами много было любодействовавших, почему (апостол) и сказал: **"Чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаются в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали"** (2 Кор. 12:21). **"Чтобы вам быть"**, – говорит, – **"неукоризненными и чистыми"**,

т. е. беспорочны и чисты, так как ропот налагает немалое пятно. Что же значит: **"без сомнения"**? Хорошо ли ми, или нехорошо? Но рассуждайте, говорит, хотя бы труд предстоял, хотя бы скорбь, хотя бы что другое. Не сказал: да не будете наказаны, – потому что наказание полагается за дело, в послании к Коринфянам он и на это указал, здесь же ничего такого не сказал, – но: **"Чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов"**. Видишь ли, что (апостол) научает (филиппийцев) не роптать? Ропот свойствен рабам непризнательным и бесчувственным. В самом деле, скажи мне, какой сын ропщет, трудясь на пользу отца, и трудясь для самого себя? Подумай, говорит он, что ты трудишься для самого себя, что собираешь себе самому. Роптать – дело тех, которые трудятся для других, работают на других; а тому, кто собирает для себя самого, из-за чего роптать? из-за того ли, что не увеличивается его богатство? Но это не причина. Зачем роптать тому, кто трудится добровольно, без принуждения? Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом, так как при этом и самое дело теряет цену. Или не видишь, что и в домах наших мы всегда говорим так: лучше бы этого не делать, нежели делать с ропотом? И часто решаемся лучше лишиться своей прислуги, нежели терпеть ропщущего. Тяжел, несносен ропот; он близок к хуле. Иначе за что бы те (роптавшие) были так наказаны? Ропот – это неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть и хульник. И что особенно важно – тогда были непрерывные искушения, и частые опасности, не было никакого покоя, никакой отрады, тысячи бед лились отовсюду; а ныне глубокий мир, ныне спокойствие.

3. Отчего же ты ропщешь? Оттого ли, что беден? Но подумай об Иове. Оттого ли что болен? Что же было бы, если бы ты и одержим был болезнью, и вместе сознавал в себе столько совершенств и добродетелей, сколько тот святой? Представь еще и то, что он долго был весь в червях, сидел на гноище и непрестанно соскабливал гной: **"И сказала"**, – сказано, – **"ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри"** (Иов. 2:9). Но у тебя умер сын? Что ж, если бы ты, подобно ему, лишился всех, и при том лютой смертью? Вы знаете, хорошо знаете, что (для родителей) много утешения, – сидеть при больном, сомкнуть уста, закрыть глаза, прикоснуться к щекам, услышать последние слова. Но этот праведник ничего такого не сподобился; все (его дети) вместе были засыпаны. И что я говорю это? Коли бы тебе, как блаженному тому патриарху, повелено было самому заклать своего сына, принести ее жертву и видеть его сожженным, – что бы ты сделал? А каков он был, когда созидал жертвенник, возлагал дрова и вязал отрочка? Тебя некоторые поносят? Что же было бы с тобою, когда бы ты услышал это от друзей, пришедших для утешения? Ныне мы имеем много грехов, и справедливо поносят нас; а тогда **"непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла"** (Иов. 1:1) от друзей слышал противное (этим его качествам). Что же, скажи мне, если бы ты от жены услышал укоризны: **"Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы"** (Иов. 2:9)? Для чего ты говоришь это, безумная? Ужели муж – виновник этого для тебя? Не он, а дьявол. **"Похули Бога"**, – говорит, – **"и умри"**. Разве легче было бы тебе, когда бы лежащий (муж твой) сказал, и умер? нет болезни, которая была бы тяжелее этой, хотя бы ты указал тысячи. Она (болезнь Иова) такова была, что он не мог даже оставаться в дом и под кровом, такова, что все отступились (от него). Если бы он не страдал неизлечимо, то не сидел бы вне города, будучи в худшем состоянии, нежели одержимые проказой. Эти и в дома входят, и собираются друг с другом; а он, проводя ночи под открытым небом на гноище ногой, не мог надеть на себя и одежды. Почему? Потому, вероятно, что приложилась бы болезнь к болезням. **"Тело мое одето"**, – говорит, – **"червями и пыльными струпами"** (Иов. 8:5). Плоть его производила гной и червей, и это непрестанно. Видишь ли, как каждый из нас цепенеет, слыша это? Если же несносно слышать это, то сносно ли видеть? А если

несносно видеть, то тем более терпеть. однако ж праведник терпел и при том не два или три дня, но долгое время, и не согрешил даже и устами своими. Какую ты можешь назвать мне болезнь, которая была бы соединена с столь многими страданиями? Не хуже ли слепоты это было? **"Составляет отвратительную"**, – говорит, – **"пищу мою"** (Иов. 6:7). И мало того, даже ночь и сон, доставляющие другим покой, ему не приносили никакой отрады, но были тяжелее всякой пытки. Послушай, что он говорит: для чего **"ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня"** (7:14)? При наступлении утра, я говорю: когда-то вечер? И в таких страданиях он не роптал. И не в них только было горе, но и в худом мнении многих: на него наконец стали смотреть, как на виновного в бесчисленных пороках, за которые он страдал. Даже друзья говорили ему: ты наказан по мере твоих грехов (Иов. 11:6). Поэтому и он говорил: **"А ныне смеются надо мною младшие меня летами, те, которых отцов я не согласился бы поместить с псами стад моих"** (30:1). Скольких смертей это не тяжелее? однако ж, несмотря на то, что быть отовсюду обуреваем такими волнами, что отовсюду поднималась страшная непогода, тучи, буря, гром, водовороты, вихри. – он во время этих великих и страшных волн пребыл непоколебим, как бы в тихую погоду, и не роптал. И это было прежде благодати, прежде чем сказано было что-либо о воскресении, или о геенне, наказании и мучении. А мы, слыша и пророков, и апостолов, и евангелистов, видя бесчисленные примеры, и узнавши учение о воскресении, все еще негодуем, хотя никто не может сказать, что его постигли столь многие бедствия. В самом деле, если кто и лишился имущества, то не лишился еще стольких сыновей и дочерей; если же и лишился, то, быть может, за грехи. А он (лишился) внезапно, во время жертвоприношения, во время служения Богу. Если даже кто лишился и детей и вместе такого богатства, – что впрочем невозможно, – то не был весь в ранах, и не соскабливал гноя; а если и случилось так, то не имел нападающих и поносящих – что обыкновенно уязвляет нас более всего, более самых бедствий. Действительно, если мы во время бед, имея утешающих и ободряющих и возбуждающих благую надежду, так сетуем, то подумай, что было бы, когда бы мы имели еще поносящих? Если тяжело и несносно (выраженное в словах): **"ждал сострадания, но нет его, – утешителей, но не нахожу"** (Пс. 68:21), то каково – вместо утешающих найти поносящих? **"Жалкие утешители все вы!"** – говорит (Иов) (16:2).

4. Если бы мы всегда имели это пред глазами, если бы размышляли об этом, то никакие обстоятельства не огорчали бы нас при виде этого подвижника, этой адамантовой души, этого крепкого – медного сердца. Он как будто обложен был медным или каменным телом, – все переносил мужественно и терпеливо. Помышляя об этом, будем все делать без ропота и сомнения. Делаешь ты что-либо доброе, и ропщешь? Почему? Разве настает тебе необходимость? Знаю, говорит (Павел) что многие из ближних ставят вас в необходимость – роптать (на это он намекает словами: **"среди строптивного и развращенного рода"**); но это-то и удивительно – быть раздражаемым, и несколько того не чувствовать. Звезды блистают ночью, видятся во тьме, и несколько не теряют своей красоты, являются даже блистательнее, а при свете являются не в таком виде: так и ты Сияешь более, когда остаешься правым среди развратных. Удивительное дело быть непорочным. А чтобы этого не говорили, – (апостол) предварительно сам сказал это. Что значит: **"содержа слово жизни"**? значит: имя жить (в будущем веке), принадлежа к числу спасаемых. Смотри, как скоро он полагает награды. Светила, говорит, заключают причину света, а вы причину жизни. Что значит: **"слово жизни"**? значит: имя семя жизни, т. е. имя залог жизни, содержа самую жизнь, т. е. имея семя жизни в вас. Вот что называет словом жизни. Следовательно прочие все мертвы: на это именно указал он, сказав таким образом, а иначе, и прочие заключали бы слово жизни. **"К похвале моей"**, – говорит. Это что значит? И я, говорит, участвую в ваших благах. Добродетель ваша такова, что не только вас спасает, но и меня прославляет. Что же за похвала тебе, блаженный Павел? За нас тебя мучат, гонять, обижают. Потому-то и говорит: **"В день Христов, что я не тщетно"**

подвизался и не тщетно трудился"; но всегда имею хвалиться, говорит, **"что я не тщетно трудился. Но если я и делаюсь жертвой"** (ст. 17). Не сказал: но если и умираю, подобно как и в послании к Тимофею, где употребил то же слово, говоря: **"Ибо я уже становлюсь жертвой"** (2 Тим. 4:6). И утешает их относительно своей смерти, и научает охотно переносить смерть за Христа. Я делаюсь, говорит, как бы возлиянием и жертвой. О, блаженная душа! Жертвой называет приведение их. Подлинно, принести в жертву душу гораздо лучше, нежели принести волов. Итак, если к этому приношению и сам себя присоединю, как возлияние, то радуюсь, говорит, о смерти моей. На это он и намекает, говоря: **"За жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне"** (ст. 18). Почему сорадуешься? Видишь ли, как показывает, что и они должны радоваться? Радуюсь, говорит, потому что делаюсь воздаянием; а сорадуюсь, как приносящий жертву. Об этом же и вы радуйтесь, и сорадуйтесь, что я приношусь в жертву. Сорадуйтесь, говорит, мне радующемуся о своей смерти. Подлинно, кончина праведников достойна не слез, но радости. Если они радуются, то должно сорадоваться им. И неприлично нам плакать, когда они радуются. Но мы, говорят, желаем сожителства с ними! Это предлог, отговорка. Смотри, что завещает он филиппийцам: **"радуйтесь и сорадуйтесь мне"**. И ты желаешь сожителства с ними? Если бы ты сам здесь оставался, то справедливо бы так говорил; если же немного спустя будешь там, где отошедший, то какого сожителства желаешь? Сожителства желает тот, кто навсегда разлучен: а если от идет с тобою по одному пути, то какого сожителства желаешь? Отчего мы не оплакиваем отправляющихся в путешествие, или, немного поплакавши, спустя день, два, перестаем? Если желаешь сожителства, то плачь лишь столько, сколько нужно для обнаружения в себе природы (человеческой); а потом радуйся, как и Павел, который говорил: не чувствую ни малейшей скорби, и даже радуюсь, отходя ко Христу: **"радуйтесь"**, – говорит, – **"и сорадуйтесь мне"**. Будем же радоваться и мы, когда видим умирающим праведника, а более – когда видим умирающим кого-либо из отчаянных. Тот отходит с надеждой получить награду за труды свои, а этот пресекает грехи свои. Но может быть скажут: оставаясь в живых, он переменялся бы? Не взял бы его Бог, если бы он намерен был перемениться. Все устраивающий для нашего спасения почему бы не оставил (в живых) того, кто намерен благоугождать Ему? Если Он оставляет не исправляющихся, то тем более исправляющихся. Итак, вовсе перестанем печалиться, вовсе перестанем плакать, будем благодарить Бога за все, будем делать все без ропота, будем радоваться и благоугождать Ему во всем, чтобы получить и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом. Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас, потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу" (Фил. 2:19–21).

1. (Апостол) сказал: **"Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большому успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим"**; и еще: **"Но если я и делаюсь жертвой за жертву и служение веры вашей"** (Фил. 1:12,13), Этим утверждал их (филиппийцев). Быть может они подумали бы, что преждее сказано для утешения. Что ж он делает, и как отклоняет такую мысль? говорит: Тимофея посылаю к вам, – так как они сильно желали слышать обо всем касательно его. Почему же он не сказал: чтобы вы узнали о моих обстоятельствах, но – чтобы я узнал о ваших? (Потому что) о его

обстоятельствах, прежде Тимофея, мог возвестить Епафродит. Поэтому далее и говорит: **"Впрочем, я почел нужным послать к вам Епафродита"** (ст. 25). Желая знать, говорит, о ваших обстоятельствах. Вероятно, (Епафродит) по телесной болезни долго пробыл при Павле, – потому и говорит, что непременно хочу знать о ваших обстоятельствах. Смотри, как все относить ко Христу, даже отправление Тимофея, говоря: **"Надеюсь же в Господе Иисусе"**, т. е. я уверен, что Бог мне поможет в этом, **"дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом"**. Как вас, говорит, ободрил я известием о том, о чем вы молились касательно меня, – что евангелие преуспевает, что (враги) посрамлены, что они доставили (мне) радость тем самым, чем думали вредить, – так и я желаю знать о ваших обстоятельствах, **"дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом"**. Здесь показывает, что они должны радоваться об его узах, и последовать ему в этом: а действительно (узы) доставили ему великое утешение. Слова: **"дабы и я утешился духом"** значат: как и вы (благодушествуете). О, какую нужную любовь имел он к Македонии! И фессалоникийцам то же изъявляет, когда говорит: **"Мы же быв разлучены с вами на короткое время"** (1 Фес. 2:17). И здесь говорит: **"Надеюсь к вам Тимофея"**, чтобы мне знать о ваших обстоятельствах. Это знак величайшего попечения. Когда сам не мог прийти, то посылал учеников своих, не вынося даже и на короткое время оставаться в неведении о происходящем у них: ведь не от духа же он все узнавал. Этому и надлежало быть. Если бы ученики были уверены в том, то сделали бы бесстыдными; а теперь, в чаянии укрыться, они удобнее исправлялись. Словами же: **"Дабы и я утешился духом"** – делал их более внимательными к себе и более рачительными, так что если бы Тимофей не пришел, то он нашел бы и другого, который бы известил его. (Однажды) и сам (апостол) употребил этот способ, отложив свое пришествие для того, чтобы исправиться коринфяне. Потому и писал: **"Щадя вас, я доселе не приходил в Коринф"** (2 Кор. 1:23). Любовь обнаруживается не через извещение только о своих обстоятельствах, но и через старание узнать об их обстоятельствах. Таково свойство души попечительной, души заботливой и всегда беспокоящейся. А вместе и честь им делает, посылая Тимофея. Что ты говоришь? Посылаешь Тимофея? Почему? Да, говорит: **"Ибо я не имею никого равноусердного"**, т. е. подобно мне заботливого, **"кто бы столь искренно заботился о вас"**. Итак, он не имел при себе никого равноусердного? Никого. Что ж это значит? То же, что – подобно мне заботящегося и искущегося о вас. Иной не так легко, говорит, решился бы по этой причине совершить столь дальний путь. А Тимофей любит вас, как я. Можно бы послать и других, но такого никого нет. Следовательно быть равноусердным – значит любить учеников, подобно ему. **"Кто бы"**, – говорит, – **"столь искренно заботился о вас"**, т. е. отечески. **"Потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу"**, т. е. своего собственного покоя и безопасности. То же говорит он и в послании к Тимофею. Для чего он скорбит об этом? В намерении научить слушающих – не быть таковыми, научить слушающих – не искать праздности. Ищущий праздности ищет **"не того, что угодно Иисусу Христу"**, но **"все ищут своего"**; а мы должны быть готовы на всякий труд, на все тягостное. **"А его верность"**, – говорит, – **"вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании"** (ст. 22). Не без причины говорю это; вы сами знаете, что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании. Здесь справедливо похваляет Тимофея, чтобы они приняли его с великой честью. Это делает и в послании к Коринфянам, говоря: **"Смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я"** (1 Кор. 16:10,11), – заботится не о нем, но о принимающих его, чтобы они получили за то великую награду. **"Итак"**, – говорит, – **"я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною"** (ст. 23), т. е., когда увижу, в каком состоянии буду, и какой конец будут иметь мои дела. **"Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам"** (ст. 24). Не потому посылаю его (Тимофея), будто сам не приду, но чтобы мне ободриться, узнав о ваших обстоятельствах, и чтобы в этот промежуток времени не находиться в неведении. **"Я уверен в Господе"**, говорит, т. е. ежели Богу будет угодно.

2. Смотри, как все приписывает Богу, и ничего не говорит от своего ума. **"Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего"** (ст. 25). И его посылает опять с такими же похвалами, с какими и Тимофея. В этом последнем он указывает следующие два качества: что он любить их, словами: **"Кто бы столь искренно заботился о вас"**, и – что он заслужил похвалу в благовестии. И Епафродита похвалил за то же, и для той же цели, для какой и Тимофея. Как? Сказать: **"брата и сотрудника"**, и не остановиться на этом, но прибавить еще: **"и сподвижника"**, значит показать его великое участие в бедах и засвидетельствовать о нем то же, что и о себе самом. **"сподвижника"** же больше значит, нежели **"сотрудника"**. Иной мог быть сотрудником в делах легких, но не в брани и бедах; а словом: **"сподвижника"** (апостол) показал и это последнее. **"А вашего"**, – говорит, – **"посланника и служителя в нужде моей, послать к вам"**, – т. е., наше вам дарю. Или иначе: вашего, или – учащего нас, к вам посылаю. Потом многое присовокупляет о любви его, говоря: **"Потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжело скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали"** (ст. 26,27). Здесь (апостол) внушает и другое, т. е. что и он (Епафродит) очень знает, что вы его любите. А это немалое побуждение к любви. Каким образом? Он болен был, говорит, и вы болезновали; он выздоровел, и вас избавил от печали, которую вы имели по причине его болезни. Сам однако ж был не без печали; но скорбел о том, что, выздоровевши, не видал вас. Здесь и другое внушает, – оправдывается в том, что посылает к ним спустя довольно времени: не по беспечности, говорит, но потому удерживал Тимофея, что никого не имел (**"Ибо я не имею никого"**, – говорит, – **"равно усердного"**), Епафродита же – по болезни. Потом, показывая, что болезнь его была продолжительна и долго изнуряла (его), говорит: **"Ибо он был болен при смерти"**. Видишь ли, сколько Павел заботится о том, чтобы отклонить от души учеников всякую мысль о беспечности и небрежении и, и чтобы они не подумали, будто он пренебрегает ими, и потому не пришел? Ничто не способно так привлечь ученика, как убеждение, что учитель и печется, и скорбит о нем. Это знак чрезвычайной любви. **"До вас дошел слух"**, – говорит, – **"о его болезни. Ибо он был болен при смерти"**. И что я говорю не притворяясь, то послушайте: **"Но Бог помиловал его"**. Что скажешь ты, еретик? Здесь (апостол) называет милостью Божьей то, что Он сохранил человека близкого к смерти, и возвратил его к жизни. Но если мир зло, то оставлять во зле не есть милость. Впрочем с еретиком легко говорит; а что скажем христианину? Ведь и он, может быть, усомнится и скажет: если **"Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше"** (Фил. 1:23), то для чего говорит, что (Бог) помиловал его? А я спрошу: почему он говорит: **"А оставаться во плоти нужнее для вас"** (Фил. 1:24)? Это нужно было сколько апостолу, столько же и Епафродиту, имевшему отойти к Богу с большим богатством и с большим дерзновением. И хотя этого теперь не случилось, но имело быть потом; а приобрести души, отошедши туда, уже невозможно. Павел говорит также многое и применительно к обычному понятию слушающих, и не везде любу мудрствует, так как слово его было к людям мирским, которые боялись еще смерти. Потом показывает, каким у него мнением пользуется Епафродит, и через то делает его достопочтенным, называя именно его спасение настолько полезным для себя, что сам через него помилован. Впрочем и кроме того, настоящая жизнь есть добро; а если не добро, то для чего (апостол) преждевременную смерть поставляет в числе наказаний? Например, он говорит: **"Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает"** (1 Кор. 11:30). Будущая жизнь для человека злого не лучше, потому что она не добра, а для доброго лучше. **"Чтобы"**, – говорит, – **"не прибавилась мне печаль к печали"** – скорбь о смерти на скорбь о болезни. Этим показывает, насколько он почитает Епафродита. **"Посему я скорее послал его"** (ст. 28). Что значит – **"скорее"**? значит – без отлагательства, без замедления, с большой поспешностью, приказавши все оставить и идти к вам, чтобы освободить от печали. Мы радуемся не столько тогда, когда слышим,

что любимые (нами) здоровы, сколько в то время, когда видим (их таковыми), и особенно если это случится сверх чаяния, как случилось тогда с Епафродитом. **"Посему я скорее"**, – говорит, – **"послал его, чтобы вы, увидев его снова, возрадовались, и я был менее печален"**. Как **"менее печален"**? Так, что если вы радуетесь, то и я радуюсь, и он радуется такой же радостью. **"И я был менее печален"**. Не сказал: беспечален, но – **"менее печален"**, показывая, что душа его никогда не была без печали. Когда в самом деле был без печали говорящий: **"Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?"** (2 Кор. 11:29)? Как бы так сказал: эту печаль отлагаю. **"Примите же его в Господе со всякой радостью"** (ст. 29). **"В Господе"** – то же, что духовно, то есть, с великим тщанием; а лучше, **"в Господе"** – значит по воле Божьей. Примите, как следует святым, и как надлежит принимать святых: **"Со всякой"**, – говорит, – **"радостью"**.

3. Все это делает для них самих, а не для посылаемых, потому что больше пользы делающему добро, нежели кому его делают. **"И таких имейте в уважении"**, – т. е., примите его, как следует принимать святых. **"Ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне"** (ст. 30). Епафродит был послан филиппийцами от лица всего города, чтобы послужить Павлу, или, может быть, пришел к нему и для доставления чего-нибудь. А что он принес и деньги, на это указывает (апостол) в конце послания, говоря: **"Получив от Епафродита посланное вами"** (Фил. 4:18). Вероятно, он, пришедши в город Рим, нашел Павла в такой большой и тяжелой беде, что даже приближенным невозможно было приходить к нему безопасно, но и они приходили с опаской. Это обыкновенно бывает, особенно в больших бедах, и в случай чрезвычайного царского гнева. Когда кто, оскорбивши царя, бывает заключен в темницу, и находится под крепкой стражей, тогда воспрещается к нему приходить даже домашним, – что вероятно было тогда и с Павлом; а Епафродит, как муж неустрашимый, пренебрег всей опасностью, только бы придти и послужить (Павлу), и сделать все, что нужно было. Итак, (апостол) по двум причинам представляет его достойным почтения: во-первых, говорит, он подвергался для меня смертной опасности; а во-вторых, он потерпел это, будучи представителем города, так что награда за его опасность вменялась пославшим его, – потому что город отправил его в виде посланника. Поэтому принять его с почтением и благодарить за услуги значит – сделаться особенным участником в том, на что он отваживался. И не сказал: для меня, но, с целью большего удостоверения, говорит: "за дело" Божье. Не для меня, но для Бога он был "близок к смерти". Что же? Хотя он и не умер, по Божью устроению, однако ж, подвергался опасности и предавал себя самого так, что не отрекся бы от служения мне, что бы ни привелось потерпеть. Если же он для служения Павлу предавал себя на смерть, то тем более сделал бы это для проповеди; или лучше – умереть для Павла было то же, что и для проповеди. Не только за отказ принести жертву (идолам) можно получить венец мученический, но и таковые случаи делают мучеником; и если что следует назвать удивительным, то скорее последние случаи, нежели первые. Кто за меньшее дело решается на смерть, тот тем более (решится) за большее. Потому и мы, когда увидим святых в бедах, то не будем щадить себя. Нерешительный никогда не может сделать ничего благородного; кто заботится о безопасности здесь, тот необходимо лишается ее в будущем. **"Дабы восполнить"**, – говорит, – **"недостаток ваших услуг мне"**. Что это значит? Город не был со мною, но оказал мне всякую услугу через него, прислав его. Следовательно недостаток вашего служения он восполнил. И потому он имеет право получить великую честь, так как он один сделал за вас то, что следовало сделать всем. (Апостол) указывает и на первую услугу, которую оказали бедствующим находящиеся в безопасности. Слова: **"недостаток ваших услуг"** указывают именно на нее. Видишь ли высокое чувство апостола? Оно происходит не от гордости, но от великой заботливости об них. Дело их он называет служением и лишением, чтобы они не возносились, но были

скромны; чтобы не думали, что сделали нечто великое, но смирились. Потому не будем и мы высокоумствовать, когда что-либо даем святым, и не будем думать, что в этом случай мы им дарим. Мы обязаны делать это святым, и ничего им не дарим. Как состоящим в войске и ведущим войну остающиеся на мирном положении и не участвующие в войне обязаны доставлять содержание, – потому что те стоять за них, – так и здесь. Если бы Павел не учил, то кто бы его ввергнул тогда в темницу? Следовательно должно служить святым. Если ополчающемуся за царя земного следует доставлять все, и одежду и пищу, не в меру надобности только, но и с избытком, – то как не доставлять самого даже необходимого воинствующему за Царя небесного, и борющемуся с врагами более страшными, о которых сказано: **"Потому что наша брань не против крови и плоти"** (Еф. 6:12)? Какая непризнательность! Какая неблагодарность! Какая скупость!

4. Но, как видно, на нас действует больше страх человеческий, нежели (страх) геенны и будущих мучений. Потому-то все извратилось, – гражданские дела отправляются ежедневно с великим рачением и опущения не бывает, а о духовных нигде и мысли никакой нет. Чего требуют с принуждением и вымогательством, как от рабов и невольников, то выполняется с великой готовностью, а предоставляемое доброй нашей вол и свобод – все оставляется. Говорю не против всех, но против тех, которые отказывают в подаянии. Ужели Бог не может поставить этого в необходимую обязанность? Но Он не хочет: Он щадит вас более, нежели питаемых вами. Потому Он хочет, чтобы вы делали это не по принуждению, так как за то нет награды. Однако ж многие из находящихся здесь ниже иудеев. Подумай, сколько иудеи давали – десятин, начатков, еще десятин, и еще других десятин, да еще иных тридцатин и сикль, – и никто не говорил, что (священники) много сдают. Чем больше они получили бы, тем больше награды (дающим). (иудеи) не говорили: много берут, объедаются, что ныне, слышу, говорят некоторые. И строящие дома, и покупающие поля представлять себя ничего не имеющими; а если кто из иереев наденет одежду посветлее, или обладает в достаточном количестве потребной пищей, или же имеет прислугу, чтобы не быть вынужденным самому делать непристойное (сану), то это считается богатством. Подлинно, и тем мы богаты, – сами они против воли это признают, – мы, хотя имеем мало, богаты; а они, хотя и всем владеют, бедны. Доколь будем поступать неразумно? Или не довольно для вас наказания за то, что вы ничего не делаете, – нужно еще прилагать наказание и за злоречие? Если бы ты даже сам дал ему то, что он имеет, то потерял бы награду, когда бы упрекнул его тем, что ты дал: вообще, если ты дал, то за что упрекаешь? Говоря, что ты дал ему то, что он имеет, этим прежде всего ты свидетельствуешь о его нищете: для чего же упрекаешь? Не нужно было давить, когда ты намерен был упрекать. Но ты говоришь так, когда другой дает? Грех еще более тяжкий, потому что, сам ничего не давши, упрекаешь тем, что другой благотворить. Какая, полагаешь ты, награда тем, которые слушают эти упреки? Та, что они терпят это для Бога. Как и почему? Они могли бы, если бы захотели, заниматься мелочной торговлей, хотя и не наследовали (этого) от предков. Еще, когда мы говорим, что такой-то беден, то слышу, многие бесстыдно говорят: если бы захотел, то мог бы быть богатым; потом язвительно прибавляют: дед его и прадед его и такой-то были таковы-то; а он вот е в какую нарядился одежду. Что ж? Скажи мне, ужели ему надлежало ходить нагим? Ты что-то очень старательно рассказываешь об этом: смотри, как бы слова твои не обратились против тебя самого. Слушай увещание Христово: **"Не судите, да не судимы будете"** (Мф. 7:1). Он мог бы, если бы захотел, заниматься торговым и купеческим делом, и конечно не терпел бы недостатка; но не захотел. Какая же отсюда для него польза, скажи, мне? Носит шелковые одежды? В сопровождении толпы, гордо расхаживает по рынку? Несется на кон? Или строить дома, имя где прожить? Если он делает это, то и я осуждаю и не щажу его, даже признаю его недостойным священства. Как в самом деле он может убеждать других, чтобы не занимались этими излишествами, когда сам себя не может убедить? Если же грешит он

тем, что имеет в изобилии необходимую пищу, то неужели следовало ему ходить по миру и просить подаяния? И не стыдно ли было бы тебе, ученику (его), скажи мне? Если бы и отец плотской это делал, ты почел бы бесчестием; а если (отец) духовный принужден это делать, ужели тебе не стыдно? Ужели не почтешь за лучшее скрыться? **"И позор детям"**, – сказано, – **"мать в бесславии"** (Сир. 3:11). Что-же? Или умереть ему с голоду? Но и это несвойственно человеку благочестивому, потому что неуютно Богу. Впрочем, когда мы говорим им это, они тотчас предлагают свои умствования. Написано, говорят: **"Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха"** (Мф. 10:9,10); а они имеют по три и по четыре одежды, и убранные постели. Пришлось мне горько вздохнуть теперь; а если бы не было неприлично, то и заплакал бы. Отчего? Оттого, что мы так тщательно замечаем сучки у других, а сами, имея в глазах бревна, и не чувствуем того. Скажи мне, почему ты не говоришь этого о себе самом? Потому, говорят, что это заповедано только учителям. Следовательно, когда Павел говорит: **"Имея пропитание и одежду, будем довольны тем"** (1 Тим. 6:8), говорит одним учителям? нет, – всем людям. Это ясно будет, если прочтем это место, начав повыше. Апостол, сказавши: **"Великое приобретение – быть благочестивым и довольным"** (ст. 6), потом: **"Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него"** (ст. 7), тотчас присовокупил: **"А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погужают людей в бедствие и пагубу"** (ст. 9).

5. Видишь ли, что речь относится ко всем? Что же, когда говорит опять: **"Попечения о плоти не превращайте в похоти"** (Рим. 13:14), не ко всем ли вообще говорит? Что же, когда говорит: **"Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое"** (1 Кор. 6:13)? Что же, когда, беседуя о вдовиц, говорит: **"А сластолюбивая заживо умерла"** (1 Тим. 5:6)? Ужели и вдовица – учитель? Не сам ли он сказал: **"А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем"** (2:12)? Если же и вдовиц, которая по преклонным летам (а старость требует великого попечения), и по самой природе (а женский пол, как слабый, требует большего успокоения), – если той, которая и по возрасту и по природе заслуживает снисхождения, (апостол) не позволяет питаться пространно, но говорит, что таковая **"заживо умерла"** (ведь не просто сказал: не питаться пространно, но – **"а сластолюбивая заживо умерла"**, и таким образом исключил ее из среды живых, потому что умершая уже исключена), – то как можно простить мужу то, за что наказывается престарелая жена? Но об этом никто и не думает, никто об этом не рассуждает. А я вынужден теперь сказать это, не с намерением избавить священников от упреков, но радея о вас. Они от вас не терпят никакого вреда, хотя заслуженно и по справедливости слышать упреки, как собиратели богатства; но говорите ли вы, или не говорите, они дадут ответ Судьи там, – а потому ваши слова ни мало не вредят им. Если же ваши слова еще и ложны, то они, будучи оклеветаны вами напрасно, получают от того пользу, а вы вредите самим себе. В отношении же к вам не так: правду ли говорите об них или ложь, все вредите себе тем самым, что говорите об них худо. Почему? Если говорите правду, то и в этом случае вредите себе, потому что осуждаете учителей и извращаете порядок, так как и брата не должно судить, тем более учителя; если же (говорите) ложь, то (вас постигнет) невыносимое наказание и мука, так как за всякое праздное слово дадите ответ Итак, мы все делаем и трудимся для вас. Но, как я сказал, никто об этом не рассуждает, никто этим не занимается, никто не говорит себе ничего такого. Хотите ли, я прибавлю и другое? **"Кто не отрешится"** (Лк. 14:33), говорит Христос, **"от всего, что имеет, не достоин Меня"** (Мф. 10:37). Что же, когда говорит: **"Трудно богатому войти в Царство Небесное"** (19:23)? Что же, когда говорит: **"Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение"** (Лк. 6:24)? Никто не вникает в это, никто об этом не помышляет, никто не рассуждает сам с собою, а дела других все очень строго обсуживают. Но это значит делаться участником в делах осуждаемых. А чтобы

освободить для вас священников и от нареkania в том, в чем вы почитаете их виновными, – послушайте: ведь уверенность в том, что они преступают закон Божий, много преклоняет (вас) ко злу. Так вот исследуем и это. Христос сказал: **"Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни двух одежд, ни обуви"**, ни пояса, **"ни посоха"** (Мф. 10:9,10). Что же, скажи мне? Петр преступал эту заповедь? Как же иначе, когда он имел и пояс, и одежду, и обувь? А что он имел их, – послушай слов ангела, обращенных к нему: **"опояшься и обуйся"** (Деян. 12:8); хотя и не очень нужна была такая обувь, – в ту пору можно было быть и необутым, а обувь особенно нужна в зимнее время, – однако ж он имел ее. А что Павел? Он в послании к Тимофею говорит: **"Постарайся придти до зимы"** (2 Тим. 4:21); потом повелевает и говорит: **"Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные"** (ст. 13). Вот о фелони сказал; а нельзя сказать, чтобы он не имел и другого, который носил. Если бы он вовсе не носил его, то излишне было бы приказывать принести тот; а если нельзя было не носить одежды, то очевидно он имел другой (фелонь). А что из того, что он целые **"два года"** (Деян. 28:30) пребыл на собственном иждивении? Ужели он преслушал Христа, он – этот избранный сосуд, который говорит: **"И уже не я живу, но живет во мне Христос"** (Гал. 2:20), о котором засвидетельствовал Христос, говоря: **"Ибо он есть Мой избранный сосуд"** (Деян. 9:15). Такое недоумение надлежало бы оставить при вас, и не давать никакого решения на вопрос, подвергнув вас этому наказанию за невнимание к Писаниям. Действительно, отсюда лес это происходит. Потому мы и бываем строгими судьями чужих грехов, а на свои не обращаем никакого внимания, что по знаем Писаний, что не изучаем законов Божественных. Итак, следовало бы вас подвергнуть этому наказанию. Но что мне делать? Я отец. А отцы много и сверх должного угождают детям, потому что родительское их сердце пламенеет к ним любовью; если они видят дитя печальным и унылым, сами больше его болезнуют, и не успокаиваются, пока не уничтожат причину скорби. Впрочем пусть бы это и случилось, пусть бы вы и поскорбели о том, что не понимали (прежде), – только бы (теперь) хорошо поняли.

6. Что же должно сказать? Нет, (апостолы) не противились, но с точностью последовали заповедям Христовым, а заповеди те были даны па время, а не навсегда. И это говорю я не по догадке, но согласно Божественному Писанию. Как? Лука повествует, что Христос сказал ученикам: **"Когда Я посылал вас без мешка и без сумы"** и без пояса **"и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем"** (Лк. 22:35). Итак, теперь уже приобретайте. Но что следовало (делать), скажи мне? Иметь один хитон? Что же? Если нужно было вымыть его, то ужели надобно было сидеть дома нагому? Или, в случае нужды, ходить нагому и нарушать благопристойность? Подумай, каково бы было Павлу, для столь важных дел обходившему вселенную, сидеть дома за неимением одежды, и при столь многих делах встречать препятствие? Что же, если бы настала сильная стужа, и пошел сильный дождь, или заморозило, то как бы можно было обсушиться? Опять нужно было сидеть нагому? Что же, если бы холод расстроил тело, пришлось бы чахнуть, и не проповедовать? А что им даны были не алмазные тела, – послушай, что сказано Тимофею: **"Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"** (1 Тим. 5:23); и еще касательно другого: **"Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего, а вашего посланника и служителя в нужде моей, потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжело скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только"** (Фил. 2:25–27). Следовательно и они подвержены были всяким болезням. Что же? Нужно было гибнуть? Никак. Для чего же тогда (Христос) заповедал так? Для того, чтобы показать Свою силу, что и после Он мог сделать так, но не сделал? Почему же не сделал? Апостолы были гораздо важнее израильтян, у которых не истерлась ни обувь, ни одежда, хотя они и проходили по такой Пустыне, где солнечные лучи настолько жарки, что могли разрушать и самые камни. Почему же сделал это? Для

тебя. Так как ты не (всегда) мог быть здоровым, но мог быть больным, то (Бог) дал тебе способ врачеваться. И это очевидно из следующего. Скажи мне, ужели Он сам не мог их пропитать? Если Он (все нужное) дал тебе, оскорбителю, то не тем ли более дал бы Павлу? Кто дал израильтянам – ропотникам, блудникам, идолослужителям, Тот не тем ли более дал бы Петру, который все для Него оставил? Кто попустил иметь (нужное) беззаконникам, Тот не тем ли более даровал бы Иоанну, который для Него оставил и отца? Но Он не захотел; я питает их через тебя, чтобы ты освятился. И заметь избыток человеколюбия. Он благоволил быть ученикам Своим униженными, чтобы ты сколько-нибудь воодушевился. Но если бы Он дал им все нужное, скажут, то они были бы гораздо почтеннее, гораздо славнее. Но в таком случае был бы ущерб твоему спасению. Потому Он восхотел, чтобы они были не славными, но более униженными, чтобы тебе спастись; и попустил им быть униженными, чтобы ты мог спастись. Не столько достопочтенен бывает учитель берущий, сколько не берущий; но ученик не получает пользы, а лишается плода. Видишь ли премудрость человеколюбивого Бога? Как Он сам не искал Своей славы, и не имел в виду Своего, но, будучи в славе, восхотел быть в бесславии для тебя, – так и в отношении к учителям. Имея силу сделать их славными, благоволил, чтобы они были презираемы для тебя, чтобы ты мог получить пользу, чтобы ты мог обогатиться. У него недостаток в житейском для того, чтобы ты имел изобилие в духовном. А что Он мог дать им все нужное, на это много доказательств; равным образом доказывается и то, что Он попустил им быть в скудости для тебя. Итак, оная это, обратимся не к осуждению, но к благотворению; будем не чужие грехи разбирать, но свои обсуживать; будем в других замечать добродетели, а в себе находить грехи, – и таким образом будем благодарить Бога. Кто смотрит и на чужие грехи, и на свои добродетели, тот вдвойне вредить себе: от этих (добродетелей) надмевается гордостью, а от тех (грехов) впадает в нерадение. Когда он представить, что такой-то согрешил, то и сам легко впадет в грех, а когда представить, что сам совершил доброе, то легко возгордится. А кто, предавая забвению свои добродетели, смотрит на одни (свои) грехи, и замечает в других не грехи, но добродетели, тот получает много пользы. Как, – слушай. Когда видит, что такой-то поступает добродетельно, то возбуждается к равной ревности; а когда видит, что сам согрешил, то проникается смиренномудрием и скромностью. Если будем так поступать и так устраивать дела свои, то сможем достигнуть обещанных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Впрочем, братья мои, радуйтесь о Господе. Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно. Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся" (Фил. 3:1–3).

1. Когда печали и заботы чрезмерно угнетают душу, то отнимают у нее силу. Потому-то Павел и ободряет филиппийцев, которые находились в великой печали. А печалились они потому, что не знали, каковы обстоятельства Павловы; печалились потому, что почитали его умершим, (печалились) о проповеди, – об Епафродите. Итак, сообщая им обо всем этом удовлетворительное известие, он и присовокупляет: **"Впрочем, братья мои, радуйтесь"**. Теперь, говорит он, вы не имеете причины печалиться: Епафродит, о котором скорбели, с вами, с вами же и Тимофей, и я иду, евангелие преуспевает. Чего же недостает вам? **"Радуйтесь"**. Галатов (апостол) называет чадами (Гал. 4:19), а этих братьями. Когда он хочет или исправить что-либо, или показать особенную любовь, то называет чадами; а когда беседует с большим почтением, то называет братьями. **"Впрочем, братья мои"**, – говорит он, – **"радуйтесь о Господе"** (Фил. 3:1). Хорошо сказал: **"О Господе"**, а не

мирской (радостью), потому что последнее не значит радоваться. Самые скорби за Христа, говорит (апостол), заключают в себе радость. **"Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно. Берегитесь псов"** (ст. 2). Видишь ли, как он предлагает совет не в начале, а тогда, когда много похвалил их, когда почтил их, – тогда это делает, и опять хвалить. Так как его речь кажется жестокой, то он отовсюду и прикрывает ее. Кого ж он называет псами? (В Филиппах) были некоторые, на кого он намекает во всех посланиях, – иудеи мерзкие и гнусные, корыстолюбивые и властолюбивые, которые, желая отторгнуть многих из верующих, проповедовали и христианство и иудейство, искажая Евангелие. Так как трудно было распознать их, то (апостол) и говорит: "Берегитесь псов". иудеи уже не чада. Некогда назывались (псами) язычники, а теперь они; почему? Потому, что как язычники были отчуждены от Бога и Христа, так и они отчуждены ныне. Этим показывает их бесстыдство и наглость, и великое удаление от чад. А что язычники некогда назывались псами, – послушай, как говорит хананеянка: **"Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их"** (Мф. 15:27). А так как и псы бывают при столе, то чтобы они (иудеи) лишены были и этого, (апостол) присовокупляет причину, по которой и отчуждает их, говоря: **"Берегитесь злых делателей"** (Фил. 3:2). Достойны удивления слова: **"Берегитесь злых делателей"**: они действуют, говорят, на зло, и действие их гораздо хуже самого бездействия – они расстраивают благоустроенное. **"Берегитесь"**, – говорит, – **"обрезания"**. Обрезание у иудеев считалось важным, ему уступал и закон, и суббота была ниже его; для совершения обрезания нарушалась и суббота, а для соблюдения субботы никогда не нарушался (закон) обрезания. Обрати внимание на домостроительство Божье: обрезание ставится выше субботы; оно не оставлялось ни в какое время. Итак, если обрезание отменено, то тем более суббота. Потому-то Павел не употребляет имени (обрезания), и говорит: **"Берегитесь обрезания"** (κατατομή). Не сказал, что обрезание худо, обрезание излишне, чтоб не поразить этих людей; но поступает благоразумнее: от предмета отводит, и выражение употребляет приятное, заботясь преимущественно о деле. К галатам же не так (пишет). Так как у них была великая болезнь, то (апостол) открыто и полновластно употребляет сечение (τομή): филиппийцам же, которые ничего такого не делали, угождает выражением. И тех и других опровергает, говоря: **"Берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы"** (περιτομή) (Фил. 3:3). Каким образом? **"Служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся"**. Не сказал: исследуем то и другое обрезание, которое лучше, но даже первого не назвал по имени; что же говорит? Обрезание, то есть, сечение. Почему? Потому, что совершающие его не что иное делают, как только отсекают плоть. Когда это действие перестало быть законным, то оно – уже не что иное, как сечете и отсечете плоти. Следовательно (обрезание) он так называете или по этой причине, или потому, что покушались рассечь Церковь. И мы употребляем слово: сечение, говоря о тех, которые делают это ненамеренно, неосторожно и неискусно. Если же должно искать истинного обрезания, говорите (апостол), то найдете его у нас, **"служащие Богу духом"**, т. е. служим духовно.

2. В самом деле, скажи мне, что лучше, душа или тело? Очевидно, душа. Потому и то (плотское) обрезание не лучше, но это одно (духовное) и есть обрезание. Пока оставался прообраз, до тех пор справедливо применялось сравнение. **"Снимите крайнюю плоть с сердца вашего"** (Иер. 4:4). Так и в послании к Римлянам (апостол) отвергает обрезание, говоря: **"Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве"** (Рим. 2:28,29). Здесь же лишает его даже имени: не есть и обрезание, говорит. Прообраз называется так до тех пор, пока не пришла истица; когда же пришла истина, то уже не называется. Подобие мое бывает в живописи: если кто-нибудь набросал эскиз царя, то пока еще не наложены краски, не называют царем; когда же

наложатся, то прообраз закрывается истиной и невиден, – мы тогда говорим: вот царь. При том (апостол) не сказал: обрезание есть в нас, но – **"обрезание – мы"**, – и справедливо: это обрезание, состоящее в добродетели, и есть человек, оно-то есть истинно человек. О них же (иудеях) сказал не так, но – **"берегитесь обрезания"**, – потому что они погибали и были нечестивы. Потом, показывая, что обрезание совершается не в теле, а в сердце, говорит: **"не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть"** (Фил. 3:4). Что он выражает здесь словами: **"надеются"**, и – **"на плоть"**? Похвалу себе, дерзновение, важность. И хорошо присовокупил это. Если бы он, будучи из язычников, оуждал обрезание, и не обрезание только, но и тех, которые уже не во время принимают его, то показалось бы, что он нападает на него потому, что лишен благородного происхождения иудейского, не знал великих его преимуществ, и не имел в них участия; но когда он имеет участие и оуждает, то оуждает не потому, что не имеет участия, но потому, что не признает, – не по неведению, но вследствие совершенного знания. Смотри, что он говорит и в послании Галатам, будучи поставлен в необходимость высказать свои достоинства, (смотри) как вместе с тем показывает и смиренномудрие: **"Вы слышали"**, – говорит, – **"о моем прежнем образе жизни в Иудействе"** (Гал.1:13); и еще здесь: **"Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я"** (Фил. 3:4), и тотчас присовокупляет: **"Еврей от Евреев"**. Не сказал этого прежде, но лишь после слов: **"Если кто другой"**, показывая этим необходимость, показывая, что он для них сказал. Если и вы надеетесь, говорит он, то **"то более я"**. Говорю это теперь; иначе бы умолчал. Заметь легкость обличений: тем, что обличает безлично, дает им возможность уклониться от обличения. **"Если кто другой думает надеяться"**. Хорошо сказал: **"думает"**, – или потому, что они не имели такого надеяния, или потому, что надеяние их не было истинное надеяние, так как все было делом необходимости, а не свободной воли. **"обрезанный в восьмой день"** (ст. 5). Сперва выставляет то, чем особенно хвалились они – обрезание, потом – **"из рода Израилева"**. То и другое показывало, что он ни пришелец, ни от пришельцев; из слов – **"обрезанный в восьмой день"** видно, что он не пришлец, а из слов – **"из рода Израилева"** видно, что он и от родителей не пришельцев. Но чтобы ты не подумал, что – **"из рода Израилева"** значит от десяти колен, то говорит: **"колена Вениаминова"**: следовательно из почетнейшего, потому что в уделе этого колена были участки священников. **"Еврей от Евреев"**. Этим он показывает, что он не пришлец, но издревле от почтенных иудеев. Можно было быть и от Израиля, но не евреем от евреев, так как многие уже привели в упадок свой род и забыли свой язык, смешавшись с другими народами. Таким образом он показывает здесь или это самое (чистоту), или особенное благородство своего происхождения. **"По учению фарисей"**. Дал переходить к тому, что было делом его свободной воли. Все вышесказанное было произвольно, не от него зависело быть обрезанным, быть от рода Израилева и от колена Вениаминова. Впрочем и в этом отношении он имел больше преимуществ, хотя в них участвовали многие. В чем же **"более"**? Конечно и в том, что он не пришлец, что он из почетнейшего колена, и издревле от таких предков, каких не многие имели. Но так как все это было произвольно, то он переходить к делам произволения, в чем видно это **"более: по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божьей"** (ст. 6). Последние слова говорит он потому, что раньше сказанные недостаточно объясняют слово: **"более"**. Можно быть и фарисеем, однако ж не великим ревнителем **"по правде"**; можно отваживаться на опасности и делать это по властолюбию, а не по ревности о законе, как и делали первосвященники; но он был не таков, **"по правде законной – непорочный"**. Итак, если я, говорит он, превосходил всех и благородным происхождением, и ревностью, и нравом, и жизнью, то для чего я оставил эти высокие преимущества, как не для того, чтобы приобрести Христовы большие, и гораздо большие? Вот почему он присовокупляет: **"Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою"** (ст. 7).

3. Павел отвергнул образ жизни, который так тщательно проходил, начавши с первого возраста, – столь благородное происхождение, столько опасностей, столько козней, труды, ревность, – и то, что прежде было выгодно, почел убытком, чтобы приобрести Христа; а мы для приобретения Христа не презираем и денег, но готовые лучше лишиться будущей жизни, нежели вещей настоящих, хотя они не что иное, как убыток. Действительно, если порознь исследовать все предметы богатства, то, скажи, не убыток ли они, требующий чрезвычайного труда, и не приносящий никакой пользы? Скажи мне, какая польза от многих и дорогих одежд? Какую получаем прибыль, когда надеваем их? Никакой, кроме только убытка, Почему? Потому, что и нищий в бедной и изношенной одежде, находясь на жару, ничем не труднее тебя переносить зной, даже гораздо легче, так как изношенная и при том одна одежда дает телу более свободы, нежели вновь сшитая, хотя бы она была тоньше паутины. К тому же по чрезмерному тщеславию ты носишь по две и по три одежды, часто еще и плащ, и пояс, и нижнее платье (*ἀναξορίδας*); а его и в одной одежде никто не осуждает, между тем он легче переносить зной. От этого-то, как мы видим, богачи потеют, а нищие ничего такого не терпят. Итак, если и бедная и ничего нестоящая одежда доставляет нищему ту же или еще большую пользу, а те при большей трате денег достигают того же, то не убыток ли это великое излишество? По отношению к пользе и употреблению, тебе не прибавилось от них ничего, а денег истрачено больше; употребляются же и служат он также. Ты, богач, купил (одежды), может быть, за сто золотых, либо и дороже, а бедняк – за малую серебряную монету. Видишь ли убыток? Но тщеславие не позволяет тебе видеть его. Хочешь ли, поговорим и о золотых уборах, которыми украшают коней и жен? Сверх других, богатство производить в людях и эту глупость. Одной и той же чести удостаивают и жен и коней; у тех и других украшение одно; и жены хотят блистать тем же, чем и упряжь и кожаные занавесы, за которыми возят их. Скажи, какая прибыль украшать мула или коня золотом? И что особенного получает твоя жена, обремененная такой тяжестью золота и камней? Но, говорят, золотые вещи не портятся. Напротив, и это случается весьма часто, как утверждают знатоки в этих вещах, – потому что в банях и во многих местах и камни и золотые вещи много теряют цены. Но пусть будет и так, пусть они нисколько не повреждаются: какая же прибыль от них, скажи мне? Что ж, если они выпадут и потеряются, не убыток ли это? Что ж, если они возбуждают зависть и злоумышление, не убыток ли? Не убыток ли, когда они для нарядившейся не приносят никакой пользы, а между тем воспаляют глаза завистников, и даже возбуждают грабителей? Скажи, не убыток ли, когда муж, имея право употребить их на дело, приносящее прибыль, не может этого сделать вследствие больших издержек своей жены, и бывает принужден терпеть голод и крайнюю нужду, а ее видеть в золоте? Деньги для того и называются вещами употребительными (*χρήματα*), чтобы мы употребляли их не как выписки золотых дел мастеров, но чтобы делали из них что-нибудь доброе. Итак, если тебе не позволяет этого пристрастие к золоту, то не убыток ли все? Кто не смет пользоваться ими, как бы чужими, тот и не пользуется, и вовсе нет от них пользы. Что пользы и тогда, когда мы строим светлые и огромные дома, украшаем их колоннами, мрамором, галереями и балконами, и ставим всюду истуканы и статуи? Многие вызывают из этих истуканов и демонов; но мы не будем этого касаться. К чему и золотая кровля? Не такую же ли пользу доставляет она, как и тому, у кого скромный дом? Но, скажут, за то большое удовольствие. Да, но только на день или на два, не больше. Если и солнце не поражает нас, по привычке к нему, то тем более произведения искусства: мы занимаемся ими столько же, сколько и глиной. Что, скажи мне, придает изяществу дома множество колонн, красота статуй, и позолота стен? Ничего; это – дело только глупости, гордости, чрезмерного тщеславия и безумия. Из всего даже полезного нам должно иметь необходимое, а не излишнее.

4. Видишь ли, что это (украшение) убыток? Видишь ли, что оно излишне и бесполезно? Если оно не доставляет ни большей пользы, ни удовольствия, – так как со временем

производить пресыщение, – то не что иное, как убыток. Но тщеславие препятствует, не дает нам видеть этого. Так Павел оставил и то, что почитал выгодой, а мы не оставим и убытка для Христа? До каких пор еще будем привязываться к земле? До каких пор не будем устремлять взора на небо? Не видите ли, что старики вовсе не чувствуют прошедшего? Не видите ли, что умирают и в старости и в юности? Не видите ли, что еще при жизни лишаются имения? Зачем яге прилепляемся к непостоянному? Зачем привязываемся к непрочному? До каких пор не будем . заботиться о вечном? Чего бы не дали старики, если б им можно было избавиться от старости? Потому не крайнее ли безумие, что мы желаем возвратить прошедшую молодость, и готовы отдать все, чтоб сделаться моложе, а когда можно получить юность никогда не и старающуюся, при том юность с е великим богатством, духовнейшую, не хотим пожертвовать и малого, по жалеем и того, что и в настоящее время вовсе бесполезно? Богатство не может избавить тебя от смерти, не сильно прогнать болезни, И воспрепятствовать старости и всему тому, что необходимо и совершается по закону природы, и ты еще привязан к нему? Что за выгода, скажи мне? не отсюда ли пьянство, объедание, неприличные и разнообразным удовольствия, изнуряющие вас более, нежели жестокие господа? Вот какую только выгоду можно получить от богатства, а другой никакой, – оттого никакой, что но хотим: а если бы мы захотели, то через богатство наследовали бы и самое небо. Поэтому богатство – хорошая вещь, скажут мне? Не от богатства это зависит, а от свободной воли владеющего им. А что это зависит от воли, ты увидишь вот из чего: небо можно наследовать и бедному. Бог, как я часто говорил, смотрит не на меру подаваемого, но на намерение подающих. И будучи бедным и подавая мало, можно получить все, потому что Бог требует того, что по силам; и ни богатство не ведет к небу, ни бедность к геенне, но к тому или другому ведет добрая или злая воля. Итак, исправим ее. восстановим ее, устроим ее, и все для нас будет удобно. Как плотник, железная ли у него будет секира или золотая, одинаково обделывает бревна, и даже лучше железной, – так и здесь: добродетель гораздо удобнее совершается при бедности. Ведь о богатстве говорит Христос: **"Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божье"** (Мф. 19:24). О бедности же ничего подобного не сказал, но говорит даже противное: **"Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и последуй за Мною"** (Мк. 10:21), так как от свободной воли зависит последование за Ним.

5. Итак, по будем убегать бедности, как бы зла, потому что она есть залог царствия: не будем также гоняться и за богатством, как бы за благом, потому что неблагоприятных оно губить; но во всяком состоянии, возводя взор свой к Богу, будем, как должно, употреблять блага, дарованные нам от Него, и телесную силу, и богатство, и все прочее. Неприлично нам, созданным Богом, употреблять эти блага на другое, а не для Создателя нашего. Он дал тебе глаза? Для Него и употребляй их, а не для дьявола. Как же употреблять для Него? Рассматривай Его творения, и прославляй Его, и не обращай взоров на женщин. Он дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для дьявола; не на хищение и любодеяние, а на исполнение заповедей и на благотворения; простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падшим. Он дал тебе уши? Для Него и употребляй их, а не для слушания шумных песен и срамных рассказов: **"И всякая беседа твоя"**, – сказано, – **"в законе Вышнего"** да будет (Сир. 9:20); и еще: **"Бывай в собрании старцев, и кто мудр, прилепись к тому"** (6:35). Он дал тете уста? Пусть же не произносить они ничего неблагоугодного Ему, но поют псалмы, гимны, духовные песни: **"Дабы оно доставляло благодать слушающим"** (Еф. 4:29), в созидание, а не на разорение, на славословие, а не на злоречие, не на клеветы, но на все противное. Он дал тебе ноги для того, чтобы ты спешил не ко злу, но к добру. Он дал тебе желудок не для того, чтобы ты слишком наполнял его, но чтоб жил воздержно. Он вложил вожделение для деторождения, а не для блуда и прелюбодеяния. Дал тебе ум не для того, чтобы ты хулил, не для того, чтобы поносил Его, но чтобы прославлял. Дал и деньги, чтобы мы употребляли их как должно;

дал силу, чтобы и ее употребляли как должно. Дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий; для того, чтоб изучали искусства не пустые, но необходимые; для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга. Дал кров, но для того, чтоб он защищал только от дождя, а не для того, чтоб был украшаем золотом, а бедняк погибал бы с голоду. Дал одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились; не для того, чтобы на них много было золота, а Христос умирал бы ногой. Дал дом не для того, чтобы ты жил в нем один, но чтобы принимал и других. Дал землю не для того, чтобы ты, отделивши себе большую часть ее, тратил блага Божьи на блудниц, плясунов, актеров, флейтчиков и арфистов, но на алчущих и нуждающихся. Дал тебе море, чтобы ты плавал, чтобы не утруждался от путешествия, а не для того, чтобы ты исследовал глубины его и извлекал оттуда камни и т. п., не для того, чтобы ты занимался этим. Итак, для чего яге, скажешь, камни? Скажи мне лучше ты, для чего камни, и почему они столь драгоценны? По внутреннему ли достоинству, или пользе? Но более полезны недрагоценные. Они по крайней мере годны для строения, а т ни к чему не годны; при том же они и крепче. Но, скажешь, драгоценные составляют украшение. Как? Это предрассудок. Белее ли они? нет, не белее самого благо мрамора, даже и не равняются ему. Крепче ли? Едва ли кто-нибудь это скажет. Быть может полезнее, больше? И этого нет. Почему же ими восхищаются? Не почему другому, как по предрассудку. Если они не красивее, – так как найдем светлее и белее их, – если не полезнее, не крепче, то почему же так восхищаются? Не по одному ли предрассудку? Для чего же Бог дал их? Не Он дал, а ты почел их за нечто великое. А почему, скажешь, Писание представляет их важными? Оно говорит уже сообразно твоему понятию, подобно тому, как и учитель, разговаривая с дитятей, часто представляет важным, то, к чему хочет склонить его и привлечь. Что ты ищешь красоты в одежд? Надевай на себя одежду и обувь, этим украшайся, этим довольствуйся. **"Суды Господни"**, – говорит Давид, – **"вождеднее золота и даже множества золота чистого"** (Пс. 18:11); а о красивых одеждах сказал ли где-нибудь? Не полезны они, возлюбленные! Если б они были полезны, то Бог не повелел бы пренебрегать ими. А божественное Писание говорит приспособительно к нашему понятию, – и это дело человеколюбия Божья. Для чего же, скажешь, Бог дал порфиру, и тому подобное? Это – дело величия Божья. Он благоволил явить богатство Свое и в других вещах: так, Он дал тебе одну пшеницу; а ты готовишь многое – пироги, разнородные и разнovidные пирожки, весьма вкусные. Впрочем все это изобрело и тщеславие: тебе показалось, что это будет всего превосходнее. А если бы какой-нибудь чужестранец или сельчанин, не употреблявший их, видя, что ты ими восхищаешься, спросил тебя, почему ты восхищаешься, – что бы ты ответил? Что хороши на взгляд? нет. Итак, оставим такой предрассудок, и возлюбим непреложно истинное, а не то, что не существует, а лишь проходить подобно протекающей рек. Поэтому, прошу, поставим себя на камне, чтобы и избежать удобопревертного, и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его" (Фил. 3:7–10).

1. В спорах с еретиками надобно препираться мыслями сильными, и непрестанно. Не давая им нисколько времени отдохнуть, можно таким образом привести их полчище в

смятение, и совершенно преодолеть. Потому, желая от писаний приготовить вас к таким спорам, чтобы вы могли и этим способом заграждать уста возражателей, я начинаю настоящую беседу свою концом прежней. Какой же, скажут, был конец той? Апостол, перечисливши все отличия иудейские, как от природы, так и от свободной воли, присовокупил: **"Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа"**. На эти слова нападают еретики. Вот и то – дело премудрости Духа, что Он допустил им надеяться на победу, чтобы они предприняли борьбу. Если бы (апостол) сказал ясно, то они постудили бы с этими словами так же, как поступали с другими: бросили бы книги, отреклись бы от Писания, будучи совершенно не в сила смотреть на него. Но, как поступают при ловле рыбы, именно – то, чем можно поймать ее, не открыто ставят, а скрывают, почему она сама и набегаёт, – так точно случилось и здесь, когда Павел назвал закон тщетою. Закон у него назван уметами, назван тщетою: невозможно, говорит он, приобрести Христа, если бы я не почел закона тщетою. Это все заманило еретиков принять это место, как благоприятствующее им. Когда же они приняли, то со всех сторон окружены были сетями. Что говорят эти нападающие? Вот закон назван тщетою, вот назван уметами: как же вы говорите, что он Божий? Но и это самое служит в пользу закона; а как, увидим из следующего. Вникнем тщательнее в сказанное. (Апостол) не сказал, что закон тщета, но **"почел"** его **"тщетою"**, говоря о приобретении, не сказал – вмених, но: **"было преимуществом"**, а говоря о тщете, сказал: **"почел"**, – и справедливо: первое по природе таково а последнее только по нашему мнению. Итак что же? По словам апостола, закон не тщета? Тщета, но **"ради Христа"**. Но теперь он стал приобретением. Закон, говорит, не считался только, но был приобретением, – к бы так сказал: подумай, чего стоило людей, сделавшихся по природе зверями, преобразить в людей! Если бы не было закона, не была бы дана и благодать. Почему? Потому что он был (к ней) как бы мостом. Когда нельзя с весьма низкого места взойти на возвышенное, то ставится лестница; а кто взошел, тот хотя более и не имеет нужды в лестнице, однако ж поэтому не пренебрегает ею, но остается еще благодарным к ней. Она поставила его в такое состояние, что он более не имеет нужды в ней; и за это-то самое, что не имеет нужды в ней, он считает справедливым изъявить ей благодарность, потому что (без нее) не взошел бы. То же (должно сказать) и о законе. Он возвел нас на высоту, потому был приобретением; по теперь мы почитаем его убытком, – почему? Не потому, что он убыток, но потому, что благодать гораздо больше его. Голодный бедняк, доколь имеет серебро, избавляется от голода; а когда найдет золото, между тем не может обладать тем и другим вместе, то обладание первым считает убытком и, бросив его, берет золото; бросает же серебро не потому, что оно убыток, – оно неубыточно, – но потому, что ему нельзя взять и то и другое вместе, а необходимо одно оставить. Так и здесь. Следовательно убыточен не закон, а отступление от Христа по привязанности к закону; потому когда он отводит нас от Христа, тогда бывает убытком, а когда приводит к Нему, то не бывает таковым. Вот почему (апостол) говорит: **"Ради Христа тщетою"**. Если же **"ради Христа"**, то (закон) не по природе тщета. Почему же закон не допускает придти ко Христу? Он для того, скажешь, и Дань, и исполнение закона Христос, и **"конец закона – Христос"** (Рим. 10:4). Допускает, если мы будем верить ему. значит, кто верит закону, тот оставляет самый закон? Оставляете, если мы внимательны; а если невнимательны, то не оставляет. **"Да и все почитаю тщетою"** (Фил. 3:8). Что я отношу это к закону только, говорит (апостол)? мире разве не благо? Настоящая жизнь разве не благо? Но если они удаляют меня от Христа, то я считаю и их убытком. Почему? **"Ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего"**. При солнечном освещении сидеть за свечой – убыток, – так что убытком становится (что-нибудь) от сравнения с предметом превосходнейшим. Видишь ли, что – (у апостола) сравнение? **"Ради превосходства"**, – говорит он, а не за что-нибудь разнородное, так как преимущество иметь место между

предметами однородными. Таким образом, выводя по сравнению превосходство одного разума пред другим, (апостол) вместе показывает и однородность их. **"Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа"**. "Сор": называет ли (апостол) закон отбросом, еще Не видно: вероятно, он называет так предметы мира. Сказавши: **"Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою"**, говорит: **"Да и все почитаю тщетою"**. Сказал – вся, т. е. и древнее и настоящее. Впрочем, если ты хочешь относить это и к закону, то через это он не будет поруган. Отброс есть у пшеницы, и именно грубое у пшеницы есть отброс, т. е. мякина. Поэтому прежде пшеницы нужен отброс, и мы собираем его вместе с пшеницей; и если бы не было отброса, то не было бы и пшеницы. Это же надобно сказать и о законе.

2. Видишь, как (апостол) везде называет убытком вещь не саму в себе, но Христа ради? **"Да и все почитаю тщетою"**. Почему? **"Ради превосходства"**, – говорит, – **"познания"** Того, **"для Него я от всего отказался"**. Далее присовокупляет: потому **"и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа"**. Видишь, как он везде опирается на Христа, и нигде не позволяет бесчестить и поносить закон, но отовсюду ограждает его. **"И найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона"** (ст. 9). Если имеющий правду (от закона) прибегнул к правде (Христовой), потому что та ничего не значит, то не гораздо ли более должны прибегать (ко Христу) те, которые не имеют ее? И хорошо он сказал: **"Не со своей праведностью"**, т. е. не той, которую стяжал я потом и трудами, говорит он, но той, которую приобрел по благодати. Итак, если и добродетельный спасается по благодати, то тем более вы. Вероятно, (филиппийцы) говорили, что правда, приобретаемая трудами, важнее; поэтому (апостол) и показывает, что эта правда пред той – отбрось. Если бы я когда-либо совершил ее, то не отверг бы ее, и не прибегнул бы к той. Какая же это правда? Та, которая бывает от веры Божьей, т. е., которая дана от Бога: вот правда Божья, – она всецело дар Божий. Дар же Божий гораздо превосходнее маловажных добрых дел, совершаемых нашим старанием. А то такое вера? **"По вере"**, – говорит, – **"чтобы познать Его"** (ст. 10). Итак, вreau приобретается познание (о Бог), и без веры невозможно познать Его. Каким образом? Верой должно познавать силу воскресения Его. Какое в самом деле умствование убедить нас в воскресении? Никакое, а только одна вера. Если же воскресение Христово по плоти познается вreau, то какими умствованиями может быть постигнуто рождение Бога Слова? Ведь воскресение мене рождения. Почему? Потому что примеров воскресения было много, а примера такого рождения ни одного; прежде Христа многие умершие воскресали, хотя воскресши и умирали, но от девы не родился никто никогда. Итак, если и то, что мене важно рождения по плоти, должно быть постигаемо вreau, то как может быть постигнуто умствованием то, что гораздо важнее, бесконечно, несравненно важнее? Вот что составляет правду. Надобно верить, что это могло быть, а как могло быть, этого невозможно представить. От веры зависит и общение в страданиях. Каким образом? Если бы мы не веровали, то и не страдали бы; если бы не веровали, что спострадавши (Христу) мы будем и соцарствовать (Ему), то не терпили бы страданий. Итак, и рождение и воскресение постигается вreau. Видишь ли, что нужна вера не просто, но е вера соединенная с делами? Тот преимущественно верует, что Христос воскрес, кто смело идет на опасности, кто имеет общение в Его страданиях, так как имеет общение с воскресшим, с живущим. Потому-то и сказал (апостол): **"И найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых"** (ст. 10,11). **"Сообразуясь"**, – говорит, – **"смерти Его"**, т. е. участвуя в ней, потому что как Он пострадал от людей, так и я. Вот почему (апостол) сказал, **"сообразуясь"**; и в другом месте: **"Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых"** (Кол. 1:24), т. е. гонения и страдания мои составляют этот образ Его смерти, потому что (апостол) не своей пользы искал, но (пользы) многих. Потому и гонения, и скорби, и тесные обстоятельства

не только не должны смущать вас, но еще (должны) радовать, так как через них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа, так сказать – изображаем (Его в себе), как и говорит (апостол) в другом месте: **"Носим в теле мертвость Господа Иисуса"** (2 Кор. 4:10). Но и это происходит от великой веры, так как мы веруем не только тому, что Христос воскрес, но и тому, что по воскресении Он имеет великую силу, – почему и идем тем же путем, которым Он шел, т. е. делаемся и поэтому братьями Ему, так сказать – делаемся и поэтому христами. О, как велико достоинство страданий! Мы веруем, что через страдания мы сообразуемся смерти Его; как в крещении мы **"спогребемся подобием смерти Его"**, так здесь сообразуемся смерти Его. Правильно там сказал (апостол): **"подобием смерти Его"** (Рим. 6:5), так как мы не всецело умерли, – умерли не телом по плоти, но греху. Так как и то и другое называется смертью, Христос умер телом, а мы для греха, там умер человек, которого Он воспринял, человек в тел нашем, а здесь человек греха, – то в одном случай (апостол) и сказал: **"Подобием смерти Его"**, а в другом – не подобием смерти, но самой смерти.

3. Так, Павел среди гонений умер не для греха, но самым телом; а потому претерпел такую же смерть. **"Чтобы достигнуть"**, – говорит, – **"воскресения мертвых"** (Фил. 3:11). Что ты говоришь? Без сомнения и все достигнуть его: **"Не все мы умрем"**, – сказал (ты сам), – **"но все изменимся"** (1 Кор. 15:51), и не только воскресения, но и нетления (достигнуть) все, одни к чести, а другие для наказания. Если же все достигнуть воскресения, и не только воскресения, но и нетления, то для чего ты, как будто желая получить что-то особенное, сказал: **"Чтобы достигнуть"** (Фил. 3:11)?

Я, говорит, для того и терплю это: **"чтобы достигнуть воскресения мертвых"**; а если им умрешь, то и не воскреснешь. Что это значит? Кажется, он делает намек здесь на что-то важное. Действительно, это было настолько важно, что он даже не решился сказать о том прямо, но говорит только: **"чтобы"**. Я уверовал (как бы так говорит он) во Христа и в Его воскресение, и даже страдаю за Него; но еще не могу быть совершенно уверен в своем воскресении. О каком воскресении говорит он здесь? О том, которое ведет к самому Христу. Я, сказал (апостол), уверовал в Него и, в силу воскресения, участвую в Его страданиях и сообразуюсь смерти Его; но за всем тем я еще не совершенно уверен, – что говорит и в другом месте: **"Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (1 Кор. 10:12); и еще: **"Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (9:27). **"Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус"** (Фил. 3:12). **"Не потому, чтобы я уже достиг"**. Что такое: **"уже достиг"**? Т. е. награды. Если же столько пострадавший, если гонимый, если носящий мертвость еще не совсем был уверен в том воскресении, то что скажем мы? Что значат слова: **"не достигну ли я"**? То же, что и выше сказанные – **"чтобы достигнуть воскресения мертвых"**. Если я, говорит он, достигну Его воскресения, т. е. если я смогу столько же пострадать, если смогу уподобиться Ему, если смогу сделаться сообразным Ему. Так, Христос много пострадал, был оплеван, заушаем, бичеван, наконец умер. И вот поприще: через все это должны достигать Его воскресения и все подвижники (Его). Таким образом или это (апостол) выражает здесь, или следующее: если я удостоюсь достигнуть славного воскресения, соединенного с упованием, то достигну воскресения Христова; если я совершу все подвиги, то и воскресения Его достигну, и восстану со славой. Теперь, говорит, я еще недостойн: **"Стремлюсь, не достигну ли я"**. Жизнь моя еще в подвигах, я еще далек от цели, еще не близок к наградам, еще бегу, еще гоню. Не сказал: бегу, но – **"стремлюсь"**, и справедливо. Вы знаете, с каким напряжением стремится гонящий: он не смотрит ни на кого, с великим усилием отталкивает всех препятствующих, и ум, и взоры, и силу, и душу, и тело устремляет к одному, не имея в виду ничего другого, кроме награды. Если же и Павел, так гонящий, столько пострадавший, говорит еще: **"не достигну ли я"**, то что скажем мы, лежащие на боку? Далее, желая показать, что это

составляет обязанность, (апостол) говорит: **"как достиг меня Христос Иисус"**. Я был, говорит, из числа погибающих, утопал, был близок к гибели; но Бог спас меня, так как Он гонится за ними убегающими от Него с великой стремительностью. Все это (апостол) и выражает, именно словами: **"Как достиг меня"** указал и на ревность Бога, желающего настичнуть нас, и на наше великое отвращение от Него и заблуждение, и на то, что мы убежали от Него.

4. Потому достойно слез, что все мы пришли опять в прежнее состояние и сделались великими должниками, а между тем никто из нас не печалится (о том), никто не плачет, никто не стенает. Не подумайте, что я говорю это притворно. Как до пришествия Христова мы удалялись от Бога, так удаляемся от Него и ныне, а удаляться можно от Бога не местом, – так как Он вездесущ, – но делами. Что местом нельзя удалиться от Него, об этом послушай, как говорит пророк: **"Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?"** (Пс. 138:7). Итак, как же можно убежать от Бога? Так же, как можно быть далеко от Него, так же, как можно удалиться от Него: **"удаляющие себя от Тебя"**, – говорится, – **"гибнут"** (72:27); и еще: **"Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим"** (Ис. 59:2)? Как же бывает это удаление (от Бога)? Как же бывает это отлучение? Произволением и душой, а местом невозможно: кто ж может убежать от Вездесущего? Только грешник убегает от Него. Об этом говорит и Писание: **"Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним"** (Прич. 28:1). Мы стремительно убегаем от Бога, хотя Он всегда гонится за нами. Апостол стремился приблизиться к Нему, а мы стремимся удалиться от Него. Не достойно ли это плача? Не достойно ли это слез? Куда бежишь ты, бедный и несчастный? Куда бежишь ты от жизни и спасения своего? Если убежишь от Бога, то у кого будешь иметь прибежище? Если убежишь от света, то как будешь видеть? Если убежишь от жизни, то как после того жить будешь? Будем лучше убежать от врага спасения нашего. Когда мы грешим, то мы убегаем от Бога, уходим, удаляемся от Него в чужую землю, подобно тому расточителю отцовского имущества, который, отшедши в чужую страну и растратив все отцовское имение, терпел голод. И у нас есть отцовское имение. Какое? (Бог) освободил нас от грехов, даровал нам силу и крепость для совершения добродетели, даровал нам ревность и терпение, в крещении даровал нам Духа Святого. Если мы расточим это, то после будем терпеть голод. И как больные, доколь страждут от горячки и по повреждения соков, ни встать, ни заняться ничем, ни действовать не могут; а если и по освобождении их кем-либо от болезни, и по возвращении им здоровья ничем не занимаются, то это зависит уже от их собственного нерадения, – так точно бывает с нами. Мы одержимы были жестокой болезнью, сильной горячкой, и лежали не на одр, но в самом зле, погрязши в нечестии, как в навоз, покрытые ранами, смердящие, скверные, изможденные, и более статуи, нежели люди; нас окружали злые демоны, князь этого мира издевающийся и нападающий. Пришел к нам Единородный (Сын) Божий, простер лучи Своего присутствия, – и тотчас прогнал тьму; пришел к нам Царь, сый на престол Отчем, оставив Отчий престол (а когда я говорю: оставив, ты не представляй перемены места, потому что и небо и землю наполняет Он, – я говорю это только по отношению к домостроительству); пришел к врагу, который ненавидит Его, отвращается от у Него, не может видеть Его, каждодневно хулить Его. Увидел, что (враг) лежит в навозе, источен червями, одержим горячкой и голодом, подвержен всякого рода болезни. И горячка мучила его, – это похоть злая, – и от воспаления страдал он, – это гордость, – и так называемый волчий голод мучил его, – это любостыжание, – были и гнилые раны у него, – это блуд, – и слепота очей, – это идолослужение, – и глухота и помешательство ума, – это поклонение камням и деревьям и беседы с ними, – и великое безобразие, – это нечестие, нечто отвратительное и болезнь тягчайшая. Увидел, что мы говорим еще хуже беснующихся, и дерево и камень называем Богом; увидел нас в таком нечестии и – не возгнушался, не огорчился, не отвратился, не возненавидел. Так как Он Владыка, то и не возненавидел Своего творения. Но что делает?

Как наилучший врач, Он приготовляет многоценные лекарства и сам первый вкушает их: Он первый совершил добродетель, и таким образом нам преподал. И первое лекарство, как бы некоторое противоядие, Он дал нам купель, которой мы освободились от всякого зла – и все вдруг прошло: воспаление кончилось, горячка прекратилась, и гнилые раны подсохли. Все, что происходит и от любостыжания, и от ярости, и всякое другое зло истреблено Духом; отверзлись очи, отверзся слух, язык начал говорить хорошо, душа получила силу, тело получило красоту и цвет такой, какой прилично иметь Сыну Божью, рожденному от благодати Духа, – такую славу, какую прилично иметь новорожденному и воспитываемому в порфире царскому сыну. О, какое благородство даровано нам, а мы остаемся неблагодарными к так возлюбившему нас! Мы рождены, воспитаны, облагодетельствованы: зачем же мы опять удаляемся от Благодетеля? Кто все это сделал, Тот конечно даст и силу; иначе мы, будучи подвержены болезни, не могли бы переносить ее, когда б Он не дал нам силы. Он даровал нам оставление грехов, а мы отвергли этот дар; Он даровал нам богатство, а мы растратили его, промотали все; даровал нам крепость, а мы истощили ее; даровал нам благодать, а мы погасили ее. Каким образом? Расточили ее вовсе не на должное, употребили вовсе на бесполезное. Это-то и погубило нас, и всего хуже то, что, находясь в стран чужой и питаясь рожцами, мы не говорим: возвратимся к Отцу и скажем: согрешили на небо и пред Тобою (Лк. 15:18)! – между тем как имеем Отца, Который столь нежно любить нас и сильно желает нашего возвращения. Только бы мы отстали от нечестия, только бы мы возвратились к Нему, – Он не станет потом упрекать нас за прежние грехи. Отстанем только, – возвращение – уже достаточное оправдание. Что я говорю: Он не станет упрекать? Он не только сам не упрекает, но если и другой упрекает, то Он заграждает уста, хотя бы упрекающий был и благонамеренный. Итак возвратимся: доколь будем в удалении от Него? Восчувствуем свое бесчестие, восчувствуем свою бедность: нечестие делает нас свиньями, нечестие мучить душу голодом. Войдем опять в самих себя, образумимся и возвратимся к прежнему благородству, чтобы сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божья во Христе Иисусе" (Фил. 3:13,14).

1. Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о сделанном нами добре. Оно производит двоякое зло: делает нас беспечнейшими и гордыми. Потому-то Павел, знавший, что природа наша очень склонна к беспечности, и много похваливший филиппийцев, смотри, как удерживает их от гордости, сверх многих других предложенных выше, особенно настоящими словами. Что они говорят? **"Братия, я не почитаю себя достигшим"**. А если и Павел еще не достиг и не имеет полной уверенности в своем воскресении и в будущем, то едва ли (возможно это) для тех, которые не совершили и малейшей части его добродетелей. (Апостол) выражает своими словами следующее: я еще не считаю себя достигшим полного совершенства, – говоря так, как сказал бы кто о скороходе: он еще не достиг. Я еще не все, говорит, совершил. Правда другом месте он говорит: **"Подвигом добрым я подвизался"** (2 Тим. 4:7), а здесь: **"я не почитаю себя достигшим"**, но кто прочитает оба эти места, тот поймет причину тех и других слов. Не всегда же надобно повторять одно и то же, не всегда же внушать нам все, даже и то, что эти слова им сказаны гораздо прежде, а те пред кончиной. **"Не почитаю себя"**, – говорит, – **"достигшим"**, но об одном только думаю, – чтобы простираюсь вперед; это и значат его слова: **"А только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божья во Христе Иисусе"** (Фил.

3:13,14). Смотри, как он ясно показал этими словами, что побуждало его простираться вперед. Так, кто думает о себе, что он уже совершен и что нет у него никакого недостатка для полноты добродетели, тот и перестает стремиться, как достигший всего: напротив, кто думает, что он еще далек от цели, тот никогда не перестанет стремиться к ней. Это и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много доброго. Если Павел после бесчисленных смертей, после стольких бед помышлял об этом, то тем более мы. Я не упал (духом), говорит (апостол), и не пришел в отчаяние от того, что, совершивши такое поприще, не достиг, но еще стремлюсь, еще подвигаюсь. Я имею в виду только то, как бы успеть действительно. Так надобно поступать и нам – забывать добрые дела и оставлять их позади себя. Скороход думает не о том, сколько он пробежал поприща, но о том, сколько ему остается еще. И мы будем помышлять не о том, сколько совершили добрых дел, но о том, сколько еще остается нам (совершить). Что пользы от того, что мы сделали, когда еще остается что-либо не доделанным? И (апостол) не сказал: не помышляю, не помню, но: **"забывая"**, чтобы сделать нас внимательнее, так как мы тогда делаемся ревностнейшими, когда все усердие прилагаем к тому, что еще не сделано, когда сделанное предаем забвению. **"Простираясь"**, – говорит, мы стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Кто простирается, тот старается предупредить свои ноги, еще бегущие, остальными частями тела, протягиваясь вперед и вытягивая свои руки, чтобы как-нибудь выгадать в беге. Но это происходит от великого усердия, от сильного желания. Так-то подложить стремиться тому, кто стремится, с таким-то тщанием, с таким-то усердием, а не на боку лежа; по сколько различается лежащий на боку от стремящегося сказанным образом, столько различаемся и мы от Павла. Он каждодневно умирал, каждодневно приобретал славу; не было случая, не было времени, когда бы его стремление не увеличивалось; он хотел восхитить, а не получить награду, потому что таким образом можно и получить ее. На неб пребывает Тот, Кто дает награду; на небе уготована награда.

2. Смотри, какое пространство: его-то нужно пробежать; смотри, какая высота: туда-то нужно взлететь на крыльях духа; а иначе нельзя пролететь на эту высоту. Туда должно перейти с телом; и это возможно: **"Наше же жительство – на небесах"** (ст. 20). Там наша награда. Видишь ли, как правильно живут те, которые состязаются в беге? Как они не позволяют себе ничего, что ослабляет их силы? Как они каждодневно упражняются в палестре под руководством учителя и с соблюдением правил? Подражай им и ты, а лучше – покажи усердие еще большее, так как награда неодинаковая и много препятствующих; живи по закону, так как есть много такого, что ослабляет силы; укрепи голени ног твоих, так как это возможно, и зависит не от природы, но от свободной воли. Облегчим движете, чтобы остальной груз не препятствовал быстроте ног. Приучи ноги твои ступать твердо: много ведь мест скользких, и если ты упадешь, то много потеряешь. Впрочем, если и упадешь, вставай, потому что и в таком случае можно победить. Никогда не ступай на предметы скользкие, и ты не упадешь; беги по местам твердым, головой к небу, глазами к небу, как советуют и наставники упражняющимся в бегании: таким образом укрепляется сила. Если же наклонишься, то упадешь, ослабеешь. Вверх гляди, – туда, где находится награда: самый видь награды усиливает решимость, боязнь поражения не дает чувствовать усталости, и делает то, что долгий путь представляется коротким. Какая же это награда? Не финиковая ветвь, но что? Царство небесное, вечный покой, слава со Христом, наследие, братство, бесчисленные блага, каких невозможно выразить. Нельзя изъяснить красоты этой награды: постигает ее только тот, кто получил ее, и тот, кто имеет получить ее. Она не из золота, не из драгоценных камней, но гораздо драгоценнее их: золото пред этой наградой – грязь, драгоценные камни пред красотой награды – кирпичи. Если ты, удостоившись ее, отойдешь на небо, то великой честью будешь пользоваться там; с такой наградой будут почитать тебя и ангелы, с великим дерзновением ты будешь обращаться со всеми. **"Во Христе Иисусе"** (ст. 14). Смотри, как хорошо рассуждает

(апостол). **"Во Христе Иисусе"**, – говорит, я делаю это (т. е. стремлюсь к почести). Без Его содействия нельзя пройти такого пространства: для этого нужна великая помощь, великое содействие. Богу угодно, чтобы ты подвизался на земле, а венец получил на небе, не так, как здесь: земной венец дается на мечь подвига, а тот венец дается в месте светлом. Да не видите ли, что и здесь тех борцов и наездников, которых особенно отличают, не увенчивают на зрелищ, внизу; но наверх призвав, там царь венчает их. Подобным образом и ты получишь награду на небе. **"Итак, кто из нас совершен"**, – продолжает (апостол), – **"так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет"** (ст. 15). Что такое – "это"? То, что заднее должно забывать, почему свойство совершенного – не считать себя совершенным. Как же ты говоришь: **"Кто из нас совершен"**? Так ли мы рассуждаем, как ты рассуждаешь, скажи мне? Если ты не достиг и не усовершенся, то почему же совершенным повелеваешь мудрствовать то же, что сам мудствуешь, не будучи еще сам совершенным? Потому, говорит, что это и составляет, совершенство. **"Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет"**, т. е., если кто думает (и иначе), что он совершил все добродетели. (Апостол) предостерегает (филиппийцев), но сказал не так, – а что? **"Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет"**. Смотри, как он скромно сказал это. Бог вас научить, т. е. Бог вас уверит, а не просто научит, потому что учил Павел, но вразумлял Бог; впрочем (апостол) не сказал – вразумить, но: **"откроет"**, чтобы показать, что дело происходит преимущественно от неведения. Это сказано не о догматах, но о совершенств жизни, и о том, чтобы не считали себя совершенными, так как кто думает о себе, что он уже достиг всего, тот не имеет ничего. **"Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить"** (ст. 16). **"Впрочем, до чего мы достигли"**: что это значит? Это значит: а между тем будем держаться того, что мы совершили, т. е. любви, единомыслия, мира. Это мы совершили. **"Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить"**. **"Впрочем, до чего мы достигли"**, т. е. это мы уже совершили. Видишь ли, что он свое учение хочет поставить правилом? Правило не терпит ни прибавлены, ни убавления: иначе оно перестает быть правилом. **"и по тому правилу"**, т. е. той же верой, тем же наставлением. **"Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас"** (ст. 17). Вышесказанными словами: **"Берегитесь псов"**, (апостол) отклонял (филиппийцев от злых людей), а теперь обращается к тем, кому они должны подражать. Если кто хочет, говорит, подражать нам, если кто (хочет) идти тем же путем, то помните следующее: хотя я и не с вами, но вы знаете образ моего хождения, т. е. препровождения жизни. Он учил не словами только, но и делами, – подобно тому, как в хоре и в поиске все должны последовать правящему хором или войском, и таким образом действовать стройно; а стройность может нарушиться и от остановки.

3. Итак, апостолы были образцом, заключая в себе черты, служащие как бы некоторым первообразом. Подумайте, как строга была жизнь их, когда они поставлены первообразом и примером и одушевленными законами! То самое, что говорило Писание, они показывали всем своими делами. Вот наилучший способ учения: таким образом учитель может наставить своего ученика. Но если он говорит и рассуждает хорошо, а делает худо, то он еще не учитель: рассуждать на словах легко может и ученик, потребно же наставление и руководство делами. Это и учителя делает почтенным, и ученика располагает к послушанию. Каким образом? Когда (ученик) заметит, что (учитель) только рассуждает на словах, то скажет, что он требует невозможного, а что (требует) невозможного, сам же учитель первый доказывает своим неисполнением; но если ученик увидит, что добродетель совершается на деле, то уже не может этого сказать. Впрочем, хотя бы жизнь учителя была и небрежна, нам должно быть внимательными к себе и слушать пророка, который говорит, что будут все **"будут научены Господом"** (Ис. 54:13); и: **"И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: 'познайте Господа', ибо**

все сами будут знать Меня, от малого до большого" (Иер. 31:34). Ты не имеешь добродетельного учителя? Но имеешь Учителя истинного, Кого одного и должно называть учителем. От Него учись. Он сказал: **"Научитесь от Меня, ибо Я кроток"** (Мф. 11:29). Так, не тому учителю внимай, но Этому и Его наставлениям. С Него бери пример, – вот тебе прекрасный образец, – с Ним соображайся. В Писании есть множество образцов добродетельной жизни, – перейди, если угодно, от учителя и к ученикам: иной прославился нищетой, другой богатством, – нищетой, напим., Илия, богатством Авраам. Какая жизнь тебе кажется легче и удобнее, той и следуй. Еще, иной прославился супружеством, другой девством, Авраам, напим., супружеством, а тот (Илия) девством. Иди каким угодно путем: тот и другой ведет к небу. Иной прославился постом, напим., Иоанн, другой и без поста, как Иов. Сверх того последний заботился и о жене, и о сыновьях, и о дочерях, и о доме, и имел великое богатство, а первый не имел ничего, кроме волосной одежды. И что я говорю о доме, о богатстве и деньгах, когда, и будучи царем, можно стяжать добродетель? В царском дворце дел гораздо более, нежели во всяком частном доме; однако ж Давид прославился и будучи царем, порфира и Диадема нисколько не расстроили его. Другой прославился и управляя целым народом – я разумею Моисея, – что еще труднее, так как здесь было больше власти, а потому больше и трудности. Ты видел, что прославлялись и при богатств и в бедности, и в супружестве и в девстве; теперь посмотри и на противоположную сторону, на погибавших и в супружестве и в девстве, и в богатстве и в бедности. Так, в супружестве погибли многие люди, напим., Самсон, не от супружества впрочем, но от своей воли; в девстве – пять дев; в богатстве – тот богач, который презирал Лазаря; в бедности и ныне погибают весьма многие нищие. Могу показать многих, которые погибли в царском достоинстве и управляя народом. Но ты хочешь видеть, спасаются ли и в воинском звании? Посмотри на Корнилия. Спасаются ли домоправители? Посмотри на евнуха эфиоплянки. Таким образом из всех примеров видно, что когда мы пользуемся богатством, как должно, то оно нас не погубит, а если иначе, то все будет служить к гибели – и царское достоинство, и бедность, и богатство. Кто осторожен, тому ничто не может сделать вреда. Скажи мне, в самом деле, сделал ли какой вред плен? Нет. Припомни, что Иосиф, и находясь в рабстве, сохранил добродетель; припомни, что Даниил и три отрока были в плену, и между тем прославились еще более. Добродетель во всяком состоянии славна и бывает непобедима, и ничто не может быть для нее препятствием. Что я говорю о бедности, плене и рабстве? Добродетели не могут причинить вреда ни голод, ни язва, ни болезнь, – а болезнь тяжелее и рабства. Таков был Лазарь, таков Иов, таков Тимофей, который был одержим частыми недугами.

Видишь ли, что ничто не может победить добродетели – ни богатство, ни бедность, ни власть, ни подчиненность, ни управление делами, ни болезнь, ни бесславие, ни ссылка, что она, оставив все это долу, на земле, поспешает на небо. Только имей благородную душу, и не будет препятствия быть добродетельным; когда действующий силен, то ничто внешнее не препятствует ему. И в искусствах, когда художник опытен, терпелив и совершенно знает искусство, то хотя бы постигла его болезнь, искусство при нем, хотя бы он впал в бедность, искусство при нем, хотя бы он имел в руках инструмент, хотя бы не имел, хотя бы работал, хотя бы не работал, оно нисколько не умаляется, потому что знание находится в нем самом. Так и добродетельный и преданный Богу человек равно является добродетельным, находясь и в богатстве и в бедности, и в болезни и в здравии, и в славе и в бесславии.

4. Не через все ли это прошли апостолы? **"В чести"**, – сказано, – **"и бесчестии, при порицаниях и похвалах"** (2 Кор. 6:8). Готовность на все – вот что делает подвижником. Таково и свойство добродетели. Если же ты скажешь, что не могу управлять многими, что я должен жить в одиночестве, то ты оскорбил добродетель. Она может все употреблять в свою пользу, и во всяком случае обнаружиться, только пусть она будет в твоей душе.

Случается ли голод, случается ли общие, – она равно оказывает свою силу, как говорит Павел: **"Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии"** (Фил. 4:12). Нужно ли было трудиться? Он не стыдился, но два года трудился. Нужно ли было терпеть голод? Он не ослабел, не колебался. Надлежало ли умереть? Не унывал, во всех обстоятельствах показывал благоразумие, благородство и искусство. Будем же подражать ему и мы, – и для нас не будет причины печалиться. Да, и что, скажи мне, может опечалить такого человека? Ничто. Доколь никто не отнял у нас добродетели, мы будем блаженнее всех людей и здесь, не только там. Кто добродетелен, тот хотя имеет и жену, и детей, и деньги, и великую славу, при всем этом равно остается добродетельным; отними у него это, он также пребудет добродетельным, от несчастья не упадет, и от счастья не возгордится; как скала и во время морского волнения и во время тишины одинаково стоять непоколебимой, ни волнами не сокрушается, ни от тишины ничего не терпит, – так и душа твердая остается непоколебимой и во время тишины и во время волнения. И хотя дети, плывя в лодке, и пугаются, но кормчий сидит улыбаясь и спокойно, смотрит и забавляется их страхом: так и душа любомудрая, при благоразумии, как бы на корме и у руля, пребывает непоколебимой, тогда как все остальные мятутся, или же, при перемене обстоятельств, не кстати смеются. Что, скажи мне, может возмутить благоразумную душу? Смерть? Но (такая душа) знает, что смерть есть начало лучшей жизни. Бедность? Но бедность помогает ей в добродетели. Болезнь? Но она считает ее за ничто. И что я говорю о болезни? Тоже – и расслабление, и скорбь: ведь еще прежде она сама себя подвергла скорби. Бесславие? Но для нее распялся весь мир. Потеря детей? Но (такая душа) чужда страха: если она уверена в воскресении, то что может сокрушить ее? Ничто совершенно. Быть может, богатство надмевает? нет: она знает, что деньги – ничто. Так слава? Но ей внушено, что **"Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой"** (Ис. 40:6). Так удовольствия? Но она слышала слова Павла, что **"сластолюбивая заживо умерла"** (1 Тим. 5:6). Когда же она ни возносится, ни унижается, то что может сравниться с ее благосостоянием? другие души однако же не таковы но меняются чаще моря и хамелеона. Потому-то и бывает весьма смешно, когда видишь, что один и тот же то смеется, то плачет, то через меру занять, то рассеян. И когда Павел говорит: **"Не сообразуйтесь с веком сим"** (Рим. 12:2), то не по другой какой-нибудь причине, а по той, что наше жительство на небе, где нет изменения (Фил. 3:20). Нам обещаны неизменяемые награды: будем же проводить такую жизнь, за которую бы получить нам вечные блага. Зачем нам бросаться в эту пучину, в эти волны, в бурю и вихрь? Пребудем в тишине. Это вовсе не зависит ни от богатства, ни от бедности, ни от славы, ни от бесславия, ни от болезни, ни от здоровья, ни от немощи, но (зависит) от души нашей. Если она тверда и хорошо наставлена в наук добродетели, то для нее все будет легко. Она и здесь уже увидит покой и тихое пристанище, а перешедши туда получить бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном. Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которой Он действует и покоряет Себе все" (Фил. 3:18–21).

1. Всего неприличнее и несвойственнее христианину – искать праздности и покоя; ничто так не противно призванию нашему и воинствованию, как сильная привязанность к

настоящей жизни. Твой Владыка был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям? Это ли дело благородного воина? Потому и Павел говорит: **"Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова"**. Так как были люди, которые лицемерно держались христианства, а жили в праздности и неге, – что противно кресту, – поэтому (апостол) и говорит таким образом. Крест составляет принадлежность души, выступившей на борьбу, готовой на смерть, и вовсе не ищущей покоя; а они живут совсем напротив. Итак, хотя они называют себя Христовыми, но они враги креста: иначе, если бы они любили крест, то старались бы проводить и жизнь свойственную Распятому. Не распят ли был твой Владыка? Если ты не можешь так же (распяться), можешь другим образом подражать ему: распинай самого себя, хотя бы и никто не распинал тебя; распинай, говорю, себя, не для того, чтобы умертвить себя, – отнюдь нет, это и незаконно, – а по слову Павлову: **"Для меня мир распят, и я для мира"** (Гал. 6:14).

Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертью: познай, как велика сила креста, какие благотворные производил он и производить действия, какое он прибежище в жизни. Им совершается все: крещение – крестом (так как должно принять печать), рукоположение – крестом, и вообще бываем ли на пути, или дома, или в другом каком месте, – крест великое благо, спасительное оружие, непреодолимый щит, неприязненный дьяволу. Итак, когда ты ратуешь против него, то уже несешь крест, но просто впечатлевая (на себе знамение креста), но претерпевая страдания креста. Христос крестом обыкновенно называет страдания, когда говорит: **"Возьми крест свой, и следуй за Мною"** (Мф. 16:24), т. е., если кто не готов на смерть. А люди чувственные, любящие жизнь и плоть, являются врагами креста; да и всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста, которым Павел хвалится, который объемлет и с которым он старается тесно соединиться, как это видно из слов его: **"Для меня мир распят, и я для мира"**. **"Теперь даже"**, – говорит, – **"со слезами говорю"**. Почему? Потому что зло усилилось, потому что таковые (люди) достойны слез. В самом деле достойны слез те, которые проводят жизнь в удовольствиях, которые одежду своей души, т. е. тело, утучняют, а вовсе не помышляют о наказаниях в будущей жизни. Вот ты живешь в удовольствии, вот упиваешься сегодня и завтра, и десять, и двадцать, и тридцать, и пятьдесят, и сто лет, – это невозможно, однако ж допустим, если угодно. Какой же конец? Какая польза? Никакой. А потому не достойна ли слез и плача такая жизнь? Бог поставил нас на это поприще, чтобы увенчать нас, а мы сходим с него, не сделавши ничего доблестного. Итак, Павел плачет о том, чему другие смеются, чем другие услаждаются: столько-то он сострадательен, так-то он заботится о всех людях! **"Их"**, – говорит, – **"бог – чрево"**. Потому бог у них – **"Станем есть и пить"** (1 Кор. 15:32). Видишь ли, как худо удовольствию? У одних бог деньги, а у других – чрево. Таковые не идолопоклонники ли, лаже не хуже ли их? **"И слава их"**, – говорит, – **"в сраме"**. Некоторые говорят, что этими словами указывается на обрезание; а я говорю совсем другое, именно вот что значат эти слова: они величаются тем, чего бы надлежало им стыдиться. То же говорит (апостол) в другом месте: **"Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь"** (Рим. 6:21)? Делать постыдное – тяжкий грех; грех наполовину уменьшается, если делающий стыдится; а когда кто еще хвалится постыдным, то это верх бесчувствия. Но об них ли одних сказано это? Не подлежит ли кто из присутствующих здесь с нами тому же обвинению? Или никто из вас не заслуживаете его? Никто не почитает чрева богом? Не поставяете славы своей в студе? Желая, сильно желаю, чтобы подобного ничего нельзя было приложить к нам, желал бы даже не знать такого, кому бы сказанное можно было поставить в упреке, но боюсь, не к нам ли более, нежели к своим современникам, говорит (апостол). Ведь если кто всю жизнь тратить па то, чтобы пить и есть, нищим уделяет мало, а больше издерживает на чрево, – то не прилично ли я к такому отнести сказанное?

2. Ничто не может, более побудить стыд, и быть укорительнее этого изречения: **"Их бог – чрево, и слава их – в сраме"**. Кто его такие? Те, которые **"они мыслят о земном"**, которые говорит: мы построим дома. Где? На земле. говорит: купим поля, – опять на земле; получим власть, – опять на земле; достигнем славы, – тоже на земле; разбогатеет, – все на земле. Вот те, **"их бог – чрево"**! Те, которые не думают о духовном, которых все заботы и помышления ограничиваются землей, поистине имеют богом чрево, говоря: **"Станем есть и пить, ибо завтра умрем!"** (1 Кор. 15:32). И после того ты еще сетуешь, что тело твое из земли, хотя это нисколько не вредит тебе по отношению к добродетели; между тем, скажи мне, ты смеешься и забавляешься, низводя удовольствиями душу до праха, и вовсе не думая об этом? Какое же прощение получишь ты, повергнув себя в такую бесчувственность, тогда как и самое тело должно сделать духовным? И это возможно, если бы ты пожелал. Тебе дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его; чтобы управлять им, а не подчиняться ему; чтобы оно тебе служило для питания прочих частей, а не ты ему служил, – не для того, чтобы ты выходил из границ. Не столько золь причиняет выступившее из берегов море, сколько желудок вредит телу нашему и вместе душе. Море потопляет всю землю, а желудок (обременяет) все тело. Положи ему пределом довольство, как Бог оградил море песком. И если он волнуется, если свирепствует, – запрети ему властью тебе данной. Смотри, как Бог почтил тебя разумом, чтобы ты подражал Ему; а ты не хочешь, но, видя желудок переполненным и расстраивающим всю твою природу, и обращающимся в болото, не смеешь сдержат и сделать умеренным. **"Их бог"**, – говорит, – **"чрево"**. Посмотрим, как Павел служил Богу; посмотрим, как и чревоугодники (служат) чреву. Не подвергаются ли они бесчисленным смертям? Не боятся ли отказать ему в каком бы то ни было требовании? Не раболепствуют ли ему даже в невозможном? Не хуже ли они невольников? Но Павел не таков, потому он и сказал: **"Наше же жительство – на небесах"**. Не будем же и мы искать покоя здесь (на земле); пожелаем сделаться славными там, где и житие наше. **"Откуда"**, – говорит, – **"мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его"**. Постепенно возводит нас: с неба, говорит, Спаситель наш, доказывая величие местом и лицом. **"Который уничиженное тело наше"**, – говорит, – **"преобразит"**. Тело наше ныне много терпит; его вяжут, бьют, оно претерпевает бесчисленные беды. Но и тело Христово о только же терпело. На это он намекать, говоря: "что оно будет сообразно славному телу Его". Потому, хотя тело то же самое, но облекается в бессмертие. **"Преобразит"**, – говорит. Следовательно (оно будет иметь) и другой образ; или же он так назвал изменение в несобственном смысле. Сказал же – **"уничиженное тело наше"** потому, что оно ныне уничижено, подвержено тлению, болезни; ныне оно кажется ничтожным и ничем не лучше прочих (тел). **"Что оно будет сообразно"**, – говорит, – **"славному телу Его"**. Увы! Это тело будет сообразно тому телу, которое сидит одесную Отца, которому поклоняются ангелы, которому предстоять бесплотные силы, которое превыше всякого начальства, власти и силы, – вот какому оно сообразно будет. Итак, если вся вселенная будет слезно оплакивать (людей), потерявших эту надежду, то оплачет ли она достойно, что и при данном нам обещании – **"что оно будет сообразно"** тело наше отходить вместе с демонами? Я не упоминаю уже о геенне; что бы ты ни сказал – все почитаю за ничто в сравнении с такой потерей. Что ты говоришь, Павел? Тому ли сообразно будет? Да, говорит. А для удостоверения приводить и доказательство: **"Силою"**, – говорит, – **"которой Он действует и покоряет Себе все"**. Христос имеет силу, говорит (апостол), покорить Себе все, следовательно и тление и смерть, и преимущественно той же самой силой Он сделает и это. И для чего, скажи мне, потребно больше силы: покорить ли ангелов, и архангелов, и херувимов, и серафимов, и демонов, или сделать тело нетленным и бессмертным? Без сомнения гораздо более для первого, нежели для последнего. Он показал большие дела Своей силы, чтобы ты и последнему поверил. Итак, хотя вы видите (миролюбцев) в радости, хотя видите в славе, – стойте, не соблазняйте их примером, и

не страшитесь. Надежда (на прославление тела) сильна возбудить самого ленивого и сонливого. **"Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные"** (4:1). "Так" – каким образом? Как вы стояли непреклонными. Смотри как он после увещания присовокупляет похвалы: **"радость и венец мой"**. Не только радость, но и слава; не только слава, но и венец. Той славе ничего нет равного, – когда они составляют венец Павла. **"Стойте так в Господе, возлюбленные"**, т. е. в надежде на Бога. **"Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе. Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им"** (ст. 2,3).

3. Некоторые говорят, что (апостол) этими словами – **"искренний сотрудник"** просить жену свою; но это несправедливо: он просит какую-то жену, или мужа одной из них. **"Помогай им"**, – говорит, – **"подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, которых имена – в книге жизни"**. Видишь ли, как он свидетельствует об их добродетели? Что Христос сказал (апостолам): **"Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны"** в книге жизни (Лк. 10:20), то же свидетельство он дает им (филиппийцам) словами: **"которых имена – в книге жизни"**. Мне кажется, что эти жены были важны в церкви (филиппийской), и он препоручает их мужу, конечно – достойному удивления, которого и называет сотрудником, – которому, быть может, он обыкновенно поручал как споспешнику, сподвижнику, соучастнику и брату. Это он делает и в послании к Римлянам, говоря: **"Представляю вам Фиву, сестру нашу, диаконису церкви Кенхрейской"** (Рим. 16:1). **"Сотрудник"**. Так он называет или какого-нибудь брата их, или мужа одной из них; как бы так сказал: ныне ты искренний брат, ныне ты истинный муж, потому что сделался членом. **"Подвизавшимся в благовествовании вместе со мною"**. Твоя честь в тебе, не в дружбе, но в добрых делах. **"Подвизавшимся вместе со мною"**. Что ты говоришь? Жены подвизались вместе с тобою? Да, говорит; немало и они помогали. Хотя у него и много было сотрудников, но в числе многих содействовали и жены. Следовательно церкви тогда возрастали немало, и то, что такой честью от других пользовались почтенные мужи и жены, производило много добра, во-первых, потому, что и прочие возбуждались к равной ревности, во-вторых, через почтение они получали пользу, в-третьих, и сами они делались ревностнее и усерднее. Потому ты видишь, что (Павел) везде старается об этом, и поставляет таковых на вид; об этом он говорит и в послании к Коринфянам: **"Что оно есть начаток Ахаии"** (1 Кор. 16:15). А некоторые говорят, что имя – "сотрудник" есть собственное. Но какое бы это имя ни было, нет нужды со всей точностью изыскивать; а должно удивляться, что он повелевает воздавать им великое почтение.

4. Все для нас на небесах, и Спаситель, и град, и – что ни сказал бы кто. **"Откуда"**, – говорит, – **"мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа"**. И это – дело Его человеколюбия. Сам опять грядет к нам, а не нас туда влечет, и таким образом, взявши нас, отходить: и это великая честь для нас. Если Он пришел к нам, когда мы были Его врагами, то тем более (придет), когда мы сделались (Его) друзьями. Но поручает этого ни ангелам, ни рабам; но сам грядет на облаках, чтобы призвать нас в царство Свое. А может быть и те, которые Его почитают, восхищены будут на облаках: и **"мы"**, – сказано, почитающие Его **"восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем"** (1 Фес. 4:17). Кто же окажется верным и мудрым рабом? Кто те, которые удостоятся таких благ? Как жалки отпавшие! Если бы мы и всегда оплакивали потерявших царство, оплачем ли достойно (участь их)? Если бы ты насказал и тысячи геенн, то не скажешь ничего равного тому мучению, какое будет терпеть душа тогда, когда потрясется вся вселенная, и прозвучать трубы, – когда будут предходить ангелы первого чина, потом второго, затем третьего, после того бесчисленные сонмы сойдут на

землю, потом херувимы, которые также многочисленны и бесконечны, далее серафимы, – когда наконец придет сам (Христос) в той неизреченной славе, – когда пришедшие вперед будут поспешно выводить избранных на средину, – когда потом Павел и все прославившиеся подобно ему, пред лицом всего небесного воинства, будут увенчаны от Царя, провозглашены и почтены. Даже если бы не было геенны, каково бы и тогда было одним получить честь, а другим бесчестие? Нестерпима геенна, признаюсь, весьма нестерпима; но лишение царства нестерпимее ее. Скажи мне, если бы какой царь, или сын царя, отправившись, окончивши множество войн и заслужив себе удивление, в сопровождении всего войска вошел в какой-нибудь город на колесниц с трофеями, с бесчисленными полками (воинов) покрытых золотом, с телохранителями, имеющими золотые щиты, и весь город был бы украшен, и при нем находились бы все властители вселенной, а за ним следовали бы всякого возраста чужеземцы, заключенные в оковы, с эпархами, сатрапами, ипатами, тиранами и архонтами, – если бы при всей этой славе он одних из встречающих его граждан и принимал и приветствовал, и подавал им руку, и позволял им говорить с полной откровенностью, или даже со всеми стоящими разговаривал как с друзьями, говорил, что весь этот путь он совершил для них, но затем одних ввел в свои царские чертоги, а других оставил, – то какому бы наказанию не было это равносильно, хотя бы (оставленные) и не были наказываемы? Если же столь горько лишиться такой славы от человека, то тем более от Бога, когда все горние силы будут с Царем, а демоны связаны и унижены, и когда сам дьявол и вся сила вражья поведется в узах, когда силы небесные, когда сам (Христос) придет на облаках. Поверьте мне, что от скорби, угнетающей мою душу при этом повествовали, я не могу докончить слова. Подумаем, какой великой славы мы лишаемся, тогда как можно бы не лишиться. Мучительно то, что ми, при всей возможности с нашей стороны – не терпеть этого, терпим. Когда (Христос) одних примет и поведет к Отцу на небеса, а других оставить; и когда этих последних против их воли, плачущих и поникших долу, некоторые ангелы взявши повлекут в огонь гееннский, наперед обличив пред целой вселенной, – какая тогда, полагаешь ты, будет скорбь? Итак, постараемся, пока есть время, и с великой ревностью позаботимся о своем спасении. Сколько можем мы сказать такого, что говорил богатый? Если бы кто теперь позволил нам, то мы надавали бы полезных советов; но никто не позволяет. А что мы (много) наговорили бы, это известно не от одного (богача) того, но и от многих других. Или ты не знаешь, сколько было таких, которые находились в горячке и говорили: если бы нам выздороветь, то уже не подвергнемся таким (мучениям)? Много такого наговорим мы тогда; но подобно тому богачу услышим, что есть пропасть, что мы здесь **"получили добро"** (Лк. 16:26). Итак, умоляю вас, будем горько вздыхать; или лучше, не вздыхать только, но и жить добродетельно. Будем теперь плакать для спасения, чтобы не плакать тогда тщетно, рыдать теперь, и не рыдать тогда о нечестии. Нынешний плач (происходить) от добродетели, а будущий от бесполезного раскаяния, – будем же скорбеть ныне, чтобы не скорбеть тогда. Не все равно скорбеть здесь, или там: здесь ты скорбишь кратковременно, или лучше вовсе не чувствуешь скорби, зная, что скорбишь о благе; а там скорбь ужаснейшая, так как безнадежна, беспрерывна, бесконечна и вечна. О, если бы все мы, избегши такой скорби, получили успокоение! Но так как для того, чтобы не лишиться этого, потребно усиленное старание и непрестанные молитвы, то прошу вас, будем стараться. Если мы стараемся и молимся, то достигаем; если будем прилежно молиться, то Бог подаст. Если же не просим Его и не делаем чего-либо такого, и вовсе остаемся в бездействии, то как можно спящим сделать доброе когда-либо? Никак. Довольно, что текущие, стремящиеся и сообразующиеся смерти Его, как сказал Павел, могут получать, а спящие отнюдь не могут. **"Чтобы"**, – говорит, – **"достигнуть"** (Фил. 3:11). Если же Павел говорил: **"чтобы достигнуть"**, то что скажем мы? Спящие вовсе не могут совершать и мирских дел, тем более духовных; спящие никогда ничего не могут получить и от друзей, не могут и от Бога; спящих и отцы не почитают, также и Бог. Потрудимся немного, чтобы всегда наслаждаться покоем. Скорбеть совершенно

необходимо, и если не поскорбим здесь, то будем скорбеть там. Для чего не решаемся скорбеть здесь, чтобы там успокоиться? О, если бы всем нам, прожившим достойно Христа, и сообразовавшимся смерти Его, сподобиться неизреченных благоволений во Христе Иисусе, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превышает всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе" (Фил. 4:4–7).

1. **"Блаженны плачущие"**, и: **"Горе вам, смеющиеся"** (Мф. 5:4; Лк. 6:25), говорит Христос. Почему же Павел говорит: **"Радуйтесь всегда в Господе"**? (Апостол) не противоречит Христу, – несколько. Христос сказал: **"Горе вам, смеющиеся"**, разумея смех этого мира в отношении к делам настоящим; а блаженными назвал не тех плачущих, которые оплакивают только потерю собственности, но тех, которые скорбят и плачут о своих неправдах, размышляя о грехах своих, или о чужих. Этому плачу непротивна та радость; даже более – от этого плача она и происходит, потому что оплакивающий и исповедующий свои неправды радуется. Иначе (сказать), можно плакать о грехах своих, а радоваться о Христе. И вот, так как (филиппийцы) томились под бременем страданий, – **"потому что вам дано"**, – сказано, – **"не только верить в Него, но и страдать за Него"**, – то он и говорит: **"Радуйтесь всегда в Господе"**. Слова эти значат не иное что, как – ведите такую жизнь, чтобы радоваться. Поэтому, когда дела для Бога совершаются у вас беспрепятственно, – радуйтесь. Итак, или это говорит (апостол), или предлог (ἐν) употреблен (вместо с (συν)); как бы так сказал: **"Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь"**. Так говорит свойственно крепко уверенному, и показывающему, что пребывающий в Бог всегда радуется. Скорбит ли такой, терпит ли что, – всегда он радуется. Послушай, что повествует Лука об апостолах: **"Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие"** (Деян. 5:41). Если бичи и узы, которые по-видимому всего тягостнее, производят радость, то что другое может причинить нам печаль? **"И еще говорю: радуйтесь"**. Кстати он повторил слово. Так как обстоятельства были таковы, что рождали печаль, то через повторение слова показывает, что точно должно радоваться. **"Кротость ваша да будет известна всем человекам"**. Выше он сказал: **"Их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном"**. А так как представлялось вероятным, что (филиппийцы) отнесутся недружелюбно к злым (людям), то (апостол) и увещевает, чтобы они, не имея ничего общего с таковыми, в то же время с великой кротостью обходились бы не только с братьями, но даже с врагами и неприятелями. **"Господь близко. Не заботьтесь ни о чем"**. Отчего, скажите мне, вы унываете? Оттого, что восстают против вас? Оттого, что вы видите их веселую жизнь? **"Не заботьтесь ни о чем"**. Уже настал суд; скоро они дадут ответ в делах своих. Но вы в скорби, а они в веселии? Это скоро кончится. Но они коварствуют и угрожают? И это не надолго будет им попущено; уже близок суд, когда все будет напротив. **"Не заботьтесь ни о чем"**: уже настало (время) возмездия. Будете ли обходиться кротко с теми, которые готовят вам бедствия, постигает ли вас нищета, смерть, или другое какое-либо зло, – все прекратится. **"Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом"**. Итак, первое утешение – в том, что **"Господь близко"**, и в обетовании: **"Я с вами во все дни до скончания века"** (Мф. 28:20). Вот и другое утешение, которое и в скорби, и в несчастии, и во всех горестных случаях служить облегчительным лекарством. Какое же это? Молитва, и благодарение за все. Потому Он желает, чтобы в молитвах мы не только

просили, но и благодарили за то, что имеем. Да и как станет просить о будущем тот, кто не умеет благодарить за прошедшее? Но **"всегда"**, – говорит, т. е. во всякой вещи, **"в молитве и прощении"**. Итак, должно благодарить за все, даже и за то, что кажется прискорбным: это – свойство истинно благодарного. Первого (благодарения за все) требует самое существо вещей; а последнее (благодарение за прискорбное) происходит от души благодарной и сильно преданной Богу. Таковые молитвы приятны Богу, а другим Он не внемлет. Потому молитесь о том, что угодно Ему. Он все устраивает к нашей пользе, хотя мы и не понимаем. Даже то самое, что мы не понимаем, весьма полезно. **"И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе"**. Что это значит? **"Мир Божий"** т. е. мир, который устроил Бог с людьми, превосходит всякий ум. Кто в самом деле мог ожидать, кто мог надеяться на такие блага? Они выше не только всякого слова, но и всякого ума человеческого: за врагов своих, за тех, которые ненавидят Его, отвращаются от Него, – за них Он не пощадил предать Единородного Сына, чтобы примириться с нами. Этот-то мир, т. е. примирение и любовь Божья, **"соблюдет сердца ваши и помышления ваши"**.

2. Дело учителя не только увещевать, но и молиться и молитвой помогать (ученикам), чтобы они не пали под тяжестью искушений, и не были обмануты; как бы так сказал он: кто избавил вас таким непостижимым для ума образом, Тот да сохранить и утвердить вас, чтобы вы ничего не потерпели. Итак, или это объясняет (апостол), или разумеет тот мир, о котором сказал Христос: **"Мир оставляю вам, мир Мой даю вам"** (Иоан. 14:27), – он да сохранить вас. Этот именно мир превосходить всякий ум человеческий. Если же ты спросишь: каким образом? – то слушай. Когда Господь заповедует иметь мир с врагами, которые обижают, вооружаются против нас и ненавидят нас, – не выше ли это ума человеческого? Но обратим особенное внимание на первые слова: **"Мир, который превыше всякого ума"**. Если мир (превосходить всякий ум), то тем более сам Бог, податель мира, превосходить всякий ум, не только наш, но даже ум ангелов и горних сил. А что значит – **"Во Христе Иисусе"**? В Нем да сохранить, говорит, чтобы вы были непоколебимы и не отпали от веры в Него. **"Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо"** (ст. 8). Что значит: **"Наконец"**? То есть, все уже нам сказано. Это выражение свойственно тому, кто поспешает и нисколько не останавливает внимания на настоящем. **"Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне"** (ст. 9). Что значит – **"что любезно"**? Любезное верующим, любезное Богу. **"Что только истинно"**. Совершенно истинное то же, что добродетель, а ложь то же, что порок, так как и удовольствие порока ложь, и слава его ложь, и все, что в мире, ложь. **"Что чисто"** – сказано в противоположность выражению: **"они мыслят о земном"**. **"Что честно"** – в противоположность: **"Их бог – чрево"**. **"Что справедливо, что достославно"** – вот о чем, говорит, (**"помышляйте"**). **"Что только добродетель и похвала"**. Здесь он внушает им попечение и в отношении к людям **"О том"**, – говорит, – **"помышляйте"**. Видишь ли, что он хочет изгнать из душ наших всякое алое помышление? Ведь от (злых) помыслов происходят злые дела. **"Чему вы научились, что приняли"**. Вот прекрасное учение – при всех увещаниях (апостол) представляет в образец самого себя, как и в другом месте говорит: **"Которые поступают по образу"** (Фил. 3:17); и здесь опять: **"Чему вы научились, что приняли"**, т. е. наставлены, **"и слышали и видели во мне"** – и из слов, и из действий, и из образа жизни. Видишь ли, что заповедь эта касается всего? Так как невозможно было подробно говорить о всем, и о входах, и об исходах, и о словах, и о наружном виде, и о дружестве, – а христианину о всем этом следует заботиться, – то он кратко и вообще сказал: **"и слышали и видели во мне"**, т. е. в присутствии моем; как бы так сказал: я руководствовал вас и делами и словами. **"То исполняйте"**, – не только говорите, но и делайте, – **"и Бог мира будет с вами"**, т. е., если вы так это соблюдете и

будете иметь мир между собою, то пребудете в спокойствии и великой безопасности, не испытаете ничего неприятного, и ничего противного вашим желаниям. Если мы имеем мир с Богом, – а имеем его через посредство добродетели, – то тем более. Он пребудет с нами. Тот, Кто столько возлюбил нас, что пришел и к нежелающим (пришествия Его), – не гораздо ли более покажет Свою любовь, если увидит обращающихся к Нему? Нет ничего настолько враждебного нашей природе, как порок. А каким образом порок враждебен, а добродетель дружественна, – это видно из всего. Если угодно, рассмотрим это сперва относительно одного порока – блуда. Блуд делает людей бесчестными, нищими, смешными и презренными у всех, – делает то, что свойственно делать врагам; а часто он ввергал в болезни и опасности; многие же и погибли от блудниц, и получили раны. Если же блуд производить это, то тем более прелюбодеяние. Ужели таковы следствия и милостыни? Никак; напротив она, как чадолюбивая мать, делает свое детище весьма скромным, благонравным, истинно славным, побуждает заниматься необходимым, не оставляет нас, не отвлекает от нужных дел, и делает душу разумнейшею. Ничего нет безрассуднее блудников. Впрочем не угодно ли тебе видеть любостыжание? И оно производить то же, что сделал бы для нас враг. Каким образом? И оно делает нас ненавистными для всех; оно производить то, что все нас проклинаят – и обиженные и не обиженные, – последние о первых соболезнают, а за самих себя боятся; все смотрят на них (любостыжателей), как на всеобщих врагов, как на диких зверей, как на демонов; везде бесчисленные упреки, коварства, зависть, – все, что свойственно врагам. Правда же напротив всех делает нам друзьями, всех приятелями и доброжелателями: все молятся за нас; вследствие того положение наше становится совершенно безопасным, вовсе не бывает беды, подозрения, мы засыпаем безбоязненно, спокойно, ни о чем не тревожимся, ничем не терзаемся.

3. Видишь ли, что она гораздо лучше? Что ж, скажи мне, лучше – завидовать, или сорадоваться другому? Исследуем все это, и найдем, что добродетель, как истинно чадолюбивая мать, делает безопасными; а порок, ввергая в опасности, есть вещь ненадежная и опасная. Послушай, что говорит пророк: **"Господь – сила боящихся Его и завет Его (это) явит им"** (Пс. 24:14). Тот никого не боится, кто не сознает в себе никакого ала: а порочно живущий ни на кого не надеется, но трепещет даже пред рабами и смотрит на них подозрительно. Что я говорю пред рабами? Он не может сносить суда совести. Не только внешние, но и внутренние помыслы тревожат его, и не позволяют ему быть спокойным. Итак что же, скажешь? Для похвал должно жить? (Павел) не сказал: взирай на похвалу, но – делай и похвальное, впрочем не для похвалы. **"Что только истинно"**: а похвалы – ложь. **"Что честно, что чисто"**: честным означает внешнее, пречистым душевное достоинство. Не полагайте, говорит, претыкания и не давайте повода (2 Кор. 6:3). Так как он сказал: **"Что достолавно"**, то чтобы ты не подумал, что говорит просто об отношении к людям, присовокупил: **"Что только добродетель и похвала, о том помышляйте, то исполняйте"**. Желает, чтобы непрестанно в этом пребывали, об этом старались, об этом помышляли. Если мы будем иметь мир между собою, то и Бог будет с нами: а если поднимем войну, то Бог мира не будет с нами. Ничто так не враждебно для души, как порок; и наоборот, ничто столько не делает ее безопасной, как мир и добродетель. Потому должно начать с того, что до нас касается, и тогда привлечем Бога к себе. Бог не есть Бог вражды и войны. Потому оставь вражду и войну и с Богом и с ближним, живи мирно со всеми. Подумай, кого спасает Бог: **"Блаженны"**, – говорит Он, – **"миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими"** (Мф. 5:9). Таковые непрестанно подражают Сыну Божью, и ты подражай Ему: живи мирно. Чем более враждует против тебя брат, тем большая ожидает тебя награда. Послушай, что говорит пророк: **"Долго жила душа моя с ненавидящими мир"** (Пс. 119:6). Вот это добродетель, это выше ума человеческого, это приближает к Богу.

Нет ничего так приятного Богу, как непамятозлобие. Оно освобождает тебя от грехов, изглаживает твои вины; а когда бранимся и деремся, то удаляемся от Бога. От препирательства происходит вражда, а от вражды памятозлобие. Подсеки корень, и не будет плода; таким образом научимся презирать житейское. Не бывает, истинно не бывает борьбы из-за предметов духовных; но все, что – ты видишь – ни случается, борьба ли, зависть ли, и что бы кто ни назвал, случается из-за предметов житейских: всякая борьба имеет свое начало или в любостязании, или в зависти, или в тщеславии. Потому, если мы будем жить мирно, то научимся и презирать земное. Похитил ли кто-нибудь твое имение? Он нисколько не обидел тебя, лишь бы не похитил богатства горнего. Воспрепятствовал ли твоей славе? Лишь бы не славе у Бога, а славе ничтожной, которая собственно и не слава, а только имя славы, или лучше – беславие. Похитил ли честь у тебя? Не у тебя (похитил), а у себя. Как обидчик обижает не другого, а себя, так и коварствующий против ближнего прежде всего губит себя, потому что кто копает яму для ближнего, тот сам падает в нее. Итак, не будем коварствовать против других, чтобы не причинить вреда себе. Когда станем ниспровергать славу других, припомним, что вредим себе, что коварствуем более против себя. И действительно, хотя преодолевши (врага) повредим ему пред людьми, за то самих себя обидим пред Богом, раздражив Его. Итак, не будем вредить себе. И как, обижая ближних, мы обижаем себя, так, благодетельствуя им, благотворим себе. Потому, когда враг причинил тебе вред, в таком случае, размысливши, что он оказал тебе благодеяние, ты, если благоразумен, не только не плати ему равным злом, но еще благотвори. Но ты скажешь: удар весьма ощутителен. Подумай же о том, что ты не только не делаешь добра врагу твоему, но еще наказываешь его, а себе благодетельствуешь, – и ты тотчас начнешь благодетельствовать. Что ж? Ужели, скажешь, с таким намерением должно делать (добро)? Не с таким намерением должно делать; но когда сердце твое не может перенести (обиды), то хотя таким образом преклони его, и ты скоро решишься оставить вражду; после же того будешь благотворить врагу, как другу, – и таким образом Получишь будущие блага, которых все мы и да сподобимся достигнуть во Христе Иисусе (Господе нашем, Которому со Отцом и Святым. Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 15

"Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби" (Фил. 4:10–14).

1. Часто я говорил, что милостыня введена не для принимающих, а для подающих, так как последние приобретают наибольшую пользу. Это самое и здесь показывает Павел. Каким образом? Филиппийцы, спустя много времени, послали ему нечто, поручив это Епафродиту. Потому (апостол), намереваясь отправить его обратно с этим посланием, смотри, как и хвалить их, и показывает, что присланное принесло пользу не принимающим, но дающим. Делает же это для того, чтобы благодетельствующие не надмевались, и были ревностнее в благотворении, так как через это они приносят более пользы самим себе, а принимающие (благодеяния) не без страха бы спешили принимать, чтобы не подвергнуться осуждению, так как сказано: **"Блаженнее давать, нежели принимать"** (Деян. 20:35). Итак, что показывает он словами: **"Я весьма возрадовался в Господе"**? Я возрадовался, говорит он, не тому, чему радуются в мире и в настоящей жизни, но **"в Господе"** (возрадовался) не тому, что я успокоился, но тому, что вы преуспели, – а в этом и состоит мое спокойствие. Поэтому также сказал: **"весьма"**, –

потому что радость его была не плотская, и не о покое своем радовался он, а об их преуспевании. И смотри, как он, упрекнувши их немного за прошедшее время, тотчас это прикрыл, поучая непрестанно и всегда пребывать в благотворении. **"Что вы уже вновь"**, – говорит. Выражением: **"уже вновь"** – он показывает продолжительное время. **"начали"** (ἀνεθάλετε, процвели) – говорит как бы о деревьях, которые дали ростки, потом засохли, и опять дали ростки. А этим показывает, что они прежде, процветши, увяли, потом, увядши, опять дали побеги; потому в слове – **"начали"** заключается и укоризна и похвала, так как немаловажное дело – процвети увядшему. Этим он показывает, что все случилось с ними от нерадения. **"Заботиться о мне; вы и прежде заботились"**. Здесь разъясняет, что они и прежде в подобных случаях обыкновенно отличались щедростью, – почему и присовокупил: **"Заботиться о мне; вы и прежде заботились"**. И чтобы ты не подумал, что их прежняя великая ревность и в других отношениях увяла, но лишь в одном этом (в отношении благотворения), – для этого смотри, как он предостерегает, говоря: **"Что вы уже вновь начали заботиться о мне"**; как бы так сказал: я говорю – **"уже вновь"** относительно к этому только, потому что в других отношениях вы не таковы. Может быть здесь спросить кто-нибудь: каким образом тот, который говорит: **"Блаженнее давать, нежели принимать"** (Деян.20:35), и: **"Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии"** (с. 34), и который опять к Коринфянам написал: **"Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою"** (1 Кор. 9:15), – (каким образом он) теперь не видит, что уничтожает похвалу свою? Как? Принявши (посланное). Ведь если похвала состояла в том, чтобы ничего не принимать, то как теперь он принимает? Что же должно сказать? Там справедливо он не принимал по причине лжеапостолов. **"Дабы они, чем хвалятся"**, – говорит, – **"в том оказались такими же, как и мы"** (2 Кор. 11:12). Апостол не сказать – суть (бескорыстны), но – **"хвалятся"**, показывая через это, что они брали, только тайно. Вот почему сказал: **"чем хвалятся"**. И он принимал, хотя не там. Потому он же говорил: **"Похвала сия не отнимется у меня"** (2 Кор. 11:10). И не просто сказал: **"не отнимется"**, – но что? **"в странах Ахаии"**; и еще: **"Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам"** (ст. 8). Из этого видно, что он принимал. Впрочем Навел, если где и принимал, правильно принимал, имя столь важное дело; а как могут брать те, которые ничего не делают? Но я, скажешь, молюсь? Это еще не дело: можно и молиться и дело делать. Но я пощусь? И это не дело. Смотри, как этот блаженный во многих местах и проповедует, и работает. **"Но вам"**, – говорит, – **"не благоприятствовали обстоятельства"**. Что значит: **"Но вам не благоприятствовали обстоятельства"**? Это зависело, говорит, не от вашего нерадения, но от необходимости; вы не имели в руках, сами были небогаты. Вот что значат слова: **"Но вам не благоприятствовали обстоятельства"**. Эхо заимствовано от общего обыкновения; так говорит большая часть людей, когда житейские потребности текут к ним не обильно, а скудно. **"Говорю это не потому, что нуждаюсь"**, т. е. я сказал: **"уже вновь"**, и этим укорил (вас) не по желанию собственной пользы, и не жалуясь на скудость, будто я беден, – так как не этого искал. Откуда видно, Навел, что ты не тщеславишься? **"И мы пишем вам не иное"**, – говорит он к Коринфянам, – **"как то, что вы читаете или разумеете"** (2 Кор. 1:13). И к филиппийцам не сказал бы так, чтобы не быть обличенным (во лжи). Не сказал бы этого, если бы тщеславился, потому что говорил знающим (его), и от них было бы стыднее слышать обличение (во лжи). **"Ибо я"**, – говорит, – **"научился быть довольным тем, что у меня есть"**. Значит это – дело научения, упражнения и старания; это не легко, напротив, весьма трудно и весьма утомительно. **"Довольным тем"**, – говорит, – **"что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем"**, то есть, я умею и малым пользоваться, и сносить голод и бедность. **"жить в скудости, и жить в изобилии"**. Да, скажут; но **"жить в изобилии"** не есть искусство, равно как и не добродетель. И очень даже добродетель, так же как **"и жить в скудости"**. Каким образом? Таким, что как скудость располагает делать много зла, так и изобилие.

2. Многие, разбогатевши, часто делались нерадивее, и не умели быть счастливыми. Для многих богатство послужило поводом к праздности. Но Павел поступал иначе: принимая, он употреблял на других, издерживал на других. А в этом и состоит умение – хорошо пользоваться имуществом. Он не веселился и не радовался о своем изобилии, но был одинаков и в скудости и в изобилии, – и первой не стеснялся, и последним не надмевался. **"Умею"**, – говорит, – **"насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке"**. Многие не умеют **"насыщаться"**, как израильтяне, которые **"разжирели и отвергли"** (Вт. 32:15). Но я, (говорит апостол), всегда остаюсь в том же расположении духа. Этим показывает, что он и теперь не веселился, и прежде не печалился; если же и скорбел, то не о себе, а об них; сам он всегда был одинаков. **"Научился"**, – говорит, – **"всему и во всем"**, т. е. в течение столь долгого времени я испытал все, и во всем этом усовершеншился. Но так как речь (апостола) могла показаться преувеличенной, то смотри, как он тотчас делает поправку, и говорит: **"Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе"**. Это, говорит, не мое совершенство, но Давшего крепость. Но с другой стороны, так как благотворители, видя в принимающем не доброе расположение, а пренебрежете к подаванию, делаются нерадивее (так как они тогда щедро дают, когда вызывают благодарность и доставляют успокоение), то чтобы этого не случилось, и чтобы кто-нибудь не сказал – Павел пренебрегает успокоением, поэтому они по необходимости сделались нерадивее, – смотри, как он и это предотвращает. Предыдущими словами разрушил их мечтание, а следующими возбуждает их усердие, говоря: **"Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби"**. Видишь ли, как он и отделил себя, и опять соединил? Это знак искренней, духовной дружбы. Не подумайте, говорит, будто я не имею нужды в вашем пособии потому, что не терплю нужды; я терплю нужду ради нас. Как ж они были участниками его скорбен? Так, что он, будучи даже узником, говорил: **"Вас всех, как соучастников моих в благодати"** (Фил. 1:7), – потому что пострадать за Христа есть благодать, как и сам говорит в другом месте: **"Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него"** (ст. 29). Слова эти, отдельно сказанные, могли опечалить (филиппийцев); поэтому (апостол) утешает, принимает их, и опять хвалит, впрочем умеренно. Именно не сказал – давши, но – **"потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него"**, чтобы показать, что и они получили пользу, потому что сделались участниками в наградах. Не сказал – облегчая скорби мои, но – **"приняв участие в моей скорби"**, что важнее.

Видишь ли смирение Павлово? Видишь ли его благородство? Он, после того как показал, что для себя не имеет нужды в их подавании, уже безбоязненно произносить и слова уничиженные, какие употребляются и бедными: как ты обыкновенно подаешь. Он ни от чего не отказывается, ни от деле, ни от слов, только бы совершить желаемое. Что ж это значит? Не думайте, говорит, будто мой упрек и слова – **"уже вновь начали"** происходят от бесстыдства и от моей нужды. нет, я говорю это не от нужды, – но почему? По особенной надежде на вас, и вы сами виновники этой надежды. Видишь ли, как он заботится о них, и как говорит им: вы виновники, вы прежде других приступившие к этому делу, и подавшие нам смелость напомнить вам об этом? Заметь и важность (апостола): (филиппийцы) не посылают, он не укоряет их, чтобы не показалось, что он заботится о самом себе; а когда послали, тогда он укорил за прошедшее время, и они перенесли (укоризну), так как нельзя уже было думать, что он заботится о себе. **"Вы знаете"**, – говорит, – **"Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаванием и принятием, кроме вас одних"** (ст. 15). О, какая похвала! Коринфяне и римляне побуждаются тем, что слышать об этом от него; а филиппийцы, прежде чем началась какая-нибудь церковь (потому что говорит – **"в начале благовествования"**), показали столько усердия к этому святому, что, не имея вовсе примера, сами первые начали такое плодоношение. И нельзя сказать, будто они так делали потому, что Павел пребывал у них, или потому, что

получили от него какое-нибудь благодеяние. **"Когда"**, – говорит, – **"я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаванием и принятием, кроме вас одних"**. Что значит – **"принятием"**? И что значит – **"участия"**? Почему не сказал, что ни одна церковь мне не подавала, но – **"участия подаванием и принятием"**? Потому что в том именно и состоит общение. **"Если мы посеяли в вас духовное"**, – говорит, – **"велико ли то, если пожнем у вас телесное?"** (1 Кор. 9:11)? И еще: **"Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка"** (2 Кор. 8:14). Видишь ли, как они имели общение – подавая телесное, а принимая духовное? Как продавцы и покупатели имеют взаимное общение, друг от друга получая и друг другу отдавая; – это и есть общение, – так точно и здесь. И нет, ничего нет полезнее этой купли и этого торга; он производится на земле, а оканчивается на неб. Покупающие находятся на земле, а покупают и заключают условие о небесном, полагая цену земную.

3. Впрочем ты не смущайся: не за деньги продаются блага небесные, не деньгами покупают их, а свободным решением дающего деньги, любомудрием, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостью. Если бы на серебро покупались, то жена, положившая две лепты, немного получила бы; но так как не серебро, а доброе намерение имело силу, то она, показавши всю готовность, получила все. Итак, мы не должны говорить, что царство (небесное) покупается за деньги: не за деньги, но за свободное решение, обнаруживаемое через деньги. Деньги однако ж нужны, скажешь? Не деньги нужны, а решение. Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо; а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты. Почему? Потому что, когда ты от многого дал меньше, то хотя сотворил милостыню, но не такую какую вдова; ты подал не с таким усердием, с каким она; она сама себя лишила всего, или лучше – не лишила, а все себе даровала. Бог обещал царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердие, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намерение. Что в самом деле значит отдать одну душу? Отдается один человек; а один человек не равноценен царству). **"Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду"** (ст. 16). Опять великая похвала, – потому что он, находясь в главном городе, получал содержание от города малого. И смотри: чтобы, всегда представляя себя вполне довольным, не сделать их, как я прежде сказал, беззаботными, он многократно показал, что не терпит нужды, а здесь выразил одним только словом: **"На нужду"**, не прибавив даже – в мое, но просто (в требование), сохраняя свою важность; и не только здесь, но и в следующих словах. Так как (апостол) находил это выражение весьма униженным, то и делает после поправку, говоря: **"Не потому, чтобы я искал даяния"** (ст. 17). Этими словами он выражает то же самое, что и вышесказанными: **"Говорю это не потому, что нуждаюсь"** – хотя первое (выражение) сильнее последнего. Иное ведь дело – при бедности не искать, и иное – находясь в нищете, даже и не считать себя бедным. **"Не потому"**, – говорит, – **"чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу"**, не в мою. Видишь ли, что плод произрастает для них? Не для себя, говорит, я это сказываю, но для вас, для вашего спасения. Принимая от вас, я ничего не приобретаю; благодать принадлежит, дающим; дающим сохраняется там награда, а принимающим расточается здесь даяние. Опять, говоря и о нужд, хвалить их, и выражает свое сочувствие. Так как сказал – **"не потому, чтобы я искал"**, то, чтобы опять не сделать их беззаботными, говорит: **"Я получил все, и избыточествую"** (ст. 18), т. е. через это даяние вы восполнили и прежние опущения, – что особенно возбуждало в них ревность. Ведь известно, что благотворящие чем добре бывают, тем более желают благодарности от благодетельствованных. **"Я получил все, и избыточествую"**, т. е. вы не только восполнили то, что было опущено в прошедшее время, но еще сделали более. Потом, чтобы это не показалось обличением, смотри, как он подтверждает (прежние слова). Так как сказал: **"не потому, чтобы я искал даяния"**, и: **"уже вновь"**, и показал, что это была обязанность (это не значит **"получил"**), то опять показывает, что они сделали

более, нежели сколько обязаны были, и говорит: **"получил"**. Говорю это не просто, и не по пристрастью, – но что? "получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу". О, как он превознес их дар! Не я, говорит, принял, – не я, но через меня Бог. Потому, хотя я не терплю нужды, вы однако ж на это не смотрите; и Бог не имел нужды, однако ж принял, так что Божественное Писание не уклонилось сказать: **"И обонял Господь приятное благоухание"** (Бт. 8:21), а это значит, что Ему приятно было. Вы знаете, хорошо знаете, в какое расположение приводится наша душа, сколько радуется, и сколько услаждается благоуханиями. Итак, Писание не уклонилось сказать о Боге по человечески и столь уничижительно, чтобы показать людям, что их дары приятны были: делали же их приятными не запах и не дым, по намерению приносивших. Иначе и дары Каина были бы приятны. Потому (апостол) сказал, что Бог услаждается, и как услаждается; без этого люди не поняли бы. Итак, Он, не имеющий нужды, говорит, что столько услаждается (дарами), чтобы люди не сделались нерадивыми, узнав, что Он не имеет нужды. Когда же они впоследствии вознерадели о другой добродетели, понадеявшись только на жертвы, то смотри, как Он опять исправляет их, говоря: **"Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов?"** (Пс. 49:13). Подобно и Павел говорит: **"Не потому, чтобы я искал даяния. Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом"** (ст. 19).

4. Смотри, как он и молится подобно нищим. Если же Павел молится о дающих, то тем более мы, принимая (благодаяния), не должны стыдиться поступать таким образом. Мы не должны принимать, как будто сами имеем нужду, не должны и радоваться о самих себе, но о дающих. Таким образом, если мы радуемся о них, нам будет награда и тогда, как принимаем. Равным образом не будем негодовать, когда не дают, но лучше будем скорбеть о них. Таким образом сделаем и их усерднее, вразумив, что мы делаем это не для себя. **"Бог мой"**, – говорит, – **"да восполнит всякую нужду вашу"**, – или всякую благодать, или всякую радость. Но если разумеет всякую благодать, то говорит не об этой только земной милостыне, но о всяком добром деле; если же разумеет всякое требование (а об этом более, по моему мнению, и говорится), то он хочет объяснить следующее: так как прежде он сказал: **"Но вам не благоприятствовали обстоятельства"**, то здесь присовокупляет то же, что и в послании к Коринфянам, говоря: **"Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей"** (2 Кор. 9:10). Он молится им, чтобы им быть в изобилии, и иметь что сеять, – и молится не просто о том, чтобы быть в изобилии, но – **"по богатству"** Божью. Следовательно и это сделал применительно (к их состоянию). Если бы они были подобны (Павлу), столько же любомудры, и столько распяты (миру), то он не сделал бы этого. Но так как они были люди ремесленные, бедные, имели жен, воспитывали детей, управляли домами, и из малого давали ему, и при том еще имели некоторую привязанность и к вещам настоящим, – то он молится, снисходя (к их состоянию). нет ничего неприличного молиться о том, чтобы люди так пользовавшиеся (богатством) имели довольство и обилие. Итак, смотри же, о чем он молится: не сказал – (Бог) да делает вас богатыми и пребогатыми, – но что? **"Да восполнит всякую нужду вашу"**, так чтобы вам не быть в нужде, но иметь все потребное. Просить об этом заповедал и Христос в данной Им молитве, научал нас говорит: **"Хлеб наш насущный дай нам на сей день"** (Мф. 6:11). **"По богатству Своему"**. Что это значит? По щедродательности, т. е. поскольку для Него удобно и возможно сделать, и при том в скором времени. И так как сказал – **"Нужду"**, то чтобы не подумали, что он намерен ограничить их, присоединил: **"По богатству Своему в славе, Христом Иисусом"**. Вы будете, говорит, столько изобиловать во семь, сколько употребляете во славу Его. Итак, он говорит или то, что вы не будете иметь нужды ни в чем (**"И великая благодать"**, – сказано, – **"была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося"**) (Деян. 4:33,34), или побуждает их – все делать во славу Его, – как бы так сказав: пользуйтесь вашим достатком во славу Его. **"Богу же и Отцу нашему"**

слава во веки веков! Аминь" (ст. 20). А эта слава принадлежит не Сыну только, но и Отцу. Когда славится Сын, то славится и Отец. И так как он сказал, что это бывает во славу Христа, то, чтобы кто-нибудь не представлял (славы) Его одного, прибавил: **"Богу же и Отцу нашему слава"**, т. е. та самая, которая воздается Сыну. **"Приветствуйте всякого святого во Христе Иисусе"** (ст. 21). Немаловажно и это: и через послания приветствовать их есть знак великой любви. **"Приветствуют вас находящиеся со мною братия"**. Но ты говорил: **"Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас"**: как же теперь говоришь: **"Находящиеся со мною братия"**? Он или говорит о находившихся с ним братьях, показывая, что из них ни одного нет единомысленного, не касаясь тех, которые находились в город (да и какая им была нужда брать на себя дела апостольские?), или же он не отказывается называть и их братьями. **"Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами"**. Ободрил и одушевил их, показав, что проповедь дошла и до царского дома. Если находившиеся в царском дворце все презрели для Царя небесного, то гораздо более надлежало сделать это им. И то было доказательством любви Павловой, что он рассказывал и говорил о них многое и важное, чем и в царедворцах возбудил желание приветствовать их, хотя никогда их не видали. Велика была любовь между верующими в особенности вследствие того, что они тогда находились в угнетении. Каким образом? Так, что жившие в отдалении друг от друга были взаимно соединены, и находясь вдали, точно близ живущие, приветствовали друг друга и каждый был расположен к другим, как членам своим. Бедный был расположен к богатому, так же как и богатый к бедному; и никакого не было преимущества, потому что все равно были ненавидимы и гонимы за одно и то же. Подобно тому, как какие-либо пленники, вышедшие из различных городов, собравшись в один город, тесно между собою сдружаются, потому что общее бедствие соединяет их, – так точно и (верующие в то время, когда их соединяли общие страдания и скорби, имели великую друг к другу любовь.

5. Скорбь есть какая-то неразрывная связь, усиление любви, условие сокрушения (сердечного) и благомыслия. Послушай, что говорит Давид: **"Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим"** (Пс. 118:71); и еще другой пророк говорит: **"Благо человеку, когда он несет иго в юности своей"** (Плач. 3:27); и еще: **"Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи"** (Пс. 93:12); и некто иной говорит: **"Наказания Господня не отвергай"** (Прич. 3:11); и в другом месте: **"Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению"** (Сир. 2:1). Также и Христос говорил ученикам Своим: **"В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь"** (Иоан. 16:33); и еще: **"Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется"** (ст. 20); и еще: **"тесны врата и узок путь"** (Мф. 7:14). Видишь ли, что скорбь повсюду восхваляется, повсюду представляется необходимой для нас? Действительно, если и при внешних подвигах без нее никто не получает венца, – без того, чтобы укрепить себя трудами, отречением от пищи, правилами воздержания, бдениями и бесчисленными другими средствами, – то тем более здесь. Кого желаешь ты (представить)? Царя ли? Но и он ведет жизнь не беззаботную, напротив, полную многих скорбей и забот. Ты смотри не на Диадему, а на бурю беспокойств, от которой рождается для него смятение, не на порфиру, а на душу его, затуманившуюся более этой порфиры. Не столько венец охватывает голову, сколько беспокойство душу. Смотри не на множество телохранителей, но на множество печалей, – нельзя Ведь найти ни одного частного дома, который был бы исполнен таких забот, каких (исполнены) царские чертоги. Различные роды смерти каждодневно там ожидаются от своих же, и кровь видится и пред трапезой, и пред напитками. А в ночное время, как они часто вскакивают и вспрыгивают тревожимые мечтаниями, – этого и сказать нельзя! И это бывает в мирное время; а если настает война, то заботы еще более увеличиваются. Итак, что может быть жалостнее этой жизни? А

сколько беспокойства от своих – разумею подчиненных? Верно также и то, что царский помост всегда напитан бывает родственной кровью. Если угодно, я кое-что расскажу, – и вы тотчас узнаете, что это (действительно) так бывает. В особенности я скажу о (событиях) древних, впрочем хорошо сохранившихся в памяти, и о некоторых, случившихся в наши времена. Некто, говорят, подозревая жену в прелюбодеянии, привязал ее нагулю к горам и предал зверям, тогда как она была уже у него матерью многих царей. Какую же, вы думайте, он вел жизнь? Если бы он не истаивал от сильной страсти, то не употребил бы такого наказания. Он же самый умертвил и сына своего; к тому же брать его умертвил сам себя с детьми своими. А говорят, что он умертвил и брата своего. Еще – один сам себя лишил жизни, будучи схвачен тираном, а другой умертвил своего племянника, имевшего с ним участие в царстве, которое сам ему предоставил. Иной видел жену свою погибшей от лекарств: она не рождала, и какая-то несчастная и бедная женщина (подлинно несчастная и бедная, потому что своим искусством надеялась доставить дар Божий), давши лекарства, и царицу погубила, и сама вместе погибла. Другой опять после того умерщвлен ядовитыми лекарствами, и чаша была уже для него не питьем, но смертью. Сыну же его, не сделавшему никакого преступления, по страху будущего, был выколот глаз. Иной – нехорошо и сказать, насколько жалостно кончил жизнь! А из бывших после, один, как бы какой бедный и несчастный, сожжен был с лошадьми, домами и всеми другими вещами, жена же осталась вдовой. Невозможно и высказать, катя жизненные огорчения он принужден был претерпеть в то время, когда поднял оружие. И этот ныне царствующий не с того ли времени, как украшен диадемой, находится в трудах, опасностях, скорбях, печалях, напастях, и среди козней? Но царство небесное не таково: с приобретением его – мир, жизнь, радость и веселие. А (здешняя) жизнь, как я сказал, не может быть безбедной. Если состоят царское, в отношениях житейских блаженнейшее, исполнено таких несчастий, то что же сказать о состояниях частных? А сколько других зол, – и пересказать нельзя. Сколько и басен из этого составилось? Все почти трагедии, представляемые на сцене, взяты от царей, равно и мифы, в которых тоже большая часть заимствована из того, что в действительности было, почему они и доставляют удовольствие, каковы, напр., Фиестовы пиршества, и (миф о том) как весь этот дом погиб от несчастий.

б. Но это мы знаем из сочинений светских. Если же хотите, то мы скажем и от Писания. Саул первый царствовал, но вы знаете, как и он погиб, испытавши бесчисленные бедствия. После него Давид, Соломон, Авия, Езегая, Осия – также, потому что невозможно пройти настоящую жизнь без скорби, без трудов и без печали. Но мы скорбим не о том, о чем цари, а о том, от чего получаем великую пользу. **"Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению"** (2 Кор. 7:10). Об этом надлежит печалиться, об этом скорбеть, об этом сокрушаться. Так Павел сокрушался о согрешающих, о них он плакал: **"От великой скорби"**, – говорит он, – **"и стесненного сердца я писал вам со многими слезами"** (2 Кор. 2:4). Так как он не имел причины скорбеть о своих грехах, то скорбел о чужих, и так скорбел, что считал их собственными. другие соблазнялись, и он воспламенялся; другие были немощны, и он сочувствовал немощам (2 Кор. 11:29). Такая печаль – благо, она лучше всякой мирской радости. Кто сетует таким образом, того я предпочитаю всем людям; даже и сам Господь убажует этих плачущих, сострадательных. Не столько я удивляюсь Павлу, подвергавшемуся опасностям, или лучше, не мене удивляюсь ему по причин бедствий, от которых он умирал ежедневно, чем сколько это меня восхищает (т. е. что он скорбел за других). Это происходило от души боголюбивой и любвеобильной, от любви, какой сам Христос желал, от сострадания братского и отеческого, или даже гораздо большего, чем то и другое (сострадание). В таком должно быть расположении так должно плакать; такие слезы преисполнены великого веселья; такое рыдание есть условие радости. И не говори мне: какая польза от моих слез тем, о которых я плачу? Хотя мы ни мало не поможем

оплакиваемым, но самим себе без сомнения принесем пользу. Кто столько скорбит о (грехах) чужих, тот тем более будет скорбеть о собственных; кто так оплакивает чужие, тот и своих согрешений не оставит без слез, а вернее – даже не скоро и согрешит. Но, что всего ужаснее, мы, которым заповедано плакать таким образом о согрешающих, не показываем никакого раскаяния и в собственных (грехах); напротив, погибая (в беззакониях), не обнаруживаем ни малейшей скорби, и о всем заботимся более, о всем помышляем более, чем о своих согрешениях. Потому-то мы радуемся бесполезной мирской радостью, которая скоро исчезает и рождает бесчисленные горести. Итак, будем скорбеть скорбью, рождающей радость; не станем услаждаться радостью, рождающей скорбь. Прольем слезы, посевающие великое удовольствие, и не станем смяться смехом, рождающим для нас скрежет зубов. Будем печалиться печалью, от которой происходит отрада, и не будем искать увеселений, от которых рождается великая скорбь и болезнь. Потрудимся на земле мало, чтобы вкушать непрерывное веселье на небесах. Будем подвергать себя скорби в этой тленной жизни, чтобы в вечности получить покой. Не будем веселиться в кратком веке, чтобы не вздыхать в вечности. Или не видите, как многие скорбят здесь о вещах житейских? Подумай, что и ты один из таковых, и переноси скорбь и болезнь, укрепляясь надеждой из будущей (блага). Ты не лучше Павла, не лучше Петра, которые никогда не имели покоя, но провели всю жизнь в голоде, жажде и наготе. Если ты хочешь получить то же, что и они, то для чего идешь противоположным путем? Если хочешь достигнуть того града, которого удостоены они, то иди путем, ведущим туда. А ведет туда путь не отрады, но скорби; первый пространен, последний тесен. Пойдем же этим последним, чтобы нам получить вечную жизнь во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

БЕСЕДА 1

"Павел, волей Божьей Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (Кол. 1:1,2).

1. Все послания Павла святы; но те, которые он писал, находясь в узах, – каковы к ефессянам, к Филимону, к Тимофею, к филиппийцам, и каково это настоящее, – заключат в себе что-то более; а и это он послал, находясь в узах, как сам говорит: **"Дабы я открыл ее, как должно мне возвещать"** (Кол. 4:4). Но это послание, кажется, позднее послания к римлянам; последнее писал он, еще не видавши римлян, а это, когда уже видел их и приближался к концу проповеднического служения, что очевидно из следующего: в послании к Филимону он говорит: **"Не иной кто, как я, Павел старец"** (Флм. 9), и просить об Онисиме; а в этом посылает самого Онисима, как говорит: **"С Онисимом, верным и возлюбленным братом"** (Кол. 4:9), называя его верным, возлюбленным и братом. Потому в этом послании выражается уверенно: **"От надежды благовествования, которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной"** (Кол. 1:23), так как проповедь уже имела время. Послание же к Тимофею, думаю, написано позднее этого, – оно написано пред самой кончиной, так как в нем говорит: **"Ибо я уже становлюсь жертвой"** (2 Тим. 4:6). Но все же оно старше послания к филиппийцам, так как в нем является он при начале уз в Риме. Почему же я говорю, что эти послания заключают в себе нечто более? Потому, что он писал их, находясь в узах. Как писал бы мужественный воин с поля битвы, на котором он поставил трофеи, – так делает и он. Он сам знал, что это – дело великое. Так, пиша к Филимону, он говорит: **"Которого родил я в узах моих"** (Флм. 10). И это сказал, чтобы мы не только не унывали в бедствиях, но и радовались. При

этом был с ними Филимон, потому что и там говорит: **"И Архиппу, сподвижнику нашему"** (Флм. 2), и тут: **"Скажите Архиппу"** (Кол. 4:17). Мне кажется, что ему поручено было какое-либо церковное Дело. Павел не видел ни их, ни римлян, ни евреев, когда писал к ним. О последних упоминает он во многих местах, а о тех – послушай, что говорит: **"Ради всех, кто не видел лица моего в плоти"** (Кол. 2:1), и опять: **"Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами"** (Кол. 2:5). Он знал, что его присутствие везде весьма важно, а потому, и не находясь у них, он всегда представлял себя как бы находящимся: так, смотри, когда он наказывает блудника, он представляет себя на судилище: **"А я"**, – говорит, – **"отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас"** (1 Кор. 5:3); и опять: **"Приду к вам, и испытаю не слова возгордившихся, а силу"** (1 Кор. 4:19); и опять: **"Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего"** (Фил. 2:12). **"Павел, волей Божьей Апостол Иисуса Христа"**. Нужно сказать и о содержании, какое мы находим в послании. В чем же состоит оно? (Колоссяне) приводимы были к Богу через ангелов, держались многих иудейских и языческих обычаев: (в послании) это исправляется. Для того (Павел) в самом начале говорит: **"Волею Божьей"** (διὰ θελήματος θεοῦ), при чем опять употребил διὰ (через). **"и Тимофей брат"**. Следовательно и он был апостол; вероятно, знали и его. **"В Колоссах святым"**. Колоссы был город фригийский и, как известно, недалеко отстоял от Лаодикии. **"И верным братьям во Христе"**. Как, скажи мне, ты сделался святым? Почему называешься верным? Не потому ли, что освятился смертью Христа? Не потому ли, что веруешь во Христа? Как ты стал братом? Ведь ни в деле, ни в слове, ни в подвиге ты не показал себя верным: почему же, скажи мне, вверены тебе такие тайны? Не ради ли Христа? **"И верным братьям во Христе"**. Откуда вам благодать? Откуда мир? **"От Бога Отца нашего"**, – говорит. Но имени Христа он ни вносит сюда. Спрашиваю хулителей Духа: откуда Бог Отец рабов? Кто (из рабов) совершил столь великие дела? Кто сделал тебя святым? Кто – верным? Кто – сыном Божьим? Сделавший тебя достойным веры, – тот сам и виновник того, что тебе вверено.

2. Верными мы называемся не потому только, что веруем, но и потому, что Бог вверил нам тайны, которых прежде нас и ангелы не знали. Впрочем Павел полагает это безразлично. **"Благодарим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа"**. Мы кажется, он все относит к Отцу, так чтобы не вдруг обратиться к нему слово. **"Всегда молясь о вас"** (ст. 3). Он показывает любовь свою к ним не только благодарением, но и непрестанной молитвой, потому что и кого не видел, и тех всегда имел в себе. **"Услышав о вере вашей во Христа Иисуса"**. Выше упомянул о Господе нашем, а здесь об Иисусе Христе. Сам Он – Господь, говорит он, – не (сказал): рабы Иисуса Христа, – и вот знамения благодеяния: **"Ибо Он спасет людей Своих от грехов их"** (Мф. 1:21), сказал (евангелисте). **"Услышав о вере вашей во Христа Иисуса и о любви ко всем святым"** (ст. 4). Павел уже располагает их к себе; тот, кто возвещает это, бывает приятен. Послание отправляет он с Тихиком, которого удержал у себя. **"И о любви"**, – говорит, – **"ко всем святым"**, – а не к некоторым только, – следовательно и к нам. **"В надежде на уготованное вам на небесах"**: говорит о будущих благах. Это – против искушений, чтобы успокоения не искать здесь. А иначе кто-нибудь сказал бы: что пользы любить святых, когда они бедствуют? Мы радуемся, говорит, что вы стяжали себе великие (блага) на небесах. **"В надежде на уготованное"**: указывает на нечто безопасное. **"О чем вы прежде слышали в истинном слове"**. Это – укорительное слово для них за то, что, имя с давнего времени, они изменили. **"О чем вы прежде слышали"**, – говорит, – **"в истинном слове благовествования"** (ст. 5). И истину свидетельствует словом – справедливо, потому что лжи в нем нет. **"Благовествования"**: не говорит – проповеди, но называет благовествованием, непрестанно напоминал им о благодеяниях Божьих, и самое напомяние им об этом делает, сперва похвалив их. **"Которое пребывает у вас, как и во всем мире"**. Здесь уже (Павел) говорит приятное им. **"Которое пребывает у вас"** –

сказано метафорически: не то, что пришло оно, говорит, и удалилось, но там остается и пребывает. Потом, так как многие тогда особенно утверждают в учении, когда имеют многих союзников, то и прибавляет: **"Как и во всем мире"**. Оно везде присуще, везде владычествует, везде стоит. **"И приносит плод, и возрастает, как и между вами"**. Плодоносно оно делами, растимо – тем, что многих принимает, что более утверждает; Ведь и растения тогда бывают густы, когда растение стоит твердо. **"Как и между вами"**. Похвалами (Павел) наперед овладевает слушателем, чтобы он не удалился против воли. **"С того дня, как вы слышали"**. Удивительно, что вы скоро пришли и уверовали и тотчас в самом начал показали плоды. **"С того дня, как вы слышали и познали благодать Божью в истине"** (ст. 6), – не в речи, не в обмане, а в самых делах. Это выражает он словом: "приносит плод", то есть богато знаменаниями и чудесами, которые вы тотчас приняли, как скоро познали благодать Божью. А что тотчас показывает свою силу, тому разве не тяжело не верить? **"Как и научились от Епафраса, возлюбленного сотрудника нашего"**: он, вероятно, там проповедовал, – от него узнали вы евангелие. Потом, показав, что этот муж достоин доверия, говорит: **"Сотрудника нашего, верного для вас служителя Христова, который и известил нас о вашей любви в духе"** (ст. 7,8). Не сомневайтесь, говорит, касательно будущей надежды, – видите, что вселенная обращается. И нужно ли говорит, что происходит у других? Помимо этого, и происходящее у вас достойно веры, – потому что **"познали благодать Божью в истине"**, то есть в делах. Этими двумя (вещами) утверждается будущее – тем, что все уверовали, и тем, что – вы. И не иное произошло, а иное говорил Эпафрас, – нет, говорит, – он **"верного"**, то есть истинен. Но почему он – **"для вас служителя"**? Потому, что пошел (к Павлу): **"Который и известил нас"**, – говорит, – **"о вашей любви в духе"**, т. е. духовную любовь к нам. Если же он – служитель Христов, то как вы говорите, что приведены через ангелов? **"Который и известил нас"**, – говорит, – **"о вашей любви в духе"**: это любовь дивная и твердая, тогда как другие носят только имя любви. Некоторые бывают не таковы; но это – не дружба, а потому и легко расторгается.

3. Много есть случаев приобретать дружбу; о постыдных мы теперь упоминать не будем, – никто ведь не станет возражать против того, что они дурны, – но, если хотите, выведем наружу случаи естественные и житейские. Житейские бывают, например, те, когда кто-либо получает (от другого) нечто доброе, приобретает друга от предков, разделяет с кем-нибудь трапезу или путешествие, либо живет в соседстве. Хороши и эти случаи. К ним относится также одинаковость занятий, хотя тут не бывает искренности, тут – место ревности и зависти. Естественные же случаи дружбы, например, отца к сыну, сына к отцу, брата к брату, дела к внуку, матери к детям, – прибавим, если угодно, – и жены к мужу, – потому что все случаи брачные принадлежат к числу житейских и земных. Последние кажутся сильнее первых; говорю – кажутся, потому что часто преодолеваются первыми: иногда друзья (по житейским отношениям) бывают искреннее расположены, чем братья (к братьям) и сыновья к отцам; иной, и состоя в родстве, не поможет, а иной, не будучи и знакомь, придет и поможет. Но любовь духовная – выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, владычествует над своими, и потому блистательнее (их) одета; ничто земное не рождает ее, как ту, – ни привычка, ни благодеяние, ни природа, ни время; она нисходит свыше, с небес. И что удивительного, если для своего существования она не имеет нужды в благодеянии, если и от злостраданий не гибнет? А что она более той, выслушай слова Павла: **"Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих"** (Рим. 9:3). Какой отец пожелал бы (ради детей) быть в несчастье? И опять: **"Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас"** (Фил. 1:23,24). Какая мать решилась бы сказать это, выражая пренебрежете к детям? И опять послушай, что говорит: **"Быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем"** (1 Фес. 2:17). Там отец, будучи оскорблен, прекращает дружбу; а здесь не так здесь он идет к побивавшим его камнями, с целью

благодетельствовать им. Нет ничего, подлинно ничего столь крепкого, как узы духа. Кто становится другом, получая благодеяния, тот, если они не будут непрерывны, делается врагом; кто стал неразлучен по привычке, тот, когда привычка прервется, погашает дружбу. Жена, когда (между супругами) происходит драка, оставляет мужа и прекращает любовь; сын, когда видит, что отец его долго живет, начинает тяготиться. Но в любви духовной нет ничего такого: она ничем таким не разрушается, так как и состав ее не таков. Ни время, ни долгий путь (жизни), ни злострадание, ни выслушивание неприятностей, ни гнев, ни оскорбление, – ничто не проникает в эту любовь и не может разрушить ее. Знай, – Моисей побиваем был камнями (от евреев) и просил за них (Исх. 17). Какой отец сделал бы это за (сына) бросившего в него камень? Напротив, не напал ли бы он на него сам? Этой-то дружбы духовной должны мы искать, потому что она крепка и неразрывна, а не (дружбы) застольной, которую туда (в жизнь духа) и вводить возбраняется. Послушай, в самом деле, что говорит Христос в Евангелии: **"Не зови друзей твоих, ни соседей богатых, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых"** (Лк. 14:12,13). И это справедливо, – потому что за них (назначена) великая награда. Но ты но можешь, ты не в силах пировать с хромыми и слепыми, ты считаешь это тяжелым и скучным? Не следовало бы, конечно (избегать этого); впрочем в этом нет необходимости: если уже ты не сажаешь их с собою, то посылай к ним кушанья с своего стола. Ведь кто пригласил друзей, тот не сделал ничего великого, и здесь уже получил награду; а кто приглашает маломощного и бедного, тот имеет своим должником Бога. Итак, мы должны скорбеть не о том, что не получаем здесь (воздаяния), а о том, что получаем, потому что там уже не получим. Или, что то же, если человек воздаст, Бог не воздаст; а если не воздаст человек, воздаст Бог. Постараемся же благодетельствовать не тем, которые могут воздать нам, и благодетельствовать не с такими надеждами: это – холодный расчет. Если приглашаешь друга, то приобретаешь благодарность до вечера, следовательно эта временная дружба истрачивается скорее издержек: если яге зовешь бедного и маломощного, то благодарность никогда не гибнет, потому что (в этом случае) ты имеешь должником Бога, который всегда помнить и никогда не забывает. И как велика, скажи мне, мелочность души – не смочь посидеть с бедными! Что говоришь ты? Бедный нечисть, грязен? Так умой его, и потом веди за свою трапезу. У него изорванная одежда? Перемени же ее и дай ему чистое платье.

4. Не видишь ли, сколько тут пользы? Через него приходишь к тебе Христос, и ты из-за него уничижаешь Христа? Приглашая к трапез Царя, ты в лиц бедных боишься Его? Пусть будут поставлены два стола, и один будет полон этими – слепыми, сгорбленными, хромыми, не имеющими те руки, те голени, не обутыми, покрытыми только верхней одеждой, да и то изорванной: а за другим пусть сядут вельможи, военачальники, местоблюстители, великие правители, облеченные дорогими одеждами и тонкими тканями, и опоясанные золотыми поясами. Опять, там – на трапезе бедных пусть не будет ни серебра, ни избытка вина, а лишь сколько нужно, чтобы развеселить человека, кубки же и прочие сосуды пусть будут только стеклянные; напротив здесь – на трапезе богатых все сосуды пускай будут из серебра и золота, а полукруглый стол пусть будет такой, что одному нельзя будет и снести его, и только два прислужника едва смогут его двинуть, пусть и чаша будет вызолоченная, весом в пол-таланта, так чтобы с трудом могли нести ее два юноши, пускай также стоит здесь целый ряд амфор, блестящих не серебром, но гораздо лучше – золотом, и полукруглый стол пусть будет весь накрыт мягкой скатертью. Опять – здесь пускай стоит много слуг, разукрашенных нарядами не меньше, чем возлежащие, и пусть будут они блистательно одеты, в широких шароварах, прекрасны видом, цветущи возрастом, сильные и полнотелые; а там пускай стоят только два служителя, поправшие всякую пышность. И пред этими пусть будет поставлено много дорогих кушаний, а пред теми лишь столько, сколько нужно для утоления голода и подкрепления (человека). Довольно ли сказал я? Надлежащим ли образом приготовлены

обе трапезы? нет ли в чем недостатка? Не думаю; я коснулся и гостей, и многоценности сосудов, и убранств, и яств. Впрочем, если что и пропустили мы, то пропущенное найдем в дальнейшей речи. Итак, когда та и другая трапеза получила у нас приличный вид, – посмотрим, где вы возляжете. Я-то пойду туда, где сидят слепые и хромые; а многие из вас изберут, быть может, эту торжественную и блестящую трапезу военачальников. Посмотрим же, которая исполнена большего удовольствия. Будущего мы не станем еще исследовать, потому что в будущем-то преимущество моя. Почему? Потому что за нею будет возлежать Христос, а за этой – люди, за той Владыка, а за этой рабы. Но об этом пока не будем говорить, а посмотрим, за которой трапезой больше удовольствия в настоящем. И с этой стороны удовольствие (сидеть с бедными) более велико: возлежание за трапезой с царем приносить конечно больше удовольствия, чем возлежание с рабами; но исключим это и исследуем дело само по себе. Я и другие, вместе со мною избравшие эту трапезу, с большой свободой и смелостью будем обо всем говорить и слушать друг друга; а вы, страшась и трепеща, и стыдясь совозлежащих, не дерзнете даже протянуть руку, точно пришли не на обед, а в школу, и точно трепещете пред жестокими господами. Не так бывает у тех. Но какая великая честь, скажешь ты! Да, я пользуюсь большей честью. Ваше ничтожество тогда-то резко и обнаруживается, когда, принимая участие в этой трапезе, вы говорите рабски, потому что раб тогда-то особенно и является рабом, когда возлежит за трапезой с господином. Находясь там, где ему не следует быть, он через это сближение не столько получает чести, сколько, подвергается унижению, – тогда именно он и бывает очень унижаем. И раба увидишь ты славным, когда он – сам по себе, и бедного славным, когда он – сам по себе, а не тогда, когда идет рядом с богатым. Низкое тогда является низким, когда стоять подле высокого: от сравнения низкое становится ниже, а не выше. Таким же образом возлежание с теми за трапезой ничтожнее делает вас, а не нас. Мы имеем преимущество пред вами в двух отношениях, – в свободе и чести, с которыми, когда Дело идет об удовольствии, ничто сравниться не может. Лучше соглашусь я питаться хлебом, наслаждаясь свободой, чем многочисленными кушаньями, терпя рабство. **"Лучше", – говорит (Премудрый), – "блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть"** (Прич. 15:17). Ставшие в ряд нахлебников или сделавшиеся еще хуже их, что ни говорили бы, необходимо должны либо хвалить присутствующих, либо оскорблять их. Они, хотя со стыдом и досадой, все же имеют смелость говорить; а у вас нет и этого. Таково ваше ничтожество: вы боитесь и ползаете, а чести никакой. Итак, та трапеза лишена всякого удовольствия; а эта напротив исполнена всяческой утехы.

5. Но исследуем и самое свойство кушаний. Там, хотя и не хочешь, По необходимости вредишь себе множеством вина; а здесь, кто не желает, может не есть и не пить. Таким образом там и предшествующее чувство унижения, и последующая за пресыщением тягость уничтожают удовольствие, возбуждаемое качеством кушаний. А действительно, пресыщение не менее, чем голод, даже гораздо сильнее, разрушает тела и подвергает их болезням. Дай мне кого хочешь, я скорее расторгну его пресыщением, чем голодом: бесспорно последний сноснее первого. Голод можно перенести дней двадцать; а пресыщения не перенести и два дня. Непрестанно борясь с голодом, поселяне пользуются здоровьем и не нуждаются во врачах; а этого, разумею пресыщения, не могут выдержать и те, которые то и дело призывают врачей, – или, лучше сказать, тиранство его часто посрамляет их помощь. Итак, что касается до удовольствия, – трапеза бедных имеет преимущество. Если быть в чести приятнее, чем в бесчестии, иметь власть приятнее, чем подчиняться, сохранить смелость приятнее, чем трепетать и бояться, наслаждаться, сколько нужно, приятнее, чем свыше меры погружаться в волнах роскоши, – то в отношении к удовольствию эта трапеза лучше той. Лучше она и по отношению к издержкам: та разорительна, а эта нет. Но что? Возлежащим ли только приятнее эта трапеза, или и приглашающему приносить она больше удовольствия, чем та? Вот то, о

чем особенно спрашивается Созывающий (знатных) готовится за много дней, принужден бывает хлопотать, заботиться и беспокоиться, забыть сон ночью и отдых днем, должен о многом думать сам с собою, разговаривать с поварами, с пекарями, с устроителями трапезы. Потом, когда наступил назначенный день, видишь, что он более беспокоен, чем тот, кто вступает в бой, как бы не случилось чего непредвиденного, как бы не стали говорить худо, как бы не нажать многих обвинителей. Напротив этот (приглашающий бедных), приготовляя трапезу по домашнему и не тревожась о ней за много дней, свободен от всех таких забот и хлопот. И после этого, тот немедленно лишается благодарности, а этот имеет своим должником Бога и питается благими надеждами, находя в своей трапезе пищу для ежедневного ликования. Хлеб иждивается, а благодать не иждивается, но ежедневно радуется и веселит более, чем (сколько веселятся люди) обильно напояемые вином. Ничто столько не питает души, как добрая надежда и чаяние благ. Но посмотрим еще, что следует за этим. Там – флейты, цитры и свирели; здесь – ни одной неприличной песни, – а что? – гимны и псалмопения; там воспеваются демоны, здесь – Бог, Владыка всяческих. Смотри, сколько благодарности здесь, и сколько непризнательности и бесчувственности там. Скажи мне: Бог напитал тебя Своими благами, и напитавшись, надобно бы благодарить Его; а ты вводишь демонов? Ведь под свирель распеваются песни демонам. Надлежало бы сказать: благословен Ты, Господи, что напитал меня Твоими благами; а ты, будто какая не знающая чести собака, даже не помнишь (о Боге), а вводишь демонов? Да и собаки, – получают ли что, или не получают, – ласкаются к домашним; а у тебя и этого нет. Собака, и ничего не получая, ласкается к господину; а ты, и получая, лаешь на него. Опять, – собака, и благодетельствуемая чужим, не оставляет от того вражды к нему и не вступает с ним в дружбу; а ты, и терпя от демонов бесчисленные злодеяния, вводишь их на обеды. Поэтому ты вдвое хуже собаки. Кстати вспомнил я теперь о собаках, применительно к людям, благодарным за получаемое ими добро. Устыдитесь, прошу вас, собак, которые и голодая ласкаются к господам, тогда как ты, слыша, что кому-нибудь послужил демон, тотчас оставляешь Господа, о, бессмысленнейший собаки! Но блудницы, говоришь, возбуждают, когда смотрят на них, удовольствие. Какое удовольствие? Не всяческое ли бесчестие? Дом твой сделался домом непотребства, бешенства и неистовства, – и ты не стыдишься называть это удовольствием? Ведь если позволительно наслаждаться всеми удовольствиями, то величайшим срамом будет и происходящее от них огорчение. Каким образом? Не тяжело ли дом свой сделать непотребным, и наслаждаться удовольствием, подобно свиньям, валяющимся и грязи? Если же это так только по наружности, то опять великое горе, потому что воззрение – не удовольствие, когда за ним не следует дело, но большее пожелание и сильнейший огонь. А хочешь ли знать конец? Те, вставая из-за стола, уподобляются неистовым и беснующимся, обнаруживают дерзость, задорливость, и бывают смешны даже для рабов, так как и домочадцы выходят трезвыми, а они пьяными. Какой срам! Здесь же, напротив, не бывает ничего такого, – здесь обедавшие, заключив трапезу благодарением, возвращаются в свои дома и радостно засыпают, радостно пробуждаются и бывают свободны от всякого стыда и ответственности.

6. Если хочешь видеть и самих званых, то увидишь их такими же внутренне, каковы эти внешне, то есть слепыми, калеками, хромыми. И каковы у этих тела, таковы у тех души – пораженные водянкой и воспалением: такова именно надменность. После роскошного пира бывает уродство: таковы именно пресыщение и пьянство, делающие, людей хромыми и кривыми. А этих увидишь ты таковыми же по душе, каковы те по телу, т. е. светлыми, украшенными: проводя жизнь в благодарении, не ища ничего, кроме довольства, и любомудрствуя, они через это бывают всегда веселы. Посмотрим здесь и там на конец. Там необузданное удовольствие, громкий хохот, пьянство, остроты, срамословие; если сами они стыдятся произносить постыдное, то это делается через блудниц; напротив здесь – человеколюбие кротость. Того, кто зовет тех, вооружает

тщеславие; а кто приглашает этих, тот возбуждается человеколюбием и кротостью; эту трапезу устраивает человеколюбие, а ту – тщеславие и жестокость в связи с несправедливостью и любостязанием. Та оканчивается, как я сказал, надменностью, исступлением, неистовством, – таково именно порождение тщеславия, – а эта благодарением и славой Божьей. Та больше восхваляется людьми (чем эта); тому и завидуют, а этого все, даже и не облагодетельствованные, почитают как бы общим отцом. И как не обиженные состраждут обиженным и все сообща бывают врагами (обижающих), так и не облагодетельствованные сочувствуют облагодетельствованным и вместе хвалят и прославляют сделавшего благодеяние. Там много ненависти; а здесь много попечения, много от всех молитв. Это так теперь; тогда же, когда Христос придет, этот станет с великим дерзновением и пред всей вселенной услышит: ты видел Меня алчущим, и напитал, нагим, и одел, – странником, и ввел, и т. д., а тот выслушает противное: лукавый раб и ленивый (Мф. 25:35), и опять: горе нежащимся на постелях своих и спящим на ложах из слоновой кости, пьющим процеженное вино и мажущимся первейшими мазями, как бы думали они стоять, а не бежать (Амос. 6:4,5). Это сказано нам не просто, но с тем, чтобы вы изменили свои помыслы и не делали ничего бесполезного. Почему же, скажешь, не делать мне и этого и того? Такой вопрос все то и дело повторяют Но, скажи мне, что за необходимость, имея возможность все делать с пользой, разделять (свои действия), и одни направлять не только к ненужному, но и к суетному, а другие к полезному? Скажи мне, если бы во время посева одни семена бросил ты на камень, а другие на добрую землю, – было ли бы это для тебя безразлично, и сказал ли бы ты: какой тут вред, что те семена бросили мы по пустому, а эти на добрую землю? Почему же бы все не на добрую? Для чего уменьшать пользу? Когда нужно бывает приобретать деньги, – ты не говоришь этого, но отовсюду приобретаешь; а там – не так. Когда нужно бывает пустить деньги в рост, – ты не говоришь: для чего одни давать бедным, другие богатым, но – все тем? Почему же таким образом не рассчитываешь и здесь, где столько пользы, и позволяешь себе попусту тратиться и суетно растрчивать (свое имущество)? Но и в этом, говоришь, есть польза. Какая, скажи мне? Это увеличит дружбу. нет ничего холоднее людей, делающихся от этого друзьями, – от трапезы и паразитного пресыщения; нет ничего неприятнее дружбы, получившей такое начало. Не оскорбляй того дивного дела, – той любви (*αγάπη*), и не говори, что она есть корень твоей трапезы; иначе ты сказал бы подобное тому, кто утверждал бы, что корень дерева, приносящего золото и драгоценные камни – не таков же, но что это рождается из гнили. Хотя бы твоя дружба отсюда родилась, ничего не было бы холоднее ее. Те трапезы устанавливают дружбу не к людям, а к Богу, и (та дружба) определена постановлениями, как (и трапезы) определены ими. Кто истрачивает иное там, иное здесь, тот хотя бы и много дал, не сделал ничего великого; а кто все истрачивает здесь, тот хотя и немного дает, все совершает. Вопрос – не в том, чтобы дать много или мало, а в том, чтобы дать не меньше, чем сколько можешь. Припомним пять талантов и два таланта; припомним положившую две лепты; припомним вдовицу во времена Илии. Не сказала та, положившая две лепты: какой вред, если одну лепту удержу у себя и одну дам? Нет, она отдала все свои средства. А ты, живущий в столь великом изобилии, скупее ее. Итак, не будем нерадивы о своем спасении, но позаботимся о милостине. Ничего нет лучше ее; это покажет время будущее, это же показывает и настоящее. Будем же жить во славу Бога, и творить то, что Ему благоугодно, чтобы удостоиться нам обетованных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2

"Посему и мы с того дня, как о сем услышали, не перестаем молиться о вас и просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении

духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога" (Кол. 1:9–10).

1. **"Посему и мы"**: чего ради? Ради того, что мы слышали о вашей вере и любви. Имя добрую надежду, мы благонадежны в своих прошениях и на будущее время. Как на арене мы особенно возбуждаем тех, которые близки к победе, так и Павел особенно увещевает их, обнаруживших большие успехи в добродетели. **"Как о сем услышали"**, – говорит, – **"не перестаем молиться о вас"**. Не один день провели мы в молитв, не два, не три. Этим показывает он и свою любовь, и слегка намекает, что они еще не дошли до конца, – это выражается словами: **"Чтобы вы исполнялись"**. И заметь благоразумие этого блаженного (апостола): нигде не говорит, что они лишены всего, но везде – что им недостает. Это значит выражение: **"Чтобы вы исполнялись"**; и опять: **"Во всем угождая, во всяком деле благом"**; и еще: **"Укрепляясь всякой силою"**; и: **"Во всяком терпении"**. Говоря: **"Во всяком"**, свидетельствует, что они нечто совершили, хотя и не все. **"Чтобы вы исполнялись"**, говорит, а не (говорит): да примете, – потому что приняли; напоминает о недостающем – **"чтобы вы исполнялись"**. Таким образом и обличение было не тяжелое, и похвала не давала им пасть и сделаться беспечными, будто все исполнено. Но что значит: **"чтобы вы исполнялись познанием воли Его"**? То, что вы должны быть приведены к Нему через Сына, а не через ангелов. Что должны быть приведены, это вы познали; теперь остается вам еще узнать, для чего послал Он Сына. Ведь если бы спастись надлежало через ангелов, Он не послал бы и не предал бы Сына. "во всякой премудрости", – говорит, – "и разумении духовном". Так как философы обманывали их, то я хочу, говорит, чтобы вы водились мудростью духовной, а не человеческой. Если же для уразумения воли Божьей нужна мудрость духовная, то для уразумения сущности ее (мудрости духовной) нужны непрестанные молитвы. И Павел показывает здесь, что с того времени он молится, и не окончил молитвы, и не оставил ее, – это и значит выражение: **"Как о сем услышали"**. Таким образом он поставляет им на вид великое осуждение, если с того времени, вспомоществуемые молитвами, они не исправились. **"И просить"**, – говорит, то есть, с великой ревностью, – на это указывает слово: узнали (ἐγυνωτε). Но чтобы **"поступали достойно Бога"**, нужно еще нечто **"познать"** (ἐπιγνώσκειν), – чем указывается на жизнь и дела, так как он и это всегда делает, всегда с верой соединяет образ жизни. **"Во всем угождая"**. Каким же образом – **"во всем угождая"**? **"Во всем угождая"**. Как Он вообще открыл Себя вам, говорит, и как такое знание вы приняли, так проявите и жизнь) достойную веры; а наша вера требует особенной жизни, гораздо высшей, чем древняя. Ведь кто знает Бога и удостоился быть рабом Божьим, даже сыном, – от того, смотри, какая требуется добродетель. **"укрепляясь всякой силою"**. Здесь (Павел) говорит об искушениях и гонениях: молимся, **"чтобы вы исполнялись, укрепляясь"**, чтобы, то есть, вы не предались нерадению и отчаянию. **"По могуществу славы Его"**. Чтобы вы восприняли, говорит, такое рвете, какое прилично приписать сил славы Его. **"Во всяком терпении"** (ст. 11). Смысл этих слов такой: мы усиленно молимся, говорит, чтобы вы вели жизнь добродетельную и достойную вашего звания, и стояли твердо, как следует укрепляемые от Бога. Поэтому пока еще не касается догматов, но вращается в жизни, в которой не видел ничего, заслуживающего обвинения, и, похвалив их, за что надлежало, потом уже переходить к обвинению. Так поступает он и везде: когда пишет к кому-либо, намереваясь за одно обвинить, а за другое и похвалить, то прежде хвалить и потом уже переходить к обвинениям; прежде располагает к себе слушателя и ограждает обвинение от всякого подозрения, показывая, что он хотел все только хвалить, и что лишь по необходимости входить в эти обвинительные рассуждения. Так поступает он и в первом послании к Коринфянам (гл. 5): воздав им множество похвал за то, что они любят его, он потом, начав от блудника, переходить к обвинению. Но и послании к галатам – уже не так, а напротив (гл. 1); впрочем, кто глубже исследует, тот найдет, что и это обвинение предполагает похвалу. Так как в то время нельзя было сказать ни о каком

добром их поступке, а обвинение было велико, все развратились, и имели силу перенести (обвинение), то он начинает обвинением, говоря: **"Удивляюсь"** (Гал. 1:6), – что также есть похвала, – а потом хвалить их не за настоящее, а за прошедшее, говоря: **"если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне"** (Гал. 4:15).

2. **"Принося плод"**, – говорит, – это о делах; **"укрепляясь"**, – это об искушениях. **"Во всяком терпении"**, то есть, в долготерпении друг к другу, а в терпении относительно внешних, так как долготерпение бывает там, где можно бы и отомстить, а терпение там, где месть невозможна. Потому Богу никогда не приписывается терпение, а долготерпение всегда. Так говорит этот блаженный, пиша и в другом месте: **"Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божья"** (Рим. 2:4)? **"Во всяком"**. Не то, что теперь только, а после уже нет. **"Во всякой"**, – говорит, – **"премудрости и разумении духовном"**, – так как иначе нельзя познать волю Его. Хотя и думали они, что знают волю Божью, но это была мудрость не духовная. **"Чтобы поступали"**, – говорит, – **"достойно Бога"**: это – путь наилучшей жизни, когда кто познал Божье человеколюбие; а познает его тот, кто может видеть преданного Сына, – он будет иметь большее рвение. Впрочем мы не о том только молимся, чтобы вы знали (волю Божью), но чтобы показывали это и самыми делами, так как знающий и не делающий будет наказан. **"Чтобы поступали"**, говорит, то есть, всегда, не однажды, а во всякое время. Как ходить нам необходимо, так и правильно жить; и такую жизнь справедливо называет он хождением, показывая, что эта-то жизнь предложена нам, и что мирская не такова. И велика похвала в словах его: **"Чтобы поступали достойно Бога"**, и: **"Во всяком деле благом"**, т. е., чтобы вы всегда возрастали и никогда не останавливались, и метафорически: **"Принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога"**, т. е., чтобы вы столько облеклись в силу Божью, сколько это возможно человеку. **"По могуществу Его"**. Велико утешение. Не сказал: по сил, но – по державе, что больше. **"По могуществу"**, – говорит, – **"славы Его"**, так как везде владычествует слава Божья. Уже тем был утешен, что вы, терпя поношение, снова ходите достойно Господа. Это говорит он о Сыне, Который владычествует всюду – и на неб, и на земле, слава Которого всюду царить. Не просто говорит: смогли, но: смогли, как свойственно рабам столь сильного Владыки. **"В познании Бога"**. Вместе касается и условий знания: но знать, как надобно, Бога – это значит заблуждаться. Вы должны, говорит, возрастая в познании Бога. Если незнающий Сына не знает и Отца, то справедливо требуется познание, так как без него нет никакой пользы от жизни. **"Во всяком терпении"**, – говорит, **"и великодушии с радостью, благодаря Бога"**. Намереваясь потом убеждать их, он вначале не упомянул, что отложено им в будущем, а только намекнул об этом, говоря: **"в надежде на уготованное вам на небесах"**; здесь же упоминает о том, что уже было, потому что это служить причиной того. Так поступает он и во многих случаях, потому что сбывшемуся уже больше верят, и сбывшееся больше занимает слушателя. **"С радостью"**, – говорит, – **"благодаря Бога"**. Последовательность мыслей такова: мы не перестаем молиться о вас и благодарить Бога за прежнее. Видишь ли, как приступаете он к слову о Сыне? Ведь если благодарим с великой радостью, то велико и то, о чем говорится. Можно благодарить и по одному страху, можно благодарить и находясь в скорби, как напр., благодарил поверженный в скорбь Иов, почему и сказал: **"Господь дал, Господь и взял"** (Иов. 1:21). Пусть никто не говорит, что случившееся с ним не возбуждало в нем скорби и не повергало его в уныние; пусть никто не отнимает великой похвалы у праведника. Если же так, то не по страху, не по боязни пред властью только, а по самому свойству вещей, мы благодарим **"призвавшего нас к участию в наследии святых во свете"** (ст. 12). О великом деле сказал он. Дарованное, говорит, таково, что оно не только дано, но и сделало нас сильными для принятия (дарованного). Итак слово: **"призвавшего"** (сделавшего нас способными – τῶ ἰσχυρόσάντι) имеет здесь важное значение. Пусть бы например кто-нибудь из низкого звания сделался и царем; в его власти вверить начальство кому захотит; однако ж он в состоянии даровать только

достоинство, а не самую способность начальствовать (а часто честь делает такого человека смешным); если бы он и достоинство дал ему, и сделал его способным к чести и годным к управлению, в таком случае честь была бы на деле. То же самое говорится и здесь, что Он не только даровал нам честь, но и сделал нас сильными к принятию ее.

3. Действительно, двойная честь – дать, и приготовить способность (для принятия) дара. (Павел) сказал не просто – давшего, но: **"призвавшего"** (ἰκανώσαντι) **"нас к участию в наследии святых во свете"**, то есть, поставившего нас со святыми. При том сказал не просто – поставившего, но и – позволившего наслаждаться теми же благами, так, как частью (**"к участию"**) называется то, что получает каждый. Ведь можно жить в том же городе, не пользуясь теми же выгодами; не иметь ту же часть, не пользуясь теми же выгодами, нельзя. Можно принадлежать к тому же наследию, и не иметь той же части, – например, все мы принадлежим к наследию, но не ту же все имеем часть. Впрочем здесь говорит он не об этом, а о части с наследием. Для чего же называет это наследием? С целью показать, что добрыми своими льдами никто не приобретает царства, но как наследие зависит больше от счастья, так и здесь: никто не обнаруживает такой жизни, чтобы быть достойным царства, – все есть дар Божий. Потому-то говорит (евангелист): **"Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать"** (Лк. 17:10). **"К участию в наследии святых во свете"**, то есть, в знати. мне кажется, что это говорит он и о настоящем, и о будущем. Потом показывает, чего мы удостоены. Не то только удивительно, что мы удостоены царства, но – должно еще прибавить, что удостоены будучи таковыми; а это не все равно, как и говорит (апостол) в послании к римлянам: **"Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть"** (Рим. 5:7). **"Избавившего нас"**, – говорит, – **"от власти тьмы"**. Все зависит от Него – и это дать, и то, потому что ни у кого из нас нет доброго дела. **"От власти тьмы"**, – говорит, то есть, от заблуждения и от власти дьявола. Не сказал просто: от тьмы, но от власти, так как (дьявол) над нами имеет великую силу и господствует. Тяжко быть и просто под дьяволом, а (под дьяволом) со властью – и того тяжелее. **"И введшего"**, – говорит, – **"в Царство возлюбленного Сына Своего"** (ст. 13). Итак, (Господь) явил Свое человеколюбие не в освобождении только нас от тьмы. Великое конечно дело и освободиться от тьмы; но быть введенным в царство еще больше. Смотри же, как многосложен дар: Он освободил нас, лежащих на дне, и не только освободил, но и перевел в царство. **"Избавившего нас"**. Не сказал – изверг, но – избавил (ἐρρύσαστο, исторг), показывая с одной стороны несчастное состояние наше и плен тех, с другой – беспрепятственность силы Божьей. **"И введшего"**, – говорит, как бы кто война перевел с места на место. И не сказал – перевел, или – переместил, так как всем этим выражалось бы переложение, а не переходение, но – переставил, – так что это было и нашим и Его делом. **"В Царство возлюбленного Сына Своего"**. Не просто сказал: в царство небесное, но сообщил слову большую важность, назвав (царство небесное) царством Сына, потому что нет похвалы больше этой, как и в другом месте он и говорит: **"Если терпим, то с Ним и царствовать будем"** (2 Тим. 2:12). Того же удостоил нас, говорит, чего и Сына, и к этому еще прибавил – возлюбленного. Омраченных врагов вдруг переставил туда, где Сын, облек одинаковой с Ним честью. Не удовлетворился и этим одним, но, чтобы показать великость дара, не счел достаточным сказать – царство, а прибавил еще – Сына; и этого не довольно, – присоединил – возлюбленного; даже и этим не ограничился, но показал (божественное) достоинство Его естества. Что именно говорит? **"Который есть образ Бога невидимого"**. Впрочем не вдруг пришел к этому, но привнес благодеяние к нам; чтобы ты, слыша, что все есть дело Отца, не подумал, будто Сын исключается, он все дает и Сыну, дает и Отцу: Сын переставил, а Отец подал причину. Что именно говорит? **"Избавившего нас от власти тьмы"**; а это – то же, что: **"В Котором мы имеем искупление Кровью Его и прощение грехов"**, – потому что, если бы не были оставлены нам грехи, то не были бы мы и переставлены. Вот здесь опять – **"в**

Котором". И не сказал: освобождение (λύτρωσις), а **"искупление"** (ἀπολύτρωσις), чтобы уже больше не падать и не делаться мертвыми. **"Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари"**. Здесь мы встречаемся с возражением еретиков, а потому сегодняшнюю беседу надобно перенести на завтра, чтобы предложить ее освеженному вашему слуху. Если же сверх того надлежит сказать нечто, так это то, что большее дело есть дело Сына. Каким образом? Таким, что одно было невозможно, т. е. пребывающим во грехах даровать царство, а другое было легче, т. е. уготовить путь дару. Что ты говоришь? Он сам отпустил тебе грехи, – следовательно сам и привел тебя. Здесь уже наперед заложен корень учения.

4. Но прежде, чем скажем об этом, необходимо окончить слово. Что же это такое? То, что, пользуясь таким благодеянием, мы всегда должны о нем помнить, должны непрестанно представлять себе дар Божий и размышлять, от чего мы избавились и что получили, чтобы таким образом быть благодарными и усиливать любовь (к Богу). Что ты говоришь, человек? Призываешься в царство, в царство Сына Божья, и всецело предаешься зевоте, почесываешься и засыпаешь? Да если бы надлежало ежедневно подвергаться тысяче смертей, не следовало ли бы вытерпеть все? Для получения влиятельного места ты все делаешь; а имея приобщиться царству Единородного, неужели не устремиться на тысячу мечей, не бросишься в огонь? И не это еще страшно, а то, что, и имея отойти, плачешь и, будучи привязан к телу, любовно вращаешься среди здешних предметов. Что же это? Разве и смерть считаешь страшным делом? Причина тут – роскошь и праздность, потому что кто проводит жизнь скорбную, тот охотно вооружился бы крыльями, чтобы улететь отсюда. Мы теперь в таком же состоянии, в каком птенцы, ослабевающие оттого, что хотят всегда оставаться в гнезде. Чем доле будем здесь пребывать, тем слабее сделаемся.

Действительно, настоящая жизнь – гнездо, слепленное из соломинок и грязи. Хотя бы ты указал мне на большие здания, хотя бы даже на царские палаты, блистающие изобильно золотом и камнями, я буду думать, что они ничем не отличаются от гнезда ласточки: когда наступит зима, все упадут сами собою. А зимою я называю тот день, который будет зима не для всех, – потому что то время и Бог называет ночью и вместе днем, – ночью для грешников, а днем для праведников. В таком же смысле и я тот день называю зимою. Если в продолжение лета мы не будем хорошо вскормлены, так чтобы по наступлении зимы могли летать, то матери не возьмут нас, но оставят умереть от голода, или, когда упадет гнездо – погибнуть. Тогда Бог, все воссозидая и поставляя в новый порядок, разорить всяческая, как гнездо, только с большей легкостью (чем разоряются гнезда). Тогда неоперенные и не могущие встретить Господа в воздух, но так скупно вскормленные, что не получили легких крыльев, потерпят все то, что естественно терпеть находящимся в таком состоянии. Итак, когда гнездо ласточки падает, птенцы ее тотчас погибают; но мы не погибнем, а будем вечно под наказанием. Тогдашнее время будет зима, но только жесточе зимы: тогда польются не потоки воды, а реки огня; будет не тьма от облаков, а тьма нерассеваемая и непроникаемая светом, так что нельзя будет видеть ни неба, ни воздуха, но придется чувствовать тесноту больше, чем чувствовали бы ее закопанные в землю. Мы часто говорим об этом, только иных не убеждаем. И не удивительно, что мы – люди слабые, когда говорим об этом, испытываем такое неверие, если то же испытывали и пророки, беседовавшие не о таких только предметах, а о войне и плене. И Седекия обличаем был Иеремией, но не устыдился. Потому пророки говорили: **"Горе тем, которые говорят: пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святого Израилева, чтобы мы узнали!"** (Ис. 5:19). Не будем удивляться этому: и живите во времена ковчега не верили, а поверили, когда уже не было пользы в вере; и содомляне не ожидали, а поверили и они, когда это ни к чему уже им не служило. Но что я говорю о будущем? Кто ожидал того, что произошло ныне в разных местах? Кто ожидал этих землетрясений, разрушения городов?

А это было вероятнее того, разуме», ковчега. Из чего видно? Из того, что т не имели в виду другого примера и не слышали Писаний; а у нас бывало их множество и в ваши времена, и прежде. Откуда же неверие в такие явления? От расслабления души: пили да ели, и потому не верили. Ведь чего кто хочет, о том и думает, того и ожидает; противоречащие этому считаются болтунами.

5. Да не приключится и с нами того же: а теперь будет уже не потоп и не смертельное наказание; теперь начало (лишь) казней есть смерть не верящих тому, что будет суд. А кто, скажешь, пришел оттуда и возвестил об этом? Если такие слова говоришь в шутку, – и то уже нехорошо; в подобных вещах шутить не следует; не над шуточными, а над опасными предметами шутим мы. Если же ты в самом деле таков и не думаешь, что будет что-либо после этой жизни, то почему называешь себя христианином? А с нехристианами я не говорю. Для чего Принимаешь ты купель? Для чего входишь в церковь? Разве мы обещаем тебе (правительственные) места? Вся наша надежда в будущем. Так для чего приступаешь, если не веришь Писаниям, если не веруешь в Христа? А будучи таким, ты, – не скажу, не-христианин, – ты хуже язычников. Почему? Потому, что признавая Христа Богом, не веруешь в Бога. То нечестие по крайней мере последовательно: кто не думает, что Христос есть Бог, тот по необходимости не верует в Него; а это нечестие даже лишено последовательности, – признает Его Богом и не почитает достоверным того, что Он сказал. Это слова пьянства, роскоши, неги: "Станем есть и пить, ибо завтра умрем!" (1 Кор. 15:32). Не завтра, но и тогда, как говорите это, вы уже умерли. Скажи мне, неужели мы ничем не отличаемся от свиней и ослов? Если нет ни суда, ни воздаяния, ни судилища, то для чего почтены мы таким даром – словом, и все имеем в подчинении? Для чего мы начальствуем, а нам подчиняются? Смотри, как дьявол теснит нас со всех сторон с целью внушить нам не признавать дара Божья. Он смешивает рабов с господами; как продавец невольников и неблагодарный слуга, старается благородного человека привести в ее одинаков ничтожество с собою – оскорбителем. По-видимому он отвергает суд; а этим отвергается бытие Бога. Дьявол всегда таков, – все предлагает с хитростью, а не прямо, чтобы мы не остерегались. Если нет суда, то Бог, судя по-человечески, несправедлив; а если Бог несправедлив, то Он и не Бог, когда же Он не Бог, – все сразу рушится: нет ни добродетели, ни порока. Но явно ничего такого не говорит он. Видишь ли помысел сатанинского духа, как из людей хочет он сделать бессловесных, или лучше – зверей, а еще лучше – демонов. Итак, не будем верить ему. Есть суд, жалкий ты и несчастный человек! Знаю, откуда приходишь ты к этим речам. Много у тебя грехов, много сделано тобою обид, открыто говорит ты не смеешь, думаешь, что вслед за твоими речами пойдет и природа вещей. До времени я не буду, говоришь, огорчать душу ожиданием геенны. Хотя бы и была геенна, я постараюсь убеждать себя, что ее нет; а между тем здесь погуляю. Для чего прилагаешь согрешения к согрешениям? Если, согрешив, будешь верить, что есть геенна, то отойдешь, очистившись от грехов только наказанием; а когда приложишь и это нечестие, – подвергнешься крайнему мучению и за самое нечестие и за этот помысел. В последнем случае кратковременно льстившее тебе холодное утешение будет для тебя причиной непрерывного мучения. Пусть так согрешил ты сам: зачем же располагаешь ко греху других, говоря, что нет геенны? Зачем обманываешь простецов? Зачем расслабляешь руки народа? По твоему, все навыворот: люди старательные не будут еще более старательными, а беззаботными, злые не отстанут от зла. Ведь если станем развращать других, – грехи наши не будут прощены нам. Не видишь ли, как дьявол вознамерился низвергнуть Адама? Было ли прощено ему? Это послужило поводом к большему наказанию. За то и он так устраивает свои сети, чтобы мы несли наказание не за собственные только, но и за чужие грехи. Не станем же думать, что, вводя других в одинаковую с нами погибель, мы сделаем судилище, в отношении к нам, более кротким; напротив, от этого будет оно строже. Зачем нам толкать себя и губить? Все это – дело сатанинское. Согрешил ты, человек? Имеешь человеколюбивого Владыку: моли Его,

проси, плачь, стеной, устрашай других и уговаривай, чтобы они не впади в те же грехи. Если в доме кто-нибудь из грубых слуг говорит своему сыну: дитя! я оскорбил господина, старайся же угождать ему, чтобы и с тобою не случилось того же, – то, скажи мне, не приготовить ли он себе сколько-нибудь прощения, не преломить ли гнева господина и не преклонить ли его? Но пусть он, оставив эти слова, скажет, например, следующие: господин мой не воздаст всякому по достоянию, у него просто все перемешано – и добро и зло, в этом доме не дожидаться благодарности что, по твоему мнению, господин подумает о нем? Не подвергнет ли его за его проступки еще большему наказанию? И справедливо: там душевное потрясете послужить к извинению, хотя и слабому, а здесь ничего. Итак, подражай, если не иному кому, то по крайней мере богачу в геенне, который говорит: **"Отче, пошли Лазаря" к сродникам моим, "чтобы и они не пришли в это место"** (Лк. 16:27,28), не подвергнутся тому же, – сам же он пойти не мог. Воздержимся от тех сатанинских слов.

б. А что, скажешь, если спрашивают нас язычники, – разве не захочешь помочь им? Но ввергнув в недоумение христианина под видом попечения о язычнике, ты хочешь подтвердить сатанинское учение; не убедившись в нем сам, посредством собеседования с одного душой, ты хочешь привести других в свидетели. Если же нужно разговаривать с язычником, то не с этого следует начинать разговор, а вот с чего: Христос – Бог ли и Сын ли Божий, и исповедуемые ими демоны – боги ли? Как скоро это рассмотрится, – все прочее само собою вытечет; а прежде, чем изложено будет начало, напрасно стали бы мы разговаривать о конце; прежде, чем узнаны элементы, излишне и безумно было бы приступать к концу. Не верить язычнику суду, – и находится в таком же состоянии, как ты, потому что и он знает многих, которые философствовали об этом: хотя они говорили это о человеке, отрешившем свое тело от души, однако ж допускали судилище; и ясность этого дела представлялась столь сильной, что почти никого не было, кто не знал бы о том, даже и поэты, и все соглашались как относительно судилища, так и относительно суда. значит и язычник не неверит своим, и худей не сомневается в этом, и вообще ни один человек. Зачем же мы обманываем себя? Вот ты говоришь мне: что скажешь Богу, сотворившему отдельно сердце каждого из нас, знающему все, что есть в уме, живущему и действующему, и проникающему более всякого обоюдоострого меча? Скажи мне по правде: не сознаешься ли ты сам в себе, что грессишь? Есть ли (на свете) человек, который не порицал бы себя за леность? Каким же образом произошла сама собою такая великая мудрость, что грешник обвиняет сам себя? Ведь это – дело великой мудрости. Ты обвиняешь себя; а тот, кто дал тебе такой ум, – оставил все на произвол? Итак, вот что будет всеобщим правилом и определением: никто из людей, живущих добродетельно, хотя бы то была язычник или еретик, не неверит этому слову суда; никто из людей, вращающихся в величайшем зле, кроме немногих, не принимает слова о воскресении. Это говорит и Псалмопевец: **"Суды Твои далеки для него"**. Почему? Потому что **"Во всякое время пути его гибельны"** (Пс. 9:26). **"Станем есть"**, – говорит, – **"и пить, ибо завтра умрем!"** (1 Кор. 15:32). Видишь ли, что говорит это свойственно людям низким? Эти слова, отвергающие воскресение, происходят от пищи и питья. Не переносить душа, не переносить суда совести, и поступает так же, как человекоубийца: сперва поставляет себя в такие обстоятельства, чтобы не поймали, а потом убивает; находясь пред судом совести, не скоро переходить к преступлению, – и знает, и притворяется, что не знает, чтобы не мучиться совестью и страхом, и не ослабить себя для убийства. Так-то и согрешающие знают, что грешить – худо, и ежедневно колеблются в злых своих поступках, не желая знать, что они злы, хотя совесть и укоряет их в этом. Но не станем на них останавливаться. Будет, непременно будет суд и воскресение, и не оставит Бог втуне столь великих деле. Потому, умоляю, будем удаляться от зла и держаться добродетели, чтобы нам принять истинное слово во Христе Иисусе Господ нашем.

При том, что легче: принять ли слово о воскресении, или слово о судьбе? Последнее полно неправды, полно бессмыслия, полно жестокости, полно бесчеловечия; а первое есть слово правды, воздающее по достоинству. И однако ж не принимают его. А причина – лень. Но последнее не принимается никем, в ком есть рассудок; и между язычниками тот лишь принимал судьбу, кто целью жизни почитал удовольствие, а любителями добродетели судьба была изгоняема, как нечто несмысленное. Если же язычники так (думали о судьбе), то тем более (должны были они склоняться) к слову о воскресении. Но смотри, как дьявол устроил две противоположности: чтобы мы нерадели о добродетели, он ввел необходимость; а чтобы усердно служили демонам, внушил два противных понятия и обоими достигал того и другого. Итак, какое оправдание сможет принести тот, кто не верит столь дивной вещи, а верит тем басням? Не питайся даже и тем утешением, что ты получишь прощение, но обратимся и подвигнемся для добродетели, и проживем истинно Богу во Христе (Которому с Отцом и Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви" (Кол. 1:15–18).

1. Сегодня я должен отдать вам долг, который принял на себя вчера, чтобы предложить его, когда оживится ваше внимание. Рассуждая о достоинстве Сына, Павел, как мы сказали, говорит следующее: **"Который есть образ Бога невидимого"**. Чьим образом, ты думаешь, он называет Его? Если Божьим – хорошо, потому что Он – Бог и Сын Божий. Образ Божий означает неизменяемость, – поэтому и Он неизменяем. Если же ты скажешь, что (называет образом) человеческим, то я отступлюсь от тебя, как от безумного. Но почему нигде не назван ни образом, ни сыном Какой-нибудь ангел, а человек (называется) тем и другим? Отчего это? Оттого, что там, при высокой природе (ангелов), это для многих послужило бы поводом к нечестно (т. е. к обоготворению твари), а здесь ничтожество и уничиженность (нашей природы) совершенно ручаются за безопасность, и даже тому, кто желал бы, не позволяют подозревать чего-нибудь подобного и из-за этого употреблять более скромные выражения. Потому-то там, где было глубокое уничижение, Писание смело указывает на почесть; а где – высшая природа, там нет. Но он говорит: образ невидимого. Итак, если Он невидим, то и образ Его также невидим, потому что в противном случае не был бы образом. Образ, поскольку он образ, и у нас должен быть неизменным как со стороны свойств, так и сходства. Но у нас этого никак не может быть потому, что здесь – искусство человеческое, которое часто не удается, даже никогда не удается, если тщательно исследуешь; а где Бог, там никогда нет ошибки, там не бывает никакой неудачи. Если же (Сын) – творение, то таким образом Он есть образ Создателя? И конь, не может быть образом человека. Если образ не представляет неизменности Невидимого, так что препятствует и ангелам быть образом? Ведь и они невидимы, – хотя и не для себя самих, – и душа невидима; но из-за того только, что она невидима, разве она – образ? Если и образ, то не такой, как Он. **"рожденный прежде всякой твари"**.

2. Что же, говорит? значит Он создан? Почему это так, окажи мне? Потому, что он назвал Его перворожденным. Но он не сказал: первосозданный, а – перворожденный. Затем, если ты называешь Его сотворенным потому, что (апостол) назвал Его перворожденным, то что ты скажешь, когда услышишь, что Он называется братом? Действительно Писание называет Его также братом, уподобившимся по всему нам. Ужели вследствие этого мы будем отвергать даже и то, что Он – Творец, и утверждать, что Он не имеет никакого

преимущества пред нами ни по достоинству, ни по чему-нибудь другому? И кто, имея ум, может говорить это? Слово – перворожденный не показывает достоинства и чести, а выражает только время. Но если Он не имеет никакого преимущества пред нами, то в этом смысле Он – перворожденный по отношению ко всему, а в таком случае Бог Слово будет подобосущен и камням, и деревьям, и прочему. **"Рожденный прежде"**, – говорит, – **"всякой твари"**. Но скажешь: Он назван перворожденным, значит – создан. Да, если бы так, если бы не приписывались Ему и другие подобные свойства, как-то: **"первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство"**. Скажи мне, что показывают (слова): **"Первенец из мертвых"**? Конечно не то, что Он первый воскрес; (апостол) не сказал просто, что (Он первый из) мертвых, но что Он перворожденный из мертвых, и не сказал также, что Он первый умер, но что Он воскрес, как перворожденный из мертвых, так что (апостол теми словами) показывает только то, что (Христос) был начатком воскресения. Стало быть не иное что-нибудь (говорит он) и в настоящем месте. Затем он приступает наконец к самому догмату. Так как Он древле приводим был ангелами, а ныне (приходить) сам, то, чтобы не подумали, будто Он моложе (ангелов), (апостол) показывает, во-первых, что (ангелы) не имели Никакой силы, в противном случае не Он извел бы нас от тьмы, а потом утверждает, что Он был раньше их, и в доказательство того, что Он раньше их, приводит то, что они от Него созданы. **"Ибо Им"**, – говорит, – **"создано все"**.

Что скажут здесь последователи Павла самосатского? Все через Него произошло: вот ведь сказано, что **"ибо Им создано все"**. И еще (апостол) сказал: **"Что на небесах и что на земле"**. То, в чем можно было усомниться, он поставил наперед, а затем присоединяет: **"видимое и невидимое"**; под невидимым разумея душу, а под видимым – всех людей. То, чему все верили, он опускает, а то, в чем сомневались, он ставит на вид. Затем говорит: **"Престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли"**. Слово: **"ли"** обнимает все; но ко властям он не мог сопричислить и Духа, а через высшее мог обозначить и низшее. **"Все"**, – говорит, – **"Им и для Него создано"**. Таким образом **"Им"** значит то же, что и **"для Него"**, потому что сказавши: **"Им"** (ἐν αὐτῷ), он прибавил: **"и для Него"** (δι' αὐτόν). А что значит: **"на Нем"** (εἰς αὐτόν)? Это значит: на Нем утверждается (εἰς αὐτόν χρέματαί) сущность всего. Он не только привел это из небытия в бытие, но и теперь содержит это, так что если бы что-нибудь изъято было из Его промысла, разрушилось бы и погибло. Но (апостол) не сказал: содержит, – это было бы несколько поглубже, – он употребил выражение более тонкое: на Нем утверждается, потому что достаточно только опереться на Него, а Он уж поддержит и крепко сдержит. Таким образом и название: **"первенец"** употребляется в том же значении, как – составляющий опору. Но это показывает не то, будто Он подобосущен тварям, а то, что все существует Им и через Него. Так и в другом месте, говоря: **"Положил основание"** (1 Кор. 3:10), говорит не о сущности, а о действии. Чтобы ты не подумал, что Он служебное орудие, (апостол) говорит, что Он это содержит, а это не мене значит, чем самое творение, для нас даже и более, так как первое соединено с искусством, а последнее нет: содержимое Им не разрушается. **"И Он есть прежде всего"**, – говорит. Это свойственно Богу. где же теперь Павел самосатский? **"И все Им стоит"**, т. е. все на Нем утверждено. Он постоянно вращается около этой (мысли), чтобы настойчивостью в словах, как бы частыми ударами, исторгнуть с корнем тлетворное учение. В самом деле, если даже и теперь, после того как столь много говорил об этом, и по прошествии столь долгого времени явился Павел самосатский, то не тем ли легче было ему явиться, если б об этом не было говорено? **"И все"**, – говорит, **"Им стоит"**. Каким образом могло состояться в том, чего нет? значит и то, что производится через ангелов, принадлежите Ему. **"И Он есть глава тела Церкви"**. Сказав о достоинств, он говорит потом о человеколюбии. **"И Он"**, – говорит, – **"есть глава тела Церкви"**. Не сказал: полноты (πληρώματος), выражая этим то же самое, но желая показать большую близость Его к нам, так как тот, кто до такой степени высок и выше всех, присоединился к низшим.

Он везде первый: первый в горних, первый в Церкви, как ее глава, первый и в воскресении; это и означают (слова): **"Дабы иметь Ему во всем первенство"**.

3. Таким образом Он первый и по бытию, и это-то особенно старается показать Павел. А как скоро будет доказано, что Он был прежде всех ангелов, то понятно будет и то, что творимое ангелами Он сам творил, как повелитель. И что удивительно, так это то, что (апостол) постарался представить Его первым в ряду последних существ, хотя в другом месте первым он назвал Адама, как и на самом деле было. Но он принимает Церковь вместо всего человеческого рода; в Церкви же Он – первый, а в ряду людей, как творения, Он первый по плоти. Вот почему здесь (апостол) представляет Его перворожденным. Что значит здесь – перворожденный? Прежде всех созданный, или прежде всех воскресший, равно как и там: **"прежде всего"** сущий? Здесь он предоставляет Его начатком, сказав: **"Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство"**, – выражая мысль, что и прочие таковы же, как и Он; а там Он не начаток творения, там Он – **"образ Бога невидимого"**, и в этом смысле там и сказано: **"Первенец, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровью креста Его, и земное и небесное"** (ст. 19 – 21). Все, что принадлежит Отцу, он приписывает и Сыну, и особенно заботится об этом потому, что Он был мертв и соединился с нами. А начатком он назвал Его как бы в смысл (начатка) какого-нибудь плода. Он не сказал: воскресение, а – начаток, показывая, что Он освятил нас всех и как бы принес жертву. **"Полнота"** – он сказал о Божестве, подобно тому, как говорит Иоанн: **"И от полноты Его все мы приняли"** (Иоан. 1:16), т. е. был ли то Сын, или Слово, но там вселилось не действие какое-нибудь, а сущность. И он не находит тому никакой другой причины, кроме воли Божьей: это и означают (слова): **"И чтобы посредством Его примирить с Собою все"**. Чтобы ты не подумал, что Он принял на Себя должность раба, (апостол) прибавляет: **"с Собою"**; и в другом месте говорит, что (Христос) примиряет Богу, как в послании к Коринфянам сказал, и сказал верно: **"И чтобы посредством Его примирить"**, потому что (люди) уже были примирены, а требовалось только окончательное умиротворение, так чтобы они против Него уже не враждовали. Каким образом это делается, он показывает вслед затем, не только возвещая о примирении, но и объясняя самый способ примирения: **"Умиротворив Кровью креста Его"**. Одно здесь указывает на вражду, именно – **"примирить"**, а другое на войну, именно – **"умиротворив"**. **"Кровью"**, – говорит, – **"креста Его, через Него, и земное и небесное"**. Великое дело – примирение, еще более – (примирение) через Него, а еще более – (примирение) кровью Его, и не просто кровью, но, что еще больше, крестом, так что здесь пять вещей, достойных удивления: Он примирил (нас) с Богом, сам Собою, смертью, крестом. О, как вне (с другой стороны) соединил все это! Чтобы ты не подумал, будто это все одно и то же. и крест сам по себе не значит ничего, он говорит: **"через Него"**. На каком основании он считает это важным? На том, что (Сын Божий) совершил все это не так, что только сказал несколько слов, а так, что предал Себя самого для примирения. Но что значит: **"небесное"**? Что касается до земного, то это понятно, потому что здесь все было наполнено враждой и разделилось на множество (частей); каждый из нас был в несогласии сам с собою и со многими другими. Но как Он умиротворил **"небесное"**? Ужели и там был раздор и несогласие? Как же мы говорим в молитве: **"Да будет воля Твоя и на земле, как на небе"** (Мф. 6:10)? Что на это сказать? Земля была отделена от неба, ангелы враждовали против людей, видя оскорбляемым своего Владыку. **"Дабы"**, – говорит, – **"все небесное и земное соединить под главой Христом"** (Еф. 1:10). Как? Небесное вот так: Он переселил туда человека, возвел туда того, кто был врагом, кого там не любили. Он не только водворил мир на земле, но и возвел его (человека) к ним (ангелам), – человека, который был неприятелем и врагом. Это – глубокий мир. Ангелы опять являются на земле, потому что человек явился на небе. А мне кажется, что Павел для того и был восхищен (на небе), чтобы он увидел, что Сын взят туда. И ведь на земле

(водворен) сугубый мир: по отношению к небесным (обитателям) и по отношению друг к другу, а на небесах – только один. Если уж об одном кающемся грешнике радуются ангелы, то гораздо более о таком большом их числе. И все это устроила сила Божья. Что же вы, скажут, слишком полагаетесь на ангелов? Они не только не способны привести вас (к Богу), но даже были некогда враждебны вам, и если бы сам Бог не примирил вас с ними, то вы не имели бы мира. Итак, зачем вы прибегаете к ним? Хочешь ли знать, какова была у ангелов вражда к нам, и какое они всегда питали к нам отвращение? Они были посылаемы для наказания к израильтянам, к Давиду, к содомлянам, в юдоль плача. Но теперь не так; напротив, они весьма радостно воспевали на земле; Бог низвел их к людям, а людей возвел туда.

4 При этом обрати внимание на вещь необычайную: (Господь) сначала их, низвел к нам, а потом человека возвел к ним; земля стала небом, потому что небо имело принять к себе земных (обитателей). Потому мы с благодарностью взываем: **"Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!"** (Лк. 2:14). Вот, говорит, и люди наконец стали угодными (Богу). Что значит: **"благоволение"**? Примирение. Теперь небо уже не заграждено от нас непроходимой преградой. Прежде ангелы были распределены по числу народов, а теперь уже не по числу народов, а по числу верных. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: **"Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного"** (Мф. 18:10). Каждый верующий имеет ангела, так как и с самого начала каждый благочестивый человек имел ангела, как говорит Иаков: **"Ангел, избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих"** (Бт. 48:16). Итак, если у нас есть ангелы, то будем вести себя осмотрительно, как бы с нами были наставники, потому что с нами есть и демон. Поэтому будем молиться и взывать, прося себе ангела мирна; мы и везде просим мира, потому что с ним ничто не может сравниться, – мира и в церквях, и в молитвах, как частных, так и общественных, и в приветствиях; предстоятель церкви подает его нам и раз, и два, и три, и много раз, произнося: **"Мир вам"**. Почему так? Потому что мир есть источник всех благ: он приносит с собою радость. Поэтому-то и Христос заповедал апостолам, входя в дома, тотчас говорит о нем, как о символ всех благ: **"Входя в дом"**, говорите: **"Мир дому сему"** (Мф. 10:12), так как без него ничто не имеет цены. И опять Он говорит ученикам: **"Мир оставляю вам, мир Мой даю вам"** (Иоан. 14:27), потому что им обуславливается и самая любовь. И предстоятель церкви не просто говорит: мир вам, но – **"мир всем"**. Да и какая польза нам с одним иметь мир, а с другим ссориться и враждовать? Какая прибыль? И тело не может быть тогда здоровым, когда некоторые части его находятся в согласии, а другие действуют несогласно, но лишь тогда, когда во всем порядок, согласие, мир; не будь мира во всем, тогда все выйдет из своих границ, все низвернется. Подобным образом и в уме нашем, если мысли не находятся все в спокойном состоянии, мира не будет. мир – это столь великое благо, что те, которые водворяют и поддерживают его, называются сынами Божьими. И справедливо: сам Сын Божий пришел на землю умиротворить земная и небесная. Если же миротворцы- сыны Божьи, то возмутители – сыны дьявола. Что ты говоришь? Ты и в самом деле производишь раздоры и междоусобия? Неужели, скажешь, есть где-нибудь такой несчастный? Есть и много таких, которые радуются злу и с большей жестокостью терзать тело Христово, чем воины, пронзившие его копьем, чем иудеи, пронзившие его гвоздями. То зло меньше, чем это; те члены, будучи растерзаны, снова соединились, а эти, будучи отторгнуты, если здесь не соединятся между собой, то никогда не будут соединены, а останутся вне целого (церкви). Когда ты хочешь завести ссору с братом, вспомни, что ты восстаешь против членов Христовых и укроти свой гнев. Что тебе до того, если это человек нетерпимый и низкий; что тебе, если это – презренный? **"Нет"**, – говорит, – **"воли Отца"** Моего **"чтобы погиб один из малых сих"** (Мф. 18:14); и опять: **"Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного"**. Для него Бот сделался даже рабом и подвергся закланию; а ты

считаешь его за ничто? Через это ты восстаешь против Бога, возвышая голос наперекор Ему. Предстоятель церкви, как только входит, сейчас же говорит: **"Мир всем"**; когда начинает беседу (говорит): **"Мир всем"**; когда благословляет (говорит): **"Мир всем"**; когда повелевает принести друг другу целование (говорит): **"Мир всем"**; когда совершится жертва: **"Мир всем"**, и во время совершения также: **"Благодать вам и мир"**. Как же не безрассудно, если мы, столько раз слыша (напоминание об обязанности) иметь мир между собою, враждуем друг против друга, если, и сами принимая, и другим преподавая, восстаем против того, кто подает нам мир? Ты говоришь: **"И духу твоему"**, а выйдешь (из церкви) и начинаешь обносить его клеветой? Увы, то, что особенно дорого в церкви, стало одним внешним обрядом, а не настоящей истиной! Увы, все символы этого воинства (церкви) ограничиваются словами! Поэтому вы даже и не знаете, для чего говорится: **"Мир всем"**. Но послушайте далее, что говорит Христос: **"В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится"** (Мф. 10:11-13). Мы потому и не знаем, что считаем эти слова одним образным выражением и не вникаем в смысл их. Ведь не я подаю мир, а Христос благоволил говорить через нас. Хотя бы во всякое другое время мы чужды были благодати, но теперь не чужды ее для вас. Если благодать Божья, по устройению (Промысла), действовала для пользы израильтян через осла и через волшебницу, то несомненно, что она не откажется действовать и в нас, и соизволить на это для нас.

6. Итак, никто пусть не говорит обо мне того, что я не совершен, ничего не значу и ничего не стою; и всякий пусть слушает меня со вниманием. Я тоже ведь принадлежу к числу тех (через которых действует благодать Божья). Бот обыкновенно присутствует постоянно в таких людях, для пользы многих. Знайте, что Он благоволил говорить с Каином ради Авеля, с дьяволом ради Иова, с фараоном ради Иосифа, с Навуходоносором ради Даниила, с Валтасаром ради него же. И волхвам было откровение, и Каифа пророчествовал ради достоинства священного сана, несмотря на то, что был убийцей Христа и недостойным. Говорят, что и Аарон из-за этого же не был поражен проказой. В самом деле, скажи мне, почему только она одна (сестра Ааронова) понесла наказание, тогда как они оба противоречили (Моисею)? Не удивляйся; если между светскими властями бывает так, что хотя бы в бесчисленных преступлениях обвиняли кого-нибудь, но он не прежде приводится в судилище, как по снятии с него власти, чтобы вместе с ним не нанести оскорбления и ей, то тем более в духовной власти, какова бы она ни была, благодать Божья всегда действует; в противном же случае все бы погибло. Но когда человек сложит ее с себя, тогда подвергнется тягчайшему наказанию или по отшествии (из этой жизни), или даже еще здесь непосредственно вслед затем. Не думайте, что я это от себя говорю. Божья благодать действует и через недостойного, не для нас, а для вас. Послушайте же, что говорит Христос: **"И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него"** (Мф. 10:13). Как же он делается достойным? Если примут вас, говорит Он. Если же не примут вас, и не послушают слова вашего, **"Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому"** (Мф. 10:15). Итак, какая польза оттого, что вы принимаете нас и не слушаете слов наших? Что прибыли, что вы почитаете нас и не внимаєте тому, что мы говорим вам? Вот для нас честь, вот для нас удивительное уважение, благотворное для вас и для нас, – если вы слушаетесь нас. Послушайте и Павловых слов: **"Я не знал, братия, что он первосвященник"** (Деян. 23:5). Послушайте и Христовых слов: **"Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте"** (Мф. 23:3). Ты не меня презираешь, а священство. Если ты видишь меня лишенным его, презирай: тогда и я не стану проявлять власть. Но доколь мы восседаем на этом престол, доколь мы имеем председательство, дотоль имеем достоинство и силу, хотя сами и недостойны. Коли сядище Моисея было столь почтенно, что из-за него слушали

восседавших на нем (Мф. 23:2,3), то тем более престол Христов. Его унаследовали мы. Мы вещаем вам с того самого (престола), с которого и Христос учредил в нас служение примирения. Посланники, каковы бы они ни были, пользуются великой честью из-за своего посольского достоинства. Посмотри в самом деле: они приходят одни во внутренность варварской земли, среди стольких врагов; и так как закон о посольстве имеет великую силу, то их все почитают, все смотрят на них с уважением, все отпускают их с безопасностью. И мы имеем значение посланников и пришли от Бога: таково епископское достоинство. Мы пришли к вам в качестве посланников, прося прекращения войны и объявляя условия, общая дать вам не города, или столько-то мере хлеба, или пленников, или золото, но царство небесное, жизнь вечную, сожительство со Христом и другие блага, которых ни мы не в состоянии высказать, ни вы выслушать, доколь находимся в этом теле и в настоящей жизни. Итак, мы исполняем должность посланников, и желаем пользоваться честью не для нас самих, – нет, мы знаем, как она ничтожна, – а для вас, чтобы вы охотно слушались слов наших, чтобы вы получали пользу, чтобы вы без рассеянности и лености внимали словам нашим. Не видите ли, как много внимания все обращают на посланников? Мы Божьи посланники у людей; если это для вас тягостно, то ведь не мы (тягостны), а самое епископство, не тот или другой (человек), а епископ. Пусть всякий не меня слушает, а сана моего. Будем же все делать так, как угодно Богу, чтобы жить во славу Божью и удостоиться благ, какие обещаны любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 4

"И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою" (Кол. 1:21,22).

1. Здесь (апостол) показывает, что (Христос) примирил (людей), тогда как они недостойны были примирения, – выражение: были под властью тьмы – указывает на бедственное положение, в котором они находились. Но чтобы ты, услышав о темной власти, не вообразил себе какой-нибудь необходимости, он прибавляет: **"И вас, бывших некогда отчужденными"**. Хотя здесь, по-видимому, он говорит то же самое, но (на самом деле) не то: не одно и то же – избавить от зла человека, который по необходимости потерпел зло, и (человека), который добровольно подвергся ему; первый достоин сожаления, а последний – отвращения. Однако же Он, по словам (апостола), освободил нас, отступивших от Него не по неволе, ни по принуждению, но добровольно, и примирил нас, несмотря на наше недостойство. И так как (апостол) выше упомянул о небесном, то он теперь показывает, что вся вражда имеет начало отсюда, а не оттуда: они (обитатели неба) давно желали (примирения), и Бог тоже, а вы не хотели. Он делает совершенно ясным, что если бы люди до последних времен оставались врагами, то ангелы ничего не могли бы сделать: они не могли и убедить (людей) и, убедивши, освободить от дьявола. Ведь не было бы никакой пользы убедить их, не связавши властителя (дьявола), равно не было бы никакой пользы связать (властителя), когда бы содержимые (под его властью) не захотели избавиться. Надлежало сделать то и другое; (ангелы) ни того, ни другого не могли сделать, а Христос то и другое исполнил. И ведь убедить (людей) было делом более удивительным, чем разрушить смерть: последнее всецело зависло от Него, и Он один был в нем Господином; а в первом не Он один действовал, но и мы принимали участие, мы же удобнее совершаем то, что от нас самих зависит. Итак то, что было важнее, (апостол) полагает после; и он не просто сказал: враждующих, но – **"отчужденными"**, что означает сильную вражду, и даже не только отчужденных, но и не ожидавших воссоединения. **"И врагами, по расположению"**, – говорит он, показывая тем, что отчуждение их было не только в

намерении, – а что? – **"к злым делам"**, т. е. вы и были врагами, и действовали, как враги. **"Ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою"**. Здесь он представляет и образ примирения, – что (Христос примирил нас) **"в теле"**, будучи не просто язвен, или биен, или предан, но и претерпевши самую поносную смерть. Он снова упоминает о кресте, и снова указывает на другое благодеяние; не только (говорит): избавил, но намекает и здесь на то, о чем скалал выше – что сделал нас способными (к получению избавления). **"Смертью Его"**, – говорит, – **"чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою"**. Он не только освободил нас от грехов, но и поставил в числе прославленных. Он претерпел столько не для освобождения только от зла, но и для того, чтобы возвести нас к первоначальному состоянию, подобно тому, как если бы кто, освободив осужденного от наказания, возвел его еще в почетное состояние. И Он поставил нас в числе несогрешивших ни в чем, или лучше, в числе не только несогрешивших, а и совершивших величайшие подвиги, и что еще больше, даровал святость пред Собою. Слово же: **"неповинными"** выражает более, чем непорочность, так как название: неповинный прилагается к нам тогда, когда мы своими делами не доводим себя даже до осуждения или упрека. Но так как, сказав, что Он совершил это Своей смертью, (апостол) все приписал Ему, то, чтобы не сказал кто-нибудь, будто с нашей стороны ничего не требуется, он для этого прибавил: **"Если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования"** (ст. 23). Этими словами он предохраняет их от беспечности. И не просто сказал: **"пребываете"**, потому что есть пребывание шаткое и колеблющееся, и есть стояние и пребывание твердое. **"Если только пребываете"**, – говорит, – **"тверды и непоколебимы"**. О, какой он употребил оборот речи! Не только не колеблющиеся, говорит, но и непоколебимы. И смотри: он пока ничего не требует тяжелого, ничего трудного, а лишь веры и надежды, – как бы так говорит: если вы пребудете в вере, то надежда на получение будущих благ несомненна. Здесь возможно (не усомниться); но в добродетели невозможно хотя бы несколько не поколебаться; таким образом это нетрудно. **"От надежды благовествования"**, – говорит, – **"которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной"** (ст. 23). Но что такое упование благовествования, как не Христос? Он есть мир наш, и Он все это сделал; а потому, кто приписывает это другим, тот уклонился (от истины), и если Он не верует во Христа, то все потерял. **"Слышали"**, – говорит. Он опять призывает во свидетели их, а потом всю вселенную. Он не говорит: (благовествования) проповедуемого, но – **"возвещено"**, в которое уже уверовали. Так он сделал и в начале, желая свидетельством многих. утвердить и их. **"Которого я, Павел, сделался служителем"** (ст. 23). И это он делает для удостоверения. **"Я"**, – говорит, – **"Павел, сделался служителем"**: а он имел большую важность, так как был всюду прославляем, и был учителем вселенной. **"Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь"** (ст. 24).

2. Какая здесь связь? Как будто незаметна, но в самом деле большая. И – **"служителем"**, – говорит, вместо того, чтобы сказать: я ничто не ввожу сам от себя, и возвещаю учение другого; я так верю, что и страдаю из-за Него же, и не только страдаю, а и радуюсь в страданиях, взирая на то, чего ожидаем в будущем; и страдаю не за себя, а за вас. **"И восполняю"**, – говорит, – **"недостаток в плоти моей скорбей Христовых"**. Мне кажется, он сказал великое; но это не по дерзости, – нет! – а по сильной любви ко Христу. Он не хочет, чтобы эти скорби присваивались ему, а Христу; и сказал таким образом потому, что желал привлечь их (слушателей) ко Христу. **"И все что я страдаю"**, – говорит, – **"ради Него страдаю"**. Поэтому не мне воздавайте благодарность, а Ему: Он терпит это. Это подобно тому, как если бы кто, будучи к кому-нибудь послан, попросил другого, сказав: прошу тебя, поди вместо меня к такому-то, и последний после того сказал бы: я делаю это вот для кого. Так он не стыдится и эти страдания приписывать Ему, потому что (Христос)

не только умер за нас, но и после смерти готов страдать ради нас. (Апостол) желал и постарался доказать, что (Христос) и теперь собственным Своим телом подвергает Себя опасности ради Церкви. К этому направлена его речь, т. е., что вы не нами бываете приводимы, а Им, хотя делаем это мы, – мы приняли на себя не свое дело, а Его. Это все равно, как если бы какой-нибудь отряд находился в битве под защитой военачальника; а потом, в отсутствии последнего, второстепенный военачальник стал бы принимать на себя направленные против него удары до окончания сражения. А что (апостол) действительно за Него (Христа) это делал, об этом послушай, как он сам говорит: **"За Тело Его"**, желая этим сказать, что я не вам угождаю, а Христу, потому что терплю за Него то, что должно было терпеть Ему. Посмотри, как много он высказывает, обнаруживая сильную любовь. Как во втором послании к Коринфянам он писал: **"Давшего нам служение примирения"** (2 Кор. 5:18), и еще: **"От имени Христова просим: примиритесь с Богом"** (ст. 20), – так и здесь, чтобы более привлечь их, говорит то же: **"Ради Него страдаю"**, т. е., хотя Тот, кто должен вам, и удалился, но я отдаю Его долг. Вот и **"недостаток"** он говорит с целью показать, что, по его мнению, Христос еще не все претерпел. За вас, говорит, Он и по смерти страдает, если требует нужда. То же он представляет иначе и в послании к Римлянам, говоря: **"Который и молится за нас"** (8:32), показывая, что Он не удовольствовался только смертью, а и после того Делает за нас бесконечно многое. Таким образом он говорит это не для собственного превозношения, но желая показать, что Христос и доселе заботится о них, а для удостоверения в своих словах прибавляет: **"За Тело Его"**. Что это действительно так, что здесь нет никакой несообразности, видно из того самого, что это делается **"За Тело Его"**. Видишь, какая связь между нами и Им? Итак, зачем же вы вводите тут еще посредство ангелов? **"Которого я"**, – говорит, – **"сделался служителем"**. Зачем еще вводите тут других – ангелов? **"Я"** есмь **"служителем"**. Затем показывает, что сам он ничего не сделал, хотя и служитель. **"Которой сделался я"**, – говорит, – **"служителем по домостроительству Божью, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божье"** (ст. 25). **"По домостроительству"**. Этим он или то сказал: так Он желал, чтобы, по отшествии Его, мы сделались преемниками служения в деле домостроительства, чтобы вы не остались покинутыми, – сам же Он страдал, сам и посланником был, – или выразил такую мысль: мне, жесточайшему из всех гонителю, для того и попустил (Бог) преследовать (Христа), чтобы сделаться достойным вероятия при проповедании, – или он упомянул о домостроительстве в том смысле, что требовал не дел, или подвигов, или заслуг, а веры и крещения. Ведь иначе вы не приняли бы Его учения. **"Для вас"**, – говорит, – **"чтобы исполнить слово Божье"**. Слово: **"исполнить"** он употребляет по отношению к язычникам, показывая, что они доселе еще колеблются: то, что язычники могли воспринять столь высокие догматы, было делом не Павла, а домостроительства Божья: я, говорит сам не имел бы силы. Указавши же на более важное, т. е., что страдания его – Христовы (страдания). он представляет затем более понятное, т. е., что и **"исполнить слово Божье для вас"** – также дело Божье. Здесь он, хотя неясно, показывает, что и в том обнаружилось домостроительство, что вы теперь признаны способными слушать слово (Божье), и это не от небрежения, а с той целью, чтобы вы сделались способными и к принятию его. Бог не вдруг все делает, но, по великому человеколюбию Своему, приспособляется к нам; и вот причина, по которой Христос пришел ныне, а не в древнее время. Так и в Евангелии (Бог) показывает, что Он для того посылал прежде рабов, чтобы (иудеи) не подвиглись на убийство Сына. Если они не устыдились Сына, когда Он пришел после рабов, то тем более, если бы пришел прежде. Если уж они не послушались меньших приказаний, то как слушались бы больших? Итак, что же говорит он? Разве иудеи и язычники до сих пор не находятся еще в худшем состоянии чем были прежде? Это наконец верх беспечности! После такого долгого времени, после стольких наставлений все еще оставаться несовершенными – это крайнее нерадение!

3. Итак, когда язычники будут спрашивать, почему только теперь пришел Христос, мы не позволим говорить им это, а сами спросим: а разве Он не исполнил Своего дела? Как в том случае, если бы Он и с самого начала пришел и не совершил Своего дела, недостаточно было бы, для оправдания Его, указать на время Его пришествия, так и теперь, когда Он совершил Свое дело, нам несправедливо было бы требовать отчета во времени Его пришествия. И у врача, который исцелил болезнь и возвратил больному здоровье, никто не станет требовать отчета касательно лечения; и у полководца, который одержал победу, никто не станет выпытывать, почему он сделал это в такое-то время и в таком-то месте. Спрашивать об этом можно было бы тогда, когда бы он не сделал этого; а если сделал, то нужно принимать. Скажи мне, что более достойно веры: твои ли выдумки и рассуждения, или выполнение самого дела? Ты мне вот что скажи: победил ли Он, или нет? Одержал ли верх, или нет? Привел ли к окончанию то, что говорил, или нет? Вот в чем должен состоять отчет. Скажи мне, ты конечно исповедуешь, что есть Бог, хотя и не признаешь Христа? Я спрашиваю тебя: ведь Бог безначален? Ты конечно подтвердишь это. Скажи же мне: почему Он не сотворил людей за тысячи лет прежде? Тогда бы они больше времени уже прожили; а если бытие составляет благо, то тем большее благо – существовать дольше. Но теперь разве они понесли какой-нибудь ущерб за то время, когда их не было? нет, ущерба не понесли; почему, – это знает Тот, Кто сотворил их. Опять спрашиваю тебя: почему Он не сотворил всех вдруг, а сделал так, что душа одного, который сотворен первым, существует уже столько лет, между тем как на долю другой, которая еще не произошла на свет, достается жить меньше? Зачем Он устроил так, что тот является на свет первым, а этот – последним? Подобные вещи действительно стоят того, чтобы исследовать их, но – не из праздного любопытства; последнее само по себе еще не составляет и исследования. Но я тебе покажу настоящую причину того, о чем начал говорить (т. е. почему Христос явился поздно). Согласись, что человеческая природа имеет свои возрасты, – что в первые времена наш род находился в состоянии младенчества, в следующие затем времена – в положении юности, а в те времена, которые приближаются к старости, в положении старца; наконец, когда, по ослаблению телесных членов и по прекращении борьбы, душа окрепла, – мы достигли и до любомудрия. Ты скажешь: напротив, мы учим детей с малых лет. Правда, учим, но только неважным предметам, а разве тому, чтобы только правильно говорить, развивая в них дар слова; да и то уже тогда, когда они начнут подрастать. Посмотри, и Бог поступал точно таким же образом с иудеями; точь-в-точь как к детям, Он приставил к иудеям учителя грамоты, Моисея, который возводил их, так же как мы детей, к постепенному изучению письменных знаков, изображая их на доске. **"Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей"** (Евр. 10:1). И как мы покупаем детям гостинцы и даем им денег, требуя от них только одного, чтобы они тотчас же шли в училище, так и Бог в то время посылал (иудеям) изобилие и довольство, желая получить от них, за такое внимание к ним, одно, чтобы только слушали Моисея. Для этого-то Он поручил их наставнику, чтобы они не пренебрегали им, а смотрели бы на него, как на нежного отца. И смотри, они и боялись только его одного, – не спрашивали: где Бог? А – где Моисей? Он наводил на них страх одним своим присутствием. Когда же они поступали худо, смотри, как он их наказывал. Бог хотел отвергнуть их, но Моисей не допустил; вернее же сказать, тут все было делом Божьим. Он изрекал угрозы так же, как отец; а Моисей, как учитель, умолял Его и говорил: предоставь мне, с этих пор я беру их на свои руки. Таким образом пустыня была настоящим училищем. И как дети, проведши несколько времени в занятиях, стараются уйти, так и они в то время постоянно стремились в Египет, плакали, говорили: мы пропали, мы прожились, мы погибли. Моисей разбил и скрижаль, на которой написал было им как бы названия (вещей). Он поступил так же точно, как и учитель, который, взяв доску и увидев на ней худое письмо, бросает и доску, желая показать этим сильный гнев; и хоть и разобьет ее, отец не будет гневаться, потому что тот старался и писал, а они не смотрели на него, звали только по сторонам и шалили. И как дети, во время занятий своих, бьют

друг друга, так и он, в то время, повелевал одним бить и убивать других. И опять, он наказывал их, как (учитель), который давал уроки и, спросив, находил их неприготовленными. (Какие это уроки) представлю пример: были такие письмена, которые указывали на силу Божью, явленную в Египте. Да, говорит, но эти письмена объявляли о казнях (египетских), о том, что Бог наказывает врагов, и заключали в себе урок, весьма поучительный (для иудеев). Чем иным было наказание врагов для вас, как не благодеянием? Да и другими способами Он вам благодетельствовал. Это все равно, как если бы кто-нибудь стал бы уверять, что он знает буквы, а когда стали бы спрашивать его в разбивку, он не в состоянии был отвечать и за то был наказан: так и они говорили, что знают силу Божью, но когда требовалось показать это знание в различных случаях, они не находились отвечать и за то были наказываемы. Ты видишь воду? Должен вспомнить при этом о воде египетской: кто превратил воду в кровь, тот может сделать и это. Все равно как мы часто говорим детям: когда увидишь в книге букву: а, помни, что это тот самый знак, какой и у тебя на дощечке. Видишь голод? Вспомни, что он истребил (в Египте) все, что ни уродилось. Видишь войны? Вспомни о потоп. Видишь, что землю населяют сильные народы? Но они не сильнее египтян, и тот, кто изъял тебя из среды их, не гораздо ли легче может спасти тебя, когда ты не в их руках? Но они не умели отвечать в перемежку на все вопросы, относящиеся до их азбуки, и за то были наказываемы. Они только и знали, что ели, пили и буйствовали. Испытавши вред от удовольствий, они не должны бы были искать их в манне Они Делали то же самое, как если бы сын свободных родителей, когда стали посылать его в – училище, захотел жить вместе с рабами и служить у них; как если бы, получая все необходимое для содержания, приличного человеку свободному, занимая место за столом своего отца, он нашел для себя приятным беспорядочный и шумный стол рабов. Так и они все стремились в Египет, хотя говорили Моисею: ей, Господи, **"все, что"** глаголешь, **"сделаем и будем послушны"** (Исх. 24:7). И как бывает с сильно распущенными детьми, что отец хотел бы иногда убить их, а учитель постоянно спрашивает его за них, так и в то время происходило то же самое.

4. Но почему об этом рассказано нам? Потому, что и мы ничем не отличаемся от детей. Хочешь ли еще слышать учение их, чтобы видеть, как много в нем детского? **"Око за око"**, – говорит, – **"и зуб за зуб"** (Лв. 24:20). И это естественно. Нигде склонность к мщению не бывает так сильна, как в душе ребенка. Так как мстительность есть страсть самая безрассудная, а этому возрасту особенно свойственна нерассудительность и недостаток обдуманности, то понятно, почему гнев имеет неограниченную власть над детьми. И владычество гнева до такой степени сильно, что часто бросаются на землю и потом, вскочив, бьют себе от злости колена, или опрокидывают скамейки, к уже только после этого начинаете утихать в них мучительная страсть и остывать их бешенство. В этом роде Бог действовал, когда позволил им исторгать, око за око и зуб за зуб, или когда поражал египтян и амаликитян за обиды, наносимые им (иудеям). Бог дает позволение поступать таким образом, как отец, который, когда какой-нибудь (малютка) скажет: отец, такой-то меня прибил, – отвечает: он злой человек, мы не будем его любить. В таком же смысле и Бог говорит: е буду врагом врагов твоих, и возненавижу ненавидящих тебя. И опять, когда молился Валаам, им оказано было такое же снисхождение, как детям. Подобно тому, как бывает с детьми, что, когда они увидят что-нибудь такое, что само по себе вовсе нестрашно, – напр. шерсть, или что-нибудь подобное, – вдруг начинают пугаться, а мы, чтобы эта вещь не наводила на них страха, подносим ее к ним и даем в руки, или заставляем кормилицу показать ее, – так поступил и Бог. Так как прорицатель был для них страшен, Он превратил их страх в смелость. И как детям, отучаемым от груди, в утешение дается рожок, так и иудеям Бог не отказывал ни в чем, и посылал им полное довольство. Но дитя и после того все еще просит груди: и они также все искали Египта и египетского мяса.

Таким образом, тот не погрешит, кто назовет Моисея их учителем, воспитателем и руководителем. А это был человек весьма мудрый; ведь не одно и то же – руководить людьми, уже способными рассуждать зрело, и управлять неразумными детьми. Если угодно, можно сказать и еще что-нибудь. Как воспитатель говорит ребенку: когда пойдешь ты для естественной нужды, то будь осторожней, оберегай свое платье, пока будешь сидеть, – так поступал и Моисей. И как в детях, – у которых еще нет возницы, – господствуют все страсти: тщеславие, своенравие, безрассудство, гнев, зависть, – так и над иудеями господствовали все эти (страсти): они плевали на Моисея, они его били. И как дитя поднимает на кого-нибудь камень, и все мы кричим: не бросай, – так и они поднимали камни на своего отца, хотя впрочем он и избегал их. И как дитя, если видит на отце какие-нибудь украшения, просит их себе, потому что они ему нравятся, – так поступили и сообщники Дафана и Авирона, восставшие против священства. Они были завистливы, малодушны больше, чем всякий другой, и во всех отношениях (были люди) с недостатками. Итак, скажи мне, неужели надлежало Христу явиться в то время? Давать заповеди, имеющие такой глубокий смысл в такое время, когда они находились под властью неистовой страсти, – когда, по своему сладострастию, это были настоящие кони, – когда они были рабами корыстолюбия и чревоугодия? Он напрасно стал бы расточать уроки любомудрия, и рассуждать с людьми безумными. Они не поняли бы ни того, ни другого. Как тот, кто начал бы учить чтению прежде, чем азбуке, никогда не научил бы даже и азбуке, – так было бы и тогда. Но теперь не то: теперь, по благодати Божьей, всюду насаждена великая кротость и великая добродетель. Будем же благодарны за все и не станем предаваться праздному любопытству. Не нам знать время, а Тому, Кто сотворил время и создал века. Предоставим же все Ему. Воздавать славу Богу значит не требовать у Него отчета в Его делах. Так воздал славу Богу и Авраам, "и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное" (Рим. 4:21). Он даже и о будущем не спрашивал; а мы ищем причины тому, что уже прошло. Посмотри, какое тут неразумие, какая неблагодарность! Но оставим это наконец, – потому что от этого не будет никакой пользы, а даже еще большей вред; будем питать в душе признательность к нашему Владыке и воссылать славу Богу, чтобы, вознося благодарение за все, удостоиться Его человеколюбия, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, Которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе" (Кол. 1:26 – 28).

1. Сказав о том, что мы получили, и показав из величия дарованных нам (благ) человеколюбие и славу Божью, (Павел) присовокупляет еще другое дополнение, – что прежде нас никто не знал этой (тайны). То же он делает и в послании к Ефессянам, когда говорит: ни ангелы, ни начала, ни иная каким-либо созданная сила, но один Сын Божий знает (Еф. 3:5). Потому и не сказал просто: сокрытую (κεκρυμμένον), но: "тайную" (ἀποκεκρυμμένον), как потому, что, хотя она и ныне совершилась, однако она древняя, так и потому, что Бог издавна восхотел этого и так предначертал. Но почему, – об этом еще не говорит. "**Сокрытую от веков**", – говорит, – "**и родов**". И справедливо назвал тайной то, чего никто не знал, кроме Бога. Где же "**тайную**"? Во Христе, как говорит в послании к Ефессянам, или, как некогда сказал пророк: "**от века и до века Ты – Бог**" (Пс. 89:3). "**Ныне же открытую**", – говорит, – "**святым Его**". Итак, все это есть дело

домостроительства Божья. **"Ныне же"**, – говорит, – **"открытую"**. Не сказал: совершилась, но: **"Открытую святым Его"**. Если явилась одним только святым, то, значит, еще и ныне скрывается. Пусть же они (еретики) не прельщают вас: не знают, почему (апостол) сказал: (только тем) **"Которым благоволил"**. Смотри, как он везде предупреждает их вопросы. **"Которым"**, – говорит, – **"благоволил Бог показать"**; а воля Его не неразумна. Он сказал это для того, чтобы они более покорялись благодати, и не превозносились своими добрыми делами. **"Какое богатство славы в тайне сей для язычников"**. Глубокомысленно сказал и усилил речь, приискивая от преизбытка чувства пояснения к пояснениям. Самая эта неопределенная речь: **"Богатство славы в тайне сей для язычников"** тоже содержит в себе пояснение, – потому что слава более всего является в язычниках, как и говорит в другом месте: **"А для язычников – из милости, чтобы славил Бог"** (Рим. 15:9). И в других является великая слава тайны; но в них гораздо более. Людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, – это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престол. Смотри: они поклонялись камням и земле, – считая их лучшими неба и солнца, думая, что весь мир служить им, – были пленниками и узниками дьявола, и вдруг наступили на главу его, и стали повелевать им и бичевать его. Слуги и рабы демонов сделали телом Владыки ангелов и архангелов. Не знавшие даже, что есть Бог, вдруг стали сопредстольниками Бога. Хочешь видеть бесчисленные ступени, которые они перешагнули? Нужно было им, во-первых, узнать, что камни не боги; во-вторых, что они не только не боги, но и ниже людей; в-третьих, ниже бессловесных; в-четвертых, ниже растений; в-пятых, что они (язычники) смешали совершенно противоположные предметы, что не только камни, но ни земля, ни животные, ни растения, ни человек, ни небо, ни то, что выше неба (не есть Бог); опять, – что ни камням, ни животным, ни растениям, ни стихиям, ни горному, ни дольному, ни человеку, ни демонам, ни ангелам, ни архангелам, ни другой какой-либо из тех высших сил не должна поклоняться человеческая природа. Как бы черпая из некоей глубины, им надлежало познать, что Владыка всего – Он есть Бог, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь – не жизнь, что тело восстает, делается нетленным, восходить на небеса, сподобляется бессмертия, водворяется с ангелами, преселяется. Человека, стоявшего так низко, после того, как он перешагнул все эти (ступени, Христос) посадил на небесах, на троне; того, который был ниже камней, поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств. Действительно, хорошо сказал: "какое богатство славы в тайне сей"? Дело подобно тому, как если бы кто-нибудь глупого вдруг сделал философом. А лучше сказать, что ни говори, ничего не объяснишь, потому что и Павловы слова неопределенны. "какое", – говорит, – "богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас"? Еще надлежало познать, что Тот, кто выше всех, кто господствует над ангелами и имеет власть над всеми прочими силами, нисшел долу, сделался Человеком, претерпел бесчисленные мучения, воскрес и вознесся.

2. Все это было следствием тайны, и Павел торжественно возвещает это, когда говорит: **"которая есть Христос в вас"**. Если же Он в вас, то для чего вы ищете себе учителей из ангелов? **"В тайне сей"**. Есть и другая тайна; но это, по преимуществу, тайна, которой никто не знал, которая досточудна, которой никто не ожидал, и она была сокрыта. **"Которая есть Христос в вас"**, – говорит, – **"упование славы, Которого мы проповедуем"**, приняв Его свыше. **"Которого"** (проповедуем) **"мы"**, а не ангелы, **"вразумляя и научая"**, а не повелевая и не принуждая: ведь и то, что люди приводятся к Богу не насильственно, есть дело человеколюбия Божья. Так как **"научая"** – слово великое, то он прибавил: и **"вразумляя"**, что более свойственно отцу, чем учителю.

"Которого", – говорит, – **"мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая"** всякого человека во **"всякой премудрости"**, то есть, со всякой премудростью и разумом, или – все говоря в премудрости. Поэтому, здесь нужна вся премудрость, так как познать это не всякий может. **"Чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе"**. Что ты говоришь – **"всякого человека"**? Да, говорит, мы об этом заботимся. Что же, если бы это не исполнилось? Все-таки блаженный Павел старался сделать совершенным Итак, это – совершенство, а то – несовершенно. Следовательно, кто имеет не всю мудрость, тот несовершенно. **"Совершенным во Христе Иисусе"**: не о законе, и не об ангелах, потому что это несовершенно. **"Во Христе"**, то есть, в познании Христа. Кто знает, что сделал Христос, тот постиг более ангелов. **"Во Христе Иисусе; для чего я и тружусь и подвигаюсь"** (ст. 29). Не просто стараюсь, говорит, не как случилось; но **"тружусь и подвигаюсь"** с великим тщанием, то есть, с великим бодрствованием. Если я так бодрствую для вашего блага, то сами вы должны (бодрствовать) гораздо более. Затем, чтобы показать, что это дело Божье, говорит: **"Силою Его, действующею во мне могущественно"** (ст. 29). Показывает, что это – дело Божье. Дающий мне силы для этого, очевидно, этого желает. Потому и в начале сказал: **"Волею Божьей"** (ст. 1). Итак (апостол) сказал так не только по смирению, но и по истине. **"И подвигаюсь"**. Этим словом он показал, что против него воюют многие. Затем (выражает) великую любовь. **"Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии"** (2:1). Чтобы не показалось, что причиной такого желания их слабость, он присовокупил и других, и еще не упрекает (их). **"Кто не видел лица моего в плоти"**. Здесь ясно показывает, что они постоянно видели его духом, и свидетельствует им великую любовь свою. Потому и прибавил: **"Дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения"** (ст. 2, 3). Вот уже он спешит и заботится перейти к учению, и не обвиняя, и не освобождая их от обвинения. "подвиг", – говорит, – **"имею"**. С какой целью? Чтобы соединиться. Это значит: чтобы они твердо стояли в вере. Но он не говорит так, устраняя все, клонящееся к обвинению. Это для того, чтобы они соединились по любви, а не по необходимости, или насилию. Он, как я сказал, неутомимо и постоянно поучал их. Потому и говорит: **"подвигаюсь"**, потому что я хочу, чтобы (это сделалось) по любви и добровольно. Я хочу не того только, чтобы было собрате, не уста только, но **"дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения"**, то есть, чтобы они ни в чем не сомневались, чтобы во всем были убеждены. Он говорит о том убеждении, которое происходит от веры. Бывает убеждение и вследствие умозаключений; но оно не имеет никакой цены. Я знаю, говорит, что вы веруете; но хочу, чтобы вы были убеждены не в одном богатстве, но **"для всякого богатства"**, чтобы вы были убеждены и во всем и твердо. Смотри, какое благоразумие у блаженного Павла. Он не сказал им: вы худо делаете, что не имеете убеждения, – не обвинил их; но: вы не знаете, как забочусь я о том, чтобы вы были убеждены разумно, а не безотчетно. Так как сказал о вере, то и прибавляет: не думайте, что я сказал просто и необдуманно; нет, – разумно, с любовью. **"Для познания тайны Бога и Отца и Христа"**. Следовательно, привлечете (к Отцу) через Сына есть тайна Божья. **"И Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения"**. Если же они в Нем, то Он премудро пришел ныне (на землю). За что же обвиняют нас некоторые неразумные? Смотри, как он говорит людям малосведущим: **"в Котором сокрыты все сокровища"**: Он все знает. **"Ведения"**. Не думайте же, что вы уже имеете все: **"ведения"** и от ангелов, не только от вас. Значит, у Него должно всего просить; Он дает премудрость и знание. Итак, словом: **"сокровища"** показывает множество, словом: **"все"** – что Он (все) знает, а словом: **"ведения"** – что Он один знает. **"Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами"** (ст. 4).

3. Видишь, говорит, я это сказал для того, чтобы вы не искали (знания) у людей. "Прельстил", – говорит, – "вкрадчивыми словами". Что же, если (кто-нибудь) говорит убедительно? "Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами" (ст. 5). Последовательность требовала бы сказать: хотя я и отстою плотью, тем не менее знаю обманщиков; но теперь он оканчивает похвалой. "Радуясь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа" (ст. 5). Чиним он называет благоустройство. "И твердость веры вашей во Христа". Это величайшая похвала. И не сказал: веру, но: "твердость", как будто говорит воинам, стройно и твердо стоящим. Кто тверд, того не поколеблют ни обольщения, ни искушения. Вы, говорит, не только не пали; но у вас никто не расстроил и чина. Он поставил себя между ними, чтобы они боялись его, как бы он при них находился, потому что через это сохраняется чин (благоустройство). Сплоченность – от твердости. Твердость же происходит тогда, когда ты, собрав много (вещей), склеишь их плотно и неразрывно; тогда происходит твердость, как, напр., в стене. То же делает любовь. Когда она плотно совокупить и соединить людей, живущих отдельно, она делает их твердыми. То же делает и мера, когда она не позволяет господствовать в нас размышлению, потому что как размышление разделяет и колеблет, так вера укрепляет и утверждает. Так как Бог даровал нам блага, превышаются человеческое разумение, то Он по справедливости требует веры, потому что не может быть твердым тот, кто ищет объяснений. Все наши важнейшие (догматы) чужды умствований и доступны только вере. Бог нигде и везде: что непонятнее этого для разума? И в том, и в другом содержится много необъяснимая. Он не заключается в месте, и в Нем нет места. Он не произошел (ни от кого), ни сам Себя не сотворил, и не начинал своего бытия. Какой разум принял бы это, если бы не было веры? И не показалось ли бы это смешным? А не иметь конца, – разве это не труднее всякой загадки? Он безначален, нерожден, неопишуем и беспределен, – и это также непостижимо. Не можем ли мы, по крайней мере, объяснить умом бестелесность Его? Посмотрим. Бог бестелесен. Что такое – бестелесен? Одно голое слово; ум ничего не извлекает из него, и ничего себе не представляет. Если бы он представил себе что-нибудь такое, то перешел бы к вещественному, к тому, из чего образуется тело. Значит, когда уста говорят о бестелесном, ум не понимает, о чем они говорят, или понимает только то, что бестелесное – не тело. Да что я говорю о Боге? Что такое бестелесность нашей души, имеющей начало, заключенной (в теле), описуемой? Скажи, покажи! Но ты не можешь. Она воздух? Но воздух – тело, хотя и нетвердое; из многих явлений видно, что он есть жидкое тело. Она огонь? Но огонь – тело; а действие души бестелесно. Почему? Потому, что она всюду проникает. Если же она – не тело, то бестелесное в (определенном) месте; поэтому и описуема; описуемое же имеет фигуру; фигура же состоит из линий; линии же – принадлежность тел. Опять, что значит бесформенный? Не имеющий ни формы, ни вида, ни образа. Видишь, как путается мысль! Еще: природе (Божьей) несвойственно зло; но добрым каждый бывает только по своей вол; следовательно, зло свойственно ей. Но этого сказать нельзя, да не будет! Еще: по воле (Бог) имеет бытие, или по неволе? Но и этого нельзя сказать. Еще: ограничивает (Он) вселенную, или нет? Если не ограничивает, то сам ограничивается ею; если же ограничивает, то Он беспределен по природе. Еще: ограничивает ли Он сам себя? Если ограничивает, то, значит, Он и безначален не в отношении к самому Себе, а в отношении к нам; следовательно безначален не по природе. Везде приходим к противоречивым заключениям. Видишь, какой мрак и как везде нужна вера! Одна она тверда. Но, если хотите, перейдем к меньшим предметам. Существо (Божье) действует. Что же такое в нем деятельность? Движение какое-нибудь? В таком случае оно не изменяемо, потому что движущееся изменяется, из состояния неподвижности переходить в состояние движения. Однако же (существо Божье) движется и никогда не бывает в неподвижном состоянии. Какое же это движение, скажи мне? У нас есть семь различных движений: вниз, вверх, внутрь, наружу, вправо, влево и вокруг. Кроме этого бывает: увеличение, уменьшение, рождение, разрушение, изменение. Но то движение несходно ни с одним из этих движений, а совершается подобно движению ума?

Вовсе не так, – да не будет, – потому что ум движется иногда глупо. Действие (Божье) есть желание? Но Он хочет, чтобы все люди были добродетельны и спаслись: почему же это не исполняется? значит, желание – не то, что действие? В таком случае для действия недостаточно одного желания. А как же говорит Писание: **"Творит все, что хочет"** (Пс. 113:11)? Как и прокаженный говорит Христу: **"Если хочешь, можешь меня очистить"** (Мф. 8:2)? Скажу и другое, если хотите. Каким образом сущее произошло из несущего? Каким образом оно обращается в ничто? Что выше неба? И опять: что выше того высшего? И что выше этого? И что за тем? И так до бесконечности. Что ниже земли? Море. А ниже его что? И ниже этого опять что? А вправо, влево, – разве не такая же неизвестность?

4. Но это – невидимое. Хотите, скажу о предметах видимых, о том, что было? Скажи мне, как иона был во чреве зверя и не погиб? Разве это согласно с разумом? Не напрасно ли (старание) объяснить это? Как (кит) пощадил праведника? Как не задушил его жар? Как не сгноил? Если трудно быть только в глубине моря, то, гораздо труднее находиться во внутренностях (кита) и в таком жару. Как иона дышал там? Как доставало вдыхаемого воздуха для двух живых существ? Как (кит) изверг пророка невредимым? Как говорил (иона)? Как он сознавал себя и молился? Разве вероятно все это? Если будем исследовать разумом, невероятно; если же верой, то весьма вероятно. Скажу нечто более этого. Зерно в недрах земли гниет и восстает. Смотри, (тут два) противоположных чуда, и одно другого удивительнее. Удивительно и то, что зерно не истлевает, и то удивительно, что гниющее восстает.

Где неверующие воскресению и говорящие: как эта кость соединится с этой? и вводящие тому подобные басни? Скажи мне: как Илия вознесся на огненной колеснице (4 Цар. 2:11)? Огню свойственно жечь, а не возносить. Как (Илия) живет (на небе) столько времени? В каком находится месте? Для чего это случилось? Куда переселен Енох? Вкушает ли такую же пищу, как мы? Что мешает быть ему здесь? Но он не вкушает нашей пищи? Зачем он взять отсюда? Смотри, как Бог постепенно наставляет нас. Он переселил Еноха; это по очень важно: то же показал нам в вознесении Илии. Заключение Ноя в ковчеге; но и это не очень важно: тому же научил нас, заключив пророка в ките. Так и ветхозаветные события имели нужду в предтечах и прообразах. Как в лестнице первая ступень ведет ко второй, а нельзя с нее ступить на четвертую, и эта (имеете отношение) к той, чтобы та служила путем к этой, и прежде первой нельзя ступить на вторую, – так и здесь. Замечай знаки знаков, и увидишь это в лестнице, которую видел Иаков. Вверху, говорится, утверждался Господь, а внизу восходили и нисходили ангелы. Это предвозвещало, что Отец имеет Сына. Надлежало верить этому. Откуда показать тебе знаки этого? Как ты хочешь: сверху ли вниз, или снизу вверх? Нужно было показать, что (Отец) родит бесстрастно; и вот сначала родила неплодная. А лучше начнем сверху. Надлежало веровать, что (Сын рождается) от Отца. Что же? Было и это (предвозвещено), хотя неясно, как бы в образе и тени, однако же было; а с течением времени становится несколько яснее. Жена (Ева) из одного человека, и он остается целым. Кроме того, надлежало быть какому-нибудь знамению рождения от Девы. Рождает неплодная, и не однажды, но дважды, трижды и многократно. Итак, неплодная была прообразом рождения от Девы и побуждает наш разум к вере. (Рождение от неплодной) было знамением и того что Бог (Отец) один может родить. Если человек, совершеннейшее существо, рождается и без него (бесстрастно), то тем более он рождается из существа, которое совершеннее (человека). Есть и другое рождение, которое есть образ истины, наше (рождение) от Духа. Неплодная была образом и этого рождения, потому что оно не из кровей. А это (рождение от Духа) есть образ высшего рождения (Сына от Отца). То рождение показало бесстрастие, а это – что может родиться от одного (Бога Отца). Христос есть Владыка, выше всех; надлежало веровать этому. Это показано в (образе) земли при (сотворении)

человека: "Сотворим", – сказано, – "человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над" всеми бессловесными (Бт. 1:26). Так (Бог) научил нас не словами, но делами. Рай показал различие в природе и превосходство человека пред всеми (тварями). Христу надлежало воскреснуть, – смотри же, сколько прообразов этого: Енох, Илия, Иона, отроки в печи, потоп во дни Ноя, семена, растения, рождение, как наше, так как (сомнение) о воскресении все могло подвергнуть опасности, то воскресение имело много прообразов, – гораздо более, чем все прочее. Что все происходит не без провидения, об этом можно заключать из того, как у нас бывает: у нас ничто не остается без надзора; и для стада и для всего другого нужно, чтобы кто-нибудь управлял. А что неслучайно все произошло, показывает геенна, показал потоп при Но, огонь, потопление египтян, (чудеса), совершившиеся в пустыне. Нужно было многое, что служило бы предзнаменованием крещения; и (предзнаменования) были: то, что совершено в воде, и многое другое, что было в ветхом завете, что было в купели, очищение больного, самый потоп, крещение Иоанна. Надлежало веровать, что Бог предаст (на смерть) Сына своего: наперед сделал это человек. Кто же это? Патриарх Авраам. Таким образом, мы найдем прообразы всего этого, если захотим, если поищем в Писании. Но не будем утомлять себя; ограничимся этим; будем иметь твердую веру, и постараемся об исправление своей жизни, чтобы, благодаря Бога о всем, удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем, будучи укоренены и утверждены в Нем и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением" (Кол. 2:6,7).

1. Опять предваряет их собственным свидетельством, говоря: "Посему, как вы приняли". Мы, говорит, не вводим ничего чуждого; поэтому и вы не должны вводить. "ходите в Нем", потому что Он есть путь, приводящий к Отцу. Такой путь не в ангелах, – этот не ведет туда. "Укоренены", то есть, утверждены; не увлекаясь то на тот, то на другой путь, но "укоренены"; а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какие точные выражения употребляет (Павел)! "И утверждены", говорит, то есть, возносясь к Нему умом. "И укреплены" в Нем, то есть, держась на Нем, как устроенные на основании. Показывает, что они пали, это видно из слова: "научены". Вера, действительно, есть здание, требующее крепкого основания и прочного построения. Оно колеблется, если кто построить его не на крепком основании; а если и на крепком построить, но не утвердить, не будет стоять. "Как вы научены". Словом: "как" опять показывает, что он ничего не говорит нового. "Преуспевающая", – говорит, – "в ней с благодарением". Так поступают благомыслящие люди: я не говорю просто: благодаря, но с великим избытком, более, чем научены, если можно, и с великим соревнованием. "Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас" (ст. 8). Видишь, как он показал тая, чуждого и тихо входящего! Он представил его уже входящим. И хорошо сказал: "увлек" (συλαγωγων, обкрадет). Как иной, подкапывая снизу насыпь, не дает себя заметить, а насыпь ослабляет, так и он поступает. Итак, берегитесь: он всегда так делает, – не дает даже заметить себя. "философией". Но так как философствовать кажется делом похвальным, то прибавил: "и пустым обольщением". Лесть (обман) бывает и добрая; такой были прельщены многие, и ее не должны называть лостью; о ней говорит Иеремия: "Ты влек меня, Господи, – и я увлечен" (Иер. 20:7). Этого не должно называть лостью. Так, когда Иаков прельстил отца, – это не была лость, а (Божье) устройство. "Философией", – говорит, – "и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу" (ст. 8).

Теперь начинается обличение в наблюдении дней, называя стихиями мира солнце и луну, подобно тому, как сказал в послании к галатам: **"Для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам"** (Гал. 4:9)? И не сказал: в наблюдении дней, но: всего настоящего **"мира"**, – чтобы показать ничтожество его. Действительно, если мир – ничто, то еще более ничтожны стихии его. Итак, показав сначала, сколь великие получили они благодеяния, какими великими благами насладились, потом начинается обвинение, чтобы дать ему больше силы и тронуть слушателей. Так всегда делают и пророки. Они показывают сначала благодеяния (Божьи), и тем увеличивают силу обвинения, как говорит Исайя: **"Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня"** (Ис. 1:2); и опять: **"Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?"** (Мих. 6:3); и Давид говорит: **"из среды грома Я услышал тебя"**, и еще: **"открой уста твои, и Я наполню их"** (Пс. 80:8,11). И везде найдешь это. Итак, что бы ни говорили они (обольщающие), не должно верить; ныне и без (напоминания) о благодеяниях должно избегать стихийных мудрований). **"А не по Христу"**, – говорит. Если бы даже и так было, что вы могли бы служить пополам и тому и другому, – и этого не должно бы быть; ныне же этого не позволяет вам то, что **"по Христу"**, – оно удерживает вас от них (суеверий). Поколебав сначала эллинские суеверия, затем разрушает иудейские. У эллинов и иудеев было много суеверий, у первых они происходили от философии, а у последних от закона. (Павел) прежде обращается к тем, которые подлежат большему осуждению. Как же **"не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти"** (ст. 9 и 10).

2. Смотри, как, обличая их, он опровергает сказанное (заблуждение): сначала предложил решете, а потом возражение. Такое решение устраняет подозрение, и слушатель скорее соглашается, когда говорящий не о том заботится, чтобы опровергнуть возражение. В последнем случае, слушатель старается о том, чтобы не быть побежденным; а тут – не бывает этого. **"Ибо в Нем обитает"**, то есть, так как Бог живет в Нем. Но чтобы ты не подумал, будто Бог заключен в Нем, как в теле, говорит: **"Вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем"**. Некоторые говорят, что (апостол) называет здесь церковь исполненной божества Его, как в другом месте говорит: **"Полнота Наполняющего все во всем"** (Еф. 1:23), а слово: телесно значит здесь: как в голове тело. Почему же в таком случае не прибавил он: яже есть церковь? другие думают, что он говорит здесь об Отце, что полнота Божества живет в Нем. Но это несправедливо: во-первых, потому, что слово: жить не в собственном смысле говорится о Бог; во-вторых, потому, что полнота не есть то, то принимается: **"Господня земля и что наполняет ее"** (Пс. 23:1), и апостол говорит: **"Пока войдет полное число язычников"** (Рим. 11:25); здесь исполнением называется целое. Потом, что значит слово: **"телесно"**? Как в глав. Для чего же опять говорит то же: **"И вы имеете полноту в Нем"**? Что значат эти слова? То, что вы имеете столько же, сколько и Он; как жило в Нем, так и в вас живет. Павел постоянно старается приблизить нас ко Христу, например, когда говорит: **"Воскресив Его из мертвых и посадив"** нас (Еф. 1:20), и: **"Если терпим, то с Ним и царствовать будем"** (2 Тим. 2:12), и: **"Как с Ним не дарует нам и всего?"** (Рим. 8:32), и называет (нас) **"сонаследниками"** (Рим. 8:17). Затем (говорит) о достоинств: **"Который есть глава всякого начальства и власти"** (ст. 10). Ужели Тот, Кто выше всего, причина всего, не единосущен (Отцу)? Потом он прекрасно присовокупил здесь о благодеянии, даже лучше, чем в послании к римлянам: там он говорит: **"обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве"** (Рим. 2:29); а здесь: по Христе. **"В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым"** (ст. 11). Смотри, как он приближается к делу. **"Совлечением"**, – говорит, – не сказал: снятии. **"Греховного тела"**, – говорит о прежней жизни. Это он постоянно и различно выражает, как и выше сказал: **"Избавившего нас от власти тьмы"** (Кол. 1:13), **"И бывших некогда"**

отчужденными примирил, чтобы представить нас святыми и непорочными" (ст. 21, 22). Теперь, говорит, обрезание не от ножа, но от самого Христа; не рука, как там (в ветхом завете), совершает это обрезание, но дух; обрезывается не часть, но весь человек. тело и это, тело и то; но то обрезывается плотью, а это духовно, – не так, как иудеи (обрезывали), – потому что вы совлеклись не плоти, но грехов. Когда и где? В крещении. Что (Павел) называет обрезанием, то называет и гробом. Смотри, как он опять переходит к оправданию. **"Греховного"**, – говорит, – **"тела плоти"**, т. е., грехов, сделанных во плоти; говорит более, чем об обрезании, так как (иудеи) не отвергли того, что обрезано, но потеряли и повредили. **"Быв погребены с Ним"**, – говорит, – **"в крещении, в Нем вы и совокресли верой в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых"** (ст. 12). Но (крещение) есть не гроб только: смотри, в самом деле, что говорит: **"в Нем вы и совокресли верой в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых"**. Хорошо сказал, – потому что все от веры. Вы поверили, что Бог может воскресить, – и через это воскресли. Затем (присовокупляет) достоверное: **"Воскресил"**, – говорит, – **"Его из мертвых"**. Уже показывает воскресение. **"И вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним"** (ст. 13). Вы были повинны смерти. Но если вы и умирали, то не напрасно, – смерть была полезна вам. Смотри, как он опять показывает, чего они были достойны, в словах, которые присовокупляет: **"Простив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою"** (ст. 14 – 15). **"Простив нам"**, – говорит, – **"все грехи"**. Какие? Те, которые произвели смерть. И что же? Позволил им остаться? Нет; истребил их; не только даровал, но совсем истребил, чтобы они никогда не показывались. **"Учением"**, – говорит. Какими учениями? Верой. Следовательно, (для спасения) достаточна вера, (Павел) присоединил не дела к делам, но дела к вере. Что же затем? К отпущению опять присоединяет истребление (грехов). **"И Он"**, – говорит, – **"взял его от среды"**; но не сохранил его, а разорвал, **"и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою"** Никогда он не говорил так сильно!

3. Пилишь, как он заботился об уничтожении рукописания? Так как все мы были под грехом и наказанием, то Он, претерпев наказание, освободил нас и от греха, и от наказания. Наказание же Он претерпел на кресте. К нему-то и пригвоздил (рукописание), а потом, как имеющий власть, и совсем разорвал его. Какое рукописание? (Павел) говорит о том рукописании, которое (израильтяне) дали Моисею, говоря: **"Все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны]"** (Исх. 24:3). Если же не об этом, так о том, что мы обязаны повиноваться Богу. Если же и не об этом, то о том рукописании, которое держал дьявол, которое изрек Бог Адаму в словах: **"Ибо в день, в который ты вкусишь от дерева, смертью умрешь"** (Быт. 2:17). Это рукописание было у дьявола. И Христос не отдал его нам; но сам разорвал его, как свойственно прощающему с радостью. **"Отняв силы у начальств и властей"**. (Апостол) говорит это о силах дьявольских, или потому, что они были облечены человеческой природой, или потому, что (Христос) держал их как рукоятку меча, и, сделавшись человеком, обнажил их. Это и значит: **"Подверг их позору"**. И хорошо это сказано, потому что дьявол никогда так не бесчинствовал. Он надеялся овладеть Им (Христом), а лишился и тех, кого имел; в то время, когда тело (Христа) пригвождалось, мертвые воскресали. Тогда дьявол потерпел поражение, получив смертельный удар от мертвого тела. Как борец, считающий своего противника пораженным, сам получает от него смертельную рану, так и Он показал, что умереть с спокойным духом значит посрамить дьявола. Если бы мог, дьявол сделал бы все, чтобы уверить людей в том, что (Христос) не умирал. Но, так как доказательством воскресения служило все последовавшее затем время, а для доказательства смерти не было другого времени кроме этого, то Он и умер открыто, в виду всех, но воскрес не открыто, зная, что

последующее затем время засвидетельствует истину. Что в виду всего мира, на высоте, на древе был умерщвлен змий, – это достойно удивления. И чего не сделал дьявол, чтобы только (Христос) умер тайно? Послушай, что говорит Пилат: **"Возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины"** (Иоан. 19:6); и потом иудеи говорили Ему: "если Ты Сын Божий, сойди с креста" (Мф. 27:40). Но Он уже получил смертельный удар; но сошел (со креста), и потому предан был гробу. Он мог тотчас же воскреснуть; но (не сделал этого), чтобы уверены были в смерти Его. И в смерти людей обыкновенных малодушие предосудительно; здесь нет его. Даже и воины **"не прибили Ему голени"**, как другим, чтобы очевидно было, что Он умер. Известны и те, которые погребли тело Его; поэтому сами же иудеи, вместе с воинами, запечатывают камень. Здесь преимущественно старались о том, чтобы (смерть Его) не была сокрыта. Свидетели – из врагов, из иудеев. Послушай, что они говорят Пилату: **"обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи"** воинам стеречь **"гроб"** (Мф. 27:63). Это и сделано было; они еще запечатали гроб. Послушай, как они и после говорят это апостолам: **"Хотите навести на нас кровь Того Человека"** (Деян. 5:28). Он не попустил, чтобы образ креста Его был посрамлен. Да и ангелы ничего такого не перенесли бы. Он исполняет на кресте все, показывая, что смертью совершено великое дело. Это было похоже на единоборство: смерть поразила Христа; а Христос, пораженный ею, потом умертвил ее. Мертвым телом умерщвлен тот, кто казался бессмертным. Вселенная это видела. И, что удивительно, не поручил этого другому; дано новое рукописание, не такое, какое было прежде.

4. Смотрите, чтобы это рукописание не обвинило нас после того, как мы сказали: отрицаемся сатаны и сочетаемся Тебе, Христе! Но лучше и не называть этого рукописанием, а договором. Рукописание дается в том случае, когда кто-нибудь признает себя должником; а это договор. Он не назначает наказаний; не сказано: если то, или: если не то. Так говорил Моисей, кропя кровью завета, и Бог обещал вечную жизнь. А это все – договор. Там раб с господином, здесь друг с другом; там: **"Ибо в день, в который ты вкусишь от него"**, – говорится, – **"смертью умрешь"** (Быт. 2:17), – тотчас угроза; а здесь ничего такого нет. Здесь нагота и там нагота; но там (грешник) был обнажен, потому что согрешил; а здесь обнажается, чтобы освободиться (от греха). Тогда он совлекся славы, которую имел; а ныне совлекается ветхого человека, и, прежде чем выйдет (из купели), совлекает его так же легко, как одежду. Он помазывается как борцы, выступающие на поприще; в то же время и рождается, – и не мало-помалу, как тот первый, но вдруг; у него не голова только помазывается, как у ветхозаветных священников, но гораздо более. У тех, для побуждения к послушанию и добрым делам, помазывались: голова, правое ухо и рука; а у него все, – потому что он приходит не для того только, чтобы поучаться, но чтобы посредством борьбы и подвигов сделаться новой тварью. Когда он исповедал вечную жизнь, то исповедовал и новую тварь. **"Взяв персть от земли, создал человека"**; а ныне уже не персть, но – Святого Духа: Он создает, Он образует (человека), как и самого (И. Христа) во чреве Девы. Не сказал: **"в раю"**, но: **"на небе"**, чтобы ты, когда будет сказано: земля, не подумал, что это происходит на земле. Ты перенесен туда – на небо; там это совершается, среди ангелов; Бог возносит твою душу на небо, пересоздает ее там, ставит тебя подле царского трона. Создается в воде, а получает дух, соответствующей душе. Когда создает (нового человека), не приводит к нему зверей, но демонов и князя их, и говорит: **"Наступать на змей и скорпионов"** (Лк. 10:19). Не говорит: **"Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию"**; по что? – **"Дал власть быть чадами Божьими, которые ни от крови, но от Бога"**, – говорит, – **"родились"** (Иоан. 1:12,13). Чтобы ты не слушал змия, сейчас же научаешься говорит: отрицаюсь тебя (сатана), то есть, что бы ты ни сказал, не послушаю тебя. Но чтобы он не уловил тебя посредством других, говоришь: и гордыни его, и служения его, и ангелов его. Поставил его (возрожденного) не рай хранить, но жить на небе. Именно, восходя (от купели), он тотчас

говорит следующие слова: **"Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе"** (Мф. 6:9,10). Пред тобою не дитя, ты видишь на дерево, не источник, но самого Владыку вдруг объемлешь, совокупаешься с телом, соединяешься с телом, находящимся горе, куда не может взойти дьявол. Это не жена, чтобы он мог подойти и обольстить, как слабейшую: **"Нет"**, – говорит, – **"мужеского пола, ни женского"** (Гал. 3:28). Если ты сам не снизойдешь к нему, он не сможет взойти туда, где ты; ты на небе, а небо недоступно дьяволу. Там нет древа познания добра и зла, но только – древо жизни. Уже не от ребра твоего жена, но все мы едино от ребра Христова. Если помазанные людьми не получают никакого вреда от змей, то и тебе не приключится ничего, доколь ты сохранишь помазание, дающее тебе силы схватить и задушить змия, наступать на змей и скорпионов. Но, как велики дары, так велико и наказание: изгнанному из рая нельзя жить против рая и нельзя возвратиться туда, откуда изгнан. Что же будет? Геенна и червь неумирающий. Но, да не будет, чтобы кто-нибудь из нас подвергся этому наказанию. Будем, живя добродетельно, стараться делать угодное (Богу); будем угождать Богу, чтобы мы могли избежать наказания и сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело – во Христе. Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божьим" (Кол. 2:16–19).

1. Сказав сначала загадочно: **"Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас по преданию человеческого"** (ст. 8), и еще прежде: **"Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами"** (ст. 4), и тем предрасположив душу их и сделав ее внимательною, упомянув потом о благодеяниях (Божьих) и тем еще более усилив внимание, наконец, (Павел) начинает обличение, и говорит: **"Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу"**. Видишь, как он разрушает это. Если, говорит, вы достигли такого (величия), то для чего подчиняете себя маловажному? Далее смягчает (обличение), говоря: **"Или за какой-нибудь праздник"**, так как они не все прежнее удержали. **"Или новомесячие, или субботу"**. Не сказал: не сохраняйте еже, но: **"Никто да не осуждает вас"**; показал, что они преступают и разрешают, но вину сложил на других. Не подчиняйтесь, говорит, тем, которые вас осуждают. нет, впрочем, и этого: он только рассуждает с ними, а не заграждает их уст, не запрещает им рассуждать. Он и не коснулся этого. Не сказал: (в различении) чистого и нечистого, не сказал: (в соблюдении праздника) кущей, или опресноков, или пятидесятницы, но: **"За какой-нибудь праздник"**, – так как они не дерзали сохранять все, а если и сохраняли, то не как праздники. **"За какой-нибудь"**, – говорит, показывая тем, что большая часть уже оставлена. И если они и соблюдали субботу, то неполне. **"Это есть тень будущего"**, нового, говорит, завета. **"тело – во Христе"**. Некоторые ставят знаки таким образом: **"Тело – во Христе"**, – истина же была во Христе; а другие так ставят: **"тело – во Христе. Никто да не обольщает вас"** (χαταβραβεύετω), т. е. лишит; слово: χαταβραβεύδιναи употребляется в том случае, когда один одержит победу, а другой получить награду, – когда победитель бывает обмануть. Ты стал выше дьявола и греха: зачем же опять подчиняешься греху? Потому-то и говорил: **"Что он должен исполнить весь закон"** (Гал. 5:3), и еще: **"Неужели Христос есть слугитель греха?"** (Гал. 2:17). Это сказал в послании к галатам. Возбуждав в них словом:

"Да обольщает" чувство негодования, он затем начинает: **"Самовольным"**, – говорит, – **"смирennemудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеаясь плотским своим умом"**. Как – **"смирennemудрием"**? Как – **"надмеаясь"**? Показывает, что все это происходит от тщеславия. Что же означают все эти слова? Некоторые говорили, что мы должны быть приводимы (к Богу) не через Христа, но через ангелов, потому что приведете через Христа больше, чем сколько нужно для нас. Поэтому (Павел) объясняет со всех сторон сказанное о Христе: мы примирены **"Кровью креста Его"** (Кол. 1: 20), **"потому что пострадал за нас"** (1 Петр. 2:21), **"которой возлюбил нас"** (Еф. 2:4). При том, они погрешили еще в том самом, что (апостол) не сказал: приведением, но: **"Служением, вторгаясь в то, чего не видел"**. Он (такой учитель) не знал ангелов, и однако же думал, что знает. Поэтому и говорит: **"Безрассудно надмеаясь плотским своим умом"**. Он надмеается не действительным чем-нибудь, а своим мнением, и прикрывается одеждой смирения. (Павел) сказал как бы так: человеческое рассуждение есть дело плотского, а не духовного ума. **"И не держась главы"**, – говорит, – **"от которой все тело"**, т. е. откуда (тело) получает бытие и здоровье. Каким же образом ты можешь иметь члены, отрешившись от главы? Как только ты отделился от ней, ты погиб. **"От которой все тело"**. Всякий, говорит, обязан главе не только жизнью, но и самым союзом своим с нею. Вся церковь, пока имеет главу, возрастает; это не есть действие безрассудства и тщеславия, не изобретение человеческого разума. Выражение – **"от которой"** употреблено о Сыне. **"Составами и связями"**, – говорит, – **"будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божьим"**: (возражение) по Богу, говорит, по наилучшему устройству жизни. **"Итак, если вы со Христом умерли"**. Это он ставит в середине; а что сильнее, то – впереди и позади. **"Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира"**, – говорит, – **"то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений"** (ст. 20)? Здесь нет последовательности. Следовало бы сказать: для чего подчиняетесь стихиям, как будто живые? Но, оставив это, что он говорит? **"Не прикасайся", 'не вкушай', 'не дотрагивайся' [что все истлевет от употребления], по заповедям и учению человеческому?"** (ст. 21, 22).

2. Вы, говорит, не принадлежите к миру: зачем же покоряетесь стихиям? Зачем (подчиняетесь) тому, что соблюдает мир? И смотри, как он осмеивает их: **"не прикасайся", 'не вкушай', 'не дотрагивайся'"**, – как будто он удерживает их от чего-то важного. **"что все истлевет от употребления"**; посрамил надменность многих, и прибавил: **"По заповедям и учению человеческому"**. Что говоришь ты? Если говоришь о законе, то с некоторого времени и он – учение человеческое. Павел сказал это или потому, что (иудеи) извратили закон, или намекает на (учение) эллинов. Все, говорит, есть учение человеческое. **"Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смирennemудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти"** (ст. 23). **"Вид"**, – говорит, а не силу, следовательно не истину. Потому будем отвращаться того, кто имеет **"вид"** премудрости. Ведь иной кажется и благочестивым, и скромным, и презирающим тело; а в самом деле он не таков. **"В некотором небрежении о насыщении плоти"**. Бог дал (телу) честь; но они пользовались им не в честь. Таким образом, когда было определение (Божье), он умел назвать честью. Они, говорит, бесчестят плоть, лишая ее (должного), отнимая у ней силу, не позволяя ей действовать без принуждения. Бог даровал честь плоти. **"Итак, если вы воскресли со Христом"**. Доказав прежде, что Он умер, теперь убеждает их, и потому говорит: **"Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего"** (3:1). Там нет соблюдения. **"Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога"**. О, куда он возвел ум наш! Какой великой мыслью он исполнил их! Не удовольствовался тем, что сказал: **"Горнего"**, ни словами: **"Где Христос"**; но прибавил: **"Сидит одесную Бога"**, – дал понять, что оттуда нее должно смотреть на земное. **"О горнем помышляйте, а не о земном"** (ст. 2). **"Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге"** (ст. 3). **"Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь"**

с Ним во славе" (ст. 4). Жизнь настоящая, говорит, не ваша; ваша жизнь иная некая. Он уже спешит перенести их (от земли), старается показать, что они находятся на небе, что уже умерли, давая из того и другого понять, что не должно искать здешнего (земного). Если вы умерли, то вам не должно искать (здешнего); если вы на небе, то не должны искать (земного). Не является Христос; значит и жизнь ваша еще не наступила, – она в Боге, на небе. Итак, что же? Когда мы будем жить? Когда явится Христос – жизнь ваша, тогда ищите и славы, и жизни, и радости. Это сказано с тою целью, чтобы удержать их от развлечений и праздности. (Павел) обыкновенно так делает, – доказывая одно, переходить к другому. Так, напр., говоря о тех, которые предворяли трапезу, он вдруг перешел к соблюдению таинств. Ведь обличение бывает сильнее, когда оно неожиданно. **"Сокрыта"**, – говорит, от вас. **"Тогда и вы явитесь с Ним"**. Стало быть ныне не являетесь. Смотри, как он перенес их в самое небо. Он, как я сказал, всегда старается показать, что они имеют то же, что и Христос. Во всех посланиях своих он говорит об этом, чтобы показать, что они (верующие) имеют во всем общение с Ним. Для этого он говорит и о глав, и о теле, и делает все, служащее к объяснению этого. Итак, если мы явимся тогда, то не будем скорбеть, если теперь не наслаждаемся славой. Если настоящая жизнь – не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь как мертвые. **"Тогда"**, – говорит, – **"и вы явитесь с Ним во славе"**. Не без цели сказал: **"Во славе"**: и жемчужина скрыта, пока она в раковин. Итак, оскорбляют ли нас, другое ли что терпим, не будем скорбеть, так как настоящая жизнь – не наша жизнь: мы странники и пришельцы. **"Итак, умертвите"**, – говорит. Кто настолько безрассуден, чтобы для мертвого и погребенного тела покупать рабов, или строить дома, или готовить драгоценные одежды? Никто. Потому и мы не должны поступать так. Мы обыкновенно желаем только одного: не быть обнаженными; и здесь также будем искать только одного. Наш первый человек погребен; не в земле погребен, но в вод; не смерть победила его, но Победителем смерти он погребен; не по закону природы, но по повелению власти, более сильной, чем природа. Что бывает по законам природы, то еще может разрушить кто-нибудь, но того, что происходит по Его повелению, – никто. Ничего нет блаженнее этого погребения. О нем радуются все: и ангелы, и люди, и Владыка ангелов. Для этого погребения не нужно ни одежд, ни гроба, и ничего подобного. Хочешь видеть прообраз? Я тебе покажу купель, в которой один был погребен, а другой восстал. В Красном море египтяне потонули, а израильтяне вышли из него. От одного и того же может произойти погребение одного и рождение другого.

3. Не удивляйся, что в крещении бывает и рождение, и истление. Разве, скажи мне, разложение не противоположно соединению? Это очевидно для всякого. А огонь производить и то, и другое: воск он растопляет и уничтожает, а золотоносную руду сплавляет и делает золотом. Так и здесь (в крещении): огненная сила, расплавив восковую статую, обнаружила вместо нее золотую. В самом деле, до крещения мы были глиняные, после крещения – мы золотые. Откуда это видно? Послушал, что говорит сам (Павел): **"Первый человек – из земли, перстный; второй человек" – небесный "с неба"** (1 Кор. 15:47). Я сказал, какое расстояние между глиняным и золотым, нахожу, что еще большее различие между небесным и земным; не столько отличается глина от золота, сколько земное от небесного. Мы были восковые и глиняные и от пламени пожелания мы таяли гораздо более, чем воск от огня, и встретившееся искушение сокрушало нас гораздо более, чем камень – глиняные вещи. Изобразим, если хотите, прежнюю жизнь. Не все ли в ней было земля, и вода, и ветер, и пыль, непостоянно и преходяще? Рассмотрим, если угодно, не прежнее, а настоящее. Не найдем ли, что все существующее – прах и вода? О чем еще желаешь – сказать тебе? О начальствах и властях? В настоящей жизни ничего, кажется, не домогаются с таким старанием, как этого. Но скорее увидишь пыль, неподвижно стоящую в воздухе, чем постоянство в этом, особенно в наше время. Кому не подчинены (начальники)? Тем, которые любят их, Енухам, делающим все за деньги, злобе народа,

гневу более сильных. Тот, кто вчера стоял на верхних ступенях трона, имел глашатаев, вызывавших громким голосом, множество передовых слуг, гордо выступавших на площади, тот сегодня мал, низок и лишен всего этого; все исчезло, как пыль, поднятая ветром, как унесшаяся волна. И как наши ноги поднимают пыль, так властителей производят те, у которых деньги в руках; они во всю жизнь свою делают то же, что ноги наши (поднимая пыль). Поднявшаяся пыль занимает много места в воздухе, а сама невелика; такова и власть. Как пыль ослепляет глаза, так гордыня власти помрачает зрение ума.

Что же? Ты хочешь, чтобы я рассмотрел вожаемый предмет – богатство? Пожалуй, – рассмотрим его по частям. В нем есть удовольствия, есть почести, есть власть. Сначала, если хочешь, исследуем удовольствия. Разве они не пыль? Разве они проходят не скорее пыли? Сладость приятна, пока она на языке; а когда наполнен желудок, тогда и на языке нет ее. За то почести приятны, говоришь ты. Но есть ли что-нибудь неприятнее той чести, которая приобретается посредством денег? Если честь приобретена не усилием воли, не доблестью душевной, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь делает богача бесчестнее всех. Если бы ты, имея друга, пользовался общим уважением, и все открыто говорили бы, что сам ты ничего не стоишь, что они принуждены уважать тебя из-за друга твоего, скажи мне: могли ли бы они чем-нибудь более бесчестить тебя? Следовательно, богатство, когда его чтут более, чем обладателей его, есть причина бесчестия нашего, свидетельство слабости, а не могущества. Не глупо ли, в самом деле, если нас не считают достойными этой земли и пепла, а таково золото, получать нам почтение из-за него? Подлинно, лучше не пользоваться честью, чем приобретать ее таким способом. Но так но бывает с тем, кто презирает богатство. Если бы кто-нибудь сказал тебе: я не считаю тебя достойным никакой чести, но уважаю тебя за твоих слуг, – скажи, – какое бесчестие было бы для тебя хуже этого? Если постыдно приобретать честь через рабов, имеющих одинаковую с нами душу и природу, то еще постыднее (приобретать ее) посредством того, что гораздо ничтожнее, – я разумею стены домов, дворы, золотые сосуды, одежды. Это, действительно, смешно и постыдно! Лучше умереть, чем пользоваться такой честью. Скажи мне: если бы ты, гордящийся своим величием, подвергся опасности, и какой-нибудь незначительный и презренный человек захотел бы избавить тебя от ней, – что могло бы быть для тебя хуже этого? Что вы рассказываете друг другу о городе (Антиохии), о том же я хочу сказать вам. Некогда наш город оскорбил императора, и император приказал уничтожить его весь до основания, и мужей, и детей, и жилища. Так цари гневаются! Они пользуются властью, как хотят. Таково-то зло власть! Итак, (город наш) был в крайней опасности. Соседний приморский город отправил к царю ходатаев за нас. А жители нашего города говорили, что это хуже, нежели истребление города. Такая честь хуже бесчестия. Смотри же, где честь имеет свой корень. Нас делают почетными и руки поваров, которых мы обязаны благодарить за это, и свинопасы, доставляющие богатый стол, и ткачи, и поденщики, и делатели металлов, и пирожники, и строители трапез.

4. Итак, не лучшее ли не пользоваться честью, чем быть обязанным благодарностью за нее таким людям? Но и без этого я постараюсь ясно показать, что приобретение богатства соединено с великим бесчестием. Оно душу делает гнусной, – а что бесчестнее этого? Скажи мне: если бы к благообразному и красивейшему телу подошло богатство и объявило, что оно сделает его гнусным, вместо здорового – больным, вместо хорошо сложенного – опухшим, и, наполнив все его члены водяной болезнью, вздуло бы лицо, растянуло бы его во все стороны, раздуло бы ноги и сделало бы их тяжелее бревен, вспучило бы живот так, что он был бы больше всякой бочки, и затем объявило бы, что, если кто захочет исцелить его, – оно не позволит, – в этом его воля, – если бы, наконец, дошло до такого своеволия, что подвергало бы наказанию всякого, приближающегося к телу для его исцеления, – скажи мне: какая жестокость могла бы быть больше этой? Если

же богатство поступает так с душой, какое же оно добро? Но власть его тяжелее болезни. Если больной не слушается предписаний врачей – это хуже болезни. А богатство именно это производит, отовсюду воспаляя душу и не позволяя врачам приблизиться к ней. Не будем же считать богачей блаженными за их власть, но пожалеем об них. Если я увижу одержимого водяной болезнью, употребляющего напитки и вредные мяса, какие хочет, и никто не может запретить ему, – я не назову его счастливым за власть его. Власть, равно и почести, не всегда благо, потому что они надмевают душу. Ты, без сомнения, не согласишься, чтобы тело получило с богатством такую болезнь: как же ты нерадишь о душе, которая принимает (с богатством), кроме болезни, и другое наказание? Ее отовсюду жгут горячки и воспаления, и никто не может угасить этот жар; богатство не позволяет этого, считая приобретением то, что в самом деле есть потеря, то есть, ничему не подчиняться и все делать по своему произволу. Ничья душа не наполнена столь многими и столь безрассудными пожеланиями, как (души) желающих обогащаться. Каких сумасбродств они не представляют себе? Всякий согласится, что они измышляют гораздо более, чем те, которые измышляют иппокентавров, химер, зверей с змеями вместо ног, скилл и чудовищ. Если ты захочешь представить себе какое-нибудь из их пожеланий, – увидишь, что это такое страшилище, в сравнении с которым и скилла, и химера, и иппокентавр – ничто; найдешь, что оно совмещает в себе всех зверей. Кто-нибудь, пожалуй, подумает, что я сам имел большие богатства, когда так верно изображаю жизнь богачей. Рассказывают, что какой-то, – в подтверждение слов своих, я сначала приведу нечто из эллинских песнопений, – рассказывают, что какой-то царь их до того обезумел от роскоши, что приказал сделать из золота платановое дерево выше неба, и сидел под ним в то время, когда воевал с неприятелями, искусными в военном деле. Разве такая прихоть не стоит иппокентавров или скилл? Другой бросал людей внутрь деревянного быка. Разве это не скилла? А некоего из древнейших царей и воинов (богатство) сделало женщиной вместо мужчины, – да что я говорю женщиной? – зверем бессмысленным, и еще хуже того, потому что звери, когда они находятся под деревьями, удерживают свои природные склонности и ничего больше не желают, а тот и природу зверей превзошел. Итак, не крайнее ли безумие – собирать богатства? А всему причиной неумеренность пожеланий. Но, скажете, богачу многие удивляются? Да; за то они и подвергаются такому же смеху, как и он. Не богатство здесь представляется глазам, а безумие. Выросшее из земли платановое дерево не гораздо ли лунно того полотоного? Все, согласное с природой, приятнее того, что противно природе. На что хотелось тебе золотого неба, безумец? Видишь, как большое богатство доводит людей до безумия? Как надмевают их? Я думаю, что оно еще не знает моря, и скоро захочет по нем ходить. Разве это не химера? Разве это не иппокентавр? Есть и ныне такие, которые ничем не уступают, даже более безумствуют. Чем, скажи мне, отличаются по безумию от золотого платана те, которые делают золотые кувшины, горшки и сосуды? Чем отличаются от него те женщины, которые – стыдно, а необходимо сказать! – делают серебряные ночные горшки? Надлежало бы стыдиться вам, делающим это. Христос алчет, а ты так роскошничает, или, лучше сказать, безумствуешь. Какого наказания не заслуживают они? И ты еще спрашиваешь, отчего разбойники, отчего убийцы, отчего бедствия, когда дьявол так овладел вами? И блюда серебряные иметь несвойственно любомудрой душе, – все это роскошь, – а делать из серебра нечистые сосуды – разве не роскошь? Не скажу: роскошь, а безумие, и не безумие, а бешенство, даже хуже бешенства.

5. Я знаю, что многие за это смеются надо мной. Но я не перестану говорить, лишь бы только принести пользу. Подлинно, богатство делает (людей) безумными и бешеными. Если бы у них была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стены золотые, а пожалуй, чтобы и небо и воздух были из золота. Какое сумасшествие! Какое беззаконие! Какая горячка! Другой, созданный по образу Божью, гибнет от холода, а ты заводишь такие (прихоти)! О, гордость! Может ли безумный сделать больше этого?

Извержения свои ты так считаешь, что собираешь их в серебро! Знаю, что вы приходите в ужас от моих слов; но должны ужасаться жены, которые так делают, и мужья, которые потворствуют таким недугам. Это необузданность, свирепость, бесчеловечие, зверство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой дракон, или лучше какой демон, какой дьявол стал бы поступать так? Какая польза тебе от Христа? Какая польза от веры, когда иной эллин (язычник) сноснее, даже не эллин, а демон? Если голову не должно украшать золотом и камнями, то может ли ожидать прощения тот, кто употребляет серебро на такие грязные надобности? Разве не довольно того, что другие вещи, – хотя и это несносно, стулья, скамейки – все из серебра? Безумно и это; и везде чрезмерная пышность, везде тщеславие; нигде (нет соответствия) нужде, всюду излишество. Я опасюсь, чтобы женщины, продолжая такое сумасшествие, не сделались похожими на чудовищ. Можно ведь ожидать, что он захотят иметь и волосы золотые. Можете ли вы сказать, что нимало не сочувствуете ничему из сказанного, что оно не трогает вас, не возбуждает пожелания? Если бы не удерживал стыд, вы не отперлись бы. Если вы позволяете себе и поступки более нелепые, то тем более я могу думать, что появляется желание иметь золотые и волосы, и губы, и брови, и все (члены) обмазать растопленным золотом. Если вы этому не верите и думаете, что я шутя говорю это, то расскажу вам, что я слышал, что даже и теперь есть. У персидского царя золотая борода, искусные слуги вплетают в волосы ее, как в уток, золотые пластинки и он лежит точно чудовище. Слава тебе, Христе! Каких великих благ исполнил Ты нас! Как все устроил Ты, чтобы сохранилось здравее (души) нашей! От какой чудовищности, от какого безумия избавил Ты нас! Теперь предупредю, уже не увещаю, но приказываю и объявляю, – кто хочет, пусть слушает, а кто не хочет, пусть не исполняет: если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю более; я не приму вас; не позволю переступить этот порог. Что мне до того, что больных много? Что же будет, если, уча вас, не воспрепятствую прихотям? Павел запретил и золото, и жемчуг. Эллины смеются над нами; наше учение им кажется баснею. Внушаю это мужам. Ты вошел в училище, изучаешь духовную философию? Прекрати эту пышность. Внушаю это и мужам, и женам. Пусть кто-нибудь поступает иначе; я не стану более терпеть. Двенадцать было учеников; а послушай, что говорит им Христос: "**Не хотите ли и вы отойти?**" (Иоан. 6:67). Если мы будем все поблажать, – когда же исправим вас? Когда принесем пользу? Но есть, говоришь, другие ереси; переходят и туда. Это слова пустые. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысяча беззаконников. А сам ты, скажи мне, чего бы хотел: иметь ли тысячу слуг беглецов и воров, или одного благоразумного? Итак, я увещаю и приказываю: эти украшения для лиц и эти сосуды сокрушить и раздать бедным и не безумствовать так. Пусть кто хочет уходить (от меня), кто хочет осуждает, – я никому не буду поблажать. Когда я буду судиться пред престолом Христовым, вы будете стоять в сторон; ваша любовь не поможет мне, когда я буду давать отчет. Все портят эти слова: лишь бы, говорят, не отступил, не перешел в другую ересь; он слаб; окажи ему снисхождение. Но до чего же? До какого времени? Один раз, два, три раза; но не всегда же. Итак, я опять объявляю и свидетельствуюсь словами блаженного Павла, что "**Что, когда опять приду, не пощажу**" (2 Кор. 13:2). Когда исправитесь, узнаете тогда, какое приобретение, какая польза (в этом). Да, советую вам, прошу вас, я не отказался бы обнять колена ваши и умолять об этом. Какая изнеженность! Какая роскошь! Какая наглость! Да, это не роскошь, – это именно наглость! Какое безумие! Какое неистовство! Так много нищих стоит около церкви; а церковь, имя столько чад и столько богатых чад, не может помочь ни одному бедному. Один голодает, а другой напивается; один употребляет серебро даже для нечистот своих, а у другого нет и хлеба. Что за неистовство, что за зверство такое! Пусть же мы не будем доведены до искушения наказывать непослушных и делать это с досадой, но пусть они все это выполнять добровольно и с терпением, чтобы жить нам в славе Божьей, избежать будущего наказания, и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и

человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 8

"Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними" (Кол. 3:5–7).

1. Знаю, что многие оскорбились предшествовавшей беседой. Но как мне быть? Слышали, что повелел Владыка? Виноват ли я? Что мне делать? Разве вы не видите, как заимодавцы ввергают в оковы несостоятельных должников? Вы слышали, что сегодня Павел возвестил? **"Итак, умертвите"**, – говорит, – **"земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение"**. Что хуже этого лихоимания? Оно несноснее того, о чем я говорил, – того бешенства, того сумасбродства в употреблении серебра. **"И любостяжание"**, – говорит, – **"которое есть идолослужение"**. Видите, где оканчивается зло? Не огорчайтесь же! Я не хочу иметь врагов по своей вол и безрассудно; но я желаю вам достигнуть такой степени добродетели, чтобы мне слышать об вас, что должно. Но по самомнению, и не по власти (я говорил), но по скорби и печали. Простите мне, простите. Говоря о таких вещах, я не желаю нарушать приличие; но нужда заставляет. Не ради скорби бедных говорю это, но ради вашего спасения, потому что погибнуть не напитавшие Христа, погибнуть. Важное ли дело, если ты питаешь бедного? Но когда ты так нежишься, так роскошествуешь, – все это прихоти. Не того от тебя требуют, чтобы ты дал много; но чтобы дал по своему состоянию, – кто дает менее, тот забавляется. **"Итак, умертвите"**, – говорит, – **"земные члены ваши"**. Что ты говоришь? Не ты ли сказал: вы погребены, спогребены, обрезаны, мы совлеклись тела греховного плоти? Как же ты опять говорит: **"умертвите"**? Не шути: ты говоришь так, как бы эти (уды) в нас были? Тут нет противоречия. Если бы кто-нибудь, очистив загрязненную статую, или даже перелив ее и сделав совершенно блестящей, сказал, что ее точит и губит ржавчина, и стал бы советовать снова постараться очистить ее от ржавчины, – он не противоречил бы себе, потому что он советовал бы очистить не от той ржавчины, которую уже счистил, но от той, которая показалась после. Так (и Павел) говорит не о прежнем умерщвлении, не о прежних блудодеяниях, но о последующих. Но вот, говорят еретики, Павел осуждает творение; прежде сказал: **"О горнем помышляйте, а не о земном"** (3:2), и опять говорит: **"Итак, умертвите земные члены ваши"**. Но здесь выражением – **"земная"** указывается на грех, а не осуждается творение. Самые грехи он так называет: **"земные"**, или потому, что они совершаются по земному мудрованию и на земле, или потому, что показывают земляность грешников. **"Блуд, нечистоту"**, – говорит. Он не упомянул о тех делах, которые и назвать непристойно; но указал все словом: **"нечистоту, страсть"**, – говорит, – **"и злую похоть"**. Вот он сказал вообще обо всем, потому что все похоть злая – зависть, гнев, уныние. **"И любостяжание"**, – говорит, – **"которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления"**. Разными способами он удерживал их (от греха): оказанными благодеяниями, будущими бедствиями, от которых мы, будучи такими, избавились, и почему, и – прочим всем, как-то: кто мы были, в каких (обстоятельствах), что мы от них избавились, как, каким способом и почему: этого достаточно, чтобы удержать от греха. Но это (гнев Божий) сильнее всего. Неприятно это говорит, но вовсе не бесполезно; напротив – полезно. **"За которые"**, – говорит, – **"гнев Божий грядет на сынов противления"**. Не сказал: **"На вас"**, но: **"на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними"**. Для возбуждения в них стыда сказал: **"Когда жили между ними"**; но тут же и похвала, – что ныне они не живут (в них), что это можно сказать только о прежнем. **"А теперь вы отложите все"** (ст. 8). Он всегда говорит и вообще и в частности; это

происходит от расположенности: **"Гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу"**. Выразительно говорит: **"Сквернословие уст ваших"**, потому что оно грязнить (уста). **"Совлекшись ветхого человека с делами его облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его"** (ст. 9 и 10). Здесь уместно спросить: почему он, назвав члены, и человека и тело, растленную жизнью, опять то же самое называет добродетельною? И, если грехи и человек – одно и то же, то как говорит он: **"С делами его"**? Он сказал однажды о ветхом человек и показал, что не это человек, но другое, потому что свобода (в человек) важнее сущности; первая более человек, нежели последняя. Не сущность ввергает в геенну, не она вводит в царство (Божье), но одна свобода. И мы любим, или ненавидим кого-нибудь не за то, что он человек, но за то, что он такой-то человек. Итак, если тело есть сущность, а сущность ни в том, ни в другом случае не подлежит ответственности, то как он тело называет злом?

2. О чем же он говорит: **"с делами"**? О свобод с делами. Ветхим же называет его, желая показать его гнусность, безобразие и слабость. **"В нового"**, – как бы так говорит: не ожидайте, чтобы и с этим случилось то же; напротив, чем более он живет, тем более приближается не к старости, а к юности, которая лучше прежней. Чем больше он приобретает звания, тем большего удостаивается, и более цветет, и более имеет силы, не от юности только, но и от образа, к которому приближается. Потому-то наилучшая жизнь называется тварью – по образу Христа; это и значит **"по образу Создавшего его"**, так как и Христос умерь не в старости, а Он имел тогда такую красоту, что и выразить нельзя. **"Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос"** (ст 11). Вот третья похвала этого мужа! Он не различает ни по племени, ни по достоинству, ни по предкам. Он не имеет ничего внешнего и не нуждается в нем. Обрезание и необрезание, раб и свободный, эллин, то есть, пришлец, и иудей, то есть, природный, – все это внешнее. Если ты имеешь только это, то и достигнешь того же, чего достигли другие, имеющие это. **"Но все"**, – говорит, – **"и во всем Христос"**, – то есть, Христос да будет для вас все, – и достоинство, и род, и во всех вас – Он сам. Или же нечто другое говорит, именно: все вы сделались одним Христом, будучи телом Его. **"Итак облекитесь, как избранные Божьи, святые и возлюбленные"** (ст. 12). Показывает легкость добродетели, чтобы они непрестанно имели ее, и пользовались ею, как величайшим украшением. Увещание (соединено) с похвалой, так как от этого оно получает больше силы. Они были святыми, но не были избранными; а ныне и избранные, и святые, и возлюбленные. **"в утробы щедрот"**. Не сказал: в милосердие, но гораздо выразительнее, двумя словами. И не сказал: вы должны иметь расположение (друг к другу), как братья, но: как отцы к детям. Чтобы ты не сказал мне, что он ошибся, для этого он прибавил: **"в утробы"**. И не сказал: в щедроты, – чтобы не унижить их, – но: **"В утробы щедрот: в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы"** (ст. 12 и 13). Опять говорит по частям; от благи смиренномудрие, а от смиренномудрия долготерпение. **"Снисходя"**, – говорит, – **"друг другу"**, то есть, прощая друг другу. И смотри, как он показал ничтожность этого, назвав **"жалобу"**. Затем прибавляет: **"Как Христос простил вас"**. Великий пример! (Павел) всегда так делает, убеждает их примером Христа. **"Жалобу"**, – говорит. Выше показал, что это ничтожно; но когда привел пример, утверждает, что если бы мы имели и важные обвинения, должны прощать. Слова: **"как Христос"** означают это; и не это одно, но и то, что должно прощать от всего сердца; и даже не это только, но и то, что должно любить (оскорбляющих нас). Христос, представленный в пример, научает всему этому, и еще тому, что (должно прощать обиды), хотя бы они были велики, хотя бы мы ничем наперед не оскорбили обидевших нас, хотя бы мы были люди великие, а обидевшие нас – незначительны, хотя бы они и после прощения намеревались оскорбить нас, и наконец – что должно душу свою полагать за них. Слово: **"как"** требует этого; оно

(показывает) еще, что должно стоять (за обидевших нас) не только до смерти, но, если возможно, и после смерти.

"Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства" (ст. 14). Видишь, он говорит это самое. Так как можно простить, но не любить, то он говорит: да, и любить (непрерывно должно), и показывает путь, который может привести к прощению. Путь этот – если кто бывает и добр, и кроток, я смиренномудр, и долготерпелив, и нераздражителен. Потому-то он и сказал прежде: **"утробы щедрот"**, и **"любовь"**, и **"милость. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства"** Он вот что хочет сказать: те (качества) души бесполезны; все они ослабевают, если не соединены с любовью, – все они только ею укрепляются. Все, чтобы ты ни называл благом, без любви не имеет никакой цены, – скоро исчезает. Это подобно тому, как для корабля бесполезны были бы большие стены, если бы он не имел обшивки, равно как и для дома, если бы не были положены перекладки, или как в теле бесполезны были бы большие кости, если бы они не имели связок. Какие бы ни были у кого добрые дела, без любви все они ничтожны. Не сказал, что она (любовь) есть вершина, но, что гораздо важнее – **"союз"**; это более необходимо, чем то. Вершина означает предельное совершенство; а связь, подобно корню, есть удержание того, что составляет совершенство. **"И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны"** (ст. 15).

3. мир Божий – это твердый и прочный мир. Если ты имеешь мир от людей, то он скоро разрушится; но если от Бога, то – никогда. Он сказал о любви вообще; а теперь переходит опять к частностям. Есть и неумеренная любовь, как, например, если кто-нибудь по великой любви (к одному) напрасно обвиняет (другого), вступает в борьбу и отвращается. Не сказал: я не хочу этого, но: как Бог примирился с вами, так и вы делайте. Как же Он примирился? Сам восхотел, не получив ничего от нас. Что значит: **"Да владычествует в сердцах ваших мир Божий"**? Когда борются (в тебе) два помышления, не останавливайся на том, которое возбуждает гнев, или имеет целью возмездие; а на том, которое преклоняет к миру. Положим, напр., что кого-нибудь несправедливо обидели. От обиды у него родились два помышления, из которых одно требует мщения, а другое терпения, и борются они между собою. Если бы явился пред ними мир Божий с наградой, – он дал бы ее тому, которое требовало терпения, а другое пристыдил бы. Каким образом? Уверив, что Бог есть мир, что Он примирился с нами. Не без намерения показывает великую борьбу в этом деле. Пусть, говорит, определяет награду не гнев, не соперничество, не человеческий мир, потому что человеческий мир происходит из того, что мы не мстим, из того, что ничего тяжелого не терпим. Не этого, говорит, мира я хочу, но того, который сам Христос оставил нам. В душе, в помыслах Он устроил поприще, и состязание, и борьбу, и раздаятеля наград. Затем опять побуждение: **"К которому вы и призваны"**, – говорит, т. е. ради него вы и призваны были. Напомнил, сколько благ произошло от мира. Ради него (Бог) призвал тебя, призвал так, что, вероятно, ты получишь награду. Для чего Он устроил едино тело? Не для того ли, чтобы владычествовал мир? Не для того ли, чтобы мы имели возможность жить в мире? Для чего все мы – едино тело? И как мы – едино тело? Для мира мы – едино тело, и для того, чтобы было едино тело, мы находимся в мире. Почему же он не сказал: мир Божий да побеждает, но: **"да владычествует"**? Чтобы сделать его (мир) более достоверным. Он не позволил злему помышлению бороться с миром, но поставил его ниже; а именем награды (без борьбы) возбудил внимание слушателя. Если бы он дал награду доброму помышлению, когда то (злое) боролось со всей наглостью, – это не принесло бы ему никакой пользы. А теперь то (злое) помышление, зная, что оно не получит награды, что бы ни делало, как бы ни усиливалось, как бы ни были стремительны его нападения, – оставить бесполезные труды. Хорошо также прибавил: **"и будьте дружелюбны"**. Быть благодарным и

чувствительно благодарным, значит – поступать подобно сорабам: раб чтит господина, как Бога, во всем соглашается с ним, повинуется ему, за все благодарить, хоть бы оскорбил кто, хоть бы ударил. Кто благодарить Бога за понесенную обиду, тот не мстить обидящему; а мстящий не благодарить (Бога). Не будем же поступать по примеру того, который требовал ста динариев, чтобы и нам не услышать: **"Раб лукавый"**. нет ничего хуже такой неблагодарности. Итак, те неблагодарны, которые мстят. Почему он опять начал говорить о блуд? Сказав: **"умертвите земные члены ваши"**, тотчас прибавляет: **"блуд"**, и это почти везде делает. Потому, что эта страсть более всего господствует. То же он сделал и в послании к фессалоникийцам, даже – что достойно удивления – когда и Тимофею говорит: **"Храни себя чистым"** (1 Тим. 5:22), и еще в другом месте: **"Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа"** (Евр. 12:14). **"Умертвите"**, – говорит, – **"члены ваши"**. Вы знаете, каково мертвое: гнусно, отвратительно, гнило. Когда умертвишь, – мертвое уже не будет (жить); тотчас начнет гнить, как тело. Итак, угаси похоть, – и будет мертва. Показывает, что он делает то же, что и Христос в крещении. Потому-то он и называет членами, как будто представляет какого-нибудь героя, и тем делает речь более выразительной. И хорошо сказал: **"Земные"**. Они (члены) здесь находятся, здесь и тлеют, гораздо более, чем эти (телесные) члены. Не столько тело из земли, сколько земля грех. Тело бывает иногда и красиво, а он – никогда. И возжелают эти члены всего, что на земле. Если таков глаз, то он не видит того, что на небе, также и слух, и рука, и все прочие члены. Глаз видит тела, красоту, формы земных вещей, – этим и наслаждается; а слух – нежным пением, цитрой, свирелью, сквернословием. Все это земное. Итак, поставив их (верующих) горе, пред престолом, (Павел) говорит: **"Умертвите земные члены ваши"**. Нельзя с этими членами стоять горе; там нет предметов для них. Эта глина (из которой они состоят) хуже той. Та бывает золотом: **"Когда же"**, – сказано, – **"тленное сие облечется в нетление"** (1 Кор. 15:54); а эту глину нельзя и переплавить. Эти (члены) более на земле, нежели те. Потому-то он и не сказал: **"от земли"**, но: **"земные"**, так как эти могут быть и не от земли. Этим необходимо быть на земле, а тем не необходимо. Если слух не внимает ничему здешнему (земному), но только небесным речам, если глаз не смотрит ни на что здешнее, но только на горнее, – они не на земле; если уста не говорят ни о чем здешнем, – они не на земле; если руки не делают ничего худого, – они принадлежать не к тому, что на земле, но к тому, что на небе.

4. Это говорит и Христос: **"Если же правый глаз твой соблазняет тебя"**, то есть, если ты смотришь бесстыдно, **"вырви его"**, то есть, худую мысль (Мф. 5:29). Мне кажется, что слова: блуд, нечистота, страсть, похоть – означают одно и то же, именно блуд, что всеми этими названиями он отвращает нас от (скверного) дела. Это, действительно, страсть; и как тело страдает, безразлично – от лихорадки ли, или от раны, так и это. И не сказал: обуздывайте, но: **"умертвите"**, чтобы они и не могли восстать. **"И отложите"**. Мы отлагаем мертвое; если, напр., на теле есть мозоли, мы срезаем их, как тело мертвое. Если ты обрежешь живое тело, тебе больно; если же мертвое, боли вовсе не чувствуешь. То же должно сказать и о страстях: они делают бессмертную душу нечистой, страстной. Мы не раз говорили, почему любостяжание называется идолослужением. Над родом человеческим более всего владевают: любостяжание, невоздержание и похоть злая. **"За которые гнев Божий грядет на сынов противления"** (ст. 6). Называет сынами противления, чтобы лишить их прощения и показать, что, по причине непослушания, они принадлежать к числу таковых. **"В которых"**, – говорит, – **"и вы некогда обращались"** и покорились: показывает, что они еще находятся в числе таковых. Говоря так, он и хвалит их: **"А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие"** (ст. 8). Не к ним, но к другим обращает речь, чтобы не поразить их. Хулением он называет ругательства, также как яростью называет нечестие. А в другом месте, с целью пристыдить, говорит: **"Потому что мы члены друг другу"** (Еф. 4:25). Он представляет их как бы творцами людей, отвергающими одного и принимающими другого. Там сказал:

"члены"; здесь перечисляет все: сердце – ярость, уста – хуление, глаза – блуд, любостязание, руки и ноги – ложь, самую мысль и ветхий ум. У него один царский образ – образ Христа. Показывая, что члены, велики ли они или малы, имеют один царский образ, он, мне кажется, имеет в виду преимущественно (христиан) из язычников. Как земля делается золотом, лишившись прежнего вида своего – вида песка, как шерсть, какая бы она ни была, принимает другую форму, потеряв прежнюю, так и верующий. "Снисходя", – говорит, – "друг другу", – показал, в чем справедливость: прими ты его, и он тебя (приметь), что и в послании к галатам говорит: **"Носите бремена друг друга"** (Гал. 6:2). **"И будьте"**, – говорит, – **"дружелюбны"**. Этого он везде требует больше всего, так как это – верх добрых дел.

5. Итак, будем благодарить (Бога) во всех случаях: в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастье нетрудно, здесь самая природа вещей побуждает к тому; достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие злословят, от чего приходят в отчаяние, – смотри, какое здесь любомуудрие: во-первых, ты возвеселил Бога; во-вторых, посрамил дьявола; в-третьих, показал, что отучившееся (с тобою) ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и дьявол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то дьявол, – как достигший того, чего хотел, становится возле тебя; а Бог, как оскорбленный хулой, оставляет тебя и увеличивает твоё бедствие. Если же ты благодаришь, то дьявол, как не получивший никакого успеха, отступает; а Бог, как приявший честь, в воздаяние награждает тебя большей честью. И не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастьи, страдал. Душа его радуется, делая благое, имея чистую совесть, – она услаждается своими похвалами, а (душе) веселящейся нельзя быть печальной. Там (в отчаянии), вместе с бедствием, еще наказывает совесть; а здесь она венчает и провозглашает нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога, он, поистине, ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ведь и у него стоит палач, принуждающий отречься от Бога богохульством, стоит дьявол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий (душу) скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, наприм., болит дитя, а (мать) благодарит Бога, это – венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя, (мать) опять благодарит (Бога). Она сделалась дочерью Авраама. Хотя она не заклала (дитяти) своей рукой, но радовалась над закланной жертвой; а это все равно; она не скорбела, когда брали у ней дар (Божий). Заболело другое (дитя)? Она не сделала волшебных повязок, и это вменено ей в мученичество, потому что мыслью она принесла сына в жертву. Что за дело до того, что эти (повязки) не приносят никакой пользы, что это – дело обмана и насмешки? Есть и такие, которые верят, что он полезны. Но она лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И, как эта (мать) есть мученица, с собою ли она, с дитятею ли поступила так, с мужем, или с кем бы то ни было из наиболее любимых, так другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сделала то, что составляет жертву. Ведь эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, а больше ничего не делаем, и тому подобное, что (повязывающая) старуха – христианка и верная, все же представляют собою идолослужение. Ты верная? Перекрестись; скажи: вот единственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю. Скажи мне: если бы врач, придя (к больному), вместо того, чтобы употребить медицинские средства, начал напевать, – назвали ли бы мы его врачом? нет, потому что мы не видели бы врачебных пособий. Так и здесь (в употреблении повязок) ничего нет христианского. Другие еще вешают (на шею) названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду более щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делал повязку, или заклинание, или другое

что, относящееся к этому искусству. Что же, скажешь, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло; а когда умрет без них, тогда ожило. Если бы ты увидела, что (сын твой) пошел к блудницам, ты скорее пожелала бы, чтобы он был погребен; ты сказала бы: какая польза, что он живет? А видя, что он находится в опасности лишиться спасения, ты хочешь, чтобы он жил? Разве ты не слышала, что сказал Христос: **"Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее"** (Мф. 10:39). Веришь ты сказанному, или оно тебе кажется баснею? Скажи мне: если бы кто-нибудь сказал тебе сведи меня в капище, я буду жив: согласилась ли бы ты? Нет, говоришь. Почему же? Потому что он заставляет служить идолам. Но здесь, скажешь, нет идолослужения, а просто – заклинание. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость – скрывать заблуждение и в мед подавать яд. Когда дьявол увидел, что тем способом не убедил тебя, он пошел этим путем – повязками и бабьими баснями. И вот, крест пренебрегают, (суеверные) надписи предпочитают ему. Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попорно; а дьявольское заблуждение торжествует. Так почему же, говоришь, Бот не обличить? Он часто обличал (мнимую) помощь от этих средств; но ты не поверил. Наконец, Он оставил тебя при твоём заблуждении: **"Предал их"**, – сказано, – **"Бог превратному уму"** (Рим. 1:28). Этим средствам не поверил бы и рассудительный эллин. Говорят, что в Афинах один демагог пользовался ими; но какой-то философ, учитель его, встретившись с ним, укорял его, бранил, язвил и осмеял. А мы, несчастные, верим этим (предрассудкам)!

Отчего же, скажешь, нет ныне таких, которые бы воскрешали мертвых и совершали исцеления? Отчего? – не скажу пока. А отчего нет ныне таких, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служим Богу из-за награды? Когда природа человеческая была слабее, когда вера только насаждалась, тогда много было и таких людей; ныне же (Бог) не хочет, чтобы мы зависли от этих знамений, но чтобы готовы были к смерти. Почему же ты дорожишь настоящей жизнью? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты решаешься на идолослужение, а для будущей и поскорбеть не хочешь? Потому-то и нет ныне таких людей, что мы презираем будущую жизнь и ничего для ней не делаем, а для настоящей на все решаемся. А что сказать о других смешных (суевериях) – о золе, саже, соли? И опять – эта старуха тут. Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погребло дитя.

6. Доколь же будут продолжаться эти сатанинские (да)? Как не смяться эллинам? Как не издеваться, когда мы говорим им: велика сила крестная? Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для этого Бот дал врачей и лекарства. Но что же, если они не помогают, а дитя отходить? Куда отходить, скажи мне, бедный ты и несчастный? К демонам что ли отходить? К тирану какому-нибудь отходить? Не на небо ли отходить? Не к Владыке ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Владыки своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем Даровавшего? Но я слаб, говоришь, и не переношу страха Божьего. Но если в телесных болезнях большей (болью) подавляется меньшая, то тем более и душе; от страха, если бы он был в ней, рассеялся бы страх и от печали печаль. Дитя было красиво? Но каково бы оно ни было, оно не красивее Исаака; тот был к тому же однородный. Твое родилось в старости? И тот также. Прекрасно было дитя? Но каково бы оно ни было, оно не прекраснее Моисея, который даже в варварском взгляд возбудил любовь к себе, будучи в таком возрасте, когда красота еще не раскрывается. Однако же родители бросили в реку своего возлюбленного (сына). Ты и лежащее дитя видишь, и гробу предаешь, и ходишь к памятнику; а они не знали, чьей пищей он сделается – рыб ли, собак ли, или какого-нибудь из зверей, живущих в мор, и это совершили, ничего еще не зная ни о царстве (Божьем), ни о воскресении. Дитя твоё не однородное; но оно умерло после смерти

многих (других детей)? Все же это не было так ужасно и горестно, как бедствие Иова. Не падала храмина (твоя), не во время пиршества (детей это было), пред тем не получал ты известий о своих потерях. Твое любимое было (дитя)? Не более же, чем Иосиф, пожранный зверем; однако же отец перенес горе и в этом случай и в бывшем затем. Он плакал, но не поступил нечестиво; сетовал, но не предался отчаянию; был столько тверд, что говорил: **"Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, – все это на меня!"** (Бт. 42:36). Видишь, как сильный голод заставил его пожертвовать детьми! А на тебя страх Божий столько не действует, сколько голод. Плачь – я не запрещаю; но не богохульствуй – ни словом, ни делом. Каков бы ни был сын твой, все же нельзя сравнить его с Авелем; но Адам ничего такого не сказал, несмотря на то, что несчастье его было весьма велико, – что, в самом деле, ужаснее братоубийства? Кстати, я вспомнил о других братоубийцах; напр. Авессалом убил первенца Амнона (2 Цар. 13:28,29). Царь Давид любил отрока, сидел во вретнице и пепле (во время его болезни); однако не позвал ни гадателей, ни заклинателей, – а они были тогда, как показывает Саул, – но молился Богу. Так и ты Делай; что сделал праведник, то делай и ты; те же слова говори, когда умрет дитя (твое): **"Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне"** (2 Цар. 12:23). Вот что свойственно любомудрию и нужной любви! Как ты ни любил бы свое дитя, ты не столько любишь, сколько он тогда, несмотря на то, что (отрок его) был плод беззакония. Блаженный Давид весьма любил мать его; а взаимная любовь родителей переходить, как вам известно, на детей. Он так любил отрока, что, хотя и худо о нем говорили, все же хотел, чтобы он остался жив. Однако же он благодарил Бога. Как, думаешь ты, страдала Ревекка, когда брат угрожал смертью Иакову? Однако же она по опечалила мужа, а велела (Иакову) бежать. Когда постигнет тебя какое-нибудь горе, думай о больших бедствиях и получишь достаточное утешение. Подумай: что, если бы пришлось умереть на войне? Что, если бы в огне? Если будем думать о несчастьях больших, чем те, которые мы терпим, то получим достаточное утешение. Будем размышлять или о тех более тяжких бедствиях, которые другие терпели во все времена, или о тех, которые мы сами терпели когда-нибудь прежде. Такое и Павел дает наставление, когда говорит: **"Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха"** (Евр. 12:4); и в другом месте: **"Вас постигло искушение не иное, как человеческое"** (1 Кор. 10:13). Итак, находясь в бед, будем размышлять о больших бедствиях, а найдем такие, – и тогда будем благодарны. Но более всего будем усердно благодарить Бога за все. Таким образом и несчастья прекратятся, и жить мы будем в славе Божьей, и получим обещанные блага, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, вынь и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 9

"Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу. И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца" (Кол. 3:16,17).

1. Убедив (колоссян) быть благодарными, (Павел) показывает им и способ к этому. Какой же именно? Тот, о котором мы уже беседовали с вами. Какими словами (показывает)? **"Слово Христово да вселяется в вас обильно"**. Или лучше – не этот только (способ), но и другой. Я сказал, что надобно представлять себе тех, которые претерпели более ужасные страдания, тех, которые перенесли более тяжелые, чем наши, бедствия, и благодать, что не случилось того же с нами; а что говорит сам он? **"Слово Христово да вселяется в вас обильно"**, то есть, (да вселяются) учение, догматы, убеждения, по силе которых, говоря, настоящая жизнь и ее блага -ничто. Если бы мы видели это, то никакой

неприятности не поддались бы. **"Да вселяется"**, – говорит, – **"в вас"** – не просто, но – **"обильно"**, с великим изобилием. Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает (апостол) больше читать Писание, – и не просто, как случится, а с великим старанием. Ведь подобно тому, как богатый деньгами может перенести убыток и неудачу, так и имеющий достаточные познания в любомудрии легко перенесет не только бедность, но и все несчастья. И последний еще легче, чем первый, потому что там, когда оказывается убыток, богатый необходимо становится беднее и это делается известным для других, и если он терпит это часто, то уже нелегко ему бывает переносить свои потери; а здесь не так: когда нам случается переносить, чего бы мы и не хотели, мы не теряем здравого рассудка, но сохраняем его постоянно. И заметь мудрость этого блаженного. Не сказал: **"Слово Христово"** да будет в нас, просто, – но что? **"Да вселяется"**, и – **"обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга"**. Премудростью называет добродетель. И справедливо, потому что действительно и смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость, так как от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. **"Сказал"**, – говорит, – **"безумец в сердце своем: нет Бога"** (Пс. 13:1); и опять: **"Смердят, гноятся раны мои от безумия моего"** (Пс. 37:6). Что, скажи мне, несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братьев своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего, несмысленнее такого (человека), так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, говорит, как он мудр: уделяет из своего имущества, является милосердным, человеколюбивым; он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть, что они ничего не стоят, что более должно беречь свои тела, чем деньги. Потому кто презирает почести, тот и любомудр он знает дела человеческие, а в знании-то дел Божеских, а человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела – Божьи и какие – человеческие, он от одних воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарит Бога; настоящую жизнь он вменяет ни во что, и потому, как не радуется в счастии, так не скорбит и в несчастьи. И не ожидай другого учителя; есть у тебя слово Божье, – никто не научит тебя так, как оно. Ведь другой учитель часто многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все привязанные к этой жизни, приобретайте книги – врачество души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяние апостолов, Евангелие – постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, принай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних – оттуда почерпай утешение в своем несчастьи. Или лучше – не принай только к ним, но принимай их всецело и храни в своем ум. От незнания Писания – всякое зло. Мы выходим на войну без оружия, – и как нам спастись? Легко спастись с Писаниями, а без них невозможно. Не возлагайте всего на нас: вы, конечно, овцы, но не бессловесные, а разумные. Павел многое внушает и вам. Научаемые не всегда проводят время в приобретении познаний, потому что не всегда учатся; если всегда будешь только /учиться, то никогда не выучишься; не с тем приходи сюда, то будто тебе самому всегда нужно только учиться, – иначе никогда не будешь знать, – а с тем, что тебе нужно выучиться и потом учить другого. Скажи мне, не определенное ли время все посвящают наукам и всяким вообще искусствам? все мы назначаем для этого известный срок. А если всегда учишься, – это знак, что ты ничего не знаешь.

2. Укоряя за это иудеев, Бог сказал: **"Принятые Мною от чрева, носимые Мною от утробы матерней: и до старости вашей"** (Ис. 46:3). Если бы не всегда ожидали вы этого, не шло бы все так назад. Если бы оказывалось, что одни уже научились, а другие имеют научиться, то дело у нас простиралось бы вперед: тогда вы приступили бы к другим и помогли бы нам. Скажи мне: те, которые ходят к учителю, но постоянно сидят над

азбукой, не доставляют ли больших трудов для учителя? Доколь нам беседовать с вами об (этой) жизни? У апостолов так не бывало: они всегда миновали тех учеников, которые учились у них прежде, поставляя их учителями других желающих учиться. Потому-то они и могли обойти вселенную, что не были привязаны к одному месту. Подумайте, сколько нужно преподавать учения братьям вашим по деревням и самим учителям их? А вы держите меня, приковали к себе, потому что прежде чем хорошо будет настроена голова, не следует идти к прочим членам. Вы все возлагаете ни нас, тогда как только бы вам надлежало учиться у нас, а женам вашим у нас, детям тоже у вас; напротив, вы все оставляете нам. Оттого-то и много труда. **"Научайте"**, – говорит, – **"и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями"**. Смотри, как снисходителен Павел. Так как чтение утомительно и может наскучить, – он располагает не к повествованиям, а к псалмам, чтобы ты вместе и увеселял душу пением, и не замечал трудов. **"Славословием"**, – говорит, – **"и духовными песнями"**. А ныне ваши дети любят сатанинские песни и пляски, подражая поварам, пекарям и танцовщикам; псалма же никто ни одного не знает, – ныне такое знание кажется неприличным, унижительным и смешным. В этом-то и все зло; на какой земле стоит растете, такой приносить и плод: на песчаной и сланцовой – такой, на доброй и тучной – другой. Итак, учение есть как бы какой благотворный источник. Научи сына петь те преисполненные любомудрия псалмы, например: сначала о воздержании, или прежде всего о несообщении с нечестивыми, т. е. псалом в самом начал книги [с этой-то целью и пророк начал отсюда, говоря: **"Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых"** (Пс. 1:1); и опять: **"не сидел я с людьми лживыми"** (Пс. 25:4); и еще: **"Тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит"** (Пс. 14:4)], об обращении с добрыми [это тоже найдешь там, и многое другое], о воздержании чрева, об удержании рук, о нестяжательности, о том, что и деньги, и слава, и все подобное – ничто. Если научишь его этому с детства, то постепенно возведешь его и выше. Псалмы заключают в себе все, а затем гимны – ничего человеческого; когда он будет сведущ в псалмах, тогда узнает и гимны, представляющие собою дело более святое, так как вышние силы гимнословят, а не псалмословят: **"Неприятна"**, – сказано, – **"похвала в устах грешника"** (Сир. 15:9); и опять: **"Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне"** (Пс. 100:6); и опять: **"Не будет жить в доме моем поступающий коварно"** (Пс. 100:7); и опять: **"Кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне"** (Пс. 100:6). Таким образом, вы должны опасаться, как бы они не завели связей не только с друзьями, но и с слугами: бесчисленное бывает зло для свободных, если приставляем к ним развратных рабов. Если едва спасаются они, пользуясь попечением и любомудрием отца, то что из них будет, когда вверим их беспечности слуг? Слуги будут смотреть на них, как на врагов, в той мысли, что господствование их будет кротче, если они сделают их бестолковыми, глупыми и ничего нестоящими. Итак, станем заботиться об этом более всего другого. Я возлюбил, говорит, возлюбивших закон Твой (Пс. 118): будем же, подражая ему, и мы любить их. А чтобы дети были воздержны, пусть послушают, что говорит пророк: **"внутренность моя насыщена позором"** (Пс. 37:8); и опять: **"Ты истребил всякого любодействующего от Тебя"** (Пс. 72:27). Также, чтобы они не были сластолюбивы, пусть опять послушают: **"Убил"**, – говорит, – **"тучных их, еще пища была в устах их"** (Пс. 77:30,31). Равным образом, что они не должны быть побеждаемы дарами, научатся из следующего: **"Когда богатство"**, – говорит, – **"умножается, не прилагайте к нему сердца"** (Пс. 61:11); что надобно стоять выше славы, найдут следующее: **"Не пойдет за ним слава его"** (Пс. 48:18); что не должно завидовать лукавым: **"Не ревнуй злодеям"** (Пс. 36:1); что властвование надобно вменять ни во что: **"Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укореившемуся многоветвистому дереву; но он прошел, и вот нет его"** (Пс. 36:35,36); что настоящее должно почитать ничтожным: **"Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог"** (Пс. 143:15); что не безнаказанно грешим мы, но будет воздаяние: **"Ты воздаешь каждому по делам"**

его" (Пс. 61:13); почему же не воздаст ежедневно? – потому, говорит, что **"Бог – судия праведный, [крепкий и долготерпеливый]"** (Пс. 7:12); что смиренномудрие – благо: **"Господи!"** – говорит, – **"не надмевалось сердце мое"** (Пс. 130:1); что высокомерие – зло: **"Оттого"**, – говорит, – **"гордость, как ожерелье, обложила их"** (Пс. 72:6); и опять: **"Бог гордым противится"** (Иак. 4:6); и опять: **"Выкатилась как от жира неправда их"** (Пс. 72:7); что милостыня – благо: **"Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки"** (Пс. 111:9); что милосердие похвально: **"Добрый человек милует и займы дает"** (Пс. 111:5). Найдешь там и много других догматов любомудрия, – например, что злословить не должно: **"Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню"** (Пс. 100:5). Верные знают, каков гимн вышних сил, что говорят херувимы, что говорили ангелы на земле. **"Слава Богу на небесах"**. Потому, после псалмопения, гимны – дело более совершенное. **"Псалмами"**, – говорит, – **"славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу"**. (Павел) этим говорит или что Бог даровал им это для благодати, или что песни их были благодатные, или что они должны были вразумлять себя и научать благодатью, или что в них благодатно были эти дары, или же это есть объяснение. От благодати Духа, говорит, **"Воспевая в сердцах ваших Господу"**: не просто, говорит, устами, но со вниманием. Это последнее и значит петь Богу, а то первое – воздуху, так как голос попросту разливается (в воздухе). Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть из торговой площади, – можешь сосредоточиться в себе и петь Богу, не будучи никем слышим. Ведь и Моисей так молился, и был услышан. Что взываешь ко Мне, говорит ему Бог? А он ничего не высказал, но взывал мысленно, с сокрушенным сердцем. Потому и Бог слышал его один. Не мешает и во время пути молиться сердцем и быть гор. **"И все"**, – говорит, – **"что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца"**. Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, – все делай во имя Божье, т. е. призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнести? Поставь это наперед. Потому-то и мы в своих письмах впереди поставляем имя Господа. Где – имя Господа, там все благополучно. Если имена консулов скрепляют грамоты, то тем более – имя Христово. Или же то понимает Павел, что все говорите и делайте по-божески; не вводите ангелов. Ешь? Благодарю Бога, с решимостью то же делать и после. Спишь? Благодарю Бога, с решимостью то же делать и после. Идешь на площадь? То же делай. (Пусть не будет) ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божьим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение деле. И что значит – **"Что вы делаете, словом или делом"**? Этим указывает или на допускающего, или на делающего что-либо подобное. Послушай, как Авраам во имя Божье посылал раба. Давид во имя Божье умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его. Потом опять Иаков, посылая детей, говорит: **"Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека"** (Бт. 43:14). Кто делает это, тот помощником имеет Бога, без Которого не дерзал ничего делать. Таким образом, чувствуемый призыванием (Бог) воздаст обратно честь дарованием успеха в делах. Призывай Сына, благодарю Отца; призывая Сына, ты призываешь и Отца, а благодаря Отца, благодарю и Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами. Этому имени нет ничего равного; оно всегда дивно: **"Имя твоё"**, – говорится, – **"как разлитое миро"** (Песн. Песн. 1:2). И кто произнес его, тот Вдруг исполнился благоухания. **"Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым"** (1 Кор. 12:3). Вот как столь много совершается этим именем! Если слово. **"Во имя Отца и сына и Святого Духа"** ты произнес с верой, то ты все совершил. Смотри, сколько ты сделал: ты воссоздал человека, и произвел все прочее, в таинстве крещения. Таким же образом это страшное имя властвует и над болезнями. Потому, завидуя нам в чести, дьявол ввел подобающее ангелам. Таковы

демонские напевы. Но будет ли то ангел, или архангел, или херувим, – не терпи этого; ведь и эти силы не примут тебя, но отвергнуть, когда увидят, что Владыка бесчестится. Я почтил тебя, говорит, и сказал: призывай Меня. А ты бесчестишь Его? Если бы ты пел этот напев с вроем, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не по бессилию, а вследствие того, что (болезнь) полезна. По величию твоему, говорит, и хвала твоя. Этим именем обращена вселенная, разрушено тиранство, поправан дьявол, отверзлись небеса. Но что я говорю – небеса? Этим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников, и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугодить Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 10

"Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу. А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде, у Него нет лицеприятия. Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах" (Кол. 3:18–25; 4:1).

1. Почему (Павел) повелевает это не везде и не во всех посланиях, но здесь, и в посланиях к ефесянам, к Тимофею и Титу? Потому что в этих городах, вероятно, происходили несогласия, или потому, что иное в них, быть может, было исполняемо хорошо, а в этом они погрешили, – так что надлежало им слышать и об этом. Справедливее же будет оказать, что (апостол) говорит это сколько к ним, столько же и ко всем (христианам). Послание это весьма сходно с посланием к ефесянам. В других местах он не делает того же – или потому, что мужам, уже умиротворенным, которые, как не знавшие высоких догматов, должны были учиться им, писать об этом не следовало, или потому, что получившим утешение в искушениях излишне было слышать об этом. Эти соображения позволяют мне догадываться, что здесь Церковь была уже тверда и что он говорит это при конце (своей жизни). **"Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе"**, вместо – повинуйтесь для Бога, так как это украшает вас, говорит, а не их. Повиновение же я разумею не (рабское) к господам и не то, которое зависит от природы, но которое бывает для Бога. **"Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы"**. Смотри, как он увещевает соблюдать взаимные отношения. Как там внушает страх и любовь, так и здесь, потому что и любящему можно огорчаться. Итак, слова его значат: не враждуйте; нет ничего огорчительнее той вражды, которой подвергается жена от мужа; вражда, направляемая против любимых лиц, бывает самая горькая; она показывает, что огорчение велико, когда кто восстает против своего члена. Итак, любить – дело мужей, а уступать – дело жен. Потому, если всякий будет исполнять свой долг, то все будет крепко; видя себя любимой, жена бывает дружелюбна, а встречая повиновение, муж бывает кроток. Смотри, так устроено это и в природе, чтобы муж любил, а жена была послушна. Когда начальствующий любить подначальное, тогда все благоустроено. Любовь не столько требуется от подначального, сколько от начальствующего к подначальному, а от подначального (требуется) послушание. Да и то, что красота – в жене, а пожелание – в муже, показывает не иное что, как устроение для любви. Потому, когда подчиняется жена, – не величайся; и ты жена, когда тебя любить муж, – не надмевайся; ни дружба мужа

пусть не возбуждает превозношения в жене, ни подчинение жены пусть не надмевает мужа. Бог подчинил ее тебе для того, чтобы она была более любима; а любить тебя, жена, внушил Он мужу для того, чтобы легче было тебе подчиняться. Не бойся подчинения; подчиняться любящему нисколько нетрудно. Не бойся любви; (жена твоя) уступчива пред тобою. Союз не иначе возможен. Ты имеешь власть, необходимую по природе; имей же и союз по любви, (этот же союз) позволяет терпеть слабейшую. **"Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу"**. Опять полагает – "Господу", полагает законы послушания, усовещает, смиряет. **"Ибо это"**, – говорит, – **"благоугодно Господу"**. Смотри, как хочет, чтобы мы все делали не по одной природе, но сверх того и по воле Божьей, чтобы нам получить награду. **"Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали"**. Вот и здесь опять – подчинение и любовь. Не сказал: любите детей, – потому что это было бы лишнее (слово), к этому влечет сама природа; а исправил то, что надлежало, именно, что любовь здесь бывает сильнее, насколько и послушание больше. Ведь нигде не полагает он примера мужа и жены, – но что? Послушай, что говорит пророк: **"Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его"** (Пс. 102:13); и опять говорит Христос: **"Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?"** (Мф. 7:9,10)? **"Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали"**. Что особенно, знал он. будет чувствительно для отцов, то и полагает и повеление дружелюбно преподает сам, нигде не приводя Бога; этим возбуждает он чувство родителей и смягчает сердце их. Выражение же: **"не раздражайте"** значит: не делайте их спорщиками. Есть случаи, в которых вы должны уступать им. Потом переходить к третьему (предмету) власти: **"Рабы"**, – говорит, – **"во всем повинуйтесь господам вашим по плоти"**. Здесь хотя и есть нечто, относящееся к любви, но эта любовь предписывается не природой, как было выше, а обычаем, и требуется с одной стороны властью, с другой делами. Здесь таким образом начало любви уменьшено, а начало послушания усилено, и этим выражается желание, чтобы то, что первые имеют по природе, последние воздавали им из послушания, – так что здесь (Павел) беседует не за господ с одними рабами, но за самих (рабов), чтобы господам сделались они желанными. Впрочем, выражает это не явно; иначе привел бы их в недоумение. **"Рабы"**, – говорит, – **"во всем повинуйтесь господам вашим по плоти"**.

2. И смотри, как всегда ставить имена – жены, дети, рабы – в смысл обязанности повиноваться; а чтобы ты не скорбел, прибавляет: **"Господам вашим по плоти"**. Лучшее твое, говорит, твоя душа свободна; рабство же временно. Подчини же ему свое тело, чтобы не рабствовать необходимости. **"Не в глазах только служа им, как человекоугодники"**. Сделай, говорит, так, чтобы рабство от закона было рабством от страха Христова. Если бы даже господин и не видел, что ты совершаешь должное и для его чести, – все же ты совершаешь ради недремлющего Ока. **"Не в глазах только"**, – говорит, – **"служа им, как человекоугодники"**, так как (работая только пред очами) вы подвергаетесь вреду. Послушай, что говорит пророк: **"Бог рассыпал кости человекоугодников"** (Пс. 52:6). Смотри, как он щадит их и упорядочивает. **"Но в простоте сердца"**, – говорит, – **"боясь Бога"**, потому что одно иметь в сердце, а другое делать, иным казаться в присутствии господина, и иным в отсутствии, – это не простота, а притворство. Потому не просто сказал: **"но в простоте сердца"**, но – **"боясь Бога"**. Это именно и значит бояться Бога, когда мы не делаем ничего худого, хотя бы никто не видел нас; если же делаем, то боимся не Бога, а людей. Видишь ли, что он упорядочивает их? **"И все, что делаете"**, – говорит, – **"делайте от души, как для Господа, а не для людей"**. Этим хочет избавить их не только от притворства, но и от лени. Если они не имеют нужды в надзор со стороны господ, то через это он делает их вместо рабов свободными. "от души" – значит с благорасположением, не с рабской необходимостью, а свободно и добровольно. И какая награда? **"Зная"**, – говорит, – **"что в воздаяние от Господа"**.

получите наследие, ибо вы служите Господу Христу", следовательно от Него получите и награду. А что Господу работаете, видно из следующего: **"А кто неправо поступит"**, – говорит, – **"тот получит по своей неправде"**. Здесь (Павел) подтверждает сказанное прежде: чтобы слова его не показались лестью, говорит: **"Тот получит по своей неправде"**, то есть, получить наказание, потому что у Бога нет лицепрятия. Что, если ты и раб? Не стыдись. Однако ж это следовало сказать господам, как и в послании к ефесянам; но здесь под именем господ, мне кажется, разумеются язычники. Что, если он – язычник, а ты христианин? Испытываются не лица, а дела, – так что и в этом случае должно работать с благорасположением и от души. **"Господа, оказывайте рабам должное и справедливое"**. А что такое правда, что – уравнение? Доставлять им все в изобилии и не допускать, чтобы они в чем-либо нуждались, но вознаграждать их за труды, так как, если я сказал, что они от Бога получают награду, то из этого не следует, чтобы ты лишал их mzды. И в другом месте сказал: **"Умеряя строгость"** (Еф. 6:9), – желая сделать более кроткими, так как те были совершенны. То есть: **"Какой мерой мерите, такой и вам будут мерить"** (Мф. 7:2). Да и слова: "нет лицепрятия" – к ним же относятся, приложены же они к тем, чтобы они приняли это, так как когда касающееся одного мы говорим другому, тогда исправляем не столько его, сколько виновного. **"И вы"** с ними, говорит. Здесь рабство делает он общим. **"Зная"**, – говорит, – **"что и вы имеете Господа на небесах. Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением"**. Так как пребывание в молитвах часто бывает причиной нерадения, то и говорит – **"бодрствуя"**, то есть трезвясь, а не вертясь туда и сюда. Дьявол знает, хорошо знает, какое великое благо – молитва, и потому тяжело налегает (на молящегося). Знает и Павел, насколько беспечны многие молящиеся, и потому говорит: **"Будьте постоянны в молитве"**, как в деле трудном, **"бодрствуя в ней с благодарением"**. Это, говорит, пусть будет вашим делом – в молитвах благодарить и за явное и за неявное, и за те блага, которые (Бог) совершил для вас по вашему желанию, и за те, которые дарованы вам против желания, и за царство, и за геенну, и за скорбь, и за облегчение ее. Так обыкновенно молятся святые и благодарят за общие благодеяния.

3. Знаю я одного святого мужа, который молился так, что прежде этого слова ничего не говорил, но прямо взывал: "благодарим за все Твои благодеяния, оказанные нам недостойным с первого дня нашей жизни до настоящего, – благодарим за все, что знаем и чего не знаем, за все явное и неявное, обнаруживающееся делом и словом, совершившееся по воле и против нашей воли, за все с нами недостойными бывшее, за скорбь и ослабление скорби, за геенну, за мучение, за царство небесное. Молим Тебя сохранить нашу душу святой, чистой, совестливой и вполне достойной Твоего человеколюбия. Возлюбивший нас до того, что предал за нас Единородного Твоего, удостой нас быть достойными любви Твоей. Даруй нам в слове Твоем мудрость, и в страхе Твоем, "Единородный Христе, вдохни в нас исходящую от Тебя силу. Давший за нас Единородного и пославший Духа Твоего Святого во отпущение наших грехов, прости нас и не осуди, если в чем согрешили мы волей или неволей. Помяни всех, призывающих имя Твое в истине. Помяни всех, хотящих и не хотящих нам добра, потому что все мы люди". Потом, присоединив молитву верных и вознесши моление, как бы некое возглавие и общий голос всех, он замолкал. В самом деле, Бог творить для нас много благ вопреки нашей воле, а много и еще больше совершает их помимо нашего сознания. Когда мы молим Его о чем-нибудь, а Он делает противное тому, – тогда, очевидно, Он делает блага помимо нашего сознания. **"Молитесь также и о нас"**. Смотри, каково смиренномудрие: себя полагает после их. **"Чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову"**. (Молитву) называет входом и основанием дерзновения. О, такой подвижник не сказал: да избавлюсь от уз, но, находясь в узах, просил других, и просил о деле великом, чтобы получить дерзновение! Здесь две великие вещи: качество лица, и качество дела. О, какое достоинство! **"Тайну"**, – говорит, – **"Христову"**, показывая, что для него нет ничего желательнее проповеди о ней. "за

которую я и в узах, дабы я открыл ее, как должно мне возвещать. С великим, говорит, дерзновением и ничего не умалчивая. Видишь ли, узы проявляют его, а не скрывают. С великим, говорит, дерзновением. Скажи мне: ты связан и просишь других? Да, говорит; но узы дают мне большее дерзновение, и я требую только Божьей помощи, – потому что слышал слово Христово: **"Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать"** (Мф. 10:19). И смотри, как иносказательно говорит: **"Чтобы Бог отверз нам дверь для слова"**. Смотри, как он чужд надменности, как смиренно провещает в узах, чтобы, то есть, смягчить сердца их. И сказал так не для себя, – так смиренномудренно выразился, чтобы внушить дерзновение нам; он просит себе того, что уже имел. Называя в этом послании (ветхий завет) тенью, он этим самым показывает, почему Христос пришел не тогда: **"Тело – во Христе"** (Кол. 2:17), говорит он, так что к тени надлежало привыкнуть. вместе с этим он обнаруживает и величайшее доказательство любви своей к ним. Чтобы вы, говорит, слышали о моих узах. Опять поставляет на вид узы, которые я очень люблю, которые е возбуждают мое сердце и всегда приводят к желанию видеть Павла связанным и в узах пишущим, проповедующим, крещающим, оглашающим. Ему связанному доносилось о всех Церквях, и он связанный назидал тысячи (христиан). Тогда скорее был он отрешен (от уз). Слушай, что он говорит: **"И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье"** (Фил. 1:14). Он же опять свидетельствует об этом, говоря: **"Когда я немощен, тогда силен"** (2 Кор. 12:10). Потому и сказал: **"Но для слова Божья нет уз"** (2 Тим. 2:9). Он был в узах с злодеями, с заключенными, с человекоубийцами, был связан учитель вселенной, всходивший на третье небо, слышавший глаголы неизреченные. Но тогда бег его был тем быстрее. Связанный тогда был разрешен, а несвязанный – связан; тот, что хотел, делал, а этот и ему не помешал и собственного намерения не исполнил. Что ты делаешь, безумный? Разве это плотской гонец? Разве на нашем поприщ подвизается он? Он обитает на небе. Бегущего на небе не может связать и удержать земное. Разве не видишь этого солнца? Наложил узы на его лучи и остановил его бег. Но ты не можешь. Так (но сможешь удержать) и Павла, и еще менее, чем солнце, – потому что он охраняется большим промыслом, чем последнее, – ведь и свет он приносить нам не такой (вещественный), но истинный. Где теперь те, которые ничего не хотели потерпеть ради Христа, – но что я говорю, потерпеть? – не хотели даже и жертвовать деньгами? Вязал некогда и Павел и ввергал в темницу; но как скоро сделался рабом Христовым, стал хвалиться уже не действием, а страданием. И таково чудо проповеди, что она была возбуждаема и возрастала не от (деятельности) злодействующих, а от (страдания) терпящих. Где виданы тате подвиги? Злострадающий побеждает, а злодействующий испытывает поражение. Первый выходит славнее последнего и проповедует посредством уз. Не стыжусь, а напротив хвалюсь, говорит, проповедуя Распятого. Подумай только: вся вселенная оставляет несвязанных и приходит к узникам, отвращается от вяжущих и чтить заключенных в оковы, ненавидит распинателей и поклоняется Распятому.

4. Не то только дивно, что проповедниками были рыбаки, люди простые, но и то, что встретились и другие препятствия, препятствия по природе, и однако ж дело шло успешно. Простота не только не мешала, но она-то особенно и делала проповедь заметной. Послушай, что говорит Лука: **"И приметив, что они люди некнижные и простые"** (Деян. 4:13). И узы также не только не мешали, но еще делали (апостолов) более дерзновенными. Не столько дерзали ученики, когда Павел был свободен, как тогда, когда он находился в узах: **"И говорили"**, – говорит, – **"слово Божье с дерзновением"**. где возражатели, говорящие, что эта проповедь была не Божественная? Разве простота оказалась недостаточной для обличения их? Разве в этом состоянии они не должны были испугаться? Ведь вы знаете, что простой народ водится двумя чувствованиями: тщеславием и робостью. Простота не позволяла им стыдиться; опасности же, конечно,

должны были внушить им робость. Но они, говорят, творили чудеса. Так вы верите, что они творили чудеса. А если не творили? Вот чудо больше тех, какие творили, – что без чудесь приводимы были (люди ко Христу).

Связан был и Сократ эллинами. Что же? Не тотчас ли ученики его ушли в Мегару? Конечно, – потому что не принимали учения о бессмертии. Но смотри, как здесь. Связан был Навел, и ученики его стали тем дерзновеннее. Так и следовало, – потому что они видели, что это не препятствует проповеди, – языка связать нельзя, а язык особенно и ускоряет ее. Как не помешаешь ты бежать гонцу, если не свяжешь ему ног, так не помешаешь и бегу благовестника, если не свяжешь ему языка; и как тот быстрее бежит и мчится, когда подвяжешь ему бедра, так и этот больше проповедует и с большим дерзновением, когда на нем узы. Боятся узник, если смотрит только на узы; а кто презирает смерть, того как связать? Они сделали то же, как если бы например связали тень Павла и заградили ей уста. Это была борьба с тенью. Имя на себе узы, как воздаяние за мужество, (Павел) и для своих стал возжеленнее, и для врагов почтеннее. Венец украшает главу и делает ее славнее, а не посрамляет. Узами своими они нехотя увенчали его. Скажи мне: железо может ли утратить того, кому не страшны были алмазные врата смерти?

Поревнуем этим узам, возлюбленные. все вы, жены, украшающиеся золотыми ожерельями, возжелайте уз Павловых. Не столько сияют эти украшения на ваших шеях, сколько блистает красота железных уз на его душ. И кто желает последних, пусть возненавидит первые, потому что какое общение малодушия с мужеством, телесного украшения с любознательностью? Эти узы уважаются ангелами, а на те смотрят они, как на детские игрушки. Эти узы обыкновенно влекут от земли на небо, а те – с неба низводят на землю. Поистине, эти узы не то, что те: эти – украшение, а те – узы; те вместе с телом сокрушают и душу, а эти вместе с телом украшают и душу. Хочешь ли узнать, что эти – действительно украшение? Скажи мне, кто больше привлекал зрителей, – ты или Павел? Но что я говорю – ты? Сама царица, вся покрытая золотом, не может привлечь к себе более зрителей. Если бы случилось в одно и то же время войти в церковь и Павлу в узах, и царице, – все направили бы свои глаза от последней на первого. Да так и следовало бы, потому что видеть мужа, стоящего выше человеческой природы, не имеющего ничего человеческого, но являющегося ангелом на земле, – любопытнее, чем видеть наряженную женщину. Последнюю можно видеть и в театрах, и в торжественных собраниях, и в банях, и в других местах, а человека заключенного в узы, почитающего их величайшим украшением и не страшящегося уз, – такого человека видеть – значит быть на зрелищ не земном, но достойном неба. Душа, которой тело увешано драгоценностями, наблюдает, кто смотрит на них, кто не смотрит, пополняется надменностью, обнаруживает беспокойство и волнуется множеством других чувств; напротив, отягощенный узами не надмевается, душа его покойна, свободна от всякой заботливости, весела и смотрит на небо, как окрыленная. Если бы кто отдал мне на волю видеть Павла сходящим с неба и изрекающим слово, или выходящим из темницы, то я предпочел бы исхождение его из темницы, потому что, когда он был в темнице, – с неба к нему нисходили. Узы Павла – это союз проповеди; его кандалы – это основание. Пожелаем и мы этих уз.

5. Но как это возможно, скажешь? Если сокрушим и переломим (те украшения). От этих уз нет никакой пользы, а скорее – вред. Они сделают нас узниками там; а узы Павловы разрешат нас там от уз. Душа, связанная этими узами здесь, будет связана по рукам и ногам нетленными узами там; а связанная узами Павла будет иметь их на себе тогда, как украшение. Разреш же и себя от уз, и бедного от голода. Что ты вяжешь цепи грехов? Как, скажешь? Так, что ты накопляешь золото, а другой погибает; ты для приобретения суетной славы бережешь массу золота, а другому и есть нечего. Этим разве не грехи вяжешь ты? Облекайся во Христа, а не в золото. где мамона, там нет Христа, а где

Христос, там нет мамоны. Ужели ты не хочешь облечься в Царя всяческих? Если бы кто дал тебе порфиру и диадему, – не принял ли бы ты этого вместо всякого золота? Я даю тебе не царское украшение, а предлагаю облечься в самого Царя. Но как облечься во Христа, скажешь? Послушай, что говорит Павел: **"Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись"** (Гал. 3:27); Послушай и увещания апостольского: **"Попечения о плоти"**, – говорит, – **"не превращайте в похоти"** (Рим. 13:14). Итак, облачается во Христа тот, кто не угождает плоти до похотения. Если облечешься во Христа, то и демоны будут бояться тебя; а если в золото, то и люди станут смеяться над тобою; если облечешься во Христа, то и люди будут уважать тебя.

Хочешь ли казаться прекрасной и благопристойной? Довольствуйся тем образом, какой дал тебе Творец. Что привешиваешь золото, как бы поправляя образ Божий? Хочешь ли казаться благопристойной? Облекись в милосердие, облекись в человеколюбие, облекись в целомудрие, в смирение. Все это дороже золота; все это и красивую делает еще благопристойнее, и некрасивую благообразной. Кто взглянет на лицо, выражающее доброту, тот произнесет свое мнение от любви, а злое (лицо), хотя бы оно было и красиво, никто не может назвать прекрасным: возмущенное сердце правильного мнения не произносит. Украшена была та египтянка, украшен был и Иосиф; но кто красивее? Но говорю о том времени, когда первая была в царском дворце, а последний – в темнице. Этот был наг, но облакался одеждой целомудрия; а та была одет, но оказалась постыднее обнаженной, потому что не имела целомудрия. Когда ты, женщина, слишком украшаешься, тогда бываешь постыднее обнаженной, потому что снимаешь с себя благоприличие. Была нага и Ева; но она стала постыднее, когда оделась, потому что, будучи нагой, украшалась славой Божьей, а облекшись в одежду греха, сделалась постыдной. Так и ты, надев на себя принадлежности щегольства, являешься более постыдной, потому что роскошная одежда не в состоянии обнаружить благообразие; напротив, одетая в нее может быть срамнее обнаженной. Спрашиваю: если бы ты надела когда-нибудь принадлежности флейтщицы или танцовщицы, – не стыдно ли было бы тебе? Хотя эти одежды и золотые, но оттого-то тебе и стыдно, что золотые, так как сценическая роскошь приличествует трагикам, комикам, мимикам, танцовщикам и гладиаторам; а жене верной дана от Бога иная одежда, – сам едиnorodный Сын Божий. **"Все вы"**, – говорит, – **"во Христа крестившиеся, во Христа облеклись"**. Скажи мне: если бы кто дал тебе царскую одежду, а ты взяла бы и сверх ее надела рубище илота, – не понесла ли бы за это, кроме срама, и наказание? Ты облеклась во Владыку неба и ангелов, и еще вращаешься около земли? Это сказано мною с целью – показать, что щегольство и само по себе великое зло, хотя бы из него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно. Но оно располагает к тщеславию и надменности, а потом из прикрас рождается и многое другое, – явные подозрения, неблагоприятные издержки, порицания, поводы к лихоимству. Для чего ты украшаешься, скажи мне? Чтобы нравиться мужу Так делай это дома. А здесь выходить противное. Если хочешь нравиться своему мужу, – другим не нравься; а когда нравишься другим, – не можешь нравиться своему. Итак, выходя на площадь, или вступая в церковь, ты должна была отложить всякое украшение. При том, не тем нравься мужу, чем нравятся и блудницы, но особенно тем, чем нравятся жены честные. Чем, скажи мне, отличается жена от блудницы? Тем, что эта смотрит только на одно, – как бы красотой тела привлечь любимого; а та и управляет домом, и обращается с детьми, и (заведывает) всем другим. Имеешь ты дочурку: смотри, как бы не позаимствовала она от тебя чего вредного: дети любят подделываться под нравы воспитателей и подражать нравам матерей. Будь для твоей дочери примером целомудрия; украшайся этим украшением, а тем, смотри, пренебрегай. Это ведь и есть действительное украшение, а то – безобразие. Довольно сказанного. Бог, создавший красоту и давший нам украшение души, да украсит нас и

облечет Своей славой, чтобы все мы Сияли добрыми делами и, живя во славу Его, воссылали славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСЕДА 11

"Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому" (Кол. 4:5,6).

1. То, что Христос говорил ученикам, внушает теперь и Павел. Что же говорил Христос? **"Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби"** (Мф. 10:16), т. е. бывайте осторожны, не подавая им никакого повода уловить вас. Ведь для того и прибавлено: **"Со внешними"**, чтобы мы знали, что по отношению к своим членам нам не столько нужно осторожности, как по отношению к чужим. Где братья, там бывает больше и снисходительности и любви. Но и здесь нужна осторожность, а тем более между чужими, потому что жить между неприятелями и врагами не то, что между друзьями. Так как (своими словами апостол) устрасил, то посмотри, как он потом снова ободряет. **"Пользуясь"**, – говорит, – **"временем"**, т. е. настоящее время непродолжительно. Это он сказал, не того желая, чтобы они были переменчивы и лицемерны, – такие качества свойственны не мудрости, а безумно, – но что? Вы не давайте, говорит он, улавливать себя в таких делах, которые не наносят вреда. Это он говорит и в послании к римлянам: **"Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь"** (Рим. 13:7). Пусть, говорит, только из-за проповеди будет у тебя борьба с ними; ни от какой другой причины она не должна происходить, – потому что если у нас будет с ними вражда и из-за чего-нибудь еще другого, например, если не станем платить податей, если не будем воздавать приличных почестей, если не будем смиренны, то и нам не будет награды, и они сами (враги наши) сделаются хуже, и их обвинения против нас будут казаться справедливыми. Не видишь ли ты, как был уступчив Павел, когда что нисколько не вредило проповеди? Послушай его слов, сказанных Агриппе: **"Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно"** (Деян. 26:2,3). А если бы он считал необходимым говорит начальнику оскорбительный слова, то испортил бы все дело. Послушай также, с какой умеренностью отвечают иудеям те, которые были с блаженным Петром: **"Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам"** (Деян. 5:29). Хотя люди, решившиеся положить свою душу, могли бы и говорит дерзости и делать все, что угодно, но ведь они решились жертвовать жизнью не по тщеславию (это именно было бы тщеславием!), а для того, чтобы проповедовать и чтобы о всем говорит смело, тщеславие же показывает недостаток скромности. **"Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью"**, т. е. ваша любезность пусть не доходит до того, чтобы она употреблялась без разбора: можно говорит любезно, но нужно делать это с должным приличием. **"Дабы вы знали, как отвечать каждому"**. Итак, не со всеми должно говорит одинаковым образом, т. е., с эллинами и с братьями; нет, – это было бы большим безрассудством. **"О мне все скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный слугитель и сотрудник в Господе"** (ст. 7). О, какво благоразумие Павлово! Он помещает в своих посланиях не все, а что необходимо, в чем настоящая нужда. Это потому, во-первых, что не хотел слишком распространять (послания); во-вторых, с целью предоставить больше чести лицу, отходившему (с посланием), чтобы ему было что рассказать; в-третьих, показывая, как сам он к нему расположен, потому что в противном случае не поручил бы ему этого. Наконец, было что-нибудь и такое, чего нельзя было объявлять письменно. **"Возлюбленный брат"**, – говорит он. Если возлюбленный, то он знал все, и (Павел) ничего не скрывал от него. **"И верный слугитель и сотрудник в**

Госпode". Если он верен, то ни в чем не солжет; если сотрудник, то участвовал в искушениях. Таким образом, (апостол) изобразил все то, что делало его достойным доверия. **"Которого я для того послал к вам"** (ст. 8). Здесь (апостол) показывает сильную любовь, так как по этому побуждению он и послал его и это было причиной его отправления в путь. То же говорил он, когда писал и к фессалоникийцам: **"И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни, и послали Тимофея, брата нашего"** (1 Сол. 3:1,2). Того ж самого и по той же причине он посылает и к ефесянам (Еф. 6:22). **"Чтобы он узнал"**, – говорит он, – **"о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши"** (ст. 8). Смотри, что он говорит: не говорит: чтобы узнать вам о моих делах, но – чтобы мне узнать о ваших; и вообще он нигде не выставляет на вид то, что касается собственно его. Он указывает также и на то, что они находятся в искушениях, говоря: **"С Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем"** (ст. 9). Это тот Онисим, о котором он говорил в послании к Филимону: **"Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать"** (Флм. 13–14). Он присовокупляет нечто и в похвалу городу, чтобы они не только не стыдились, но и ставили себе это в честь: **"Который от вас"**, – говорит он. **"Они расскажут вам о всем здешнем. Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною"** (ст. 9, 10).

2. Нет ничего выше такой похвалы. Это тот человек, который был вместе с ним уведен из Иерусалима. (Апостол) сказал более, чем пророки: те называли себя странниками и пришельцами, а он (называет себя) даже пленником, потому что его, как пленника, водили и волочили, и всякий мог наносить ему оскорбления. А лучше сказать – ему было даже хуже (чем пленникам), потому что, когда враги захватят, то прилагают затем большое попечение, заботясь как о своей собственности; а его, как врага и неприятеля, все гнали и преследовали – побоями, мучениями, оскорблениями, клеветами. А для них (его учеников) это служило утешением; когда и учитель находится в подобных же обстоятельствах, то для учеников получается более утешения. **"И Марк, племянник Варнавы"** (ст. 10). Он хвалит и этого (Марка) за его родство, так как Варнава был великий муж. **"О котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его"** (ст. 10). Что же? Ужели без этого они и не приняли бы его? Конечно (приняли бы); но (апостол) выражает желание, чтобы они сделали это с большим усердием, и тем показывает, что этот человек был великий муж. Но откуда они приняли заповеди, он не говорит. **"Также Иисус, прозываемый Иустом"** (ст. 11). Может быть, это был коринфянин. Высказавши прилично каждому в отдельности одобрение, (апостол) наконец воздает общую всем хвалу: **"Оба из обрезанных. Они – единственные сотрудники для Царствия Божья, бывшие мне отрадою"** (ст. 11). Смотри, как он выставляет это на вид и ободряет их, чтобы, сказавши – **"заключенный вместе со мною"**, не ослабить духа в слушателях: **"Сотрудники для Царствия Божья"**, – говорит он; таким образом участвующие (с ним) в искушениях участвуют и в царстве (Божьем). **"Бывшие мне отрадою"**. Отсюда видно, что это были великие люди, как скоро они служили утешением для Павла. Но обратим внимание на благоразумие Павла. **"Со внешними"**, – говорит он, – **"обходитесь благоразумно, пользуясь временем"**, т. е. время это – не ваше, а их; поэтому вы не ищите владычества, а искупайте время. И он не сказал просто: покупайте, но – искупайте время, давая понять, что таким поведением вы иначе приобретаете его себе. Ведь крайне безрассудно выдумывать различные предлоги к ссорам и вражде. Кроме того, что вы без нужды и без пользы подвергаете себя опасностям, от этого происходит и другой вред, – что эллины не присоединяются к нам. Когда ты находишься между братьями, то справедливо не имеешь опасений; но между чужими не так должно быть. Видишь, как он повсюду эллинов называет чужими. Поэтому и в послании к Тимофею он говорил: **"Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних"** (1 Тим. 3:7); и опять: **"Со внешними"**, – говорит, – **"обходитесь**

благоразумно". Они – внешние потому, что, хотя живут в одном и том же с нами мире, но находятся вне царствия и отеческого дома. Называя их внешними, (апостол) через это выражает вместе и ободрение для своих, как высказал он это выше: **"Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге"** (Кол. 3:3). Тогда, говорит, вы ищите славы, почестей, и всего другого, а теперь не ищите, но все им предоставляйте. Затем, чтобы ты не подумал, будто он говорит о деньгах, он прибавляет: **"Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому"**. Пусть, говорит, в нем не будет притворства, потому что это не будет благодать и не будет растворено солью. Например: если тебе приходится оказать кому-нибудь услугу, и это будет безопасно (для спасения), то не отказывайся; если обстоятельства требуют вежливого разговора, то не считай этого дела за льстивость. Делай все, относящееся к чести, без вреда для благочестия. Не видишь ли ты, как служил нечестивому человеку Даниил? Не видишь ли, с каким благоразумием обращались с царем три отрока, показывая мужество и дерзновение, но ничего дерзкого и оскорбительного? Последнее происходит не от дерзновения, а от тщеславия. **"Дабы вы знали"**, – говорит, – "как отвечать каждому", потому что иначе (должно отвечать) начальнику и иначе подчиненному, иначе богатому и иначе бедному. Почему так? Потому что у людей богатых и у начальников души бывают слабее, вспыльчивее и раздражительнее, так что здесь требуется сдержанность; а у людей бедных и находящихся под властью душа крепче и сосредоточеннее, так что здесь можно допустить и более свободы (в речи), имея в виду одну цель – назидание. Нужно уважать одного более, другого мене – не потому, что один богат, а другой беден, но по причине немощи с первым должно обращаться терпеливо, а с последним не так. Например: когда ты не имеешь повода, то не называй эллина нечестивым и не Делайся обидчиком; но если тебя спросят об учеши веры, то отвечай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашивает и не заставляет говорить, то не следует без причины поднимать вражду. Да и какая необходимость напрасно вооружать против себя? Опять: если ты наставляешь кого-нибудь вере, то говори, что относится к предмету, потом молчи. Если слово твое будет растворено солью, то хотя бы оно попало и в раздражительную душу, произведет в ней нежную привязанность, и хотя бы в жестокую, умягчит ее суровость. Будь обходителен и не будь груб, но опять – и не слишком слаб, а имей твердость, соединенную с приятностью. Если будешь без меры строг, то сделаешь более вреда, чем пользы; если будешь чрезмерно любезен, то доставишь более печали, чем радости. Так должна быть мера во всем. Не будь суровым и угрюмым, потому что это неприятно; не будь и излишне веселым, потому что через это можно подпасть пренебрежешь и презрению; но усваивая то, что составляет совершенство в том и другом, избегай недостатков, подобно пчел заимствуя от одного веселость, а от другого – важность. Если врач неодинаково обходится с телом каждого, то тем более учитель. Но тело еще легче выдержит негодное для него лекарство, чем душа – слово. Например: приходит эллин и становится тебе другом. Ты не говори ему об этом ничего, доколь он не сделается твоим другом окончательно; а когда сделается, то (веди речь) постепенно.

3. Посмотри, с какой речью обратился к ним (т. е. к эллинам) сам Павел, когда прибыл в Афины. Он не говорил им: о, беззаконники и нечестивцы! Но что (сказал)? **"Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны"** (Деян. 17:22). Но опять он не отказался и упрекнуть, когда это было нужно, и с большим жаром говорил Елиму: **"О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды"** (Деян. 13:10). Ведь как порицать (афинян) было безрассудно, так точно оставить без упрека (Елима) было бы малодушием. Опять, – являешься ли ты к начальнику по какому-нибудь делу? Окажи ему приличную почесть. **"О мне все скажет вам"**, – говорит он. Для чего, спросишь, они не пришли вместе? А что значит: **"О мне все скажет вам"**? Это значит: (скажут) об узах и о всем другом, что меня удерживает. Итак, при моем желании видеть вас, я, отправляя других, и сам не замедлил бы (к вам), если бы важная

необходимость но удерживала меня. И это разве не должно было утешить их? И очень должно было утешить известие о том, что он подвергся искушениям и мужественно перенес их, должно было успокоить их и ободрить их души.

"С Онисимом", – говорит, – **"верным и возлюбленным братом нашим"**. Раба Павел называет братом, – и справедливо, потому что и себя он называет рабом верных. Отложим же все гордость и подавим в себе высокомерие. Павел, который стоит вселенной и тысячи небес, называет себя рабом, и ты ли много о себе думаешь? Тот, кто всем распоряжался и действовал, как хотел, кто имеет преимущества в царстве небесном, кто был увенчан, кто взошел на третье небо, называет рабов братьями и сорабами. где безумная гордость? Где высокомерие? Вот сколько достоин был доверия Онисим, что ему и это было поверено. **"И Марк"**, – говорит, – **"племянник Варнавы [о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его]"**. Может быть, они от Варнавы приняли заповеди. **"Оба из обрезанных"**. Он укрощает гордость иудеев, а их ободряет тем, что **"оба из обрезанных"** немного, а большая часть (верных) – из язычников. **"Бывшие мне отрадой"**, – говорит. Он показывает, что находится в великих искушениях. Итак, это не малое дело, когда мы утешаем святых и присутствием, и: словом, и постоянной заботливостью об них, когда вместе с ними переносим несчастья (с узниками, говорит он, как бы узники); если мы принимаем на себя их страдания, то будем участниками их и в венцах. Ты не приведен на поприще? Ты не вышел на борьбу? Другой сражается; но если захочешь, будешь участником и ты: ободряй его в борьбе, будь ему друг и сотрудник, провозглашай о его подвигах, возбуждай его силы, укрепляй дух. Так следует поступать в отношении ко всем другим: ведь сам Павел не имел нужды (в таком участии), а говорил об этом (о своих искушениях) с целью их ободрить. Так и ты относись ко всем другим: заграждай уста тем, кто захотел бы злословить (находящегося в искушениях брата), приобретай ему друзей и, если он выйдет – принимай его с особенным усердием: таким образом ты будешь участником и венцов, и сланы. Хотя бы ты ничего больше не сделал, а только стал бы радоваться о том, что делается, – и то уже ты принял участие, и не какое-нибудь, потому что сказал любовь, которая есть главнейшее из всех благ. Если плачущие, представившись разделяющими чужую скорбь, одними своими слезами много утешают и значительно облегчают горесть, то тем более удовольствия должен доставлять другим тот, кто радуется с ними. А как велико несчастье – не видеть к себе сострадания, об этом послушай пророка, который говорит: ждах соскорбящего, и не бе **"Ждал сострадания, но нет его"** (Пс. 68:21). Поэтому и Павел говорит: **"Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими"** (Рим. 12:15). Усиливай радость; если видишь, что брат твой пользуется доброй славой, не говори: "ведь слава принадлежит ему, из-за чего же мне-то радоваться?" Так говорит может не брат, а враг. Если угодно, эта слава – не его, а твоя; от тебя зависит увеличить ее, как скоро ты от этого не сделаешься угрюмым, а будешь радоваться, веселиться и торжествовать. А что это действительно так, видно из следующего. Завистники завидуют не только тем людям, которые пользуются добрым мнением, но и тем, которые радуются их доброй славе; значит они понимают, что и эти последние тоже заслуживают доброго мнения, – как и действительно, их-то особенно и стоит уважать. Один даже краснеет, когда выслушивает большие себе похвалы, а другой получает от этого особенное удовольствие и возвышается в собственных глазах. Разве не знаете, как бывает у борцов: один достаивается венка, другой его не достаивается, а печаль и радость от этого бывает их друзьям и врагам: они скачут и прыгают. Видишь, что значит не иметь зависти: иной трудится, а ты получаешь удовольствие; иному надевают венки, а ты прыгаешь и ликуешь. Скажи мне: победу иной одержал, – зачем же ты торжествуешь? Но и они (завистники) хорошо понимают, что это дело общее. Потому завистники не восстают против того (человека, который одержал победу), а стараются унижить его победу, и ты слышишь от них такие слова: я уничтожил тебя, или: я посрамил тебя, – хотя дело не твое, а похвала тебе. Боли же в отношении к внешним так хорошо бывает не иметь

зависти и близко принимать к сердцу блага другого, то тем более в отношении победы над дьяволом, потому что тогда именно он большей яростью дышит против нас, когда очевидно, что мы больше веселимся. Хотя он и погряз во зле, ясно однако ж видит, что эта радость больше. Хочешь ли заставить его печалиться? Веселись и радуйся. Хочешь ли порадовать его? Будь уныл; своим унынием ты облегчаешь скорбь, которую причинила ему победа твоего брата; вместе с ним становишься противником твоего брата; делаешь зло большее, чем он. Но все ведь равно – будучи врагом, действовать по-вражески, и – будучи приятелем, стоять за врагов; этот (последний) и вот самый ненавистный враг. Если брат твой приобрел себе добрую славу своим ли словом, умением ли держать себя, или своими поступками, ты разделяй с ним его добрую славу, покажи, что он – часть твоя.

4. Но как же? – скажешь ты: ведь не обо мне идет хорошая слава? Не говори никогда так, закрой уста. Если бы ты был подл меня и стал говорит так, я закрыл бы тебе уста рукой, чтобы не услышал враг. Часто мы враждуем друг с другом, но не подаем виду пред врагами; а ты обнаруживаешь это дьяволу. Не говори так, не имей даже и такой мысли; напротив (говори): он часть моя, слава от него переносится и на все тело. Но скажешь: зачем же внешние не имеют таких расположений? Этому виною – ты. Когда они видят, что ты чуждаешься их радости, то и сами чуждаются. Если бы они видели, что ты считаешь (их радость) своей, то не посмели бы (вести себя так). Но впрочем и ты так же славен, (как и брат твой). Ты не приобрел славы красноречием, зато участием в чужой радости ты заслужил ее в большей степени, чем тот. Если любовь есть дело важное и вершина всего, то ты приобрел венец за любовь: он – за искусство красноречия, а ты – за сильную любовь; он выказал силу слова, а ты делом победил зависть, подавил недоброжелательство, и за это по справедливости увенчан более, чем он. Твой подвиг славнее; ты не только подавил зависть, но сделал и нечто другое; он имеет один только венец, а ты – два, и оба они блистательнее, чем (его) один. Каме же это (венцы)? Один, который ты приобрел (в борьбе) против зависти, другой, которым увенчался за любовь. Соразование служить доказательством не только того, что ты чист от зависти, но и того, что в сердце твоём укоренилась любовь. Его часто отягощает и человеческая страсть тщеславия, а ты свободен от всякой страсти, потому что, если бы в тебе было тщеславие, ты не радовался бы счастием другого. Скажи мне: он возвысил Церковь, увеличил собрание (церковное)? Опять похвали его: ты имеешь двойное право на венец, потому что победил зависть и украсился любовью. Да, я прошу и умоляю. Хочешь ли услышать и о третьем венце? Ему рукоплещут люди – на земле, а тебе ангелы – на небе. Ведь не все равно – отличаться красноречием, и побеждать страсти. За первое похвала временная, за последнее – вечная; за первое – от людей, за последнее – от Бога. Тот (кто славится красноречием) увенчивается явно, а ты увенчиваешься втайне, где видит тебя Отец твой. Если б можно было, отрешившись от тела, видеть душу каждого, то я показал бы тебе, что этот последний почтеннее, чем первый, и сияет больше против него. Будем же, возлюбленные, подавлять в себе завистливые побуждения; воспользуемся выгодами, отсюда происходящими; возложим венец сами на себя.

Завистник идет против Бога, а не против того (кому он завидует). Когда он видит, что кто-нибудь пользуется добрым расположением (у людей), е и огорчается этим, и желает разорить Церковь, он идет не против этого человека, а против Бога. Скажи, в самом деле, если бы кто стал украшать царскую дочь, чтобы этим убранством сделать ее почтеннее и доставить ей возможность пользоваться между людьми уважением, а другой кто-нибудь захотел бы обезобразить ее и его лишить возможности украсить ее, то против кого он восстал бы, против него ли, или против нее и отца ее? Так и ты, завистник, идешь против Церкви, восстаешь против Бога; как скоро с доброй славой твоего брата соединена польза самой Церкви, то с уничтожением первой необходимо разрушается и последняя, так что через это, действуя во вред телу Христову, ты совершаешь сатанинское дело. Ты

досадуешь на того, кто не причинил тебе никакого оскорбления, а еще более – на самого Христа. Что Он сделал тебе, что ты не даешь Его телу процвети красотой, не даешь Его невесте явиться в своем убранстве? Но посмотри, какое и наказание. Ты радуешь врагов своих, и даже того, кто приобрел добрую славу и кому ты, по зависти, стараешься причинить огорчение, заставляешь напротив радоваться, потому что своей завистью еще очевиднее доказываешь, что он действительно возбудил хорошее о себе мнение (иначе тебе нечему было бы и завидовать), еще яснее обнаруживаешь, что для тебя это сущее наказание. мне стыдно представлять вам такие доводы; но, так как мы находимся в таком опасном положении, то хотя бы после таких вразумлений избавиться нам от этой пагубной страсти. Ты досадуешь, что он приобрел добрую славу? Зачем же ты еще увеличиваешь славу его своей завистью? Ты желаешь отомстить ему? Зачем же показываешь, что сам ты мучешься? Зачем вызываешь наказание скорее на себя, чем на того, чьей славы ты не терпишь? Наконец, для него будет двойная радость, а для тебя – (двойное) наказание: прежде всего ты своей завистью не только свидетельствуешь о его больших достоинствах, но и доставляешь ему другое удовольствие, потому что караешь сам себя; а потом еще он радуется тому, что тебе причиняет досаду, и радуется именно вследствие твоей зависти. Видишь, какие жестокие удары наносим мы сами себе, и нечувствуем. Но он враг. А почему враг? Какую обиду он нанес? Однако же славе врага мы придаем новый блеск, а самих себя более мучим. Опять, мы находим сами себе наказание в том, когда чувствуем, что ему это известно. Он ведь, может быть, и не радуется; а мы, думая, что он радуется, этим тоже мучемся. Итак, перестань завидовать. Зачем наносить раны себе самому? Возлюбленные! Будем иметь в виду все это, – и двоякий венец для людей независтливых, т. е. похвалу от людей и от Бога, и то зло, какое происходит от зависти, – и тогда мы в состоянии будем умертвить этого зверя, приобрести славу у Бога, и получить то же самое, чего достигают люди, удостоившиеся славы. Быть может, и получим: а если и не получим, то для нашей же пользы не получим; ведь и без того нам можно будет пожить во славу Божью и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе" (Кол. 4:12-13).

1. И в начале послания (апостол) рекомендует этого человека со стороны любви; а о любви свидетельствует и то, что, в похвалу ему, сказал он сначала: **"Который и известил нас"**, – говорит, – **"о вашей любви в духе"** (1:8). О любви также свидетельствует и любовь к нему возбуждает и то еще, что он молится за них. А рекомендует его он с целью споспешествовать его проповеди, – потому что, когда наставник человек почтенный, то это полезно и для учеников, и опять же словами: **"вас"** внушается им то, что они должны гордиться таким человеком, тем, что из них выходить такие люди. **"Всегда"**, – говорит, – **"подвизающийся за вас в молитвах"**. Но просто сказал: который молится, но – **"подвизающийся"**, с трепетом и страхом. **"Свидетельствую о нем"**, – говорит, – **"что он имеет великую ревность и заботу о вас"**. Достоверный свидетель! **"Что он имеет"**, – говорит, – **"великую ревность и заботу о вас"**, т. е. что он вас пламенно любит, что имеет к вам сильную привязанность. **"И о находящихся в Лаодикии"**, – говорит, – **"и Иераполе"**. И этим его рекомендует. Но откуда они могли это знать? Конечно, они могли слышать; но достоверно узнали, когда стали читать это послание: **"Распорядитесь"**, – говорит он, – **"чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви"** (ст. 16). **"Чтобы**

вы пребыли", – говорит, – **"совершенны"**. Здесь он в одно и то же время и обличает их, и слегка убеждает, и подает им совет. Ведь возможно и быть совершенным, и не стоять, когда кто знает все, а между тем еще колеблется. Возможно и не быть совершенным и стоять, когда кто знает только часть, а стоять, хоть и нетвердо. Но он желает и того и другого, **"чтобы вы пребыли"** (ίνα στητέ – да станете), говорит, **"совершенны"**. Посмотри, как он снова напомнил им слово об ангелах, и о жизни. **"И исполнены"**, – говорит, – **"всем, что угодно Богу"**. Недостаточно – исполнять лишь волю (Божью). Вполне узнавший (волю Божью) не допустить, чтобы у него была другая воля; иначе он не вполне узнал ее. **"Свидетельствую"**, – говорит, – **"о нем, что он имеет великую ревность"**. **"Ревность"**, да еще **"великую"**; тут каждое слово имеет вес; так и о себе в послании к коринфянам он говорит: **"Ибо я ревную о вас ревностью Божьей"** (2 Кор. 11:2). **"Приветствует вас Лука, врач возлюбленный"** (ст. 14). Это – евангелист. Он ставит его после (Епафраса), не унижая его этим, а только возвышает Епафраса. Конечно, были ведь и другие, которые носили это же имя. **"И Димас"**. Сказав: **"Приветствует вас Лука, врач"**, прибавил: **"Возлюбленный"**. И это – немаловажная похвала, а напротив слишком большая – быть возлюбленным Павла. **"Приветствуйте братьев в Лаодикии, и Нимфана, и домашнюю церковь его"** (ст. 15). Посмотри, как он их сближает, как привязывает их друг к другу: он не только посылает им с этой целью свой привет, но и ведет с ними переписку. А потом еще он показывает расположение свое (к Нимфану) тем, что обращается к нему особо. Делает же это не без намерения, но чтобы и в других пробудить соревнование: ведь что-нибудь да значит, когда отличают кого от других. Между тем посмотри, – из слов его видно, что это был человек знаменитый, так как дом его служил церковью. **"Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви"** (ст. 16). мне кажется, что здесь было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и этим (лаодикийцам) и для них отсюда проистекала тем большая польза, когда из обличения, направленного против других, они узнавали свои собственные недостатки. **"А то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы"** (ст. 16). Некоторые утверждают, что (здесь разумеется) не послание Павла к ним (лаодикийцам), а их послание к Павлу; и самом деле, он не сказал: написанное к лаодикийцам, а говорит: **"Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе"** (ст. 17). Зачем он не пишет к нему? Вероятно в этом не было нужды, а нужно было только одно легкое напоминание, чтобы он был ревностнее. **"Приветствие моей рукой, Павловой"** (ст. 18). Вот доказательство близости и приязни, – что они, видя его письма, питали к ним какое-то особенное чувство. **"Помните мои узы"** (ст. 18). О, какое утешение! Этого было довольно, чтобы заставить их делать все, что угодно, чтобы вдохнуть в них благородную решимость на все подвиги; и не только это придавало им мужества, но и теснее соединяло их между собою. **"Благодать со всеми вами. Аминь"**.

2. Большая похвала, – даже больше всякой другой похвалы, – что он об Епафрасе выражается таким образом: **"Приветствует вас раб Иисуса Христа"**. Он называет его еще служителем их, подобно тому, как и самого себя называет служителем Церкви, когда говорит: **"Которой сделался я служителем"** (1:25). В это же достоинство он возводит и этого человека: выше он называл его сорабом, здесь – рабом. **"Приветствует вас"**, говорит. Как будто он беседует с матерью и говорит ей: ведь от твоей утробы! Но эта похвала могла породить зависть. Поэтому он рекомендует его не с этой только стороны, а и со стороны того, что относилось уже собственно к ним. И там он устраняет зависть, и здесь. **"Всегда"**, – говорит, – **"подвизающийся за вас"**: не теперь только у нас – чтобы показать себя, и не у вас только – чтобы показать себя вам. Сказав: **"подвизающийся"**; он выразил этим особенное усердие (Епафраса). Затем, чтобы не показалось кому, будто он им льстит, – он присовокупил: **"Что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе"**. Равным образом и слова: **"чтобы вы пребыли**

совершенны" также не заключают в себе несколько лести, а напротив, как нельзя более естественны в устах достопочтенного наставника. **"Исполнены"**, – говорит, – и **"совершенны"**. Первое он дал им (т. е. исполнил их познаниями веры), а последнего (совершенства), по его словам, у них недостает еще. И не сказал: чтобы вы не колебались, но: чтобы стояли. Между тем приветствия, получаемые ими от многих, успокаивали их уверенностью, что о них помнят не только свои люди, из числа их же самих, но и другие. **"Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе"**. Он подчиняет их ему. Они уже не могли более жаловаться на него, зачем он обличает их, когда сами все приняли: ведь это неправильно, если ученики судят о своем учителе. Чтобы заградить им уста, он и пишет это. **"Скажите Архиппу"**, – говорит, – **"смотри"** (βλέπε, смотри). Это слово всегда заключает в себе предостережете, – как напр., говорится: **"Берегитесь псов"** (Фил. 3:2); **"Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас"** (Кол. 2:8); **"Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных"** (1 Кор. 8:9); и вообще всегда так говорят, когда предостерегают. **"Смотри"**, – говорит, – **"чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе"**. Не позволяет ему быть господином, как и о себе сказал: **"Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение"** (1 Кор. 9:17). "чтобы тебе исполнить служение", – постоянно прилагая свое старание. **"Которое ты принял в Господе"**. Вот опять – **"в Господе"** значит то же, что – через Господа. Он, то есть, возложил на тебя эту обязанность, а не мы. И их он подчиняет ему, показывая, что он дан им самим Богом. **"Помните мои узы. Благодать со всеми вами. Аминь"**. Он уничтожил страх. Если учитель и в узах, – за то благодать его разрешает. И это дело благодати, – что она попустила ему сделаться узником. Послушай, как говорит Лука: апостолы возвратились **"радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие"** (Деян. 5:41). И действительно, чтобы принять (за Христа) бесчестие и узы, – этого нужно еще сподобиться. Если тот, у кого есть любимый человек, считает находкой для себя – потерять что-нибудь из-за него, то тем большее (счастье страдать) за Христа.

Не будем же досадовать на оскорбления за Христа, но будем и мы вспоминать узы Павловы, – пусть это (вспоминание) будет служить для нас ободрением. Положим, например, – ты убеждаешь кого-нибудь подавать бедным Христа ради: напomini этим (людям) узы Павловы, скажи им, что вот мы с тобою – люди несчастные, если он предал свое тело узам ради Его (Христа), а ты не хочешь поделиться и пищей. Или ты уже стал велик по своим делам? Вспомни узы Павловы, вспомни, что ты не потерпел еще ничего подобного, – и ты перестанешь превозноситься. тебе захотелось того, что имеет твой ближний? Вспомни узы Павловы, и ты увидишь, какая тут несообразность, – когда он в несчастьи, а ты живешь в свое удовольствие. Но все-таки тебе сильно хочется удовольствий? Так приведи же себе на память темницу Павлову. Ты ученик его, ты – соратник его. Есть ли тут здравый смысл – когда твой соратник в узах, а ты наслаждаешься удовольствиями? Или тебя постигло огорчение, ты считаешь себя покинутым? Послушай слов Павловых, и ты увидишь, что терпеть огорчения еще не значит быть покинутым. тебе желательно носить толковое платье? Вспомни узы Павловы, и все это тебе покажется презреннее самого грязного рубища. Ты хочешь надеть золотые украшения? Приведи на память узы Павловы, и тогда покажется тебе, что все это несколько не лучше старой веревки. Или ты захотела убрать свои волосы и казаться красавицей? Подумай о том, какой жалкий вид имел Павел в темниц, и поверь, – ты воспламенишься (любовью) к той красоте, а эту будешь считать крайним безобразием, и тяжело будешь вздыхать об этих вожделенных узах. Хочешь подкрасить себя притираниями, румянами и еще чем-нибудь в этом род? Подумай об его слезах: три года, день и ночь, он плакал беспрестанно. Вот этим украшением лучше укрась свои щеки; эти слезы придадут им блестящую красоту. Я не требую, чтобы ты плакала о других, –

хотелось бы правда и этого, но это превышает твои силы, – по крайней мере прошу тебя плакать о своих грехах. Ты приказала связать своего слугу, ты разгневалась, разгорячилась? Вспомни об узах Павловых, и у тебя в ту же минуту пройдет гнев. Припомни только, что мы сами принадлежим к числу связанных, а не тех, которые вяжут, – к числу сокрушенных сердцем, а не тех, которые приводят в сокрушение. Ты слишком развеселилась, расхохоталась? Приведи себе на мысль его рыдания и вздохни; эти слезы сделают тебя несравненно прекраснее. Увидала пирующих и пляшущих? Вспомни его слезы: какой источник выпустил из себя столько потоков, сколько эти глаза – слез? Помните, говорит он (Деян. 20:31), мои слезы, подобно тому, как здесь – узы. И справедливо он сказал им это, когда призвал их из Эфеса в Милет. Он говорил с наставниками: от тех требовал он того, чтобы они собирали (верующих), а от этих только, чтобы переносили опасности.

3. Какой источник ты хотел бы сравнить с этими слезами? Тот, который был в раю и орошал всю землю? Но между тем и другим нет никакого сравнения, потому что этот источник слез напаял души, а не землю. Если бы кто показал нам Павла плачущего и вздыхающего, то не правда ли, что гораздо приятнее было бы смотреть на него, чем на бесчисленный сонм (людей), украшенных блестящими венцами? Не говорю уже о вас; но ели бы даже кто привел из театра, прямо со сцены какого-нибудь самого необузданного человека, воспламененного до безумия плотской любовью, и показал ему непорочную девицу в самом цвете лет, которая превосходит своих сверстниц и красотой лица, и стройностью прочих частей, и другими достоинствами, которая имеет взор нежный и томный, слегка углубленный, слегка рассеянный, взор влажный, кроткий, ясный, улыбающийся, полный робкой стыдливости и вместе великой прелести, взор, увенчанный сверху и снизу темными ресницами, – показал бы девицу что называется с душой, у которой ясное чело, а ланита под челом с розовым оттенком, которая стройна, точно вытесанная из мрамора, – а потом показал бы мне Павла в слезах, – я оставил бы ее и бросился бы смотреть на него, так как в его глазах сияла бы духовная красота. Та красота приводит души молодых людей в восторг, воспаляет их, сжигает, а эта напротив укрощает; кто смотрит в глаза этого человека, тот делает глаз своей души прекраснее, укрощает чрево, исполняется любомудрия, становится человеком в высшей степени сострадательным, и может смягчить даже алмазное сердце. Этими слезами орошается Церковь, ими возвращаются души. Будь огонь, даже чувственный и плотской, эти слезы могут погасить его, эти слезы погашают разоженные стрелы лукавого. Так будем же вспоминать об его слезах, и тогда все в настоящей жизни покажется нам смешным. Эти слезы ублажал Христос, когда говорил: блаженны плачущие, блаженны рыдающие, потому что они будут смятыся. Эти слезы проливал Исайя, проливал и Иеремия; один говорил: **"Оставьте меня, я буду плакать горько"** (Ис. 22:4), а другой взывал: **"О, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез"** (Иер. 9:1)? – как будто естественного (источника) было мало. нет ничего слаще этих слез; он приятнее всякого смеха. Пусть же будет известно тем, которые проливают слезы, как много утешения в них заключается. Мы не должны считать их чем-нибудь для себя неприятным, а напротив крайне желательным. Будем же вспоминать эти слезы, эти узы, не для того, чтобы другие грешили, а для того, чтобы нам, чувствовать сокрушение при вид их грехов. Может быть, эти слезы текли отчасти и вследствие уз: чувствовать удовольствие от уз ему не позволяла смерть тех погибших (людей), которые наложили на него эти узы. И о них он соболезновал: ведь это был ученик Того, Кто оплакивал иудейских священников не потому, что они имели Его распять, но потому, что они сами погибали. А этот (Учитель) не сам только поступает таким образом, но убеждает к тому и других словами: **"Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне"** (Лк. 23:28). Эти глаза видели рай, видели третье небо; но я называю их блаженными не столько потому, что они это видели, сколько – за эти слезы, за которые они узрели Христа, а это – действительно блаженство! Он и сам

ставить это для себя за большую честь, когда говорит: **"Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?"** (1 Кор. 9:1). Но еще большее блаженство заключается в этом плаче. Того видения удостаивались многие, да и тех, которые не сподобились его, Христос все же называет блаженными, когда говорит: **"Блаженны невидевшие и уверовавшие"** (Иоан. 20:29); а это (плакать ради Христа) доставалось не многим. Если оставаться ради Христа здесь нужнее для спасения других, чем разрешиться, чтобы потом быть с Ним, то естественно, что и видеть Его – дело не такой важности, как соболезновать о других. Если даже быть в геенне ради Него – большее благо, чем быть с Ним, и отделиться от Него ради Него – гораздо привлекательнее, чем быть постоянно с Ним, – это самое и разумел (Павел), когда говорил: **"Я желал бы сам быть отлученным от Христа"** (Рим. 9:3), – то тем более (желал он) проливать ради Него слезы. **"Непрестанно"**, – говорит он, – **"со слезами учил каждого из вас"** (Деян. 20:31). Почему? Не потому, что боялся опасностей, но – подобно тому, кто сидит при больном и, не зная исхода болезни, плачет вследствие сильной привязанности к нему, из опасения, чтобы он не умер – и он, когда видел больного (духовно) и не имел возможности вразумить его, начинал плакать. Так и Христос поступал для того, чтобы по крайней мере постыдились Его слезь. Например, если кто согрешал, Он сначала вразумлял его; но если вразумляемый плевал на Него и отходил прочь, – тогда, Он плакал, чтобы хоть этим способом привлечь его к Себе.

4. Будем вспоминать эти слезы. Будем воспитывать таким образом своих дочерей и своих сыновей, – проливая слезы, когда видим их дурное поведение. Которые хотят, чтобы их любили, пусть вспоминают слезы Павловы, – и сокрушаются сердцем. Если вы считаетесь счастливыми, если живете в чертогах, если пользуетесь удовольствиями, – вспоминайте эти слезы. Если вы испытываете горе, – прогоняйте слезы слезами; он плакал не об умерших, а об живых, которые шли на погибель. Укажу вам еще и на другие слезы. И Тимофей проливал слезы, потому что он был ученик его (Павла). Потому (Павел) и писал ему: **"вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости"** (2 Тим. 1:4). Многие плачут навзрыд и от радости; следовательно слоям бывают и следствием радости, и при том самой сильной радости. После этого, конечно, не бывают тяжелы и слезы, если они происходят от такой радости; но и эти слезы, происходящие от мирской радости, далеко не так сладостны, как те. Послушай, что говорит пророк: **"Услышал Господь голос плача моего"** (Пс. 6:9). И могут ли быть такие случаи, чтобы слезы не были полезны – во время молитвы и при увещаниях? Мы порицаем их; но это потому, что он у нас идут не на то, для чего даны. Когда мы уговариваем брата, живущего в грехе, – следует плакать, если только мы соболезнуем и вздыхаем об нем. Когда кого убеждаем, а тот не слушает и идет на погибель, – нужно плакать. Это слезы разумные. Но если кто делается беден, или заболит телесно, или умрет, – плакать не следует, потому что это не стоит слез. Так, подобно тому, как порицаем мы смех, если он бывает не ко времени, мы порицаем и слезы, когда они являются не ко времени. Тогда только ведь и открывается истинное достоинство каждого, когда он стремится к соответствующим действиям; а когда – не к соответствующим, то совсем напротив. Напр., вино дано для увеселения, а не для пьянства; хлеб для питания; супружеская жизнь для деторождения. И как это подвергается порицанию вследствие злоупотреблений, так бывает и со слезами. Будь такой закон, чтобы слезы проливались только на молитве и при увещаниях, – посмотри, как привлекательна сделалась бы тогда эта вещь? Ничто так хорошо не может заглядеть грехи, как слезы; и даже самый телесный облик представляется от слез привлекательным; он располагают зрителя к милосердию и придают человеку вид, внушающий нам уважение. Ничто так сильно не располагает, как глаза, проливающие слезы. Это у нас благороднейший и прекраснейший член, это (орган) души. Нас трогают они до такой степени, что как будто мы видим самую душу в слезах. Все это говорится вам не без цели, но для того, чтобы вы не присутствовали при свадебных увеселениях, плясках и сатанинских сборищах. Ведь посмотри, что выдумал дьявол! Так как от сцены и от тех

гнушенных, какие там бывают, женщины удалены самой природой, он проник с театральными (мерзостями) в жилище женщины, – я говорю об изнеженных и развратных женщинах. Эту язву принес с собою закон супружества, или лучше не супружества, – да не будет! – а нашей беспечности. Что делаешь ты, человек? Ты сам не знаешь, что делаешь. Жена предназначается для целомудренной жизни и для чадородия: для чего же тут развратные женщины? Для того, говоришь ты, чтобы веселее было. Разве же это не безумие? Ты оскорбляешь невесту, оскорбляешь приглашенных. Если в этих (вещах) они находят для себя удовольствие, то – это оскорбление. если это придает несколько блеску, когда смотрят из бесчинства развратниц, так зачем уж ты не тащишь сюда и невесту, чтобы и она посмотрела? Во всяком случае срам и позор приводить в дом распущенных мужчин и плясунов со всей их сатанинской пышностью. **"Помните"**, – говорит он, – **"мои узы"**. Брак есть узы, и узы, установленные Богом; развратная женщина разрывает и уничтожает эти узы; иным способом можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселье, – например: готовить богатый стол и роскошное платье; я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишком строгим. Правда, Ревекке было довольно одного покрывала; но я не возбраняю. Можно для торжества надеть лучшее платье, могут явиться на это торжество почтенные люди – мужчины и женщины. Но зачем заводишь ты эти забавы, эти причуды? Ну, скажи же, что от них выслушиваешь? тебе стыдно сказать? Если стыдно, так зачем же заставляешь их это делать? Если это хорошо, так почему и сам ты не делаешь того; а если это скверно, – зачем другого заставляешь делать? Все должно быть проникнуто скромностью, благопристойностью и хорошим вкусом. Между тем я вижу теперь совершенно противоположное: скажут, как верблюды или как мулы. Для девицы нужна лишь одна спальня. Ты скажешь, она бедна? Но потому уже самому, что бедна, должно вести себя благоприлично. Пусть вместо богатства у нее будет добрый нрав. Она не имеет приданого? Но зачем же ты отнимаешь у ней и другие достоинства, развращая ее душу? По моему хорошо, что приходят девицы почтить свою сверстницу, – приходят также и женщины почтить ту, которая вступает в их общество. Это хороший обычай. Тут два кружка: один состоит из девиц, другой из женщин; те отдают, эти принимают; невеста между ними – не девица и не женщина. Оттуда она выходит, а в это общество поступает.

Но для чего же тут распутные женщины? Вместо того, чтобы укрываться и спасаться от них, когда случится брак, – потому что распутство есть порча брака, – мы приводим их на брак. Ведь когда что-нибудь другое вы делаете, – вы даже и на словах остерегаетесь того, что вредит делу. Наприм., когда у тебя посев, или когда ты переливаешь вино, только что выжатое, ты даже не скажешь, что значит закваска. А тут, где совершается такое целомудренное дело, (брак), у тебя является закваска, – потому что развратная женщина – настоящая закваска. Когда вы готовите благовонную мазь, вы заботитесь о том, чтобы даже и вблизи не было ничего такого, что издает дурной запах. А брак – благовонная мазь. Как же ты туда, где готовишь благовонную мазь, приносишь смрадную грязь? Что ты говоришь? Девица веселится и ей не до того, чтобы стыдиться своей сверстницы? Да ей-то и нужно быть почтеннее, чем последняя. Но ведь она вышла из рук (родительских), а не из палестры (школы борцов). Лучше уже девице вовсе и не показываться на брачном торжестве.

5. Разве не знаешь ты, как бывает в царском дворце, как допускаются там внутрь и окружают царя только те, кто заслужил эту честь, а кто не заслужил, тот стоит на дворе? И ты будь внутри – около невесты; но будь чистой в дом; не бесславь девства. Здесь присутствуют родные с обеих сторон: одни показывают, какую отдают, а другие – имеют соблюдать ее: зачем же ты наносишь бесчестие девству? Ведь если ты такая, – жених в праве думать так же точно и об невесте. Если ты хочешь быть любимой, то и торговка, и зеленщица, и ремесленница того же (хотят). И это не срам? Конечно срам, если ты ведешь себя беспорядочно, хотя бы ты была царская дочь. Не скажешь ли ты, что мешает

бедность, или ремесло? Но будь девица даже рабой, – все же должна жить в целомудрии: **"Нет раба, ни свободного во Христе Иисусе"** (Гал. 3:28). Ведь брак не зрелище. Это – таинство и образ великой вещи. Если тебе не стыдно перед ним самим, постыдись хоть того, образом чего он служить. **"Тайна сия"**, – говорит (апостол), – **"велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви"** (Еф. 5:31). Это – образ Церкви и Христа а ты приводишь развратных женщин? Но если, скажешь, не будут танцевать ни девицы, ни женщины, так кто ж будет танцевать? Никто. Что за необходимость – танцы? Пляска (уместна) в таинствах эллинов, а в наших тишина и благопристойность, скромность и сдержанность. Великое таинство совершается: вон развратных женщин, вон нечистых! Какое же таинство? Соединяются два человека и делается из них один. И почему в то время, как входить (невеста). не бывает ни пляски, ни кимвалов, а наблюдается глубокая тишина и спокойствие, а когда соединятся они, составляя не бездушный образ, не образ чего-нибудь земного, а самого Бога, ты поднимаешь такой шум, нарушаешь спокойствие присутствующих, срамишь и возмущаешь душу? Приходят те, которые будут единым телом. Вот опять таинство любви! Если двое не будут одно, они, пока останутся двоими, не произведут многих; а когда достигнуть соединены, тогда только и начинают производить. Какое отсюда вытекает заключение? То, что единство имеет большую силу. Творческая премудрость Божья с самого начала разделила одного на два и, желая показать, что и по разделении остается одно, устроила так, что одного недостаточно бывает для рождения. Ведь кто еще не объединился (узами брака), тот не составляет и целого, а половину. Это видно из того, что он не производит детей, по прежнему. Видишь ли тайну брака? Из одного Он сделал двоих, а потом из двоих сделал и до сих пор делает одного, так что и теперь человек рождается от одного, – потому что жена и муж – не два человека, а один человек. И в этом можно убедиться из многих мест, как-то из примера Иакова, Марии, матери Христовой, из слов: **"Мужчину и женщину сотворил их"** (Бт. 1:27). И если он глава, а она тело, так каким же образом их двое? Поэтому-то ей предназначено быть ученицей, а ему учителем; он должен быть начальником, она – подчиненной. И из самого образования тела видно, что они – одно, – потому что (жена) произошла от ребра мужа и оба они составляют как бы две части одного целого. Для того-то Он называет ее и помощницей, чтобы показать, что они одно. Для того-то Он супружеское сожителство поставляет выше отца и матери, чтобы показать, что они одно. И отец одинаково радуется, выходить ли замуж дочь, или женится сын, точно одно тело влечется к другому, как своей части; нужды нет, что тут бывают такие большие издержки, такая трата денег, – все же для него невыносимо видеть их безбрачными. Каждый из них в отдельности неполон, как будто бы у него отнята какая-нибудь часть тела, и не в состоянии ни рожать детей, ни устроить, как следует, настоящую жизнь. Поэтому-то и пророк говорит: **"Пребывал превосходный дух"** (Мал. 2:15). А каким образом они бывают в плоть едину? Все равно, как если бы ты отделил самое чистое золото и смешал его с другим золотом, – и здесь происходит нечто подобное: жена принимает плодотворное вещество в то самое мгновение, как жар наслаждения приводит его как бы в расплавленное состояние, и, приняв, питает и согревает его, приносить к нему, что нужно, и с своей стороны, – и производить человека. И ребенок служить чем-то в роде мостика, так что тут уже трое составляют одну плоть, потому что дитя соединяет об стороны одну с другой. Все равно как два города, разделенные рекой, составляют один город, если есть мост, который поддерживает между ними взаимное сообщение, – и здесь то же, или еще больше, так как этот мостик устроен из существа их обоих. В этом отношении они одно так же, как голова и туловище составляют одно тело: они, правда, отделяются шеей, но не столько отделяются, сколько соединяются; это середина, которая связывает их друг с другом. Это все равно, как если хоровод, разделенный (на две части), составит одно, взяв одну часть свою отсюда, а другую – с другой стороны. Или еще это подобно тому, как если люди, которые стоят, опустив руки, потом их протянут, и все же каждый составляет одно лицо, потому что протянутые руки еще не делают из одного

(человека) двух. Потому-то он и выразился точно, – не сказал: будут одна плоть, а – **"Одним телом"**, то есть, соединятся в плоть младенца. Что же, если младенца не будет, – и тогда они не будут составлять два лица? Конечно. Ведь это (единство) происходит от совокупления, которое соединяет и смешивает тела обоих. Все равно, как если ты в масло вольешь благовонные капли, у тебя изо всего выйдет одно, – так бывает и здесь.

6. Знаю, что многие стыдятся того, о чем я говорю; причиной тому неумеренность и невоздержанность. Это дело унижено оттого, что браки совершаются у нас таким образом, – оттого, что их портят, между тем как **"Брак у всех да будет честен и ложе непорочно"** (Евр. 13:4). Что за стыд – дело честное? Зачем краснеть от того, что чисто? Это свойственно только еретикам, да тем еще, которые приводят распутных женщин. Потому-то мне и хочется очистить (брак), возвести его на ту степень благородства, какая ему приличествует, и этим заградить уста еретикам. Осрамлен дар Божий, корень нашего бытия! А все оттого, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистим же его своим разумом. Потерпите немного, – ведь и тот, у кого есть грязь, терпит ее зловоние. Мне хочется показать вам, что этого не нужно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы делаете. А ты между тем не думаешь стыдиться последнего, а стыдишься первого, и таким образом осуждаешь Бога, который так устроил. Скажу и то еще, что это – таинственное изображение Церкви. Христос пришел к Церкви, из нее произошел, и с нею соединился духовным общением. **"Потому что я обручил"**, – говорит (апостол), – **"вас единому мужу чистой девой"** (2 Кор. 11:2). А что мы от Него происходим, послушай, как об этом он говорит: мы все от удов его и от плоти его (Еф. 5:30). Подумаем же обо всем этом и не станем стыдиться такого таинства. Брак есть образ того, как Христос присутствует (в Церкви), а ты напиваешься? Скажи мне: если бы ты увидел образ царя, стал ли бы ты его стыдиться? Конечно, нет. То, что делается у нас при совершении брака, кажется делом безразличным, и между тем служит виною больших зол. Тут все – нарушение закона. **"Сквернословие"**, – говорит (апостол), – **"и пустословие и смехотворство"** не должны исходить из уст ваших (Еф. 5:4). А все это (что делается на браках) и есть сквернословие, и буесловие, и кощунство, да еще в высшей степени, потому что ото сделалось искусством и большую славу доставляет тем, кто упражняется в нем. Пороки сделались искусством! Мы не как-нибудь (ненамеренно) впадем в них, а с особенным старанием и умением; тут есть и предводитель – дьявол, управляющий своим воинством. Действительно, где пьянство, где бесчинство, где сквернословие, там непременно присутствует дьявол, который присовокупляет нечто и от себя. Скажи же мне: ты пируешь с ними, совершаешь таинство Христово и призываешь дьявола? Вероятно, вы считаете меня человеком тяжелым. Ведь и то бывает от крайнего развращения, что, если кто станет вразумлять (других), он подвергается осмеянию, как человек суровый. Разве не слышите, что говорит Павел: что ни делаете вы, **"едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божью"** (1 Кор. 10:31)? А вы напротив – (делаете все) к бесславию и к посрамлению. Не слышите ли, что говорит пророк: **"Служите Господу со страхом и радуйтесь [перед Ним] с трепетом"** (Пс. 2:11). А вы совершенно забываетесь. Разве нельзя и повеселиться, но без вреда для себя? Ты хочешь послушать приятных песен? Но лучше бы не слушать. Впрочем, если угодно, я уступаю тебе; но слушай не сатанинские, а духовные (песни). Хочешь посмотреть ликующих, – смотри на лик ангелов. Ты скажешь: как возможно их видеть? Если ты удалишь эти (беспорядки), то придет к тебе на такое брачное торжество и сам Христос; а если где присутствуем Христос, там, конечно, является и лик ангелов. Если хочешь, и ныне Он совершит чудо, как тогда (в Кане Галилейской), и ныне претворит воду в вино, а что еще гораздо удивительнее – остановить нескромную веселость, обуздает холодную страсть и обратить ее на предметы духовные: это значит сделать из воды вино. Но где флейтчики, там решительно нет Христа; если же Он и придет, то сначала выгонит их, а потом уже совершит чудо. Что может быть ненавистнее сатанинской роскоши, где все

как-то нескладно, все без толку, а если и есть в чем-нибудь стройность, так за то все гнусно, все отвратительно.

7. Нет ничего приятнее добродетели; нет ничего сластнее благопристойности, нет ничего привлекательнее скромности. Начни кто-нибудь устроить брак так, как я говорю, – он увидит, как это будет приятно. А как устраивать брак, послушайте. Прежде всего ищи для девицы мужа, настоящего мужа и покровителя, – ведь ты хочешь приставить к телу голову, ведь хочешь отдать ему не рабыню, а дочь свою. Не ищи денег, ни знатности по роду, ни высокого происхождения, – все это неважно, – а ищи душевного расположения, кротости, истинного благоразумия и страха Божьего, если хочешь, чтобы твоей дочке приятно было жить с ним. Если ты (мать) будешь искать побогаче, ты не только не принесешь ей никакой пользы, но причинишь еще вред, потому что сделаешь ее из свободной рабой. От золотых украшений она не получит столько удовольствий, сколько огорчений доставить ей ее рабское положение. Нет, ты не этого ищи, а всего лучше ищи ровню; если же нельзя, скорее ищи беднее себя, чем богаче, если только не хочешь отдать свою дочь господину, а хочешь отдать мужу. Когда достоверно разумеешь о нравственных достоинствах человека и решишь отдать, – призови Христа, чтобы Он присутствовал при этом деле. Он не почтет этого для Себя унижительным, если брак таинственно изображает Его присутствие (в Церкви). И тут-то всего больше проси Его, чтобы Он дал тебе именно такого жениха. Не будь хуже Авраамова раба: хотя того отправили в такое дальнее путешествие, он знал однако ж, куда нужно было ему обратиться, и потому-то нашел все. И ты, когда начинаешь хлопотать и искать мужа, молись; скажи Богу: кого Ты хочешь, того и определи мне; поручи Ему это дело, и Он наградит тебя за то, что ты предоставишь Ему такую честь. Двух правил тут надобно держаться: доверить это дело Ему и искать такого, какого желает Он, – скромного и честного. Итак, ты (мать), когда выдаешь замуж (дочь), не ходи по домам и не бери зеркал и платьев; ведь не на показ делается это дело, и не на выставку ты выводешь свою дочку; но украсивши дом тем, что есть, позови соседей, друзей, родных. Зови тех, которые известны тебе, как люди кроткого нрава: проси быть довольными тем, что есть. Музыкантов пусть не будет ни одного, потому что с ними лишние и пустые издержки. Но прежде всех позови Христа. Знаешь ли, как Его позвать? Если кто сотворит, говорит Он, **"Одному из сих меньших, Мне"** сотворит (Мф. 25:45). Не думай, что звать нищих ради Христа – дело неприятное. Неприятно только звать распутных женщин. Если звать бедных, – это ведет к богатству, а то – к распутству. Украшай невесту не этими украшениями из золота, но кротостью, скромностью и обычными платьями, – вместо всякого украшения и плетений пусть украшением для нее будут стыдливость, застенчивость и совершенное равнодушие к украшениям первого рода. Пусть не будет тут ни малейшего шума и никакой тревоги. Пусть позовут жениха, – и он возьмет девицу. Обиды и ужины не должны изобиловать пьянством, а духовным весельем. От такого брака будет весьма много добра и житейские дела будут упрочены. А от нынешних браков (если только можно назвать их браками, а не церемонией) смотри – сколько происходит зла? Через них в столовых – разгром, сейчас же забота и опасение, как бы из вещей, взятых на подержание, что-нибудь не пропало, и веселье сменяется несносной тоской. Это – мучение для родных, но нельзя сказать, чтобы и невеста была от него свободна; что следует после того, все падает на саму невесту. Видеть, как все рушится, – тут есть о чем пожалеть; смотреть на запустевшие дома, – тут есть отчего придти в уныние. Там Христос, здесь сатана; там веселье, а здесь заботы: там удовольствие, здесь печаль; здесь издержки, там их отсутствие; здесь беспорядок, там благоприличие; здесь зависть, там радушие; здесь пьянство, там воздержность, там спасенье, там благоразумие. Подумаем же обо всем этом и поставим предел злу, чтобы нам угодить Богу и удостоиться получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.